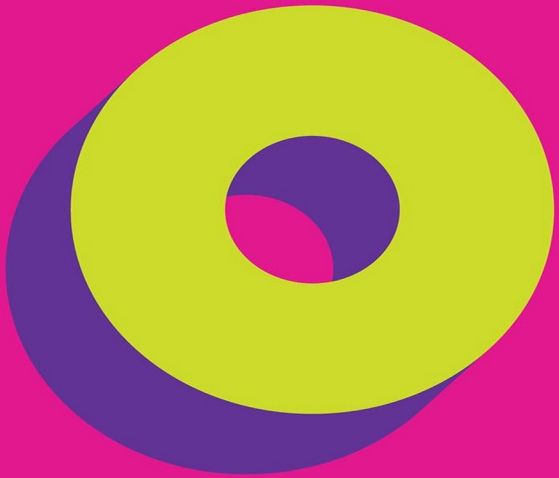
Коллекция рассказов

ФИЛИП К. ДИК

ВСПОМНИТЬ ВСЁ



FANTZON

Вспомнить всё
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип К. Дик. Вспомнить всё
Орфей на глиняных ногах
Эпоха Прелестницы Пат
Резервист
Как же быть с Рэглендом Парком?
Ах, у блобеля житье!
Черный ящичек
  I
  II
  III
  IV
  V
  VI
Война с фнулами
Безвыигрышная лотерея
Самое драгоценное
Защитная реакция
Терранская одиссея
Вам назначено на вчера
Теологический спор
  I

II
III
IV
V
Вспомнить все
Не суди по обложке
Матч-реванш
Вера наших отцов
История, подводящая итог всем рассказам из антологии Харлана Эллисона «Опасные видения»
Электрический муравей
Сказка о бобре по имени Шоколадерри, которому вечно чего-нибудь не хватало
Приятный сюрпризец для нас, темпонавтов
Предличности
Око сивиллы
Как мистер Компьютер в один прекрасный день съехал с катушек
Выход, ведущий в ловушку
Цепи воздушные, сети эфира
Сумбурные мысли о смерти
Надеюсь, полет не затянется
Казус Раутаваары
Чуждый разум
Кое-какие мысли задним числом. Послесловие
Примечания

Орфей на глиняных ногах
Эпоха Прелестницы Пат
Резервист
Как же быть с Рэглендом Парком?
Ах, у блобеля житье!..
Черный ящичек
Война с фнулами
Безвыигрышная лотерея
Самое драгоценное
Защитная реакция
Терранская одиссея
Вам назначено на вчера
Теологический спор
Вспомнить все
Не суди по обложке
Матч-реванш
Вера наших отцов
История, подводящая итог всем рассказам из антологии Харлана Эллисона «Опасные видения»
Электрический муравей
Сказка о бобре по имени Шоколадерри, которому вечно чего-нибудь не хватало
Приятный сюрпризец для нас, темпонавтов
Предличности
Око сивиллы
Как мистер Компьютер в один прекрасный день

съехал с катушек
Выход, ведущий в ловушку
Цепивоздушные, сетиэфира
Надеюсь, полет не затянется
Казус Раутаваары
Чуждый разум

Аннотация

«По сути, каждый рассказ, каждая повесть в этом собрании сочинений – попытка прислушаться, уловить слова, доносящиеся извне, из дальней дали, негромкие, едва различимые, однако исполненные глубочайшего смысла». – Филип К. Дик

Филип К. Дик – классик научной фантастики, автор-новатор, который добавил жанру новое психоделическое измерение. Четвертый том полного собрания рассказов позволит завершить знакомство с произведениями малой формы писателя, которые, по словам самого Дика, были написаны в самые плодотворные годы его творчества.

Все рассказы публикуются в новом выверенном переводе, предпринятом специально для этой публикации.

«Загляните в разум гения… Этот сборник рассказов великолепен, заставляет думать, забавен и, если честно, даже немного пугает…»

«Дик с легкостью и спокойствием написал серьезную фантастику в популярной форме,

и я не знаю, что может быть еще большей похвалой…»

«Ни один другой писатель этого поколения не обладает такой мощной интеллектуальной силой. Она отпечатается не только в ваших воспоминаниях, но и в вашем воображении…»

«Прекрасная дань уважения великому писателю-философу, который считал научную фантастику идеальной формой выражения своих идей…»

– отзывы читателей на Goodreads

С комментариями и послесловием автора.

Филип К. Дик
Вспомнить всё

Philip K. Dick
THE COMPLETE SHORT STORIES VOLUME 4
Copyright © The Estate of Philip K. Dick 1987. Individual stories were copyrighted in their year of publication and copyrights have been renewed by Philip K. Dick and The Estate of Philip K. Dick as applicable. Previously unpublished stories are Copyright © 1987 by The Estate of Philip K. Dick. All rights reserved.

The text of this edition follows that of the five-volume Collected Stories of Philip K. Dick published in the UK by Millennium, an imprint of Victor Gollancz, in 1999–2000, with minor emendations. Please refer to the Notes section of each volume for the publication dates of individual stories.

© Д. Старков, перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2024

Орфей на глиняных ногах

Сидя за рабочим столом в канцелярии бюро «Конкорд», Джесси Слейд, консультант по вопросам призыва на военную службу, вновь устремил взгляд наружу, на улицу за окном, в сторону всех прелестей недоступной ему свободы — травы, цветов, долгих беспрепятственных, беззаботных прогулок по неизведанным местам… и тяжко вздохнул.

— Прошу прощения, сэр, — виновато потупившись, забормотал сидевший в кресле перед его столом клиент, — похоже, надоел я вам до смерти…

— Вовсе нет, что вы, — очнувшись и вспомнив о скучной, монотонной работе, заверил его Слейд. — Так-так, давайте-ка поглядим… Значит, вы, мистер Гроссбайн, полагаете, что, вероятнее всего, сможете избежать призыва на службу благодаря хроническому заболеванию органов слуха, некогда расцененному гражданскими медиками как «острый лабиринтит», — рассудил он, перебрав предоставленные клиентом, мистером Уолтером Гроссбайном, бумаги и еще

раз сверившись с соответствующими справками. — Хм-м-м…

Обязанности Слейда, не приносившие ему никакой радости, состояли в поиске для клиентов бюро путей уклонения от призыва на военную службу. В последнее время война с Тварями складывалась далеко не самым удачным образом, из окрестностей Проксимы то и дело сообщали о серьезных боевых потерях, и свежие сводки с театра военных действий каждый день привлекали в «Конкорд», консультационное бюро по вопросам призыва, все новые и новые толпы клиентов.

— Мистер Гроссбайн, — задумчиво заговорил Слейд, — войдя в кабинет, вы характерно покачнулись, склонились на сторону.

— Неужели? — не на шутку удивился мистер Гроссбайн.

— Именно, именно так, а я, заметив это, сразу подумал: у этого человека серьезно нарушено чувство равновесия. В чем же причина? В органах слуха, мистер Гроссбайн, в органах слуха! С точки зрения эволюции слух есть… что? Продолжение чувства равновесия. Вот, например, в желеобразных телах некоторых из простейших обитателей водоемов содержится песчинка, служащая своего

рода балластом, позволяющая точно определить, куда движется ее обладатель — вверх или вниз, а…

— Да, кажется, понимаю, — оживился тот.

— Тогда сформулируйте жалобы сами, — предложил Джесси Слейд.

— Я… на ходу меня часто клонит вбок.

— А по ночам?..

Мистер Гроссбайн наморщил лоб, но тут же, просияв, объявил:

— А по ночам, в темноте, ничего не видя, я практически не способен ориентироваться в пространстве!

— Прекрасно, — подытожил Джесси Слейд и сделал соответствующую запись в бланке приписного свидетельства по форме В-30. — Думаю, освобождение от призыва у вас в кармане.

— Даже не знаю, как вас отблагодарить! — воскликнул осчастливленный клиент.

«Чего тут не знать, — подумал про себя Слейд. — Благодарности в размере пятидесяти долларов вполне довольно. В конце концов, если бы не мы, ты вполне мог стать бледным безжизненным трупом на дне одного из оврагов какой-нибудь далекой планеты, причем довольно скоро».

При мысли о далеких планетах его вновь охва-

тила невыносимая тоска, стремление сбежать из крохотного кабинета, прочь от возни с симулянтами, бесконечным потоком валящими к нему день за днем.

«На свете должна, должна быть другая жизнь, совсем не такая, как эта, — подумал Слейд. — Непременно должна».

В отдалении, через улицу, за окном кабинета круглые сутки сверкала неоном вывеска, цветастая надпись «Муза Энтерпрайзес», и Джесси Слейд прекрасно знал, что она означает.

«Пойду туда, к ним, — решил он, — прямо сегодня. Даже обеда не стану дожидаться: в десять тридцать перерыв на кофе — как раз успею».

Стоило Слейду накинуть пальто, в кабинет вошел мистер Гнатт, его непосредственный начальник.

— Послушайте, Слейд, что с вами? — заговорил он. — Что за ужасный, затравленный вид?

— Мне… э-э… мне, мистер Гнатт, сбежать куда-нибудь нужно, скрыться от всего этого хоть ненадолго, — объяснил Слейд. — Я избавил от призыва на службу пятнадцать тысяч человек и теперь сам хотел бы немного от них отдохнуть.

Мистер Гнатт сочувственно хлопнул его по плечу.

— Прекрасная мысль: вы и так за работой света, можно сказать, не видите! Возьмите отпуск, слетайте в прошлое, к каким-нибудь давним предкам — подобное приключение вам точно на пользу пойдет.

— Благодарю, мистер Гнатт, — откликнулся Слейд. — Так я и сделаю.

Покинув контору, он со всех ног бросился прочь из здания, к сиявшей неоновыми огнями вывеске «Муза Энтерпрайзес» по ту сторону улицы.

Из конторки ему приветливо улыбнулась светловолосая зеленоглазая девушка с весьма впечатляющими техническим совершенством формами — упругостью, так сказать, навесных элементов.

— Наш мистер Мэнвилл сейчас подойдет, мистер Слейд, — сказала она. — Прошу вас, присядьте. Если интересно, вон там, на столике, имеется подшивка подлинных «Харперс Уикли», девятнадцатого столетия, и несколько выпусков «Мэд», величайшего из сатирических журналов двадцатого века, классики, достойной встать в один ряд с самим Хогартом[1].

---

[1] Примечания: 1

Уильям Хогарт — известный английский художник XVIII века, автор многочисленных сатирических гравюр и живописных полотен. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

Изрядно взволнованный, Джесси Слейд опустился в кресло и принялся за чтение. В первом же номере «Харперс Уикли» обнаружилась статья с объяснениями, почему строительство Панамского канала, уже заброшенного французскими зачинателями, следует полагать задачей, невыполнимой в принципе. Рассуждал автор так убедительно, так логично, что Слейд ненадолго увлекся, но спустя пару минут мысли его вновь затуманила хроническая тоска пополам с нетерпением. Поднявшись на ноги, он направился к конторке.

— Мистер Мэнвилл еще не пришел? — с надеждой спросил он.

— Эй, вы, у конторки! — раздался за спиной новый голос, мужской.

Обернувшись, Слейд обнаружил позади рослого темноволосого человека с цепким взглядом и огнем в глазах.

— Вы не в своем столетии, — объявил незнакомец.

Слейд гулко сглотнул.

— Я — Мэнвилл, сэр, — представился темноволосый, решительно шагнув к Слейду и крепко пожав ему руку. — Вам, — продолжал он, — настоятельно необходимо убраться отсюда. Понимаете,

сэр? Убраться отсюда, и как можно скорее.

— Но я хотел воспользоваться вашими услугами, — неуверенно промямлил Слейд.

Глаза Мэнвилла вспыхнули ярче прежнего.

— Я имею в виду, убраться в прошлое, — пояснил он, подкрепив сказанное красноречивым жестом. — Как вас зовут? Хотя постойте: кажется, припоминаю. Вы — Джесси Слейд из бюро «Конкорд» — вон, напротив.

— Да, верно, — подтвердил изрядно впечатленный Слейд.

— Что ж, ладно. За дело, — объявил мистер Мэнвилл. — Идемте ко мне в кабинет. Мисс Фриб, меня не беспокоить ни по какому поводу! — бросил он великолепно сконструированной девице за конторкой.

— Хорошо, мистер Мэнвилл, — откликнулась та. — Не волнуйтесь, сэр, об этом я позабочусь.

— Не сомневаюсь, мисс Фриб.

С этими словами мистер Мэнвилл увлек Слейда за собой в великолепно обставленный кабинет. Стены украшали древние карты вперемешку с гравюрами, а мебель… Переступив порог, Слейд невольно разинул рот. Старо-американская мебель, ручной работы, деревянные колышки вместо гвоздей, новоанглийский клен… сколько

же все это стоило?!

— А можно ли… — неуверенно начал он.

— Да, в этом кресле эпохи Тринадцати колоний действительно можно сидеть, — подтвердил мистер Мэнвилл. — Только осторожнее: если слишком податься вперед, чего доброго, опрокинется. Все никак не соберемся заказать резиновые колпачки на ножки.

Казалось, необходимость обсуждать подобные пустяки его здорово раздражает.

— Итак, мистер Слейд, — резко, без церемоний продолжил Мэнвилл, — скажу попросту: очевидно, вы — человек недюжинного интеллекта, а значит, мы вполне обойдемся без формальной велеречивости.

— Да, — согласился тот, — так будет лучше всего.

— Мы организуем путешествия во времени определенного, специфического характера, отсюда и наше название, «Муза». Известно вам, что оно значит?

— Э-э, — в легкой растерянности, однако отнюдь не желая сдаваться, промычал Слейд, — муза — это существо, приносящее… э-э…

— Вдохновение, — нетерпеливо закончил за него мистер Мэнвилл. — Слейд, будем говорить

прямо: вы начисто лишены творческой жилки. Отсюда и скука, и недовольство жизнью. Акварелью вы пишете? Музыку сочиняете? Может, скульптуры из корпусов космических кораблей и шезлонгов со свалки куете? Нет. Ничем подобным вы не занимаетесь, жизнь ведете абсолютно пассивную, так?

— В яблочко угодили, мистер Мэнвилл, — кивнув, подтвердил Слейд.

— Никуда я не угодил, — раздраженно отрезал тот. — Вы, Слейд, мысль мою не улавливаете. Творцом вам, за полным отсутствием такового начала, не стать никогда. Вы слишком обычны, серы, и я вовсе не призываю вас немедленно взяться за китайскую живопись или плетение корзин. Я не из психологов-юнгианцев, всерьез полагающих искусство панацеей от всех личных бед. Послушайте, мы можем помочь вам, — откинувшись на спинку кресла и ткнув пальцем в сторону Слейда, объявил он. — Можем, но для этого вы должны захотеть, постараться помочь себе самому. Поскольку сам вы к творчеству не способны, единственная ваша надежда — вот с этим-то мы и поможем — вдохновить человека творческого, одаренного, на что-либо стоящее. Понимаете?

— Да, мистер Мэнвилл, — поразмыслив, ответил Слейд. — Понимаю, и еще как.

— Вот и славно, — кивнув, похвалил его Мэнвилл. — С нашей помощью вы можете вдохновить на великие свершения прославленного композитора вроде Моцарта или Бетховена, или ученого вроде Альберта Эйнштейна, или скульптора вроде сэра Джейкоба Эпстайна — любого из множества гениальных писателей, музыкантов, поэтов! Можете, скажем, встретиться с сэром Эдуардом Гиббоном во время его путешествий по Средиземноморью, завязать с ним непринужденную беседу и сказать что-нибудь наподобие: «Хм-м-м, взгляните на эти руины, останки древней культуры! Просто диву даюсь: как же Римская империя при всей ее мощи пришла в упадок? Как докатилась до полного разрушения и гибели? Как превратилась в развалины?»

— Боже правый, — трепеща, с жаром выдохнул Слейд, — я понимаю, Мэнвилл! Все понимаю! Такие-то разговоры и подтолкнут Гиббона взяться за величайший труд об истории Рима, за «Историю упадка и разрушения Римской империи», а помогу ему… а помогу ему я!

— «Помогу»? — усмехнулся Мэнвилл. — Мягко сказано, Слейд, мягко сказано! Без вас этот труд

попросту не появится на свет. Вы, Слейд, станете для сэра Эдуарда подлинной музой!

Потянувшись за спину, он извлек из комода сигару — «Упманн», года примерно 1915-го — и закурил.

— Наверное, все это нужно обдумать без спешки, — решил Слейд. — Убедиться, что я вдохновлю того, кого следует. Нет, разумеется, они все заслуживают вдохновения, но…

— Но вам хотелось бы подыскать того, кто лучше всех соответствует именно вашим психологическим потребностям, — согласился Мэнвилл, попыхивая ароматным сизым дымком. — Возьмите нашу брошюру, — предложил он, протянув огромный многокрасочный трехмерный буклет-раскладушку, — прочтите дома, в спокойной обстановке, и возвращайтесь, как только соберетесь с мыслями.

— Благослови вас Господь, мистер Мэнвилл, — с чувством поблагодарил его Слейд.

— И главное, не волнуйтесь, — добавил тот. — Мир вовсе не собирается рухнуть прямо на днях… уж нам-то, служащим «Музы», это точно известно.

Поразительно, однако Слейд впрямь ухитрился искренне, без натяжки, улыбнуться ему в ответ!

В «Музу Энтерпрайзес» Джесси Слейд вернулся два дня спустя.

— Мистер Мэнвилл, я знаю, кого хочу вдохновить, — сделав глубокий вдох, сообщил он. — Думал я, думал и понял: пожалуй, для меня лично важнее всего будет отправиться в Вену и подать Людвигу ван Бетховену идею создания той самой Девятой «Хоральной симфонии». Помните, там в последней, четвертой, части баритон выводит так: бум-бум, де-да, де-да, бум-бум, райский дух, слетевший к нам… ну, и так далее. Сам-то я не музыкант, — признался он, покраснев от смущения, — однако всю жизнь восхищался Девятой «Хоральной» Бетховена, особенно…

— Опоздали, — оборвал его Мэнвилл.

— Э-э… в каком смысле? — не понял Слейд.

— Место музы Бетховена уже занято, мистер Слейд.

Раздраженно хмурясь, Мэнвилл уселся за громадный двухтумбовый дубовый стол со сдвижной крышкой, изготовлен году в 1910-м, не позже, извлек из ящика толстенный, окованный сталью гроссбух и зашелестел страницами.

— Вот. Два года назад миссис Руби Уэлч из Монпелье, штат Айдахо, отправившись в Вену, подсказала Бетховену тему хоральной, заключи-

тельной, части Девятой симфонии.

Звучно захлопнув гроссбух, Мэнвилл смерил Слейда вопросительным взглядом.

— Итак, второй вариант?

— Я… мне нужно подумать, — с запинкой пробормотал Слейд. — Подумать еще какое-то время.

— Думайте. До трех пополудни. У вас два часа, — сообщил Мэнвилл, взглянув на циферблат наручных часов. — Всего хорошего, Слейд.

С этими словами он поднялся на ноги, и Слейд тоже машинально поднялся.

Спустя еще час Джесси Слейд, оглядев тесный кабинет, клетушку, отведенную ему в консультационном бюро по вопросам призыва «Конкорд», вдруг — в один миг, точно осененный свыше — понял, кого и на что ему хочется вдохновить. Немедленно накинув пальто, он извинился перед настроенным к нему вполне сочувственно мистером Гнаттом и поспешил через улицу, к дверям «Музы Энтерпрайзес».

— О-о, мистер Слейд! Быстро вы, быстро, — удовлетворенно отметил Мэнвилл, увидев его на пороге. — Идемте в кабинет.

Войдя к себе первым, он аккуратно затворил за обоими дверь.

— Ну что ж, выкладывайте.

Джесси Слейд облизнул пересохшие губы, надолго закашлялся и, наконец, заговорил:

— Мистер Мэнвилл, мне хочется, вернувшись в прошлое, вдохновить… э-э… позвольте, я для начала кое-что объясню. Знакомы вы с шедеврами научной фантастики времен ее золотого века, периода с 1930-го по 1970-й?

— Да, да, — раздраженно хмурясь, поторопил его тот.

— Учась в колледже, получая степень магистра английской литературы, мне, разумеется, довелось прочесть немало научной фантастики двадцатого века. На фоне плеяды великих ярче всех выделялись три автора. Первый из них — Роберт Хайнлайн с его историей будущего. Второй — Айзек Азимов, создатель эпического цикла «Основание». А третий…

Сглотнув, Слейд испустил шумный, прерывистый вздох.

— Третий — конечно же, тот, о ком я писал диплом. Джек Дауленд, всеми признанный величайшим из них троих. Его хроники грядущих столетий начали появляться в печати с 1957-го — рассказы в журналах, романы отдельными книгами. Спустя всего пять лет, к 1963-му, Дау-

ленда уже считали…

— Хм-м-м, — протянул мистер Мэнвилл, листая извлеченный из ящика черный гроссбух. — Научная фантастика двадцатого столетия… на ваше счастье, весьма, весьма нестандартное увлечение. Давайте проверим…

— Надеюсь, с этим-то я не опоздал, — негромко заметил Слейд.

— Так, вот первый клиент, — забормотал себе под нос Мэнвилл, — Лео Паркс из Вакавилля, штат Калифорния. Отправился в прошлое и вдохновил А. Э. ван Вогта, не помышляя о любовных романах и вестернах, обратиться к научной фантастике. А в прошлом году, — добавил он, перевернув еще несколько страниц, — клиентка «Музы», мисс Джулия Оксенблатт из Канзас-Сити, Канзас, просила о позволении вдохновить идеей истории будущего Роберта Хайнлайна… к кому вы, мистер Слейд, собирались, не к Хайнлайну ли?

— Нет, — поправил его Слейд, — к Джеку Даулленду, величайшему из трех великих. Хайнлайн, конечно, величина не из малых, но я, мистер Мэнвилл, изучил вопрос самым тщательным образом и точно могу сказать: Даулленд превзошел его.

— Ну что ж, с Даулендом вас пока никто не опередил.

Захлопнув черный гроссбух, Мэнвилл вынул из ящика стола бланк договора.

— Вот, мистер Слейд. Заполняйте, и возьмемся за дело, — сказал он. — Известно вам, где и когда Джек Дауленд начал работу над своими… хрониками грядущих столетий?

— Разумеется, — подтвердил Слейд. — Случилось это в крохотном городке возле тогдашней сороковой автострады, в штате Невада. Назывался городок Перплблоссомом, а состоял из трех бензоколонок, кафетерия, бара да сельской лавки, торгующей всем сразу. Дауленд поселился там исключительно ради атмосферы. Собирался писать истории о Диком Западе в форме сценариев для телевидения и рассчитывал неплохо на них заработать.

— Вижу, в предмете вы разбираетесь досконально, — с уважением заметил Мэнвилл.

— И действительно, — продолжил Слейд, — живя в Перплблоссоме, Дауленд написал целый ряд сценариев для телевизионных вестернов, но удовлетворения они ему почему-то не принесли. Так или иначе он остался там, принялся пробовать силы в других жанрах вроде детских книг и статеек о добрачном сексе среди подростков для глянцевых журналов тех времен… А затем,

в 1956-м, вдруг, ни с того ни с сего, принялся за научную фантастику и сразу же написал повесть, которую по сей день считают величайшей в своем жанре. Так, мистер Мэнвилл, полагали все его современники, и я, прочитав эту повесть, согласился с ними безоговорочно. Называлась она «Отец на высокой стене» и до сих пор время от времени появляется то в той, то в другой антологии: подобные вещи, знаете ли, не умирают. Даже журнал, в котором она когда-то появилась на свет, «Фэнтези энд Сайенс Фикшн», опубликовавший первый феноменальный шедевр Дауленда в августовском номере за 1957 год, останется в памяти человечества навсегда!

— Понимаю, — кивнул мистер Мэнвилл. — Значит, на этот шедевр, магнум опус, вам и хотелось бы его вдохновить. Вместе со всеми последующими.

— Вы абсолютно правы, сэр, — подтвердил мистер Слейд.

— Заполняйте договор, — подытожил Мэнвилл, — а прочее мы обеспечим.

Он улыбнулся Слейду, и Слейд спокойно, уверенно улыбнулся ему в ответ.

— О'кей, приятель, — бросил Слейду пилот хронолета, приземистый, широкоплечий, стри-

женный на военный манер молодой человек с резкими, грубоватыми чертами лица. — Готовы отправиться, или как? Решайте. Командуйте.

Слейд еще раз напоследок внимательно осмотрел предоставленный «Музой» костюм двадцатого века — одна из весьма недешевых услуг, за которую он неожиданно для себя самого расплатился, не возразив ни словом. Узенький галстук, брюки без отворотов, полосатая рубашка в стиле Лиги плюща… Да, судя по всему, что было известно Слейду о середине двадцатого века, наряд его — вплоть до остроносых итальянских туфель и цветастых эластичных носков — казался вполне подлинным, неотличимым от настоящего. Пожалуй, за гражданина США образца 1956 года он сойдет без труда, даже в Перпл-блоссоме, штат Невада.

— Ну а теперь слушайте внимательно, — заговорил пилот, затягивая на животе Слейда пристяжной ремень, — и как следует запомните пару важных моментов. Самое главное: вернуться назад, в 2040-й, можно только со мной. Пешком не дойдете. Далее: ни в коем случае не вздумайте менять прошлое. То есть держитесь единственной простой задачи: вдохновите этого типа, Джека Дауленда, на что требуется, а все

остальное — побоку.

— Разумеется, — не на шутку озадаченный его предостережениями, откликнулся Слейд.

— Слишком уж много, на удивление много клиентов, попадая в прошлое, будто с ума сходят, — пояснил пилот. — Шалеют от кажущегося всемогущества и чего только ни пробуют сотворить — покончить с войнами, голодом, нищетой… ну, сами понимаете. Изменить ход истории.

— Я ничего подобного делать не стану, — заверил его Слейд. — Мне абстрактные космические авантюры подобного сорта неинтересны.

Вдохновить самого Джека Дауленда на создание непревзойденных шедевров — уже деяние космического масштаба… однако поддавшихся соблазну предшественников Слейд понимал вполне, тем более что по службе всяких чудаков навидался.

Пилот с лязгом захлопнул люк хронолета, проверил, надежно ли Слейд пристегнут к креслу, сел за приборную доску и щелкнул клавишей. Еще миг, и Слейд отправился в отпуск, на отдых от монотонной канцелярской каторги, назад, в 1956-й… к свершению самого творческого акта всей своей жизни.

Жаркое полуденное солнце Невады обожгло,

ослепило. Сощурившись, Слейд нервно заозирался в поисках крохотного городка под названием Перплблоссом… однако вокруг не оказалось ничего, кроме унылых скал да песка, голой пустыни, пересеченной единственной узкой дорогой, петлявшей среди кривых, ветвистых юкк.

— Направо, — подсказал пилот хронолета, указывая направление. — Дойдете за десять минут. Надеюсь, условия договора вы поняли и запомнили. А лучше достаньте-ка его, перечитайте при мне. На всякий, знаете ли, случай.

Слейд, не прекословя, вынул из нагрудного кармана скроенного по моде 1950-х пиджака длинный, желтого цвета бланк договора с «Музой Энтерпрайзес».

— Здесь сказано, что мне отводится тридцать шесть часов. Затем вы заберете меня с этого самого места, однако добраться сюда вовремя я должен своими силами, а если опоздаю и не смогу вернуться в собственную эпоху, компания за это ответственности не несет.

— Вот именно, — подтвердил пилот, поднимаясь на борт хронолета. — Удачи вам, мистер Слейд. Или теперь вас следует именовать «мистер муза Джека Дауленда»?

Насмешливо, но вместе с тем дружески, сочув-

ственно улыбнувшись, он захлопнул за собой люк, и Джесси Слейд остался один посреди невадской пустыни, в четверти мили от окраины микроскопического городка под названием Перплблоссом.

Отчаянно потея, то и дело утирая взмокший загривок носовым платком, он двинулся в путь.

Отыскать дом Джека Дауленда не составило никакого труда: домов в городке насчитывалось всего-навсего семь. Поднявшись на шаткое, скрипучее дощатое крыльцо, Слейд обвел взглядом двор — мусорный бак, бельевые веревки, проржавевшие водопроводные трубы… Изрядно помятый, чего только не повидавший автомобиль на подъездной дорожке казался немыслимо древним, архаичным даже для 1956-го.

Позвонив в дверь, Слейд нервно поправил галстук и принялся снова, в который раз, репетировать заготовленную загодя речь. На данном этапе жизненного пути Джек Дауленд еще не написал ничего фантастического, и забывать об этом не следовало ни на миг — в том-то и заключалась вся суть предприятия. Сей судьбоносный звонок в дверь возвещал начало новой причинно-следственной цепочки в его жизни — да что там, во всей истории человечества! — но

Дауленд, разумеется, об этом даже не подозревал. Чем-то он занят сейчас там, в доме? Пишет? Читает страничку юмора в одной из газет Рено? А может, спит?

Шаги! Напрягшись всем телом, Слейд замер и приготовился к встрече.

Дверь отворилась, и…

На крыльцо, безмятежно разглядывая нежданного гостя, вышла довольно молодая женщина в легких хлопчатобумажных брючках, с перевязанным ленточкой «конским хвостом» на затылке.

«Какие изящные, крохотные ступни!» — отметил Слейд, не в силах отвести пристального взгляда от ее ног в шлепанцах, от гладкой, глянцевито блестящей кожи. Надо же, обе щиколотки на виду! К такой степени обнаженности он не привык.

— Что вам угодно? — любезно, однако с легкой усталостью в голосе спросила женщина.

Тут Слейд и понял: она пылесосила! За дверью, посреди гостиной возвышался пылесос «Дженерал электрик», причем бакового типа… и его наличие в доме доказывало, что историки ошибаются: к 1950-м пылесосы бакового типа отнюдь не вышли из употребления, как полагают в научных кругах!

Что ж, к визиту Слейд подготовился основательно.

— Миссис Дауленд? — без запинки осведомился он.

Женщина молча кивнула. Из-за бедра ее выглянула, уставилась на гостя девочка лет четырех.

— Я, — продолжал Слейд, — горячий поклонник монументального…

«Стоп! — мысленно одернул он себя. — Стоп, так не годится!»

— Э-э… кхм, — поправился он, воспользовавшись расхожим междометием данной эпохи, так часто встречавшимся в книгах двадцатого века, а для довершения картины поцокал языком. — Одним словом, мэм, я прекрасно знаком с работами вашего мужа, Джека, и проделал немалый путь через безлюдные пустоши, дабы лицезреть его в… естественной, так сказать, среде обитания.

— Вот как? Вы знакомы с работами Джека?

Казалось, хозяйка удивлена, однако изрядно, изрядно довольна.

— Да, из… телика, — кивнув, подтвердил Слейд. — Его сценарии просто великолепны.

— Как-как? «Из телика»? — переспросила миссис Дауленд. — Вы, видимо, англичанин? — осведомилась она, распахнув перед гостем

дверь. — Ну что ж, входите. Правда, Джек сейчас за работой, в мансарде… чтобы гомон детишек писать не мешал, но я уверена, он с удовольствием прервется и побеседует с вами — тем более что вы приехали издалека. Вы — мистер?..

— Слейд, — представился Слейд. — Замечательная у вас тут… обитель.

— Спасибо на добром слове.

Следуя за хозяйкой, Слейд прошел в полутемную, прохладную кухню. Середину ее занимал круглый пластмассовый стол с небрежно расставленными на нем меламиновыми тарелками, парой кофейных чашек, сахарницей, вощеным молочным пакетом и прочими крайне занятными предметами старины.

— ДЖЕК! — во весь голос крикнула миссис Дауленд, подойдя к подножию лестничного пролета. — ДЖЕК, ПРИЕХАЛ ПОКЛОННИК ТВОЕГО ТВОРЧЕСТВА, С ТОБОЙ ПОБЕСЕДОВАТЬ ХОЧЕТ!

Высоко над их головами скрипнула отворяющаяся дверь. Упругие, уверенные шаги… и перед замершим в ожидании Слейдом появился Джек Дауленд собственной персоной — молодой, симпатичный, со слегка поредевшей темно-русой челкой, в свитере и свободных штанах. Узкое, интеллигентное лицо мрачнее тучи…

— Я занят, — резко сказал он, смерив Слейда пристальным взглядом. — Работаю. Дома, но тем не менее это такой же труд, как и любой другой. Что вам от меня нужно? Что значит «поклонник моего творчества»? Какого творчества? Господь свидетель, я уже третий месяц не могу продать ни строки и вот-вот с ума спячу!

— Джек Дауленд, — заговорил Слейд, — это все потому, что вы еще не нашли своего жанра.

Голос его заметно подрагивал. Вот он… вот он, тот самый момент!

— Не хотите ли пива, мистер Слейд? — спросила миссис Дауленд.

— Благодарю вас, мисс, — ответил Слейд и вновь повернулся к хозяину дома. — Джек Дауленд, я здесь затем, чтобы вдохновить вас. Ниспослать вам наитие.

— Откуда вы? — с нескрываемым подозрением процедил Дауленд. — И почему, кстати, галстук завязываете по-шутовски?

— По-шутовски… в каком смысле? — встревожился Слейд.

— Узел внизу, на конце, а не под кадыком, — пояснил Дауленд, обойдя Слейда по кругу и критически оглядев его со всех сторон. — А голову зачем бреете? Облысеть в столь юные годы вы

наверняка не могли.

— Обычаи данной эпохи требуют брить голову… по крайней мере, в Нью-Йорке, — пролепетал Слейд.

— Обычаи данной эпохи? Ну-ну, — хмыкнул Дауленд. — Признавайтесь, кто вы? Что за чудила такой? Что вам от меня нужно?

— Всего-навсего возвеличить вас, — не на шутку разозлившийся, возмущенный явно неподобающим обращением до глубины души, огрызнулся Слейд, но тут же взял себя в руки. — Джек Дауленд, — с легкой запинкой забормотал он, — я знаю о вашем творчестве куда больше, чем вы сами. Самый подходящий для вас жанр — научная фантастика, а вовсе не телевизионные вестерны. Прислушайтесь, запомните эти слова: ведь я как-никак — ваша муза!

Умолкнув, Слейд шумно, с трудом перевел дух.

Дауленд в изумлении поднял брови, замер, а после, запрокинув голову, громко расхохотался.

— Да, я не сомневалась, что у Джека имеется муза, — тоже заулыбавшись, заметила миссис Дауленд, — но такого поворота мне в голову не приходило ни разу. Музы… они же исключительно женского пола!

— Ничего подобного, — возмутился Слейд, усев-

шись за пластмассовый стол. Ноги его ослабли настолько, что уже не держали тяжести тела. — Вот, например, Леон Паркс из Вакавилля, штат Калифорния, вдохновивший А. Э. ван Вогта обратиться к фантастике, был и остался мужчиной! Послушайте, Джек Дауленд, что я вам скажу…

— Я вас умоляю, — оборвал его Дауленд, — зовите меня либо Джеком, либо Даулендом! То и другое вместе звучит неестественно, да и вообще манера разговора у вас… вы не «чайком»[2] ли балуетесь, а?

С этими словами он по-собачьи потянул носом воздух.

— Чайком? — ничего не поняв, переспросил Слейд. — Нет, мне лучше просто пива… пожалуйста.

Дауленд махнул рукой.

— Ладно, давайте-ка к сути. Мне за работу возвращаться пора. Пусть я и работаю дома, моя работа ничем не отличается от всякой другой.

Почувствовав, что ему самое время начинать тщательно подготовленный панегирик, Слейд звучно откашлялся и заговорил:

— Скажите, Джек, если позволите так к вам

---

[2] Примечания: 2

«Чаек» — в США одно из жаргонных названий марихуаны.

обращаться… почему бы вам, черт возьми, не попробовать себя в научной фантастике? По-моему…

— Известно, почему, — перебил тот и, сунув руки в брючные карманы, зашагал по кухне из угла в угол. — Потому что в самом скором времени на нас посыплются водородные бомбы, а если будущее черно, беспросветно… Гос-с-споди, кому захочется о нем писать? — покачав головой, вздохнул он. — А во-вторых, кто читает всю эту фантастическую галиматью? Юнцы прыщавые. Изгои и неудачники. Да и что там читать? Вот назовите, назовите мне хоть один действительно стоящий фантастический рассказ! Я как-то раз, в Юте, на автобусной станции, прихватил в дорогу один из этих журнальчиков… Бульварщина! Вздор! Нет, такую чушь я не стал бы писать даже за приличные деньги, а платят за нее — я навел справки — ровно столько, сколько она и стоит, от силы полцента за слово. Как, спрашивается, на это жить? Тьфу! Все, хватит. Делом заняться пора.

Брезгливо хмыкнув, Дауленд двинулся к лестнице. Еще мгновение, и все — все! — пойдет прахом!

— Постойте, — в отчаянии окликнул его

Слейд. — Постойте, Джек Дауленд, выслушайте меня.

— Опять эта дурацкая манера речи, — проворчал Дауленд, однако, замедлив шаг, выжидающе обернулся. — Ну? Говорите.

— Мистер Дауленд… я прибыл из будущего, — признался Слейд.

Раскрывать инкогнито ему вовсе не следовало — мистер Мэнвилл строго-настрого запретил, но как еще выйти из положения, как еще остановить, удержать уходящего Джека Дауленда?

— Что? — рявкнул Дауленд. — Откуда-откуда?!

— Я — путешественник во времени, — пролепетал Слейд и в растерянности умолк.

Дауленд неторопливо направился к нему.

По возвращении к хронолету Слейд застал невысокого, коренастого пилота сидящим на земле возле машины за чтением газеты. Услышав шаги, пилот поднял взгляд и широко улыбнулся.

— Живы-здоровы, мистер Слейд? Полезайте, поехали, — сказал он, распахнув люк и кивком пригласив Слейда в кабину.

— Да. Везите меня назад, — вздохнул Слейд. — Везите обратно.

— В чем дело? Неужто вам не по нраву чувствовать себя вдохновителем?

— Мне просто хочется поскорее вернуться назад, в свое время, — с тоской откликнулся тот.

Пилот удивленно изогнул бровь.

— О'кей, — сказал он, пристегивая Слейда к креслу и занимая место рядом, за приборной доской.

В «Музе Энтерпрайзес» их дожидался мрачный, как туча, Мэнвилл.

— Слейд, идемте со мной, — велел он. — Есть разговор.

— Я не виноват, мистер Мэнвилл, — заговорил Слейд, стоило им остаться в кабинете Мэнвилла наедине. — Не в духе он был, вот и…

Не зная, что тут еще сказать, совершенно опустошенный, раздавленный, он бессильно поник головой.

Грозно нависший Мэнвилл взирал на него сверху вниз, будто не в силах поверить собственным глазам.

— Вы… вы… не сумели его вдохновить! И, должен заметить, такого у нас еще не бывало!

— Может, я снова, еще раз попробую? — пролепетал Слейд.

— Боже правый, — продолжал Мэнвилл, — вы мало того что не вдохновили его, вы внушили ему отвращение к фантастике на всю жизнь!

— Откуда вы знаете? — забеспокоился Слейд.

Он-то надеялся сохранить пережитое в тайне до гробовой доски, унести эту тайну с собой в могилу…

— Откуда? — язвительно прошипел Мэнвилл. — Да из самых обычных справочников и учебников по литературе двадцатого века! Спустя полчаса после вашего отлета все статьи, все тексты, посвященные Джеку Дауленду, включая половину страницы, отведенную под его биографию в «Британнике», исчезли, как не бывало!

Слейд молча повесил голову, опустил взгляд к полу.

— Тогда я решил вникнуть в дело серьезнее, — продолжил Мэнвилл, — и заказал вычислительному центру Калифорнийского Университета поиск всех цитат из Джека Дауленда, сохранившихся до наших дней.

— И как? Нашлась хоть одна? — промямлил Слейд.

— Да, парочка отыскалась, — отвечал Мэнвилл. — Парочка коротких фраз в нудных научных статьях, исчерпывающе и всесторонне освещающих тот период. Широкой же публике Джек Дауленд благодаря вам остался неизвестен вообще — и, мало того, пребывал в безвестности

даже при жизни! — добавил он, гневно раздувая ноздри и грозя Слейду пальцем. — Благодаря вашим стараниям Джек Дауленд так и не написал эпическую хронику грядущих столетий. Благодаря вам, своему, так сказать, «вдохновителю», он продолжил писать сценарии телевизионных вестернов… и умер на сорок седьмом году жизни. Умер одним из множества безымянных, безликих литературных поденщиков!

— А к научной фантастике не обращался ни единого раза? — недоверчиво уточнил Слейд.

Неужели он так оплошал? В подобное просто не верилось. Действительно Дауленд встретил все замечания, все намеки в штыки; действительно в мансарду он после признания Слейда удалился в весьма специфическом расположении духа, но все-таки… все-таки…

— Ладно, — махнул рукой Мэнвилл, — говоря откровенно, одно фантастическое произведение Джек Дауленд все-таки написал. Крохотное, крайне посредственное и совершенно никем не замеченное.

Пошарив в ящике стола, он швырнул Слейду древний, пожелтевший от времени номер журнала.

— Один-единственный рассказик, «Орфей на

глиняных ногах», под псевдонимом Филип К. Дик. Никто не зачитывался им в прошлом, никто не читает сейчас, а описано в нем, как к Дауленду…

Сделав паузу, Мэнвилл вновь полоснул Слейда полным ярости взглядом.

— Как к Дауленду явился некий благонамеренный идиот из будущего, одержимый бредовой идеей «вдохновить» его на создание мифологической хроники грядущих столетий! Ну, Слейд? Что скажете?

— Все очевидно, — глухо откликнулся тот, — он положил мой визит в основу сюжета.

— И единственный раз в жизни заработал хоть что-нибудь на научной фантастике, причем до обидного мало — гроши, не оправдавшие потраченных сил и времени. Там и о вас, и обо мне… Господи, Слейд, должно быть, вы выложили ему все!

— Да, выложил, — признался он. — Не зная, чем еще его убедить…

— Ну, так и этим ни в чем не убедили! Он принял вас за психа, и все дела. И рассказ этот написал явно со злости, в нешуточном раздражении. Вы его, позвольте спросить, за работой застали?

— Да, — подтвердил Слейд, — за работой, но миссис Дауленд сказала…

— Какая еще миссис Дауленд?! Никакой миссис Дауленд на свете нет и не было! Дауленд всю жизнь прожил холостяком! Очевидно, вы столкнулись с женой одного из его соседей, с которой Дауленд завел интрижку. Неудивительно, что он пришел в ярость: вы ведь испортили ему свидание с этой дамочкой, кем бы она ни была! Ей, кстати, в рассказе тоже место нашлось, а написав его, Дауленд бросил дом в невадском Перплблоссоме и перебрался в Додж-Сити, Канзас!

В кабинете воцарилась долгая тишина.

— Э-э, — нарушил молчание Слейд, — а нельзя ли еще раз попробовать? С кем-то другим? На обратном пути мне вспомнился Пауль Эрлих[3] с его «волшебной пулей», чудесным лекарством от…

— Послушайте, — перебил его Мэнвилл, — мне тоже кое-что пришло в голову. Вы снова отправитесь в прошлое, но не затем, чтобы вдохновлять доктора Эрлиха, Бетховена, Дауленда или еще кого-либо, хоть чем-нибудь ценного для общества.

Охваченный ужасом, Слейд поднял на него взгляд.

---

[3] Примечания: 3

Известный немецкий врач, иммунолог, бактериолог и химик, основоположник химиотерапии, создатель сальварсана — лекарства от сифилиса на основе мышьяка. «Волшебной пулей» он называл свою мечту, препарат, который при введении в организм самостоятельно находит и убивает возбудителя болезни, не причиняя вреда больному.

— Вы отправитесь в прошлое, — сквозь зубы процедил Мэнвилл, — обескураживать особ вроде Адольфа Гитлера, Карла Маркса и Санрома Клингера, дабы те…

— То есть, по-вашему, я… настолько никчемен? — промямлил Слейд.

— Именно. Для начала возьмемся за Гитлера в период тюремного заключения после первой, безуспешной, попытки взять власть в Баварии. В то время, когда он диктовал Рудольфу Гессу «Майн Кампф». Я обсудил идею с начальством и все уладил. Вы окажетесь рядом в роли одного из товарищей по несчастью, понимаете? И точно так же, как Джеку Дауленду, порекомендуете Адольфу Гитлеру писать. В данном случае — написать подробную автобиографию с детальным изложением собственной политической программы, к сведению всего мира. Если все пройдет, как задумано…

— Понятно, — пробормотал Слейд, вновь опустив взгляд под ноги. — Идея, я бы сказал, гениальная, вот только мои похвалы в свете последних событий могут оказаться… э-э…

— Мне авторства этой идеи не приписывайте, — оборвал его Мэнвилл. — Я взял ее все из того же убогого рассказа Дауленда, «Орфея на глиня-

ных ногах». Именно так он рассказ и закончил.

Перелистав страницы старинного журнала, он отыскал нужное место.

— Возьмите, Слейд, и прочтите. Здесь автор доводит вас до встречи со мной, а затем отправляет изучать историю Национал-социалистической партии, чтобы наверняка отбить у Адольфа Гитлера всякую охоту браться за автобиографию и, может статься, предотвратить Вторую мировую войну. Не справитесь с Гитлером, пошлем вас к Сталину, а не сумеете обескуражить Сталина…

— Ладно, довольно, — буркнул тот. — Я все понимаю, разжевывать ни к чему.

— И даже не подумаете отказаться, — подчеркнул Мэнвилл, — так как в «Орфее на глиняных ногах» говорится, что вы согласились. Все уже решено.

— Как пожелаете, — кивнул Слейд. — Мой грех, я и в ответе.

— Вы идиот, — проникновенно, с чувством шепнул ему Мэнвилл. — Чтобы так бездарно испортить дело…

— Просто день не мой выдался, — вздохнул Слейд. — Уверен, в следующий раз выйдет лучше.

«Хотя бы с Гитлером, — подумал он про себя. —

Возможно, мне удастся обескуражить его самым ужасным образом, как никто никого не обескураживал за всю историю человечества!»

— Тогда вы, пожалуй, станете первой антимузой на свете, — хмыкнул Мэнвилл.

— Остроумно, — оценил Слейд.

— Комплимент не по адресу, — устало вздохнул Мэнвилл. — Эта идея тоже принадлежит Джеку Дауленду. Так он назвал вас в «Орфее на глиняных ногах», ближе к концу.

— На этом рассказ и заканчивается? — полюбопытствовал Слейд.

— Нет, — ответил Мэнвилл, — в самом конце я еще предъявляю вам счет. На полную стоимость отправки вас в прошлое, к Адольфу Гитлеру. Пятьсот долларов, причем вперед, — уточнил он, требовательно протянув к Слейду руку. — На случай, если вдруг назад не вернетесь.

Окончательно приуныв, Джесси Слейд безропотно, хотя и как можно медленнее, полез в карман пиджака двадцатого столетия за бумажником.

Эпоха Прелестницы Пат

В десять утра Сэма Ригана выдернул из объятий сна знакомый, ужасающей громкости вой сирены. Вздрогнув, Сэм оторвал голову от подушки. Будь проклят этот благ-курьер наверху: нарочно, нарочно же шум поднимает! Кружит там, ждет, хочет удостовериться, что сброшенные благ-посылки достанутся кому следует, местным флюкерам[4], а не диким зверям…

— Да заберем, заберем, — проворчал Сэм Риган себе под нос.

Застегнув молнии пылезащитного комбинезона, он сунул ноги в сапоги и мрачно, как можно медленнее поплелся к трапу. По пути к нему присоединилось еще несколько флюкеров, раздраженных в той же, если не большей, степени.

— Раненько он нынче, з-зараза, — посетовал Тод Моррисон. — И ведь, чем хотите, ручаюсь, привез только основные продукты: сахар, муку, смалец… ничего интересного, вроде, скажем, леденцов.

— И на том спасибо скажи, — урезонил его Норман Шайн.

---

[4] Примечания: 4

Здесь и далее — производные от слова fluke (слепой случай, везение).

— Спасибо? — Остановившись как вкопанный, Тод в изумлении уставился на него. — СПАСИБО?!

— А как же, — подтвердил Шайн. — Чем бы мы без них, скажи на милость, питались? Не пришли они к нам своих туч десять лет назад…

— Ну, — помрачнев, промычал Тод, — на самом деле мне просто не нравится, что заявляются они в такую рань… да и это по большому счету тоже, конечно, пустяк.

С этими словами он поднажал плечом на тяжелую крышку, венчавшую трап.

— Жуть как великодушно с твоей стороны, Тодди, — усмехнулся Шайн. — То-то небось благ-курьеры обрадуются, услышав об этаком всепрощении!

Сэм Риган выбрался на поверхность последним из троицы: бывать наверху он не любил и не скрывал этого ни от кого из соседей. Как бы там ни было, выгонять его из-под прочных, надежных сводов пинольского флюк-бункера не имел права никто: недаром же куча флюкеров, соседей по бункеру, предпочли остаться внизу, в собственных жилых отсеках, уверенные, что другие, откликнувшиеся на зов сирены, притащат что-нибудь и на их долю.

— Слепит-то как, — проворчал Тод, щурясь на солнце.

Корабль благ-курьера сверкал брюхом невысоко над землей, покачиваясь в сером небе, словно игрушка на тонкой трепетной паутинке.

«Хороший пилот, — оценил Тод, — умелый. Не суетится, правит спокойно, с ленцой».

Стоило помахать благ-курьеру рукой, тот снова на всю мощь врубил сирену, и Тоду, хочешь не хочешь, пришлось зажать уши ладонями.

«Ладно, не со зла же он, в шутку», — напомнил себе Тод, и тут благ-курьер, смилостивившись, выключил звук.

— Помаши ему, пускай сбрасывает, — сказал Норм Шайн. — Семафор у тебя.

— Сейчас, сейчас, — проворчал Тод и принялся старательно размахивать из стороны в сторону красным флагом на длинном древке, давным-давно присланным обитателями Марса специально для этой цели.

Выскользнувший из брюха корабля снаряд расправил стабилизаторы и спикировал вниз.

— Тьфу, пропасть, — с досадой буркнул Сэм Риган. — Точно, основные продукты, раз сброшены без парашюта…

Утратив весь интерес к посылке, он отвернулся

и устремил взгляд вдаль.

«Как же убого нынче здесь, наверху», — оглядевшись, подумал Сэм.

Справа по-прежнему возвышался недостроенный дом, который кто-то начал было возводить неподалеку от бункера из досок да брусьев, добытых в развалинах Вальехо в десяти милях к северу. Затем строителя прикончили то ли дикие звери, то ли радиоактивная пыль, а его никому не пригодившийся труд так и остался гнить по соседству. Окинув дом взглядом, Сэм Риган отметил, что пыли на стенах с его последней вылазки наверх — может, с утра в четверг, может, в пятницу, со счета он малость сбился — скопилось необычайно много.

«Проклятая пыль, — мысленно выругался Сэм. — Камни, мусор и пыль… здорово же запылился наш мир с тех пор, как его перестали время от времени подметать! Может, займешься? — безмолвно предложил он марсианскому благ-курьеру, неторопливо кружившему в небе над головой. — Разве ваши технические возможности не безграничны? Явился бы как-нибудь утречком с громадной тряпкой — миллион миль в длину, миллион в ширину — протер пыль, чтобы наша планета заблестела безукоризненной

новизной!»

Хотя тут, наверное, следовало бы сказать «безукоризненной стариной» — то есть будто в «преж-дни», как называют прошлое ребятишки…

«Точно, — подумалось Сэму. — Здорово вышло бы. Будете думать, чем бы еще нам помочь, попробуйте с пылью, а?»

Благ-курьер описал еще круг, высматривая надпись в пыли, сообщение от обитавших в бункере флюкеров.

«Взять бы да так и написать: „ПРИВЕЗИ МОКРУЮ ТРЯПКУ, ВЕРНИ НАС В ЦИВИЛИЗАЦИЮ“, — думал Сэм Риган. — Что скажешь, курьер-благодетель?»

Корабль благ-курьера устремился ввысь — вне всяких сомнений, домой, на Лунную Базу, а может быть, прямо на Марс.

Над проемом оставленного открытым люка флюк-бункера, которым все трое выбрались наверх, показалась еще голова, женская. Наружу, прикрывая голову от лучей ослепительно-серого солнца плотным капором, выглянула Джин Риган, жена Сэма.

— Что интересного? Чего новенького? — нахмурив брови, полюбопытствовала она.

— Боюсь, ничего, — отвечал Сэм.

Тем временем снаряд с благ-грузом достиг земли, и Сэм, увязая в пыли, двинулся к нему. От удара обшивка снаряда треснула вдоль, внутри поблескивали боками жестяные контейнеры. С виду — около пяти тысяч фунтов соли…

«Ну, это вполне можно оставить здесь, наверху, чтобы звери не вымерли с голоду, — в унынии подумал Сэм. — Однако как странно заботливы эти благ-курьеры! Который год исправно, без устали переправляют со своей планеты на Землю все жизненно необходимое… должно быть, думают, будто мы целыми днями только и делаем, что жрем. Бог мой, хранилища бункера набиты едой до отказа! А впрочем, наш бункер — одно из самых мелких убежищ общего пользования во всей Северной Калифорнии…»

— Эй! — окликнул его Шайн, склонившись над снарядом и заглянув в трещину. — Кажется, я вижу кое-что полезное.

Отыскав под ногами заржавленную стальную опору — когда-то, в преж-дни, такими укрепляли бетонные стены общественных зданий, — он ткнул ею в нутро снаряда, пробуждая к жизни запорный механизм. Приведенный в действие, механизм щелкнул, хвостовая половина снаряда отошла от носовой… и груз лавиной заскользил

наземь.

— Похоже, вон в том ящике радиоприемники, — заметил Тод, задумчиво почесывая короткую темную бороду. — Транзисторы. Думаю, из них можно сделать что-нибудь новенькое для наших диорам.

— В моей радио уже есть, — разочарованно скривившись, проворчал Шайн.

— Ну, так сооруди из деталей приемника электронную самоуправляющуюся газонокосилку, — посоветовал Тод. — Такого-то у тебя точно нет!

Композицию-диораму, по сути — небольшой собственный мир, собранный Шайнами для Прелестницы Пат, он помнил прекрасно: оба семейства, Тод Моррисон с женой и чета Шайнов, много раз играли друг против друга, причем примерно на равных.

— Чур, транзисторы мне! У меня есть куда их приспособить, — поспешил вклиниться в разговор Сэм Риган.

Его диораме недоставало агрегата, автоматически открывающего ворота гаража, имевшегося и у Тода, и у Шайна, а следовательно, Сэм изрядно отставал от обоих.

— Ладно, за дело, — согласился Шайн. — Провизию оставим здесь, а вниз утащим только

приемники. Кому продукты нужны, пусть сами поднимутся и заберут… пока их со-кошки не опередили.

Кивнув, его спутники принялись перетаскивать поближе к люку флюк-бункера полезные грузы, доставленные в брюхе снаряда. Полезным они полагали все, что могло пригодиться для самого ценного в жизни каждого — для затейливых диорам, мирков Прелестницы Пат.

Усевшись по-турецки над точильным камнем, десятилетний, обремененный множеством насущных забот Тимоти Шайн неторопливо, умело затачивал нож. Тем временем в дальнем углу отсека мать с отцом, не давая ему покоя, шумно ссорились с мистером и миссис Моррисон. Снова играли в свою Прелестницу Пат. Как всегда.

«Когда же они наконец наиграются в свою дурацкую игру, хотя бы на сегодня? — гадал Тимоти. — Наверное, опять не угомонятся до позднего вечера».

Сам он не находил в этой игре решительно ничего интересного, но родители резались в нее каждый день. Не только его родители, все взрослые вообще. Другие ребята — даже ребята из других флюк-бункеров — рассказывали, что их родители тоже играют в Прелестницу Пат

целыми днями, а случается, и по ночам.

— Прелестница Пат, — во весь голос объявила мать Тимоти, — идет в магазин за продуктами. Над входом один из тех электронных глаз, фотоэлементов, отворяющих дверь. Глядите.

Пауза.

— Вот, видите: дверь перед ней отворилась, и Прелестница Пат входит внутрь.

— Прихватив тележку, — добавил, поддерживая жену, отец Тимоти.

— Какую еще тележку? — запротестовала миссис Моррисон. — Нет там никаких тележек. Она просто отдает бакалейщику список, а тот отпускает ей все, что там указано.

— Такой порядок только в маленьких магазинчиках на углу, — пояснила мать Тимоти, — а тут у нас супермаркет, это же по дверям с электронным глазом любому ясно.

— А я точно помню: двери с электронным глазом были во всех бакалейных магазинах, — упрямо заявила миссис Моррисон.

В спор, соглашаясь с ней, вклинился ее муж. Голоса игроков зазвучали громче, злее. Опять ссора. Как всегда.

Супермаркет… что за штука такая?

«А-а, ну вас всех… хлюздаперу[5] под хвост», — подумал Тимоти, пустив в ход самое крепкое из выражений, известных ему и его друзьям.

Испробовав остроту лезвия — нож он себе сделал сам, от начала и до конца, даже клинок сам выточил из увесистой стальной сковородки, — Тимоти резко вскочил на ноги. Полминуты спустя он бесшумно выскользнул в коридор, одним рывком с места добежал до двери в жилой отсек Чемберленов и постучался — особым условным стуком.

На стук откликнулся Фред, тоже мальчишка десяти лет от роду.

— Привет. Ну как, готов? Ага, вижу, нож свой закончил. На какую дичь теперь пойдем?

— Только не на со-кошек, — ответил Тимоти. — Получше что-нибудь поищем. Надоели мне эти со-кошки. Слишком горькие на вкус.

— А родители твои что? Опять играют в Прелестницу Пат?

— Ага.

— Мои мамка с папкой тоже, — сообщил Фред. — Сколько времени, как ушли с Бентли играть, и до сих пор не вернулись.

---

[5] Примечания: 5

Вымышленное детское ругательство, не имеющее определенного смысла, но звучащее довольно грубо.

Во взгляде, искоса брошенном другом на Тимоти, чувствовалось знакомое безмолвное недовольство родителями. Пожалуй, ни тот ни другой нисколько бы не удивился, узнав, что эта проклятая забава охватила весь мир.

— Что твои родители в ней такого нашли? — спросил Тимоти.

— То же самое, что и твои, — пожав плечами, ответил Фред.

— Так, а… что? — на секунду замявшись, уточнил Тимоти. — Я вот понятия не имею, потому и спросил. Может, ты знаешь?

— Все дело в… А-а, лучше их самих и спроси, — осекшись, проворчал Фред. — Пошли скорее наверх, на охоту, — с азартным блеском в глазах добавил он. — Посмотрим, что за добыча нам попадется сегодня!

Вскоре они поднялись наверх, откинули крышку люка, укрылись среди пыльных валунов и принялись оглядывать окрестности. Сердце Тимоти застучало вдвое чаще обычного. В первые минуты снаружи, при виде бескрайних просторов, его всякий раз охватывал особый, ни с чем не сравнимый трепет. Мир наверху никогда не оставался одним и тем же: к примеру, сегодня серая пыль сделалась куда гуще, темнее, а оттого

загадочней прежнего.

Повсюду вокруг, под множеством слоев пыли, валялись посылки, сброшенные со спасательных кораблей, да так и оставленные гнить, ржаветь безо всякого толку. Никому не понадобившиеся. Среди них Тимоти углядел и новый снаряд, доставленный благ-курьером сегодня, с утра. Почти весь груз снова остался нетронутым: большая часть доставленного взрослым не пригодилась. Как всегда.

— Гляди, — негромко шепнул ему Фред.

Возле снаряда крутилась, принюхивалась, приглядывалась к бесхозному грузу пара со-кошек — то ли собак, то ли кошек, этого точно не знал никто, мутировавших под действием радиации.

— Нам они ни к чему, — ответил Тимоти.

— Вон та — ничего себе, жирная, — с вожделением прошептал Фред.

Однако нож принадлежал Тимоти — у Фреда имелась только бечевка со стальным прутком на конце, вроде индейской гуделки. Птицу либо зверька помельче такой штуковиной издали подбить еще можно, однако со-кошку весом фунтов пятнадцать-двадцать, а то и больше даже не оцарапаешь.

Высоко в небе показалось темное пятнышко,

с немыслимой скоростью мчащееся вдаль, и Тимоти с первого взгляда узнал в нем корабль благ-курьера, направлявшийся к другому флюк-бункеру с очередной партией всевозможных припасов.

«Ишь, постоянно при деле, — с усмешкой подумал он. — Благ-курьеры на месте небось не сидят, целыми днями летают то туда, то сюда, без остановки, а если вдруг прекратят, взрослые наверняка скоро вымрут. Конечно, от них не очень-то много проку, но жалко: родители как-никак…»

— Помаши ему, — осклабившись, предложил Фред. — Может, сбросит нам что-нибудь.

Переглянувшись, мальчишки залились безудержным смехом.

— Ага, конечно, — откликнулся Тимоти. — Так, чего же мне не хватает-то, а?

При мысли о том, что кому-то из них может чего-нибудь не хватать, оба снова расхохотались. Сейчас им двоим принадлежало все, что только есть наверху, до самого горизонта и даже дальше… можно сказать, целый мир, богатство на зависть любому из благ-курьеров!

— Как думаешь, благ-курьеры в курсе, что наши родители играют в Прелестницу Пат, а из того,

что они сбрасывают, мастерят для нее мебель и все такое? — спросил Фред. — Спорим, они про эту дурацкую куклу — ни сном ни духом? Ведь если б заметили, пронюхали, то-то небось разобиделись бы!

— Уж это точно, — согласился Тимоти, многозначительно взглянув Фреду в глаза. — Так разобиделись бы, что, наверное, прекратили бы нам добро всякое сбрасывать.

— Э, нет, это ты брось, — запротестовал Фред. — Не надо родителей им выдавать, а то твой папаша тебя снова отлупит, да и меня за компанию.

Пусть даже так, мысль показалась Тимоти интересной. Подумать только, как удивятся, а затем разозлятся марсианские благ-курьеры! Занятно было бы поглядеть, полюбоваться возмущением восьмилапых марсианских созданий с безграничной любовью к ближнему в бородавчатых тушах, головоногих существ вроде одностворчатых моллюсков, добровольно взваливших на себя дело помощи угасающим остаткам человеческой расы… и что получивших в ответ? Их помощь либо пропадает впустую, либо тратится на совершенно бессмысленные, бесцельные идиотские игры с Прелестницей Пат — с куклой, по которой сходят с ума все взрослые до единого!

Вот только сообщить им об этом представлялось делом очень и очень нелегким: люди и благ-курьеры почти не общались между собой. Слишком уж оказались разными, непохожими. Поступком, действием — так еще можно было что-либо передать, но со словами и, главное, символами дела обстояли гораздо хуже. Вдобавок…

Из-за угла недостроенного дома по правую руку выпрыгнул, поскакал куда-то громадный кролик коричневой масти. Тимоти тут же выхватил нож.

— Ого! — в восторге выдохнул он. — Пошли!

С этим он, скрежеща сапогами о щебень, бросился следом за кроликом. Фред, тоже сорвавшийся с места, пристроился чуть позади. Расстояние, отделявшее мальчишек от кролика, сокращалось с каждой секундой: что-что, а быстрый бег благодаря постоянным упражнениям давался обоим легко.

— Бросай нож! — пропыхтел Фред.

Резко затормозив, Тимоти вскинул правую руку, перевел дух, прицелился и метнул в кролика прекрасно заточенный, увесистый нож — самое ценное свое имущество, сделанное собственными руками.

Клинок вошел кролику точно в загривок.

Споткнувшись, он кувыркнулся через голову, проехался вперед на спине и замер, подняв в воздух целую тучу пыли.

— Спорим, мы за него не меньше доллара выручим?! — заскакав от восторга, воскликнул Фред. — Одна шкурка чего стоит! Спорим, нам даже за эту проклятую шкурку отвалят верных пятьдесят центов?

Мальчишки поспешили к убитому кролику, пока на их добычу не спикировал с неба какой-нибудь краснохвостый сарыч или дневная сова.

Не без труда нагнувшись, Норман Шайн подобрал свою куклу, Прелестницу Пат.

— Я — все, — мрачно объявил он. — Не хочу играть больше.

— Но мы же довели Прелестницу Пат до самого центра города! — изрядно расстроившись, запротестовала его жена. — И по всем правилам припарковали ее фордовский родстер с жестким верхом, и дайм в счетчик бросили, и по магазинам она прошлась, а сейчас сидит в приемной у психоаналитика, читает «Форчун»... Мы на голову впереди Моррисонов, Норм! С чего тебе вдруг расхотелось играть?

— Так ведь с тобой ни о чем не столкуешься! — буркнул Норман. — Вот ты говоришь, аналитики

брали по двадцать долларов в час, а я ясно помню, что такса у них была — от силы десятка. Двадцать долларов в час… где же такое видано? Твое упрямство ставит нас в невыгодное положение, а чего ради? Даже Моррисоны согласны, что час стоил всего десятку, верно я говорю? — воззвал он к мистеру и миссис Моррисон, устроившимся на корточках по ту сторону общей диорамы, объединившей мирки Прелестниц Пат обеих семейств.

— Ты навещал психоаналитиков чаще меня, — подала голос, обращаясь к мужу, Хелен Моррисон. — Они точно брали всего по десятке в час?

— Ну, я-то больше на групповую терапию ходил, — уточнил Тод, — в университетскую клинику психогигиены, в Беркли. Там плату брали с каждого по способности… а Прелестница Пат как-никак наблюдается у частного аналитика.

— Придется спросить у кого-то еще, — подытожила Хелен, повернувшись к Норману Шайну, — а до тех пор остается только отложить партию.

В ее взгляде чувствовался нешуточный, граничащий с возмущением упрек: ведь это из-за него, из-за его неуступчивости по поводу мелочей, все четверо вынуждены прервать игру на целых полдня, до самого вечера!

— Диораму оставим как есть, разбирать не будем? — спросила Фрэн Шайн. — Наверное, ни к чему, может, вечером, после ужина удастся продолжить.

Норман Шайн оглядел диораму, сооруженную общими усилиями двух семейств — шикарные магазины, прекрасно освещенные улицы, автомобили новейших моделей, сверкающие хромировкой возле обочин, а главное, роскошный террасированный особняк, где жила и принимала в гостях своего поклонника, Леонарда, сама Прелестница Пат. Именно о таком доме Норман мечтал, тосковал всю жизнь — недаром он служил сердцем всей диорамы, всех диорам Прелестницы Пат до одной, как бы ни отличались они во всех прочих деталях.

Вот, например, гардероб Прелестницы Пат — вон там, в одежном шкафу во всю стену спальни. Брючки-капри, мини-шорты белого хлопка, купальник-бикини в горошек, пушистые свитера… и здесь же, в спальне, высококлассная стереосистема с коллекцией долгоиграющих грампластинок…

Подумать только: точно таким же образом когда-то, в преж-дни, жилось каждому! Свою коллекцию долгоиграющих грампластинок Норм

Шайн помнил по сей день, и одевался некогда почти так же шикарно, как парень Прелестницы Пат, Леонард. Кашемировые пиджаки, костюмы из твида, итальянские тенниски, туфли английской работы… Спортивный «Ягуар Х-КЕ», как у Леонарда, он, правда, так и не приобрел, однако на службу его исправно возил и прекрасный старый «Мерседес-Бенц» 1963 года…

«В те времена, — подумал Норм Шайн, — мы жили, как сейчас живут Прелестница Пат с Леонардом!»

Да, так оно и было, вне всяких сомнений.

— А помнишь наш приемник, «Дженерал электрик» с будильником? — спросил он жену, указав на точно такой же приемник у изголовья кровати Прелестницы Пат. — Помнишь, как он будил нас по утрам классической музыкой той УКВ-станции, «КСФР»? Программа называлась «Вольфгангеры»… ежедневная, с шести до девяти утра…

— Помню, — серьезно, без тени улыбки кивнув, подтвердила Фрэн. — И ты обычно вставал первым. Я понимала, что надо, надо подняться, сварить тебе кофе, поджарить глазунью с беконом, но так приятно было поваляться под одеялом еще полчасика, пока не проснутся детишки!

— «Пока не проснутся»… черта с два: они раньше нас с тобой поднимались, — возразил Норм. — Разве не помнишь? Сидели у себя, «Трех балбесов» смотрели по телевизору до восьми. Потом я вставал, готовил для них овсянку и отправлялся на службу — в «Ампекс», в Редвуд-Сити.

— О да, — согласилась Фрэн. — Кстати, о телевизоре…

Телевизора у их Прелестницы Пат не было: неделю назад Шайны проиграли его Риганам, а смастерить взамен новый, в достаточной мере похожий на настоящий, Норм еще не успел. Поэтому за игрой им приходилось делать вид, будто телевизор «отвезен в мастерскую»: надо же как-нибудь объяснить, почему их Прелестница Пат вынуждена обходиться без одной из главных, обязательных принадлежностей каждого дома!

«Эта игра… все равно что возвращение к прошлой жизни, в довоенные времена, — подумалось Норму. — Наверное, поэтому мы ею и увлечены».

При этой мысли ему сделалось совестно, но ненадолго: угрызения совести почти сразу сменились неодолимым желанием поиграть хоть немного еще.

— Давайте не будем прерываться, — неожиданно для себя самого сказал он. — Согласен: пускай

психоаналитик запросит с Прелестницы Пат двадцать долларов. О'кей?

— О'кей, — хором откликнулись Моррисоны, и все четверо, вновь опустившись на корточки, вернулись к игре.

Тод Моррисон, взяв в руки свою Прелестницу Пат, оглядел ее, пригладил светлые локоны — их кукла была блондинкой, не брюнеткой, как кукла Шайнов, — ковырнул ногтем кнопочную застежку юбки.

— Ты что это делаешь? — строго осведомилась его жена.

— Юбка у нее замечательная, — ответил Тод. — Здорово у тебя с шитьем получается.

— А ты когда-нибудь, в преж-дни, водил знакомство с девчонками вроде Прелестницы Пат? — поинтересовался Норм.

— Нет, — мрачно признался Тод Моррисон, — не сложилось… а жалко. Видел похожих на Прелестницу Пат, особенно во время Корейской войны, когда жил в Лос-Анджелесе, нередко, но познакомится хоть с одной лично не смог. Ну, и певиц этих сногсшибательных наподобие Пегги Ли и Джули Лондон, конечно, видел… вот они на Прелестницу Пат походили, как две капли воды.

— Не отвлекайся, — рыкнула Фрэн. — Твой ход.

Норм, не прекословя, раскрутил волчок.

— Одиннадцать. Мой Леонард выходит из мастерской, где ремонтируют спортивные авто, и отправляется на гоночную трассу, — объявил он, передвинув куклу-Леонарда вперед.

— Кстати, — задумчиво проговорил Тод Моррисон, — на днях, поднявшись наверх за скоропортящимися продуктами, сброшенными благ-курьером, встретил я Билла Фернера, и он рассказал мне кое-что интересное. Оказывается, ему повезло познакомиться с флюкером из флюкбункера под развалинами Окленда. И знаете, во что там, в оклендском бункере, играют?

— Во что же? — заинтересовалась Хелен.

— Вовсе не в Прелестницу Пат. О Прелестнице Пат оклендцы слыхом не слыхивали. У них в ходу своя, совершенно другая кукла, — наморщив лоб, сообщил Тод. — Билл говорит, тот оклендский флюкер называл ее Компанейской Конни. Слышали вы о такой?

— Кукла по имени Компанейская Конни, — оценивающе протянула Фрэн. — Странное имя. Интересно, как она должна выглядеть… Поклонник у нее есть?

— Еще бы, — подтвердил Тод. — Есть, а зовут его Полом. Конни и Пол… Знаете, надо бы как-нибудь

на досуге сходить в оклендский флюк-бункер и посмотреть, каковы из себя их Конни и Пол, как живут… Может, сумеем разузнать что-нибудь новенькое, подглядеть, чем бы еще наши диорамы дополнить.

— А может, и сами сыграть в них попробуем, — добавил Норм.

— Сыграть? — Фрэн призадумалась. — А можно ли играть в Компанейскую Конни Прелестницей Пат? Получится ли? Как, интересно знать, такая игра будет выглядеть?

На это ни у кого из остальных ответа, конечно же, не нашлось.

— Откуда взялось это словечко, «флюкер»? — заговорил Фред, помогая Тимоти свежевать кролика. — На редкость мерзкое слово… как только у взрослых язык поворачивается себя самих флюкерами называть?

— Флюкер — значит, тот, кто в термоядерной войне уцелел, — объяснил Тимоти. — Благодаря флюк… флюктуации судьбы, понимаешь? Потому что под водородными бомбами погибли почти все: раньше-то людей на свете было — не сосчитать. Тыщи и тыщи.

— А «флюктуация»-то что такое? Вот ты говоришь: флюктуация судьбы…

— Флюктуация… это когда судьба решила тебя пощадить, — ответил Тимоти.

Больше ему сказать было нечего: на этом его познания о флюктуациях и заканчивались.

— Но мы-то с тобой, выходит, никакие не флюкеры, — рассудил Фред. — Нас во время войны даже на свете не было: мы родились уже после.

— Угу, — подтвердил Тимоти.

— А потому, кто обзовет меня флюкером, сразу в глаз гуделкой схлопочет, — подытожил Фред.

— И «благ-курьер» — тоже слово выдуманное, — продолжил Тимоти. — Выдуманное в те времена, когда людям, терпящим бедствие, везли всякое добро реактивными самолетами и кораблями. А грузы назывались «благотворительной помощью», потому что присылали их бесплатно. Из добрых побуждений.

— Это я сам знаю, — проворчал Фред. — Я про благ-курьеров не спрашивал.

— Ну а мне все равно вспомнилось, — парировал Тимоти, оставив последнее слово за собой, и оба продолжили свежевать добытого кролика.

— Сэм, ты когда-нибудь слышал о кукле по имени Компанейская Конни? — исподволь оглядев длинный, грубо сколоченный дощатый стол и убедившись, что другие семейства не

подслушают разговора, спросила Джин Риган мужа. — Хелен Моррисон слышала о такой от Тода, а Тод, кажется, от Билла Фернера, так что… похоже на правду.

— Что похоже на правду? — не понял Сэм.

— Что в оклендском флюк-бункере знать не знают о Прелестнице Пат: у них в ходу Компанейская Конни… и, кажется, та самая пустота, скука, то и дело одолевающая всех нас… может, мы, поглядев на Компанейскую Конни, на ее жизнь, поймем, чем бы еще дополнить нашу диораму, чтобы… — Запнувшись, Джин призадумалась. — Чтобы нашей Прелестнице Пат жилось разнообразнее. Ярче.

— По-моему, имя не очень, — заметил Сэм Риган. — Компанейская Конни… дешевкой какой-то отдает.

С этими словами он отправил в рот ложку пресной, безвкусной каши из разварной крупы.

«Да уж, — мрачно жуя, подумал он, — Компанейская Конни наверняка такой размазней не питается. Компанейская Конни наверняка ест только чизбургеры с полным набором приправ в авторесторанчиках высшего класса, не выходя из машины…»

— Как думаешь: может, сходим туда? — пред-

ложила Джин.

— В оклендский флюк-бункер?! — не веря собственным ушам, переспросил Сэм. — Это ж пятнадцать миль ходу, вдвое дальше, чем до бункера Беркли!

— Но ведь дело-то важное! — упрямо возразила Джин. — К тому же Билл говорит, что флюкер из Окленда в поисках каких-то радиодеталей или электроники дошел сюда… а если дошел он, значит, дойдем и мы. Наденем пылезащитные комбинезоны, которые нам сбрасывают благ-курьеры, и дойдем, я уверена.

Тут подал голос малыш Тимоти Шайн, сидевший рядом с родителями и внимательно слушавший их разговор:

— Миссис Риган, мы с Фредом Чемберленом можем туда сходить, но не задаром. Что скажешь? — спросил он, пихнув локтем сидевшего по соседству Фреда. — Сходим… ну, скажем, за пять долларов?

— Да, миссис Риган, — серьезно, без тени улыбки подтвердил Фред, — добыть вам куклу по имени Компанейская Конни мы, пожалуй, возьмемся. За пять долларов… каждому.

— Ничего себе! — едва не задохнувшись от возмущения, воскликнула Джин Риган.

На том разговор и закончился.

Однако вечером, после ужина, в своем отсеке, оставшись наедине с Сэмом, Джин снова заговорила о Компанейской Конни.

— Сэм, я должна взглянуть на нее! — выпалила она.

Сэм как раз влез в оцинкованную лохань принять еженедельную ванну, так что деваться ему было некуда.

— Уж если мы о ней знаем, нужно хотя бы сыграть с кем-нибудь из оклендского флюк-бункера! Это-то нам по силам? Прошу тебя! — взмолилась Джин, крепко сцепив пальцы под подбородком и беспокойно зашагав взад-вперед, из угла в угол тесной клетушки. — Может, у Компанейской Конни найдется станция «Стандард Ойл», и аэровокзал с посадочной полосой для реактивных лайнеров, и цветной телевизор, и французский ресторан, где подают улиток по-бургундски, совсем как тот, где мы с тобой ужинали в честь свадьбы… мне очень, очень нужно взглянуть на ее диораму!

— Даже не знаю, — неуверенно промямлил Сэм. — Эта Компанейская Конни… понимаешь, что-то меня в ней настораживает.

— Да что в ней настораживать-то может?

— Не знаю, — отрезал он. — Настораживает, и все тут.

— Наверное, ты просто понимаешь, что ее диорама куда лучше нашей и сама она куда лучше Прелестницы Пат, — горько вздохнула Джин.

— Может, так все и есть, — проворчал Сэм.

— Но если ты не раскачаешься, не попробуешь выйти на связь с оклендским флюк-бункером, тебя непременно опередят те, кто смелее, амбициознее. Например, Норман Шайн. Он-то уж точно не так боязлив.

Сэм, не ответив ни слова, продолжил мытье. Руки его тряслись мелкой дрожью.

Не так давно очередной благ-курьер сбросил невдалеке от бункера снаряд с какими-то хитроумными агрегатами вроде электромеханических счетных машинок. Недели три счетные машинки, если это действительно были они, так и валялись в пыли без дела, но с утра Норману Шайну пришло в голову, к чему можно их приспособить — если не все, то хотя бы одну. Выпотрошив механизм, он отобрал самые мелкие шестерни и принялся собирать из них измельчитель мусора для кухни Прелестницы Пат.

Склонившись над моделистским верстачком, разложив перед собой набор особых крохотных

инструментов, придуманных и сработанных обитателями флюк-бункера специально ради изготовления новых и новых деталей для мирков Прелестницы Пат, он с головой погрузился в работу. Настолько, что далеко не сразу заметил подошедшую вплотную, остановившуюся прямо за спиной Фрэн.

— Не сопи в затылок. На нервы действует, — буркнул Норм, подцепив щипчиками миниатюрное зубчатое колесо.

— Послушай, — заговорила Фрэн, выложив на верстак один из транзисторных радиоприемников, доставленных благ-курьером только вчера. — Есть идея. Тебя эта вещица ни на какие мысли не наводит?

— Наводит. Дистанционное отворение ворот гаража на очереди, — раздраженно откликнулся Норм и продолжил работу, умело сооружая из миниатюрных деталек измельчитель мусора под мойку для посуды на кухне Прелестницы Пат.

Такая тонкая работа требовала полной сосредоточенности.

— А вот мне она подсказывает, что где-то у нас, на Земле, наверняка есть радиостанции, передатчики, иначе благ-курьеры не возили бы нам приемники.

— И что с того? — безо всякого интереса пробормотал Норм.

— Передатчик может найтись у нашего мэра, — подсказала Фрэн. — Прямо под боком, здесь, в бункере. Если так, с Оклендом можно связаться прямо отсюда. Пускай их представители встретятся с нами на полпути… скажем, у берклийского флюк-бункера. Там можно и сыграть. И тащиться в такую даль, за пятнадцать миль, ни к чему.

Норман, прервав работу, отложил щипчики.

— Пожалуй, ты абсолютно права, — задумчиво проговорил он.

Но если у мэра бункера, Хукера Глиба, действительно есть радиопередатчик, позволит ли мэр им воспользоваться? А если позволит, то…

— Попробовать-то можно, — поторопила его Фрэн. — Попытка, как говорится, не пытка.

— О'кей, — согласился Норм, поднимаясь из-за моделистского верстака.

Невысокий, продувного вида человечек в армейском мундире, мэр пинольского флюк-бункера безмолвно выслушал Норма Шайна до конца и понимающе, с хитрецой улыбнулся.

— Разумеется, рация у меня есть. Уже десять лет как. Пятьдесят ватт на выходе. Но для чего тебе вдруг потребовалась связь с оклендским

флюк-бункером?

— А это уж мое дело, — не спеша раскрывать карты, ответил Норм.

— Ладно, — согласился Хукер Глиб, задумчиво подняв взгляд к потолку, — пользуйся. С тебя пятнадцать долларов.

Пораженный таким коварным поворотом, Норм вскинул голову, поднял брови. Боже правый, это же все их с женой сбережения, и все они, до единой бумажки, необходимы для игры в Прелестницу Пат! Деньги… в них ведь и заключен весь смысл игры: без денег не определить выигравшего и проигравшего!

— Не многовато ли? — возразил он вслух.

— Ну, пускай десять, — пожав плечами, уступил мэр.

После долгого торга оба сошлись на шести долларах плюс монетка в пятьдесят центов.

— Устанавливать связь буду я: ты все равно не умеешь, — решил Хукер Глиб и принялся накручивать ручку на боковой панели питавшего рацию генератора. — Дело это небыстрое. Свяжусь с ними — дам тебе знать… но деньги вперед!

С величайшей неохотой вложив деньги в протянутую мэром ладонь, Норм отправился восвояси.

Выйти на связь с Оклендом Хукеру удалось только вечером. Изрядно гордый успехом, лучащийся самодовольством, мэр явился в жилой отсек Шайнов посреди ужина.

— Все готово, — объявил он. — Кстати, ты в курсе, что на месте Окленда не один, а целых девять флюк-бункеров? Я вот не знал. Тебе который нужен? Я достучался до какого-то, с позывным «Красная Ваниль»… а вообще народец там, как на подбор, несговорчивый, себе на уме. Насилу хоть от кого-то ответа добился.

Разом забыв о недоеденном ужине, Норм со всех ног поспешил в отсек мэра. Хукер, пыхтя, отдуваясь, засеменил следом.

И вправду, рация работала: в динамике приемника вовсю трещали помехи. Неуклюже, с опаской подсев к микрофону, Норм оглянулся на Хукера Глиба.

— Просто вот сюда говорить? — спросил он.

— Да. Просто скажи: «Говорит пинольский флюк-бункер. Прием». Повтори пару раз, а как только ответят, излагай суть дела.

Склонившись над передатчиком, мэр принялся с важной миной подкручивать ручки настроек.

— Говорит пинольский флюк-бункер. Прием, — громко сказал Норм в микрофон.

Ответ не заставил себя ждать.

— Красная Ваниль-три на связи, — отчетливо раздалось из динамика.

Голос откликнувшегося звучал холодно, жестко, поражал отчуждением… да, очевидно, насчет несговорчивости оклендцев Хукер не врал.

— Скажите, есть у вас, там, где вы находитесь, Компанейская Конни?

— Есть, — подтвердил флюкер из Окленда.

— Тогда я вызываю вас на состязание, — объявил Норм, чувствуя, как натянулись, как пульсируют от волнения жилы в горле. — У нас здесь играют в Прелестницу Пат, и мы готовы сыграть Прелестницей Пат против Компанейской Конни. Где можем встретиться?

— Прелестница Пат, стало быть, — повторил за ним оклендский флюкер. — Как же, слыхал, слыхал… Что ставить думаете?

— Среди своих мы обычно играем на бумажные деньги, — признался Норм и тут же устыдился явного убожества ответа.

— Бумажных денег у нас — хоть отбавляй, — резко, язвительно сообщил оклендский флюкер. — Ими никого не заинтересуешь. Еще предложения?

— Даже не знаю…

Вести разговор с тем, кого не видишь, оказалось неожиданно тяжело: к подобному Норм не привык.

«Разговаривать нужно лицом к лицу, глядя в глаза», — раздраженно подумал он. Происходящее казалось все более противоестественным.

— Давайте встретимся на полпути и все обсудим в подробностях, — предложил он. — К примеру, у берклийского флюк-бункера… как вам такой вариант?

— Далековато, — ответил флюкер из Окленда. — Вы что же, предлагаете весь мир Компанейской Конни туда тащить? Тяжеловат он для этого, да и в дороге с ним всякое может случиться.

— Нет, пока я предлагаю просто встретиться, ставки и правила обстоятельно обсудить, — уточнил Норм.

— Что ж, это, наверное, можно, — не без колебаний решил оклендский флюкер, — но зарубите себе на носу: для нас наша кукла, Компанейская Конни, — дело чертовски серьезное, так что подготовьтесь к переговорам как следует.

— Подготовимся, не сомневайтесь, — заверил его Норм.

Между тем мэр Хукер Глиб, все это время накручивавший ручку генератора, изрядно вспотел,

побагровел от натуги и наконец зло замахал Норму рукой: закругляйся, мол, кончай треп!

— Значит, возле берклийского флюк-бункера, — подытожил Норм. — Через три дня. И присылайте лучшего игрока, хозяина самой большой, самой достоверной диорамы. Знайте: каждый из наших миров, миров Прелестницы Пат, — произведение искусства.

— Вот поглядим на них, тогда и оценим, — хмыкнул оклендский флюкер. — У нас как-никак для строительства диорам имеются и столяры, и электрики, и лепщики-штукатуры, а из ваших, держу пари, ремеслам никто не обучен.

— Глядите, не просчитайтесь. Не такие уж мы неумехи, как вам хотелось бы думать, — запальчиво возразил Норм и отложил микрофон. — Мы их побьем, — сказал он Хукеру Глибу, тут же бросившему рукоять. — Вот погоди, посмотрят они на измельчитель мусора, который я как раз сейчас своей Прелестнице Пат мастерю! Ты, кстати, знаешь, что раньше, в преж-дни, некоторые — то есть живые, настоящие люди — обходились мойками без измельчителей мусора в стоке?

— Знаю, и не хуже тебя, — брюзгливо отрезал Хукер. — Послушай-ка, я за такие деньги не подряжался целых полчаса эту штуку крутить.

По-моему, ты меня облапошил: вон долго как говорил.

Взгляд мэра исполнился такой неприязни, что Норму стало не по себе: как-никак мэр бункера согласно закону имел право выдворить, выставить за порог любого флюкера, кого только ни пожелает.

— Хочешь, бери в придачу уличный ящик пожарной сигнализации, — предложил Норм. — Только на днях закончил. В моей диораме он стоит на углу квартала, где живет сердечный друг Прелестницы Пат, Леонард.

— Ладно, сойдет, — поспешил согласиться Хукер. Неприязнь в его взгляде исчезла как не бывало, сменившись алчным нетерпением. — Пойдем, Норм, покажешь. Наверняка и в мою диораму прекрасно впишется: ящика пожарной сигнализации мне как раз не хватало, чтобы завершить первый квартал, где я почтовый ящик повесил. Спасибо тебе!

— Не за что, — философски вздохнув, откликнулся Норм.

Из двухдневного похода к берклийскому флюк-бункеру он возвратился с таким мрачным видом, что жена его сразу же поняла: переговоры с оклендцами прошли не лучшим образом.

Тем утром очередной благ-курьер сбросил возле убежища картонки какого-то синтетического напитка наподобие чая. Вручив Норману чашку, Фрэн приготовилась слушать, что же произошло там, в восьми милях к югу.

— Торговались отчаянно, — сообщил Норм, устало усевшись на край семейной, общей с женой и сыном, кровати. — Деньги им не нужны, припасы, ясное дело, тоже… припасами эти проклятые благ-курьеры исправно снабжают всех.

— Тогда что же им нужно?

— Сама Прелестница Пат, — ответил Норм и погрузился в молчание.

— Боже правый! — в ужасе ахнула Фрэн.

— Но, выиграв, мы выиграем Компанейскую Конни, — подчеркнул Норм.

— А диорамы? С диорамами как?

— Диорамы остаются владельцам. На кону только Прелестница Пат — ни о Леонарде, ни о чем другом разговора нет.

— Но как же мы будем жить, оставшись без Прелестницы Пат? — возразила Фрэн.

— Новую сделаю, — пояснил Норм. — Со временем. Термопластика и искусственных волос на складах еще куча. Разных красок у меня тоже хватает. Возни, конечно, минимум на месяц, но

ничего сложного. Конечно, я не горю желанием снова браться за это дело, однако… — В глазах его заплясали искорки. — Подумай не о худшем, о лучшем исходе! Представь: мы с тобой выиграем Компанейскую Конни! По-моему, шансы неплохи: делегат их, конечно, хваток и, как выразился Хукер, «себе на уме»… но флюкер из него, я бы сказал, неважнецкий. С удачей он не в ладах, понимаешь?

Действительно, везения игра требовала нешуточного: очень уж многое в ней зависело от прихоти своенравного, непредсказуемого волчка.

— Нехорошо это как-то — Прелестницу Пат на кон ставить… но раз уж ты слово дал, я согласна, — с вымученной улыбкой объявила Фрэн. — А если ты выиграешь Компанейскую Конни… как знать? Возможно, когда Хукер умрет, тебя даже выберут в мэры! Подумать только: выиграть чью-то куклу… не деньги, не партию — куклу!

— Выиграть мне под силу, — без тени улыбки заверил ее Норм. — С везением у меня порядок.

Да, тут он нисколько не кривил душой. Он и сейчас чувствовал за собою удачу, улыбнувшуюся ему во время термоядерной войны и с тех самых пор вот уже десять лет уберегавшую его

от гибели.

«Удача — она либо есть, либо нет, — подумалось Норму. — У меня есть, это точно».

— Может, попросим Хукера созвать общее собрание? — предложила его жена. — Пусть выберут лучшего в бункере игрока и отправят на состязание… чтобы уж точно выиграть.

— Послушай, — категорически отрезал Норм, — лучший игрок — это я. Мне и играть против оклендских. Вернее сказать, нам с тобой. Сыгрались мы превосходно, дробить команду ни к чему. Вдобавок тащить диораму Прелестницы Пат все равно придется по меньшей мере вдвоем.

По прикидкам Норма, их диорама весила никак не меньше шестидесяти фунтов.

Самому ему собственный план казался вполне рабочим, однако, рассказав о нем другим жителям пинольского флюк-бункера, Норм тут же столкнулся с множеством возражений. В яростных спорах прошел весь следующий день.

— Вдвоем вам диораму в такую даль не дотащить ни за что, — с возмущением возразил Сэм Риган. — Либо возьмите с собой еще хоть пару человек, либо везите диораму на чем-нибудь… вроде тележки из супермаркета.

— И где я ее возьму? — огрызнулся Норм.

— Думаю, приспособить что-нибудь можно. Я лично тебе всем, чем сумею, помочь готов, — объявил Сэм, от души хлопнув его по спине. — Сам бы с вами пошел, но, как говорил жене, настораживает меня вся эта идея… а вашей с Фрэн храбростью остается только восхищаться. Такой поход затеяли! Жаль, мне духу не хватает, — заметно приуныв, признался он.

Поразмыслив, Норм остановил выбор на тачке. Тачку они с Фрэн смогут толкать по очереди, а на себе ни ей, ни ему не придется нести ничего, кроме воды, провизии и, конечно, ножей, чтоб отбиваться в пути от со-кошек.

Пока оба бережно укладывали в тачку детали диорамы, к родителям с горящими глазами подбежал сынишка Норма Шайна, Тимоти.

— Пап, возьми и меня! — взмолился он. — Всего пятьдесят центов, и я пойду с вами — за проводника, за разведчика и еще с добычей пищи в пути помогу!

— Сами прекрасно дойдем, — отрезал Норм. — А ты сиди дома, в бункере: не хватало нам о тебе волноваться!

На самом деле ему просто ужас как не хотелось, чтоб сын тащился за ними в такой важный, ответственный поход: сама мысль об этом казалась

чем-то сродни святотатству.

— Поцелуй нас на прощанье, — с улыбкой бросила Тимоти Фрэн и тут же вновь устремила взгляд на детали диорамы в кузове тачки. — Надеюсь, не опрокинется, — испуганно шепнула она Норму.

— Ни в коем случае, — уверенно откликнулся Норм. — Главное — осторожность!

Спустя еще пару минут они вывели тачку на наклонный трап, дотолкали до люка, выкатили наружу и отправились в дальний путь, к берклийскому флюк-бункеру.

Где-то за милю до пункта назначения Норм с Фрэн начали натыкаться на пустые и полупустые корпуса снарядов, точно такие же остатки благпосылок, как и те, что валялись в пыли вокруг их убежища. При виде знакомой картины Норм Шайн испустил вздох облегчения. К счастью, поход оказался не таким уж тяжелым. Правда, сам Норм до волдырей стер ладони о металлические ручки тачки, а Фрэн, подвернувшая лодыжку, страдальчески прихрамывала на каждом шагу, однако дойти до цели удалось гораздо быстрее, чем он ожидал, и оба заметно воспрянули духом.

Вскоре впереди показался и человек — мальчишка, припавший к земле в тени пыльного

валуна.

— Эгей, сынок! — помахав ему рукой, крикнул Норм. — Мы из пинольского бункера: у нас тут встреча с оклендской партией… помнишь меня?

Мальчуган, не ответив ни слова, развернулся и со всех ног умчался прочь.

— Не бойся, он мэру о нас доложить побежал, — объяснил Норм жене. — Мэр у них — старикан славный… Бен Феннимор его звать.

Вскоре навстречу путникам не без опаски вышли около полудюжины взрослых.

Норм с облегчением опустил опоры тачки в пыль, выпрямился и утер носовым платком покрытый испариной лоб.

— Оклендская команда уже на месте? — во весь голос спросил он.

— Нет еще, — сощурившись, ответил рослый старик в роскошной военной фуражке, с белой повязкой на рукаве. Это и был сам Бен Феннимор. — Вы — Шайн, верно? Уже с диорамой вернулись?

Берклийские флюкеры придвинулись ближе, обступили тачку, разглядывая диораму Шайнов. На лицах их отразилось искреннее восхищение.

— У них тоже есть Прелестница Пат, — пояснил Норм жене, — но… — Тут он понизил голос до

шепота. — Но диорамы у них самые незатейливые. Дом, гардероб, машина — и все. Больше они почти ничего для нее не мастерят. Фантазии не хватает.

— И вы сделали всю эту мебель своими руками? — благоговейно выдохнула одна из жительниц берклийского флюк-бункера, в восторге воззрившись на Фрэн, и повернулась к остановившемуся рядом спутнику. — Взгляни, Эд! Видишь, чего люди достигли?

— Вижу, — кивнул ее спутник и тоже шагнул к Фрэн с Нормом. — Послушайте, а как бы в сборе на нее поглядеть? Можно? Вы ведь у нас в бункере будете все это собирать?

— Да, так и есть, — подтвердил Норм.

Берклийские флюкеры дружно ухватились за ручки тачки, и вскоре путники, без труда одолев последнюю милю, спустились по трапу вниз, в подземное бомбоубежище.

— Их бункер куда больше нашего, — вновь щегольнув познаниями, сообщил Норм жене. — На две тысячи жителей, не меньше. Прежде тут Калифорнийский Университет был.

— Понятно, — откликнулась Фрэн.

Войдя в чужой бункер, она слегка оробела, подалась назад, боязливо прижалась к Норму.

Шутка ли — впервые за многие годы, с довоенных времен, увидеть незнакомых людей, да еще так много сразу!

Как только они, спустившись на первый ярус, начали разгружать тачку, к гостям подошел Бен Феннимор.

— Кажется, оклендцы вот-вот подойдут, — негромко сообщил он. — Мне только что доложили о чужих наверху. Готовьтесь. Мы-то, ясное дело, болеем за вас: вы ведь, с такой же Прелестницей Пат, как у нас, нам все равно что свои.

— А их куклу, Компанейскую Конни, вы хоть раз видели? — спросила Фрэн.

— Нет, мэм, — учтиво ответил Бен Феннимор, — но слышать о ней, живя по соседству с оклендцами, естественно, слышал, и… и вот что я вам скажу. По слухам, их кукла, Компанейская Конни, чуточку старше Прелестницы Пат. Чуточку, понимаете ли… э-э… взрослее, — уточнил он. — Просто, чтоб вас это не застало врасплох.

Норм с Фрэн озадаченно переглянулись.

— Благодарю вас, — задумчиво проговорил Норм. — Действительно, нам любые сведения вовсе не помешают. А о Поле что скажете?

— О, Пол — он мало что значит, — заверил его Феннимор. — Всем заправляет Конни: а у Пола,

по-моему, даже квартиры собственной нет. Однако вы лучше дождитесь прихода оклендских флюкеров. Не хотелось бы сбить вас с толку: мне, понимаете, все, что известно, известно лишь понаслышке.

— Я как-то раз видел Компанейскую Конни, — подал голос еще один берклийский флюкер, стоявший неподалеку. — Так и есть: она куда старше Прелестницы Пат.

— А сколько, по-вашему, лет Прелестнице Пат? — спросил Норм.

— Думаю, лет семнадцать, максимум восемнадцать, — ответил берклийский флюкер.

— А Конни? — с замиранием сердца выдохнул Норм.

— О-о, возможно, целых двадцать пять.

Тут с трапа за их спинами донесся шум. Вскоре на первый ярус спустилось еще несколько берклийских флюкеров, а следом за ними — двое, поддерживавшие с двух сторон широкий, увесистый подиум. Громадная диорама, развернутая на подиуме… да, тут было, было на что посмотреть!

Оклендская команда оказалась не семейной парой, не мужем с женой: составляли ее двое одинаково жестколицых мужчин с холодными, цепкими взглядами, не отражавшими никаких

чувств. Поприветствовав Норма и Фрэн скупым, резким кивком, оба необычайно бережно опустили на пол подиум с заранее собранной диорамой.

Сзади за ними следовал еще один, третий оклендский флюкер с металлическим ящиком вроде обеденных судков в руках. Увидев ящик, Норм инстинктивно почуял: там, внутри, и хранится их кукла, Компанейская Конни. Остановившись, оклендский флюкер достал из кармана ключ и отпер ящик.

— Мы готовы начать игру в любую минуту, — объявил самый рослый из оклендцев. — Игральные кости, как и оговорено, заменим волчком. И таким образом сузим возможности для мошенничества.

— Согласен, — откликнулся Норм и неуверенно протянул говорящему руку. — Я — Норман Шайн, а это Фрэн, моя супруга и партнерша в игре.

— Я — Уолтер Р. Уинн, — представился оклендец; очевидно, команду противника возглавлял именно он. — Рядом со мной мой партнер, Чарли Доуд, а нашего спутника с ящиком зовут Питер Фостер. Он в игре не участвует. Он только охраняет диораму.

Умолкнув, Уинн обвел взглядом столпивших-

ся вокруг берклийских флюкеров, словно бы говоря: знаю, знаю, здесь все поголовно без ума от Прелестницы Пат, но нам плевать, мы не из пугливых.

— Мы готовы начать игру, мистер Уинн, — негромко, однако ровно, твердо сказала Фрэн.

— А что насчет денег? — спросил Феннимор.

— Думаю, денег у обеих команд в избытке, — ответил Уинн, выложив на пол несколько тысяч долларов зелеными сотенными банкнотами. Его примеру последовал Норм. — Разумеется, о денежных ставках речь не идет: деньги сейчас — только средство ведения игры.

Норм согласно кивнул. Деньги — вовсе не главное. Он тоже не помышлял ни о чем, кроме кукол… и именно в этот момент впервые увидел своими глазами куклу оклендцев, Компанейскую Конни.

Вынув куклу из ящика, мистер Фостер — очевидно, распоряжался ею он — поместил ее в спальню. От одного взгляда на Компанейскую Конни просто захватывало дух. Да, она оказалась значительно старше — не девчонкой, взрослой женщиной, разительно отличавшейся от Прелестницы Пат буквально во всем… а как походила на живую! Резную, не отлитую из термопласти-

ка, ее явно выточили из дерева, а после искусно раскрасили, а волосы, волосы… неужто впрямь натуральные?!

До глубины души пораженный увиденным, Норм надолго умолк.

— Что скажете? — с едва заметной усмешкой осведомился Уолтер Уинн.

— Весьма… весьма впечатляюще, — признал Норм.

Оклендцы, в свою очередь, принялись изучать Прелестницу Пат.

— Отливка из термопластика, — подытожил один. — Искусственные волосы… однако наряды неплохи, очень неплохи: сразу видно: все до единого пошиты вручную. Но, что самое интересное, дошедшие до нас слухи оказались верны. Прелестница Пат — не взрослая. Ей максимум восемнадцать.

Тем временем место в спальне Конни, рядышком с ней, занял и ее кавалер.

— Минутку, — возмутился Норм. — Отчего это Пол — или как его там — начинает игру с ней, из ее спальни? У него что же, своей квартиры нет?

— Оттого, что они муж и жена, — объяснил Уинн.

— Муж и жена?!

Ошеломленные, Норман с Фрэн уставились на него, высоко подняв брови.

— Ну да, а что? — подтвердил Уинн. — Муж и жена, и потому, естественно, живут вместе. А ваши куклы, я так понимаю, в браке не состоят?

— Н-нет, Леонард — просто поклонник, молодой человек Прелестницы Пат, — запинаясь, пролепетала Фрэн и вдруг крепко стиснула плечо мужа. — Норм, я ему не верю. По-моему, он выдумал, будто они состоят в браке, только ради стартового преимущества. Ведь если они оба начинают из одной комнаты…

— Послушайте, ребята, — в полный голос заговорил Норм, — выдавать их за мужа с женой нечестно.

— Мы вовсе не «выдаем» их за мужа с женой, — совершенно спокойно возразил Уинн, — они действительно муж и жена. Конни и Пол Лотроп, Пьемонт, Арден-плейс, 24. Год уже, как поженились, любой из игроков подтвердит.

«А что, может, и правда», — подумал Норм, потрясенный сильнее прежнего.

— Взгляни-ка на них обоих, — сказала Фрэн, припав на колени и приглядевшись к диораме оклендских флюкеров. — Одна спальня, один дом на двоих… Смотри, Норм, смотри! — с дро-

жью в голосе, дико блеснув глазами, воззвала она к мужу. — Кровать тоже всего одна! Большая, двуспальная… и как играть против них Прелестницей Пат с Леонардом? Это же просто… безнравственно!

— Эта ваша диорама, — заметил Норм, повернувшись к Уолтеру Уинну, — устроена совершенно иначе. Совершенно не так, как у нас. Сами видите, мы к таким не привыкли, — пояснил он, кивнув в сторону собственной диорамы. — Я вынужден настаивать на том, чтобы в этой партии Конни и Пол не жили вместе и не считались семейной парой.

— Но ведь они — муж и жена, это факт, — включился в спор Фостер. — Смотрите: их одежда висит в одном шкафу, а белье хранится в одном ящике комода, — подчеркнул он, предъявив в доказательство своей правоты и то и другое. — Теперь загляните в ванную. Видите? Зубных щеток здесь две, его и ее, на одной и той же подставке. Как видите, все без обмана: мы ничего не выдумываем.

Все пятеро надолго умолкли.

Затянувшуюся паузу нарушила Фрэн.

— Но если они муж и жена, — негромко, сдавленно пролепетала она, — значит… вы хотите

сказать, они… близки?

Уинн поднял бровь и кивнул.

— Естественно, как и положено мужу с женой. Что в этом может быть странного?

— Прелестница Пат с Леонардом никогда в жизни не…

На этом Фрэн осеклась и умолкла.

— Разумеется, — согласился Уинн, — ведь они всего-навсего, как говорится, встречаются. Мы это вполне понимаем.

— Выходит, мы просто не можем играть против вас. Не можем. Прошу тебя, Норман, — взмолилась Фрэн, подхватив мужа под руку, — идем обратно, в пинольский бункер!

— Постойте, — тут же возразил Уинн, — отказываясь от игры, вы расписываетесь в проигрыше. В таком случае вам придется расстаться с Прелестницей Пат.

Оба его спутника согласно кивнули. Оглядевшись по сторонам, Норм обнаружил, что многие из берклийских флюкеров, включая Бена Фенниморa, согласно кивают тоже.

— Правда за ними, — мрачно подтвердил Норм, повернувшись к жене. — Сдадимся, Прелестницу Пат придется отдать без боя. Уж лучше сыграть, дорогая.

— Хорошо, — безжизненно, глухо откликнулась Фрэн. — Играем.

Нагнувшись, она безучастно раскрутила волчок. Выпало шесть.

Уолтер Уинн с широкой улыбкой присел на корточки и в свою очередь запустил волчок. Ему волчок отмерил всего четыре.

Игра началась.

Укрывшийся за беспорядочной грудой гниющего груза, сброшенного возле бункера одним из благ-курьеров годы тому назад, Тимоти Шайн заметил вдали возвращающихся отца с матерью. Увязая в пыли, они из последних сил толкали перед собой тачку и сами едва не валились с ног.

— Привет! — завопил Тимоти, со всех ног бросившись им навстречу.

Возвращению родителей он радовался искренне, без дураков — уж очень по ним соскучился.

— Привет, сынок, — кивнув, пропыхтел отец.

Отпустив ручки тачки, он остановился и утер носовым платком взмокший лоб.

Тем временем к семейству Шайнов подбежал здорово запыхавшийся Фред Чемберлен.

— Привет, мистер Шайн! Привет, миссис Шайн! Эй, как сходили-то? Выиграли? Разгромили ок-

лендских флюкеров? Спорю на что угодно: в пух и прах разгромили, так ведь? — зачастил он, заглядывая в глаза то отцу, то матери Тимоти.

— Да, Фредди. Мы победили, — негромко ответила Фрэн.

— Загляните в тачку, — добавил Норм.

Опустив взгляды, мальчишки обнаружили среди имущества Прелестницы Пат еще одну, новую, незнакомую куклу — заметно выше, пышнее формами, гораздо старше Пат… И Фред, и Тимоти замерли, не сводя с нее глаз, а кукла, ясное дело, таращилась невидящим взглядом в серое небо над головой.

«Значит, вот она какая, Компанейская Конни, — подумал Тимоти. — Надо же!»

— Повезло нам, — признался Норм.

Из бункера один за другим поднялись наверх, обступили вернувшихся еще несколько человек: Джин и Сэм Риганы, Тод Моррисон с женой, Хелен. Следом за ними вперевалку, изрядно взволнованный, раскрасневшийся, как помидор, запыхавшийся от непривычных трудов — подъема по трапу — семенил сам мэр бункера, Хукер Глиб.

— Под конец мы безнадежно отстали, — продолжила Фрэн, — задолжали пятьдесят с лишним

тысяч, но тут нам выпала карточка «Списание долгов». Догнали мы благодаря ей оклендских флюкеров, а сразу же после вытянули карточку «Продвиньтесь на десять клеток вперед», и десятой как раз оказалась клетка «Джек-пот» — по крайней мере, в нашей диораме. Спор начался жуткий: в диораме оклендцев на этой клетке находилось «Удержание налогов на недвижимость», но волчок выдал нам «нечет» и вернул на свое поле, — со вздохом закончила она. — Ох, Хукер, наконец-то мы дома! Трудной партия выдалась… все силы, все нервы вымотала.

— Ребята, давайте все на Компанейскую Конни посмотрим! — пропыхтел Хукер Глиб. — Фрэн, Норм, можно, я подниму ее, чтобы всем было видно?

— Можно, конечно, — кивнув, разрешил Норм.

Хукер поднял Компанейскую Конни над головой.

— Надо же, как живая, — заметил он, пристально оглядев куклу со всех сторон. — А вот одежки значительно, значительно хуже наших: похоже, машинной работы.

— Так и есть, — подтвердил Норм, — зато сама кукла не литая, резная.

— Да, вижу, — промычал Хукер, поворачивая

куклу то так, то этак. — Прекрасно сработана, и фигурой… мм… попышнее Прелестницы Пат. А что за наряд на ней, вроде костюмчика твидового?

— Деловой костюм, — пояснила Фрэн. — Выиграли вместе с ней: об этом заранее договорились.

— У нее, видишь ли, работа имеется, — подхватил Норм. — Должность психолога-консультанта в коммерческой компании, занимающейся анализом рынков. Изучением вкусов потребителя. Денежная работенка… как там Уинн говорил — двадцать тысяч долларов в год?

— Бог ты мой, — заметно опечалившись, ахнул Хукер, — а Пат даже в колледж еще не пошла, школу оканчивает! Сдается мне, оклендские нас кое в чем опережают… но это ладно: главное, ты победил! Прелестница Пат вырвалась вперед!

Снова расплывшись в жизнерадостной, благодушной улыбке, он поднял куклу соперников, Компанейскую Конни, еще выше, чтобы трофей рассмотрели и вновь прибывшие.

— Глядите, ребята! Глядите, с чем воротились домой Норм и Фрэн!

— Осторожнее с ней, Хукер, — прикрикнул на него Норм.

— А? — слегка опешил Хукер. — А что с ней такое, Норм?

— Она ребенка ждет, — пояснил Норман Шайн.

Вокруг воцарилась гнетущая, леденящая кровь тишина. Безмолвие нарушал лишь негромкий сухой скрип пепла под ногами.

— Откуда ты знаешь? — нарушив паузу, спросил Хукер.

— От оклендцев, ясное дело, откуда ж еще. И ее будущего ребенка мы тоже выиграли… после жаркого спора, разрешившегося только благодаря вмешательству Феннимора.

Пошарив в кузове тачки, он отыскал среди кукольной мебели небольшой кожаный кошелек и бережно вынул из кошелька розовую резную фигурку, новорожденного младенца.

— Вот. Выиграли только потому, что Феннимор поддержал нас. Согласился, что с формальной точки зрения младенец в данный момент есть неотъемлемая часть Компанейской Конни.

Хукер надолго умолк, не сводя глаз с резной фигурки.

— Конни ведь замужем, — пояснила Фрэн. — За Полом. Они не просто встречаются. По словам мистера Уинна, сейчас она на четвертом месяце. Пока мы не выиграли, он о ее беременности даже

не заикался и после рассказывать не хотел, но остальные рассудили, что так выйдет нечестно… и правильно, на мой взгляд: куда же это годится — подобные вещи скрывать?

— И сверх того, — добавил Норм, — у нее действительно есть эмбрион — там, в…

— Да-да, — подхватила Фрэн. — Правда, чтобы взглянуть на него, Конни придется вскрыть…

— Нет, — подала голос Джин Риган. — Не надо… пожалуйста.

— Не надо, миссис Шайн, — поддержал ее Хукер, невольно попятившись прочь.

— Нас это поначалу тоже шокировало, — призналась Фрэн, — но…

— Понимаете, — вмешался Норм, — такова уж логика жизни. С логикой не поспоришь. Да что там, со временем и Прелестница Пат…

— Нет! — вскричал Хукер, нагнувшись и нащупав в пыли под ногами увесистый камень. — Нет! — в ярости зарычал он, разгибаясь и занося руку над головой. — Прекратите сейчас же, оба! Ни слова больше!

Риганы тоже нагнулись и вооружились камнями. Никто из пинольских флюкеров не проронил ни слова.

— По-моему, Норм, убираться отсюда нужно, —

нарушила молчание Фрэн.

— Вот именно, — буркнул Тод Моррисон.

Супруга Моррисона поддержала мужа, угрюмо кивнув в знак согласия.

— Уходите. Сейчас же проваливайте назад, в Окленд, — велел Норману с Фрэн Хукер Глиб. — Среди нас вам не место. Вы оба вернулись другими… словно вас подменили.

— Да-а, — вполголоса, будто бы про себя, протянул Сэм Риган. — Выходит, не зря… недаром я опасался. Не обманули предчувствия. Послушай, Норм, путь до Окленда — как, очень труден?

— Мы ведь только до Беркли дошли… до берклийского флюк-бункера, — ошарашенный, сбитый с толку происходящим, пролепетал Норм. — Господи, как же это… прямо сейчас развернуться и снова катить эту тачку назад, в Беркли? Нас же ноги не держат, нам отдохнуть требуется!

— Ну а если тачку покатит кто-то еще? — предложил Сэм Риган, подойдя к Шайнам и встав рядом. — Давай, Шайн. Я эту проклятую штуку толкать буду, а ты дорогу показывай.

С этими словами он перевел вопросительный взгляд на жену, однако Джин даже не шелохнулась. Даже не подумала бросить под ноги

пригоршню приготовленных к бою камней.

Тимоти Шайн дернул отца за рукав.

— Пап, ну а на этот-то раз мне с вами можно? Пожалуйста, возьми и меня!

— О'кей, — негромко, будто себе самому, ответил Норм, постепенно собираясь с мыслями. — Ладно. Пошли, Фрэн. Здесь мы больше не ко двору. Если Сэм тачку покатит, думаю, к ночи дойдем. Не успеем — заночуем на воздухе, а от со-кошек с помощью Тимоти как-нибудь отобьемся.

— По-моему, выбора у нас нет, — откликнулась мертвенно побледневшая Фрэн.

— И это с собой забрать не забудьте, — буркнул Хукер, протянув ей крохотную резную фигурку младенца.

Фрэн Шайн, приняв куколку, бережно спрятала ее в кожаный мешочек, а Норм уложил на место, в кузов тачки, Компанейскую Конни и приготовился двинуться в обратный путь.

— Со временем то же самое произойдет и здесь, — сказал он бывшим соседям, пинольским флюкерам. — Оклендцы просто немножко опередили в развитии остальных.

— Иди, иди, не задерживайся, — поторопил его Хукер Глиб.

Согласно кивнув, Норм потянулся к тачке, од-

нако Сэм Риган отодвинул его в сторонку и взялся за ручки сам.

— Идем, — сказал он.

Снявшись с места, троица взрослых — и Тимоти Шайн впереди, с ножом наготове на случай нападения со-кошек, — зашагала в сторону Окленда, к югу. Шли они молча: о чем тут еще говорить?

— Все-таки жаль, что так вышло, — нарушил молчание Норм, когда они одолели около мили и пинольские флюкеры скрылись из виду вдали, за спиной.

— А я вот ничуть не жалею, — отозвался Сэм Риган. — Может, оно только к лучшему.

Действительно, держался Сэм бодро, не унывал. Да, он только что навсегда расстался с женой и вообще потерял куда больше всех… однако остался жив.

— Рад за тебя, — уныло проворчал Норм.

Умолкнув, оба продолжили путь, поглощенные каждый своими мыслями.

Спустя какое-то время Тимоти подбежал к отцу.

— Пап, все эти громадные флюк-бункеры, что на юге… там ведь куда больше дел всяких, правда? То есть там не сидят целыми днями за этой игрой? — спросил он, явно надеясь, что так оно

и есть.

— Наверное, — подтвердил отец.

Над головами путников со свистом пронесся и тут же скрылся за горизонтом корабль благ-курьера. Тимоти по привычке проводил его взглядом, однако на самом деле корабль мальчишку нисколько не интересовал: ведь впереди, на юге — на земле, под землей — его ожидало столько нового, интересного!

— Хотя играть тоже можно по-разному, — задумчиво пробормотал отец. — К примеру, оклендцев их игра, их кукла кое-чему научила. Их Конни растет и вынуждает их, хочешь не хочешь, расти вместе с ней, а наши флюкеры от Прелестницы Пат так ничему подобному и не научились, и неизвестно, научатся ли когда-нибудь. Для этого ей нужно расти, как растет Конни: ведь Конни наверняка тоже когда-то, давным-давно, была девчонкой наподобие Прелестницы Пат…

Однако Тимоти пропустил отцовские разглагольствования мимо ушей — какой интерес в этих дурацких куклах и играх в куклы? — и снова помчался вперед, поглядеть, что там, дальше, какие возможности, какая жизнь открывается перед ним, перед матерью с папкой, а заодно и перед мистером Риганом.

— Скорей бы дойти! — во весь голос крикнул он отцу.

В ответ Норм Шайн сумел лишь устало, с великим трудом улыбнуться.

Резервист

За час до начала утренней передачи на шестом канале Джим Брискин, известный клоун-телеведущий, собрал у себя в кабинете весь съемочный персонал. Прежде чем выйти в эфир, следовало сообща решить, как быть с сообщением о неизвестно чьей, весьма вероятно, враждебной флотилии, замеченной наблюдателями в восьми сотнях астрономических единиц[6] от Солнца. Разумеется, новости — из разряда важнейших… но как подать их нескольким миллиардам зрителей, разбросанных по трем планетам и семи лунам?

— Не стоит пугать их, Джим-Джем, — закуривая, предложила Пегги Джонс, его секретарша. — Выступи этак мягонько, по-простецки.

Откинувшись на спинку кресла, она зашуршала депешами, полученными их коммерческой студией с телетайпов «Уницефалона 40-Д», прямо из Белого дома, из Вашингтона, округ Колумбия.

Гомеостатическая система для решения всевоз-

[6] Примечания: 6

Астрономическая единица — единица измерения расстояний в астрономии, примерно равная среднему расстоянию от Земли до Солнца. В настоящее время считается равной 149 597 870 700 метрам.

можных задач, «Уницефалон 40-Д» засек возможную угрозу извне и, во исполнение обязанностей президента Соединенных Штатов, немедля отправил навстречу заслон, эскадру линейных космических кораблей. Похоже, флотилия шла из совершенно другой звездной системы, но все обстоятельства, конечно же, предстояло выяснить линкорам заслона.

— По-простецки? — переспросил Джим Брискин, пронзив секретаршу мрачным, недобрым взглядом. — Вот так вот осклабиться и заявить: «Эй, слышьте-ка, братцы-товарищи, вот и случилось то самое, чего все мы боялись, хе-хе»? Ну да, на Земле и на Марсе животики со смеху надорвут, однако зрителям с дальних лун уж точно будет не до смеха.

Ясное дело: если к системе движется враг, дальним колониям достанется в первую очередь.

— Да, им будет совсем не до смеха, — согласился с Джимом Эд Файнберг, его консультант-сценарист, тоже не на шутку встревожившийся: семья Файнберга как раз проживала на Ганимеде.

— А чего-нибудь посветлее для начала эфира у нас в новостях разве нет? Такого, что придется по нраву рекламодателям? — заметила Пегги, вручив Брискину кипу новых депеш. — Вот, по-

гляди. Может, найдется что-либо подходящее. Ну, сам понимаешь: «Верховный суд штата Алабама подтвердил право быка-мутанта голосовать на выборах мэра наравне с…»

— Понимаю, — буркнул Брискин и принялся просматривать депеши одну за другой.

Один из подобных курьезов — репортаж о мутировавшей голубой сойке, после долгих мытарств и стараний выучившейся шитью и как-то раз, ясным апрельским утром, сшившей себе с птенцами гнездо близ Бисмарка, Северная Дакота, перед объективами телекамер студии Брискина, — тронул сердца миллионов.

Действительно, кое-что подходящее отыскалось довольно быстро. Едва взглянув на депешу, Джим Брискин немедля почуял: вот, вот что способно сгладить остроту ужасающего, неутешительного сообщения о неизвестной флотилии! Дочитав депешу до конца, он вмиг успокоился. Дела трех планет с семью лунами пойдут своим чередом, как обычно, что бы там ни творилось в восьми сотнях астрономических единиц от Солнца.

— Глядите-ка! — с широкой улыбкой воскликнул он. — Старый Гас Шатц помер… наконец-то!

— А кто такой этот Гас Шатц? — озадаченно

сдвинув брови, спросила Пегги. — Фамилия вроде знакомая, но…

— Тот самый, ставленник профсоюзов, — напомнил ей Джим Брискин. — Ну как же! Президент-резервист, засланный профсоюзами в Вашингтон двадцать два года назад. Так вот, он мертв, и профсоюзы… да вот, сама посмотри, — предложил он, перебросив Пегги депешу.

Короткое сообщение оказалось предельно ясным.

— Теперь они посылают на место Шатца нового резерв-президента, и знаете, что? Возьму-ка я у него интервью. Если, конечно, он говорить еще не разучился.

— Да, верно, — сообразила Пегги. — Вечно я забываю! Ведь в Белом доме до сих пор держат в резерве специального человека на случай отказа «Уницефалона»… кстати, он хоть раз отказывал?

— Нет, — ответил Эд Файнберг. — И не откажет. Все это — просто еще одна синекура, еще один пример искусственного раздувания штатов. Ох уж эти профсоюзы… одно слово, чума современного общества!

— Но все-таки зрителей такой сюжет развлечет, — заметил Джим Брискин. — Верховный резервист страны у себя дома… отчего профсоюз

остановил выбор на нем, хобби и увлечения… Чем этот тип, кто бы он ни был, собирается заняться во время службы, чтоб не сойти с ума от безделья? Старый Гас, например, выучился переплетному делу. Собирал редкие древние журналы для автомобилистов и переплетал их в пергаментную кожу с золотым тиснением.

Эд с Пегги согласно закивали.

— Давай, Джим-Джем, им и займись, — подбодрила начальника Пегги. — Интересно выйдет. У тебя что угодно интересным выходит. Сейчас позвоню в Белый дом… кстати, он уже там?

— Скорее он еще в штаб-квартире профсоюза, в Чикаго, — рассудил Эд. — Попробуй звякнуть туда. Профсоюз Гражданских Государственных Служащих, восточное подразделение.

Придвинув к себе телефон, Пегги поспешно набрала нужный номер.

Около семи утра Максимилиан Фишер, разбуженный шумом, заворочался в полусне и нехотя оторвал голову от подушки. Накал страстей в кухне с каждой секундой рос; визгливому, резкому голосу домоправительницы вторили еще несколько голосов — мужских, незнакомых. Кое-как одолев дремоту, Фишер с трудом, с осторожностью, стараясь не тревожить напрасно

внушительного живота, сел. Спешить он даже не думал: доктор велел не перенапрягаться, не перетруждать и без того изрядно расширившееся сердце, а если так, к чему жалеть время на одевание?

«Должно быть, опять явились за взносом в какой-нибудь фонд. Судя по голосам, вроде как раз из этих… вот только зачем бы так рано-то? — подумал Макс, однако ничуть не встревожился. — А впрочем, чего мне бояться? Долгов за мной нет».

Одну из любимых рубашек — розового шелка в тонкую зеленую полоску — он застегнул со всей мыслимой аккуратностью.

«Главное — марку держать, — рассудил он, наконец-то сумев наклониться достаточно низко, чтоб надеть мягкие бальные туфли искусственной, но с виду совсем как настоящая, оленьей замши, и приглаживая перед зеркалом поредевшие волосы. — Главное, принять их на равных. Будут домогаться слишком усердно, вмиг пожалуюсь прямо Пату Ноблю с нью-йоркской профбиржи труда. Нет уж, нахальства в свой адрес я не потерплю: даром, что ль, столько лет состою в профсоюзе?»

— Фишер! — гаркнули во весь голос за дверью. — Одевайся живей, выходи! Для тебя есть

работа! Приступаешь прямо сегодня!

«Работа?»

Мысль о работе вызывала смешанные чувства: пожалуй, Макс сам не знал, радоваться или, наоборот, пожалеть. Подобно большинству друзей, он уже год с лишним жил на пособие из профсоюзных фондов, и тут… вот те на!

«Тьфу, пропасть, — в ярости подумал он, — а если работа тяжелая? Если, к примеру, там нагибаться постоянно нужно или расхаживать туда-сюда? Ну нет, так нечестно… и вообще, кем это они себя возомнили?!»

Распахнув дверь, он столкнулся с незваными гостями нос к носу.

— Послушайте, — начал он, но…

— Фишер, не время болтать! — оборвал его один из профсоюзных чиновников. — Собирай вещи, едем. Гас Шатц отбросил копыта. Ты отправляешься в Вашингтон, округ Колумбия, на должность резервиста номер один, и как можно скорее, пока там не упразднили должность или не выкинули еще какого коленца, из-за которого придется объявлять стачку либо тащить их в суд. Главное, замену организовать сразу, без шума, пыли и проволочек, ясно? Чтоб глазом никто не моргнул.

— А платить будут сколько? — немедля осведомился Макс.

— Сколько бы ни платили, — грозно рявкнул профсоюзный чиновник, — твоего мнения никто не спрашивает! Все уже решено! Или, может, тебе угодно без дармовых денег из профсоюзного фонда остаться? Хочешь — в твоем-то возрасте — сам поискать работу?

— Но-но, полегче! — возмутился Макс. — Я, если что, хоть сейчас позвоню Пату Ноблю, и он вам…

Профсоюзные чиновники, устремившись в спальню, принялись без разбору швырять на кровать что подвернется под руку.

— Давай-давай. Вещи собрать поможем. Пат велел доставить тебя в Белый дом к десяти утра.

— Пат?! — ахнул Макс.

Стало быть, его предали, продали с потрохами!

Профсоюзные чиновники, глумливо осклабившись, полезли в чулан за чемоданами.

Вскоре вагон монорельса уже мчал их через равнины Среднего Запада. Мрачный как туча Максимилиан Фишер молчал, не сводя глаз с мелькающих за оком полей. Заговаривать с сидящими по обе стороны чиновниками из профсоюза он даже не думал: уж лучше как следует поразмыслить над предстоящим. Что он вообще

может вспомнить об обязанностях резервиста номер один? Вроде бы где-то писали, будто рабочий день начинается в восемь утра… а еще в Белом доме постоянно ошиваются толпы туристов — особенно школьников, желающих поглядеть на «Уницефалон 40-Д». Да, ну и перспектива… тьфу, пропасть!

Детишек, вечно зубоскаливших над его толщиной, он на дух не выносил, а в Белом доме его ожидали миллионы остроязыких сорванцов, и никуда от них не денешься: служба. Согласно закону, ему полагается день и ночь, круглые сутки находиться не далее как в ста — или вовсе в пятидесяти? — ярдах от «Уницефалона 40-Д». С другой стороны, должность, как ни крути, высокая, выше некуда, и если гомеостатическая система решения задач даст сбой…

«Так. Пожалуй, надо бы мне подучиться, — решил Макс. — Хотя бы телевизионный образовательный курс по основам государственного управления пройти на всякий пожарный случай».

— Послушай, товарищ коллега, — заговорил он, повернувшись к профсоюзному чиновнику, подпиравшему его справа, — вот должность вы мне подыскали… а есть у меня в связи с ней

хоть какие-то полномочия? Имею ли я право, к примеру…

— Твое дело — обычное: занять вакансию. Удерживать рабочее место за профсоюзом, — устало откликнулся чиновник справа. — Сидеть. Наготове. В запасе. Ты что же, так долго бездельничал, что все позабыл?

Рассмеявшись, чиновник ткнул пальцем в плечо своего спутника.

— Слыхал? Тут Фишер интересуется, много ли власти новая должность дает!

Оба залились смехом.

— Вот что я тебе посоветую, Фишер, — отсмеявшись, протянул профсоюзный чиновник. — Обустроишься, обживешься там, в Белом доме, обзаведешься креслом, кроватью, распорядишься насчет меню, стирки, режима просмотра телепередач, беги мелким шагом к «Уницефалону 40-Д», поскули, поскребись, хвостом повиляй, пока он тебя не заметит…

— Отстань, — буркнул Макс, пожалев, что заговорил с ним.

— А после, — не унимался чиновник, — скажи этак: «Слышь-ка, „Уницефалон“, мы же с тобой друзья-приятели! Давай так: ты — мне, я — тебе. Ты для меня указец один издашь, а я…»

— А «Уницефалону»-то с него какой прок? — полюбопытствовал второй чиновник.

— Ясно, какой: развлечение! Фишер поведает ему всю подноготную о своей жизни, как поднялся из нищеты и безвестности, как усердно учился, по семь дней в неделю смотря телевизор, пока наконец — подумать только! — не вознесся на самый верх, к должности…

Профсоюзный чиновник неудержимо захихикал.

— К должности запасного, резервного президента!

Максимилиан, побагровев, умолк и вновь устремил взгляд наружу, за окно монорельсового вагона.

Как только они, домчавшись до Вашингтона, округ Колумбия, прибыли в Белый дом, Максимилиану Фишеру показали небольшую комнатку, прежде принадлежавшую Гасу. Конечно, от коллекции поблекших старинных журналов для автолюбителей ее успели освободить, однако на стенах сохранилось с полдюжины рекламных плакатов: «Вольво S-122» 1963 года, «Пежо 403» 1957-го и прочий антиквариат, легендарная классика ушедшей эпохи автопрома. Вдобавок, взглянув в сторону книжного шкафа, Макс об-

наружил на полке пластиковую модель ручной работы, поразительно, до мелочей точную копию студебеккеровского «Старлайт Купе» 1950 года.

— Как раз мастерил, когда сыграл в ящик, — пояснил один из профсоюзных чиновников, опустив на пол чемодан Макса. — Все, что угодно, об этих старых, дотурбинных машинах мог рассказать… столько бесполезного хлама держал в голове…

Макс молча кивнул.

— Сам-то уже придумал, чем заниматься будешь? — полюбопытствовал чиновник.

— А, дьявол, — взорвался Макс, — когда тут придумывать было?! Нечего меня торопить!

Насупившись, он снял с полки студебеккеровское «Старлайт Купе», осмотрел модель снизу и, едва одолев желание хрястнуть ею о стену, вернул автомобильчик на место.

— Начни клубок из канцелярских резинок мотать, — подсказал чиновник.

— Что? — удивился Макс.

— Тот тип, который числился резервистом номер один до Гаса… Луи вроде бы, или как его там… до самой смерти собирал канцелярские резинки, и такой громадный клубок из них успел намотать — чуть ли не с дом двухэтажный. Не

помню, как его звали, но под его клубок в одном из музеев Смитсоновского института отдельная витрина отведена!

Из коридора донеслись шаги и гул множества голосов.

— Господин президент, — объявила, заглянув в комнату, администраторша Белого дома, строго одетая дама средних лет, — к вам клоун из теленовостей, просит об интервью. Будьте любезны, постарайтесь закончить с ним как можно скорее. У нас на сегодня назначено немало экскурсий — возможно, некоторые из экскурсантов пожелают взглянуть и на вас.

— О'кей, — согласился Макс и приготовился к встрече с телеклоуном.

Следом за администраторшей в комнату вошел Джим-Джем Брискин собственной персоной, самый популярный из телеклоунов на сегодняшний день.

— Вы… хотите взять у меня интервью? То есть вам точно нужен именно я? — робко, с запинкой заговорил Макс, протянув Брискину руку. Что интересного мог бы найти Брискин в его особе, он себе даже не представлял. — Да, это моя комната, но модели автомобилей и все эти плакаты не мои, а покойного Гаса… я о них ничего рассказать

не могу.

Знакомый огненно-рыжий клоунский парик, венчавший голову Брискина, даже в жизни придавал ему тот самый чудной вид, великолепно запечатлевавшийся телекамерами. Вблизи он выглядел старше, чем на экране, однако его непринужденной, дружеской улыбке, привлекавшей зрителя, это ничуть не вредило. Свойская улыбка служила ему фирменным знаком, главной деталью образа приятного во всех отношениях парня, спокойного, невозмутимого, но при случае весьма, весьма острого на язык. Как раз такого, которого…

«Скажем, которого всякий хотел бы видеть в зятьях», — подумалось Максу.

— Вот вы и в эфире, мистер Макс Фишер, — заговорил Брискин, пожав его руку. — Или, вернее сказать, господин президент! Доброе утро, говорит Джим-Джем! Позвольте от имени — буквально — миллиардов зрителей, смотрящих и слушающих нас во всех уголках и закоулках нашей обширнейшей Солнечной системы, спросить вот о чем. Каково это, сэр — сознавать, что любой, пусть даже мимолетный, отказ «Уницефалона 40-Д», мигом забросит вас на самый высокий пост, возложит на вас тягчайший из грузов, когда-либо

ложившийся на плечи человека — бремя обязанностей действительного, не просто резервного президента Соединенных Штатов? Не тревожат ли мысли об этом вашего сна?

Лицо Брискина озарилось широкой улыбкой. Техники-осветители за его спиной водили из стороны в сторону лучами переносных софитов. Казалось, яркий свет вот-вот выжжет глаза. На страшной жаре подмышки, загривок и даже верхняя губа Макса взмокли от пота.

— Одним словом, что вы чувствуете в этот момент? — тараторил Брискин. — О чем думаете на пороге нового дела — дела, которое, вполне возможно, перевернет всю вашу жизнь? Какие мысли рождаются в вашей голове здесь, в стенах Белого дома?

— Ну, — помолчав, заговорил Макс, — ответственность на мне, конечно, теперь немалая…

И тут ему сделалось ясно: да ведь Брискин смеется над ним! Смеется, беззвучно хохочет ему в лицо, а все это интервью — просто фарс, очередная выдумка телеклоуна, и зрители трех планет с семью лунами давно поняли, в чем дело, поняли шутку Джим-Джема с самого начала!

— Вы, мистер Фишер, человек крупный, — продолжал Брискин, — так сказать, корпулентный.

В ладах ли вы с физкультурой? Я отчего спрашиваю: на новой должности вам придется сидеть здесь, у себя, почти безвылазно. Интересно, какие перемены сие обстоятельство привнесет в вашу жизнь?

— Н-ну, — промычал Макс, — я, конечно же, считаю, что государственный служащий обязан постоянно быть на посту. Да, вы не ошиблись, мне действительно придется сидеть здесь день и ночь, но меня это не смущает. К этому я готов.

— А вот скажите, каким образом вы…

Но тут Джим Брискин, осекшись, умолк и оглянулся на группу видеотехников.

— Нам обрубили эфир, — совсем другим тоном сообщил он.

Сквозь строй операторов с камерами протолкался вперед человек в наушниках.

— Держите, слушайте! — воскликнул он, торопливо сунув наушники Брискину. — Нас вышвырнул из эфира «Уницефалон». Он экстренное сообщение транслирует.

Сдвинув на сторону рыжий клоунский парик, Брискин прижал к уху наушник, прислушался, переменился в лице, обвел съемочную группу многозначительным взглядом.

— «Уницефалон» говорит: чужие корабли в

восьми сотнях астрономических единиц от нас — флот неприятеля. Нас атакуют.

В течение следующих двадцати четырех часов флот пришельцев умудрился не только пробиться в Солнечную систему, но и вывести из строя «Уницефалон 40-Д».

Известия об этом достигли Макса Фишера довольно-таки неожиданным, косвенным образом, застав его в кафетерии Белого дома за ужином.

— Мистер Максимилиан Фишер?

— Ага, — подтвердил Макс, в недоумении оглядев контрразведчиков, окруживших его стол.

— Вы — президент Соединенных Штатов.

— Не-а, — мотнув головой, возразил Макс, — я всего-навсего резерв-президент. Разница существенная.

— «Уницефалон 40-Д», — сообщил старший над контрразведчиками, — выведен из строя на срок не менее месяца. Согласно последним поправкам к Конституции, вы — президент, а также Верховный главнокомандующий. Мы — ваша охрана.

Контрразведчик делано улыбнулся. В ответ Макс осклабился от уха до уха.

— Вы понимаете, что происходит? — процедил контрразведчик. — Серьезность момента улавливаете?

— А как же, — заверил его Макс.

Так вот, стало быть, о чем шептались вокруг, пока он стоял в очереди с подносом! Теперь-то он понимал, отчего персонал Белого дома так странно поглядывает на него.

Опустив на стол кофейную чашку, Макс Фишер неторопливо, аккуратно утер губы салфеткой и сделал вид, будто целиком поглощен серьезными размышлениями, но на самом деле в его голове не осталось ни одной содержательной мысли.

— Нам сообщили, — продолжил контрразведчик, — что вас просят срочно прибыть в бункер Совета национальной безопасности. Без вашего участия Совету не завершить разработку стратегических планов.

Покинув кафетерий, Макс в окружении контрразведчиков направился к лифту.

— Стратегия, стало быть, — заговорил он, как только кабина устремилась вниз. — Да, кое-какие стратегические соображения у меня есть. Сдается мне, с этими вражескими кораблями пора разобраться безо всякой пощады. Согласны?

Контрразведчики дружно кивнули.

— Да, — продолжил Макс, — пора показать: мы не из робких. Сжечь этих стервецов — вот и все завершение стратегических планов!

Контрразведчики добродушно рассмеялись.

Весьма довольный собой, Макс ткнул командира группы локтем в бок.

— По-моему, мы, черт возьми — сила нешуточная! То есть зубы у США имеются, да еще какие!

— И не говори, Макс! — поддержал его один из контрразведчиков, и все, включая самого Макса, расхохотались в голос.

На выходе из лифта их перехватил рослый, великолепно одетый человек.

— Господин президент, — настойчиво заговорил он, — я — Джонатан Кирк, пресс-секретарь Белого дома. Думаю, перед совещанием в Совете национальной безопасности, во время страшнейшей угрозы для всего человечества, вам следует выступить с обращением к народу. Народ хочет видеть своего нового вождя.

С этими словами пресс-секретарь вручил Максу лист бумаги.

— Вот заявление, подготовленное Политическим консультативным советом. Здесь вкратце изложены ваши…

— Чушь, — буркнул Макс и сунул бумагу обратно, даже не заглянув в текст. — Президент здесь я, а не вы… Кирк? Ширк? Берк? В первый раз слышу. Показывайте, где микрофон, а речь я

за себя скажу сам! Или доставьте мне сюда Пата Нобля: может, у него найдется пара идей.

Но тут ему вспомнилось, что именно Пат продал его с потрохами, именно Пат его во все это и втравил.

— Нет, он тоже тут ни к чему, — решил Макс. — Просто давайте сюда микрофон.

— В кризисной ситуации, — просипел Кирк, — мы все…

— Вот именно, в кризисной, — оборвал его Макс, — а потому не путайся под ногами. Займись своим делом, а мне не мешай заниматься своим, уяснил? Так оно всем будет лучше, — подчеркнул он, добродушно хлопнув Кирка по спине.

Следом за Кирком к лифту подошла внушительная толпа народу с портативными телекамерами и софитами, и Макс тут же углядел среди них Джим-Джема Брискина в окружении собственной съемочной группы.

— Эгей, Джим-Джем! — завопил он. — Гляди, вот я и президент!

Джим Брискин степенно, невозмутимо подошел к нему.

— Нет, я не стану мотать клубок из бечевок, — обменявшись с ним сердечным рукопожатием, продолжал Макс, — и модели яхт мастерить не

стану, ничего подобного! А тебе спасибо огромное — за поздравления!

— Поздравляю, — негромко проговорил Брискин.

— Спасибо, спасибо, — поблагодарил его Макс, стиснув ладонь телеклоуна до хруста суставов. — Конечно, рано или поздно этот говорящий ящик починят, а меня снова отправят в запас, однако…

Умолкнув, он торжествующе улыбнулся всем заполнившим коридор — от телевизионщиков с персоналом Белого дома до контрразведчиков и армейских офицеров в немалых чинах.

— Большое дело вам предстоит, мистер Фишер, — заметил Брискин.

— Ага. Уж это точно, — согласился Макс.

Однако явное сомнение в глазах Брискина добавляло: «Интересно, по силам ли оно тебе? Интересно, тот ли ты человек, которому можно доверить такую власть?»

— Но ничего, справлюсь, — заявил Макс прямо в подставленный Брискином микрофон: пускай все, все его зрители слышат!

— Возможно, и справитесь, — согласился Брискин, однако сомнений его решительность Макса отнюдь не развеяла.

— Э-э, да я, похоже, тебе разонравился? — уди-

вился Макс. — С чего бы?

Брискин, не ответив ни слова, поднял взгляд к потолку.

— Послушай, — продолжил Макс, — я теперь президент и запросто могу закрыть твою дурацкую студию, когда захочу… один звонок в ФБР, и готово. К твоему сведению, я сию же минуту отправляю в отставку генерального прокурора — этого, как его там… и заменяю его человеком, которого давно знаю, которому могу доверять.

— Понятно, — протянул Брискин.

Сомнения в его взгляде сменились уверенностью, но в чем, Макс догадаться не смог.

— Да, — подытожил Брискин, — полномочий вам, полагаю, хватит. Если вы действительно президент…

— «Если»! Гляди у меня! — оборвал его Макс. — Ты, Брискин, рядом со мною ничто, сколько б народу тебя ни смотрело!

С этим он, повернувшись спиной к камерам, скрылся за услужливо распахнутой кем-то дверью в бункер Совета национальной безопасности.

Долгое время спустя, уже под утро, Максимилиан Фишер, проторчавший в подземном бункере Совета национальной безопасности целую ночь, сонно клюя носом, вслушивался в бормотание

включенного телевизора. Передавали последние новости. К настоящему времени наблюдатели разведслужб доложили о появлении в пределах Солнечной системы еще тридцати неприятельских кораблей. Таким образом, силы противника увеличились до семидесяти единиц. Каждый корабль постоянно держали под наблюдением, но Макс понимал: этого мало. Рано или поздно ему придется отдать приказ нанести ответный удар по инопланетному флоту… однако его терзали нешуточные сомнения. В конце концов, кто они? Этого в ЦРУ не знали. Насколько они сильны? Этого никто не знал тоже. Как тут понять, завершится ли атака успехом?

И все это — не считая внутренних неурядиц. Прежде с экономикой, по мере необходимости взбадривая ее, урезая налоги, снижая кредитные ставки, разбирался «Уницефалон»… но теперь-то электронная система решения задач уничтожена!

«Бог ты мой, — в растерянности, в унынии думал Макс, — а что я вообще знаю о безработице? Где, на каких фабриках нужно возобновлять производство?»

Тяжко вздохнув, он повернулся к генералу Томпкинсу, главе Объединенного комитета

начальников штабов, сидевшему рядом за изучением донесений о маневрах тактических оборонных сил, защищавших Землю.

— Как там? Теперь с размещением кораблей порядок? — спросил он Томпкинса.

— Так точно, господин президент, — подтвердил Томпкинс.

Макс, вздрогнув, насторожился, однако не почувствовал в генеральском тоне ни малейшей иронии — только почтительность, уважение.

— О'кей, — пробормотал он. — Рад слышать. А прорехи в ракетном заслоне все устранили? Не проморгаете больше вражеских кораблей, как проморгали тот, расстрелявший «Уницефалон»? По-моему, одного раза — и то многовато!

— Мы в состоянии полной боеготовности, — заверил его генерал Томпкинс. — На военных, как говорится, рельсах с шести часов по местному времени.

— А что с кораблями… стратегического назначения?

Как ему объяснили, эвфемизм этот означал наступательные, ударные силы.

— Можем ударить в любой момент, — отвечал генерал Томпкинс, оглядев длинный стол и дождавшись согласных кивков сослуживцев. — Все

семьдесят неприятельских кораблей, вторгшихся в пределы системы, у нас на прицеле.

— Мм… питьевой соды ни у кого не найдется? — с жалобным стоном осведомился Макс, изрядно пришибленный сложившимся положением.

«Сколько работы-то… маеты-то сколько, черт побери, — подумал он. — Сколько волнений… ну, что бы этим стервецам попросту не убраться из нашей системы, а? Неужто нам вправду придется ввязываться в войну? Еще неизвестно, чем их родная система ответит на удар: поди их пойми, эти неземные формы жизни! Кто знает, что у них на уме?»

— Меня смущает одно, — со вздохом признался он. — Их ответные действия.

— Переговоры с ними, по-видимому, невозможны, — заметил генерал Томпкинс, — а значит, выбор у нас небогат.

— Тогда валяйте. Валяйте, задайте им, — решил Макс, оглядываясь в поисках питьевой соды.

— На мой взгляд, ход разумный, — подтвердил генерал Томпкинс.

Гражданские советники, сидевшие напротив, согласно склонили головы.

— Да, вот еще крайне странные новости, — спохватился один из них, передав Максу бланк

телеграфной депеши. — Из Федерального суда штата Калифорния сообщают: Джеймс Брискин только что подал против вас иск с требованием немедленного исполнения, утверждая, что по закону вы не имеете права занимать пост президента, поскольку не избраны таковым.

— То есть поскольку за меня не голосовали? — ахнул Макс. — Только поэтому?

— Да, сэр. Брискин обратился к Федеральному суду с просьбой принять решение по данному делу и в то же время объявил о намерении баллотироваться в президенты сам.

— ЧТО?!

— Брискин требует, чтоб вы не просто вышли на выборы, но состязались в предвыборной гонке с ним лично. Очевидно, при его-то популярности рассчитывая…

— Тьфу, пропасть! — в отчаянии воскликнул Макс. — Нет, как вам это нравится, а?

Никто не ответил ни слова.

— Ладно. Как бы там ни было, у нас все решено, — проворчал Макс, осененный новой идеей. — Вы, военные, займитесь всерьез кораблями пришельцев, а мы тем временем… а мы тем временем нажмем на рекламодателей Брискина, на это самое пиво «Рейнлэндер» и «Калбест элек-

троникс», экономическими средствами. Пусть-ка они его и приструнят.

Собравшиеся за длинным столом закивали. Шорох укладываемых в портфели бумаг возвестил о временном завершении совещания.

«Этот клоун рассчитывает на несправедливое преимущество, — мысленно успокоил себя Макс. — Как мне с ним соперничать, если борьба неравна? Если он — Джим-Джем, личность известная каждому, телезвезда, а я — нет? Нет уж, дудки, так дело не пойдет. Пусть выдвигается, пусть, только ничего хорошего ему это не принесет. Не побьет он меня. Не доживет до победы».

За неделю до выборов «Телскан», межпланетный институт, изучавший состояние общественного мнения, опубликовал результаты последних из проведенных опросов. Прочитав сводки, Максимилиан Фишер помрачнел, как никогда в жизни.

— На, полюбуйся, — буркнул он, перебросив сводку кузену, Леону Лайту, адвокату, недавно назначенному им на должность генерального прокурора.

Ясное дело, его показатели стремились к нулю. Выборы Брискин выиграет легко и непринужденно.

— Ну и ну, — удивился Лайт.

Разжиревший, не уступавший корпулентностью Максу, многие годы удерживавший за собой одну из резервистских должностей, он давным-давно отвык от каких-либо физических упражнений, и новая работа оказалась для него тяжела, однако из родственной преданности Лайт от нее не отказывался.

— Это все потому, что у него телевизионных каналов куча? — уточнил он и надолго присосался к банке с пивом.

— Нет, потому что у него пуп светится в темноте! — съязвил Макс. — Разумеется, все дело в телеканалах, недоумок: они ж день и ночь пашут, трезвонят — образ ему создают! — пояснил он и, помрачнев, ненадолго задумался. — Клоун… нет, может, рыжий парик для телеведущего и хорош, но для президента не годится, это уж точно.

Окончательно приунывший, он замкнулся в себе, умолк… однако самое худшее поджидало его впереди.

Тем же вечером, ровно в девять, на всех каналах Джим-Джема Брискина стартовал семидесятидвухчасовой телемарафон, крупномасштабный завершающий штрих, возносящий его к пику популярности, к верной победе.

Передачу Макс Фишер смотрел из президентской спальни Белого дома, сидя в кровати, в самом пасмурном расположении духа, невзирая на полный поднос всевозможных вкусностей под рукой.

«Ох, этот Брискин!» — уже в миллионный, наверное, раз с яростью думал он.

— Вот, — кивнув в сторону телевизора, буркнул он кузену, генеральному прокурору, устроившемуся напротив в покойном кожаном кресле, — полюбуйся, что вытворяет… умник!

— Безобразие, — промямлил Леон Лайт, жуя чизбургер.

— А вещает, знаешь, откуда? Из дальнего космоса, из-за орбиты Плутона. С самой далекой станции… куда твоим субчикам из ФБР не добраться даже за миллион лет!

— Доберутся, — заверил его Леон. — Я им велел взять его непременно: мой, говорю, кузен, президент, лично распорядился…

— Однако возьмут его еще не скоро, — заметил Макс. — Нерасторопен ты, Леон, дьявольски, проворства тебе не хватает! Слушай, чего скажу по секрету. Я отправил туда корабль, линкор «Дуайт Д. Эйзенхауэр». Экипаж готов сбросить на них яичко. Устроить им большой «бум», как только я

дам команду…

— И правильно!

— А у меня, понимаешь, язык ее отдать не поворачивается, — закончил Макс.

Телемарафон на глазах набирал обороты. Едва отзвучали важнейшие новости, лучи прожекторов выхватили из полумрака красавицу Пегги Джонс в блестящем, обнажающем плечи платье, ленивой походкой, сверкая глянцем волос, вышедшую на сцену.

«Ну вот, — невольно сев, оживившись, подумал Макс, — на очереди высококлассный стриптиз в исполнении высококлассной девицы». Возможно, не настоящий стриптиз… однако оппозиция, Брискин с командой, определенно обратила себе на пользу и секс. Даже кузен Макса, генеральный прокурор, сидевший напротив, прекратил жевать чизбургер: смолкшее чавканье возобновилось не меньше чем через пару секунд.

Тем временем Пегги с экрана запела:

Джим-Джем, Джем-Джим
Всеми любим,
Всюду о нем говорят!
Рыжий парик,
Острый язык,

— О, Господи, твоя воля, — застонал Макс, однако…

Однако поющая так прекрасно подчеркивала каждое слово немудреной предвыборной песенки каждым дюймом изящного, стройного тела!

— Так. Свяжусь-ка я с «Дуайтом Д. Эйзенхауэром», да поскорее. Пусть приступают, — решил он, не сводя глаз с экрана.

— Не робей, Макс! — подбодрил его Леон. — Знай, я вынесу решение, что ты действовал строго в рамках закона, на этот счет можешь не волноваться!

— Дай сюда вон тот красный телефон, — велел Макс. — Защищенная линия, только для совершенно секретных указаний Верховного главнокомандующего! Неплохо, а? — похвастал он, принимая от генерального прокурора ярко-алый аппарат. — Позвоню генералу Томпкинсу, а он передаст приказ на борт корабля. Жаль, Брискин, жаль, — добавил он, в последний раз взглянув на экран, — но ты сам виноват. Нечего было фокусничать: ишь, выборы ему подавай!

Тем временем девица в серебристом платье отпела свое и ушла, а на ее месте появился сам Джим-Джем Брискин. Макс на секунду замеш-

кался.

— Привет, привет, дорогие мои товарищи! — заговорил Брискин и поднял руки, прося тишины.

Загодя записанные на пленку овации — уж Макс-то знал, что никакого зала со зрителями там, в дальнем космосе, нет, — ненадолго утихли и вновь загремели в полную силу. Брискин, приятельски улыбаясь в камеру, терпеливо ждал их завершения.

— Надувательство, — проворчал Макс. — Публика-то фальшивая! Хитер, стервец, хитер, и штаб у него дело знает. Готов спорить, его популярность растет как на дрожжах!

— Точно, Макс, — согласился генеральный прокурор. — Растет с каждой секундой.

— Товарищи, — серьезно, без тени улыбки начал Джим Брискин с телеэкрана, — думаю, все помнят: поначалу мы с президентом, Максимилианом Фишером, превосходно поладили.

Макс замер, так и не сняв с рычагов телефонной трубки: Джим-Джем говорил сущую правду.

— Но затем, — продолжал Брискин, — разошлись во мнениях по вопросу власти. Верховной власти и злоупотребления ею. Для Макса Фишера пост президента — всего-навсего инструмент, орудие удовлетворения его собственных, личных

амбиций. Нет, я искренне верю, что во многих отношениях его стремления и цели вполне благородны: Макс в меру сил старается поддерживать заданный «Уницефалоном» политический курс… однако какими средствами? Средства — это уже совершенно иной вопрос.

— Вот! Полюбуйся, Леон, послушай, — проворчал Макс, а про себя подумал: «Что бы этот клоун там ни говорил, я службу не брошу и никаких помех не потерплю. Исполню служебный долг до конца. Стал бы он президентом, как я, — сделал бы то же самое».

— Закон, — вещал Брискин, — должен блюсти даже президент. Сколько бы у него ни было власти, власть вовсе не ставит его над законом. Закон превыше всего, — объявил он, подчеркнув сказанное многозначительной паузой. — Однако, как мне известно, в эту минуту ФБР, согласно прямому приказу ставленника Макса Фишера, Леона Лайта, предпринимает попытки закрыть мои телестудии, заткнуть мне рот. Таким образом, Макс Фишер вновь злоупотребляет властью, превращая органы охраны правопорядка в орудие удовлетворения личных…

Макс поднял телефонную трубку.

— Помначштаба генерала Томпкинса по свя-

зи, — немедля откликнулись на том конце провода. — Слушаю вас, господин президент.

— Помнач… чего? — переспросил Макс.

— Командующий службой связи при штабе генерала Томпкинса, армия 600-1000, сэр. Нахожусь на борту «Дуайта Д. Эйзенхауэра», говорю с вами через ретранслятор на орбите Плутона.

— А, да, — кивнув, промычал Макс. — Вы там держитесь наготове, ясно? Ждите распоряжений.

Умолкнув, он прикрыл микрофон трубки ладонью.

— Послушай, Леон, — зашептал он кузену, прикончившему чизбургер и принявшемуся за клубничный коктейль, — как я приказ-то отдам? Выходит, Брискин на мой счет кругом прав?

Звучно рыгнув, Леон постучал себя кулаком в грудь.

— Прошу прощения… Что значит «как»? Скажи слово Томпкинсу, и все дела.

— Возможно, — продолжал Брискин с экрана, — говоря с вами, я ежеминутно рискую жизнью, поскольку — давайте смотреть фактам в лицо — наш президент ради достижения целей не погнушается даже убийством. Такова политическая тактика любой тирании, а именно тирания и зарождается сейчас, на глазах у всех, в нашем об-

ществе, подменяя собою разумное, бескорыстное управление «Уницефалона 40-Д», гомеостатической системы решения задач, сконструированной, собранной и приведенной в действие стараниями величайших умов современности, гениев, посвятивших жизнь сбережению лучших традиций нашего прошлого. Превращение всего этого в единоличную тиранию — факт, мягко выражаясь, прискорбный.

— Ну вот, — негромко проговорил Макс. — Вот моим планам и крышка.

— С чего бы это? — удивился Леон.

— Ты что, глухой? Он же обо мне, обо мне толкует! Меня величает тираном! Гос-с-споди… — С этим Макс хлопнул трубкой красного телефона о рычаги. — Опоздал я. Прохлопал момент. Как ни противно, но… дьявол, теперь все это только подтвердит его правоту!

«Положим, я-то в любом случае знаю, что Брискин прав, — подумал он, — но знают ли об этом люди, народ? Нет, выставлять себя перед ними тираном нельзя ни за что. Им ведь нужно равняться на президента, уважать его, чтить, а я… Неудивительно, что у меня в сводках „Телскана“ такой бледный вид! Неудивительно, что Джим Брискин решил дать мне бой, как только услы-

шал о моем президентстве! Похоже, знают они, что почем, чуют, чего я стою, чуют, что Джим-Джем говорит чистую правду. Не президентского я калибра особа. Не гожусь для такого поста».

— Слушай, Леон, — заговорил он, — расправлюсь-ка я с этим Брискином все равно. Расправлюсь и сразу уйду в отставку. Таков будет мой последний президентский приказ.

С этими словами он вновь поднес к уху трубку красного телефона.

— Прикажу изничтожить Брискина, а там пускай президентом становится еще кто-нибудь. Любой, кто ни пожелает. Хоть даже Пат Нобль, или ты… плевать! — прорычал он, с трудом попадая пальцем в отверстия диска. — Эй, помнач… как тебя там! Давай, давай, отвечай! А ты, Леон, оставь мне коктейля: по справедливости, половина моя!

— Оставлю, не сомневайся, — верноподданнически заверил его Леон.

— Да что они там, оглохли? — буркнул Макс в телефонную трубку и умолк, дожидаясь ответа.

Телефон оставался нем.

— Что-то со связью не то, — сообщил Макс Леону. — На линии глухо. Должно быть, опять эти пришельцы…

Тут он заметил, что экран телевизора тоже погас.

— Да что происходит-то? Что за фокусы… кому это вдруг со мной шутить вздумалось? — испуганно озираясь, забормотал он. — Ничего не пойму!

Леон, стоически потягивавший молочный коктейль, лишь недоуменно пожал плечами в знак того, что тоже не знает ответа… однако его мясистые, вислые щеки побледнели как мел.

— Поздно, — вздохнул Макс. — Опять меня опередили, Леон. Похоже, я нажил себе врагов куда могущественней, сильней нас с тобой… и даже не знаю, кто они таковы.

Повесив трубку, он надолго умолк, замер в ожидании, не сводя глаз с безмолвного, темного телеэкрана.

— Сводка псевдоавтономных новостей, — внезапно раздалось из динамика телевизора. — Ждите начала, не отключайте приемников.

Все вокруг разом умолкли. Джим Брискин, переглянувшись с Эдом Файнбергом и Пегги, вновь устремил взгляд на экран.

— Товарищи! Граждане Соединенных Штатов Америки! — все с той же внезапностью заговорил механический, безликий голос из динамика телевизора. — Междувластие завершилось. Поло-

жение дел возвращается к норме.

Те же слова, отпечатанные на бумажной ленте, плавно прокручиваемой перед объективами телекамер в Вашингтоне, округ Колумбия, поползли от края к краю экрана. «Уницефалон 40-Д», подключившийся к коаксиальному кабелю, воспользовался законным, традиционным правом и в обычной манере прервал все другие трансляции. Звучавший из динамика голос синтезировали вербализационные агрегаты, органы речи электронной гомеостатической системы.

— Избирательная кампания немедленно прекращается, — объявил «Уницефалон 40-Д». — Это пункт первый. Резерв-президент Максимилиан Фишер лишается всех полномочий. Это пункт второй. Пункт третий: инопланетным пришельцам, вторгшимся в нашу систему, объявляется война. Пункт четвертый. Джеймсу Брискину, выступавшему перед вами…

«Вот и все», — с замиранием сердца подумал Джим Брискин.

— Пункт четвертый. Джеймсу Брискину, выступавшему перед вами на экранах этих устройств, — продолжал монотонный, ровный, точно горное плато, голос в его наушниках, — настоящим официально предписывается пре-

кратить всякую политическую деятельность и впредь воздержаться от таковой вплоть до предъявления органам юстиции убедительных доводов в пользу отмены данного ограничения в правах. До тех пор какая бы то ни было политическая активность ему в интересах общества запрещена.

— Все, — невесело улыбнувшись Пегги с Эдом Файнбергом, объявил Брискин. — Крышка. Совать нос в политику мне с этой минуты официально запрещено.

— Запрет через суд оспорить можно, — тут же возразила Пегги. — Хоть до Верховного суда дойти! Бывало, они отменяли решения «Унице-фалона», — добавила она, положив руку на плечо Брискина, но Брискин отодвинулся прочь. — Или ты не хочешь судиться по этому поводу?

— Ладно. По крайней мере, меня не лишили всех полномочий, — со вздохом откликнулся Брискин. Устал он — словами не передать как. — Я просто рад, что эта машина опять заработала, — добавил он, чтоб хоть немного ободрить Пегги. — Это ведь означает возврат к стабильности… а стабильность нам на руку.

— А чем ты намерен заняться дальше, Джим-Джем? — полюбопытствовал Эд. — Снова пойдешь на поклон к пиву «Рейнлэндер» и «Калбест

электроникс», постараешься вернуться к прежней работе?

— Ну, нет, — пробормотал Брискин.

Нет, это уж точно, однако… отказаться от вмешательств в политику он просто не мог. Не мог выполнить предписания системы решения задач чисто биологически. Рано или поздно — к счастью ли, к сожалению — он снова заговорит.

«Ручаюсь, Макс тоже прежней позицией не удовольствуется: натура, как и мне, не позволит. Может, действительно опротестовать запрет? Подать встречный иск… к суду „Уницефалон 40-Д“ притянуть? Замечательный выйдет процесс: истец — Джим-Джем Брискин, в роли ответчика — сам „Уницефалон 40-Д“! — с улыбкой подумал он. — Только тут адвокат требуется хороший. Куда лучше новоявленного гения юриспруденции Леона Лайта, родственничка Макса Фишера!»

Подойдя к чуланчику крохотной студии, откуда велась трансляция, он снял с вешалки пальто и сунул руку в рукав. Путь обратно, из-за орбиты Плутона на Землю, всем троим предстоял долгий, и мешкать с отлетом не стоило.

— Ты что же, вообще не собираешься вернуться в эфир? — удивилась двинувшаяся за ним Пегги. — Хоть на минутку, чтобы закончить про-

грамму?

— Не собираюсь, — подтвердил Брискин.

— Но ведь «Уницефалон» сейчас повторит сообщение, отключится, и что останется в эфире? Пустота? Нет, Джим, по-моему, так не годится. Взять и молча уйти… не верю! Не в твоем это характере.

Джим Брискин замер на пороге студии.

— Ты же слышала, что он сказал. Как на мой счет распорядился.

— И все же эфир пустым не оставляют, — возразила Пегги. — Что такое пустота, Джим? Вакуум, чуждый самой природе! Не заполнишь вакуум ты, его заполнит кто-то другой. Смотри, «Уницефалон» уже заканчивает! — воскликнула она, кивнув в сторону телевизора.

Действительно, строка текста доползла до конца, и экран вновь сделался безжизненным, темным.

— Видишь? Давай, Джим! Таков твой долг, сам понимаешь, — сказала Пегги.

— Эфир снова наш? — спросил Джим Эда.

— Да. Канал свободен… по крайней мере, до поры до времени.

С этим Эд указал на сцену, неширокий помост под прицелом софитов и телекамер. Больше он не

сказал ничего: других слов тут не требовалось.

Не снимая пальто, Джим Брискин поднялся на помост, заложил руки в карманы, остановился перед телекамерами, улыбнулся и заговорил:

— По-моему, дорогие товарищи, вынужденной паузе конец. Ну что ж, пока нам снова не помешали… продолжим!

Эд Файнберг щелкнул клавишей, студия заполнилась громом записанных загодя аплодисментов, и Джим Брискин вскинул вверх руки, призывая несуществующих зрителей к тишине.

— Нет ли у кого из вас на примете знающего адвоката? — язвительно осведомился Джим-Джем. — Если есть, немедля звоните нам, сообщите, как с ним связаться… пока до нас не дотянулись лапы ФБР!

Тем временем в президентской спальне Белого дома Максимилиан Фишер, дослушав обращение «Уницефалона», бросил взгляд на кузена, Леона Лайта.

— Ну, вот и все. Выставили меня с должности.

— Ага, Макс, — глухо откликнулся Леон. — Похоже, выставили.

— И тебя выставят, будь уверен. Выставят коленом под зад. Ишь, «лишается всех полномочий»! Обидно как-то… сказал бы хоть «освобождает-

ся» для приличия! — скрипнув зубами, заметил Макс.

— Может, у него просто манера выражаться такая, — успокоил его Леон. — Не расстраивайся, Макс, не волнуйся: гляди, как бы сердце не прихватило. Да и чего волноваться-то? Прежняя должность остается за тобой — высшая, позволь напомнить, должность в резерве! Шутка ли: резерв-президент Соединенных Штатов, и вдобавок все хлопоты, все тревоги с плеч долой! Ты, можно сказать, счастливчик!

— Интересно, мне хоть ужин этот доесть позволено? — задумчиво проговорил Макс, окинув пристальным взглядом поднос с закусками.

Отстранение от должности почему-то мигом улучшило аппетит. Остановив выбор на сэндвиче с куриным салатом, Макс жадно впился в него зубами.

— Думаю, да: все это по закону мое, — жуя сэндвич, констатировал он. — Я ведь по-прежнему вправе жить здесь и получать регулярное питание, верно?

— Верно, — подтвердил Леон, пустив в ход юридическое мышление. — Так гласит договор, заключенный профсоюзом с конгрессом. Помнишь те времена? Не зря, не зря мы вышли на

забастовку!

— Да уж, веселое было времечко! — согласился Макс.

Прикончив сэндвич с куриным салатом, он взялся за гоголь-моголь с ромом и сахаром. Эх, хорошо! Как же приятно жить, сознавая, что тебе больше не нужно принимать судьбоносных решений! Испустив долгий, прочувствованный вздох облегчения, Макс развалился на груде подушек, подпиравших его со спины.

Однако в тот же миг ему пришло на ум нечто новенькое: «А ведь, положа руку на сердце, принимать решения мне было в радость! То есть… — Тут мысли застопорились в поисках подходящего к случаю выражения. — То есть это совсем не то, что сидеть без дела на резервистской должности или тянуть из профсоюзного фонда пособие по безработице! Удовлетворение… удовлетворение, вот в чем вся суть! Чувство, будто действительно делаешь дело!»

По этому чувству он уже начинал скучать. Казалось, вся его жизнь в один миг сделалась пустой, напрасной… бессмысленной.

— Знаешь, Леон, а ведь я мог бы президентствовать еще хоть целый месяц, — со вздохом признался он. — С радостью, с удовольствием,

понимаешь?

— Э-э… да, кажется, понимаю, — промямлил Леон.

— Ничего ты не понимаешь, — раздосадованно буркнул Макс.

— Я стараюсь, Макс, честно! — заверил его кузен.

— Зачем я только подпустил к «Уницефалону» этих механиков? На кой черт распорядился немедля его починить? — с горечью проворчал Макс. — Нет бы повременить, потянуть резину хотя бы с полгодика!

— Теперь-то, наверное, поздно об этом жалеть, — заметил Леон.

«А поздно ли? — задумался Макс. — Ведь с „Уницефалоном 40-Д“, знаете ли, снова может произойти что-нибудь этакое. Новый несчастный случай. Авария».

Отправив в рот кусок пирога с начинкой из зеленых яблок и толстым ломтем чеддера сверху, он крепко задумался. Знакомых, способных провернуть — и время от времени проворачивавших — подобные дельца, у него имелось немало.

«Авария. Серьезная, на грани неустранимой, — размышлял он. — Как-нибудь глухой ночью, пока в Белом доме не спим только мы с этой железя-

кой. К чему миндальничать, в чем сомневаться, когда пришельцы, спасибо им огромное, идею на блюдечке поднесли?»

— Гляди-ка, Джим-Джем Брискин снова в эфире, — оживился Леон, ткнув пальцем в сторону телевизора.

И вправду на экране вновь пламенел знаменитый, знакомый каждому рыжий парик, а Брискин, как всегда, балагурил, сыпал шутками — вроде бы безобидными, однако глубокими, заставлявшими зрителя призадуматься.

— О, слышь: насчет ФБР зубоскалит, — удивился Леон. — Это же надо, а? В такой-то момент… и не боится ничуточки!

— Не мешай! Видишь, думаю, — оборвал его Макс и, дотянувшись до телевизора, неторопливо убавил громкость до нулевой.

Над тем, что пришло ему в голову, следовало размышлять обстоятельно, в тишине.

Как же быть с Рэглендом Парком?

Отдыхая в стенах собственного поместья близ Джон Дэй, тихого городка лесорубов посреди штата Орегон, Себастьян Ада задумчиво жевал виноград и смотрел на экран телевизора. Виноград доставляли в Орегон нелегальным реактивным лайнером прямо из Калифорнии, с одной из его собственных ферм в долине Сонома. Сплевывая косточки в жерло камина напротив кресла, Ада рассеянно, вполуха слушал рассказ ведущего с его собственного телеканала, «КУЛЬТУРы», — пространную лекцию о работах скульпторов-портретистов двадцатого века.

«Эх, вот бы Джима Брискина в ведущие заполучить», — невесело размышлял Ада. Ясное дело, известнейший, невероятно популярный телеклоун в огненно-рыжем парике, в сердечной, свойской манере балагурящий обо всем на свете, пришелся бы «КУЛЬТУРе» очень кстати, однако…

Однако в данный момент страной, обществом управлял этот идиот — но, надо отдать ему должное, идиот на удивление хваткий, — президент

Максимилиан Фишер, сцепившийся рогами с Джим-Джемом Брискином и не постеснявшийся упечь знаменитого телеклоуна за решетку. В результате Джим-Джем потерян и для коммерческой телесети, связующей воедино тройку обитаемых планет системы, и для «КУЛЬТУРы», а между тем правлению Макса Фишера не видно конца…

«Если мне удастся вытащить Джим-Джема из тюрьмы, — думал Ада, — возможно, он, проникшись благодарностью, согласится перейти ко мне, оставив прежних рекламодателей, пиво „Рейнлэндер“ с „Калбест электроникс“: в конце концов, им его вызволить, несмотря на все их юридические ухищрения, не удалось. Может, влияния не хватило, может, смекалки… но у меня-то есть и то и другое!»

Вошедшая в роскошную гостиную Тельма, одна из жен Ады, остановилась за его спиной и тоже устремила взгляд на экран телевизора.

— Будь добра, не стой сзади: на нервы действует, — проворчал Ада, развернув кресло к ней. — Мне нужно видеть лицо вошедшего.

— Представляешь, тот лис снова вернулся, — с радостным смехом сообщила Тельма. — Обнаружил, что я его вижу, — как зыркнет!.. а сам с

виду дикий, независимый — на тебя, Себ, чем-то похож. Жаль, я на пленку заснять его не успела.

— Джим-Джема нужно вытаскивать, — приняв решение, объявил Ада.

Придвинув к себе телефон, он набрал номер начальника съемочной группы «КУЛЬТУРы», Ната Камински, дежурившего на «Кулоне», искусственном ретрансляционном спутнике Земли.

— Спустя ровно час, — велел Ада подчиненному, — все наши каналы должны дружно поднять шум, требуя освобождения из тюрьмы Джим-Джема Брискина. Что бы там ни утверждал президент Фишер, Брискин вовсе не изменник. Наоборот, незаконно лишен основных политических прав, в первую очередь свободы слова. Улавливаешь? Крути ролики с Брискином, расхваливай его до небес… ну, тебя учить незачем.

Повесив трубку, Ада принялся набирать номер своего поверенного, Арта Хэвисайда.

— Пойду на двор, зверей покормлю, — предупредила его Тельма.

— Давай, — рассеянно откликнулся Ада, закуривая английскую, турецкого табака сигарету марки «Абдулла», которую предпочитал всем прочим. — Арт? — заговорил он в микрофон. — Бросай все, займись делом Джима Брискина.

Отыщи способ освободить его.

— Но, Себ, — возразил поверенный, — как только мы ввяжемся в эту историю, на нас вмиг ополчится сам президент Фишер, не говоря о ФБР. Риск чересчур велик.

— Без Брискина мне никак, — отрезал Ада. — «КУЛЬТУРа» на глазах превращается в какую-то снобистскую чушь — вон, погляди на экран. Просвещение, искусство — да, но нам не хватает личности, сто́ящего телеклоуна. Джим-Джема.

Действительно, последние сводки «Телскана» демонстрировали угрожающее сокращение зрительской аудитории, но об этом он распространяться не стал: конфиденциальные сведения Арту Хэвисайду ни к чему.

— Хорошо, Себ, займусь, — со вздохом ответил поверенный, — но Брискин осужден по статье «Антиправительственная агитация в военное время».

— В военное? С кем это у нас война?

— Естественно, с тем самым флотом пришельцев, вторгшихся в Солнечную систему под конец минувшего февраля. Проклятие, Себ, ты же знаешь: в стране военное положение. Это юридический факт, а с фактами даже тебе при всем твоем влиянии не…

— По-моему, пришельцы нам не враги, — отрезал Ада и, не на шутку рассердившись, хлопнул трубкой о рычаги.

«Макс Фишер просто колотит в барабан страха перед войной, цепляясь за высшую власть, — подумал он. — Какой, спрашивается, ущерб причинили нам эти пришельцы в последнее время? Да и Солнечная система, если уж на то пошло, вовсе не наша собственность, сколько бы мы ни тешились иллюзиями обратного!»

Как бы там ни было, «КУЛЬТУРа» — образовательно-просветительское телевидение — чахло не по дням, а по часам, и Себастьян Ада, владелец телесети, не мог смотреть на это сложа руки.

«Может, я сам начал сдавать, хватку и бодрость утрачивать, а?»

С этой мыслью он снова взялся за телефон и набрал номер личного психоаналитика, доктора Ито Ясуми, жившего в точно таком же поместье невдалеке от окраины Токио.

«Мне нужна помощь, — думал он. — Мне, создателю, финансовому покровителю „КУЛЬТУРы“, нужна помощь… и доктор Ясуми способен меня поддержать».

— Ада, — заговорил доктор Ясуми, усевшись за стол лицом к пациенту и кивнув в сторону ку-

шетки, — возможно, корень проблемы в том, что у вас восемь жен… я бы сказал, единиц на пять больше, чем нужно? Ну-ну, спокойствие, Ада, спокойствие! Знали бы вы, как прискорбно видеть одного из крупнейших телемагнатов наподобие господина С. Ады разваливающимся на части под нажимом самого тривиального стресса! Неужели вы боитесь, как бы президент Фишер не натравил на вас ФБР и не упек в одну камеру с Джимом Брискином? — с лукавой улыбкой спросил он.

— Нет, — ответил Ада, — разумеется, страх мне неведом.

Улегшись навзничь, он заложил руки за голову и устремил взгляд в сторону репродукции одной из работ Пауля Клее на стене кабинета… а может, даже не репродукции — оригинала? Хорошие психоаналитики дерут с пациентов семь шкур: ему беседы с Ясуми обходятся в тысячу долларов за полчаса!

— Возможно, — глубокомысленно изрек Ясуми, — вам, Ада, следовало бы взять власть силой, свергнув и арестовав Макса Фишера? Сыграйте грубо, добейтесь победы, станьте президентом — и сможете без помех выпустить господина Джим-Джема на волю.

— За Фишером армия. Вооруженные силы, —

мрачно напомнил Ада, уже обдумывавший и такой вариант. — Во-первых, он — Верховный главнокомандующий, а во-вторых, генерал Томпкинс души в нем не чает, в связи с чем военные ему абсолютно верны. Возможно, мне следовало бы бежать… перебраться в поместье на Каллисто? — задумчиво пробормотал он. — Особняк там прекрасный, территория принадлежит не США, а голландцам, так что Фишеру туда ходу нет… Одним словом, не хочется мне затевать драку. Я же не хулиган, не задира с улицы, а культурный, цивилизованный человек!

— Прежде всего вы — биофизический организм со всеми присущими оному реакциями на раздражители. Живое существо… а что есть жизнь? Борьба за выживание. Если потребуется, вы, Ада, вступите в бой, можете не сомневаться.

— Ладно. Пора мне, Ито, — подытожил Ада, взглянув на часы. — В три у меня назначена встреча в Гаване, разговор с новой звездой, с певцом-куплетистом по имени Рэгленд Парк, исполняющим под банджо народные баллады и одним махом покорившим Латинскую Америку. Может, хоть он сумеет вдохнуть новую жизнь в…

— Да, знаю такого, — подтвердил Ито Ясуми. —

Видел на каком-то коммерческом телеканале. Что ж, исполнитель действительно неплохой. Наполовину выходец с американского юга, наполовину датчанин, весьма молод, длиннющие черные усы, голубые глаза… словом, есть в этом Рэгсе, как его называют поклонники, нечто магнетическое.

— Вот только можно ли причислять его куплеты к культуре? — пробормотал Ада.

— Скажу по секрету, — заметил доктор Ясуми, — странный он, этот Рэгс Парк, крайне, даже по телевизору заметно. Совсем не такой, как другие.

— Видимо, поэтому и произвел фурор?

— Нет, я не об этом. С точки зрения диагноста… — Задумавшись, Ясуми поднял взгляд к потолку. — Вам ведь известно, что психические заболевания тесно связаны с псионическими способностями? Вспомните об эффекте полтергейста[7], порождаемом угнетенной психикой. Многие шизофреники параноидного типа — в действительности телепаты, улавливающие

---

[7] Примечания: 7

Согласно теории психолога и парапсихолога Нандора Фодора, выдвинутой в 30-е гг. XX в. и весьма популярной в США и Европе на момент написания этого рассказа, причиной полтергейста являются подавленные чувства — гнев, раздражение, озлобленность, сконцентрированные в человеческой психике.

подспудную ненависть, злобу, таящуюся в подсознании окружающих.

— Знаю, знаю, — вздохнул Ада, вспомнив, что сии пространные экскурсы в теоретическую психиатрию стоят ему сотни долларов.

— Одним словом, вот вам добрый совет: осторожнее с этим Рэгсом Парком. Вы — тип легковозбудимый, слишком уж шустро перескакиваете с одного на другое. Вначале план вызволения из тюрьмы Джим-Джема Брискина с риском навлечь на себя гнев ФБР, теперь Рэгс Парк! Вылитый… э-э… шляпных дел мастер, или блоха в человеческом облике! Лучший вариант, как я уже говорил, — открытый бой с президентом Фишером, а не изощренное двуличие, к которому вы, предвижу, и склонитесь в итоге.

— Двуличие?! — удивился Ада. — Где я, и где двуличие?!

— Да мне в жизни второго настолько двуличного пациента не попадалось! — отрезал доктор Ясуми. — Во всем вашем теле, Ада, ни одной прямой, честной косточки не найти. Остерегитесь, не то ваши хитрые махинации погубят вас самого, — мрачно изрек он, подкрепив предостережение предельно серьезным кивком.

— Разумеется, разумеется, осторожность пре-

выше всего, — отмахнулся тот, пропустив слова доктора мимо ушей: мысли его целиком занимал Рэгленд Парк.

— И… окажите любезность, позвольте мне осмотреть господина Парка, когда это можно будет устроить, о'кей? — попросил доктор Ясуми. — Я буду искренне рад. Ради вашего же, Ада, блага, не говоря уж о профессиональном интересе. Как знать: возможно, перед нами совершенно новая разновидность психонического дара.

— О'кей, — согласился Ада, — я вам позвоню.

«Однако оплачивать твое научное любопытство не собираюсь, — подумал он. — Изучать феномен Рэгса Парка изволь за собственный счет».

До встречи с певцом-куплетистом Рэгсом Парком у него оставалось время заглянуть в Нью-Йорк, в федеральную тюрьму, где содержался Джим-Джем Брискин, взятый под стражу за антиправительственную агитацию в военное время.

Прежде Ада ни разу с ним лично не сталкивался и здорово удивился, впервые увидев его воочию. На экранах знаменитый телеклоун выглядел гораздо моложе: очевидно, немилость президента Фишера и арест подкосили Брискина не на шутку.

«Ну да, а кого бы подобное не подкосило?» — подумал Ада и вошел в камеру, как только охранник отпер и распахнул перед ним дверь.

— Как вас угораздило сцепиться с президентом Фишером? — без лишних слов спросил он.

Прославленный телеклоун пожал плечами, закурил, устремил оловянный взгляд за спину гостя.

— Вам ход событий знаком не хуже, чем мне.

Больше он не сказал ничего, однако Ада догадывался: речь о неожиданной гибели огромной вычислительной машины, системы решения задач «Уницефалон 40-Д», исполнявшей роль президента Соединенных Штатов и главнокомандующего вооруженных сил, пока ракета, пущенная с корабля пришельцев из дальнего космоса, не вывела ее из строя. После этого власть перешла к резерв-президенту, Максу Фишеру — пешке, назначенной профсоюзом, неотесанному примитиву, не имевшему за душой ничего, кроме гипертрофированного крестьянского хитроумия. Вскоре отремонтированный и возобновивший работу «Уницефалон 40-Д» приказал Фишеру оставить президентский пост, а Брискину — устраниться от политической деятельности. Однако ни тот ни другой не послу-

шались: Брискин продолжил нападки на Макса Фишера, а Фишер, ухитрившись каким-то до сих пор неизвестным манером опять вывести из строя «Уницефалон», снова автоматически стал президентом Соединенных Штатов.

И, разумеется, первым делом упек Джим-Джема в тюрьму.

— Мой поверенный, Арт Хэвисайд, с вами уже виделся? — спросил Ада.

— Нет, — односложно ответил Брискин.

— Послушайте, друг мой, — заговорил Ада, — без моей помощи вы останетесь за решеткой навеки или как минимум до кончины Макса Фишера. На сей раз он не повторит однажды совершенной ошибки и не позволит починить «Уницефалон 40-Д». Из строя система выведена бесповоротно.

— А вы, — констатировал Брискин, торопливо, часто затягиваясь сигаретой, — хлопочете о моем освобождении, чтоб я согласился работать на вашу сеть.

— Именно. Без вас, Джим-Джем, нам никуда, — сознался Ада. — Выставить президента Фишера тем, кто он есть, алчным до власти паяцем… тут требовалось немалое мужество. Теперь ужасная, смертельная опасность в лице Макса Фишера на-

висла над нами обоими. Если мы не объединим силы немедленно, промешкаем, опоздаем, нам с вами конец. Вы ведь не хуже меня понимаете — сами же так и заявили в эфире, что Фишер в погоне за желаемым не остановится даже перед физическим устранением оппонентов.

— Смогу ли я говорить на вашем канале все, что захочу? — уточнил Брискин.

— Заранее предоставляю вам полную свободу. Критикуйте, громите кого угодно, не исключая меня самого.

— Хорошо, Ада, — выдержав паузу, ответил Брискин. — Предложение принято… только вытащить меня отсюда, пожалуй, не под силу даже Арту Хэвисайду. Судебное преследование моей персоны осуществляет лично Леон Лайт, цепной генеральный прокурор Фишера.

— Не спешите сдаваться, — ободрил его Ада. — Вашего выхода из этой камеры с нетерпением ждут миллиарды зрителей. В эту минуту все мои каналы наперебой требуют свободы Джим-Джему Брискину. Общее возмущение растет на глазах. К воле народа придется прислушаться даже Максу Фишеру.

— Чего я всерьез опасаюсь, — признался Брискин, — так это «несчастного случая». «Несчаст-

ного случая» вроде того, что постиг «Уницефалон 40-Д» через неделю после возобновления работы. Если уж «Уницефалону» не удалось уберечься, каким образом…

— Боитесь? Вы — и боитесь? — искренне удивился Ада. — Джим-Джем Брискин, популярнейший телеклоун… просто ушам не верю!

Оба умолкли.

— Знаете, почему моим рекламодателям, пиву «Рейнлэндер» и «Калбест электроникс», не удалось меня вызволить? — нарушил паузу Брискин. — Из-за давления со стороны президента Фишера. Их поверенные только что прямым текстом об этом не сообщили. Узнав, что вы стараетесь мне помочь, Фишер и на вас лично навалится всем весом, — предупредил он, смерив Аду пристальным взглядом. — Интересно, выносливости вам хватит? Хребет не надломится?

— Конечно, хватит, — заверил его Ада. — Как я только сегодня говорил доктору Ясуми…

— Вдобавок он надавит и на ваших жен, — заметил Брискин.

— Разведусь со всеми восемью! — пылко воскликнул Ада.

В ответ Брискин протянул ему руку, и оба обменялись рукопожатием.

— Что ж, по рукам, — подытожил Джим-Джем, устало, однако с надеждой улыбнувшись телемагнату. — Как только выйду отсюда, начну выступать на «КУЛЬТУРе».

— А доводилось ли вам, — воодушевившись, добавил Ада, — слышать о Рэгсе Парке, куплетисте и исполнителе народных баллад? Сегодня в три я подпишу контракт и с ним.

— Да, телевизор здесь есть, и несколько выступлений Парка я видел. Неплохо, неплохо, — признал Брискин, — вот только подойдет ли для вашей «КУЛЬТУРы»? По-моему, образовательными его песенки не назовешь.

— «КУЛЬТУРа» меняет лицо. Отныне начнем подавать все дидактизмы под шоколадной глазурью, иначе окончательно растеряем аудиторию, а мне не хотелось бы видеть, как сеть вещания зачахнет на корню. Сама ее суть…

За названием «КУЛЬТУРа» скрывался ни много ни мало «Комитет Устроения и „Логистики“ Тотальной Урбанистической Рекультивации», причем во всепланетном масштабе. Львиную долю принадлежащей Аде недвижимости составлял город Портленд, штат Орегон, приобретенный им как есть, нетронутым, еще десять лет тому назад. Обошлась покупка недорого, а стоила, возможно,

еще меньше. Типичное скопище наполовину опустевших, не только отталкивающих, но и изрядно обветшавших трущоб, Портленд обладал для него ценностью чисто сентиментального толка — как-никак там он в свое время родился и рос.

Однако еще Аде давно не давала покоя одна дельная мысль. Если людям по какой-то причине придется бросить колонии на других планетах и лунах, если поселенцы лавинами хлынут обратно на Землю, в городах снова закипит жизнь. С учетом флота пришельцев, кружащего на подступах к дальним планетам, такой поворот отнюдь не казался чересчур неправдоподобным — скорее наоборот. Недавнее возвращение полудюжины семейств на Землю подтверждало это как нельзя лучше.

Посему за ширмой «КУЛЬТУРы» и пряталась вовсе не та некоммерческая организация, существующая на общественных началах, какой она могла показаться со стороны. Образовательные программы любого канала Ады исподволь вдалбливали в головы зрителей соблазнительный образ крупного города, показывая, как интересна, разнообразна жизнь горожан и как скуден быт колоний. «Оставьте трудное, примитивное житье на фронтире! — круглые сутки вещала

„КУЛЬТУРа“. — Возвращайтесь на родную планету возрождать пришедшие в упадок города! Ваш истинный дом, ваша родина здесь!»

Знал ли об этом Брискин? Понимал ли прославленный телеклоун, в чем суть предприятия Ады? Пока что об этом оставалось только гадать.

Удастся, вызволив Брискина из-за решетки, вывести под объективы камер и вручить ему микрофон — тогда все и выяснится.

К трем часам дня Себастьян Ада прибыл в гаванское представительство «КУЛЬТУРы» для встречи с молодым, но уже популярным певцом-куплетистом по имени Рэгленд Парк.

— Счастлив познакомиться, — робко приветствовал его Рэгс Парк.

Долговязый, костлявый, с огромными черными усами, почти целиком закрывавшими губы, он застенчиво переминался с ноги на ногу посреди кабинета. В его синих глазах сияли искорки мягкого, неподдельного дружелюбия, да и от самого певца словно бы веяло необычайной, на грани святости, добротой. Все это произвело впечатление даже на повидавшего виды телемагната.

— Итак, вы играете и на гитаре, и на пятиструнном банджо… ну, разумеется, не одновременно? — для затравки полюбопытствовал Ада.

— Да, сэр, не одновременно, — запинаясь, забормотал Рэгс Парк, — то на том, то на этом… Хотите, сыграю вам что-нибудь прямо сейчас?

— Скажите, где вы родились? — вклинился в разговор Нат Камински.

Начальника съемочной группы Ада взял с собой, так как весьма ценил мнение Камински насчет подобных вопросов.

— В Арканзасе, — отвечал Рэгс, нервно взяв пару аккордов на прихваченном с собой банджо. — Мои родные разводят свиней… Знаете, помню я одну песню, жутко жалостливую — просто сердце на части рвет. Называется «Несчастный старый мерин». Хотите, спою?

— Ваше пение мы уже слышали и знаем: исполнитель вы стоящий, — заверил его Ада, стараясь вообразить себе этого неловкого, стеснительного юнца, разбавляющего бренчанием на банджо обычные для «КУЛЬТУРы» лекции о скульпторах-портретистах двадцатого века.

Представлялось такое с трудом.

— Однако кое-что обо мне вам, мистер Ада, наверняка неизвестно, — сообщил Рэгс. — Я ведь пою не только народное, я и собственных баллад сочинил уйму!

— Творческая жилка, — с непроницаемым

лицом заметил Камински, склонившись к уху Ады. — Неплохо, неплохо.

— Вот, например, — продолжал Рэгс, — сложил я однажды куплеты, историю о человеке по имени Том Макфэйл, пробежавшем десять миль с ведерком воды, чтоб погасить затлевшую от искры колыбельку малютки-дочери.

— И как он, успел огонь погасить? — полюбопытствовал Ада.

— Ясное дело, успел. Как раз вовремя. Тащил ведерко с водой и бежал — все быстрее, быстрее! Да вот…

Ударив по струнам, Рэгс затянул нараспев:

Вот он, Макфэйл, вот он, наш Том,
Мчит во весь дух в обнимку с ведром.
Мчится, ни капли воды не пролил,
В страхе за дочку себя позабыл!

— Твинг, тванг, твинг-инг-инг тванг! — скорбно, тревожно вторило ему банджо.

Камински навострил уши.

— Ваших концертов я в последнее время видел немало, но этой песни ни разу не слышал.

— А-а, — досадливо махнул рукой Рэгс, — не повезло мне с ней, мистер Камински. Оказывается, на свете действительно есть такой человек,

Том Макфэйл. Живет в Покателло, Айдахо. Спел я о старине Томе Макфэйле на выступлении по телевизору, четырнадцатого января, а настоящий Макфэйл — он тоже концерт мой видел и слышал — вмиг разобиделся и адвоката на меня напустил.

— С чего бы? Подумаешь, имя с фамилией случайно совпали, — удивился Ада.

— Н-ну, — смущенно пожав плечами, промычал Рэгс, — вроде как у него дома, в Покателло, вправду случился пожар, а Макфэйл, перепугавшись, помчался с ведерком к ручью, за десять миль, точно как у меня в песне сказано.

— И воды успел вовремя принести?

— Вот именно. Невероятно, но факт, — подтвердил Рэгс.

— Пожалуй, в выступлениях на «КУЛЬТУРе» ему лучше ограничиться подлинными староанглийскими балладами, наподобие «Зеленых рукавов», — снова склонившись к уху Ады, заметил Камински. — Они нам куда ближе по духу.

Ненадолго задумавшись, Ада вновь обратился к Рэгсу:

— Да, невезение исключительное. Наугад выбрать имя для песни и выяснить, что такой человек существует в действительности… поду-

мать только! Надеюсь, новых неудач подобного сорта с вами с тех пор не случалось?

— Случалось, и еще как! — со вздохом признался Рэгс. — Только на прошлой неделе сложилась у меня в голове баллада об одной дамочке, мисс Марше Доббс… да вот, послушайте.

Час от часу дело хуже:
Из семьи уводит мужа
Марша Доббс!
Джека Кокса обольщает,
Брак счастливый разрушает
Марша Доббс!

— Это первый куплет, — пояснил Рэгс, — а всего их семнадцать. Дальше рассказывается, как Марша устраивается к Джеку Коксу на должность секретарши, идет с ним обедать, а после, под вечер, они встречаются в…

— А мораль в конце есть? — осведомился Камински.

— А как же. Ясное дело, есть, — подтвердил Рэгс. — Не уводи чужих мужей от семейного очага, а то силы небесные вмиг за опозоренную жену отомстят. В нашем случае…

И за этаки коленца

Джека Кокса инфлюэнца
С ног свалила,
Марше Доббс и вовсе кисло:
Маршу Доббс сердечный приступ
Свел в могилу,

А миз[8] *Кокс рука Господня*
Бережет и посегодня,
Посейчас!
А миз Кокс не знает горя…

— Прекрасно, Рэгс, прекрасно! — перекрывая пение и гнусавый звон струн, заверил его Ада. — Достаточно!

С этим он многозначительно подмигнул Камински.

— Готов держать пари, — заметил Камински, — вскоре вам сообщили, что на свете действительно существует некая Марша Доббс, затеявшая интрижку с собственным боссом, Джеком Коксом.

— Точно, — подтвердил Рэгс. — Только на этот раз никакие адвокаты мне не звонили. Об этих двоих я в гомеогазете, в «Нью-Йорк таймс», по-

[8] Примечания: 8
Именно так выговаривают «мисс» или «миссис» в провинциальных южных районах США.

сле прочел. Марша впрямь умерла от разрыва сердца, причем… — Тут он, смутившись, замялся и покраснел. — Ну, понимаете, прямо в номере орбитального мотеля, во время любовных игр с Джеком Коксом.

— И вы исключили этот номер из репертуара? — рискнул предположить Камински.

— Н-ну, — протянул Рэгс, — честно говоря, пока не знаю. Еще не определился. Судиться со мной вроде никто не намерен, баллада мне лично нравится… пожалуй, все же оставлю.

«О чем там толковал доктор Ясуми? — подумал Ада. — Утверждал, будто чует в Рэгленде Парке психонический дар некоего неизвестного типа… Если так, парапсихологическая невезучесть, выражающаяся в сочинении баллад о действительно существующих людях, — талант, прямо скажем, вовсе не из завидных».

С другой стороны, он вполне может оказаться разновидностью телепатического дара… а в таком случае при некоторой доработке принесет немалую пользу!

— Как долго вы в среднем работаете над балладой? — спросил Ада вслух.

— Минутное дело, — заверил его Рэгс. — Давайте тему, и я вам прямо сейчас, не выходя из

кабинета, что-нибудь сочиню.

Ада задумался.

— Моя жена, Тельма, недавно привадила ко двору серого лиса, — вспомнил он. — И, по-моему, этот самый лис — больше некому — задушил и сожрал нашу лучшую утку руанской породы.

Недолгая пауза, и Рэгс Парк, ударив по струнам, запел:

Миз Тельма Ада лиса лесного прикормила,

В сосновый старый гроб его, как в будку, поселила.

Вдруг слышит мистер Ада: в глухой ночи, впотьмах,

Кудахчет его утка у лиса на зубах!

— Но утки ведь не кудахчут, а крякают, — скептически хмыкнув, поправил его Камински.

— Э-э… да. Факт, крякают, — признал Рэгс и, пару секунд поразмыслив, пропел:

У Ады заместитель – не человек, а зверь,

Работы на «КУЛЬТУРе» мне не видать теперь:

Сейчас меня, ребята, позором заклей-

мят

Лишь потому, что утки кудахтать не хотят!

— О'кей, Рэгс, сдаюсь, — заулыбался Камински. — Вы победили. Ада, рекомендую взять его к нам.

Ада, задумчиво сдвинув брови.

— А вот позвольте спросить, Рэгс. Вы тоже считаете, что мою руанку сожрал этот подлый лис?

— Бог ты мой, — удивился Рэгс Парк, — да откуда ж мне знать?

— Но ведь в балладе у вас сказано, что виноват он, — напомнил Ада.

— Так-так… дайте-ка поразмыслить, — пробормотал Рэгс.

Помолчав, он снова ударил по струнам.

Экий, однако, занятный вопрос!

Может, я вправду не так-то прост?

Может, все эти куплеты

Псионическим даром напеты?

— Откуда вы знаете, что я имел в виду талант пси? — насторожился Ада. — Невысказанные мысли читаете? Значит, Ясуми был прав?

— Скажете тоже, мистер, — урезонил его Рэгс. —

Я просто пою и бренчу на банджо. Развлекаю зрителей на тот же манер, что и Джим-Джем Брискин, телеклоун, засаженный президентом Фишером за решетку.

— А вы тюрьмы не боитесь? — без околичностей спросил Ада.

— Так на меня президент Фишер зуба не точит, — напомнил ему Рэгс. — Я политических баллад не пишу.

— Работая на меня, возможно, начнете, — пояснил Ада. — Я стараюсь вытащить Джим-Джема из-за решетки: сегодня все мои каналы, все студии начали требовать его освобождения.

— И правильно, в тюрьме ему делать нечего, — кивнув, согласился Рэгс. — Зря президент Фишер ФБР на него натравил — не по совести это… пришельцы вроде бы не настолько нам угрожают.

Каминский задумчиво почесал подбородок.

— Вот вы и напишите обо всем этом, — предложил он. — О Джим-Джеме Брискине, о Максе Фишере, о пришельцах. Обрисуйте политическую ситуацию в целом.

— В целом? Не многовато ли для одной-то песенки? — с кривой усмешкой возразил Рэгс.

— А вы попробуйте, — откликнулся Камински. — Посмотрим, как у вас со способностью

резюмировать.

— «Резюмировать»… во как, — покачав головой, заметил Рэгс Парк. — Сразу видно: в «КУЛЬТУРу» пришел, не куда-нибудь… О'кей, мистер Камински. Как вам, к примеру, такое?

Снова ударив по струнам, он без раздумий запел:

Президент Макс, злопамятный сала кусок,

Дорвался до власти, и Джима скорей под замок.

Но глаз у мистера Ады, что у орла:

Вся «КУЛЬТУРа» разом на выручку Джиму пришла!

Вся «КУЛЬТУРа» разом встала за Джима горой.

Что-то скажет на это наш пузатый герой?

— Вы приняты, — одобрительно кивнув, объявил Ада и полез в карман за бланком контракта.

— А добьемся ли мы победы, мистер Парк? — не без опаски полюбопытствовал Камински. — Расскажите, чем дело кончится?

— Э-э… вот об этом я лучше промолчу. По крайней мере, до времени. Вы что ж, полагаете, будто я и будущее предсказывать могу? Будто я не только телепат, но и провидец? Да у меня, если верить вам, прорва талантов! Польщен, польщен, благодарствую!

Добродушно рассмеявшись, Рэгс отвесил обоим карикатурный, шутовской поклон.

— Полагаю, мы с вами сработаемся, — подытожил Ада. — Кстати, ваша готовность выступать в передачах «КУЛЬТУРы»… не означает ли она, что, по-вашему, мы президенту Фишеру окажемся не по зубам?

— О, ну почему же, — пробормотал Рэгс. — Как знать? Нас тоже вполне могут за решетку упрятать, по соседству с Джим-Джемом.

Не выпуская из рук банджо, он подсел к столу и приготовился подписать контракт.

К этому времени Макс Фишер, сидя в президентской спальне Белого дома, вот уже битый час не сводил глаз с телевизора. «КУЛЬТУРа» как заведенная снова и снова долдонила об одном и том же.

— Свободу Джиму Брискину! — требовал звучный, прекрасно поставленный баритон профессионального диктора, однако за дикторским

голосом — это Макс знал точно — таился, прятался голос Себастьяна Ады.

— Так, господин генеральный прокурор, — бросил Макс кузену, Леону Лайту, — тащи-ка сюда досье на всех жен Ады, сколько их там ни есть, семь или восемь. Похоже, пора перейти к решительным мерам.

Ближе к вечеру перед ним выложили на стол восемь папок, и Макс принялся вдумчиво, жуя сигару «Эль Продукто альто», морща лоб, шевеля губами, с трудом вникая в длиннющие, изобилующие подробностями фразы, читать страницу за страницей.

«Надо же, — подивился он, — что у этих дамочек в головах-то творится, а! Их бы на психиатрическую химиотерапию, метаболизм мозга поправить, да поскорей!»

Однако это открытие его вовсе не расстроило. Он знал, чувствовал: человек вроде Себастьяна Ады наверняка притягивает психически неустойчивых дамочек точно магнит.

Особенный интерес вызывала четвертая из жен Ады. Зоя Мартин Ада, тридцать один год, проживает на Ио с десятилетним сыном…

Да, вот у этой Зои Ады с психикой точно серьезные нелады!

— Эй, генеральный прокурор, — окликнул он кузена, — видишь? Дамочка существует на пенсию от Министерства охраны психического здоровья Соединенных Штатов. Ада ей в помощь не выделяет ни дайма. Тащи ее к нам, в Белый дом, понимаешь? У меня есть для нее работенка.

На следующее же утро Зою Мартин Аду доставили к нему в кабинет.

В сравнении с двумя агентами ФБР по бокам она казалась хрупкой, тощей, как щепка, однако довольно привлекательной с виду… все впечатление портили только искорки дикой, неукротимой злобы в глазах.

— Хелло, миссис Зоя Ада, — заговорил Макс. — Послушайте-ка, а я о вас кой-чего знаю. Вы — единственная настоящая миссис Ада, а остальные — сплошь самозванки, так ведь? А Себастьян обошелся с вами — подлее некуда!

Зоя Мартин Ада заметно изменилась в лице.

— Да, — подтвердила она. — Шесть лет таскалась я по судам, доказывая именно это. Просто не верится… неужели вы действительно собираетесь мне помочь?

— Конечно, — заверил ее Макс. — Однако действовать придется по-моему. Ну, то есть ждать, пока этот мерзавец Ада раскается — только время

зря тратить, понимаете? Вам одно остается… поквитаться с ним, — подчеркнув последние слова паузой, закончил он.

Стоило Зое сообразить, о чем речь, ненадолго угасшее пламя злобы в ее глазах вспыхнуло с новой силой.

— Что ж, Ада, осмотр, в общем и целом, закончен, — сдвинув брови, объявил доктор Ито Ясуми и принялся собирать со стола россыпи тестовых карт. — Ваш Рэгс Парк не телепат и не провидец. Прочесть мои мысли он не сумел, предсказать будущее — тоже. Откровенно говоря, Ада, я по-прежнему чувствую в нем дар пси, однако понятия не имею, какого толка.

Себастьян Ада выслушал доктора, не проронив ни слова. Тем временем в кабинет из соседней комнаты — на сей раз не с банджо, с гитарой за плечом — вышел сам Рэгс Парк. Казалось, недоумение доктора Ясуми изрядно его забавляет. Широко улыбнувшись обоим, певец опустился в кресло.

— Выходит, я — сплошная загадка, — подмигнув Аде, сообщил он. — Может, наняв меня на работу, вы здорово просчитались, а может, наоборот, многое выгадали… но это ни вам самому, ни доктору Ясуми, ни даже мне не известно.

— Начинайте выступления сейчас же, — в нетерпении велел ему Ада. — Сочиняйте и пойте народные баллады, описывающие несправедливый арест Джим-Джема Брискина и травлю, устроенную ему ФБР по приказу Леона Лайта. Изображайте Лайта зверем, чудовищем, а Фишера — злопамятным склочным болваном. Понятно?

— Конечно, чего же тут не понять, — кивнув, подтвердил Рэгс Парк. — Нам нужно возмущение общества. Я ведь, подписывая контракт, знал, что буду петь не просто потехи ради.

— Послушайте, Рэгс, — заговорил доктор Ясуми, — сделайте мне личное одолжение. Напишите балладу в народном стиле о том, как Джим-Джем Брискин вышел из тюрьмы.

Ада и Рэгс смерили его недоуменными взглядами.

— Ну, не о том, как есть на самом деле, а о том, чего хотелось бы нам, — пояснил Ясуми.

— О'кей, — пожав плечами, согласился Парк.

Тут дверь в кабинет с грохотом распахнулась, и внутрь заглянул не на шутку взволнованный Дитер Сакстон, начальник телохранителей Ады.

— Мистер Ада, мы только что пристрелили женщину, пытавшуюся проникнуть к вам с самодельным взрывным устройством. Найдется у вас

минутка на опознание? Мы полагаем, это… одна из ваших жен.

— Силы небесные! — ахнул Ада и вместе с Сакстоном поспешил за дверь, в коридор.

Женщину, распростертую на полу у парадного входа в особняк, он узнал с первого взгляда.

«Зоя», — подумал он, опустившись на корточки и коснувшись ее щеки.

— Прошу прощения, мистер Ада, — промямлил Сакстон. — Мы были вынуждены…

— Все в порядке, — откликнулся Ада, — вашему слову я верю.

Действительно, кому-кому, а Сакстону он доверял безоговорочно.

— Думаю, с этой минуты при вас постоянно должен дежурить один из наших, — посоветовал Сакстон, — и не за дверьми кабинета, а рядом. Буквально в пределах досягаемости.

— Интересно… не Макс ли Фишер ее подослал? — задумчиво проговорил Ада.

— С него сталось бы, — подтвердил Сакстон. — Готов пари держать, так и есть.

— И только из-за того, что я добиваюсь освобождения Джим-Джема Брискина… уму непостижимо!

Потрясенный до глубины души, Ада нетвердо

поднялся на ноги.

— Давайте я с Фишером разберусь по-свойски, — понизив голос, предложил Сакстон. — Так оно выйдет надежнее. Все знают: Фишер не имеет права занимать президентский пост. Единственный законный президент — «Уницефалон 40-Д», а Фишер намеренно вывел его из строя.

— Нет, — пробормотал Ада. — Убийства мне не по душе.

— Какое же это убийство? — возразил Сакстон. — Тут речь о защите вас самого, ваших жен и детей!

— Может, и так, — признал Ада, — однако пойти на это я не могу… по крайней мере, пока.

Оставив Сакстона в коридоре, он не без труда побрел назад, к себе в кабинет, где ждали его Рэгс Парк и доктор Ясуми.

— Мы все слышали, — заговорил Ясуми, как только Ада переступил порог. — Выше голову, Ада. Эта женщина страдала параноидной шизофренией, отягощенной бредом преследования — то есть без надлежащей психотерапии была обречена на насильственную смерть. Ни вы, ни мистер Сакстон не виноваты ни в чем.

— А ведь я, было время, любил ее, — заметил Ада.

Рэгс Парк, меланхолически перебирая струны гитары, мурлыкал себе под нос нечто нечленораздельное — вероятно, репетировал балладу об освобождении Джима Брискина из тюрьмы.

— Примите совет мистера Сакстона, — сказал доктор Ясуми, деликатно коснувшись плеча Ады. — Не оставайтесь без охраны ни на минуту.

— Мистер Ада, — подал голос Рэгс, — кажется, баллада готова. Та самая, про…

— После, — резко оборвал его Ада. — Сейчас я не в настроении слушать баллады.

Больше всего ему хотелось, чтоб оба ушли, оставили его одного.

«Может, действительно ударить в ответ? — подумал он. — Так и доктор Ясуми советует, и даже Дитер Сакстон… Интересно, а что посоветовал бы Джим-Джем? Рассудок у него — любому на зависть. Пожалуй, Джим-Джем сказал бы: „Не опускайся до убийства“. Да, так и ответил бы, насколько я его знаю. И если он так считает, значит, его и послушаю».

— Теперь сложите, пожалуйста, балладу о той вазе с гладиолусами на книжном шкафу, — велел доктор Ясуми Рэгсу Парку. — Спойте, как она поднялась в воздух и повисла под потолком, хорошо?

— Да что ж это за баллада? — возразил Рэгс. — И вообще, мне куда серьезней работа поручена: сами слышали, что мистер Ада сказал.

— Мистер Ада для вас — всего-навсего работодатель, а я, можно сказать, диагноз вам ставлю, — проворчал доктор Ясуми.

— Не вышло, — с досадой буркнул Макс Фишер кузену, генеральному прокурору. — Не вышло у нас с ним покончить.

— Не вышло, Макс, — подтвердил Леон Лайт. — Сам видишь, людей он себе подобрал — хоть куда. Это тебе не одиночка вроде Брискина, за ним целая корпорация.

— Читал я однажды в какой-то книжке, — мрачно, задумчиво заговорил Макс, — что, ежели трое тягаются между собой, со временем двое обязательно стакнутся, сговорятся прищучить третьего сообща — это, мол, неизбежно. В точности так оно и вышло: теперь Ада с Брискином — друзья-приятели, а я один. Расколоть их надо, Леон, перетянуть одного на свою сторону, в помощь против другого. К примеру, Брискина: ведь лично-то он, было дело, мне симпатизировал… только методы мои не одобрил.

— Вот погоди, услышит Брискин, как Зоя Ада бывшего мужа пыталась взорвать, все его личные

симпатии к тебе тоже как рукой снимет, — заметил Леон.

— Думаешь, его на нашу сторону уже не переманить?

— Уверен, Макс. Не видать тебе Брискина на своей стороне. Сейчас ты в его глазах выглядишь — хуже некуда.

— Однако кое-какая идея у меня есть, — возразил Макс. — Точно пока не решил, но суть в том, чтобы взять да отпустить Джим-Джема с миром. В расчете на его благодарность.

— Да ты в своем уме? — удивился Леон. — Как тебе только в голову такое пришло? Чтоб ты — и…

— Не знаю! — застонал Макс. — Пришло вот, и все тут!

— Э-э… мистер Ада, — заговорил Рэгс Парк, — кажется, сочинилась баллада-то. Помните, доктор Ясуми советовал? Рассказ, как Джим-Джем Брискин освобождается из тюрьмы. Хотите, спою?

— Валяйте, — безучастно кивнул Ада.

Действительно, отчего б не послушать? Не зря же он, в конце концов, платит этому куплетисту…

И Рэгс под гнусавый звон струн запел:

Джим-Джем Брискин чахнет в тем-

нице,

Не смеет никто за него поручиться.

А кто виноват? Макс Фишер!

А кто виноват? Макс Фишер!

— Это рефрен такой: «Кто виноват? Макс Фишер!», — объяснил Рэгс. — Пойдет?

— Пойдет, — кивнув, подтвердил Ада.

И тут сам Господь, не стерпев, говорит:

«Эй, Макс, я всерьез на тебя сердит.

А почему? А потому:

Грешно невинных бросать в тюрьму!

А кто же злодей? Кто согрешил?

Кто бедного Брискина всех прав лишил?

Кто виноват? Макс Фишер!

Кто этот гад? Макс Фишер!

Да, крепко ты, Макс, предо Мной виноват,

И прямиком отправишься в ад.

Покайся, Макс Фишер! Тако глаголю:

Немедля выпусти Джима на волю!»

— Ну а дальше — о том, чем, собственно, дело

кончится, — объяснил Рэгс Аде и, звучно откашлявшись, продолжил:

Грешный Макс Фишер мигом прозрел.
«Давай-ка, – Леону Лайту велел, —
Провинность искупим, отменим суд.
Распорядись: пусть замок отопрут».
В камеру хлынул воздух свободы,
Так и закончились Джима невзгоды.

— Вот и все, мистер Ада, — сообщил Рэгс. — Такая вот песня, вроде народного холлера[9], негритянского спиричуэлса под общий притоп. Как, нравится?

Ада с трудом заставил себя кивнуть.

— О да. Все замечательно. Прекрасная песня.

— Стало быть, я скажу мистеру Камински, что вы распорядились пустить ее в эфир?

— Запускайте, — отмахнулся Ада.

На самом деле ему было вовсе не до песен, не до эфира. Все мысли Ады занимала гибель Зои, сердце щемило от угрызений совести: в конце концов, она застрелена его охраной, а ее сумасшествие, попытка покушения — все это дело

[9] Примечания: 9

Холлер — трудовая песня-перекличка, песенный жанр, зародившийся в США во времена рабовладельчества.

десятое. Жизнь человека есть жизнь человека, а значит, убийство, как ни крути, на его совести…

— Послушайте, — осененный внезапной идеей, обратился он к Рэгсу, — сложите-ка мне еще песню. Прямо сейчас.

— Кажется, понимаю, мистер Ада, — с сочувствием взглянув на него, откликнулся Рэгс. — Балладу о вашей бывшей жене, Зое. Я насчет этого уже думал, и песня, в общем, готова. Слушайте:

Жила на свете леди, прекрасная собой,

И знает дух незримый, витая над землей,

Скорбящ, но всепрощающ, он знает, вышний дух:

Убил ее не свойственник, не брат и не супруг.

Убил ее Макс Фишер, чужой ей человек…

— Не старайтесь обелять меня, Рэгс, — оборвал его Ада. — Я виноват не меньше. Не стоит валить все на Макса, будто на мальчика для битья.

— К тому же, — подал голос доктор Ясуми, до сих пор тихонько сидевший в уголке кабинета и слушавший их разговор, — в ваших балладах, Рэгс, президенту Фишеру приписывается черес-

чур уж много заслуг. Вот, например, в балладе об освобождении Джим-Джема из тюрьмы вы целиком относите благополучный финал на счет раскаяния, морального преображения Макса Фишера. Так не пойдет. Освобождение Джим-Джема должно целиком и полностью стать заслугой мистера Ады. По данному поводу я даже сложил стихи сам. Слушайте, Рэгс, вникайте.

Откашлявшись, Ясуми продекламировал нараспев:

Да, боле телеклоун не в тюрьме!
Освобожденный другом,
Джим любит друга Аду,
Понимает, кого благодарить!

— Пожалуйста. Ровно тридцать три слога, — скромно потупившись, пояснил доктор Ясуми. — Древнеяпонский поэтический стиль, хокку, в отличие от английских и североамериканских баллад не требует рифмы, однако стихи должны бить прямо в точку, что в данном случае и есть главное. А вы, Рэгс, сделайте из моего хокку балладу, о'кей? В своей типичной манере — куплеты, размер, рифма, эт сетера, эт сетера… и так далее, и тому подобное.

— Во-первых, у вас там не тридцать три, а

тридцать четыре слога, — заметил Рэгс. — А во-вторых, я, личность творческая, к указаниям, что и как сочинять, не привык. Мистер Ада, у кого я работаю — у вас или у него? Помнится, с ним я никаких договоров не подписывал!

— Сделайте, как он советует: голова у доктора светлая, — распорядился Ада.

— О'кей, — проворчал Рэгс, — однако, соглашаясь работать у вас, я на подобное не рассчитывал.

Изрядно насупившись, он ретировался в дальний угол кабинета — думать, размышлять, творить.

— Что вы такое затеяли, доктор? — спросил Ада. — Чего ожидаете добиться?

— А вот посмотрим, — с загадочным видом ответил доктор Ясуми. — Есть у меня гипотеза насчет психонического дара нашего куплетиста. Возможно, подтвердится, но может, и нет.

— Похоже, вы полагаете, будто точность формулировок в балладах Рэгса очень многое значит, — заметил Ада.

— Вот именно, — подтвердил доктор Ясуми, ободряюще улыбнувшись Аде. — Не меньше, чем в юридических документах. Потерпите, Ада, и, если я прав, со временем сами поймете, в чем

дело, а если ошибся, мы в любом случае ничего не теряем.

Тишину президентского кабинета нарушил телефонный звонок.

— Макс! Макс! — взволнованно закричал его кузен, генеральный прокурор, на том конце линии. — Слушай, Макс, доехал я до федеральной кутузки, где держат Джим-Джема, чтобы аннулировать все обвинения против него, как ты распорядился, и знаешь что? Он… э-э… исчез он куда-то, Макс, — с запинкой признался Леон. — Нет его здесь, понимаешь!

Судя по голосу, разнервничался генеральный прокурор не на шутку.

— Но как он оттуда выбрался? — скорее озадаченный, чем рассерженный, пробормотал Макс.

— Арт Хэвисайд, поверенный Ады, что-то придумал. Что, пока точно не знаю. Дейла Уинтропа, окружного судью, нужно спрашивать: это он около часа назад подписал ордер на освобождение. Встречу с Уинтропом я уже назначил… как только увижу его, сразу перезвоню.

— Будь я проклят, — протянул Макс. — Выходит, снова мы опоздали…

Машинально опустив трубку на рычаги, он поднялся и крепко задумался.

«Что еще Ада мне приготовил? — гадал он. — Наверняка новый подвох, но какой?»

И тут его осенило: а ведь Джим Брискин непременно вскоре объявится на телевидении, в программе канала «КУЛЬТУРа»! Интересно, с чем?

Однако, включив телевизор, он с облегчением обнаружил на экране вовсе не Джима Брискина, а какого-то куплетиста, бренчащего на банджо… и в следующую же секунду понял, что куплетист поет не о ком ином, как о нем.

Грешный Макс Фишер мигом прозрел.
«Давай-ка, – Леону Лайту велел, —
Провинность искупим, отменим суд.
Распорядись: пусть замок отопрут».

— Господи, — вслушиваясь в его пение, выдохнул Макс Фишер, — да ведь так оно в точности и случилось! Именно так я и сделал!

«Жуть какая-то, — подумал он, чувствуя, как в животе холодеет от страха. — Что бы все это значило? Каким образом куплетист с „КУЛЬТУРы“ пронюхал о моих делах… о делах совершенно секретных?!»

Должно быть, телепатически. Иначе никак.

Тем временем куплетист завел новую песню — на сей раз про Себастьяна Аду, чуть ли не са-

молично вызволившего Джим-Джема Брискина из заключения.

«Тоже чистая правда, — сообразил Макс. — Приехав в федеральную тюрьму, Леон Лайт обнаружил, что Брискина благодаря стараниям Арта Хэвисайда там уже нет, а значит… а значит, этого куплетиста надо послушать со всем вниманием. Похоже, ему откуда-то известно куда больше, чем мне».

Однако певец, завершив песню, умолк.

— Для вас, дорогие телезрители, — заговорил явившийся ему на смену диктор, — пел злободневные политические баллады всемирно известный певец-куплетист Рэгленд Парк! Думаю, все вы рады будете слышать: отныне мистер Парк будет выступать на нашем канале по пять минут в конце каждого часа, исполняя новые и новые куплеты, баллады, сложенные прямо здесь, в студии телекомпании «КУЛЬТУРа»! Неустанно изучая сводки новостей с телетайпов, мистер Парк…

На этом Макс выключил телевизор.

«Вроде калипсо[10], — заметно приуныв, подумал он. — Новости в виде баллад… а что, если этот Рэгленд Парк, упаси Господи, запоет о возвращении к жизни „Уницефалона 40-Д“?»

Чем дальше, тем крепче Макс проникался уверенностью: баллады Рэгленда Парка имеют свойство сбываться. Таков его психонический дар… и оппозиция, ясное дело, пользуется этим даром вовсю.

«С другой стороны, у меня ведь тоже вполне могут найтись какие-никакие пси-способности, — внезапно подумалось Максу. — Разве без них я смог бы вскарабкаться так высоко?»

Усевшись в кресло, он снова включил телевизор, прикусил нижнюю губу и принялся в ожидании размышлять, что делать дальше. Увы, время шло, а ничего дельного в голову не приходило.

«Ничего, — мысленно успокоил себя Макс, — рано или поздно придет. Главное, чтобы они не додумались насчет „Уницефалона 40-Д“ первыми…»

---

[10] Примечания: 10

В музыке — весьма популярный на протяжении 1950-х афрокарибский песенно-танцевальный стиль, возникший среди рабов на сахарных плантациях в XIX в. Тексты калипсо обычно имеют сатирический, моралистический, социально-критический характер, иронически комментируют актуальные новости.

— Ада, я понял, в чем состоит психонический дар Рэгленда Парка, — объявил доктор Ясуми. — Возможно, это интересно и вам?

— Мне сейчас куда интереснее вышедший на свободу Джим-Джем, — повесив телефонную трубку, откликнулся Ада, слегка оглушенный полученными известиями. — Брискин вот-вот будет здесь, — пояснил он доктору Ясуми. — Мчит монорельсом прямиком к нам, а отсюда мы тут же переправим его на Каллисто. Там у Макса никакой власти нет, и повторный арест Брискину не грозит.

На этом Ада ненадолго умолк, приводя в порядок бешеный водоворот новых мыслей и планов.

— Пускай Джим-Джем, — торопливо, часто потирая руки, заговорил он, — вещает через наш ретранслятор на Каллисто, а живет у меня, в моем каллистянском поместье. Припасов там куча — любых, кроме птичьего молока… уверен, он согласится.

— На свободу, — сухо заметил доктор Ясуми, — он вышел благодаря психоническому дару Рэгса, а потому рекомендую послушать, что я имею сказать. Природа этого дара пока непонятна даже самому Рэгсу, и, положа руку на сердце, его талант может в любую минуту обернуться против вас.

— О'кей, слушаю вас внимательно, — нехотя согласился Ада.

— Сочиняемые Рэгсом баллады связаны с действительностью, как причина со следствием. Описанное Рэгсом претворяется в жизнь. Его баллады опережают события, причем ненамного, понимаете? Если Рэгс, разобравшись, в чем дело, воспользуется данным фактом в собственных интересах… как знать, чем это может грозить нам?

— Если это правда, — осененный вполне очевидной идеей, заговорил Ада, — нужно немедленно поручить ему сложить балладу о возвращении в строй «Уницефалона 40-Д».

В самом деле, очевиднее некуда! Макс Фишер тут же вернется в изначальное положение, к должности резерв-президента, лишится какой-либо власти, и всем проблемам конец!

— Именно, — согласился доктор Ясуми, — но есть тут один нюанс. Слагая по вашему поручению политические баллады, Рэгс Парк тоже неизбежно поймет, что к чему. Ведь если он сочинит песню об «Уницефалоне», а затем «Уницефалон» действительно…

— Да, вы совершенно правы, — признал Ада. — Такое «совпадение» даже Парк из виду не упустит.

Умолкнув, он с головой погрузился в раздумья. Выходит, потенциально Рэгленд Парк куда опаснее Макса Фишера? Конечно, малый он славный, порядочный, подозревать его в склонности к злоупотреблению властью, как Фишера, резонов нет, однако…

Однако подобная власть в руках одного человека — это уже чересчур. В любом случае чересчур, будь он хоть сущим ангелом.

— Поэтому впредь сочиняемым Рэглендом песням следует уделять самое пристальное внимание, — резюмировал доктор Ясуми. — И редактировать содержание заблаговременно… возможно, вам лично.

— Мне бы хотелось как можно меньше…

Осекшись, Ада щелкнул тумблером зажужжавшего на столе интеркома.

— Прибыл мистер Джеймс Брискин, — доложила секретарша.

— Давайте его прямо ко мне, — в восторге распорядился Ада. — Ито, он уже здесь!

Действительно, распахнув дверь кабинета, он обнаружил перед собой Джим-Джема — предельно серьезного, с глубокими морщинами возле уголков рта.

— Как видите, господин Ада вас вызволил, —

сообщил Джим-Джему доктор Ясуми.

— Знаю. Весьма вам признателен, Ада.

Как только Брискин переступил порог кабинета, Ада тут же захлопнул и запер дверь.

— Послушайте, Джим-Джем, — без предисловий заговорил он, — у нас беда. Беда, каких еще не бывало. Угроза со стороны Макса Фишера в сравнении с нею — ничто. Сейчас нам предстоит иметь дело с безграничной — абсолютно, не относительно безграничной властью. Зачем я только связался с этим Рэгсом Парком? Кому вообще пришло в голову пригласить его выступать на «КУЛЬТУРе»?

— Вам, Ада, — напомнил доктор Ясуми. — Вам и пришло, и я, если помните, незамедлительно предостерег вас о…

— Распоряжусь-ка я, чтобы Рэгс больше не сочинял новых песен, — решил Ада. — Это первое. Позвоню в студию прямо сейчас. Что, если он, упаси Господи, сложит балладу, как все мы отправились на дно Атлантики или, скажем, в открытый космос, за двадцать астрономических единиц от Солнца?

— Без паники, — негромко, но твердо оборвал его доктор Ясуми. — Вы, Ада, снова слишком легко поддаетесь эмоциям. Как всегда, нестабильны.

Прежде всего успокойтесь и оцените ситуацию трезво.

— Как же тут успокоиться, когда этой деревенщине под силу вертеть любым из нас, будто куклой?! — взорвался Ада. — Когда в его руках вся вселенная?!

— Вовсе не обязательно вся, — возразил доктор Ясуми. — Возможно, его власть имеет свои пределы. Видите ли, природа психонического дара не слишком-то хорошо изучена до сих пор. Предмет слишком труден для лабораторных исследований, слишком неудобен для продолжительного скрупулезного наблюдения…

Умолкнув, доктор задумчиво поднял взгляд к потолку.

— Хм-м, — промычал Брискин. — Насколько я вас понимаю…

— Да, вас вызволила из-за решетки баллада, сочиненная по моему распоряжению, — объяснил ему Ада. — Сработала безотказно, но теперь возникает вопрос: как быть с ее сочинителем?

Сунув руки в карманы, владелец «КУЛЬТУРы» беспокойно зашагал от стены к стене.

«Как же быть с Рэглендом Парком?» — в отчаянии думал он.

Тем временем Рэгленд Парк, сидя в главной

студии «КУЛЬТУРы» на Кулоне, искусственном спутнике Земли, с гитарой и банджо под рукой, изучал депеши, поступающие телетайпом из информационных агентств, готовил баллады для следующего выступления.

В одной из сводок сообщалось об освобождении Джим-Джема Брискина из тюрьмы по распоряжению федерального судьи.

«Может, об этом балладу и спеть?» — обрадовавшись доброй вести, подумал Рэгленд, но тут же вспомнил, что про Джима Брискина уже пел, причем не раз и не два. Теперь ему требовалось нечто совершенно новое: тема Брискина исчерпала себя до дна.

— Мистер Парк, вы готовы к очередному выходу? — загремел из динамиков голос Ната Камински, дежурившего в аппаратной.

— Конечно, конечно, — кивнув, подтвердил Рэгленд.

На этот раз он слегка покривил душой, но ничего: еще минутка-другая, и все будет готово.

К примеру, как насчет истории о человеке по имени Пит Робинсон из Чикаго, штат Иллинойс, хозяине уэльского спрингера, на которого как-то раз — в людном городе, посреди бела дня — вдруг взял да напал разъяренный орел?

Нет, не пойдет: к политике не относится.

Может, о конце света историю сочинить? Как в Землю угодила комета, или, скажем, налетели тучи пришельцев, захватчиков из дальнего космоса… что-нибудь леденящее кровь, пробирающее до печенок, о людях, сгорающих в пламени взрывов, рассекаемых надвое очередями из лучеметов?

Нет, тоже не то: такой примитив и бульварщина, пожалуй, не для «КУЛЬТУРы».

«Ладно, — решил Рэгленд, — спою тогда про ФБР. О них я еще не сочинял. Люди Леона Лайта в строгих серых костюмах, с жирными свекольно-красными загривками… с колледжем за плечами, с портфелями в руках…»

Ударив по струнам гитары, он замурлыкал себе под нос:

С самого верху вопят: «Ату!
Парка терпеть уже невмоготу.
Хватит с нас Парковых басен!
Парк для властей опасен!»

Довольно хмыкнув, Рэгленд задумался: а что же дальше? Баллада о самом себе… интересная мысль! Отчего только раньше в голову не пришла?

Целиком поглощенный сочинением новой баллады, он даже не заметил троих в строгих серых костюмах, с жирными свекольно-красными загривками, вошедших в студию и прямым ходом направившихся к нему. Уверенность, с которой каждый нес при себе портфель, не оставляла сомнений: носить портфели они привыкли еще в колледжах и учебу завершили с отличием.

«А что, прекрасная выходит баллада! Пожалуй, лучшая за всю мою карьеру», — подумал Рэгленд и, взяв еще пару аккордов, продолжил:

К Парку подкрались они впотьмах,
Подкрались, прицелились и – бабах!..
Убит любимец народа
Преступной власти в угоду.

Громок, товарищи, выстрела глас,
Песня свободы оборвалась,
Так-то, ребятки, бывает,
Коль власть насквозь прогнивает!

Продолжить балладу далее Рэгленду не позволили. Опустив дымящийся пистолет, старший из оперативников ФБР кивнул спутникам и заговорил в рацию на запястье:

— Сообщите мистеру Лайту: задание выполне-

но успешно.

— Прекрасно, — откликнулся жестяной, дребезжащий голос из рации. — Немедленно возвращайтесь в штаб-квартиру. Сам так приказывает.

Под «самим», конечно же, имелся в виду Максимилиан Фишер: кто-кто, а агенты ФБР понимали, кем посланы на задание.

Услышав о гибели Рэгленда Парка, Максимилиан Фишер, ожидавший известий в президентском кабинете Белого дома, испустил долгий, прочувствованный вздох облегчения.

«Уф-ф… пронесло, — подумал он. — Ведь этот субчик в любую минуту мог прикончить и меня, и вообще всех до единого!»

Удивительно, что до него удалось добраться… интересно, почему? Везение, не иначе.

«А может, один из моих пси-талантов каким-то образом помогает изничтожать певцов-куплетистов?»

При этой мысли Макс расплылся в самодовольной елейной улыбке.

«А что? Если это — псионическая способность склонять куплетистов к сочинению баллад о собственной безвременной кончине…»

Однако теперь перед Максом вставала проблема куда серьезнее. Теперь ему предстояло

вернуть Джима Брискина на место, в тюремную камеру. Дело обещало оказаться нелегким: Ада умен и наверняка сразу же позаботился переправить Брискина на какую-нибудь из отдаленных лун — туда, где у него, Макса, нет власти. Похоже, борьба с этой парочкой затянется надолго, и еще неизвестно, за кем останется победа.

«Целая куча забот, уйма каторжного труда, — подумал он, — а куда денешься? Взялся, как говорится, за гуж…»

Тяжко вздохнув, президент Максимилиан Фишер придвинул к себе телефон и снова набрал номер Леона Лайта.

Ах, у блобеля житье!

Стоило опустить в прорезь двадцатидолларовую платиновую монету, аналитик, полсекунды помедлив, встрепенулся, поднял на посетителя исполненный обходительности взгляд, развернул к нему кресло и вынул из ящика стола продолговатый ярко-желтый отрывной блокнот с ручкой.

— Доброго утра, сэр, — сказал он. — Можете начинать.

— Хелло, доктор Джонс. Надеюсь, не тот самый доктор Джонс, автор исчерпывающей биографии Фрейда, написанной около века назад? — с нервозным смешком прибавил посетитель.

Прозябающий в бедности, иметь дело с новыми, полностью гомеостатическими моделями психоаналитиков он явно не привык.

— Э-э, — промычал он, — мне как, с чего начать? Спонтанные ассоциации, рассказ о прошлом, или?..

— Для начала, пожалуй, поведайте, кто вы унд варум мих… и почему остановили выбор на мне, — предложил доктор Джонс.

— Джордж Мюнстер, четвертая галерея, строение ВЭФ-395, Сан-Франциско. Кондоминиум учрежден в 1996-м.

— Рад познакомиться, мистер Мюнстер.

Пожимая протянутую доктором Джонсом руку, Джордж Мюнстер обнаружил, что ладонь его нисколько не холодней человеческой, в меру мягка, однако крепка, сильна по-мужски.

— Понимаете, — продолжил он, — я — отставной солдат, ветеран войны. За это и квартиру в кондоминиуме ВЭФ-395 получил. По ветеранской льготе.

— О да, как же, как же! — мерно, негромко тикая, засекая затраченное на посетителя время, откликнулся доктор Джонс. — Война с блобелями…

— Точно. Я с ними три года отвоевал, — подтвердил Мюнстер, нервно приглаживая длинные, темные, изрядно поредевшие волосы. — Из ненависти к блобелям пошел на войну добровольцем. И лет-то всего девятнадцать, и работа была хорошая… но первым делом — священный долг, очистка родной системы от блобелей…

— Вот как, — кивая в такт тиканью часового механизма, хмыкнул доктор Джонс.

— Воевал я исправно, — продолжал Джордж

Мюнстер. — Две медали, благодарность в приказе. Капральское звание — за то, что в одиночку зачистил спутник наблюдения, набитый блобелями битком. Сколько их там было точно, мы так и не поняли: блобели — они же то делятся надвое, то сливаются из двух в одного — поди тут сосчитай…

Казалось, нахлынувшие чувства комом застряли в горле. Даже воспоминания, даже рассказы о прошлом рвали душу на части! Осекшись, Джордж Мюнстер опустил голову на изголовье кушетки, расслабился, закурил.

Блобели… Тысячи лет назад прибывшие из иной звездной системы — вероятнее всего, с Проксимы, они заселили Марс и Титан, где добились немалых успехов в сельском хозяйстве. Продукт эволюционного развития обыкновенной одноклеточной амебы, довольно крупные, обладавшие высокоразвитой нервной системой, однако так и оставшиеся амебами с псевдоподиями вместо конечностей, размножающимися бинарным делением, инопланетные создания казались большинству терранских колонистов откровенно отталкивающими.

Причиной войны с ними стали разногласия в экологических предпочтениях. Департамент

Внешнеэкономической Помощи ООН пожелал изменить состав атмосферы Марса, сделав ее более пригодной для колонистов с Терры. Разумеется, марсианским колониям блобелей перспективы таких перемен пришлись не по вкусу. С этого ссора и началась.

«Ну, а половину воздушной оболочки, ясное дело, не изменить: броуновское движение есть броуновское движение», — рассеянно подумал Мюнстер.

Не прошло и десяти лет, как измененная атмосфера окутала всю планету, чиня блобелям бессчетные — по собственным их утверждениям — неудобства и беды. В отместку космическая армада блобелей, приблизившись к Терре, разместила на ее орбите сложный автоматический комплекс спутников, предназначенных для постепенного преобразования терранской атмосферы, однако довести преобразование до конца блобелям так и не удалось. За дело взялось Военное Ведомство ООН, спутники блобелей уничтожили самонаводящимися ракетами… и война заполыхала вовсю.

— Скажите, мистер Мюнстер, в браке вы состоите? — осведомился доктор Джонс.

— Н-нет, сэр, — содрогнувшись, ответил тот, —

и… словом, когда я закончу рассказ, вы сами поймете, в чем дело. Понимаете, доктор, — заговорил он, загасив окурок о донышко пепельницы, — честно признаться, войну я закончил терранским разведчиком. Шпионом. Был переведен в разведслужбу приказом, за отвагу на поле боя… сам на такой перевод не напрашивался.

— Понимаю, — негромко пробормотал доктор Джонс.

— Да ну?! — в запальчивости вскричал Мюнстер. — А известно ли вам, что в наши дни требуется от терранина для успешного внедрения к блобелям?

— Да, мистер Мюнстер, — кивнув, подтвердил доктор Джонс. — Вам пришлось, отказавшись от человеческого облика, принять отталкивающее обличье типичного блобеля.

Мюнстер, умолкнув, нахмурился, в бессильной злости сжал кулаки. Долгое время воцарившуюся в кабинете тишину нарушало лишь мерное тиканье доктора Джонса.

Под вечер, вернувшись к себе, в небольшую квартирку на четвертой галерее строения ВЭФ-395, Мюнстер откупорил солидную — пятая часть галлона — бутылку «Тичерс», уселся за стол и припал губами к кружке с налитым в нее виски:

сил не осталось даже на то, чтобы достать бокал с полки над кухонной раковиной.

Что дал нынешний визит к доктору Джонсу? На его взгляд, ровным счетом ничего, только здорово подточил и без того скромные финансы. Почему скромные? А вот почему.

Несмотря на все собственные старания, на все старания медиков из Бюро Медицинской Помощи Ветеранам Войны при ООН, Джордж Мюнстер до сих пор почти на двенадцать часов в сутки принимал прежний, военных времен, облик блобеля. Бесформенной студенистой массы вроде громадной амебы. Прямо посреди собственной квартирки в ВЭФ-395.

Стоило ли удивляться, что все его доходы ограничивались скудной пенсией от Военного ведомства? Найти работу он просто не мог: как только его хоть куда-нибудь брали, нервное напряжение вынуждало организм преобразиться, не сходя с места, на глазах у нового работодателя и коллег.

Ясное дело, завязать нормальные рабочие взаимоотношения подобные фокусы вовсе не помогали.

И вот теперь, около восьми вечера, Джордж Мюнстер снова почувствовал давно знакомую,

привычную, ненавистную близость преображения. Поспешно допив скотч, он опустил кружку на стол, заскользил вниз, однородной массой оседая на пол…

Видеофон разразился звонком.

— Я не могу ответить! — крикнул он.

Ретранслятор видеофона, уловив его раздраженный вопль, переслал ответ звонящему. Окончательно превратившийся в прозрачную студенистую лужу посреди ковра, Мюнстер потек к аппарату. Видеофон, несмотря на отповедь, продолжал звонить, и в сердце Мюнстера буйно вскипела ярость. Еще и с некстати зазвонившим видеофоном изволь разбираться… мало ему других бед?!

Добравшись до аппарата, он выпустил псевдоподию, сдернул с рычага трубку и из последних сил преобразил часть полужидкого тела в подобие примитивного органа речи, позволявшего худо-бедно издавать хоть какие-то звуки.

— Я занят, — глухо, басовито прогудел Мюнстер в микрофон. — Позвоните позже.

«Завтра. Завтра звоните, с утра, — мысленно прибавил он. — С утра, когда я наконец снова приму человеческий облик».

В квартире сделалось тихо.

Тяжко вздохнув, Мюнстер перетек к окну, а там поднялся кверху студенистым столбом, выглянул наружу. На его внешней оболочке имелся участок, чувствительный к свету, позволявший, даже не обладая настоящими органами зрения, со щемящей тоской в сердце полюбоваться заливом Сан-Франциско, и мостом через пролив Золотые Ворота, и обширной, красочной игровой площадкой для малышей, устроенной на острове Алькатрас.

«А-а, провались оно все, — с горечью думал он. — Ни жениться я не могу, ни даже просто жить по-человечески! Какая тут жизнь, когда по милости крупных шишек из Военного ведомства с самой войны каждые сутки превращаешься черт знает во что!»

Соглашаясь отправиться на задание, он даже не подозревал, что последствия останутся с ним навсегда. Наоборот, его уверяли, будто все это «только временно, до завершения»… и прочие обтекаемые, пустопорожние слова.

«Временно… ну да, конечно! — в бессильной ярости думал Мюнстер. — Двенадцатый год мучаюсь!»

Ясное дело, подобная жизнь жутко давила на психику, создавая кучу проблем — отсюда и визит

к доктору Джонсу.

Видеофон вновь разразился звонком.

— О'кей, — буркнул Мюнстер и грузно, с трудом, рывками потек к аппарату. — Поговорить со мной, значит, желаешь? — бормотал он, подползая все ближе и ближе. В облике блобеля путь от стены до стены тесной гостиной становился мучительно долгим походом, целым событием. — Ладно, поговорим. Можешь даже включить экран и полюбоваться мной.

Добравшись до видеофона, он щелкнул тумблером, позволявшим не только слышать его, но и видеть.

— Гляди, гляди хорошенько, — проворчал Мюнстер, представ перед объективом видеокамеры во всей своей амебообразной красе.

— Прошу извинить меня за то, что беспокою вас дома, мистер Мюнстер, — раздался в наушнике голос доктора Джонса, — особенно в такой… э-э… неловкий момент, однако… — Гомеостатический психоаналитик выдержал паузу. — Однако я, поразмыслив над проблемой вашего, скажем так, заболевания, кажется, сумел подыскать решение. По крайней мере, частичное.

— Что? — удивился не ожидавший подобного Мюнстер. — Хотите сказать, медицинская наука

дошла до…

— Нет-нет, — поспешно перебил его доктор Джонс. — Не забывайте, Мюнстер, физические аспекты медицины вне моей профессиональной сферы. Вы ведь приходили проконсультироваться со мной по поводу психологической реабилитации, а значит…

— Постойте. Сейчас я приду к вам, тогда и поговорим, — выпалил Мюнстер, но тут же вспомнил, что в облике блобеля, хоть городок и невелик, не доползет до кабинета доктора Джонса даже за двое суток. — Простите, Джонс, — в отчаянии продолжил он, — вы сами видите, с какими трудностями я вынужден сталкиваться каждый день. Начиная с восьми вечера и почти до семи утра из квартиры мне ходу нет никуда — даже к вам, за консультацией и помощью…

— Спокойствие, мистер Мюнстер, — прервал его доктор Джонс, — я как раз пытаюсь сообщить вам кое-что обнадеживающее. Известно ли вам, что подобными преображениями страдаете не вы один?

— Еще бы, — уныло подтвердил Мюнстер, знавший все факты и цифры касательно собственного «заболевания» назубок. — За время войны в блобелей успели переделать общим сче-

том восемьдесят три человека. В живых из этих восьмидесяти трех остался шестьдесят один, и сейчас у нас существует организация, Сообщество Ветеранов Чудовищных Войн, с пятьюдесятью членами. Я тоже в ней состою. Собираемся дважды в месяц, превращаемся разом, и… Ладно. До свидания, доктор, — пробормотал он, приготовившись дать отбой.

На душе сделалось гаже прежнего: двадцатку выложил, а что получил взамен? Избитые истины!

Однако доктор Джонс возбужденно зажужжал сервоприводами.

— Мистер Мюнстер, речь вовсе не о других терранах! В поисках решения вашей проблемы я изучил вопрос всесторонне и обнаружил вот что: согласно данным о военнопленных из Библиотеки Конгресса, за время войны нашей контрразведкой было выявлено и арестовано пятнадцать шпионов-блобелей, преображенных в людей! Понимаете, к чему я веду?

— Нет, — поразмыслив, признался тот.

— Такое ощущение, будто любые попытки помощи ввергают вас в психический ступор, — проворчал доктор Джонс. — Сделаем, Мюнстер, вот как: будьте завтра у меня в кабинете к один-

надцати утра. Тогда о решении вашей проблемы и поговорим. До встречи.

— Вы уж извините, доктор, в обличье блобеля я действительно туговато соображаю, — устало ответил Мюнстер и, здорово озадаченный, повесил трубку.

Допустим, в эту самую минуту по Титану разгуливают пятнадцать блобелей, обреченных на существование в облике человека… и что с того? Как ему это поможет?

Ладно. Наверное, завтра в одиннадцать все выяснится.

На следующий день, твердым шагом войдя в приемную доктора Джонса, он обнаружил в уголке, на диване, за чтением «Форчун», молодую, необычайно красивую девушку.

Автоматически подыскав место напротив, Мюнстер устроился поудобнее, прикрылся развернутым номером «Форчун» и принялся с упоением разглядывать незнакомку. Высветленные добела волосы, стильно собранные в хвост на затылке, стройные ноги, небольшие изящные локти, отчетливые, правильные черты лица, неширокие, сужающиеся к кончику носа ноздри, ясные глаза, проницательный, умный взгляд…

«Ну и красавица!» — думал Мюнстер, таращась

на девушку во все глаза.

Вдруг незнакомка вскинула голову и, в свою очередь, спокойно, уверенно оглядела его самого.

— Скучновато приема ждать, — растерянно пробормотал Мюнстер.

— Вы часто бываете у доктора Джонса? — полюбопытствовала девушка.

— Нет, — признался он. — Я здесь всего второй раз.

— А я впервые, — продолжила девушка. — Обычно я хожу к другому полностью гомеостатическому электронному психоаналитику, принимающему в Лос-Анджелесе, но вчера вечером мой аналитик, доктор Бинг, вдруг позвонил и велел с утра прилететь сюда, на прием к доктору Джонсу. Как этот Джонс, на ваш взгляд?

— Э-э… по-моему, дело знает, — промычал Мюнстер.

«Хотя это еще предстоит проверить, — подумал он про себя. — Именно это нам пока и неизвестно».

Дверь в кабинет распахнулась, и в приемную выглянул доктор Джонс.

— Мисс Аррасмит… мистер Мюнстер, — заговорил он, поочередно кивнув девушке и Джор-

джу, — будьте любезны, пройдите оба ко мне.

— Кому же из нас тогда платить двадцать долларов? — осведомилась мисс Аррасмит, поднимаясь с дивана.

Однако аналитик, отключившись, умолк.

— Ладно. Я заплачу, — решила мисс Аррасмит и сунула руку в сумочку.

— Нет-нет, — запротестовал Мюнстер, — позвольте мне.

Пошарив в кармане, он скормил психоаналитику двадцатидолларовую монету.

— Да вы истый джентльмен, мистер Мюнстер, — отметил доктор Джонс и, широко улыбаясь, подтолкнул обоих к дверям кабинета. — Будьте любезны, присаживайтесь. Прошу, мисс Аррасмит, позвольте объяснить мистеру Мюнстеру суть ваших… проблем. Мистер Мюнстер, мисс Аррасмит — блобель.

Мюнстер только и смог, что вытаращить глаза.

— На данный момент, сами видите, пребывающий в человеческом облике, — продолжал доктор Джонс. — В состоянии непроизвольной реверсии. Во время войны она действовала в терранских тылах, выполняя задания Военной Лиги Блобелей, была разоблачена, содержалась в плену, однако война завершилась до того, как ее

успели предать суду и вынести приговор.

— Да. Меня освободили, — негромко, старательно сохраняя ровный тон, подтвердила мисс Аррасмит. — В облике человека. И я осталась здесь. Постыдилась возвращаться на Титан, и…

На этом ее голос дрогнул.

— Для блобеля из высшей касты подобное состояние сопряжено с немалым позором, — пояснил доктор Джонс.

Мисс Аррасмит, комкая в кулаке крохотный носовой платок ирландского полотна, кивнула, выпрямилась, расправила плечи.

— Вы совершенно правы, доктор. После я навещала Титан, консультировалась с нашими светилами медицины, и после продолжительных, дорогостоящих процедур им удалось добиться моего возвращения в прежний вид, но только на время. Примерно на… — Тут она снова слегка запнулась. — Примерно на шесть часов в сутки. Остальные три четверти суток я провожу… такой, как сейчас.

Поспешно склонив голову, она коснулась платком уголка правого глаза.

— Бог ты мой, — запротестовал Мюнстер, — да вам, считайте, невероятно повезло! Человеческое тело превосходит тело блобеля по всем статьям

— уж я-то знаю! В виде блобеля даже ходить как следует невозможно… ползаешь, будто медуза громадная: скелета ведь нет! А бинарное деление? Убожество, полное убожество по сравнению с нашим, терранским… ну, понимаете. Способом размножения, — пояснил он, слегка покраснев.

— Ваши периоды пребывания в человеческом виде пересекаются примерно на шесть часов в сутки, — не прекращая тикать, заметил доктор Джонс, — а периоды пребывания в виде блобелей — еще на час. Таким образом, вы семь часов из двадцати четырех проводите в одинаковом облике. Семь часов… по-моему, вовсе не так уж плохо, если вы понимаете, к чему я, — закончил он, поигрывая блокнотом и ручкой.

— Но ведь мы с мистером Мюнстером — естественные враги, — поразмыслив, напомнила мисс Аррасмит.

— Э-э, когда это было? Война давно кончена, — возразил Мюнстер.

— Вот именно, — поддержал его доктор Джонс. — Конечно, мисс Аррасмит по сути своей блобель, а вы, Мюнстер, терранин, однако… Вы оба — изгои для обеих культур, живете в подвешенном, двойственном состоянии и посему страдаете прогрессирующим размыванием

идентичности собственного «я». Рискну предположить, что итогом подобной деградации станет серьезное психическое расстройство… если только вы не сумеете наладить взаимоотношения.

На этом психоаналитик, подчеркнув сказанное многозначительным жестом, умолк.

— По-моему, нам очень и очень повезло, мистер Мюнстер, — негромко сказала мисс Аррасмит. — Доктор Джонс прав. Мы с вами проводим в одном и том же виде по семь часов в сутки… и все это время вполне можем радоваться жизни вдвоем, не прозябая в вынужденном одиночестве.

С надеждой улыбнувшись Мюнстеру, девушка одернула полы пальто. Определенно, фигурой она обладала прекрасной, что как нельзя лучше подчеркивало платье с довольно глубоким вырезом.

Мюнстер задумался, не сводя с нее изучающего взгляда.

— Дайте ему поразмыслить, не торопите, — посоветовал девушке доктор Джонс. — Анализ его психического склада свидетельствует: он непременно поймет все как надо и сделает правильный выбор.

Послушно умолкнув, мисс Аррасмит снова одернула пальто и промокнула носовым платком

уголки огромных карих глаз.

С тех пор миновал не один год, и вот однажды в кабинете доктора Джонса раздался телефонный звонок.

— Добрый день, сэр или мэм! Если вам угодно со мной побеседовать, будьте добры, переведите на мой счет двадцать долларов, — как обычно ответил он.

— Послушайте, Джонс, — повелительно, резко откликнулся мужской голос в наушнике, — с вами говорят из Юридического ведомства ООН. Нам платить по двадцать долларов за беседу с кем-либо ни к чему, так что включайте-ка свою механику, да поживее.

— Слушаюсь, сэр, — ответил доктор Джонс и, щелкнув спрятанным за ухом рычажком, переключился в бесплатный режим.

— Вы ли в 2037-м дали совет вступить в брак некоему Джорджу Мюнстеру и Вивиане Аррасмит, ныне миссис Мюнстер?

— Да, — подтвердил доктор Джонс, сверившись с встроенными блоками памяти, — а в чем, собственно…

— Анализировали ли вы юридические последствия их решения?

— Н-ну, это, знаете ли, не моя забота, — слегка

опешив, пробормотал тот.

— Известно ли вам, что за рекомендацию любых действий, противоречащих законодательству Объединенных Наций, вы можете быть привлечены к уголовной ответственности?

— Но ведь браки терран с блобелями законом не запрещены!

— Ладно, доктор, — смилостивился правовед из ООН, — так и быть, я удовольствуюсь ознакомлением с их анамнезами.

— Совершенно исключено, — отрезал доктор, — это же нарушение врачебной этики!

— В таком случае мы заручимся ордером и реквизируем истории болезни.

— Пожалуйста, — буркнул доктор Джонс и потянулся к рычажку за ухом, намереваясь отключиться.

— Постойте. Возможно, вам интересно будет узнать, что на данный момент у Мюнстеров четверо детей. В соответствии с законом Менделя, законом расщепления признаков, состав потомства строго следует соотношению один — два — один. Девочка-блобель, мальчик-гибрид, девочка-гибрид, девочка-терранка. И вот тут возникает проблема юридического свойства. Верховный Совет блобелей утверждает, что

чистокровная девочка-блобель — гражданка Титана, а также призывает в качестве жеста доброй воли передать под юрисдикцию Совета одну из двух гибридных особей, — объяснил правовед из ООН. — Видите ли, брак Мюнстеров распадается, оба подали на развод, и по каким законам следует разбирать их дело — вопрос весьма непростой.

— Да уж, пожалуй, — согласился доктор Джонс. — А по какой же причине распался их семейный союз?

— Не знаю и знать, откровенно говоря, не хочу. Возможно, из-за того, что оба взрослых и двое из четырех детей ежедневно превращаются то в блобелей, то в терран и обстановка в семье накалилась сверх меры. Хотите дать им совет психологического толка, пригласите их на консультацию. Всего хорошего, — буркнул правовед из ООН и дал отбой.

«Уж не ошибся ли я, посоветовав им пожениться? — задумался доктор Джонс. — В таком случае надо бы разыскать их — по крайней мере, из соображений этики».

Раскрыв телефонную книгу Лос-Анджелеса, он принялся листать раздел на букву М.

Шесть лет совместной жизни дались Мюнстерам нелегко.

Вначале Джорджу пришлось переехать из Сан-Франциско в Лос-Анджелес: там они с Вивианой свили семейное гнездышко в квартире из трех комнат вместо двух. Вивиане, проводившей в человеческом облике три четверти суток, удалось подыскать работу в Пятом Лос-Анджелесском аэропорту, однако пока она — при всем честном народе, ничего не боясь, не волнуясь — информировала пассажиров о расписании рейсов реактивных лайнеров, Джордж…

Пенсия Джорджа не превышала четверти жалованья жены, и этот факт больно ранил его чувства. Дабы хоть как-то исправить положение, он начал искать способы заработка на дому. Наконец в одном из журналов обнаружилась вот такая заманчивая реклама:

> БЫСТРАЯ ПРИБЫЛЬ, НЕ ВЫХОДЯ ИЗ КОНДО!
>
> ВЫРАЩИВАЙ ДОМА ГИГАНТСКИХ ЛЯГУШЕК С ЮПИТЕРА!
>
> СПОСОБНЫ ПРЫГАТЬ НА ВОСЕМЬДЕСЯТ ФУТОВ В ДЛИНУ!
>
> ВЕРНЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ В ЛЯГУШАЧЬИХ БЕГАХ
>
> (ГДЕ УСТРОЕНИЕ ТАКОВЫХ РАЗРЕШЕНО

ЗАКОНОМ)
И ВДОБАВОК…

Одним словом, в 2038-м Джордж Мюнстер приобрел первую пару лягушек, импортированных с Юпитера, и, предвкушая быструю прибыль, начал разводить их прямо в собственном кондоминиуме, в уголке подвала, предоставленном ему Леопольдом, частично гомеостатическим смотрителем здания, безвозмездно.

Увы, в условиях сравнительно невысокой терранской гравитации лягушата действительно без труда покрывали одним прыжком немыслимые расстояния, и подвал оказался для них безнадежно тесен. Рикошетившие от стены к стене, словно зеленые шарики для пинг-понга, лягушата вскоре передохли все до единого, а Джордж окончательно убедился: что бы ни утверждала реклама, подвальный уголок в многоквартирном совладении ДЭК-604 для разведения этих проклятых тварей не подойдет.

Примерно в это же время у них с Вивианой родился первый ребенок. Оказавшийся чистокровным блобелем младенец оставался комком студенистой массы двадцать четыре часа в сутки, и сколько Джордж ни ждал, чтоб он хоть на ми-

нутку сделался человеком, все зря.

По этому поводу он, как только оба супруга приняли человеческий вид, устроил Вивиане серьезный скандал.

— И как мне считать эту… чуждую форму жизни родной? — обескураженный, изрядно напуганный, осведомился он. — Почему доктор Джонс не предвидел такого фокуса? Может, ребенок-то только твой, а? С виду — как есть ты, вылитая!

Глаза Вивианы заблестели от навернувшихся слез.

— Как это понимать? Как оскорбление?

— Еще бы, черт побери! Мы же дрались с вами, тварями, насмерть… привыкли считать вас ничем не лучше португальских хвостоколов!

Мрачный как туча, Джордж Мюнстер надел пальто.

— До штаб-квартиры Ветеранов Чудовищных Войн прокачусь, — сообщил он жене. — Пива с ребятами выпью.

Вскоре он, с радостью оставив квартиру, уже ехал к старым боевым товарищам.

Штаб-квартира ВЧВ занимала ветхое бетонное здание в деловом центре Лос-Анджелеса, выстроенное еще на исходе двадцатого века и отчаянно нуждавшееся в покраске. С финансами у ВЧВ бы-

ло туго, так как большинство членов общества, подобно Джорджу Мюнстеру, жило на пенсию от ООН, однако в штаб-квартире имелся и бильярдный стол, и старенький трехмерный телевизор, и несколько дюжин пленок с популярной музыкой, а еще шахматная доска. Обычно Джордж, попивая пиво, играл с товарищами в шахматы — хоть в человеческом виде, хоть в виде блобеля: уж здесь-то ни то ни другое никого не смущало.

На сей раз он сел за шахматы с Питом Рагглсом, таким же ветераном войны, как он сам, и вдобавок женатым на блобельше, подобно Вивиане, преображенной в женщину.

— Не могу я так дальше, Пит. Ком студня вместо ребенка — ну это ж надо, а? Всю жизнь детишек мечтал завести, а что получил? Тварь вроде медузы, выброшенной на берег!

Пит — на данный момент — тоже в человеческом виде — отхлебнул пива.

— Черт тебя дери, Джордж! Согласен, положение не из приятных, но ты же знал, во что ввязываешься, когда женился на ней! Не вешай носа: согласно закону Менделя, следующий ребенок должен…

— Да ты пойми, — перебил его Джордж, — суть в том, что я жену собственную больше не уважаю!

За человека ее считать не могу и себя самого тоже! Оба мы — твари… нелюди! — выкрикнул он, залпом осушив кружку до дна.

Пит, призадумавшись, поднял взгляд к потолку.

— Однако с точки зрения блобеля…

— Слышь, ты на чьей вообще стороне?! — возмутился Джордж.

— Не ори на меня, — урезонил его Пит, — а то в зубы схлопочешь.

Разъяренный Джордж бросился на него с кулаками, но, к счастью, Пит в последний момент обернулся блобелем и нисколько не пострадал. По-прежнему в человеческом облике, Джордж остался за столом один, а Пит уполз куда-то еще — вероятно, к компании товарищей, тоже принявших вид блобелей.

«Может, нам основать на какой-нибудь из дальних лун свое, новое общество, ни блобельское, ни терранское? — пришло в голову Джорджу. — Ладно. Вернусь-ка я к Вивиане — что мне еще остается? Мне с ней еще повезло. Не найди я ее, так и остался бы никому не нужным отставным солдатом, день и ночь глушащим пиво здесь, в штаб-квартире ВЧВ, без будущего, без надежд, без настоящей жизни…»

К этому времени он придумал новый способ кое-что заработать: открыл на дому торговлю по почте и поместил в «Сатердэй ивнинг пост» вот такое рекламное объявление:

ВОЛШЕБНЫЕ МАГНИТНЫЕ КАМНИ ИЗ ИНОЙ ЗВЕЗДНОЙ СИСТЕМЫ!
СОГЛАСНО МНОЖЕСТВУ ОТЗЫВОВ, ПРИТЯГИВАЮТ УДАЧУ!

Действительно, камни добывались в системе Проксимы, а продавались на Титане. Завести коммерческие связи с титанскими блобелями при помощи Вивианы не составило никакого труда, однако терране приобретать счастливые камешки по доллару пятьдесят за штуку пока что не торопились.

«И тут неудача. Похоже, конченый я человек», — решил Джордж.

К счастью, следующий ребенок, родившийся зимой 2039-го, оказался гибридом, способным сохранять человеческий облик по двенадцать часов из каждых двадцати четырех, и Джордж наконец-то обзавелся потомком — пусть хоть наполовину, но все же собственного вида.

Не успел он отпраздновать рождение Мориса, как на порог к Мюнстерам заявилась целая деле-

гация соседей по кондоминиуму ДЭК-604.

— Вот, у нас тут петиция, — смущенно переминаясь с ноги на ногу, объявил глава делегации. — Просим вас с миссис Мюнстер покинуть ДЭК-604.

— С чего бы вдруг? — поразился Джордж. — Прежде на нас ни разу никто не жаловался.

— Причина в том, что теперь у вас завелся гибридный малыш, который наверняка захочет играть с другими детьми, а подобные игры, на наш взгляд, вредны для…

Джордж, недослушав, с маху захлопнул дверь, но это мало чем помогло. Общая неприязнь давила на нервы, чувствовалась со всех сторон.

«Вот, значит, как, — в ожесточении думал он. — И это за них я, стало быть, воевал? Ради такой-то благодарности?»

Около часа спустя Джордж снова сидел в штаб-квартире ВЧВ, пил пиво и разговаривал с приятелем, Шерманом Даунсом, тоже женатым на блобельше.

— Без толку все это, Шерман. Не нужны мы здесь никому. Подадимся, наверное, в эмиграцию. Может, на Титане, на родине Вив, обосноваться попробуем.

— Ну и ну, Джордж, — запротестовал Шерман, — быстро ты сдаться готов, просто слушать

противно! Тем более твои электромагнитные пояса для похудения вроде бы неплохо пошли…

Да, так оно и было. Пару месяцев тому назад Джордж запустил новое производство и выбросил на рынок первую партию сложных электронных аппаратов, помогающих избавиться от лишнего веса. Сконструированный при помощи Вивианы, «пояс» основывался на том же принципе, что и какое-то блобельское устройство, крайне популярное на Титане, однако терранам совершенно незнакомое. С поясами дела действительно пошли на лад: Джордж еле справлялся с лавиной заказов, но…

— Ужасная штука со мной на днях приключилась, Шерман, — по секрету признался он. — Пришел я в аптеку принять заказ на крупную партию поясов для похудения и так разволновался, что… — Осекшись, он сокрушенно махнул рукой. — Думаю, сам догадаешься. Разволновался и обернулся блобелем. На глазах у сотни покупателей. А потенциальный клиент, увидев это, тут же отменил заказ. Словом, произошло то самое, чего боимся мы все… Видел бы ты, как общее отношение ко мне изменилось!

— Так найми человека продажами заниматься, — посоветовал Шерман. — Подыщи чисто-

кровного терранина, и…

— Я сам — чистокровный терранин, — сквозь зубы процедил Джордж, — а ты не смей об этом забывать, ясно?

— Да я только хотел сказать…

— Знаю я, что ты хотел сказать! — взорвался Джордж и с разворота врезал Шерману по зубам.

К счастью, цели удар не достиг. В волнении оба обернулись блобелями и принялись неуклюже, волнами, точно пара огромных слизней, наскакивать друг на друга. Наконец товарищам-ветеранам удалось растащить их.

— Я такой же терранин, как и всякий другой! — мысленно, на блобельский лад, буркнул Джордж Шерману. — Кто засомневается, живо морду набью!

Сам добраться домой в виде блобеля он не мог — пришлось звонить Вивиане, чтобы приехала, увезла… Еще одно унижение!

«К черту такую жизнь, — решил Джордж. — Покончить с собой — и конец всем напастям».

Да, но как это лучше сделать? Наверное, в виде блобеля: блобели нечувствительны к боли и легко растворяются в полудюжине разных жидкостей. Подойдет даже плавательный бассейн в рекреации ДЭК-604 — там воду хлорируют так,

что и людям не слишком уютно!

Однажды посреди ночи Вивиана в человеческом облике застала его у бассейна, неуверенно балансирующим на бортике.

— Прошу тебя, Джордж… сходи еще раз к доктору Джонсу.

— Не пойду, — глухо пробасил он, превратив часть тела в подобие речевого аппарата. — Ни к чему это все, Вив. Не хочу я жить дальше.

Пускай пояса идут на ура — идея-то скорее Вив, чем его… Даже тут он второй, позади, с каждым днем отстает от нее все сильнее и сильнее!

— Но ведь ты столько мог бы предложить детям, — напомнила Вив.

Да, это точно…

— Навещу-ка я, пожалуй, Военное ведомство ООН, — решил Джордж. — Поговорю там, проверю, не придумали ли ученые-медики, как меня стабилизировать.

— Но если ты стабилизируешься в виде терранина, что же станет со мной? — негромко спросила Вивиана.

— Как «что»? Мы сможем проводить вместе целых восемнадцать часов в сутки! Все время, пока ты в человеческом виде!

— Но ведь ты не захочешь остаться со мной,

Джордж. Ты ведь с терранкой тогда познакомиться сможешь.

«Действительно, так по отношению к ней выйдет нечестно», — подумал Джордж и выбросил мысли о стабилизации из головы.

Весной 2041-го у них родился третий ребенок, еще одна девочка, подобно Морису, оказавшаяся гибридом — блобелем по ночам и терранкой в дневное время.

К тому времени Джордж отыскал решение если не для всех, то для значительной части личных проблем — завел интрижку на стороне.

Для встреч они с Ниной выбрали отель «Элизиум», обветшавшее деревянное здание в самом сердце Лос-Анджелеса. Глотнув «Тичерс», Джордж уселся рядом с ней на скрипучий, изрядно потертый гостиничный диван.

— Знаешь, Нина, — заговорил он, перебирая пуговицы ее блузки, — с тобой мне снова хочется жить. Я снова чувствую, что живу не напрасно.

— А я глубоко уважаю тебя, — откликнулась Нина Глаубман, помогая ему расстегнуть блузку. — Несмотря на то, что ты… э-э… был врагом моего народа.

— Бог ты мой, — возразил Джордж, — к чему ворошить прошлое? О прошлом нам с тобой надо

забыть навсегда, и как можно скорей!

«И смотреть только вперед, только в будущее», — мысленно прибавил он.

Торговля поясами для похудения шла так бойко, что к этому времени Джордж нанял на полный рабочий день пятнадцать терран и приобрел в собственность небольшую, но оборудованную по последнему слову техники фабрику у окраины Сан-Фернандо. Будь налоги ООН поскромнее, разумнее, уже богачом бы стал…

Размышляя над этим, Джордж задался вопросом: а как обстоит дело с налогами в краях блобелей — к примеру, на Ио? Пожалуй, надо бы разузнать.

Однажды вечером, в штаб-квартире ВЧВ, он решил обсудить сей предмет с Райнхольтом, мужем Нины, который об их отношениях, ясное дело, извещен не был.

— Райнхольт, — не без труда начал Джордж, отхлебнув пива, — у меня серьезные планы. Весь этот социализм, заведенный ООН, манера стричь всех, от мала до велика, под одну гребенку… не для меня это. Тесно мне здесь. Волшебный Магнитный Пояс Мюнстера терранской цивилизации… как бы это сказать… не по карману. Понимаешь, о чем я?

— Однако ты, Джордж, терранин, — холодно заметил Райнхольт, — и, эмигрировав вместе с фабрикой на территории блобелей, предашь собственную…

— Послушай, — перебил его Джордж, — одна из моих дочерей — чистокровная блобельша, еще двое детей — блобели наполовину, ну, а четвертый пока на подходе. Сам видишь: эмоциональные связи с народом, живущим на Титане и Ио, у меня — крепче некуда.

— Шкурник ты и предатель, — отчеканил Райнхольт и въехал Джорджу по зубам. — И, мало этого, — продолжал он, вонзая кулак в живот Джорджа, — путаешься с моей женой. Раздавлю я тебя, как клопа, — только в воздухе чище станет.

В отчаянии Джордж обернулся блобелем. Видя, что кулаки, погружаясь по локоть в студенистое, влажное тело противника, не наносят ему никакого вреда, Райнхольт тоже сделался блобелем, впился в Джорджа, пытаясь поглотить и растворить его ядро.

К счастью, товарищи-ветераны успели растащить их, прежде чем дело дошло до непоправимого.

Тем же вечером, все еще дрожа после пережитого, Джордж вернулся домой, в восьмикомнатные

апартаменты на лучшей из галерей огромного, новенького кондоминиума ЦГФ-900, вошел в гостиную и подсел к Вивиане. На благополучный исход надеяться было глупо: ясное дело, Райнхольт расскажет Вив обо всем — вопрос только когда. Браку, насколько Джордж понимал, пришел конец. Возможно, сегодняшний вечер — последний совместный вечер в их жизни.

— Вив, — с жаром заговорил он, осененный безумной идеей, — верь: я люблю тебя. Ты, дети… и, естественно, торговля поясами… вот и вся моя жизнь. Давай эмигрируем — сейчас же, нынче же ночью. Собирай ребятишек, летим на Титан!

— Нет, не могу, — возразила Вив. — Я же знаю, как мой народ отнесется ко мне, к тебе, к детям… Нет, Джордж. Лети сам, перевози фабрику на Ио, а я останусь здесь.

В ее темных глазах заблестели слезы.

— Проклятие, — проворчал Джордж, — да что же это за жизнь? Ты на Терре, я на Ио… такой брак — все равно что развод! А с кем же останутся дети?

Вероятней всего, детей передадут Вив… но ведь у него в юрисконсультах один из лучших правоведов на Терре! Что, если поручить светилу юриспруденции и разрешение домашних, семей-

ных проблем?

На следующее утро Вивиана, узнав о Нине, тоже наняла адвоката.

— Слушайте, — заговорил Джордж, как только Генри Рамарау, именитый правовед, нанятый им в юрисконсульты, снял трубку, — добейтесь для меня опеки над четвертым ребенком: он должен родиться терранином. В отношении гибридов пойдем на компромисс: я заберу Мориса, а она пусть забирает Кэти. И, естественно, этот комок студня — нашу первую, так сказать, дочь. Сдается мне, она все равно не моя.

Звучно хлопнув трубкой о рычаги, он обвел вопросительным взглядом совет директоров компании.

— Итак, что у нас с анализом налогового законодательства Ио?

Прошла еще пара недель. Идея переезда на Ио день ото дня казалась все более и более оправданной с точки зрения прибыли и расходов.

— Давайте, присматривайте землю на Ио, — велел Джордж разъездному поверенному Тому Хендриксу. — Да постарайтесь купить подешевле: себя нужно показать с самого начала. Мисс Нолан, — обратился он к секретарше, — ко мне до дальнейших распоряжений никого не пускать.

Чувствую, приступ вот-вот накроет. Эх, нервы, нервы! Переезд с Терры на Ио — дело нешуточное… а тут еще личные неурядицы.

— Будет сделано, мистер Мюнстер, — заверила его мисс Нолан, выпроваживая Тома Хендрикса из кабинета. — Никто вас не потревожит.

Мисс Нолан Джордж доверял безоговорочно: пока он в виде блобеля, в кабинет мимо нее не прошмыгнет даже мышь. А в последнее время неурочные превращения застигали его врасплох все чаще и чаще — сказывалось нервное напряжение.

Ближе к вечеру, снова сделавшись человеком, Джордж узнал от мисс Нолан, что ему звонил доктор Джонс.

— Будь я проклят, — проворчал он, вспомнив события шестилетней давности, — я-то думал, он уже сколько лет как списан в утиль. Мисс Нолан, свяжитесь с доктором Джонсом и соедините его со мной. Так и быть, поговорю с ним минутку.

Надо же… память о прошлом, о Сан-Франциско!

Вскоре мисс Нолан соединила с ним доктора Джонса.

— А-а, доктор, — заговорил Джордж, вольготно развалившись в кресле и ткнув пальцем орхидею

в настольной вазе, — рад слышать, рад слышать… сколько лет, сколько зим!

— Вижу, вы, мистер Мюнстер, обзавелись секретаршей, — заметил гомеостатический психоаналитик на том конце линии.

— Да, — подтвердил Джордж, — я ведь теперь, можно сказать, промышленный магнат. Произвожу и продаю пояса для похудения, такие штуковины вроде кошачьих ошейников против блох. Ну-с, чем могу вам помочь?

— Насколько мне известно, у вас четверо детей…

— На самом деле трое: четвертый пока на подходе. Знаете, доктор, вот этот четвертый для меня очень, очень важен: согласно закону Менделя, он должен родиться чистокровным терранином, и я сделаю все, что смогу, лишь бы добиться опеки над ним. Вивиана — возможно, вы ее помните — вернулась на Титан, к сородичам, и правильно сделала: там ей самое место. А я держу на жалованье нескольких лучших медиков, жду не дождусь, когда ж меня наконец-то стабилизируют. Надоели, знаете ли, эти ежесуточные превращения… без того дел куча!

— Судя по тону, вы, мистер Мюнстер, человек важный, занятой, — заметил доктор Джонс. —

Высоко поднялись со дня нашей последней встречи.

— Давайте к делу, — в нетерпении проворчал Джордж. — Зачем звонили?

— Я… э-э… полагаю, я мог бы помирить вас с Вивианой. Восстановить ваш брак.

— Еще чего, — с презрением хмыкнул Джордж. — С этой бабой? Нет уж, не нужно. Все, доктор, пора кончать разговор: «Мюнстер Инкорпорейтед» на пороге серьезных перемен, и нам нужно срочно проработать ряд важных стратегических…

— Все дело в другой женщине, мистер Мюнстер? — осведомился доктор Джонс.

— В другой блобельше, если уж на то пошло, — ответил Джордж и повесил трубку.

«Два блобеля лучше, чем ни одного, — рассеянно подумал он. — Ну, а теперь — за дело».

Стоило ему нажать кнопку на столешнице, в кабинет заглянула мисс Нолан.

— Мисс Нолан, свяжите меня с Хэнком Рамарау, — распорядился Джордж. — Мне нужно выяснить…

— Мистер Рамарау ждет на другой линии, — сообщила мисс Нолан. — Говорит, дело срочное.

— Привет, Хэнк, — сказал Джордж, переклю-

чившись на вторую линию. — Что стряслось?

— Я только что обнаружил один нюанс, — заговорил его старший юрисконсульт. — Чтобы владеть фабрикой на Ио, вам требуется гражданство Титана.

— Ну, это мы наверняка утрясем, — откликнулся Джордж.

— Но чтобы стать гражданином Титана… — Рамарау слегка запнулся. — Ладно, Джордж, объясняю как можно проще. Чтобы стать гражданином Титана, нужно быть блобелем.

— Проклятие, так я и есть блобель, — напомнил ему Джордж. — По крайней мере, часть жизни… это разве не подойдет?

— Нет, в том и проблема, — пояснил Рамарау. — Зная о вашем недуге, я навел справки и выяснил: блобелем надлежит быть постоянно. Круглые сутки.

— Хм-м-м, — промычал Джордж, — вот это скверно. Но ничего, справимся. Слушай, Хэнк, у меня сейчас встреча с лечащим врачом, Эдди Фуллбрайтом. Перезвоню тебе после, о'кей?

Повесив трубку, он помрачнел, задумчиво потер подбородок.

«Ладно, — решил он, — надо так надо. Факты — всего-навсего факты, и на поводу у них мы не

пойдем!»

Придвинув к себе телефон, он набрал номер личного доктора, Эдди Фуллбрайта.

Платиновая монета достоинством в двадцать долларов, скатившись по желобку, замкнула контакт. Приведенный в действие, доктор Джонс встрепенулся, поднял взгляд и увидел перед собой острогрудую, сногсшибательной красоты молодую женщину, в которой, сверившись с встроенными блоками памяти, узнал миссис Джордж Мюнстер, в девичестве — Вивиану Арасмит.

— Добрый день, Вивиана, — радушно приветствовал ее доктор Джонс, поднявшись и предложив посетительнице кресло, — но что привело вас ко мне? Насколько мне известно, вы переехали на Титан.

Вивиана, всхлипнув, поднесла к огромным карим глазам платок.

— Доктор, вся моя жизнь рушится на глазах. Муж завел отношения с другой женщиной… все, что я знаю, — зовут ее Ниной, и в штаб-квартире ВЧВ только о них двоих и судачат. Терранка, наверное… Мы оба подали на развод, насмерть бьемся в суде из-за детей, а еще я в положении. Четвертого жду, — закончила она, скромно одер-

нув пальто.

— Да-да, знаю, — откликнулся доктор Джонс. — И, если закон Менделя верен, на сей раз у вас должен родиться чистокровный терранин… хотя, кажется, законы Менделя применимы только для выводков.

Миссис Мюнстер в унынии поникла головой.

— На Титане, — жалобно заговорила она, — я беседовала и с юристами, и с медиками, с гинекологами, а особенно с консультантами по вопросам брака. За месяц каких только советов не наслушалась! Теперь я снова на Терре, но никак не могу найти Джорджа… Джордж исчез без следа!

— Увы, Вивиана, тут я вам помочь ничем не могу, — ответил доктор Джонс. — На днях я имел с вашим мужем недолгую беседу, однако в подробности он не вдавался… и, очевидно, стал настолько крупным дельцом, что к нему так, запросто, больше не подступиться.

— И ведь подумать только, — всхлипнула Вивиана, — всего этого он достиг благодаря идее, поданной мной! Блобельской идее!

— Ирония судьбы, — вздохнул доктор Джонс. — Что ж, Вивиана, если вам хочется удержать мужа, сохранить брак…

— Да, доктор, я на все пойду, только бы удержать его! Говоря откровенно, на Титане я прошла курс лечения — новейшего, крайне дорогостоящего, и… и все потому, что люблю Джорджа сильнее собственного народа, сильнее родной планеты!

— Вот как? — слегка опешив, откликнулся доктор Джонс.

— Благодаря последним достижениям медицинской науки, разработкам лучших медиков в Солнечной системе мне удалось стабилизироваться, — объяснила Вивиана. — Теперь я, доктор, остаюсь в человеческом виде не восемнадцать, а все двадцать четыре часа. Поступившись природным обликом ради сохранения брака с Джорджем.

— Величайшая из жертв, — изрядно растроганный, выдохнул доктор Джонс.

— Теперь, доктор, мне бы только отыскать его, и…

На Ио все было готово к торжественному началу строительства. Не без труда выползший вперед Джордж Мюнстер обвил выпущенной псевдоподией черенок церемониальной лопаты и кое-как ухитрился подцепить на штык символическую горстку земли.

— Сегодня великий день, — гулко пробасил он

при помощи некоего подобия речевого аппарата, вылепленного из части скользкого, студенистого одноклеточного тела.

— Верно, Джордж, — согласился Хэнк Рамарау, стоявший неподалеку с кипой официальных документов в руках.

Представитель властей Ио — такой же громадный, полупрозрачный ком органического вещества, как и Джордж, — подполз к нему и торжественно принял документы.

— Немедленно передам правительству, мистер Рамарау, — прогремел он. — Уверен, с бумагами все в порядке.

— Ручаюсь, — заверил чиновника Рамарау, — мистер Мюнстер не возвращается в человеческий облик ни на минуту. Благодаря новейшим методикам, разработанным лучшими представителями медицинской науки, его непроизвольное преображение удалось стабилизировать в данной фазе, в фазе одноклеточного существа. У Мюнстера все без обмана!

— Этот исторический момент, — подумал громадный ком студня, одноклеточная ипостась Джорджа Мюнстера, мысленно обращаясь к толпе местных блобелей, собравшихся на церемонию, — означает новую, лучшую жизнь

для тех, кто получит работу, процветание всей округи… и не забудьте о гордости за всенародное достижение, запуск в производство местного, насколько мне известно, изобретения, Волшебного Магнитного Пояса Мюнстера!

Толпа блобелей разразилась мысленными овациями.

— Этим днем я буду гордиться до конца жизни! — сообщил им Джордж Мюнстер и неторопливо, шаг за шажком, пополз к ожидавшей его машине с шофером, чтобы вернуться в Ио-Сити, в снятый для постоянного жительства номер отеля.

Однажды этот отель тоже перейдет в его собственность. Прибыль от поясов Джордж уже начал вкладывать в местную недвижимость: оно и патриотично, и, по словам жителей Ио, других блобелей, выгодно.

— Здесь, в этот день, я наконец-то достиг настоящего успеха! — мысленно пояснил Джордж Мюнстер всем, оказавшимся в пределах досягаемости излучения мозга.

Провожаемый исступленными восторженными криками, он вполз на трап и скрылся в кабине автомобиля титанской марки.

Черный ящичек

I

— Мисс Хияши, — заговорил Богарт Крофтс из Государственного департамента, — мы собираемся командировать вас на Кубу с религиозными наставлениями для тамошнего китайского населения. Уверен, непосредственная связь с Востоком послужит в этом хорошим подспорьем.

Джоан Хияши испустила едва слышный стон. Вся ее «непосредственная связь с Востоком» заключалась в том, что она, уроженка Лос-Анджелеса, посещала соответствующие курсы в Университете Санта-Барбары, однако, официально получив востоковедческую подготовку, упомянула о ней в заявлении о приеме на работу, как полагается.

— Возьмем, например, латинское «каритас», — продолжал Крофтс. — Какой смысл, на ваш взгляд, вкладывает в него Джером? «Милосердие»? Вряд ли. Тогда что же имеется в виду? Благожелательность? Любовь?

— Моя специальность — дзен-буддизм, — напомнила Джоан.

— Однако значение этого слова в позднелатинском употреблении известно каждому! — слегка

опешив, приподняв убеленные сединой брови, возразил Крофтс. — А означает оно взаимное уважение порядочных, добрых людей! Скажите, мисс Хияши, хочется ли вам у нас работать? Если да, по какой причине?

— Да, мне хотелось бы сеять семена дзен-буддизма среди китайских коммунистов на Кубе, — подтвердила Джоан, — потому что…

Но тут она, призадумавшись, осеклась. По правде сказать, все дело решало хорошее, по ее меркам, жалованье: настолько высокооплачиваемую должность Джоан занимать еще не доводилось. С точки зрения карьеры — просто блеск!

— А-а, дьявол! — выругалась она. — В чем суть Пути? Нет у меня ответа.

Крофтс пожал плечами.

— Вижу, избранная специальность научила вас уклоняться от откровенных ответов, причем весьма изворотливо, — ядовито заметил он. — Однако… возможно, это только подтверждает, что вы неплохо обучены и для данной работы подходите как нельзя лучше. На Кубе вам придется столкнуться с весьма искушенными, образованными и вдобавок состоятельными даже по меркам Соединенных Штатов особами. Надеюсь,

вы справитесь с ними так же непринужденно, как и со мной.

— Благодарю вас, мистер Крофтс, — откликнулась Джоан, поднимаясь с кресла. — Тогда… жду от вас известий?

— Да, впечатлить меня вам удалось, — негромко, будто бы про себя, проговорил Крофтс. — В конце концов, вы ведь — та самая юная леди, первой додумавшаяся скормить дзен-буддистские загадки мощнейшим вычислительным машинам Университета Санта-Барбары?

— Я первой проделала это, — поправила его Джоан, — однако идею мне подал друг, Рэй Меритан. Тот самый арфист, серо-зеленый джаз. Слышали?

— Джаз плюс дзен-буддизм, — хмыкнул Крофтс. — Пожалуй, на Кубе вы принесете Госдепартаменту немало пользы.

— Хочешь не хочешь, а из Лос-Анджелеса надо уезжать, и поскорее, — сказала Джоан Рэю Меритану. — Нет, правда. Не вынесу я здешней жизни.

Подойдя к окну гостиной, Джоан выглянула наружу. Вдали сверкала на солнце линия монорельса, по серебристой нити с немыслимой скоростью несся вперед такой же серебристый

вагон…

Джоан поспешно отвела взгляд в сторону.

«Страдания… подлинные страдания — вот чего нам всем не хватает, — подумалось ей. — Вот чего мы лишены, поскольку можем уберечься от любых бед на свете. От каких бы ни пожелали».

— Так ты ведь и уезжаешь, — напомнил Рэй. — Едешь на Кубу склонять богатеньких купцов с банкирами к аскезе. И вдобавок — вот настоящий дзен-буддистский парадокс! — за солидное жалованье. Хм-м… пожалуй, подобные мысли натворят немало бед, если заложить их в вычислительную машину. Ладно, по крайней мере, там не придется каждый вечер торчать в Кристал-холле и слушать меня… если, конечно, тебе именно поэтому здесь жить невмоготу.

— Нет, не поэтому, — заверила его Джоан. — Наоборот, я собираюсь слушать тебя по телевизору и, может быть, даже воспользуюсь твоей музыкой для наставлений.

Отойдя в дальний угол гостиной, она извлекла из ларчика розового дерева пистолет калибра 7,65. Прежде он принадлежал второй жене Рэя Меритана, Эдне, застрелившейся из него в минувшем феврале хмурым, дождливым днем.

— Можно, с собой его захвачу?

— Из сентиментальных чувств? — хмыкнул Рэй. — Потому что Эдна покончила с жизнью из-за тебя?

— Вовсе не из-за меня. Эдне я нравилась и никакой вины в самоубийстве твоей жены за собой не чувствую, пусть даже она узнала, что мы… так сказать, видимся.

— И эта самая девчонка, — задумчиво проговорил Рэй, — постоянно втолковывает людям: не сваливайте, не сваливайте собственную вину на внешний мир! Как там зовется твой главный принцип? — с усмешкой спросил он. — Ах да, Принцип Антипаранойи! Патентованное средство доктора Джоан Хияши от всех душевных болезней: признай вину за собой, вини во всем только себя! Странно, что ты до сих пор не обратилась в веру Уилбера Мерсера, — неожиданно закончил он, смерив Джоан пристальным взглядом.

— Этого клоуна? — слегка оскорбилась та.

— В образе, как ты выражаешься, «клоуна» заключена немалая доля его привлекательности. Гляди, сейчас покажу, — сказал Рэй и включил телевизор у противоположной стены — черный, без ножек, в восточном стиле, украшенный орнаментом из знаменитых драконов времен

империи Сун.

— Странно, что ты точно знаешь, когда там Мерсера будут показывать, — заметила Джоан.

— Так ведь интересно же, — пожав плечами, пояснил Рэй. — Новая вера, идущая на смену дзен-буддизму, волной захлестнувшая Средний Запад, докатившаяся до Калифорнии… Тебе, кстати, тоже полезно поинтересоваться, раз уж религия — твое ремесло и благодаря ей тебя берут на неплохую работу. Религия, дорогая моя, тебя кормит и поит, так что не торопись хулить руку дающую!

Действительно, на засветившемся телеэкране появился Уилбер Мерсер.

— Почему он молчит? — удивилась Джоан.

— Известно почему: на этой неделе Мерсер принял обет молчания. Полного молчания, — закурив, ответил ей Рэй. — Вообще-то Госдепартаменту следовало отправить на Кубу меня. Ты же самозванка. Неуч!

— Зато, по крайней мере, не клоунесса и не поборница клоунской веры! — парировала Джоан.

— Одна из дзенских поговорок, — негромко напомнил Рэй, — гласит: «Будда есть подтирка для задницы». А в другой сказано: «Будда нередко…»

— Помолчи, — резко оборвала его Джоан, — дай

приглядеться к этому Мерсеру.

— Приглядеться? — с немалой насмешкой переспросил Рэй. — Господи, тебе от него только это и нужно? На Мерсера не смотрят, в том вся и суть.

Отшвырнув окурок в камин, он подошел к телевизору. Только теперь Джоан заметила перед телеэкраном небольшой металлический ящичек с парой ручек, подсоединенный к аппарату отрезком двужильного провода. Взявшись за ручки, Рэй тут же скривился от боли.

— Что с тобой? — встревожилась Джоан.

— Н… ничего страшного, — сквозь стиснутые зубы промычал Рэй, не отпуская ручек.

Уилбер Мерсер на экране медленно шел вдоль безлюдного голого каменистого склона холма. Худощавый, осунувшийся, средних лет, смотрел он не под ноги — в небо, и на узком, заостренном лице его не отражалось ничего, кроме безмятежного, бездумного покоя.

С шипением выдохнув, Рэй отпустил ручки.

— На этот раз только сорок пять секунд сумел продержаться, — сказал он, обернувшись к Джоан. — Эта штуковина, дорогая, — «ящик сочувствия». Не могу объяснить, откуда он у меня… честно сказать, сам толком не знаю. Привезли из распространяющей их компании, «Уилсер Инкор-

порейтед». Берешься за эти вот ручки, и уже не смотришь на Уилбера Мерсера, а действительно вместе с ним возносишься к славе. Чувствуешь то же самое, что чувствует он, понимаешь?

— По-моему, ощущения не из приятных, — заметила Джоан.

— Верно, — негромко подтвердил Рэй Меритан, — ведь ему предстоит умереть. Идет он прямиком к месту гибели.

Джоан в ужасе отодвинулась от ящичка как можно дальше.

— Ты же сама говорила: именно это нам и нужно, — напомнил Рэй. — Не забывай: я ведь довольно сильный телепат и читаю твои мысли без особых усилий. «Подлинные страдания — вот чего нам всем не хватает»… именно так ты думала всего пару минут назад. Пожалуйста, дорогая, вот тебе шанс. Пользуйся.

— Но это же… какое-то жуткое извращение!

— Твои собственные мысли?

— Да, — отрезала Джоан.

— Последователей Уилбера Мерсера уже двадцать миллионов, — сообщил ей Рэй. — Двадцать миллионов человек со всего света делят страдания с ним, идущим в Пуэбло, штат Колорадо. По крайней мере, так объявлено им… лично у меня

на сей счет есть кое-какие сомнения. Но, как бы там ни было, мерсеризм сейчас то же самое, чем когда-то был дзен-буддизм: ты едешь на Кубу проповедовать богатым китайским банкирам устаревшую, отжившую свои дни форму самоуничижения.

Джоан, не ответив ни слова, отвернулась от него и устремила взгляд на бредущего вперед Мерсера.

— Брось. Хмурься не хмурься, ты же знаешь: все так и есть, — негромко сказал Рэй. — Я улавливаю твои чувства. Может, ты и сама о них не подозреваешь, но факты — штука упрямая.

В Мерсера на экране бросили камнем. Увесистый булыжник ударил идущего в плечо.

«И все, вцепившиеся в ящики сочувствия, почувствовали удар вместе с Мерсером», — сообразила Джоан.

— Именно так, — кивнув, подтвердил Рэй.

Джоан невольно вздрогнула.

— А что же случится, когда… когда его в самом деле убьют?

— Тогда и посмотрим, — негромко ответил Рэй. — Пока неизвестно.

II

— Нет, Богарт, думаю, вы ошибаетесь, — сказал Крофтсу госсекретарь, Дуглас Херрик. — Если девчонка и любовница Меритана, то вовсе не обязательно что-либо знает.

— Подождите, вот мистер Ли разберется и точно нам все сообщит, — раздраженно ответил тот. — Встретит он ее сразу же по прилете в Гавану.

— А прочесть мысли самого Меритана мистеру Ли не под силу?

— Один телепат, читающий мысли другого?

Богарт Крофтс невольно заулыбался. В голове его тут же возникла абсурдная картина: мистер Ли читает мысли Меритана; Меритан, тоже будучи телепатом, читает мысли мистера Ли и узнает об этом; мистер Ли, читающий мысли Меритана, обнаруживает, что раскрыт… и так далее, и так далее. Бесконечные возвращения к отправной точке, завершающиеся слиянием разумов, внутри коего Меритан, оберегая собственные мысли, старательно не думает о Уилбере Мерсере!

— Сходство фамилий… вот что наталкивает на определенные выводы, — пробормотал Хер-

рик. — Меритан, Мерсер… три начальные буквы, понимаете?

— Нет, — возразил Крофтс, — Рэй Меритан — вовсе не Уилбер Мерсер, и я сейчас объясню, откуда нам это известно. По нашей просьбе в ЦРУ записали передачу Мерсера на ампексовскую видеоленту[11] и проанализировали увеличенное изображение. Мерсер, как всегда, был снят на фоне унылой пустыни — кактусы, скалы, пески… сами, думаю, помните.

— Да-да, — закивал Херрик. — «Дикая глушь», как говорится в народе.

— Однако специалисты изучили объект, замеченный при увеличении в небе, и… он оказался совсем не Луной. Да, неким небесным телом, спутником, но чересчур мелким для нашей Луны. Рискну предположить, Мерсер вообще не землянин.

Нагнувшись, Крофтс с осторожностью, избегая касаться пары ручек, поднял и водрузил на стол металлический ящичек.

---

[11] Примечания: 11

Имеется в виду технология записи изображения на магнитную ленту при помощи первых видеомагнитофонов, разработанная компанией «Ампекс». За год до написания этого рассказа технологии «Ампекс» использовались, например, для повтора отснятого в прямом эфире убийства, совершенного Ли Харви Освальдом. Само слово «видеолента» (video tape) было зарегистрировано «Ампексом» как торговая марка.

— И вот это сконструировано и изготовлено не на Земле. И все движение Мерсера — поголовно нуль-Т, с каковым фактом нам поневоле придется считаться.

— Но если Мерсер не терранин, возможно, он уже страдал и даже умирал прежде, на иных планетах, — заметил Херрик.

— О да, — вздохнул Крофтс, — подобного опыта у этого Мерсера — или как там его на самом деле — вероятно, хоть отбавляй… а мы до сих пор не выяснили главное.

Главным, разумеется, оставался вопрос: что происходит с множеством людей, держащихся за ручки ящиков сочувствия?

Усевшись за стол, Крофтс впился взглядом в стоявший перед ним ящичек. Казалось, парные ручки так и зовут, так и манят к себе. Конечно, он к ним ни разу не прикасался и впредь прикасаться не думал, однако…

— Когда Мерсер должен погибнуть? — полюбопытствовал Херрик.

— Как ожидается, ближе к концу следующей недели.

— И вы рассчитываете, что до этого мистер Ли сумеет обнаружить в голове девчонки нечто полезное? Некий намек, подсказку, где искать

Мерсера?

— Надеюсь, что да, — ответил Крофтс, не сводя с ящика сочувствия глаз, однако по-прежнему не дотрагиваясь до него даже пальцем.

«Ну и странные, должно быть, ощущения испытываешь, — подумал он, — взявшись за пару совершенно обычных на вид металлических ручек и вдруг обнаружив, что ты — это больше не ты, а абсолютно другой человек в абсолютно другом месте, с трудом бредущий унылой, покатой, бескрайней равниной навстречу верной — по крайней мере, так говорят — погибели. Но слышать — это одно, а чувствовать… Что я такое постигну, если попробую сам?»

Отталкивало, сдерживало только одно — предвкушение небывалой боли. Неужели люди способны намеренно стремиться к таким ощущениям, вместо того чтобы избегать их? Стиснуть ручки ящика сочувствия изо всех сил… нет, ищущий избавления так не поступит. Тут речь не об избавлении — наоборот, о стремлении к чему-то конкретному, причем не к боли как таковой: считать мерсеритов обычными мазохистами в поисках неприятных ощущений по меньшей мере наивно. Адептов Мерсера привлекает некий заложенный в боли смысл. Содержание.

— Страдания позволяют им отрешиться от личной, персональной жизни, — сказал Крофтс, подняв взгляд на начальство. — Слиться с единоверцами, страждущими, переживающими мытарства Мерсера сообща.

«Наподобие причастия, приобщения Тела и Крови Господней, — мысленно добавил он. — Да, вот он, ключевой элемент! Единение, сопричастность — основа любой религии. Объединяя приверженцев, религия отделяет их от всех остальных».

— Однако их движение — в первую очередь движение политическое, либо должно расцениваться как таковое, — заметил Херрик.

— Да, — согласился Крофтс, — с нашей точки зрения… но не с их.

Интерком на столе зажужжал зуммером.

— Прибыл мистер Ли, сэр, — доложила секретарша.

— Скажите ему, пусть войдет.

Войдя в кабинет, молодой, рослый, довольно стройный китаец в старомодном однобортном костюме и остроносых туфлях с улыбкой протянул Крофтсу руку.

— Она ведь еще не отбыла в Гавану, не так ли? — покончив с рукопожатиями, спросил ми-

стер Ли.

— Нет, она еще здесь, — подтвердил Крофтс.

— Симпатичная? — полюбопытствовал мистер Ли.

— Да, — улыбнувшись Херрику, заверил его Крофтс, — но в общении непроста. Грубовата, резка… одним словом, эмансипирована до мозга костей.

— То есть из суфражеток, — не прекращая улыбаться, отметил мистер Ли. — Терпеть не могу подобных дамочек. Нелегкое дело мне предстоит, мистер Крофтс.

— Не забывайте, — осадил его тот, — вся ваша задача — слушать ее дзен-буддистские проповеди, затвердить пару-другую вопросов вроде «Вот эта палочка — Будда?», да приготовиться к полудюжине неизбежных подзатыльников — с помощью которых, насколько я понимаю, у дзенских наставников принято вбивать в головы наставляемых толику разума.

— Или, напротив, выбивать из голов наставляемых его остатки, — улыбнувшись еще шире, добавил мистер Ли. — Как видите, я готов. Разум, безумие — в дзен это одно и то же. Но я, разумеется, коммунист, — посерьезнев, нахмурившись, добавил он, — и помогаю вам только потому,

что партийный комитет Гаваны официально признал мерсеризм опасностью, подлежащей искоренению… а на мой собственный взгляд, мерсериты — сущие фанатики. Изуверы.

— Именно так. Поэтому нам и следует заняться их искоренением всерьез, — поддержал его Крофтс. — Кстати, вам доводилось пробовать?.. — полюбопытствовал он, кивком указав на ящик сочувствия.

— Да, — ответил мистер Ли. — Разновидность кары, налагаемой на себя добровольно — вне всяких сомнений, из-за угрызений совести. Заполняемый должным образом досуг нередко порождает в сердцах подобные чувства, в противном же случае лишь отупляет.

«Да ведь он совершенно не разбирается в сути вопроса, — подумал Крофтс. — Примитивный материалист, типичный человек, рожденный в семье коммунистов и воспитанный в коммунистическом обществе. Для таких все вокруг либо черное, либо белое, третьего не дано».

— Ошибаетесь, — заметил мистер Ли, уловив мысли Крофтса.

Тот покраснел.

— Прошу прощения, совсем забыл… поверьте, ничуть не хотел вас обидеть.

— Еще вы, вижу, — продолжал мистер Ли, — полагаете, что Уилбер, как он себя именует, Мерсер может оказаться нуль-Т. А известно ли вам, какой позиции на этот счет держится партия? Вопрос обсуждался всего несколько дней назад. Позиция партии такова: иных рас, рас нуль-Т, в пределах Солнечной системы нет. Вера в существование рудиментов некогда превосходивших человечество рас есть разновидность нездорового мистицизма.

Крофтс испустил тяжкий вздох.

— Решать эмпирическую проблему путем голосования, с чисто политических позиций… нет, этого я понять не в силах.

— Прошу вас, — успокаивая обоих, вмешался в разговор госсекретарь, Херрик, — не будем отвлекаться на умозрительные материи, по поводу которых расходимся во взглядах. Сосредоточимся на главном — на партии мерсеритов и ее невероятно быстром распространении по всему миру.

— Разумеется, — согласился мистер Ли. — Разумеется, вы совершенно правы.

III

На летном поле аэропорта Гаваны Джоан Хияши остановилась и огляделась.

Другие пассажиры быстрым шагом шли от корабля к дверям в зал ожидания номер двадцать. Из вокзала, как всегда, не без опаски потянулись наружу встречающие — друзья, родственники, хотя правилами аэропорта встречающим выход на поле был строго запрещен. Среди них обнаружился и молодой, рослый, худощавый китаец с приветливой улыбкой на лице.

— Мистер Ли? — окликнула его Джоан, подойдя ближе.

— Да-да, — подтвердил китаец, поспешив к ней. — Проголодались? Самое время поужинать. Позвольте, я отвезу вас в ресторан, к Хан Фар Ло. Там подают утку под прессом, суп из ласточкиных гнезд по-кантонски… все это, согласно канонам кантонской кухни, жутко сладкое, но — в кои-то веки! — съедобное.

Вскоре они, добравшись до ресторана, заняли полукабинет, отделанный красной искусственной кожей и пластиком под африканский дуб. Со всех сторон слышалась бойкая кубинская и ки-

тайская речь, в воздухе веяло жареной свининой и дымом сигар.

— Значит, вы — ректор Гаванского Института Востоковедения? — уточнила Джоан, чтобы наверняка исключить ошибку.

— Совершенно верно. Конечно, из-за религиозных аспектов Коммунистическая партия Кубы на нас поглядывает косо, однако многие из местных, островных китайцев исправно посещают наши лекции либо подписаны на институтскую периодику. Вдобавок, как вам, безусловно, известно, к нам приезжает немало видных востоковедов из Европы и Южной Азии… Кстати! Признаться, я до сих пор никак не пойму одной дзенской притчи. Монах, рассекший надвое котенка… сколько ни изучал вопрос, сколько ни размышлял — убейте, не понимаю, как отыскать Будду в акте жестокости по отношению к безобидному зверьку? Нет-нет, — поспешно добавил мистер Ли, — я с вами вовсе не спорю… всего лишь ищу знания!

— Да, из всех дзенских притч эта, пожалуй, самая сложная, — согласилась Джоан. — Тут нужно задаться вопросом: где тот котенок сейчас?

— Это наводит на мысль о начале «Бхагавад-

гиты»[12], — с отрывистым кивком подхватил мистер Ли. — Помнится, там Арджуна говорит так:

Моя кожа горит; лук Гандиву[13]
эти руки вот-вот уронят;
подкоситься готовы ноги,
как потерянный, ум блуждает.
Не провижу благого исхода,
коль убью своих родичей в битве,
отовсюду знамения злые
на меня наступают, Кешава![14]

— Именно, — подтвердила Джоан. — И ответ Кришны, самое глубокое суждение о деянии и смерти во всех добуддистских религиях, вы тоже, конечно же, помните.

Рядом с их столиком в ожидании заказа остановился официант, кубинец в берете и хаки.

— Попробуйте жареные вонтоны, — посовето-

---

[12] Примечания: 12

Фрагмент «Бхагавадгиты» приведен в переводе В. С. Семенцова.

[13] Примечания: 13

Гандива — в индуистской мифологии оружие богов; волшебный лук из дерева ганди, полученный Арджуной от своего отца Индры.

[14] Примечания: 14

Кешава — в индуизме одно из имен (эпитетов) Кришны и Вишну.

вал мистер Ли. — И курочку с овощным рагу, и, разумеется, яичный рулет. Яичный рулет сегодня есть? — спросил он у официанта.

— Си, сеньор Ли, — подтвердил официант, ковырнув в зубах зубочисткой.

Мистер Ли сделал заказ для обоих, и официант удалился.

— А знаете, — сообщила Джоан, — тесно общаясь с телепатами, спустя какое-то время начинаешь чувствовать интенсивное прощупывание мыслей… и лично я всегда точно знаю, копается ли Рэй в моей голове. Вы — телепат и в данную минуту скрупулезно исследуете мои мысли.

— Как мне хотелось бы, чтобы вы оказались правы, мисс Хияши, — с улыбкой возразил мистер Ли.

— Скрывать мне, конечно, нечего, — продолжила Джоан, — но вот вопрос: почему вас так интересует содержимое моей головы? О том, что я командирована сюда Госдепартаментом Соединенных Штатов, вы знаете, никакого секрета в этом нет. Опасаетесь, не шпионка ли я? Не прибыла ли на Кубу изучать военные объекты или еще что-нибудь в том же роде? Не слишком приятное начало знакомства, — помрачнев, подытожила она. — Вы со мной нечестны.

— Вы, мисс Хияши, — особа весьма привлекательная, — ничуть не утратив самообладания, отвечал мистер Ли. — Мне просто любопытны… могу я говорить прямо? Ваши взгляды на секс.

— Лжете, — негромко отрезала Джоан.

Угодливая улыбка мистера Ли разом угасла, взгляд сделался холодным, колючим.

— Суп из ласточкиных гнезд, сеньор, — объявил вернувшийся официант, водрузив на середину стола исходящую паром супницу. — Чай, — прибавил он, ставя рядом чайник и пару крохотных белых чашек без ручек. — Вам, сеньорита, палочки?

— Нет, — рассеянно отказалась Джоан.

Тут в зале страдальчески вскрикнули.

Джоан с мистером Ли дружно вскочили на ноги. Мистер Ли отодвинул занавесь. Официант, тоже оглянувшись на крик, от души рассмеялся.

Пожилой джентльмен, кубинец, сидевший за столиком в противоположном углу заведения, крепко сжимал ручки ящика сочувствия.

— И здесь тоже? — удивилась Джоан.

— Нигде от них нет спасения! Поужинать спокойно не дадут, — пожаловался мистер Ли.

— Локо[15], — давясь смехом, прибавил официант.

— Уж это точно, — согласилась Джоан. — Итак, мистер Ли, несмотря на происшедшее между нами, работу я постараюсь продолжить в обычном порядке. Понятия не имею, зачем местные власти решили подослать ко мне телепата — возможно, из свойственной коммунистам параноидной подозрительности к иностранцам, однако дело есть дело и бросать его на полпути я не намерена. Итак, вернемся к нашему расчлененному котенку?

— За едой?! — негромко ахнул мистер Ли.

— Вы о нем сами вспомнили, — отрезала Джоан и продолжила наставления, словно не замечая несчастной мины на лице телепата, без аппетита прихлебывающего суп из ласточкиных гнезд.

Тем временем Рэй Меритан, сидя за арфой в лос-анджелесской студии телеканала ККХФ, дожидался сигнала к началу выступления.

«Начну, пожалуй, с „Как сегодня Луна высока“», — решил он и от души зевнул, не сводя взгляда с окна аппаратной.

— Посвящу-ка я сегодняшний вечер Густаву

---

[15] Примечания: 15
Сумасшедшие (исп.).

Малеру, — сказал Глен Гольдстрим, джазовый обозреватель, полировавший очки без оправы носовым платком тонкого полотна рядом, у аспидной доски.

— Это еще кто такой? — удивился Рэй.

— Великий композитор конца девятнадцатого столетия. Крайне романтичный. Писал длинные, причудливые симфонии и песни в народном стиле. Однако мне сейчас вспоминается ритмический рисунок из «Пьяного весной», пятой части «Песни о земле»[16]. Неужели не слышал?

— Не-а, — раздраженно промычал Меритан.

— А зря. Как раз в серо-зеленом духе.

Однако Рэю Меритану в тот вечер было совсем не до серо-зеленого духа: голова до сих пор раскалывалась после удара брошенным в Уилбера Мерсера камнем. Правда, заметив летящий камень, Меритан отпустил ручки ящика сочувствия, но не так быстро, как следовало. Угодивший Мерсеру прямо в висок увесистый обломок известняка рассек кожу до крови.

— Сегодня вечером мне довелось столкнуться с тремя мерсеритами, и все они выглядели —

---

[16] Примечания: 16

«Песнь о земле» — произведение Г. Малера, по определению самого композитора, симфония в песнях, написанных на стихи китайских поэтов эпохи Тан (в переводе на немецкий).

просто жуть, — заметил Глен. — Что там такое случилось с Мерсером за день?

— Мне-то откуда знать?

— Ну, мало ли… держишься ты нынче в точности как они. Голова болит, верно? Рэй, я же знаю тебя как облупленного! Ты ведь пройти спокойно не можешь мимо чего-нибудь нового, необычного… и вообще, какая мне разница, мерсерит ты или не мерсерит? Я просто подумал: может, тебе пилюля болеутоляющего не помешает?

— Ага, конечно! Это же всю идею на корню подорвет, — зло буркнул в ответ Рэй Меритан. — Болеутоляющее! Мистер Мерсер, не желаете ли укольчик морфия, чтобы наверх идти стало легче? Все боли, мучения — как рукой снимет!

С этим он провел пальцами по струнам, взял пару аккордов, спуская пар.

— Вы в эфире, — объявил режиссер передачи из аппаратной.

Из динамиков магнитофонной деки, установленной в аппаратной, грянули позывные их передачи, мелодия «Это слишком»[17], и на камере номер два, нацеленной в сторону Гольдстрима,

---

[17] Примечания: 17

«That's a Plenty» (англ.), одна из классических джазовых мелодий в стиле диксиленд, исполнявшаяся многими джазовыми музыкантами и коллективами.

загорелась красная лампочка.

— Добрый вечер, леди и джентльмены! — скрестив руки на груди, заговорил Гольдстрим. — Что есть джаз?

«Вот и я говорю: что есть джаз? Что есть жизнь?» — подумал Меритан, потирая раскалывающийся от боли лоб.

Как-то он выдержит следующую неделю? Уилбер Мерсер на пороге гибели. С каждым днем ему приходится все горше и горше, и…

— И после недолгого перерыва для важного сообщения, — вещал тем временем Гольдстрим, — мы продолжим рассказ о занятных личностях — о серо-зеленом движении, а также о творческой жизни единственного и неповторимого Рэя Меритана!

На телеэкране, развернутом к Меритану, замелькали кадры рекламного ролика.

— Ладно. Давай пилюлю, — шепнул Меритан Гольдстриму.

Гольдстрим тут же протянул ему на раскрытой ладони плоскую желтую таблетку с насечкой поперек.

— Паракодеин, — пояснил он. — Строжайше запрещен законом, однако действенен. Является вызывающим привыкание наркотиком… стран-

но, что у тебя — у тебя-то! — хоть пары пилюль при себе не нашлось.

— Раньше нашлось бы, — проворчал Рэй, запивая проглоченную пилюлю водой из разового картонного стаканчика.

— Ну да, а теперь ты с головой ушел в мерсеризм.

— Теперь я…

Осекшись, Меритан поднял взгляд на Гольдстрима. Конечно, в профессиональном качестве, по работе, оба они знали друг друга не первый год, однако…

— Я вовсе не мерсерит, Глен, — отрезал он, смерив Гольдстрима раздраженным взглядом. — Забудь об этом и думать. А голова у меня в тот самый вечер, когда какой-то безмозглый садист, которому по справедливости и следовало бы тащиться наверх по этому склону, угодил Мерсеру в висок острым камнем, разболелась чисто случайно, усек?

— Усек, — откликнулся Гольдстрим. — Насколько мне известно, Министерство охраны психического здоровья США вот-вот потребует от Министерства юстиции прижать мерсеритов к ногтю.

Вскинувшись, он с легкой улыбкой на губах

повернулся к камере номер два и без запинки заговорил:

— Движение серо-зеленых зародилось около четырех лет назад в Пиноле, штат Калифорния, в стенах заслуженно знаменитого ныне на весь мир клуба «Дабл-Шот» — того самого клуба, где в 1993-м и 1994-м выступал Рэй Меритан. Сегодня Рэй исполнит для нас одну из своих самых известных, самых любимых публикой песен, «Когда-то, влюбленный в Эми». Итак, встречайте…

Выдержав паузу, он развернулся в сторону Меритана.

— Рэ-эй… Меритан!

— Планк-планк, — вторили ему струны арфы под пальцами Рэя.

«Наглядный урок, — думал Рэй Меритан, перебирая струны. — Наглядный урок для подростков, пример, кем вырастешь, не слушаясь маму, — вот что сделает из меня ФБР. Сначала паракодеин, потом мерсеризм… берегитесь, детишки!»

Глен Гольдстрим, оставшийся вне поля зрения камеры, поднял над головой аспидную доску с наскоро нацарапанной надписью:

ВПРАВДУ
ЛИ МЕРСЕР – ИНОПЛАНЕТЯНИН?

Убедившись, что вопрос замечен, он нацарапал чуть ниже:

ВОТ ЧТО ОНИ ХОТЯТ ВЫЯСНИТЬ.

«Вторжение из дальнего космоса, — подумал Меритан, не прерывая игры. — Вот чем они напуганы… боятся неизвестности, точно малые дети. Вот они, наши правящие круги… крохотные, охваченные страхом детишки, играющие в ритуальные игры с игрушками немыслимой силы!»

Тем временем в аппаратной забеспокоились.

«Мерсер серьезно ранен», — донеслась до Рэя мысль одного из работников студии, собравшихся за стеклом.

Рэй Меритан немедленно насторожился и, машинально перебирая струны, сосредоточился на аппаратной целиком.

«Так называемые „ящики сочувствия“ официально запрещены».

Вот как? Рэй тут же вспомнил о собственном ящике сочувствия, стоящем перед телевизором дома, в гостиной.

«Организация, распространявшая и продававшая ящики сочувствия, объявлена незаконной. ФБР проводит аресты в ряде крупнейших городов. Очевидно, вскоре примеру США последуют и

другие страны».

Серьезно ранен? Что значит «серьезно»? Смертельно?

А что с мерсеритами, державшимися в эту минуту за ручки ящиков сочувствия? Как они там? Медицинскую помощь получат?

«И как же быть с этими новостями? — размышлял режиссер. — Пустить в эфир сейчас же или дождаться рекламной паузы?»

Рэй Меритан, оборвав мелодию на середине, придвинул поближе микрофон-«пушку».

— Уилбер Мерсер серьезно ранен, — заговорил он. — Да, к этому все мы готовы, однако наше общее горе очень, очень велико. Мерсер… святой.

Глен Гольдстрим, вытаращившись на него, невольно разинул рот.

— Я верю в Мерсера, — во всеуслышанье, на все Соединенные Штаты объявил Рэй Меритан. — Верю: его мытарства, мучения, смерть многое значат для каждого.

Ну, вот дело и сделано. Он публично признался во всем… и для этого даже не потребовалось особого мужества.

— Молитесь за Уилбера Мерсера, — закончил он и вновь заиграл на арфе серо-зеленый джаз.

«Идиот, — подумал Глен Гольдстрим. — Сам же

себя и выдал! Недели не пройдет, как угодишь за решетку, и твоей карьере конец!»

— Планк-планк, — откликнулись струны арфы, а сам Рэй ответил Глену лишь невеселой улыбкой.

IV

— А помните ли вы историю о дзенском монахе, игравшем с детишками в прятки? — спросил мистер Ли. — Если не ошибаюсь, ее описал Басе. Монах укрылся в дворовой уборной, а дети не подумали туда заглянуть и вскоре забыли о нем. Человеком он был крайне простым, наивным, и на следующий день…

— Да, признаю: дзен сродни глупости, — ответила Джоан Хияши, отхлебнув чаю и обнаружив, что он совершенно остыл. — Дзен воздает хвалу простоте, легковерию. Полагаю, вы помните: легковерным называют того, кого легко обмануть, обвести вокруг пальца.

— Выходит, вы воистину исповедуете дзен, так как уже обмануты, — заметил мистер Ли, выхватив из-за борта пиджака пистолет и направив его на Джоан. — Вы арестованы.

— Кубинским правительством? — кое-как совладав с собой, уточнила Джоан.

— Правительством Соединенных Штатов, — пояснил мистер Ли. — Согласно вашим же собственным, прочитанным мною мыслям, Рэй Меритан — видный мерсерит, а сама вы склоняе-

тесь к мерсеризму.

— Но я вовсе не мерсеритка!

— Однако симпатизируете мерсеризму неосознанно. Готовы принять его. Я ведь в силах прочесть все это, пусть даже вы не сознаетесь в подобных мыслях даже самой себе. Сейчас мы с вами отправимся назад, в Соединенные Штаты, разыщем там Рэя Меритана, а он укажет нам путь к Уилберу Мерсеру. Все проще простого.

— Ради этого меня и послали на Кубу?

— Я — член Центрального Комитета Коммунистической партии Кубы, — объяснил мистер Ли, — и единственный в ЦК телепат. Обсудив положение, мы единогласно решили: перед лицом угрозы мерсеризма необходимо действовать в сотрудничестве с Государственным департаментом Соединенных Штатов до разрешения кризисной ситуации. Наш самолет, мисс Хияши, вылетает в Вашингтон, округ Колумбия, через полчаса. Едемте в аэропорт: время не ждет.

Джоан Хияши беспомощно обвела взглядом ресторанный зал. Ни посетители за соседними столиками, ни официанты не обращали на них никакого внимания. Дождавшись, пока один из официантов с нагруженным до краев подносом не пройдет мимо, она поднялась на ноги.

— Этот человек, — заговорила она, ткнув пальцем в сторону мистера Ли, — пытается увезти меня силой. Прошу, помогите!

Узнав мистера Ли, официант только улыбнулся Джоан и пожал плечами.

— Мистер Ли у нас — человек видный, известный, — сказал он и поволок поднос дальше.

— Да, так и есть, — подтвердил мистер Ли.

Выбежав из полукабинета, Джоан со всех ног бросилась в дальний угол зала.

— Помогите, прошу вас, — заговорила она, обращаясь к пожилому кубинскому мерсериту с ящиком сочувствия на столике. — Я мерсеритка, меня вот-вот арестуют!

В изборожденном морщинами лице старика что-то дрогнуло. Повернувшись к Джоан, сидящий за столиком впился в нее пристальным взглядом.

— Помогите, — пролепетала она.

— Славь Мерсера, — ответил старик.

«То есть помочь он не в силах», — сообразила Джоан и оглянулась.

Мистер Ли, не опуская нацеленного на нее пистолета, остановился в двух шагах позади.

— Этот старик даже на ноги не поднялся. Не шевельнул даже пальцем, — заметил он.

Джоан бессильно поникла головой.

— Вижу. Вижу…

Вдруг несший обычную повседневную чушь телевизор в углу, поперхнувшись, умолк на полуслове, лицо девушки рядом с бутылкой чистящего средства угасло, экран почернел… а затем из динамика раздался голос нового диктора, заговорившего по-испански.

— Ранен… серьезно, но не смертельно, — прислушавшись, констатировал мистер Ли. — Что вы, мисс Хияши, как мерсеритка, чувствуете в эту минуту? Подействовало происшедшее и на вас? Ах да, верно: вначале ведь следует взяться за ручки, причем осознанно, по собственной воле, иначе эффекта не последует.

Джоан, подхватив стоявший перед стариком-кубинцем ящик сочувствия, взвесила его в ладонях и стиснула ручки что было сил. Мистер Ли в изумлении поднял брови, шагнул к ней, потянулся к ящику…

Нет, боли Джоан не почувствовала.

«Вот оно, значит, как?» — удивилась она, оглядевшись вокруг.

Зал ресторана померк, рассеялся, словно дым.

«Должно быть, Уилбер Мерсер без чувств… да, очевидно. А от тебя я все-таки ускользнула, —

подумала Джоан, обращаясь к мистеру Ли. — Не сумеешь ты — а и сумеешь, так не отважишься — последовать за мной сюда, в мир-гробницу Уилбера Мерсера, умирающего где-то среди бесплодной равнины, в окружении врагов. Теперь я с ним — это и есть спасение от гораздо, гораздо худшего. От тебя. Отсюда тебе меня не вытащить. Руки коротки».

Вокруг во все стороны простирались безлюдные земли. Ноздри щекотали резкие, пряные ароматы цветов. Сколько же месяцев, а то и лет эта пустыня не видела ни капли дождя?

Напротив Джоан неизвестно откуда возник человек. Серые, исполненные муки глаза незнакомца лучились невыразимой скорбью.

— Да, я тебе друг, однако ты должна действовать, жить дальше, будто меня не существует, понимаешь? — сказал он, продемонстрировав Джоан пустые ладони.

— Нет, — призналась Джоан, — не понимаю.

— Как я спасу тебя, если и сам спастись не могу? — с улыбкой пояснил незнакомец. — Разве не видишь? Спасения нет.

— Тогда для чего это все? — спросила Джоан.

— Как «для чего»? Теперь ты знаешь, что не одинока, — ответил Уилбер Мерсер. — Что я с

тобой, рядом, и останусь с тобой навсегда. Ступай обратно. Взгляни им в глаза. Скажи им об этом.

Джоан разжала ладони.

— Ну? — хмыкнул мистер Ли, держа ее на прицеле.

— Едемте, — бросила Джоан. — Едемте в Соединенные Штаты. Сдавайте меня ФБР. Это уже не важно.

— Что же вы там увидели? — с искренним любопытством спросил мистер Ли.

— Не ваше дело.

— Так ведь я все равно узнаю. Из ваших же мыслей.

С этим мистер Ли сосредоточенно, будто прислушиваясь, склонил голову на сторону… и разочарованно, едва ли не обиженно приопустил уголки губ.

— Я бы сказал, негусто, — хмыкнув, заметил он. — Сам Мерсер спокойно, не отводя глаз, заявил, что ничем не в силах помочь вам… и вот за этого человека вы, не говоря уж о прочих, готовы жизнь положить? Определенно у вас с головой не в порядке!

— В обществе умалишенных только скорбным разумом и хорошо, — ответила Джоан.

— Опять этот буддистский вздор! — раздражен-

но проворчал мистер Ли.

— Дело обернулось весьма интересно, — сообщил мистер Ли Богарту Крофтсу. — Она сделалась мерсериткой буквально на моих глазах. Неявные склонности воплотились в действительность… подтвердив, что прежде, анализируя ее сознание, я не ошибся в оценках.

— Меритана вот-вот возьмут, — заверил Крофтс собственного начальника, госсекретаря Дугласа Херрика. — Лос-анджелесскую телестудию, где и узнал о серьезном ранении Мерсера, он покинул, а чем занялся после, похоже, не знает никто. Домой он не возвращался. Когда местная полиция явилась конфисковать его ящик сочувствия, хозяина, вне всяких сомнений, в пределах квартиры не оказалось. Где сейчас Джоан Хияши? — спросил он, повернувшись к мистеру Ли.

— В Нью-Йорке, под арестом, — отвечал телепат.

— По какому обвинению? — спросил Крофтс у госсекретаря, Херрика.

— Политическая агитация, угрожающая безопасности Соединенных Штатов.

— И арестована одним из виднейших представителей Коммунистической партии Кубы, — с улыбкой отметил мистер Ли, — хотя сей парадокс

в духе дзен, несомненно, пришелся мисс Хияши вовсе не по душе.

«Тем временем, — подумалось Богарту Крофтсу, — по всей стране в огромных количествах конфискуют у граждан ящики сочувствия. Вскоре начнется их уничтожение. Не пройдет и сорока восьми часов, как большая часть ящиков сочувствия в Соединенных Штатах, включая и этот, мой, превратятся в груды обломков».

Его ящик так и стоял на столе нетронутым. Сам распорядившийся доставить его, Крофтс ни разу за все это время не отважился к нему прикоснуться, но теперь подошел к ящику.

— Что произойдет, если взяться за ручки? — спросил он мистера Ли. — Телевизора здесь нет, и что сейчас делает Уилбер Мерсер, я себе даже не представляю. Вполне возможно, он вовсе уже — наконец-то! — мертв.

— Взявшись за ручки, вы, сэр, — заговорил мистер Ли, — войдете в… хм-м… не слишком мне хочется прибегать к этому выражению, но, кажется, более подходящего не найти. В своего рода мистическое единение с мистером Мерсером, где бы он ни находился. И, как вам известно, разделите с ним его страдания, но это еще не все. Вдобавок вы причаститесь к его… к его… — Тут

мистер Ли надолго задумался. — Нет, «мировидение» здесь не подходит. «Идеология»? Тоже нет…

— К его личному трансу? — подсказал госсекретарь Дуглас Херрик.

— Возможно, — морща лоб, пробормотал мистер Ли. — Хотя нет, «транс» тоже не подойдет. Подходящего к случаю слова просто не существует, в этом-то вся и суть. Этого невозможно описать. Это нужно испытать самому.

— Значит, попробую, — решил Крофтс.

— Нет, — возразил мистер Ли. — Послушайте доброго совета: не стоит. Если мои суждения для вас что-либо значат, остерегитесь. Миссис Хияши проделала это на моих глазах, и я сразу отметил в ней перемену. Вот стали бы вы пробовать паракодеин, когда он сделался популярным в массах безродных космополитов? — в нешуточном гневе добавил он.

— Паракодеин я пробовал, — признался Крофтс, — но он на меня совершенно никак не подействовал.

— А на какой эффект вы, Богарт, рассчитывали? — полюбопытствовал госсекретарь Дуглас Херрик.

Крофтс неопределенно пожал плечами.

— Точнее сказать, я просто не понял, какие

резоны побуждают людей глотать его, не боясь привыкания.

С этими словами он наконец взялся за ручки ящика сочувствия.

V

«Мой ящик сочувствия забрали и увезли, — думал Рэй Меритан, неторопливо шагая вперед сквозь завесу дождя, — а стоит мне появиться дома, меня тоже немедля сцапают».

От ареста Рэя спас телепатический дар: входя в здание, он вовремя уловил мысли полицейских, явившихся по его душу.

Время перевалило за полночь.

«Беда в том, что я слишком известен — особенно после этой, провались она, выходки на телевидении, — рассуждал он. — Куда ни пойди, всюду узнают».

По крайней мере, здесь, на Земле…

«А где же сейчас сам Уилбер Мерсер? — гадал Рэй Меритан на ходу. — В Солнечной системе или где-нибудь за ее пределами, под каким-то совершенно другим солнцем? Возможно, нам — или, по крайней мере, мне — не узнать этого никогда».

Впрочем, так ли уж это важно? Уилбер Мерсер где-то да существует, а остальное — пустяк. Тем более соприкоснуться с ним можно в любой момент, ведь ящик сочувствия всегда под рукой… вернее сказать, был всегда под рукой до начала

полицейских рейдов. Но ничего, Меритан нутром чуял: компания, распространявшая ящики сочувствия и прежде предпочитавшая держаться в тени, додумается, как обойти полицейских. Если он на их счет не ошибся…

Увидев чуть впереди, в дождливом мраке, красные огоньки бара, Рэй Меритан свернул к двери и вошел внутрь.

— Послушайте, у вас ящика сочувствия не найдется? — спросил он бармена. — Сто долларов за временное пользование заплачу.

— Не-е, не держим мы тут ничего такого, — ответил бармен, рослый толстяк с густо поросшими волосом предплечьями. — Иди-ка ты, куда шел.

Сидевшие у стойки оглянулись на Рэя.

— Эти штуки теперь законом запрещены, — заметил один.

— Э-э, да это ж Рэй Меритан, — оживился другой. — Тот самый джазмен.

— Джазмен? А сбацай-ка нам, джазмен, серозеленый джаз, — отхлебнув пива из массивной кружки, протянул третий.

Меритан двинулся к двери на улицу.

— Погодь, — окликнул его бармен. — Постой-ка, приятель. Топай вот к ним.

Нацарапав на картонной спичечной книжечке

адрес, он вручил книжечку Меритану.

— Сколько с меня? — спросил Меритан.

— А-а, чего там… пять долларов, и достаточно!

Расставшись с пятеркой, Меритан сунул картонку в карман и вышел на улицу.

«Уж не в ближайший ли полицейский участок меня отправили? — подумал он. — Но ничего, все равно попробую. Мне бы только ящик сочувствия еще на пару минут…»

Полученный от бармена адрес привел его к старому, здорово обветшавшему деревянному дому в самом центре Лос-Анджелеса. Постучав в дверь, Рэй Меритан замер и прислушался.

Приоткрывшая дверь пожилая толстуха в домашнем халате и ворсистых шлепанцах смерила незваного гостя недоверчивым взглядом.

— Я не из полиции, — заверил ее Меритан. — Я мерсерит. Позвольте воспользоваться вашим ящиком сочувствия.

Дверь медленно отворилась на всю ширину. Еще раз оглядев Меритана с головы до ног, хозяйка, очевидно, поверила ему, но не сказала ни слова.

— Простите, что беспокою в такой поздний час, — извинился Рэй Меритан.

— Что с вами стряслось, мистер? — спросила

толстуха. — Вид у вас — краше в гроб кладут.

— Это из-за Уилбера Мерсера, — пояснил Рэй. — Он ранен.

Звучно шаркая шлепанцами, хозяйка проводила его в холодную, темную гостиную со спящим попугаем в огромной, изрядно помятой бронзовой клетке.

— Включайте.

Увидев ящик сочувствия на старом радиоприемнике, едва ли не с телевизор величиной, Рэй испытал ни с чем не сравнимое облегчение.

— Включайте, не стесняйтесь, — поторопила его хозяйка.

— Благодарю вас, — ответил он и взялся за ручки.

— Воспользуемся девчонкой, — зазвучало в ухе. — Девчонка отведет нас к Меритану. Не зря, не зря я предложил ей должность!

Узнать голос Рэй Меритан не сумел. Уилберу Мерсеру он не принадлежал, это точно, однако, пусть даже не на шутку озадачившись, Рэй замер, прислушался, вцепился в ручки что было сил.

— Силы нуль-Т, внетерран, взывают к самому легковерному сегменту нашего общества, однако — я твердо уверен — данным сегментом манипулирует циничное меньшинство, вер-

хушка из оппортунистов наподобие Меритана. Они-то и спекулируют на этом Уилбере Мерсере, увлеченные набиванием собственных кошельков, — монотонно, уверенно вещал незнакомый голос.

Вот тут Рэю Меритану всерьез сделалось страшно. Сомнений не оставалось: это кто-то с другой, так сказать, стороны. Почему же ящик сочувствия соединил Рэя с ним, а не с Уилбером Мерсером?

Быть может, это намеренно, целенаправленно подстроил сам Мерсер?

Рэй Меритан обратился в слух.

— … а теперь нужно забрать эту девчонку, Хияши, из Нью-Йорка, доставить сюда и допросить обстоятельно, — продолжал голос. — Как я уже говорил Херрику…

Херрик? Государственный секретарь? А мысли, стало быть, принадлежат кому-то из Госдепартамента, тому самому, кто нанимал на службу Джоан?

Значит, Джоан не на Кубе. Джоан в Нью-Йорке… а почему? Похоже, вся суть этой затеи со стороны властей состояла в том, чтоб через Джоан добраться до него!

Стоило отпустить ручки, чужой голос умолк.

— Ну? Отыскали его? — спросила старуха.

— Д-да, — в растерянности пролепетал Меритан, сбитый с толку незнакомой обстановкой.

— И как он там? Жив-здоров?

— Пока… пока точно сказать не могу, — ответил Меритан, ничуть не покривив душой.

«В Нью-Йорк лететь нужно, — решил он, — на помощь Джоан. Выбора нет: она ведь из-за меня во все это влипла. Пусть даже меня там сцапают… как бросить ее в беде?»

— До Мерсера я не дотянулся, — сказал Богарт Крофтс.

Отойдя от ящика сочувствия, он обернулся, окинул приборчик исполненным злобы взглядом.

— Зато дотянулся до Меритана, однако где он, не знаю. В тот самый момент, как я взялся за ручки этого ящика, Меритан — неизвестно где — взялся за ручки такого же ящика тоже. Ящики соединили наши сознания, и теперь он знает все, что знаю я… ну, а мы знаем все, что знает он — то есть практически ничего.

Изрядно опешивший, он повернулся к госсекретарю, Дугласу Херрику.

— О Уилбере Мерсере Меритану известно не больше, чем нам. Он как раз пытался нащупать Мерсера… а значит, сам Мерсером, увы, быть не может.

На этом Крофтс умолк.

— Однако это наверняка не все, — рассудил Херрик и оглянулся на мистера Ли. — Что он еще выудил из Меритана?

— Меритан собирается лететь в Нью-Йорк на поиски Джоан Хияши, — послушно вчитавшись в мысли Крофтса, сообщил мистер Ли. — Об этом он узнал от самого Меритана во время слияния разумов.

— Ну что ж, приготовим Меритану встречу, — поморщившись, решил госсекретарь.

— Значит, я испытал то же, что вы, телепаты, чувствуете постоянно? — спросил Крофтс мистера Ли.

— Не постоянно. Только оказавшись поблизости от другого телепата, — поправил его мистер Ли. — И это может оказаться весьма, весьма неприятно. Мы избегаем подобного: столкновение двух совершенно несхожих разумов вредно для психики. Полагаю, нечто в этом же роде произошло между вами и мистером Меританом.

— Послушайте, а ведь мы же не вправе продолжать задуманное! — объявил Крофтс. — Теперь я точно знаю: Меритан невиновен. О Мерсере ему ни черта не известно, об организации, распространяющей эти ящики, — тоже, если не считать

названия!

В разговоре возникла недолгая пауза.

— Но ведь он — один из ряда знаменитостей, присоединившихся к мерсеритам, — напомнил госсекретарь, Дуглас Херрик, передав Крофтсу депешу, полученную по телетайпу, — причем сделал это на публике. Вот, озаботьтесь прочесть и…

— О том, что сегодня вечером он подтвердил приверженность Мерсеру во время телевизионного выступления, я знаю, — охваченный дрожью, оборвал его Крофтс.

— Имея дело с силами нуль-Т, с обитателями совершенно иной звездной системы, следует соблюдать предельную осторожность, — объявил госсекретарь Дуглас Херрик. — Взять Меритана мы все же постараемся, а лучшая ниточка к нему — определенно мисс Хияши. Освободим ее из тюрьмы, установим слежку, и когда Меритан выйдет с ней на контакт…

— Мистер Крофтс, не говорите того, что намерены сказать, — посоветовал мистер Ли, — иначе нанесете непоправимый ущерб собственной карьере.

— Херрик, так не годится, — не слушая телепата, заговорил Крофтс. — Меритан перед законом

чист. Джоан Хияши — тоже. Если вы не откажетесь от намерения устроить Меритану ловушку, я подаю в отставку.

— Ну что ж, пишите прошение об отставке и давайте сюда, — потемнев лицом, откликнулся госсекретарь.

— Весьма прискорбный поворот, — заметил мистер Ли. — Такое ощущение, мистер Крофтс, будто контакт с мистером Меританом вывернул ваши суждения наизнанку. Прошу, стряхните его дурное влияние — ради вашей долгой карьеры, ради родной страны, ради семьи, наконец!

— Так поступать не годится, — упрямо повторил Крофтс.

Госсекретарь Дуглас Херрик пронзил его испепеляющим взглядом.

— Я и не думал, что эти ящики сочувствия настолько вредоносны, но теперь во всем убедился сам! Теперь-то я не поверну назад ни при каких условиях!

Подхватив со стола ящик сочувствия, которым воспользовался Крофтс, Херрик поднял его повыше и грохнул об пол. Ящик с треском рассыпался на множество бесформенных, разнокалиберных обломков.

— И не считайте это детским, незрелым по-

ступком, — проворчал Херрик. — С любыми контактами между нами и Меританом нужно покончить. От них один только вред.

— А что, если он продолжит влиять на нас… вернее, на меня и после того, как мы его схватим? — заметил Крофтс.

— Как бы там ни было, операцию я намерен довести до конца, — решительно, непреклонно объявил госсекретарь. — И с прошением об отставке вы, мистер Крофтс, не тяните. С этим вопросом тоже необходимо покончить без проволочек.

— Господин государственный секретарь, — заговорил мистер Ли, — читая мысли мистера Крофтса, я вижу: в данный момент он изрядно ошеломлен. Мистер Крофтс — ни в чем не повинная жертва ситуации, вероятно, искусственно созданной Уилбером Мерсером с целью посеять среди нас замешательство и разлад. Приняв отставку мистера Крофтса, вы сыграете на руку Мерсеру.

— Не важно, примет он ее или нет: я в любом случае ухожу, — проворчал Крофтс.

Мистер Ли, тяжко вздохнув, с сочувствием потрепал его по плечу.

— Понимаю, мистер Крофтс. Ящик сочувствия

внезапно, без вашего на то желания, сделал вас телепатом, и это оказалось слишком. Сочувствие, сопереживание и проникновение в мысли — две разновидности одного и того же явления. Пожалуй, эти ящики следовало бы назвать «телепатическими». Какие, однако же, чудеса творят эти внеземные создания! Запросто производят то, до чего нам под силу лишь дорасти, эволюционируя в течение долгого времени…

— Раз вы способны прочесть мои мысли, то знаете, что я задумал, и, несомненно, обо всем известите государственного секретаря, Херрика, — заметил Крофтс.

— Мы с господином государственным секретарем сотрудничаем во имя мира и покоя во всем мире, — вкрадчиво улыбнувшись, отвечал мистер Ли. — И у него, и у меня свои инструкции сверху. Этот человек, — продолжил он, повернувшись к Херрику, — настолько расстроен, что действительно готов переметнуться на сторону противника. Примкнуть к мерсеритам, пока ящики не уничтожены все до единого. Непроизвольная телепатия пришлась ему по душе.

— В таком случае вы будете арестованы, обещаю, — предупредил Херрик.

Крофтс не ответил ни слова.

— Нет, он не передумал, — учтиво кивнув обоим, прокомментировал мистер Ли, явно весьма позабавленный сложившимся положением.

«Какой блестящий, решительный ход со стороны этой твари, зовущей себя Уилбером Мерсером, — тем временем думал он про себя. — Непосредственно связать Крофтса с Меританом… Несомненно, Мерсер предвидел, что мысленные эманации из самого сердца движения возымеют требуемый эффект. Далее Крофтс вновь прибегнет к ящику сочувствия, если сумеет найти таковой, и на сей раз Мерсер обратится к новому поборнику сам, лично!»

Враг залучил на свою сторону еще человека. Враг вырвался вперед.

«Однако в конечном счете мы победим, — подумал мистер Ли. — В конечном счете мы уничтожим все ящики сочувствия, а без них Уилбер Мерсер бессилен. Другого способа овладевать человеческими умами и мыслями, подчинять людей своей воле, как несчастного мистера Крофтса, у этой твари нет. Лишенное ящиков сочувствия, движение утратит всю силу».

VI

— Мне нужен билет в один конец до Лос-Анджелеса на ближайший рейс, — сказала Джоан Хияши кассиру в форменном мундире за стойкой «КСА», добравшись до аэропорта Роки-Филдс, Нью-Йорк Сити. — Реактивный лайнер, ракета — не важно. Главное, долететь.

— Первый класс или туристский? — уточнил кассир.

— А, дьявол, — устало вздохнула Джоан, щелкнув застежкой сумочки, — давайте любой. Любой.

Стоило ей расплатиться за билет, плеча коснулась чья-то ладонь. Обернувшись, Джоан обнаружила за спиной Рэя Меритана.

— Ну и толпа… знала бы ты, каково здесь твои мысли нащупывать, — облегченно вздохнув, сказал он. — Отойдем-ка куда-нибудь, где потише. До твоего рейса еще десять минут.

Вместе они поспешно пересекли зал, отыскали безлюдный пандус и остановились.

— Послушай, Рэй, — заговорила Джоан, — я знаю: все это — ловушка для тебя. Ради этого меня и выпустили… но куда мне еще податься, если

не к тебе?

— Об этом не волнуйся, — успокоил ее Рэй, оглядевшись по сторонам, — в итоге меня схватят так или иначе. Уверен, о том, что я здесь, а не в Калифорнии, они уже знают. Пока агентов ФБР поблизости вроде бы нет, однако…

Вздохнув, он закурил.

— Если ты здесь, возвращаться в Лос-Анджелес мне ни к чему, — рассудила Джоан. — Билет вполне можно сдать.

— О том, что повсюду изымают и уничтожают все ящики сочувствия, какие смогут найти, ты уже знаешь? — спросил Рэй.

— Нет, впервые слышу: меня ведь выпустили всего полчаса назад. Какой кошмар… похоже, они взялись за дело всерьез!

— Вернее сказать, всерьез перепуганы! — Рассмеявшись, Рэй обнял и поцеловал ее. — Сделаем вот как. Линяем отсюда, едем в Нижний Ист-Сайд, наймем там хибарку без удобств, заляжем на дно и начнем искать уцелевший ящик сочувствия.

«Хотя вряд ли найдем, — добавил он про себя. — Их и прежде было не так уж много… вымести все под метелку — дело нехитрое».

— Хорошо. Как скажешь, — невесело согласилась Джоан.

— Ты меня любишь? — негромко спросил Рэй. — Да, вижу… заглянул к тебе в мысли и вижу. А еще вижу, о чем думает мистер Льюис Сканлан из ФБР, подошедший к стойке «КСА». Как ты назвалась кассиру?

— Кажется, миссис Джордж Макайзекс… да, верно, Макайзекс, — ответила Джоан, взглянув на конверт с билетом.

— Однако Сканлан расспрашивает о японке, подходившей к стойке за последние четверть часа, а кассир тебя запомнил, так что идем-ка отсюда, да поскорей.

Подхватив Джоан под руку, Рэй поспешил вперед. Быстрым шагом миновав безлюдный пандус, оба прошли сквозь автоматические, снабженные фотоэлементами двери и оказались в зале выдачи багажа. Поглощенные собственными делами, пассажиры и служащие аэропорта даже не посмотрели в их сторону. Не прошло и пары минут, как Рэй Меритан с Джоан, добравшись до выхода, оказались на серой, холодной улице с двумя длиннющими вереницами кэбов вдоль тротуаров. Джоан вскинула руку, подзывая машину…

— Постой-ка, — шепнул Рэй, оттащив ее от обочины и в растерянности, не зная, как быть, остановившись посреди тротуара. — Слишком их

много… жуткая мешанина мыслей. Один из водителей кэбов — агент ФБР, но который, не разберу.

— То есть нам не уйти? — прошептала в ответ Джоан.

— Да, уйти будет трудновато.

«А скорее попросту невозможно, тут ты права», — подумал Рэй про себя.

Мысли девушки путались, страх мешался с тревогой о нем, с чувством вины — ведь это она, пусть невольно, помогла ФБР отыскать и схватить его. Ко всему этому примешивалось отчаянное нежелание снова попасть в тюрьму, непреходящая обида на обманувшего, предавшего ее мистера Ли — китайца, встретившего ее на Кубе, крупной шишки из Коммунистической партии…

— Что за жизнь, а? — вздохнула Джоан, придвинувшись к Рэю.

Однако Рэй никак не мог понять, какой выбрать кэб. Драгоценные секунды убегали, ускользали одна за другой, а он все стоял да стоял столбом…

— Послушай, Джоан, может, нам разделиться?

— Нет, — жарко возразила девушка, вцепившись в его локоть. — Не могу я больше одна. Не надо, пожалуйста.

И тут к ним подошел обросший неопрятной бородой уличный торговец с лотком на ремне.

— Привет, ребята, — пробормотал он.

— Не до вас нам сейчас, — буркнула ему Джоан.

— Да это бесплатно, — заверил ее лоточник. — Хлопья для завтраков, пробные образцы. Денег не надо. Возьмите коробочку, мисс. И вы, мистер, тоже возьмите, — добавил он, развернув лоток с множеством пестро, крикливо раскрашенных картонок к Рэю.

«Странно, — подумал Рэй, — почему я не улавливаю его мысли?»

Приглядевшись к лоточнику, он отметил еще кое-что странное — причудливую расплывчатость, бестелесность бородача.

Протянув руку, Рэй взял с лотка образчик хлопьев.

— Называются «Замечательный Завтрак», — пояснил лоточник. — Новинка, только что выброшенная на рынок. Внутри купон, дающий право на…

— О'кей, — оборвал его Рэй.

Подхватив Джоан под руку, он поволок девушку за собой, к веренице кэбов, наугад выбрал машину и распахнул заднюю дверцу.

— Садись скорей, — поторопил он Джоан.

— Я тоже взяла образчик «Замечательного Зав-

трака», — с блеклой улыбкой сообщила она, пока Рэй устраивался рядом.

Кэб тронулся с места, принял левее, миновал выезд с аэровокзальной стоянки.

— Рэй, ты странности в этом лоточнике не заметил? Такое чувство, будто на самом деле его рядом нет… будто он всего-навсего… что-то вроде изображения в телевизоре.

Стоило кэбу свернуть на автомобильный пандус, ведущий от аэровокзала к шоссе, следом за ними, вырулив из вереницы машин, устремился еще один кэб. Обернувшись, Рэй разглядел на заднем сиденье двух пассажиров, упитанных здоровяков средних лет в строгих темно-серых костюмах.

«А вот и ФБР», — подумал он.

— Кстати, тебе этот разносчик хлопьев для завтрака никого не напомнил? — спросила Джоан.

— Вроде бы нет.

— По-моему, он немножко, самую малость, похож на Уилбера Мерсера. Правда, Мерсера я видела не так часто, чтобы…

Рэй, выхватив из ее рук коробку, надорвал картонную крышку и заглянул внутрь. Из сухих хлопьев торчал уголок купона, о котором говорил лоточник. Вынув купон, Рэй поднес листок

поближе к глазам. На глянцевом бумажном прямоугольнике красовалась отчетливая, крупная надпись:

КАК СОБРАТЬ ЯЩИК СОЧУВСТВИЯ
ИЗ ТОГО, ЧТО ЕСТЬ В КАЖДОМ ДОМЕ

— Это они, — сказал Рэй Джоан, бережно пряча купон в карман, но тут же опомнился, сложил листок вчетверо и сунул за отворот штанины.

Так оно будет надежнее. Там ФБР точно его не найдет.

Кэб, ехавший следом, набрал скорость, приблизился к ним вплотную, и Рэй сумел уловить мысли пассажиров. Действительно, он не ошибся: оба оказались агентами ФБР.

Вздохнув, Рэй откинулся на спинку сиденья. Теперь уж ничего не поделаешь. Остается одно — ждать…

— А второй купон? — напомнила Джоан. — Давай сюда.

— Да, извини, — спохватился Рэй и отдал ей вторую коробку хлопьев.

Вскрыв коробку, Джоан отыскала внутри купон, поразмыслила и спрятала листок в окантовочный шов на подоле юбки.

— Интересно, сколько их, таких «лоточни-

ков»? — задумчиво протянул Рэй. — Много ли бесплатных образчиков «Замечательного Завтрака» они успеют раздать, пока их не переловят?

Первым из необходимых предметов, имеющихся в каждом доме, как он успел заметить, оказался обычный радиоприемник. Вторым — волосок от «пятилетней» электролампочки. Третьим… вот тут требовалось снова заглянуть в купон, но сейчас для этого не оставалось времени: второй кэб уже поравнялся с ними.

Ладно, потом. После. А если власти ухитрятся найти и изъять купон, то — в этом Рэй ни секунды не сомневался — ему как-нибудь передадут новый.

С этими мыслями он обнял, привлек к себе Джоан.

— Не бойся. Думаю, все будет в порядке.

Второй кэб начал принимать вправо, тесня их машину к обочине, агенты ФБР угрожающе, в повелительной, официальной манере замахали водителю, приказывая остановиться.

— Останавливаться? — встревоженно спросил тот, оглянувшись на Рэя.

— Конечно, — ответил Рэй Меритан и, сделав глубокий вдох, приготовился к неизбежному.

Война с фнулами

— Проклятие, майор, фнулы опять здесь! Заняли Прово, штат Юта, — доложил начальству капитан ЦРУ Эдгар Лайтфут.

Майор Хоук, испустив страдальческий стон, знаком велел секретарше сходить в секретные архивы за досье на фнулов.

— Кем притворяются на этот раз? — без лишних слов спросил он.

— Крохотными комиссионерами, торгующими недвижимостью, — ответил Лайтфут.

«А в прошлый раз, — вспомнилось майору, — были заправщики с бензоколонок…»

Так уж водилось у фнулов: стоило одному из них принять определенный облик, тот же облик принимали все остальные. Разумеется, это намного упрощало оперативникам ЦРУ задачу, однако придавало фнулам крайне нелепый вид, а воевать с нелепым противником Хоуку жутко не нравилось: данное обстоятельство здорово расхолаживало своих, не исключая даже его самого.

— Как полагаете, на переговоры они не пойдут? — скорее риторически, чем всерьез, спросил

Хоук. — Прово, штат Юта… невелика жертва, если они обязуются ограничиться его пределами. Можно даже добавить в придачу часть Солт-Лейк-Сити, вымощенную этим жутким старинным красным кирпичом.

— Нет, майор, на компромисс фнулы не согласятся, — заверил начальника Лайтфут. — Им ведь — ни много ни мало — вечное господство над всей Солнечной системой подавай.

— Вот досье на фнулов, сэр, — сообщила мисс Смит, склонившись над плечом майора Хоука.

Свободной от папки рукой она прижала к груди вырез блузки. Сам по себе жест этот с равным успехом мог означать и туберкулез в последней стадии, и чрезмерную скромность, однако ряд сопутствующих признаков указывал скорее на второе, чем на первое.

— Мисс Смит, — раздраженно проворчал майор Хоук, — у нас тут фнулы опять явились завоевывать Солнечную систему, а досье на них мне подает дама с бюстом сорок два дюйма в обхвате! Нет ли во всем этом легкой шизофрении… как минимум, на мой взгляд?!

Старательно отводя взгляд в сторону, он в который раз напомнил себе о супруге и паре детишек.

— Отныне и впредь одевайтесь как-то иначе, — распорядился он, — или… не знаю… бинтуйте все это, что ли! Ну, Господи Боже мой, всему должен быть разумный предел! Постарайтесь соответствовать обстановке!

— Хорошо, майор, — ответила мисс Смит, — но помните: меня ведь выбрали из кадрового резерва ЦРУ совершенно случайно. Сама я к вам в секретарши не напрашивалась.

Пригласив капитана Лайтфута сесть рядом, майор Хоук разложил по столу документы из папки с досье на фнулов.

В коллекции Смитсоновского института было чучело громадного — полных трех футов ростом — фнула, размещенное в особой витрине, имитирующей его естественную среду обитания. Который год младшие школьники дивились инопланетному существу с лучеметом, нацеленным на мирных терран, в руке! Стоило кому-нибудь из детишек нажать на кнопку, терране — не чучела, манекены — разбегались кто куда, фнул истреблял их одного за другим, паля из небывалого, питаемого энергией солнца оружия… а потом экспозиция принимала первоначальный вид до следующего нажатия кнопки.

Майору Хоуку впечатления от этого аттрак-

циона внушали нешуточную тревогу. Сколько раз повторял он: с фнулами не шути… однако фнулы как форма жизни обладали одной особой, а попросту говоря, идиотской чертой — она-то и составляла основу проблемы. Притворяясь кем бы то ни было, эти создания оставались карликами, а потому выглядели со стороны как сувениры, раздаваемые всем желающим на торжественных открытиях супермаркетов наряду с воздушными шариками и багровыми, влажными от росы орхидеями. Кто-кто, а майор Хоук не сомневался: все это — фактор выживания, призванный обезоружить противника. На образ работало все, включая дурацкое самоназвание, и в результате фнулов просто невозможно было воспринимать всерьез даже в эту минуту, когда они, обернувшись миниатюрными комиссионерами, торгующими недвижимостью, захватили Прово, штат Юта.

— Лайтфут, — распорядился Хоук, — возьмите в плен фнула в новом облике, доставьте ко мне, и я начну с ними переговоры. Честно говоря, как же мне на сей раз хочется взять и капитулировать! Двадцать первый год с ними бьюсь… сколько, черт возьми, можно?! Сил уже никаких нет!

— Оказавшись лицом к лицу с вами, один из

них может успешно сымитировать вас, и кончится это крайне печально, — предостерег его Лайтфут. — Тогда вас обоих придется, не сходя с места, испепелить… на всякий случай, знаете ли.

— На этот случай, капитан, договоримся о пароле, и прямо сейчас, — процедил Хоук. — Паролем станет слово «переварить», вставленное в одну из фраз… к примеру: «Эту информацию необходимо как следует переварить». Пленному фнулу узнать пароль неоткуда, не так ли?

— Так точно, майор.

Вздохнув, капитан Лайтфут покинул кабинет начальника и поспешил к вертолетной площадке через улицу, чтобы немедленно отправиться в Прово, штат Юта.

Все бы ничего… однако недобрые предчувствия не давали ему покоя.

Как только его вертолет приземлился возле устья каньона Прово, у окраины городка, к капитану тут же подошел человек двух футов ростом, в строгом сером костюме и с портфелем под мышкой.

— Доброго утра, сэр! — пропищал фнул. — Не желаете взглянуть на пару-другую отборных земельных участков? Беспрепятственный обзор, каждый может быть разбит на…

— Полезай в вертолет, — велел ему Лайтфут, направив на фнула «кольт» армейского образца.

— Послушайте, друг мой, — в весьма приподнятом тоне заговорил фнул, — сдается мне, вы ни разу в жизни всерьез не задумывались, что означает прибытие нашей расы на вашу планету. Зайдемте-ка на минутку ко мне в контору! Присядем, поговорим.

С этими словами фнул указал на дверь в небольшую постройку невдалеке. Внутри виднелся стол с парой кресел, а над дверью красовалась вывеска:

«РАННЯЯ ПТАШКА, ИНКОРПОРЕЙТЕД»
ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО

— Как говорится, «пока поздняя пташка глаза продирает, ранняя уж носок прочищает», — объявил фнул. — А все трофеи, капитан Лайтфут, достанутся победителю. Согласно законам природы, если мы сумеем заселить вашу планету, обскакав вас, на нашу сторону встанут все силы самой эволюции, биологии!

Лицо фнула озарилось счастливой, лучезарной улыбкой.

— Я прислан по вашу душу одним майором ЦРУ из Вашингтона, округ Колумбия, — заметил

Лайтфут.

— Да, майор Хоук нанес нам поражение, и даже дважды, — признал фнул. — Мы глубоко его уважаем. Однако среди сограждан он — так сказать, глас вопиющего в пустыне. Вы же прекрасно знаете, капитан: средний американец, взглянув на ту экспозицию в Смитсоновском институте, разве что снисходительно улыбнется. Угрозу в нас видят считаные единицы.

Тут к ним приблизились еще два фнула — еще двое крохотных комиссионеров-землеторговцев в строгих серых костюмах и при портфелях.

— Гляди, — сказал один другому, — Чарли терранина изловил!

— Нет, — возразил его спутник, — это терранин взял Чарли в плен.

— Так. Все трое — марш живо в кабину, — велел Лайтфут, погрозив фнулам армейским «кольтом» и кивнув в сторону вертолета.

Первый фнул сокрушенно покачал головой.

— Вы совершаете ошибку… однако вы — человек еще молодой, со временем повзрослеете.

С этим он направился к вертолету, но вдруг, развернувшись, во все горло вскричал:

— Смерть терранам!!! — и резко вскинул кверху портфель.

Над ухом Лайтфута свистнул испепеляющий луч солнечной энергии. Упав на колено, Лайтфут, в свою очередь, вскинул «кольт» и нажал на спуск. Фнул у вертолетного трапа, выронив портфель, ничком рухнул наземь. Двое других замерли, не сводя с Лайтфута глаз. Поднявшись, Лайтфут не без опаски поддел портфель носком туфли и отшвырнул прочь.

— Молод-то молод, а реакция — о-го-го! — заметил один из оставшихся фнулов. — Ишь, как шустро на колено упал!

— Да уж, с терранами шутки плохи, — согласился второй. — Нас ждет нелегкая битва!

— Однако, пока вы здесь, — обратился первый из уцелевших фнулов к Лайтфуту, — почему бы не вложить средства в прекрасный участок незастроенной земли из имеющихся у нас на продажу? Я лично с радостью вам все покажу. Воду и электричество, если что, подведем незадорого!

— Марш в вертолет, — повторил Лайтфут, держа обоих на мушке.

Тем временем в Берлине один из оберст-лейтенантов СХД — «Зихерхайтсдинст», западногерманской Службы госбезопасности, войдя в кабинет командира, вскинул руку в «римском салюте».

— Генерал, *die Fnoolen sind wieder zurück. Was sollen wir jetzt tun?*[18]

— Фнулы? Опять?! — в ужасе выдохнул генерал Хохфлигер. — Уже?! Мы же только три года назад раскрыли их сеть и уничтожили всех подчистую!

Вскочив на ноги, генерал Хохфлигер заложил широкие ладони за спину и зашагал из угла в угол тесного временного кабинета в подвале *Bundesrat Gebäude*[19].

— Кем на сей раз прикидываются? Заместителями министра внутренних финансов, как прежде?

— Нет, сэр, — отвечал оберст-лейтенант. — Теперь они приняли вид инспекторов из отдела технического контроля заводов «Фольксваген». Коричневый пиджак, папка-планшет, очки с линзами в палец толщиной. Среднего возраста, крайне дотошны, придирчивы… и, разумеется, *nur*[20] шести десятых метра ростом.

— Самое отвратительное во фнулах, — заме-

---

[18] Примечания: 18
Генерал, фнулы опять здесь. Что будем делать? (нем.)

[19] Примечания: 19
Здание Федерального совета (нем.).

[20] Примечания: 20
Здесь: не более (нем.).

тил Хохфлигер, — это манера беззастенчиво призывать любые достижения науки, особенно медицины, на службу истреблению противника. Они ведь едва не одолели нас при помощи той вирусной инфекции в клее на обороте серии красочных юбилейных марок!

— Уловка — гнуснее некуда, — согласился его подчиненный, — но слишком уж фантастическая, чтобы привести к окончательному успеху. На этот раз они, думаю, учтут урок и объединят сокрушительную силу с абсолютно точной синхронизацией ударов.

– *Selbstverständlic*h[21], — согласился Хохфлигер. — Но тем не менее мы должны отреагировать и победить. Известите Терпол, — так называлась всетерранская служба контрразведки со штаб-квартирой на Луне. — Где именно они обнаружены?

— Пока что только в Швайнфурте.

— Вероятно, нам стоит сровнять район Швайнфурта с землей.

— Тогда они просто появятся где-либо еще.

— Действительно, — задумчиво протянул Хох-

---

[21] Примечания: 21
Естественно (нем.).

флигер. — Ясно одно: операцию *«Hundefutter»*[22] нужно довести до успешного завершения.

Совершенно секретная операция западногерманского правительства под названием «Hundefutter» заключалась в выведении особого подвида терран ростом в шесть десятых метра, способных принимать самые разные обличья. Их предполагалось внедрять в сеть фнулов и уничтожать врага изнутри. Финансируемых семейством Круппов хундефуттеров держали наготове как раз для подобного случая.

— Незамедлительно свяжусь с *Kommando Einsatz-gruppe II*[23], — заверил его подчиненный. — Начнем забрасывать наших контрфнулов во вражеские тылы неподалеку от Швайнфурта сейчас же. Полагаю, к ночи ситуацией овладеем.

– *Grüss Gott*[24], — кивнув, вздохнул Хохфлигер. — Что ж, пусть их командование начинает, а мы будем со всем вниманием следить, как там у них дела.

«И если дела обернутся провалом, — подумал

---

[22] Примечания: 22
Корм для собак (нем.).

[23] Примечания: 23
С командованием оперативной группы два (нем.).

[24] Примечания: 24
Здесь: Бог им в помощь (нем.).

он, — придется принять куда более жесткие меры».

Хохфлигер понимал: на кону судьба всей человеческой расы. Ход истории на ближайшие четыре тысячи лет зависит от храбрости и решительности, проявленной одним из сотрудников СХД — возможно, им же самим — в этот час.

Так думал генерал Хохфлигер, беспокойно расхаживая из угла в угол тесного кабинета.

Тем временем в Варшаве глава местного отделения Народной Службы Охраны и Развития Демократических Преобразований (НСОРДП), сидя за поздним завтраком из сладких рогаликов с польской ветчиной, в который уж раз перечитывал полученную по телетайпу депешу.

«Значит, на этот раз под видом шахматистов, — резюмировал Серж Никофф, — причем каждый фнул неизменно открывает партию дебютом ферзевой пешки, d2-d4. Слабоватый дебют… особенно по сравнению с ходом королевской пешки, даже если играешь белыми, однако…»

Однако положение все равно складывалось угрожающее.

Придвинув к себе официальный бланк, Серж Никофф нацарапал: «Выявить и изолировать всех шахматистов, открывающих партию дебютом

ферзевой пешки».

Вот именно: выявить, изолировать и — в Оздоровительные Бригады Лесовосстановителей всех до единого. Да, ростом фнулы невелики, но с саженцами управятся… в конце концов, должна же от них быть какая-то польза! Не выйдет с лесом, пускай сажают подсолнухи для маслозаводов в рамках Программы Искоренения Тундровых Зон. Годик-другой тяжелого физического труда, и в следующий раз они наверняка призадумаются, стоит ли снова вторгаться на Терру!

С другой стороны, им вполне можно предложить сделку, альтернативу работе в Оздоровительных Бригадах Лесовосстановителей. Сформируем из них армейскую бригаду особого назначения и отправим в непроходимые горы Чили. Шестьдесят один сантиметр роста — таких на любую атомную подводную лодку поместится куча, вот только…

Вот только стоит ли им доверять?

Сильнее всего Серж Никофф ненавидел фнулов — а изучить их он во время прежних вторжений на Терру успел неплохо — именно за изощренное вероломство. В последний раз они обернулись ансамблем народной песни и пляски… и что это оказалась за пляска! Пустив в ход оружие

хитроумной, надежной, хотя и несколько прямолинейной конструкции, замаскированное под один из пятиструнных народных инструментов, танцоры-фнулы, прежде чем кто-либо успел помешать им, истребили на месте всю публику, собравшуюся в одном из ленинградских концертных залов, не щадя ни женщин, ни даже детей.

Разумеется, больше подобного не повторится: теперь-то все демократические страны начеку, специальные молодежные дружины не теряют бдительности… однако нечто новенькое, наподобие нынешней маскировки под шахматистов, вполне может завершиться успехом — особенно в небольших городках восточных республик, где шахматисты в особом почете…

Вынув из потайного ящика в рабочем столе телефон спецсвязи, без диска, Серж Никофф снял трубку и заговорил в микрофон:

— Фнулы опять здесь. На этот раз в районе Северного Кавказа. Соберите как можно больше танков, возьмите их в кольцо. Как только начнут наступление, сдержите их, рассеките их силы надвое танковым клином — и раз, и другой, и так далее, и так далее… словом, дробите на мелкие банды, ну а разобраться с мелкими бандами не составит труда.

— Будет сделано, товарищ комиссар.

Повесив трубку, Серж Никофф возобновил поздний завтрак, хотя и ветчина, и рогалики успели изрядно остыть.

Стоило капитану Лайтфуту поднять вертолет и направить машину назад, в Вашингтон, округ Колумбия, один из пленных фнулов заговорил:

— А как это получается? Каким образом вы, терране, всякий раз узнаете нас, кем бы мы ни замаскировались? Мы ведь являлись на вашу планету в виде заправщиков с бензоколонок, и инспекторов из отдела технического контроля заводов «Фольксваген», и чемпионов по шахматам, и ансамблей народной песни и пляски с туземными инструментами, и мелких правительственных чиновников, и, наконец, в виде торгующих недвижимостью комиссионеров, но…

— Размер. Все дело в величине, — пояснил Лайтфут.

— Эти понятия мне ни о чем не говорят.

— В вас росту всего два фута!

Пленные фнулы зашушукались между собой.

— Но ведь величина — характеристика относительная, — терпеливо объяснил Лайтфуту второй фнул, — а все абсолютные характеристики, при-

сущие терранам, в нашем временном облике воплощены безошибочно. Согласно вполне очевидной логике…

— Послушай-ка, — оборвал его тот, — встань со мной рядом.

Фнул в строгом сером костюме, с портфелем под мышкой, опасливо подошел к капитану.

— Вот, видишь? — растолковал ему Лайтфут. — Твоя макушка едва достает мне до коленной чашечки. Во мне росту шесть футов, а в тебе — от силы пара. Треть моего. Среди терран вы, фнулы, сразу бросаетесь в глаза, точно… точно яйца в бочонке кошерных пикулей!

— Это такая народная присказка? — оживился фнул, вынимая из кармана пиджака шариковую ручку — крохотную, не больше спички в длину. — Надо бы записать. «Яйца в бочонке пикулей»… ловко, однако ж, запущено! Надеюсь, стирая с лица планеты вашу цивилизацию, мы сохраним хоть часть туземной культуры в музеях.

— И я надеюсь на то же, — согласился Лайтфут, поднося к сигарете зажженную спичку.

— Интересно, — задумчиво проговорил второй фнул, — а как бы нам тоже прибавить в росте? Возможно, вашей расе известен какой-то секрет?

Умолкнув, фнул поднял взгляд к огоньку сига-

реты, покачивавшейся во рту Лайтфута.

— Не этот ли повсеместный обычай помогает вам достигать сверхъестественной величины? — спросил он. — Быть может, сжигая бумажные цилиндрики, набитые высушенными и спрессованными растительными волокнами, и вдыхая их дым, вы…

— Ну да, — подтвердил Лайтфут, вручив зажженную сигарету двухфутовому фнулу, — это и есть наш секрет. Курение сигарет способствует росту. Недаром же мы учим курить собственных детей — особенно подростков… вообще всю молодежь поголовно!

— А ну-ка, попробую и я, — сообщил фнул товарищу и, сунув сигарету в рот, глубоко затянулся дымом.

Лайтфут заморгал от удивления. Фнул тут же сделался не двух — четырех футов ростом, и его спутник тоже! Стоило одному вдохнуть табачного дыма, оба фнула увеличились ровно вдвое, на целых два фута!

— Вот спасибо-то! — куда басовитее прежнего поблагодарил Лайтфута четырехфутовый комиссионер, торгующий недвижимостью. — Один смелый шаг — и каков результат, а?

— А ну верни сигарету, — нервно буркнул

Лайтфут.

Тем временем майор Джулиус Хоук, оставшийся в штаб-квартире ЦРУ, нажал кнопку на столе, и в кабинет тут же вошла мисс Смит со стенографическим блокнотом наготове.

— Мисс Смит, — заговорил майор Хоук, — капитан Лайтфут в отлучке, и теперь я могу говорить с вами прямо. На этот раз фнулы нас победят. Как старший офицер, возглавляющий борьбу с ними, я готов прекратить сопротивление и отправиться в бомбоубежище, подготовленное на случай безнадежного положения вроде сегодняшнего.

Длиннющие ресницы мисс Смит затрепетали, будто крылья двух мотыльков.

— Какая жалость, сэр… мне так нравилось с вами работать!

— Подумайте о себе, — напомнил Хоук. — Наше поражение скажется на всей планете: еще немного, и терране будут стерты с лица Земли.

Выдвинув ящик стола, он отыскал непочатую бутылку с пятой частью галлона превосходного скотча «Буллок энд Лэйд», полученную в подарок ко дню рождения.

— Но вначале я прикончу свой «Би энд Эль», — сообщил он мисс Смит. — Составите мне компанию?

— Благодарю вас, сэр, нет, — отказалась мисс Смит. — Я… я и вообще-то не пью, а среди дня — тем более.

Осушив до дна разовый картонный стаканчик, майор Хоук отхлебнул и из горлышка, словно бы проверяя, действительно ли бутылка наполнена скотчем до самого дна.

— Просто не верится, — заговорил он, поставив бутылку на стол, — что нас приперли спиной к стене существа немногим крупнее обыкновенного домашнего кота в рыжую полоску, но против фактов не попрешь. И потому, — тут он учтиво поклонился мисс Смит, — я удаляюсь в железобетонный подземный бункер, в бомбоубежище, где надеюсь спокойно переждать крушение всей знакомой, привычной жизни.

— Рада за вас, майор, — слегка встревожившись, откликнулась мисс Смит, — но неужели вы… вот так просто оставите меня здесь, обречете стать пленницей фнулов? — Остроконечные груди секретарши задрожали под блузкой в такт каждому слову. — Как-то это… знаете ли… низко!

— Вам, мисс Смит, фнулов бояться незачем, — успокоил ее майор Хоук. — В конце концов, два фута ростом… нет, в самом деле! Даже нервная юная девица вряд ли…

Подкрепив оборванную на полуслове фразу многозначительным жестом, он рассмеялся.

— Но как же ужасно чувствовать себя брошенной на милость чудовищного, славящегося бессердечностью врага с совершенно чужой планеты! — всхлипнула мисс Смит.

— Так-так… а знаете, что, — задумчиво проговорил майор Хоук, — пожалуй, нарушу-ка я ряд строгих правил внутреннего распорядка ЦРУ и возьму вас в бункер с собой.

— О, майор! Не знаю, как вас и благодарить! — выдохнула мисс Смит, отложив в сторону блокнот с карандашом и со всех ног кинувшись к нему.

— А-а, бросьте. Идем, — откликнулся майор Хоук, в спешке — положение, как ни крути, аховое — забыв бутылку скотча «Би энд Эль» на столе.

Об руку с мисс Смит, крепко вцепившейся в его локоть, он малость нетвердым шагом двинулся вдоль коридора, к лифту.

— Провались этот скотч, — бормотал он на ходу. — Вы, мисс Смит… Вивиана… даже не прикоснулись к нему и правильно сделали. С учетом кортикоталамической реакции, проявляющейся перед лицом угрозы со стороны фнулов у каждого, скотч — уже отнюдь не тот благотворный бальзам, каким бывает в обычной, спокойной

обстановке, и…

— Держитесь, майор, — ободрила его секретарша, скользнув плечом ему под руку, чтоб подпереть начальство в ожидании лифта, — постарайтесь стоять ровнее. Ждать осталось недолго.

— Вот тут вы, дражайшая Вивиана, попали в самую точку, — согласился майор Хоук.

Наконец-то подъехавший лифт оказался из тех, которыми следует управлять самому, без лифтера.

— В самом деле, вы очень добры ко мне, — сказала мисс Смит, стоило майору отыскать нужную кнопку.

Лифт устремился вниз.

— Что ж, возможно, там, со мной, вы проживете несколько дольше других, — согласился майор Хоук. — Вот только так глубоко под землей… средняя температура куда выше, чем на земной поверхности. Глубина, как и в самых глубоких рудниках, исчисляется сотнями футов.

— Зато мы останемся живы, — напомнила мисс Смит.

Майор Хоук скинул пальто и сдернул с шеи галстук.

— Приготовьтесь к жаре и повышенной влаж-

ности, — посоветовал он. — Давайте. Пальто, думаю, лучше снять.

— Хорошо, — согласилась мисс Смит, повернувшись так, чтобы Хоук по-джентльменски принял ее пальто.

Тут лифт остановился. По счастью, опередить Хоука никто не успел, и бункер оказался в их полном распоряжении.

Майор Хоук щелкнул выключателем. Под потолком загорелась единственная тускло-желтая лампочка.

— Действительно, душно здесь — просто ужас, — заметила мисс Смит и тут же споткнулась обо что-то во мраке. — Ой, мама! Ничего не разглядеть…

Сделав еще шаг, она снова наткнулась на что-то твердое и едва не упала.

— Майор, не сделать ли свет поярче?

— Да? И привлечь фнулов?

Пошарив рукой в темноте, майор Хоук отыскал мисс Смит: та, плюхнувшись на одну из коек, ощупывала туфельку.

— Кажется, каблук отломился, — пожаловалась она.

— Пустяки, жизнь дороже, — утешил ее майор Хоук и принялся в темноте помогать мисс Смит

избавиться от второй туфельки: к чему она, если нет парной?

— И долго нам сидеть здесь, внизу? — спросила мисс Смит.

— Пока нашествие фнулов не пересидим, — сообщил майор Хоук. — Знаете, переоденьтесь-ка в противорадиационный костюм: вдруг этой подлой внетерранской мелюзге придет в голову сбросить на Белый дом водородную бомбу? Давайте сюда юбку с блузкой, а комбинезоны должны быть где-то тут, рядом.

— Вы так добры, так добры ко мне, — всхлипнула мисс Смит, протянув ему юбку и блузку. — Просто не верится!

— Пожалуй, мы малость поторопились, — решил майор Хоук. — Поднимусь-ка я в кабинет, заберу скотч. Просидеть здесь придется куда дольше, чем мне казалось, а одиночество изрядно треплет нервы, и нечто подобное нам весьма пригодится. Оставайтесь здесь, я скоро вернусь.

С этими словами он ощупью двинулся к лифту.

— Не задерживайтесь, пожалуйста! — встревоженно крикнула ему вслед мисс Смит. — Без вас здесь, внизу, так одиноко, так страшно… и, мало этого, я что-то противорадиационных костюмов, о которых вы говорили, нигде найти не могу!

— Я мигом, — заверил ее майор Хоук.

Тем временем капитан Лайтфут посадил вертолет с двумя пленными фнулами на площадку напротив штаб-квартиры ЦРУ.

— Марш наружу, — скомандовал он, тыча стволом служебного «кольта» в их тонкие ребра.

— Все дело в том, что он больше нас, Лен, — пожаловался один из фнулов другому. — Будь мы такой же величины, небось не посмел бы с нами так обращаться. Но ничего, теперь нам — наконец-то — известна природа терранского превосходства!

— Да уж, — поддержал его второй фнул. — Подумать только: двадцать лет бились мы над этой загадкой, и вот…

— Четыре фута — все равно подозрительно мало, — отрезал капитан Лайтфут.

Однако случившееся заставило его призадуматься. Если оба в один миг, с одной сигаретной затяжки, выросли на целых два фута, что помешает им вырасти еще на два? Шести футов ростом, они станут неотличимы от обычных людей…

«И все это из-за меня, — в унынии подумал он. — Майор Хоук сотрет меня в порошок… если не в прямом смысле, то в смысле карьеры уж точно».

Ну а до того оставалось одно: продолжать службу, стараться изо всех сил согласно славным традициям ЦРУ.

— Я отведу вас прямо к майору Хоуку, — сообщил он пленным фнулам. — Он разберется, что с вами делать.

Но в кабинете майора не оказалось ни души.

— Странно, — пробормотал капитан Лайтфут.

— Возможно, майор Хоук решил в спешке ретироваться? — предположил один из фнулов. — Вот эта высокая бутылка с янтарного цвета жидкостью не указывает на что-то подобное?

— Янтарная жидкость в этой высокой бутылке называется «скотч» и ни на что не указывает. Однако… — Пристально осмотрев бутылку, Лайтфут свинтил пробку с горлышка. — Ну-ка, попробую: мало ли, что…

Отхлебнув из бутылки, он обнаружил, что оба фнула не сводят с него пристальных взглядов.

— Один из любимых напитков терран, — пояснил Лайтфут, — но вам он на пользу не пойдет.

— Возможно, — согласился один из фнулов, — вот только, пока вы пили из этой бутылки, я завладел вашим служебным револьвером. Руки вверх.

Лайтфут нехотя поднял руки.

— Вот так, — удовлетворенно хмыкнул фнул. — Теперь дайте сюда бутылку. Попробуем сами и никаких отказов впредь не потерпим. По сути дела, у нас впереди знакомство со всей терранской культурой… с великим множеством нового!

— Да ведь выпивка вас живо прикончит! — в отчаянии воскликнул Лайтфут.

— Подобно тому горящему цилиндрику спрессованного и высушенного растительного волокна? — с откровенным презрением осведомился фнул, стоявший чуть ближе к нему.

Вдвоем с товарищем они на глазах у Лайтфута осушили бутылку до дна…

И, разумеется, выросли до шести футов. И, мало этого, то же самое, вне всяких сомнений, произошло со всеми фнулами в мире. Из-за него, Лайтфута, на сей раз вторжение фнулов завершится успехом. Можно сказать, он погубил всю Терру!

— Ваше здоровье, — выдохнул первый фнул.

— Пей до дна… ух, хорошо пошла! — поддержал его второй.

Оба смерили Лайтфута взглядом.

— Надо же! Съежился до наших размеров! — удивился один.

— Нет, Лен, — поправил товарища другой, —

это мы подросли, с ним в размерах сравнялись.

— И теперь-то, на равных, обязательно победим, — подытожил Лен. — С чудодейственным оружием терран, противоестественной величиной, покончено навсегда!

— А ну брось револьвер, — раздался голос со стороны коридора.

Переступив порог кабинета, майор Хоук остановился за спинами пьяных в стельку фнулов.

— Будь я проклят, — заплетающимся языком пролепетал первый фнул. — Глянь-ка, Лен, это же тот самый человек, главный виновник наших прежних поражений!

— И какой маленький, — добавил Лен. — Маленький, совсем как мы! Мы теперь все — крошки… то есть гиганты, будь я проклят… хотя какая разница? Главное, мы о-ди-на-ко-вы!

С этим он угрожающе качнулся в сторону майора Хоука.

Майор Хоук нажал на спуск, и фнул по имени Лен — несомненно, бесспорно мертвый — ничком рухнул на пол. Из пары пленников в живых остался только один.

— Эдгар, они прибавили в величине, — побледнев, отметил майор Хоук. — Каким образом?

— Из-за меня, — откровенно признался Лайт-

фут. — Вначале благодаря сигарете, а затем скотчу — вашему скотчу, майор, полученному от жены в подарок на день рождения. Согласен, теперь, одного с нами роста, они неотличимы от нас… однако подумайте, сэр: что, если они еще разок подрастут?

— Да, идея мне вполне понятна, — выдержав паузу, согласился майор Хоук. — Выросшие до восьми футов, фнулы будут выглядеть не менее подозрительно, чем раньше, когда…

Пленный фнул, сорвавшись с места, пустился бежать.

Майор Хоук выстрелил ему вслед, метя в ноги, но было поздно: фнул, выбежав в коридор, устремился к лифту.

— Держи его! — во весь голос завопил майор Хоук.

Остановившись у лифта, фнул без колебаний нажал кнопку вызова: несомненно, руку его направляло какое-то неземное, фнульское знание.

— Уходит… уходит! — прохрипел Лайтфут.

Лифт распахнул двери.

— Он ведет прямо в подземный бункер! — в отчаянии вскричал майор Хоук.

— Вот и прекрасно, — мрачно отметил Лайтфут. — Там изловить его не составит труда.

— Да, но… — начал было майор Хоук, но оборвал фразу на полуслове. — Вы правы, Лайтфут, его нужно взять, и как можно скорее. Оказавшись на улице, он… он легко затеряется среди множества обыкновенных людей в строгих серых костюмах и при портфелях!

— Как же заставить его опять подрасти? — заговорил Лайтфут, следом за Хоуком спускаясь в бункер по лестнице. — Началось все с сигареты, продолжилось скотчем… то и другое фнулам оказалось в новинку. Что же завершит рост, превратив их в великанов восьми футов ростом?

Перепрыгивая через ступеньку, он лихорадочно размышлял, искал выход до тех самых пор, пока оба не остановились перед стальной дверью бункера на фоне серой бетонной стены.

Фнул, ясное дело, успел скрыться внутри.

— Э-э… там, понимаете ли, мисс Смит, — признался майор Хоук. — Она… вернее сказать, мы… словом, мы решили переждать вторжение в бункере.

Лайтфут, навалившись на створку плечом, распахнул дверь.

Мисс Смит, тут же вскочив, со всех ног бросилась к ним, вцепилась в обоих и, осознав, что спаслась от фнула, с облегчением перевела дух.

— Слава Богу, — содрогнувшись, выдохнула она. — Я ведь не понимала, кто это, пока… Бр-р-р!

— Майор, — сказал капитан Лайтфут, — кажется, решение отыскалось само собой.

— Так, капитан, — зачастил майор Хоук, — раздобудьте мисс Смит какую-нибудь одежду, а я займусь фнулом. Теперь это не составит труда.

Следом за мисс Смит из бункера неторопливо, с поднятыми руками, вышел фнул. Фнул восьми футов ростом.

Безвыигрышная лотерея

Перекатывая пятидесятигаллоновый бочонок воды от канала к картофельной делянке, Боб Терк услышал нарастающий рев, поднял взгляд к серому марсианскому небу и обнаружил на фоне мутной предвечерней дымки громадный лазурно-синий межпланетный корабль.

Взволновавшись до глубины души, Боб замахал кораблю рукой, но вскоре сумел разобрать крупную надпись на борту, и его радость изрядно поблекла, смешавшись с тревогой. Тревожился он не напрасно: громадная, видавшая виды ракета, идущая на посадку кормой вниз, оказалась кораблем разъездного парка аттракционов — балаганщиков, завернувших в их уголок четвертой от Солнца планеты малость подзаработать.

Красочная надпись гласила:

«ПАДАЮЩАЯ ЗВЕЗДА, ИНК»
ПРЕДСТАВЛЯЕТ
УДИВИТЕЛЬНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ!
НЕВИДАННЫЕ УРОДЦЫ,
ЧЕРНАЯ И БЕЛАЯ МАГИЯ,
УЖАСАЮЩИЕ ТРЮКИ

И
ЖЕНЩИНЫ!

Конечно же, последнее слово было выведено самыми крупными буквами.

«Надо бы сбегать, в совет поселения сообщить», — сообразил Терк.

Бросив бочонок, он рысцой, шумно, с трудом вбирая легкими разреженный воздух неродной, недавно колонизированной планеты, потрусил к сосредоточению лавок в центре поселка. В последний раз балаганщики, навестившие их края, ограбили поселение до нитки — увезли с собой большую часть урожая, принятого как плату за развлечения, а колонистам осталась на память всего-навсего куча никчемных гипсовых статуэток. Ясное дело, на этот раз они будут умнее, однако…

Однако Бобом Терком опять овладело знакомое нетерпение, желание хоть как-нибудь поразвлечься, и те же чувства наверняка испытывал каждый. Поселение жаждало разнообразия, а балаганщики это, конечно же, понимали.

«На то у них весь и расчет, — думал Терк. — Эх, нам бы только сдержаться, головы не терять! Отдать им только излишки провизии да расти-

тельного волокна — то, что не нужно самим… не увлекаться, будто толпа ребятишек!»

Увы, житье в колониях не баловало разнообразием. Скорее наоборот. День за днем вози воду на поля, воюй с жуками да гусеницами, чини ограды, постоянно ковыряйся в потрохах полуавтономной полевой роботехники, без которой не поднимешь землю… как ни крути, для человека этого маловато. Человеку культура нужна. Торжества. Праздники.

— Эй! — окликнул Терк Винса Геста, восседавшего верхом на одноцилиндровом мотоплуге с разводным ключом в руке, дотрусив до границы его делянки. — Слышал грохот? К нам гости! Разъездной парк с аттракционами — как в прошлом году, помнишь?

— Еще бы не помнить, — не поднимая взгляда, вмиг помрачнев как туча, проворчал Винс. — Весь урожай тыкв у меня выманили. К дьяволу этих залетных балаганщиков!

— Эти — другая компания, — пояснил Терк, замедлив шаг. — Я их раньше не видел. Корабль ярко-синий, а выглядит, будто где только ни побывал. И знаешь, как мы поступим на этот раз? План помнишь?

— Что-то припоминаю, — буркнул Винс, подго-

няя под гайку губки разводного ключа.

— Дар есть дар, — зачастил Терк, убеждая в собственной правоте не столько Винса, сколько себя самого, стараясь переспорить собственную тревогу. — Ладно, допустим, у Фреда вроде как шариков в голове не хватает, но дар-то его настоящий, подлинный! Мы тыщу раз пробовали, и даже не знаю, почему не напустили его на тех балаганщиков в прошлом году… но сейчас-то обо всем договорились. Подготовились!

Винс поднял голову.

— А толку? Знаешь, что сделает этот полоумный малец? К балаганщикам переметнется. Уедет с ними, а свой дар на прощанье против нас в ход и пустит. Нельзя ему верить, помяни мое слово.

— Я лично Фреду верю, — отрезал Терк и поспешил дальше, к зданиям поселения, к пыльным, растрескавшимся, серым постройкам впереди.

Председатель совета, Хогленд Рэй, как обычно, возился у себя в мастерской. Хогленд чинил и сдавал остальным колонистам в аренду обветшавшую технику, и от него зависело все поселение. Без приспособлений Хогленда невозможно было ни остричь овцу, ни обрезать ягненку хвост — стоило ли удивляться, что Хогленд быстро сделался и политическим, и экономическим главой

поселения?

Выйдя наружу, на плотно слежавшийся песок у дверей, Хогленд степенно поздоровался с Бобом Терком и вытер взмокший от пота лоб сложенным вчетверо носовым платком.

— Значит, на этот раз новые? — негромко спросил он.

— Точно, — подтвердил Терк, всерьез опасаясь, как бы бешено бьющееся сердце не вырвалось из груди. — И нам по силам взять с них свое, Хог! Сыграем наверняка. То есть, как только Фред…

— Как сказать, как сказать. Их ведь на мякине не проведешь, — задумчиво возразил Хогленд. — Не сомневаюсь, в других поселениях тоже пробовали обыграть их, посылая к ним пси. Может, они возят с собой одного из тех… как ты их называл?.. антипси. Наш Фред — ПК, а если у них найдется против него анти-ПК…

Оборвав фразу, он безнадежно махнул рукой.

— Побегу, скажу родителям Фреда, чтобы забрали его из школы, — пропыхтел Боб Терк. — В том, что мальцы явятся туда первыми, подвоха никто не заподозрит. Давай на сегодня закроем школу вообще: пусть Фред в толпе затеряется, понимаешь? Хотя он и сам на вид странным не кажется… по крайней мере, мне! — злорадно

хихикнув, добавил он.

— Да, верно, — с достоинством согласился Хогленд. — С виду парнишка Костнеров вполне нормален. Ладно, попробуем: в конце концов, давно уже проголосовали и все решили. Будь добр, сбегай еще до колокола, дай сигнал к сбору излишков. Пускай эти балаганщики видят: нам есть что предложить. Капусту, горох, яблоки, грецкие орехи, тыквы — все вот сюда, в кучу, — распорядился он, указав под ноги. — И чтоб через час у меня в руках был точный реестр принесенного, под копирку, в трех экземплярах.

Вынув из кармана сигару, Хогленд щелкнул зажигалкой и закурил.

— Вроде все. Давай, не стой столбом!

И Боб Терк потрусил дальше.

— Ну, как ты, Фред? — спросил Тони Костнер сына, шагая через южное пастбище, сквозь стадо черномордых овец, мерно жевавших жесткую высохшую траву. — Как думаешь, справишься? Если вдруг не уверен, так и скажи. Силой никто не гонит.

«Прислушавшись», Фред Костнер словно бы сумел разглядеть вдалеке смутные очертания парка аттракционов, раскинувшегося перед стоящей носом к небу, на кормовых опорах, меж-

планетной ракетой. Балаганы, громадные яркие флаги, станиолевые вымпелы, реющие на ветру… и музыка, музыка с магнитной ленты… или у них вправду есть настоящая каллиопа?

— Справлюсь, — пробормотал он. — Справлюсь, не сомневайся. Каждый день тренировался, с тех самых пор как мистер Рэй объяснил, что сделать надо.

В доказательство он заставил лежавший впереди камень взмыть вверх, описать дугу, с немыслимой скоростью устремиться к ним и, наконец, отвесно упасть обратно, в побуревшую сухую траву. Овцы на миг прекратили жевать, непонимающе уставились на камень, и Фред беззаботно захохотал.

Среди сооружаемых балаганов уже собралась небольшая толпа поселенцев, включая детей. Автомат с сахарной ватой трудился вовсю, ноздри щекотал аромат жарящегося попкорна, а при виде громадной грозди разноцветных, надутых гелием шариков над головой лилипута в костюме хобо[25], с грубо, карикатурно размалеванным лицом, у Фреда сердце защемило от радости.

— Ищи лотерею или аттракцион с действитель-

---

[25] Примечания: 25
Бродяга, сезонный рабочий без постоянного места жительства.

но стоящими призами, — негромко напомнил отец.

— Знаю, — ответил Фред и принялся «прощупывать» балаганы.

Так, куклы, танцующие хула-хула, нам ни к чему… коробки тянучек на морской воде тоже… однако где-то в недрах всех этих балаганов наверняка ждет своего часа настоящий трофей, а то и не один. Возможно, под навесом с доской для метания пенни, или у тех лотерейных колес, или возле стола для бинго — как бы там ни было, а нечто стоящее у балаганщиков есть.

Чуя добычу, он зашагал быстрее.

— Э-э… пожалуй, я подожду тебя тут, Фредди, — негромко, с вымученной непринужденностью пробормотал отец.

Увидев один из помостов с девицами, Тони Костнер замер на месте как вкопанный, не в силах оторвать глаз от происходящего. Одна из девчонок уже…

Но тут за спиной зарокотал мотор грузовика. Обернувшись на шум, Фред разом забыл о пышногрудой голой девице на помосте. Грузовик вез балаганщикам продукцию поселения — для обмена на билеты.

Гадая, многим ли Хогленд Рэй решился по-

жертвовать на этот раз, после позора прежних лет, мальчишка направился к грузовику. Груда овощей в кузове казалась внушительной, и Фред едва не задохнулся от гордости: очевидно, поселение твердо верило в его силы.

И тут он уловил мысленным чутьем резкую — такого ни с чем не спутаешь — «вонь» пси.

Повеяло ею из балагана справа, и Фред сразу же свернул туда. Там и находилось то самое, что балаганщики берегли пуще глаза, там и велась игра, в которой они не желали — не могли себе позволить — проигрывать. Балаган оказался из тех, где всем желающим предлагалось «испытать силу, ловкость и меткость глаза», а испытывать все это следовало на одном из уродцев.

Подойдя ближе, Фред замер как завороженный. Такого ему видеть еще не доводилось: урод оказался безголовым — то есть совершенно лишенным головы. Все его органы чувств — глаза, нос, уши — переместились на прочие части тела еще в материнской утробе. Рот зиял посреди грудной клетки, на каждом плече поблескивало по глазу… одним словом, ущемленным себя безголовый, несмотря на уродство, вовсе не чувствовал, и Фред проникся к нему искренним уважением. Видеть, слышать и чуять запахи безголовый

мог не хуже любого другого… но что именно он делает в игре?

Безголовый сидел в корзине, подвешенной к своду балагана над огромной лоханью, полной воды. За его спиной виднелась мишень, а рядом с Фредом, у барьера, высилась пирамида бейсбольных мячей. Тут Фред Костнер и понял, в чем суть игры: если мяч угодит в цель, безголовый плюхнется в лохань, а пси балаганщиков должен мешать этому всеми силами. Здесь, в балагане, «вонь» пси едва не валила с ног, однако от кого ею несет — от безголового, от девушки, заправляющей аттракционом, или же от кого-то третьего, не показывающегося на глаза, — мальчишка не понимал.

Заправлявшая аттракционом худенькая девушка в свободных штанах, свитере и теннисных туфлях протянула Фреду один из мячей.

— Готов сыграть, капитан? — осведомилась она с вкрадчивой улыбкой, будто не в силах поверить, что Фред способен сыграть и выиграть, будто такое совершенно за гранью возможного.

— Не решил еще. Думаю, — парировал Фред, окинув пристальным взглядом призы.

Безголовый захихикал, заулыбался, блеснув двумя рядами зубов посреди грудной клетки.

— Думает?! Надо же! А на вид и не скажешь! — давясь смехом, воскликнул уродец.

Фред залился румянцем. К счастью, тут в балаган вошел его отец.

— Здесь сыграть хочешь? — спросил он.

Следом за отцом к балагану подошел Хогленд Рэй, и оба, встав рядом с Фредом, тоже принялись придирчиво изучать призы.

«Что это? Куклы какие-то», — подумал Фред.

Действительно, на полках по левую руку от заправлявшей аттракционом девушки рядами лежали небольшие, вроде бы мужские фигурки. Почему балаганщики так дорожат ими, Фред не смог бы сказать даже ради спасения жизни: на вид они не стоили ни гроша. Придвинувшись ближе, мальчишка сощурился, пригляделся, однако не смог разглядеть ничего необычного.

— Фред, но если даже мы выиграем, что нам с этого проку? — встревоженно зашептал Хогленд Рэй, отведя его в сторону. — Пластмассовые фигурки… куда их девать? Даже на обмен с соседними поселениями, думаю, не сгодятся.

На лице главы поселения отразилось нешуточное разочарование, уголки губ уныло поникли вниз.

— По-моему, с ними не все так просто, — отве-

тил Фред. — Не понимаю пока, для чего они, но все-таки, мистер Рэй, позвольте попробовать. Я точно знаю: они-то и есть самое ценное.

Иначе с чего бы балаганщикам их так беречь?

— Ладно, решай сам, — с безрадостным вздохом уступил Хогленд Рэй.

Переглянувшись с отцом Фреда, он ободряюще хлопнул мальчишку по спине и объявил во весь голос:

— Идем! Покажи им, на что способен, малец!

Сопровождаемые подошедшим к ним Бобом Терком, все трое вернулись к балагану с безголовым уродцем, ацефалом, поблескивавшим глазами, угнездившимися на плечах, из корзины.

— Ну что, ребята? Решились? — спросила заправлявшая аттракционом тощая девушка с невозмутимым лицом, подбросив и ловко поймав один из бейсбольных мячей.

— Держи, — сказал Хогленд, вручив Фреду конверт.

Внутри лежала выручка за продукцию поселения в виде билетов на аттракционы. Все, что удалось выторговать за полный грузовик овощей, перешло в руки Фреда.

— Пожалуй, попробую, — ответил Фред худень-

кой девушке и подал ей билет.

Худышка обнажила в улыбке мелкие острые зубы.

— Давай-давай, — снова заливишись радостным смехом, залопотал безголовый уродец, — окуни-ка меня в водичку: пить хочется, спасу нет! Искупай меня и выиграешь ценный приз!

Вечером того же дня Хогленд Рэй, устроившись в мастерской позади лавки, с ювелирной лупой в правом глазу, изучал одну из фигурок, выигранных парнишкой Тони Костнера в парке аттракционов «Падающая Звезда, Инк».

Вдоль дальней стены мастерской лежали рядком еще пятнадцать таких же фигурок.

Подцепив крохотными плоскогубцами спинную панель, Хогленд вскрыл корпус устройства наподобие куклы и обнаружил внутри затейливую путаницу проводов.

— А мальчуган-то прав оказался, — сообщил он Бобу Терку, стоявшему позади, дымя сигаретой из синтетического табака и взволнованно, нервно переминаясь с ноги на ногу. — Это не просто кукла: видал, как нафарширована, а? Уж не краденое ли что из арсеналов ООН? А может, даже микроб? Ну, знаешь, одна из тех особых автоматических машинок, способных решать тыщи

различных задач, смотря что нужно властям, — от шпионажа до восстановительной хирургии для ветеранов войны…

Чуть поразмыслив, он робко, с опаской вскрыл корпус фигурки спереди.

Снова пучки проводов… и детальки, детальки — миниатюрные, даже под лупой разглядеть крайне трудно. Хочешь не хочешь, пришлось признать поражение: технических познаний Хогленда Рэя, ограничивавшихся ремонтом самоходных уборочных комбайнов и тому подобной сельскохозяйственной техники, тут явно недоставало. Вздохнув, Хогленд задумался. Какую пользу для поселения можно извлечь из этих микроробов? Продать их обратно ООН? Балаганщики-то уже свернулись и улетели, от них о выигранных призах ничего не узнать…

— Может, они ходить, разговаривать умеют? — предположил Терк.

Оглядев фигурку в поисках выключателя, Хогленд ничего похожего не нашел.

Занятно… а с голосовым управлением как?

— Вперед, — скомандовал он.

Фигурка даже не шелохнулась.

— Похоже, штуковины нам достались действительно ценные, — сообщил Хогленд Тер-

ку, — но… — Глава поселения беспомощно развел руками. — Но разобраться в них — дело, сам видишь, небыстрое. Придется набраться терпения.

Возможно, если свезти одну из фигурок в М-Сити, к настоящим профессионалам — механикам, электротехникам, ремонтникам всех мастей… но нет, Хогленду Рэю хотелось разобраться во всем самому: не верил он обитателям единственного мегаполиса, многолюдного урбанистического центра планеты-колонии, не верил, и все тут.

— А балаганщики-то как расстроились, глядя на наши выигрыши — вон, сколько раз подряд! — со злорадным смешком заметил Боб Терк. — Фред говорит, их пси постоянно мешал ему изо всех сил, и балаганщиков его победы захватили врасплох, изумили до…

— Так. Тихо, — скомандовал Хогленд, отыскавший в брюхе фигурки источник питания.

Теперь оставались сущие пустяки: найти в цепи разомкнутый контакт. Стоит замкнуть его, и механизм заработает, оживет… казалось бы, все — проще некуда.

Действительно, начав поиски от батареи, Хогленд без труда обнаружил микроскопический выключатель, замаскированный под пряжку на ремне фигурки. Охваченный восторгом, он

подцепил пряжку игольно-тонкими щипчиками, замкнул цепь, поставил фигурку на верстак и замер, не сводя с нее глаз.

Фигурка дрогнула, зашевелилась, сунула руку в подвешенный к поясу мешочек наподобие кошелька, выхватила из мешочка миниатюрную трубку и направила ее на Хогленда.

— Эй, погоди, — в растерянности пролепетал Хогленд Рэй.

Терк за его спиной, невнятно замычав от страха, шмыгнул за шкаф. Отброшенный назад слепящим светом, с силой ударившим в лицо, Хогленд зажмурился, в ужасе вскрикнул.

— Тревога! Нападение! — кричал он во тьму — во тьму без конца и начала, однако собственный голос терялся во мраке, не достигая даже его ушей.

В отчаянии Хогленд Рэй вскинул руку, пытаясь нащупать хоть что-нибудь…

Склонившаяся над Хогландом фельдшерица, приписанная к поселению, сунула ему под нос пузырек с нашатырным спиртом. Жалобно закряхтев, Хогленд кое-как сумел поднять голову и разлепить веки. Лежал он на полу, посреди собственной мастерской, окруженный плотным кольцом взрослых колонистов. Ближе всех к

нему стоял Боб Терк. На лице каждого отражалась нешуточная тревога.

— Эти куклы, или что они там такое, — еле слышно просипел Хогленд. — Осторожнее с ними… видите, что вытворяют?

Извернувшись, он устремил взгляд в сторону остальных кукол, разложенных им же самим аккуратным рядком вдоль дальней стены.

— Включил одну, не подумав… цепь замкнул, привел в действие, — бормотал он, — и на тебе, ни с того ни с сего…

И тут он заморгал от изумления.

Куклы исчезли, как не бывало.

— Я за мисс Бисон побежал сразу же, — пояснил Боб Терк, виновато, будто пропажа целиком на его совести, опустив взгляд. — Вернулся, а их и след простыл. Прости, Хог, разволновался… гляжу: ты вроде ранен, а то и вовсе убит…

— О'кей, — с трудом сев, простонал Хогленд. Голова раскалывалась, к горлу подкатывала тошнота. — Ты все верно сделал. Теперь тащи сюда мальца Костнеров, послушаем, что он скажет, — распорядился глава поселения. — Сдается мне, нас опять обдурили. Второй год подряд. Только на этот раз еще позорнее прежнего.

«Вот-вот. Выиграли на свою голову, — подумал

он. — Лучше бы просто продули все подчистую, как в прошлом году. Куда легче отделались бы».

Предчувствия подсказывали: самое худшее еще впереди.

Четырьмя днями позже Тони Костнер, пропалывая тыквенную делянку, заметил движение неглубоко под землей, замер и потянулся за вилами.

«М-суслик, не иначе, — подумал он. — Подрывает грядки, корни грызет. Сейчас я его…»

Подняв вилы, он подождал, и как только земля снова дрогнула, безжалостно вогнал острые зубья вил в рыхлую песчаную почву.

Под землей жалобно, испуганно пискнули. Схватив лопату, Тони Костнер копнул раз-другой, отшвырнул землю в сторону и обнаружил под грядкой нору. На дне обнаженной норы судорожно подергивался мохнатый зверек, действительно, как и подсказывал Костнеру богатый опыт, оказавшийся марсианским сусликом. Глаза м-суслика остекленели от боли, из-под верхней губы торчали далеко вперед длинные клыки.

Из жалости прикончив зверька, Тони Костнер склонился над ним и сощурился: внимание его привлек отблеск металла в густой шерсти.

М-суслик… в сбруе?!

Рукотворная (как же иначе) сбруя наподобие шлейки плотно обхватывала толстую шею зверька. От сбруи к нижней челюсти суслика тянулись, уходя под кожу, почти невидимые, не толще волоса, провода.

— Господи, — выдохнул Тони Костнер, подняв суслика в странной сбруе, и, не на шутку встревожившись, замер на месте.

Что делать? Об этом оставалось только гадать. Ясно было одно: все это каким-то образом связано с выигранными у балаганщиков куклами. Скрывшись, они изловили суслика, нашпиговали его какой-то электроникой, а зачем? Да уж известно, не из мирных намерений — недаром ведь Хогленд всех к осторожности призывал!

Интересно, что натворил бы суслик, не убей его Костнер? Определенно зверек затевал что-то недоброе — вон, и нору рыл прямо к его, Тони Костнера, дому… зачем?

Недолгое время спустя он, сидя в мастерской Хогленда Рэя, с нетерпением наблюдал, как Рэй, с величайшей осторожностью вскрыв сбрую, изучает ее внутренности.

— Передатчик, — шумно, будто у него возобновилась детская астма, выдохнув, объявил Хогленд. — Слабенький — хорошо, если за пол-

мили слышен. Сусликом управляли по радио и, может быть, даже получали от него сигналы, где он сейчас и чем занят. Электроды в мозгу, надо думать, соединены с центрами удовольствия и боли… управление — проще некуда, — добавил он и оглянулся на Тони Костнера. — Как тебе самому такой хомут на шее понравится, а?

— Совсем не понравится, — невольно содрогнувшись, признался тот.

В эту минуту ему хотелось лишь одного — вернуться на Терру, и черт с ней, с перенаселенностью! Сердце заныло от тоски по толпам, людской толчее, по шуму и запахам громадных скопищ народу, по твердости тротуаров и свету уличных фонарей. Впервые он явственно в один миг осознал, что здесь, на Марсе, не был по-настоящему рад жизни ни единого дня.

«Слишком тут одиноко, — подумал он. — Просчитался я, маху дал… а все жена: поедем, поедем!»

Впрочем, теперь-то жалеть об этом было чуточку поздновато.

— Сдается мне, — угрюмо, холодно проговорил Хогленд, — пора обо всем этом в военную полицию ООН сообщить.

Звучно шаркая подошвами, он дотащился до

настенного телефона, повертел ручку генератора и набрал номер экстренной линии.

— Не могу я взять на себя такую ответственность, Костнер, — виновато, но в то же время сердито нахмурившись, проворчал он. — Не рискну своими силами справиться: слишком уж дело мутное.

— Да я сам тоже хорош, — махнул рукой Тони. — Как увидел эту девчонку без… верхней части костюма, так и…

— Региональный отдел Службы Безопасности ООН, слушаю, — раздалось из телефонной трубки, да так громко, что Тони Костнер тоже разобрал все от слова до слова.

— Беда у нас, — сообщил Хогленд и коротко рассказал обо всем случившемся после визита «Падающей Звезды, Инк».

Говоря, он то и дело вытирал взмокший от пота лоб носовым платком, а с виду казался усталым, состарившимся на добрый десяток лет и отчаянно нуждавшимся в отдыхе.

Не прошло и часа, как посреди единственной улицы поселения приземлился корабль военной полиции. Сойдя по трапу на землю, средних лет офицер в мундире ООН, с портфелем под мышкой, сощурился на желтоватое предвечернее солнце

и обвел взглядом толпу колонистов с Хоглендом Рэем во главе.

— Вы — генерал Моцарт? — робко осведомился Хогленд, протянув прибывшему руку.

— Совершенно верно, — подтвердил грузно сложенный офицер, коротко пожав его ладонь. — Будьте любезны, покажите устройство.

Казалось, вид перепачканных, потных жителей поселения внушает ему легкое презрение. Безошибочно почувствовав это, охваченный ощущением собственной никчемности, Хогленд Рэй пал духом сильнее прежнего.

— Разумеется, генерал, — ответил он и повел гостя к лавке с мастерской в задней комнате.

— Возможно, вам, мистер Рэй, удалось выиграть предметы, с которыми им крайне не хотелось расставаться, — заметил генерал Моцарт, осмотрев дохлого м-суслика в сбруе, с электродами, вживленными в мозг. — Вероятнее всего, их конечная, или, вернее, истинная цель — отнюдь не ваше поселение.

В этих словах тоже чувствовалось плохо скрываемое пренебрежение: кому, дескать, могла понадобиться ваша дыра?

— Конечной целью, хотя это только догадки, — продолжал генерал, — скорее всего, являлась

Земля или как минимум более густонаселенные районы Марса. Однако вы, внеся в аттракцион с метанием мячей парапсихологический фактор…

Оборвав фразу, он взглянул на часы.

— Думаю, поля в вашем районе следует обработать гидридом мышьяка. Вам и всем вашим людям придется эвакуироваться, причем немедленно, сегодня же вечером. Транспорт мы предоставим. Разрешите воспользоваться телефоном? Распоряжусь насчет транспорта, а вы собирайте людей.

Бездумно улыбнувшись Хогленду, генерал двинулся к телефону и завел разговор с дежурным по региональному отделу Службы Безопасности ООН в М-Сити.

— Живность тоже берем? — уточнил Рэй. — Скотиной пожертвовать мы не можем.

«Вот не было печали», — в тупом отчаянии подумал он, не понимая, каким образом поселенцам предлагается загонять всех овец, собак и коров в трюмы транспортов ООН посреди ночи.

— Разумеется, — откликнулся генерал Моцарт, без капли сочувствия взглянув на Рэя, словно на какого-нибудь идиота.

На шее третьего из быков, загоняемых на борт присланного ООН транспорта, обнаружилась та-

кая же сбруя, как и у м-суслика. Патруль военной полиции ООН, дежуривший у трапа, заметил ее, без раздумий пристрелил быка, а утилизацию туши предоставил Хогленду.

Присев на корточки возле убитого быка, Хогленд Рэй осмотрел сбрую и отходящие от нее провода. Действительно, посредством тоненьких электродов сбруя соединяла мозг животного с неким разумным существом, кем бы оно ни оказалось, нацепившим ее на быка и находящимся где-то неподалеку — надо думать, не далее мили от поселения.

«Что же этот бык должен был сделать? — подумал Хогленд, избавляя тушу от сбруи. — Забодать, затоптать кого-то? Нет, вряд ли. Скорее, подслушивать разговоры. Да, вот и передатчик в сбруе негромко гудит — постоянно включен, ловит любой шум поблизости. Выходит, им уже известно, что мы вызвали на помощь военных… и обнаружили пару их устройств».

Шестое чувство подсказывало: дело идет к ликвидации поселения. Вскоре этот район станет полем битвы вооруженных сил ООН с… с балаганщиками из «Падающей Звезды, Инк». Откуда они только взялись? Надо думать, из дальнего космоса, из-за границ Солнечной системы…

— Выше нос, — ободрил его, припав на колено рядом, один из «черных джеков», чинов тайной полиции ООН в угольно-черных мундирах. — Ваша затея сыграла нам на руку, помогла их разоблачить. Теперь у нас — наконец-то — есть доказательства враждебной деятельности этих балаганщиков. Благодаря вам они не сумели добраться до Терры! Не опускайте рук: без поддержки вас не оставят.

Улыбнувшись Хогленду, «черный джек» поспешил прочь и вскоре скрылся во мраке, там, где вхолостую урчал двигателем один из танков ООН.

«Да-да, — подумал Хогленд. — Мы оказали властям услугу… и в награду они повалят к нам целыми ордами».

Все то же шестое чувство подсказывало: что бы там ни предприняли власти, прежней жизни поселению не видать. Хотя бы потому, что им, не сумев решить собственных проблем, пришлось звать помощь со стороны. Получив по носу, бежать за большими мальчишками.

Вдвоем с подоспевшим на подмогу Тони Костнером они, тяжко дыша, покряхтывая от натуги, оттащили еще теплую тушу убитого быка в сторонку.

— А все из-за меня, — вздохнул Тони, как только оба избавились от ноши.

— Брось, ты тут ни при чем, — покачав головой, урезонил его Хогленд. — И парнишке своему передай, чтоб не расстраивался.

— Кстати, Фреда я не видел с тех самых пор, как наткнулся на этого суслика, — с тоской в голосе сообщил ему Тони. — Умчался куда-то, ни слова не говоря, ужасно взволнованный… Ладно. Думаю, военная полиция ООН его отыщет. Они оцепили окраины, обложили нас так, что мышь не проскочит. Да, и еще… — Голос его звучал отстраненно, равнодушно, будто Тони никак не мог понять, что, собственно, происходит. — Один из полицейских говорил, к утру мы сможем вернуться по домам. До тех пор газ этот, гидрид мышьяка, свое дело сделает. Как думаешь, они с чем-то таким уже сталкивались? Сами молчат как рыбы, но вроде бы не теряются. Работают, будто им все это давно знакомо.

— Да Бог их знает, — вздохнул Хогленд.

Помрачнев, погрузившись в молчание, он добыл из кармана настоящую, с Земли, сигару «Оптимо», закурил и задумчиво уставился на отару черномордых овец, подгоняемую пастухами к транспорту. Ну, не смешно ли? Кто бы мог по-

думать, что классические легенды о вторжении на Землю обернутся такой клоунадой? Начнутся здесь, в заштатном колониальном поселении, с небольших радиоэлектронных фигурок общим числом чуть больше дюжины, с таким трудом выигранных колонистами у «Падающей Звезды, Инк» — причем захватчики, как и сказал генерал Моцарт, ни в какую не желали с ними расстаться… Смех, да и только!

— Ты хоть понимаешь, что будет дальше? — негромко заговорил остановившийся рядом Боб Терк. — Нас принесут в жертву, это же ясно как день. Гидрид мышьяка убьет все живое, вплоть до крыс с сусликами, но микроробам он нипочем: им-то дышать не нужно. Придется ООН держать здесь наготове отряды «черных джеков» не одну неделю, а то и не один месяц. Газовая атака — только начало… а все из-за вас! — неожиданно ополчился он на Тони Костнера. — Если бы твой малец не…

— А ну, хватит, — резко оборвал его Хогленд. — Довольно. Если бы я того, первого, не разобрал да не замкнул цепь… так давай, Терк, и меня в виноватые запиши! С радостью сложу полномочия, и заправляй поселением сам!

— Всем, кто меня слышит, приготовиться к

посадке! — загремели портативные аккумуляторные громкоговорители голосом одного из чиновников ООН. — В четырнадцать ноль-ноль этот район будет залит отравляющим газом! Повторяю…

Динамики разворачивались то в одну сторону, то в другую, громоподобный голос, повторяя сообщение, отдавался гулким эхом в ночной темноте.

Спотыкаясь на каждом шагу, шумно сопя от усталости и обиды, Фред Костнер брел незнакомыми, нехоженными местами, брел и даже не пробовал сообразить, куда его несут ноги. Хотелось ему одного — убраться подальше. Он погубил поселение, и всем, начиная с Хогленда Рэя, это известно. Из-за него…

— Всем, кто меня слышит, приготовиться к посадке! — гремел голос из динамиков далеко позади. — В четырнадцать ноль-ноль этот район будет залит отравляющим газом! Повторяю: всем, кто меня слышит…

Под этот жестяной, несмолкающий рокот Фред и брел прочь, изо всех сил спеша уйти подальше, туда, где его не слышно. Ночная тьма пахла паутиной и сухими травами, со всех сторон веяло одиночеством, запустением. Очевидно, границы

возделанных земель он уже миновал, оставил поля поселения позади и шел непаханой целиной, где нет ни оград, ни даже землемерных вех… однако эти места наверняка тоже зальют отравляющим газом. Сначала корабли ООН пройдутся на бреющем взад-вперед, распыляя газ над землей; следом за ними явятся отряды спецназначения — в противогазах, вооруженные огнеметами, с металлоискателями за спиной, и не уйдут, пока не выкурят из-под земли полтора десятка микроробов, попрятавшихся по крысиным да сусличьим норам.

«Вот-вот, там им самое место, — подумал Фред Костнер. — А я-то, дурак, из кожи вон лез, стараясь выиграть их для поселения… думал, раз балаганщики не хотят отдавать их, значит, приз ценный…»

Интересно, а нет ли способа исправить промах? Что, если отыскать пятнадцать микроробов плюс того, активированного и едва не прикончившего Хогленда Рэя, самому?

Поразмыслив, Фред не сумел сдержать смех. Дурацкая идея! Допустим, отыщет он их берлогу. Допустим, она у них одна на всех. Каким образом их уничтожить? У них ведь оружие есть! Вон, Хогленд Рэй чудом остался жив — даже с одним

не смог справиться!

Вдруг впереди замерцали огни.

Разглядеть расхаживавших на границе освещенного круга в полумраке не удалось. Замедлив шаг, Фред сощурился, пригляделся внимательнее. Где это он?

Суета, лязг работающих механизмов, голоса — мужские, женские…

«ООН женщин сюда не пошлет, — сообразил Фред. — Стало быть, это не власти… а кто же?»

Часть неба со звездами, укутанными мутной пеленой ночной дымки, заслонял громадный черный неподвижный силуэт, возвышавшийся за огнями. Формой он очень походил на межпланетный корабль, стоящий на хвостовых опорах в ожидании взлета.

Дрожа от ночной марсианской прохлады, Фред уселся на землю, напрягся, наморщил лоб в попытках разобраться, чем заняты едва различимые люди, суетящиеся вокруг корабля. Уж не вернулись ли балаганщики? Может быть, это снова все та же «Падающая Звезда, Инк»?

В голове тут же возникла завораживающая жутью картина: балаганы, флаги, навесы, подмостки, фокусники, девицы, уродцы, беспроигрышные лотереи и прочие аттракционы, возве-

денные здесь среди ночи, в безлюдных землях, затерянные среди поселений… Бессмысленная, пустопорожняя игра в праздничную жизнь разъездного парка развлечений, остановившегося там, где некого развлечь и облапошить, кроме случайно забредшего в эти места Фреда, по горло, до отвращения сытого и балаганщиками, и их аттракционами, а особенно — выигранными «призами»!

По носку башмака простучали крохотные ножки.

Пустив в ход психокинетический дар, Фред изловил в темноте их обладателя, привлек добычу к себе, нащупал… и в руках его оказалось небольшое, довольно твердое, отчаянно сопротивлявшееся существо. Приглядевшись, мальчишка похолодел от страха, однако пальцы невольно сжал крепче прежнего: из его рук рвался на волю пластиковый микророб.

«Должно быть, микророб спешил к приземлившемуся кораблю, — сообразил Фред. — Балаганщики собирают их, чтобы властям не достались, а как соберут, отправятся дальше, продолжат задуманное».

— Отпусти его, будь так добр, — раздался спокойный женский голос из темноты совсем

рядом. — Видишь, не хочет он к тебе.

Вздрогнув от неожиданности, Фред выпустил микророба, и тот, зашуршав травой, сразу же скрылся из виду. Перед Фредом, безмятежно разглядывая мальчишку, стояла та самая тоненькая, хрупкая девушка в том же самом свитере и свободных штанах. Свет карманного фонарика в руке девушки выхватил из темноты резкие черты ее заостренного книзу лица, бесцветный подбородок и ясные, зоркие глаза.

— П-привет, — с запинкой пробормотал Фред и на всякий случай поднялся с земли, не сводя с девушки взгляда.

Ростом она оказалась немного выше, и вообще Фред ее здорово опасался, однако «вонью» пси от нее не несло, а значит, во время игры с ним определенно боролся кто-то другой. Если так, у него перед ней преимущество, причем девушка об этом, скорее всего, даже не подозревает…

— Вы бы лучше убирались отсюда скорее, — заметил он. — Слышишь, о чем громкоговоритель твердит? Скоро весь этот район зальют газом.

— Слышу, слышу, — откликнулась девушка, осветив его лучом фонаря. — А ты, сынуля, если не ошибаюсь, тот самый давешний победитель, меткий глаз, мастер метания мячей, искупавший

нашего ацефала шестнадцать раз подряд? — с веселым смехом припомнила она. — Саймон до сих пор в ярости: говорит, что простуду по твоей милости подхватил. Надеюсь, ты на него не наткнешься.

— Сынулей меня не зови, — буркнул Фред, чувствуя, как его страхи идут на убыль.

— А Дуглас, наш ПК, сказал, что силен ты на удивление. Поздравляю, ты его одолел вчистую. Как добыча? Доволен? Стоит потраченных овощей?

Беззвучно рассмеявшись, девушка блеснула мелкими острыми зубками в скудном свете фонарика.

— Ваш ПК вообще ни на что не годится, — проворчал Фред. — Я с ним шутя справился, хотя опыта у меня никакого. Могли б и кого получше найти.

— Кого получше? Не на себя ли ты намекаешь, малыш? Не предлагаешь ли заменить нам Дугласа, а?

— Нет! — вздрогнув от изумления пополам с отвращением, отрезал он.

— В стене мастерской вашего мистера Рэя есть норка. В той норке свила гнездо крыса с передатчиком на шее, так что о вашем звонке

в региональную Службу Безопасности ООН мы сразу узнали. И вернуть себе… — Тут девушка слегка запнулась. — Вернуть себе запас памятных сувениров успели бы не один раз. Если бы захотели. Вас трогать никто не собирался. Не наша вина, что этому не в меру любопытному Рэю вздумалось ткнуть жалом отвертки в контур управления одного из микроробов, верно?

— Он просто запустил цикл раньше времени. В конце концов микророб сделал бы то же самое и без него, — возразил Фред. Верить в обратное он не желал нипочем: правда за ними, за их поселением, и все тут. — А собирать этих микроробов вам без толку: в ООН о них все уже знают и…

— Собирать? — Девушка, усмехнувшись, покачала головой. В глазах ее заплясали озорные искорки. — Нет, мы задержались здесь вовсе не из-за несчастных шестнадцати микроробов, с таким трудом выигранных вами, бедняжками! Мы продолжаем действовать, вперед движемся — вы же сами заставили нас поспешить! Сейчас с корабля выгружают остальных микроробов, всю партию!

С этими словами она направила луч фонарика в темноту, и ошарашенный Фред разглядел среди сухой травы целые полчища микроробов, брыз-

нувших в стороны, на поиски укрытий, точно рой распуганных светом ночных насекомых.

Крепко зажмурившись, Фред страдальчески застонал.

— Ты все еще уверен, что не хочешь отправиться с нами? — вкрадчиво промурлыкала девушка. — Соглашайся, сынуля, и счастливое будущее тебе, считай, гарантировано. А если не согласишься… — Выдержав паузу, балаганщица многозначительно качнула поднятым пальцем. — Кто знает, как повернется жизнь? Кто знает, какая судьба приготовлена вашему ничтожному поселению и его злосчастным жителям, а?

— Нет, — отвечал Фред, — как бы там ни было, с вами я не поеду.

Открыв глаза, он обнаружил, что девушка отошла в сторону и вместе с безголовым уродцем по имени Саймон изучает бумаги в зажиме папки-планшета, подставленной безголовым под луч фонаря.

Охваченный ужасом, Фред Костнер без раздумий помчался назад, к отрядам военной полиции ООН.

— Я, — заговорил сухощавый, рослый генерал в черном мундире тайной полиции ООН, — при-

был на смену генералу Моцарту. К несчастью, он, военный до мозга костей, не обучен управляться с подрывной деятельностью изнутри.

Так и не подав Хогленду Рэю руки, новоприбывший генерал сдвинул брови и зашагал из угла в угол мастерской.

— Жаль, что меня не вызвали сюда прошлой ночью: по крайней мере, одну вещь, так и не понятую генералом Моцартом, я мог бы сообщить вам сразу же.

Остановившись, он испытующе взглянул в глаза Хогленда.

— Надеюсь, вы понимаете, что вовсе не переиграли заезжих балаганщиков? Что им как раз и требовалось всучить вам этих шестнадцать микроробов под маркой выигрыша?

Хогленд Рэй, ни слова не говоря, согласно кивнул. Сказать ему было нечего: правота генерала «черных джеков» казалась вполне очевидной.

— Прежние ежегодные визиты разъездных парков аттракционов, — продолжил генерал Вольф, — должны были завести, зарядить азартом и вас, и все прочие поселения. В этом году, зная заранее, что на сей раз вы вознамеритесь обыграть их хитростью, они прихватили с собой пресловутых микроробов. И приготовили

откровенно слабого пси для эрзац-битвы за превосходство.

— Мне интересно вот что, — заговорил Хогленд. — Защиту мы получим, или как?

После того, как примчавшийся Фред сообщил, что окрестные холмы и равнины кишат микроробами, отойти от построек в центре поселения не отваживался никто.

Генерал Вольф снова прошелся из угла в угол.

— Мы сделаем все, что сможем, — пообещал он, — но, сами понимаете, главная наша забота — вовсе не вы и не любое другое отдельное поселение либо район, подвергшийся… этой напасти. Нам приходится иметь дело с общей, глобальной ситуацией. За последние сутки этот корабль успел навестить около сорока разных мест. Каким образом ему удается передвигаться с такой быстротой…

Осекшись, генерал Вольф с досадой махнул рукой, смерил Хогленда Рэя раздраженным взглядом из-под бровей.

— У них все шаги рассчитаны от и до… и вы еще полагали, будто сумели надуть их! Как и все прочие поселения, выигравшие свою долю микроробов!

Хогленд, не смея взглянуть генералу «черных

джеков» в глаза, виновато поник головой.

— Похоже, жизнь наказала нас за плутовство, — помолчав, пробормотал он.

— Жизнь, — язвительно поправил его генерал Вольф, — наказала вас за попытку, сунувшись не в свое дело, перехитрить противника из иной звездной системы! Так и зарубите себе на носу! И когда рядом снова появится межпланетный корабль внетерранского происхождения, даже не думайте, как бы обвести их вокруг пальца, — звоните нам!

Хогленд Рэй согласно кивнул.

— О'кей. Я вас понял, — глухо, с болью в голосе откликнулся он.

Ни малейшего возмущения он не испытывал, так как генеральский разнос вполне заслужил вместе со всеми прочими колонистами. Счастье, если на этом все беды поселения и завершатся… Разнос — далеко не самая главная из общих проблем.

— А что им здесь нужно? — спросил он генерала Вольфа. — Наши земли для колонизации? Или все дело в экономическом…

— Даже не думайте, — повторил генерал Вольф.

— П-прошу прощения?..

— Не вашего ума это дело. Совершенно не вашего. Нам известны их цели, им известны их цели… а вам-то к чему о них знать? Ваше дело — возобновить сельхозработы и жить по-прежнему, без фокусов. Не сможете — распродавайте нажитое и возвращайтесь на Землю.

— Понятно, — промямлил Хогленд, проникшись глубиной собственной незначительности.

— Подробности ваши детишки узнают из учебников истории, — объявил генерал Вольф, — и этого для вас более чем достаточно.

— Да уж… мы что? Мы — люди маленькие, — понурив голову, согласился Хогленд Рэй.

Безучастно подсев к верстаку, он подхватил отвертку и продолжил возню с забарахлившим блоком самоуправления от автономного трактора.

— Глядите-ка, — сказал генерал Вольф, кивнув в угол.

Из угла мастерской, сжавшись в комок, практически неразличимый на фоне пыльной стены, за ними наблюдал микророб.

— Ах, чтоб тебя! — взвыл Хогленд, на ощупь отыскивая среди инструментов старенький «смит энд вессон», извлеченный из кладовой, вычищенный и заряженный специально на эта-

кий случай.

Увы, микроб успел скрыться задолго до того, как его пальцы нащупали револьвер. Генерал Вольф даже не шелохнулся — так и стоял, скрестив руки на груди, будто слегка посмеиваясь над Хоглендом, в растерянности опустившим антикварный, можно сказать, музейный образчик огнестрельного оружия.

— У нас сейчас в разработке устройство, — сообщил генерал Вольф, — которое выведет их из строя всех разом. Прервет подачу энергии от портативных батарей. Уничтожать их по одному — задача явно абсурдная, такой вариант мы даже не рассматривали. Однако… — Сделав паузу, генерал задумчиво наморщил лоб. — Однако есть основания полагать, что они, пришельцы из дальнего космоса, предвидели такой ход и постарались настроить источники питания таким образом, чтобы… — Вновь оборвав фразу, генерал философски пожал плечами. — Ладно. Если и так, придумаем еще что-нибудь. Со временем.

— Надеюсь, — пробормотал Хогленд, безуспешно стараясь сосредоточиться на починке отказавшего блока самоуправления.

— А вообще надежд удержать за собой Марс у нас практически не осталось, — негромко, словно

беседуя сам с собой, проговорил генерал Вольф.

Хогленд, неторопливо отложив отвертку, уставился на него во все глаза.

— Все силы планируется сосредоточить на Терре, — продолжил генерал, непроизвольно почесывая кончик носа.

— Вы что же… хотите сказать, нам тут рассчитывать не на что? Так вас следует понимать? — помолчав, выдохнул Хогленд.

Генерал «черных джеков» не ответил ни слова. К чему слова, когда все и без того ясно как день?

Склонившись над зеленоватой, подернутой грязной пеной гладью канала, под жужжание оводов и глянцевито блестящих жуков-кожеедов Боб Терк краем глаза заметил движение справа. Вмиг развернувшись, он сорвал с пояса лазерный хлыст, вскинул оружие, нажал на спуск и одним выстрелом — вот счастье-то! — сжег дотла груду ржавых, прохудившихся бочонков из-под бензина. Этим его свершения и ограничились: микроб успел скрыться.

Дрожащей рукой сунув лазерный хлыст в чехол на поясе, Боб Терк снова склонился над кишащей всевозможными насекомыми, поросшей ряской водой. Минувшей ночью здесь орудовали робы: жена все видела, слышала, как они копошатся у

берега, точно крысы.

«Что же они, черт возьми, натворили?» — в унынии гадал Боб Терк, старательно принюхиваясь к воде.

Казалось, привычный запах цветущей, стоялой воды слегка изменился по сравнению со вчерашним.

— Провалиться вам, — беспомощно выругался Боб, выпрямляя спину.

Ясное дело, робы отравили воду какой-то гадостью. Теперь ее нужно подвергнуть тщательному химическому анализу. Результаты придется ждать не день и не два… а картошку чем до тех пор поливать? Хороший вопросец!

Вскипев от бессильной ярости, он снова вцепился в рукоятку хлыста. Ему бы только цель… но нет, черта с два: не видать ему цели, высматривай он ее хоть целую тыщу лет. Робы неизменно орудуют по ночам, шаг за шагом, медленно, но верно теснят поселение к гибели…

Десять семейств уже собрали вещички и заказали билеты на Терру. Решили — если, конечно, удастся — возобновить прежнее, отвергнутое житье.

Похоже, его очередь тоже не за горами.

Ах, если бы они могли хоть что-нибудь сделать,

хоть как-то ударить в ответ!

«Лично я что угодно бы отдал, только б добраться до этих робов, клянусь, — думал Боб Терк. — В долги залезу, в кабалу, в рабство — плевать, предложите мне только шанс, только шанс очистить от них округу!»

Глубоко сунув руки в карманы куртки, уныло волоча ноги, он побрел прочь от канала… и тут с неба над головой раздался громоподобный рев двигателей межзвездного корабля.

Разом окаменев, Боб Терк остановился и поднял голову. Сердце его ушло в пятки.

«Возвращаются? — подумал он. — Снова корабль „Падающей Звезды, Инк“? Явились жахнуть по нам еще чем-нибудь, добить окончательно?»

Прикрыв ладонью глаза, он судорожно сощурился, замер на месте, не в силах пуститься в бегство: казалось, тело не слушается даже инстинктивного животного ужаса.

Корабль наподобие исполинского апельсина шел на снижение. Формой как апельсин, цветом как апельсин… нет, на лазурно-синюю сигарообразную ракету балаганщиков «Падающей Звезды» он не походил ничуть, это Боб Терк заметил с первого взгляда. Однако на терранские космолеты, межпланетные корабли ООН,

«апельсин» не походил тоже. Таких кораблей Боб не видел еще никогда и сразу же понял: перед ним еще одно межзвездное судно из-за пределов Солнечной системы, причем его хозяева, не в пример балаганщикам с прежнего корабля, подлых тварей из «Падающей Звезды», даже не думают выдавать свой корабль за терранский.

Тем не менее на бортах корабля красовалась громадная, броская надпись на чистом английском языке.

Пока корабль заходил на посадку к северо-востоку от Боба Терка, Боб, шевеля губами, прочел:

ДОСУГ – С ПОЛЬЗОЙ!
ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ИГРЫ И ЗРЕЛИЩА
ИЗ ШЕСТИ СИСТЕМ!
БУЙСТВО ЗАБАВ И ВЕСЕЛЬЯ!

Господи помилуй… еще один разъездной парк аттракционов!

Больше всего на свете Бобу Терку хотелось бы отвести взгляд, отвернуться и бежать, бежать отсюда со всех ног, однако о бегстве не могло быть и речи. Старая, знакомая с давних пор тоска по развлечениям в союзе с неодолимым любопытством пересилила страх, и Боб замер, не сводя глаз с громады оранжевого корабля. Не прошло и минуты,

как из полудюжины люков в бортах оранжевой сферы хлынули наружу, на марсианский песок, автономные механизмы вроде приплюснутых пончиков.

Лагерь разбивают…

— Ну? Что тут? — сдавленно просипел подошедший к Бобу сосед, Винс Гест.

— Сам не видишь? Глаза-то разуй! — буркнул Боб Терк, подкрепив сказанное красноречивым судорожным взмахом руки.

Автомехи уже воздвигали главный шатер. Цветастые ленты, взвившись ввысь, дождем осыпали плоские прямоугольники на местах будущих балаганов, среди которых появились первые люди… или как минимум гуманоиды. При виде пышно разодетых артистов и женщин в трико (вернее, в костюмах столь же обтягивающих, но куда более скудных) Винс с Бобом невольно разинули рты.

— Ух ты! — шумно сглотнув, выдохнул Винс. — Ну и дамочки, а? Ты видел когда-нибудь баб с такими здоровенными…

— Вижу, не слепой, — оборвал его Терк. — Только я лично к этим внетерранским балаганщикам из чужих систем больше на милю не подойду, не будь я Боб Терк, и Хогленд тебе то же самое скажет.

Ишь, а работают-то как шустро! Да, эти времени даром не тратят: вот и музыка слышится — негромкая, дребезжащая, живо напоминающая о каруселях… а запахи, запахи! Сахарная вата, жареный арахис, и ко всему этому примешивается тонкий аромат приключений, волнующих зрелищ, запретного, тайного…

На один из помостов ловко вспрыгнула женщина с длинной рыжей косой. Одетая в узенький лифчик да клочок невесомого шелка вокруг бедер, она под застывшим, немигающим взглядом Боба принялась репетировать танец. Кружившаяся все быстрей и быстрей, целиком отдавшаяся завораживающему ритму, танцовщица вскоре избавилась от скудного наряда, но, что самое-то смешное, все это казалось Бобу Терку настоящим искусством, не обычным балаганным колыханием живота с бедрами! Каждое движение, каждый жест танцовщицы были исполнены изящества, жизни — в этом-то и заключалось ее особое, ни с чем не сравнимое волшебство.

— Так… сбегаю-ка я за Хоглендом, — кое-как избавившись от оцепенения, пробормотал Винс.

Несколько поселенцев, не говоря уж о толпе детишек, уже, точно загипнотизированные, двигались к веренице балаганов под крикливо-

яркими вымпелами, реявшими, сверкавшими всеми красками на фоне унылого марсианского неба.

— А я, пока ты его ищешь, схожу, взгляну на все это поближе, — сообщил Боб Терк и рысцой, на глазах переходящей в галоп, расшвыривая песок подошвами башмаков, поспешил к балаганам.

— Хогленд, давай хотя бы посмотрим, что они предложить могут, — настаивал Тони Костнер. — Сам видишь, это другая компания, не те мерзавцы, что с микроробами нам так подгадили, будь они прокляты!

— Как бы эти другие еще хуже не оказались, — проворчал Хогленд и перевел вопросительный взгляд на мальчишку Костнеров, Фреда. — Ну а ты что скажешь?

— Я бы поглядел, — поразмыслив, принял решение Фред Костнер.

— О'кей, — кивнув, согласился Хогленд. — Тогда так и сделаем. Поглядеть — в этом, думаю, ничего страшного нет. Главное, помнить, что велел генерал тайной полиции ООН. Не обольщаться на собственный счет. Не воображать, будто сможем перехитрить их.

Отложив гаечный ключ, он поднялся из-за верстака, подошел к чулану и сдернул с вешалки

подбитое мехом пальто.

Добравшись до парка аттракционов, они обнаружили, что беспроигрышные лотереи и прочие подобные игры крайне удобно размещены впереди всего остального — даже помостов с танцовщицами и уродцами. Фред Костнер, оставив позади взрослых, помчался к балаганам бегом, а на бегу потянул носом воздух, принюхался, вслушался в музыку. За палатками беспроигрышных лотерей виднелся первый из помостов с выставленными на обозрение уродцами. Занимал его «человек без туловища», урод как раз из тех, которые больше всего понравились Фреду на прошлых ярмарках, только те, прежние, не годились этому даже в подметки. Посреди помоста, в лучах полуденного марсианского солнца, покоилась на дощатом настиле самая настоящая голова без рук, без ног и без тела, но, как и положено голове, с волосами, с ушами, носом и ртом — глаза ясны, взгляд проницателен, разумен… Каким образом этому созданию удается сохранять жизнь? Бог его знает, однако Фред нутром чувствовал: урод настоящий, живой, без обмана.

— Подходи, подходи, подивись на Орфея, голову без туловища и даже без шеи! — затянул зазывала, подняв к губам мегафон.

Собравшиеся перед помостом — главным образом дети — таращились на уродца, в изумлении разинув рты.

— Чем он жив? Как движется с места на место? Покажи им, Орфей!

С этими словами зазывала бросил голове горсть какой-то пищи в виде драже (какой именно, Фреду Костнеру разглядеть не удалось). Голова, пугающе широко раздвинув челюсти, умудрилась поймать большую часть съедобных шариков на лету. Зазывала, расхохотавшись, продолжил молоть языком, а голова без туловища принялась усердно кататься по помосту, подбирая упущенную еду.

«Вот это да», — подумал Фред.

— Ну? — саркастически, с горечью спросил остановившийся рядом Хогленд. — Есть тут аттракционы, с которых можно выгоду поиметь? Не желаешь снова бейсбольными мячиками во что-нибудь пошвыряться?

Не дожидаясь ответа, он — невысокий, выбившийся из сил толстячок, потерпевший столько поражений, по горло сытый множеством прежних проигрышей, — отвернулся и двинулся прочь.

— Идемте, — велел он другим взрослым колони-

стам. — Пошли отсюда, пока снова не влипли в…

— Постойте, — негромко окликнул его Фред.

Из балагана справа повеяло знакомой, радующей душу «вонью», заставившей мальчишку немедленно повернуться туда.

Возле балагана с очередной призовой игрой, кольцебросом, стояла пухлая серолицая женщина средних лет с руками, по локоть унизанными легкими кольцами из ивовой лозы.

— Набрасываешь кольцо на приз, какой больше нравится. Если не слетело, удержалось, приз твой, — пояснил Хогленду Рэю Фредов отец, неторопливо двинувшись к балагану следом за сыном. — По-моему, для психокинетика — самое то, — шепнул он Фреду. — Я бы подумал.

— А я лично, — заговорил Хогленд, тоже обращаясь к Фреду, — предлагаю на этот раз приглядеться к призам повнимательнее. Пускай сначала покажут товар лицом. Пусть объяснят, на что он годен.

Впрочем, удерживать Костнеров он даже не попытался.

Поначалу Фред оценить призы не смог. Совершенно одинаковые, выстроенные ровными рядами затейливые металлические штуковины могли оказаться чем угодно. Стоило мальчику по-

дойти к балагану вплотную, серолицая толстуха разразилась обычной нескончаемой скороговоркой балаганных зазывал и предложила ему пригоршню колец. Всего за доллар или что-либо равноценное, имеющееся у колонистов в запасе.

— Что это? — недоверчиво щурясь, спросил Хогленд Рэй. — Вроде бы… вроде бы машинки какие-то.

— Я понял, — озаренный догадкой, сообщил ему Фред.

«Придется играть, — подумал он. — Собрать в поселении все, что только балаганщики согласятся принять на обмен, до последнего кочана капусты, до последнего петуха, овцы, шерстяного одеяла, — и играть. Вот он, наш шанс, единственный шанс, как ни посмотрит, что ни скажет на это генерал Вольф».

— Бог ты мой, — негромко выдохнул Хогленд Рэй, — это ж ловушки.

— В точности так, мистер, — нараспев затянула серолицая толстуха, — ловушки, да не простые — гомеостатические! Сами обо всем подумают, сами все за вас сделают! Главное, запустить, а они как пойдут, как помчатся, и нипочем не оставят дела, пока не переловят… — Тут она, многозначительно подмигнув, понизила голос. — Сами

знаете, кого. Да, мистер, их самых и переловят — их, мелких зловредных пакостников, которых вам самим в жизни не изловить, отравляющих вам воду, губящих скот, разоряющих поселение! Вот выиграйте ловушку — драгоценную, безотказную вещь — и увидите, и увидите!

С этими словами она метнула в цель кольцо и едва-едва не набросила легкий метательный снаряд из ивовой лозы на одну из сложных, глянцевито блестящих металлом ловушек. Пожалуй, брось она самую чуточку аккуратнее — и дело в шляпе… по крайней мере, именно такое впечатление создалось у каждого из колонистов.

— Нам таких не меньше пары сотен потребуется, — сказал Хогленд Тони Костнеру с Бобом Терком.

— И ради этого придется выгрести из закромов все, что у нас только есть, — с блеском в глазах добавил Тони, — но дело того стоит. По крайней мере, микроробы со свету нас не сживут. Давайте начнем. Как, Фред, готов? Сможешь сыграть и выиграть?

— Наверное… наверное, да, — подтвердил тот.

Правда, где-то неподалеку кто-то из балаганщиков уже собирался с силами, готовясь к состязанию в психокинезе, но…

«Не светит ему, — оценив противника, решил Фред. — Слабоват против меня, как и тот».

Надо же… будто нарочно таких подбирают!

Самое драгоценное

Под брюхом вертолета Мильта Бискла простирались во все стороны плодородные, возрожденные к жизни земли. Что и говорить, после реконструкции древней сети каналов вверенная ему часть Марса зазеленела вовсю! Его стараниями в мир вечной осени, песков и прыгучих жаб вернулась весна — нет, даже две весны в год. Кто бы мог подумать, что еще несколько лет назад эти места, павшие жертвой недавнего конфликта Терры с Проксимой, были растрескавшейся, иссохшей, унылой песчаной пустыней без капельки влаги…

Недалек день, когда все это застолбят за собой, заселят первые эмигранты с Терры, а он, Мильт Бискл, сможет уйти в отставку. Уйти в отставку, вернуться на Терру или, воспользовавшись правом первоочередного приобретения земельных наделов — ведь он, инженер-рекультиватор, вполне заслужил, — перевезти сюда семью. Желтый сектор прогрессирует много быстрее участков, порученных другим инженерам, а значит, теперь и о награде подумать не грех. Вот

только…

Наклонившись вперед, Мильт Бискл дотянулся до выключателя бортовой радиостанции дальней связи.

— Говорит инженер-рекультиватор Желтого сектора, — сказал он в микрофон. — Неплохо бы мне психиатра… любого — главное, чтоб принял сразу же, без проволочек.

Стоило Мильту Бисклу переступить порог кабинета, доктор Де Винтер поднялся и протянул ему руку.

— Я слышал, — заговорил доктор Де Винтер, — вы оказались самым изобретательным, самым даровитым из сорока с лишним инженеров-рекультиваторов. Ясное дело, как же тут не устать! Даже самому Господу после шести дней подобных трудов потребовался отдых, а вы делали свое дело не один год. Знаете, дожидаясь вас, я получил новости с Терры, — добавил он, отыскав на столе сводку и протянув ее Бисклу. — Вот, полюбопытствуйте. Думаю, вам будет весьма интересно узнать, что на Марс вот-вот прибудет первая партия поселенцев… а направляются они прямым ходом в ваш сектор! От всей души поздравляю, мистер Бискл!

— А что, если сам я вернусь на Землю? — встре-

пенувшись, выпалил тот.

— Но если вы думаете застолбить здесь участок для собственной семьи…

— Прошу, окажите любезность, — перебил его Мильт Бискл. — Я слишком устал, а может, угнетен, чтобы… — Не найдя нужного выражения, рекультиватор осекся, неопределенно взмахнул рукой. — Словом, распорядитесь, пожалуйста, чтобы мои вещи, включая вьюг-деревце, погрузили на транспорт, отправляющийся назад, к Терре.

— Шесть лет работы, и вы отказываетесь от заслуженного вознаграждения? — удивился доктор Де Винтер. — Я ведь недавно навещал Землю и могу вас заверить: она остается точно такой же, какой запомнилась вам в тот день…

— Откуда вам знать, какой она мне запомнилась?

— Прошу прощения, — без запинки поправился доктор Де Винтер, — я просто хотел сказать, что за все эти годы она нисколько не изменилась. Ужасная перенаселенность, крохотные комкварты по одной тесной кухоньке на семь семейств… Автобаны с утра так забиты машинами, что до одиннадцати на них и соваться не стоит…

— Ничего. После шести лет в компании ав-

тономных рекультивационных роботов толпы народу мне только в радость, — возразил Мильт Бискл.

Решение он принял окончательно и бесповоротно. Несмотря на все свои марсианские свершения, несмотря на все доводы психиатра, он твердо намеревался вернуться домой.

— Но, Мильт, — промурлыкал доктор Де Винтер, снова заглядывая в один из документов, аккуратно разложенных на столе, — что, если среди пассажиров первого транспорта окажутся ваша жена и дочери? Так-так… миссис Фэй Бискл… Лора С., Джун С. Женщина с двумя девочками. Это ведь ваша семья?

— Да, — безжизненно, тускло подтвердил Мильт Бискл, устремив взгляд в стену над его головой.

— Вот, видите: об отправке на Землю не может быть и речи! Наденьте-ка шевелюру и приготовьтесь встретить их на Космодроме Три. Да, и зубы, зубы смените: в данный момент у вас во рту челюсти из нержавейки.

Пристыженный, приунывший Бискл покорно кивнул. Радиоактивные осадки не обошли стороной никого: зубы и волосы он, подобно всем терранам, потерял во время войны, а за годы

работы, в одиночестве рекультивируя Желтый сектор Марса, начисто отвык от дорогущего парика, привезенного с Терры. Вдобавок Бискл обнаружил, что лично для него зубные протезы из нержавеющей стали гораздо удобнее пластиковых, с виду неотличимых от настоящих. Все это наглядно показывало, насколько он отвык от людей. Действительно, стыдно как-то… тут доктор Де Винтер прав.

Впрочем, чувство стыда не оставляло Мильта Бискла с самой победы над проксимцами. Исход войны ожесточил, огорчил его до глубины души: справедливо ли обрекать одну из соперничающих культур на страдания, если нужды обеих вполне законны, естественны?

Центром раздоров сделался Марс: рискуя задохнуться в избытке населения, обе разросшиеся культуры отчаянно нуждались в колониях, в новых землях. Слава Богу, в последний год войны Терре удалось добиться тактического превосходства… потому-то Марс сейчас и восстанавливали терране наподобие Мильта Бискла, а не проксимцы.

— Кстати, — заметил доктор Де Винтер, — волею случая мне стало известно о ваших намерениях касательно коллег, других инженеров-рекуль-

тиваторов.

Мильт Бискл немедленно поднял взгляд.

— Сейчас они как раз собираются в Красном секторе, чтобы выслушать ваш доклад, — продолжал доктор.

С этими словами он вынул из выдвижного ящика стола йо-йо, поднялся на ноги и мастерски исполнил трюк под названием «выгуляй песика».

— Вернее выразиться, ваши панические речи, будто на свете что-то неладно, но что именно, вы объяснить толком, кажется, не в состоянии.

— Игрушка, крайне популярная в системе Прокси, — заметил Мильт Бискл, не сводя глаз с йо-йо. — По крайней мере, так, помнится, утверждалось в одной из гомеогазет.

— Хм-м-м… насколько мне известно, родом она с Филиппин.

С головой поглощенный забавой, доктор Де Винтер продемонстрировал Бисклу безукоризненную «кругосветку».

— Пожалуй, я возьму на себя смелость направить в адрес собрания инженеров-рекультиваторов заключение о состоянии вашей психики. И, извините, распоряжусь зачитать его вслух.

— Однако от намерения выступить перед со-

бранием я не откажусь, — сообщил Бискл.

— Что ж, в таком случае предлагаю следующий компромисс. Встретьте свое семейство, как только они прибудут на Марс, а затем мы устроим вам поездку на Терру. За наш счет. В обмен на согласие воздержаться от выступления перед собранием инженеров-рекультиваторов и вообще никоим образом не обременять коллег туманными опасениями, — сощурившись, сверля Бискла пристальным взглядом, процедил Де Винтер. — В конце концов, момент критический, прибытие первых эмигрантов… и какие-либо волнения нам, сами понимаете, сейчас совсем ни к чему.

— Окажите любезность, — попросил Бискл, — продемонстрируйте, что ваш парик настоящий, а зубы — вставные. Позвольте убедиться, что вы в самом деле терранин.

Доктор Де Винтер послушно сдвинул парик набекрень и извлек изо рта зубные протезы.

— Предложение принято, — объявил Мильт Бискл. — Позаботьтесь только, чтобы моя жена получила в собственность земельный участок, зарезервированный мной для нее.

Согласно кивнув, доктор Де Винтер перебросил ему через стол небольшой белый конверт.

— Вот ваш билет. Туда и обратно, поскольку

после поездки вам предстоит вернуться на Марс.

«Да уж, надеюсь, — подумал Бискл, пряча билет в карман. — Хотя все зависит от того, какой я увижу Терру… вернее, какой мне соизволят ее продемонстрировать».

Предчувствия подсказывали: показать ему постараются как можно меньше. Показывать многое вовсе не в интересах проксимцев.

По прилете на Терру его встретила возле трапа девушка-гид в ладном форменном кителе. Увидев Бискла, она, стройная, привлекательная, невероятно юная, проворно шагнула ему навстречу.

— Мистер Бискл? Я — Мэри Эйблсет, сопровождающая от «Турплана», и за время вашего недолгого пребывания у нас в гостях постараюсь показать вам планету. Буду при вас постоянно, и день и ночь, — с ослепительной, безукоризненной профессиональной улыбкой объявила она.

— В самом деле? Даже ночью? — пробормотал Бискл, изрядно огорошенный таким натиском.

— Да, мистер Бискл. Такова моя работа. За долгие годы марсианских трудов — трудов, которые все мы ценим и чтим, — вы, вероятно, успели отвыкнуть от Терры.

Пристроившись в ногу, девушка подхватила его под руку и повела к вертолету, ждавшему

неподалеку.

— Где вам хотелось бы побывать для начала? Нью-Йорк Сити? Бродвей? Ночные клубы, театры, рестораны…

— Нет. Сначала — в Центральный парк. Просто посидеть на скамейке.

— Но, мистер Бискл, Центрального парка больше не существует. Пока вы были на Марсе, его превратили в стоянку для транспорта правительственных служащих.

— Вот оно как, — хмыкнул Мильт Бискл, распахивая дверцу вертолета. — Ладно, Портсмут-сквер в Сан-Франциско тоже сойдет.

— На его месте тоже стоянка для транспорта, — объяснила мисс Эйблсет, скорбно качнув длинными, ярко-рыжими локонами. — Скученность, теснота, провались они… Подумайте еще, мистер Бискл: несколько парков у нас пока уцелело. Один в Канзасе, если не ошибаюсь, а в южной части Юты, неподалеку от Сент-Джорджа, сохранились целых два!

— Скверные новости, — вздохнул Мильт. — Можно, я заверну к тому амфетаминовому автомату, дайм в прорезь брошу? После таких известий не помешает взбодриться.

— Разумеется, — грациозно кивнув, подтверди-

ла мисс Эйблсет.

Подойдя к ближайшему автомату со стимулирующими средствами, коих в космопорту имелось немало, Мильт Бискл пошарил в карманах, отыскал дайм и бросил монетку в прорезь.

Дайм, беспрепятственно провалившись сквозь автомат, зазвенел об асфальт под ногами.

— Странно, — озадаченно протянул Бискл.

— А я, кажется, знаю, в чем дело, — сказала мисс Эйблсет. — Просто этот ваш дайм — дайм марсианский, отчеканенный для планеты с меньшей силой притяжения, вот и все.

— Хм-м-м, — промычал Мильт Бискл, подбирая монету с асфальта.

Очевидно, мисс Эйблсет оказалась права: от Терры он отвык здорово.

Тем временем его сопровождающая скормила автомату дайм из собственного кошелька, получила взамен стеклянную трубочку с пилюлями амфетамина и вручила ее подопечному. Ясное дело, ее объяснение казалось вполне удовлетворительным, но…

— По местному времени сейчас восемь вечера, — заметила мисс Эйблсет. — Я лично еще не ужинала, хотя вы-то, конечно, успели поужинать на борту корабля. Почему бы вам не пригласить

меня на ужин? Побеседуем за бутылкой «Пино нуар», и вы расскажете, что за туманные предчувствия привели вас на Терру, что за несчастья лишают всякого смысла ваш блестящий рекультивационный труд. Буду рада вас выслушать.

Увлекаемый мисс Эйблсет, Мильт Бискл вернулся к вертолету, и оба с трудом втиснулись на заднее сиденье. На ощупь тело девушки оказалось теплым, упругим, явно терранским. Сердце в груди забилось куда чаще прежнего, и Мильт не на шутку смутился: признаться, от женского общества — тем более от такого тесного соседства с девушками — он тоже давненько отвык.

— Послушайте, — заговорил он, как только электронные контуры автоматики вертолета подняли машину над стоянкой у космопорта, — я — человек семейный, отец двух девочек, а на Терру прибыл по важному делу: доказать, что на самом деле в войне победила Проксима, и нас, горстку уцелевших терран, обращенных в рабство проксимской властью, вынуждают трудиться ради…

Однако мисс Эйблсет даже не думала отстраниться, прижималась к нему по-прежнему как ни в чем не бывало. Оставив надежды, Мильт Бискл оборвал фразу на полуслове.

Вертолет, рокоча двигателем, мчался над Нью-Йорк Сити.

— Вы в самом деле считаете меня агентом Проксимы? — выдержав паузу, спросила мисс Эйблсет.

— Н-нет, — не слишком уверенно протянул Мильт Бискл. — Наверное, нет. Пожалуй, на агента проксимцев вы не похожи.

— Кстати, — заметила она, — стоит ли, пока вы гостите на Терре, жить в переполненном, шумном отеле? Почему бы вам не остановиться у меня? Места в моем нью-джерсийском комкварте хватит с избытком, а я буду только рада.

— О'кей, — почувствовав, что спорить бессмысленно, согласился Бискл.

— Вот и прекрасно.

Вертолет, получив от мисс Эйблсет новые указания, взял курс на север.

— У меня и поужинаем, — продолжала она. — Сэкономим и деньги, и время: по вечерам во всех приличных ресторанах очереди часа на два, так что столика не дождешься... а вы, наверное, и об этом забыли, да? Ах, как чудесно станет, когда половина населения Терры переедет на Марс!

— Это уж точно, — натянуто согласился Бискл. — Ну, а Марс им придется по вкусу: мы славно

там потрудились… вот погодите, мисс Эйблсет, сами увидите!

Вспомнив о Марсе, он немного воспрянул духом: прилив гордости, удовлетворение результатами собственной работы и работы коллег, терран, взбодрили его лучше любых стимуляторов.

— Зовите меня Мэри, — откликнулась мисс Эйблсет, поправляя увесистый огненно-рыжий парик, невзначай съехавший на сторону в тесноте вертолетной кабины.

— О'кей, — согласился Бискл.

На сердце у него вдруг сделалось необычайно легко. Не давало покоя только неотвязное ощущение, будто он изменяет Фэй.

— На Терре жизнь мчится вскачь, — заметила Мэри, поплотнее прижимая к деснам зубные протезы, каким-то образом успевшие за разговором покинуть положенные места. — А все из-за жуткой скученности… как же она нервирует!

— Оно и видно, — подтвердил Мильт Бискл, в свою очередь поправляя парик и вставные зубы.

«Уж не ошибаюсь ли я? — подумал он. — Не напрасно ли паникую? В конце концов, вон там, внизу, огни Нью-Йорка, и Терра определенно не обезлюдела, не разорена, земная цивилизация

цела и невредима».

Или все вокруг — сплошные иллюзии, навязанные органам чувств при помощи неведомых психиатрических методик, разработанных на Проксиме? Как ни крути, его дайм прошил амфетаминовый автомат насквозь, и это факт, не обман зрения. Разве подобные факты не указывают на некий тонкий подвох ужасающего масштаба?

На то, что никакого автомата там, скорее всего, нет и не было?

На следующий день они с Мэри Эйблсет навестили один из немногих сохранившихся парков. Парк, расположенный в южной части Юты недалеко от гор, оказался совсем небольшим, однако радовал глаз обилием пышной зелени. Развалившись в траве, Мильт Бискл залюбовался белкой, длинными прыжками скачущей к дереву. Беличий хвост волнами вился в воздухе, стелясь над землей, словно пушистый рыжевато-серый плюмаж.

— А вот на Марсе белок не водится, — сонно пробормотал Мильт Бискл.

Облаченная в легкий пляжный костюм, Мэри Эйблсет лежала рядышком, на спине, вольготно вытянувшись во весь рост и сомкнув веки.

— Здесь просто чудесно, Мильт. Наверное, точно так же сейчас и на Марсе?

За границей парка гудели, ревели моторами автомобили, сплошным потоком мчавшиеся по скоростной автостраде. Их шум, напоминавший рокот прибоя у берегов Тихого океана, усыплял, убаюкивал. Казалось, все хорошо, и Мильт, расчувствовавшись, бросил белке арахисовый орех. Белка, сверкнув в ответ неожиданно разумными глазками, резко свернула в сторону и поскакала за угощением.

Стоило белке усесться столбиком, подхватив орех передними лапками, Мильт Бискл, прицелившись чуть правее, бросил в ее сторону еще орех. Услышав, что тот упал в кленовые листья, белка вмиг навострила уши и этим напомнила Мильту, как он когда-то играл с котом — со старым, ленивым котярой, принадлежавшим им с братом в те дни, когда Терра еще не знала перенаселенности, а держать дома животных не запретили законом. Игра состояла в следующем: дождавшись, пока Рыжик — так звали кота — задремлет, Мильт швырял в угол комнаты какую-нибудь мелочь. Рыжик, тут же проснувшись, встряхивался, открывал глаза, настораживал уши, разворачивался и добрых минут пятна-

дцать сидел, прислушиваясь, приглядываясь, размышляя, что за шум потревожил его покой. Воспоминания о прежних играх, о безобидном обычае поддразнивать старого кота навевали тоску. Последний четвероногий друг, которого Мильт имел законное право держать дома, старина Рыжик, уж сколько лет, как мертв… но ничего, на Марсе домашних животных вновь узаконят, как без этого?

Сказать откровенно, за годы рекультивации Марса Мильт Бискл уже обзавелся домашним… нет, не животным — растением. Марсианским растением, привезенным с собой на Терру и теперь стоявшим посреди кофейного столика в гостиной комкварта Мэри Эйблсет, безрадостно поникнув ветвями. Непривычный терранский климат действовал на инопланетное деревце не слишком благотворно.

— Странное дело, — задумчиво пробормотал Мильт Бискл. — Казалось бы, здесь, в такой влажной атмосфере, моему вьюг-деревцу сплошное раздолье — расти себе да расти…

— Все дело в силе тяжести, — не открывая глаз, откликнулась Мэри. Грудь ее вздымалась и опадала — медленно, ровно, словно во сне. — Здесь она куда выше.

Окинув взглядом лежащую навзничь девушку, Мильт снова вспомнил Рыжика примерно в таком же состоянии. Момент гипнагогии, переход от яви ко сну, слияние сознательного с подсознательным…

Нащупав в траве камешек, Мильт бросил им в сухую листву невдалеке от головы Мэри.

Вздрогнув от неожиданности, Мэри вмиг вскинулась, открыла глаза, села так резко, что верх пляжного костюма соскользнул к бедрам…

…И по-кошачьи насторожила уши.

— Мэри, — заметил Мильт, — а ведь мы, терране, давным-давно утратили контроль над мускулатурой ушей. Даже рефлекторный.

— Что? — озадаченно заморгав, пробормотала Мэри и принялась затягивать на спине завязки верха от пляжного костюма.

— В отличие от кошек и собак у нас способность настораживать уши со временем атрофировалась, — объяснил Мильт, — хотя морфологические исследования этого не покажут: мускулы-то на месте. Промахнулась ты с этим. Ошиблась.

— Не понимаю, о чем ты, — с легкой обидой буркнула Мэри и, отвернувшись, сделала вид, будто целиком поглощена приведением в порядок пляжного костюма.

— Едем обратно, в комкварт, — вздохнул Мильт, поднимаясь на ноги.

Нежиться на травке ему расхотелось: в весь этот парк он больше не верил. Иллюзорная белка, иллюзорная трава… есть ли вокруг хоть что-нибудь настоящее? Покажут ли ему реальность, кроющуюся за иллюзиями? Вряд ли, ох, вряд ли…

Стоило им направиться к оставленному за пределами парка вертолету, белка поскакала за ними, но вскоре зверька отвлекло появление семейства терран с двумя сыновьями, мальчишками лет семи-восьми. Мальчишки тут же начали швырять белке орехи, а белка принялась энергично собирать, поглощать угощение.

— Да, убедительно, — признал Мильт, ничуть не кривя душой.

— Жаль, что ты не можешь снова обратиться к доктору Де Винтеру, — со странной жесткостью в голосе откликнулась Мэри. — Думаю, он бы помог тебе.

— Нисколько не сомневаюсь, — согласился Мильт, поднимаясь в кабину вертолета следом за ней.

Вернувшись обратно, в комкварт Мэри, они обнаружили, что марсианское вьюг-деревце погибло. Погибло… очевидно, от обезвоживания.

— Подыскивать объяснения не трудись, — сказал Мильт стоявшей рядом Мэри, глядя на иссохшие, мертвые ветви деревца, еще недавно полного жизни. — Причина яснее ясного. Терра считается планетой куда более влажной, чем Марс — даже рекультивированный Марс в лучшие его времена — однако деревце полностью высохло. Следовательно, на Терре не осталось влаги… подозреваю, после того как взрывы проксимских ракет испарили моря с океанами, верно?

Мэри не ответила ни слова.

— Одного никак не пойму, — признался Мильт. — Зачем вашим трудиться, продолжать эту игру в иллюзии? Работу-то я закончил.

— Возможно, Мильт, в рекультивации нуждается не только Марс, — выдержав паузу, ответила Мэри.

— Ваше население так многочисленно?

— Вообще-то я говорю о Терре, — пояснила она. — Рекультивация Терры займет не одно поколение, потребует от ваших инженеров всех знаний и таланта. Разумеется, — добавила Мэри, — я всего-навсего логически продолжаю твою гипотезу.

— Стало быть, следующая наша задача — Тер-

ра… вот почему вы позволили мне прилететь сюда! На самом-то деле обратно я не вернусь! — воскликнул он, вмиг, словно разом прозрев, осознав положение от и до. — Останусь здесь, и Фэй больше не увижу… Фэй мне заменишь ты.

Да, мозаика складывалась безупречно.

— Ну, — с легкой, чуть кривоватой улыбкой заметила Мэри, погладив его плечо, — я, скажем так, стараюсь…

Босая, по-прежнему в пляжном костюме, она неторопливо придвинулась к Мильту — ближе, еще ближе.

Он испуганно попятился прочь, поднял со столика погибшее вьюг-деревце, словно в оцепенении, отнес его к коммунальному мусоропроводу и бросил хрупкие, высохшие останки растения в люк. Деревце тут же исчезло во мраке.

— Ну а теперь, — деловито объявила Мэри, — нам предстоит посещение нью-йоркского Музея современного искусства. Потом, если останется время, осмотрим какой-нибудь из музеев Смитсоновского института в Вашингтоне, округ Колумбия. Мне поручили занять тебя, чтобы лишние мысли не лезли в голову.

— Так ведь лезут, и, мало того, я уже обо всем догадался, — заметил Мильт, наблюдая, как она,

сбросив пляжный костюм, переодевается в серое шерстяное платье плотной вязки.

«Да, теперь-то я знаю: ничего с этим не поделать, ничего не изменить, — подумал он. — И все то же самое будет происходить всякий раз, как очередной инженер-рекультиватор закончит работу в своем секторе. Я просто первый… что ж, ладно. По крайней мере, я не одинок».

От этой мысли на сердце сделалось легче.

— Ну, как я выгляжу? — окликнула его Мэри, подкрашивая губы перед зеркалом в спальне.

— Превосходно, — безучастно ответил Мильт.

«Интересно, поручат ли ей встречать всех инженеров-рекультиваторов, становясь любовницей каждого поочередно? — внезапно пришло ему в голову. — Мало того что она совершенно не та, кем кажется, — мне даже не удастся оставить ее при себе».

Впрочем, так ли неизбежна эта утрата?

Честно говоря, расставаться с Мэри Мильту не хотелось: постепенно она начала ему нравиться. Терранка ли, нет, Мэри живая — действительно живая, по-настоящему. По крайней мере, терране проиграли войну не призракам, а подлинным живым существам… и от этого на сердце почему-то сделалось не так горько.

— Как ты? Готов к встрече с современным искусством? — оживленно, с улыбкой спросила она.

Несколько позже, в Смитсоновском Национальном музее авиации[26], полюбовавшись «Духом Сент-Луиса»[27] и невероятно древним — казалось, ему никак не меньше миллиона лет — аэропланом братьев Райт, Мильт Бискл заметил в отдалении тот самый экспонат, который и ожидал здесь увидеть.

Ни словом не предупредив Мэри, поглощенную изучением витрины с полудрагоценными камнями в естественном, без огранки, виде, он ускользнул от спутницы и минуту спустя остановился перед остекленной витриной с табличкой:

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ ВС ПРОКСИМЫ, 2014 Г.

За стеклом, в импровизированном укрытии, сооруженном из обломков подбитого транспорта, замерли с оружием наготове трое проксимских

---

[26] Примечания: 26

С 1976 г. — Национальный музей воздухоплавания и астронавтики.

[27] Примечания: 27

«Дух Сент-Луиса» — одноместный самолет с одним двигателем, сконструированный специально для первого беспосадочного трансатлантического перелета из Нью-Йорка в Париж. Полет, продолжавшийся 33 часа 30 минут, состоялся 20–21 мая 1927 г.; пилотировал самолет американец Чарльз Линдберг.

солдат в закопченных, опаленных огнем противогазах. Позади троицы уныло поник к земле запятнанный кровью флаг — флаг Проксимы. Один из последних анклавов побежденных врагов… еще немного, и этим трем инопланетным созданиям предстоит сдаться либо погибнуть.

Возле витрины стояли, разглядывали проксимцев несколько посетителей, терран.

— Убедительно, а? — бросил Мильт Бискл, повернувшись к ближайшему, средних лет человеку в очках, с густо посеребренными сединой висками.

— Еще как, — согласился тот, оглянувшись на Мильта. — Вам тоже повоевать довелось?

— Я служу в рекультиваторах. Марс, Желтый сектор, — ответил Мильт.

— О-о! — с немалым уважением в голосе протянул незнакомец. — А проксимцы, проксимцы-то… просто жуть берет. Так и ждешь: вот-вот выйдут из-за стекла, перестреляют нас всех до единого! — с улыбкой добавил он. — Что говорить, надо отдать им должное… дрались они, эти прокси, отчаянно. Нелегко нам победа далась.

— Эти их ружья… просто мороз по коже, — заметила стоявшая рядом седая, строгая, опрятная женщина, его супруга. — Чересчур, чересчур

натуралистично.

С этими словами она, неодобрительно поджав губы, направилась к следующему экспонату.

— Вы правы, — поддержал ее Мильт Бискл, — они в самом деле выглядят пугающе настоящими, поскольку, конечно же, и являются таковыми.

Вот именно, зачем создавать иллюзии подобного рода, когда вокруг — протяни только руку — имеется множество подлинников?

Перемахнув через барьер ограждения, Мильт подбежал к прозрачному стеклу витрины, вскинул ногу, нанес удар. Стекло с оглушительным звоном лопнуло, разлетелось вдребезги, осыпав все вокруг градом осколков.

Услышав звон, Мэри со всех ног бросилась к разоренной витрине. Тем временем Мильт выхватил из рук неподвижного проксимца винтовку и направил оружие на спутницу.

Запыхавшаяся от быстрого бега, Мэри остановилась, пронзила его испепеляющим взглядом, но не сказала ни слова.

— Я готов поработать на вас, — объяснил Мильт, привычно, умело держа ее на прицеле. — В конце концов, если моей собственной расы больше не существует, рекультивированные колониальные планеты ей ни к чему, это ясно как день. Однако

мне хочется знать правду. Увидеть все как есть. Покажите мне настоящую Терру, и я продолжу работу.

— Нет, Мильт, — вздохнула Мэри, — увидев, что сталось с Террой, ты не захочешь продолжать работу. Скорее, ты повернешь эту винтовку против себя самого.

Голос ее звучал спокойно, даже сочувственно, однако глаза возбужденно блестели, зрачки расширились, взгляд сделался настороженным.

— Тогда я пристрелю тебя, а после застрелюсь сам, — сказал он.

Мэри задумалась.

— Постой, Мильт… пойми, все не так просто. Ты еще ничего не знаешь, а погляди, как расстроен! Что же, по-твоему, станет с тобой при виде родной планеты, какова она есть? Зрелище — даже для меня чересчур, а я ведь… я ведь…

На этом она, запнувшись, умолкла.

— Ну? Договаривай.

— Я ведь здесь всего-навсего… гостья, — с заметным трудом выдавила Мэри.

— Однако я прав? — усилил нажим Мильт Бискл. — Сознайся вслух, честно: я прав?

— Прав, Мильт. Прав, — со вздохом подтвердила Мэри.

К витрине подбежали двое музейных охранников в форменных мундирах, с пистолетами наготове.

— Целы, мисс Эйблсет? Все о'кей?

— Пока что — да, — ответила Мэри, не сводя глаз с Мильта и винтовки в его руках. — Подождите здесь, — велела она охранникам.

— Есть, мэм!

Охранники остановились поодаль. Все остальные тоже замерли на местах.

— Из терранских женщин хоть сколько-нибудь уцелело? — спросил Мильт.

— Нет, Мильт, — выдержав паузу, призналась Мэри. — Однако проксимцы, как тебе известно, принадлежат к тому же биологическому виду. Мы можем скрещиваться. Разве тебя это нисколько не ободряет?

— Разумеется, — проворчал он. — Слов нет, как ободряет.

В эту минуту ему действительно захотелось обратить оружие против себя самого, немедленно, и одолеть тягу к смерти стоило немалых трудов. Выходит, он не ошибся: то существо на марсианском Космодроме Три походило на Фэй разве что внешне…

— Послушай, — окликнул он Мэри Эйблсет, —

я хочу вернуться на Марс. Сюда летел кое-что выяснить, выяснил все, что требовалось, и хочу поскорее вернуться. Возможно, еще один разговор с доктором Де Винтером хоть чем-нибудь да поможет. Против этого возражения есть?

— Нет, — ответила Мэри, словно бы догадавшись, что творится у него на душе. — В конце концов, работу там ты закончил и на возвращение имеешь полное право. Однако со временем тебе придется взяться за дело здесь, на Терре. Да, с этим можно подождать год или даже два, но вскоре Марс заполнится до отказа, и нам потребуются новые земли… а с рекультивацией здесь — сам увидишь — окажется гораздо, гораздо сложнее. Жаль, Мильт, но…

Попытка улыбнуться ей, как она ни старалась, не удалась.

— А уж мне-то, черт побери, как жаль, — проворчал Мильт Бискл. — С тех самых пор, как засохло мое вьюг-деревце. Я ведь уже тогда не просто строил догадки — убедился в своей правоте.

— Возможно, тебе будет интересно узнать, что к собранию вместо тебя обратился Кливленд Андре, твой коллега из Красного сектора. Выступил и, можешь не сомневаться, довел до общего сведения не только твои, но и собственные сооб-

ражения. Собравшиеся, проголосовав, решили провести расследование, направив сюда, на Терру, официального представителя. Их делегат уже в пути.

— Действительно, новости интересные, — согласился Мильт, опуская винтовку, — да только какая разница? Положение дел этим не изменишь.

Казалось, навалившаяся усталость вот-вот сомнет, вдавит в пол.

— Можно, я прямо сейчас и отбуду на Марс, а? Сообщите доктору Де Винтеру: я возвращаюсь.

«И передайте, — мысленно добавил он, — пускай готовит к моему возвращению весь свой психологический репертуар. Работа ему предстоит адская».

— Кстати, — спросил он вслух, осененный новой идеей, — а что с земными животными? Животные хоть какие-нибудь уцелели? Собаки, например, или кошки?

Мэри взглянула на музейных охранников, словно беззвучно совещаясь с ними о чем-то.

— А знаешь, пожалуй, ладно. Будь по-твоему, — решила она.

— Что «будь по-моему»? — насторожился Бискл.

— Пожалуй, тебе стоит увидеть Терру такой, как есть. Ненадолго. Похоже, ты куда крепче духом, чем нам казалось, и вправе во всем убедиться, — пояснила Мэри. — И — да, Мильт, кошки с собаками уцелели. Живут среди развалин. Идем со мной, сам посмотришь.

Слегка оробевший Мильт Бискл послушно двинулся следом за ней.

«А не зря ли она передумала? Что, если правильным было как раз первое впечатление? — думал он на ходу. — Действительно ли мне так уж хочется все это видеть? Хватит ли духу выдержать столкновение с реальностью… с картиной, которую они считали нужным скрывать от меня до сих пор?»

У пандуса, ведущего к выходу из музея, Мэри остановилась.

— Иди наружу, Мильт. Я постою здесь, подожду твоего возвращения, — сказала она.

Нетвердым шагом спустившись вниз, Мильт Бискл увидел за дверью…

Разумеется, Мэри нисколько не преувеличила. Вокруг во все стороны простирались развалины, руины обезглавленного города. Срытые взрывами до высоты трех футов над землей здания превратились в полые, лишенные содержимо-

го прямоугольники наподобие бесконечного, бескрайнего лабиринта заброшенных древних двориков. Ясное дело, город смели с лица планеты совсем недавно, однако в это просто не верилось. Казалось, разруха и запустение царят здесь целую вечность, от начала времен… и как знать, долго ли еще городу суждено пребывать в таком виде?

Справа на груду обломков посреди улицы шмякнулась затейливая, но маломощная, совсем небольшая машина. Под пристальным взглядом Мильта механизм выпустил множество псевдоподий, оценивающе вгрызся их кончиками в ближайшие из обнаженных фундаментов. Железобетонные основания разрушенных зданий тут же рассыпались в прах, непристойно оголившаяся почва побурела, опаленная атомным жаром, испускаемым автономной ремонтной буровой установкой, не слишком-то отличавшейся устройством от тех, с которыми Мильту Бисклу доводилось иметь дело на Марсе.

«Что ж, — подумал он, — с развалинами, с наследием старины, их буровой агрегат худо-бедно справляется».

Опыт рекультивационных работ на Марсе подсказывал, что вскоре — возможно, спустя всего пару минут — на смену буровой установке явится

столь же затейливый автономный механизм для закладки фундамента под новые, будущие постройки.

С той стороны безлюдной улицы за скромными стараниями буровой установки, расчищавшей дорогу новому, наблюдали два серых, тощих, как щепки создания, двое крючконосых проксимцев. Натуральные, от природы белесые волосы уложены высокими бухтами; длиннющие, отягощенные тяжелыми серьгами мочки ушей едва не касаются плеч…

«Вот они, победители, — подумал про себя Мильт. — От души наслаждаются зрелищем: как же, ведь на их глазах уходит в небытие ни много ни мало культурное наследие побежденной расы! Недалек день, когда на этом месте поднимется к небу сугубо проксимский мегаполис — проксимская архитектура, непривычно, по-проксимски широкие улицы, единообразные коробки зданий, венчающие множество подземных ярусов… а по пандусам к желобам высокоскоростных лент толпами поднимаются вот такие же горожане, спешащие по делам. Интересно, что станет к тому времени с терранскими кошками и собаками, по словам Мэри, обитающими в этих развалинах? Их тоже ждет полное, окончательное исчезновение?

Нет, полное — это вряд ли: для них, диковинок на потеху публике, остатков несуществующей, всеми забытой экологической среды, наверняка отыщется место в музеях и зоопарках.

Но тем не менее Мэри права: с биологической точки зрения проксимцы относятся к тому же виду, что и человек. Даже если оставшиеся терране не смешаются с ними, знакомый ему, Мильту Бисклу, вид не исчезнет бесследно, а ведь скрещивания не миновать: их отношения с Мэри — лишь первая ласточка. Как личности терране с проксимцами тоже не слишком-то далеки друг от друга и, может быть, результат окажется вовсе не плохим…»

«Возможно, — подумал Мильт, развернувшись и направившись к входу в музей, — слияние проксимцев с терранами породит нечто новое, подлинно новое. По крайней мере, надежды на это есть».

Обновленная Терра снова воспрянет к жизни. Рекультивационные работы — пусть и не слишком масштабные — он только что видел собственными глазами. Очевидно, проксимцам отчаянно не хватает знаний и опыта, имеющихся у него и его коллег, инженеров-рекультиваторов… однако работы на Марсе практически

завершены, и вскоре они смогут взяться за Терру, а стало быть, положение не так уж безнадежно. Вовсе не безнадежно.

— Сделай одолжение, — хрипло заговорил он, подойдя к ждавшей на пандусе Мэри, — раздобудь мне кота. С собой, на Марс, его увезу. Котов я любил всю жизнь… особенно рыжих в полоску.

— Это устроить нетрудно, мистер Бискл, — заверил его один из охранников, переглянувшись с напарником. — Щенка… верно я выражаюсь? Щенка мы вам раздобудем.

— По-моему, не «щенка», а «котенка», — поправила его Мэри.

По пути к Марсу Мильт Бискл, держа на коленях коробку с рыжим котенком внутри, лихорадочно размышлял, строил планы. Спустя еще пятнадцать минут корабль совершит посадку, а на космодроме его будет ждать доктор Де Винтер — или, вернее сказать, существо, притворяющееся таковым. Будет ждать, но не дождется.

Заняв место, Мильт сразу же разглядел люк аварийного выхода с красной тревожной лампочкой сверху. На этом-то люке и основывался его замысел. Не идеальный, но ничего, сойдет.

Рыжий котенок, высунув из коробки лапу, цапнул Мильта за руку. Почувствовав, как острые

коготки оцарапали кожу, Мильт машинально высвободил руку из цепких лап и убрал подальше от края коробки.

«Ладно, — поднявшись с кресла, подумал он, — на Марсе тебе все равно не понравится».

Прижимая коробку к груди, он быстрым, широким шагом направился к аварийному люку. Конечно, стюардесса бросилась за ним следом, однако Мильт рывком распахнул створку, шагнул за порог, с лязгом захлопнул люк, оглядел тесную клетушку шлюзовой камеры и принялся откручивать кремальеры запоров массивного люка, ведущего за борт, в открытый космос.

— Мистер Бискл! — донесся сзади приглушенный дверью крик стюардессы.

В панике отворив люк, стюардесса ощупью потянулась к нему, но схватить его не смогла.

Стоило Мильту справиться с запорами внешнего люка и потянуть створку на себя, котенок в коробке под мышкой фыркнул, яростно зашипел.

«И ты туда же?» — подумал Мильт Бискл и придержал руку.

Снаружи, из-за приотворенной створки внешнего люка, дохнуло смертью, пустотой, леденящим межпланетным холодом. Почуяв близкую

гибель, Мильт, подобно котенку подхлестнутый инстинктивным страхом, отшатнулся прочь, крепче прежнего прижал к груди ношу, замер, даже не пробуя сдвинуть тяжелую створку хоть чуточку дальше… и тут стюардесса мертвой хваткой вцепилась в его плечо.

— Мистер Бискл, вы в своем уме? — всхлипнула она. — Господи, что вы такое затеяли?

С трудом затворив внешний люк, она поспешно завернула до отказа кремальеры запоров, привела аварийный шлюз в первозданный вид, втолкнула обмякшего Мильта в салон и увлекла назад, к креслу.

— Вы же прекрасно понимаете, что, — со вздохом откликнулся Мильт.

«И не воображай, будто остановила меня, — подумал он. — Твоей заслуги в этом нет. Я вполне мог бы взять себя в руки и довести задуманное до конца, но передумал».

Передумал… пусть даже сам не понимал отчего.

На марсианском Космодроме Три, его, как и ожидалось, встречал доктор Де Винтер.

Оба двинулись к ожидавшему невдалеке вертолету.

— Мне только что сообщили, — с тревогой в

голосе заговорил Де Винтер, — что во время полета вы…

— Все верно. Пытался покончить с собой… но передумал. Возможно, вам удастся понять почему. Вы ведь психолог, авторитет в вопросах всего, что творится у нас под черепушкой, — заметил Мильт.

В вертолет он поднялся с осторожностью, стараясь не встряхнуть, не потревожить коробку с рыжим терранским котенком внутри.

— Вы по-прежнему собираетесь претендовать на земельный участок для себя с Фэй? — помолчав, осведомился доктор Де Винтер, как только вертолет понес обоих над зелеными, влажными от росы полями высокобелковой пшеницы. — Несмотря даже на… ну, понимаете?

— Да, — кивнув, подтвердил Мильт.

Насколько он мог судить, ничего другого ему не оставалось.

Доктор Де Винтер покачал головой.

— Вы, терране, просто неподражаемы! А это кто у вас? — спросил он, с явной опаской оглядев коробку на коленях Мильта Бискла. Очевидно, ему котенок казался чужой, жуткой в своей непривычности формой жизни. — Одно из терранских существ? Своеобразный, однако же…

э-э… организм.

— Компанией мне будет, — пояснил Мильт Бискл, — пока я продолжаю работу, возделывая собственный, личный участок, либо…

«Либо помогаю вам, проксимцам, с восстановлением Терры», — мысленно добавил он.

— Не змея ли это из тех… так называемых «гремучих»? Кажется, дробь погремушек я слышу, — заметил доктор Де Винтер и отодвинулся от коробки как можно дальше.

— Он просто мурлычет, — поправил его Мильт Бискл, погладив котенка.

Управляемый автоматическими электронными контурами вертолет ровно, уверенно бороздил простор тусклых, красноватых марсианских небес.

«Постоянный контакт со знакомой, привычной формой жизни поможет не сойти с ума, — искренне радуясь обществу котенка, рассуждал Мильт. — Поможет жить дальше. Пускай наша раса повержена, уничтожена — не вся терранская жизнь истреблена без остатка! Возможно, рекультивировав Терру, мы сумеем добиться от новых властей разрешения на устройство заповедных угодий… да, пусть это станет частью нашей задачи, — решил он, снова погладив ко-

тенка. — По крайней мере, на такую награду мы рассчитывать вправе».

Сидевший рядом доктор Де Винтер тоже пребывал в глубоких раздумьях. Сложной работой инженеров-электромехаников, базировавшихся на третьей планете системы, мерой таланта и знаний, вложенных в симулякр, дремавший в коробке на коленях Мильта Бискла, он восхищался от всей души. Подобные достижения техники впечатляли даже его: ведь он в отличие от Мильта Бискла мог оценить их по достоинству. Рукотворный зверек, принимаемый терранином за подлинное живое существо из прошлой, привычной жизни, послужит ему опорой, стержнем, благодаря которому этот человек сумеет сохранить психическое равновесие.

Да, но как быть с другими инженерами-рекультиваторами? Что поможет каждому из остальных безболезненно пережить то же самое откровение, завершив труд и в свою очередь — волей-неволей — взглянув в лицо правде?

Очевидно, к каждому из терран нужен свой, индивидуальный подход. Одному хватит пса, другому может потребоваться симулякр куда более сложный, наподобие человеческой самки, достигшей брачного возраста… как бы там ни было,

каждый получит некое «исключение» из общего правила, отклонение от истинного положения вещей. Некую важнейшую для него сущность из числа тех, что в действительности исчезли без остатка. Какую? Это подскажет вдумчивое изучение прошлого всех инженеров-терран, как в случае с Бисклом: симулякр котенка для него завершили за несколько недель до внезапного, спровоцированного вспышкой паники отлета домой, на Терру. Например, для Андре уже собирают симулякр попугая.

К тому времени как желание слетать домой постигнет Андре, попугай будет готов.

— Я назвал его Громом, — сообщил Мильт Бискл.

— Хорошее имя, — согласился доктор Де Винтер — как с некоторых пор звался он сам.

«Жаль, что мы не смогли показать ему действительное положение дел на Терре, — подумал он. — На самом деле весьма интересно, что Бискл принял увиденное без сомнений, хотя подсознательно, в глубине души, понимал: в войнах, подобных нашей, не уцелеет никто и ничто. Очевидно, ему очень хотелось верить, будто от Терры осталось хоть что-нибудь — пусть даже развалины. Типичный феномен терранской психики,

склонность цепляться за фантомы… Пожалуй, это вполне объясняет, почему конфликт завершился для них поражением. Они попросту не реалисты. Не прагматики».

— Вот подрастет котище, — продолжил Мильт Бискл, — ух и задаст же он жару марсианским лапчатым мышам! Славным будет охотником…

— Это уж точно.

«Пока батареи не сядут», — мысленно уточнил доктор Де Винтер и тоже погладил котенка.

Контакты переключателя под рыжей шерсткой замкнулись, и котенок заурчал громче прежнего.

Защитная реакция

Заметив на экране радара наземное транспортное средство, движущееся с необычайной быстротой, блюститель порядка по имени Калеб Майерс сразу же понял, что водитель исхитрился избавиться от регулятора оборотов: скорость транспорта, сто шестьдесят миль в час, намного превышала установленные законом ограничения. Отсюда следовало, что водитель — выходец из Синего Класса, класса инженеров и техников, разбирающихся в потрохах собственных колес… а арестовать такого — задача довольно сложная.

Поразмыслив, Майерс взялся за рацию и вызвал на связь полицейский патруль, дежуривший на автостраде в десяти милях к северу.

— Будет проезжать мимо, вырубите ему источник питания, — посоветовал он собрату-блюстителю. — Перегораживать трассу при такой скорости не стоит, верно?

В 3:10 пополуночи нарушитель был остановлен. Обесточенное колесо, по инерции выкатившись на обочину автострады, замерло. Блюститель Майерс, с ленцой нажимая на кнопки, летел к

северу, пока не заметил впереди беспомощное колесо нарушителя и освещенное красным маячком колесо полицейского патруля, пробивавшееся к нему сквозь плотный поток транспорта. Приземлился он в тот же самый момент, как к месту происшествия подкатил его соратник по службе.

Вдвоем они с осторожностью, мысленно проклиная хруст щебня под тяжелыми башмаками, приблизились к заглохшему колесу.

В кабине колеса сидел худощавый человек изрядно ошеломленного вида в белой рубашке, при галстуке. Глядел он прямо перед собой, приветствовать пару блюстителей порядка в серых мундирах, с лазерными винтовками, защищенных противопульными пузырями от бедер до темени, даже не думал. Распахнув дверцу, Майерс заглянул внутрь, а его коллега остановился поодаль с винтовкой в руках. Не нарваться бы на подсадную утку: в течение одной только этой недели местное сан-францискское отделение уже успело потерять пятерых убитыми…

— Как вам, безусловно, известно, — заговорил Майерс, обращаясь к безмолвному водителю, — подобное баловство с регулятором оборотов двигателя карается лишением водительских прав на два года. Не высока ли цена? Стоило ли

того непродолжительное катание с ветерком?

Водитель, слегка помедлив, повернулся к нему.

— Я нездоров, — отвечал он.

— Психически или физически? — уточнил Майерс, коснувшись «экстренной» кнопки у горла и переключившись на третий канал, на линию прямой связи с Центральной многопрофильной клиникой Сан-Франциско.

В случае необходимости «Скорая помощь» прибудет через пять минут…

— Все вокруг кажется ненастоящим, — отрывисто, хрипло пояснил нарушитель. — Я и подумал: может быть, если гнать как можно быстрее, сумею добраться туда, где все вокруг… осязаемо.

С этими словами он опасливо пощупал приборную доску колеса, словно на самом деле не веря в реальность ее плотной, мягкой обивки.

— Будьте добры, сэр, откройте рот. Покажите горло, — велел Майерс.

Направив луч фонаря в лицо нарушителя, он приподнял его подбородок, и едва тот рефлекторно разинул рот, заглянул в глубину глотки, за два ряда ухоженных белоснежных зубов.

— Как, есть? — спросил коллега Майерса.

— Есть.

В горле странного человека блеснул металлом

корпус встроенной «антикарциномы»: подобно множеству внетерран, нарушитель страдал канцерофобией. Очевидно, большую часть жизни он прожил на одной из колониальных планет, в искусственной атмосфере, подготовленной к прибытию людей автономными рекультивационными машинами, дыша воздухом исключительной чистоты. Да, если так, его опасения нетрудно понять…

— У меня есть личный доктор. Специалист по психосоматике. Принимает в Сан-Хосе. Вы не могли бы подбросить меня к нему?

Сунув руку за отворот пиджака, нарушитель извлек из кармана бумажник, из бумажника вынул визитную карточку и подал ее Майерсу. Рука его заметно дрожала.

— Вы вовсе не больны, — возразил Майерс. — Вы просто еще не акклиматизировались на Земле, не привыкли к ее гравитации и атмосфере, не говоря уж о социально-культурной среде. Сейчас пятнадцать минут четвертого. Ваш доктор — как его, Акопян? — не примет вас среди ночи.

Кроме фамилии и адреса доктора на карточке значилось:

«Этот человек состоит под врачебным

надзором и в случае хоть сколько-нибудь аномального поведения должен незамедлительно получить медицинскую помощь».

— Земные доктора, — пояснил коллега Майерса, — не принимают пациентов в неурочное время. Уж это-то вы должны знать, мистер… кстати, позвольте-ка взглянуть на ваши водительские права, — вспомнил он и требовательно протянул вперед руку.

Нарушитель машинально вручил ему бумажник. Согласно правам, звали его Джон Купертино.

— Знаете, отправляйтесь-ка вы домой, — посоветовал ему Майерс. — Женаты? До города мы вас подбросим, а там пускай жена вас подберет… а колесо лучше оставьте здесь и за руль сегодня больше не садитесь. Теперь насчет превышения скорости…

— Я не привык к деспотическим ограничениям, — заявил Купертино. — На Ганимеде проблем с движением нет. Мы ездим и по двести, и по двести пятьдесят миль в час.

Странная монотонность его голоса навела Майерса на мысль о наркотиках, в частности, о

таламических стимуляторах. Купертино явно терзало нетерпение. Возможно, оно и заставило его избавиться от регулятора оборотов двигателя, тем более что человеку, разбирающемуся в электромеханике, сделать это не составляет труда, однако…

Однако двадцатилетний опыт службы подсказывал: дело не так просто.

Сунув руку в кабину, Майерс откинул крышку перчаточного ящика и направил луч фонаря внутрь. Письма, буклет с перечнем мотелей, одобренных AAA…[28]

— Похоже, вам, мистер Купертино, не верится, что вы действительно на Земле, а? — заметил Майерс, пристально вглядываясь в безучастное, лишенное хоть сколько-нибудь осмысленного выражения лицо нарушителя. — Похоже, вы еще один из этих, подсевших на биппити-боп, и думаете, будто все вокруг — греховные фантазии, навеянный наркотиком бред… а на самом деле вы у себя дома, на Ганимеде, в усадьбе из двадцати комнат и, вне всяких сомнений, в окружении автономных электромеханических слуг, так?

---

[28] Примечания: 28

AAA — Американская автомобильная ассоциация, издающая собственные путеводители с описанием достопримечательностей и отелей с 1916 г.

Безжалостно, резко рассмеявшись, он повернулся к коллеге.

— На Ганимеде эта пакость растет сама собой, всюду, куда ни плюнь, — объяснил он, — а экстракт ее называется «фрогедадрин». Высушенные стебли мелют, размачивают в кашицу, варят, отцеживают, фильтруют, а потом набивают в самокрутки и курят на манер табака. А как укурятся в хлам…

— Я в жизни не пробовал фрогедадрин, — все так же безучастно возразил Джон Купертино, глядя прямо вперед, — и осознаю, что нахожусь на Земле. Однако со мной творится что-то неладное. Смотрите.

Наклонившись вперед, он на глазах у Майерса безо всяких усилий погрузил ладонь в плотную, мягкую обивку приборной доски по самое запястье.

— Вот видите? Все, что меня окружает, зыбко, нематериально, как тень. И вы оба. Я мог бы развеять вас, попросту перестав обращать на вас внимание. По крайней мере, сам в этом не сомневаюсь. Не сомневаюсь, но… не хочу!!! — с мукой в голосе выкрикнул он. — Хочу, чтоб и вы, и все прочее, включая доктора Акопяна, оставалось при мне — осязаемым, настоящим!

Блюститель Майерс переключил шейную гарнитуру на линию номер два.

— Дайте мне доктора Акопяна из Сан-Хосе, — распорядился он, — и к черту все автоответчики: случай экстренный.

Рация щелкнула, переключаясь на новый канал.

— Ну? Ты сам видел, — пробормотал Майерс, оглянувшись на сослуживца. — Сам видел, как он руку в приборную доску сунул. Может, и нас с тобой вправду… развеять сумеет.

Так или иначе проверять возможности нарушителя на опыте ему вовсе не улыбалось. Здорово сбитый с толку, он уже не раз пожалел, что связался с этим Купертино: хочет, и пусть бы катил себе по автостраде, куда пожелает — вплоть до самого пекла!

— Я знаю, из-за чего это все, — негромко, словно бы про себя, проговорил Купертино и, нащупав в кармане сигареты, закурил. Руки его тряслись уже не так неудержимо, как прежде. — Все дело в смерти моей жены, Кэрол.

Возражать никто из блюстителей порядка даже не думал. Оба, держа язык за зубами, с нетерпением ждали, когда же доктор Акопян наконец соизволит ответить.

Натянув брюки поверх пижамных штанов, застегнув на все пуговицы куртку, чтобы ночной холод не добрался до тела, Готлиб Акопян принял пациента, мистера Купертино, в закрытом для всех остальных кабинете посреди деловой части Сан-Хосе. Гадая, как выглядит в глазах пациента с нечесаными, торчащими во все стороны космами, он включил лампы, обогреватели и предложил Купертино кресло.

— Прошу прощения, что поднял вас ни свет ни заря, — заговорил тот.

Судя по тону, никакой вины он за собой не чувствовал: четыре утра, а сна ни в одном глазу, сидит нога на ногу, курит как ни в чем не бывало…

Мысленно застонав, проклиная превратности жизни, доктор Акопян направился в заднюю комнату и включил в сеть кофеварку. Отказывать себе хотя бы в кофе — это уж слишком.

— Судя по вашему поведению, — заметил он, — полицейские решили, что вы переусердствовали со стимуляторами, но нам-то с вами известно, в чем дело.

Действительно, доктор Акопян прекрасно знал, что Купертино всегда такой — постоянно сверх меры активен.

— Не стоило мне убивать Кэрол, — вздохнул Купертино. — Жизнь с тех пор так и не вернулась в привычное русло.

— То есть сейчас вам ее не хватает? Во время вчерашней встречи вы говорили…

— Так это ведь было среди белого дня. При свете солнца я чувствую себя куда увереннее, а сейчас… Кстати, от услуг поверенного я решил не отказываться. Зовут его, на всякий случай, Фил Вульфсон.

— Зачем он вам?

Оба прекрасно знали: судиться с Купертино никто даже не думает.

— Мне требуются советы профессионала… помимо ваших. Нет-нет, доктор, вы только не обижайтесь, я ни в чем вас не упрекаю, но в моем положении есть ряд аспектов, скорее юридических, чем медицинских. Совесть — вообще феномен весьма интересный, поскольку отчасти лежит в области физиологической, отчасти же…

— Кофе?

— Боже сохрани! После кофе блуждающий нерв разбушуется часа на четыре, не меньше.

— А служащим полиции вы насчет Кэрол… о том, что убили ее, не рассказывали? — поинтересовался доктор Акопян.

— Нет. Сказал только, что Кэрол нет в живых. Вел себя осторожно.

— Гонять на ста шестидесяти в час — это, по-вашему, осторожность? В сегодняшнем номере «Кроникл» писали о происшествии на Приморской Сквозной: дорожный патруль штата без раздумий спалил машину, шедшую на ста пятидесяти, в пределах законной нормы, а почему? Общественная безопасность, жизни многих…

— Водителя предупредили, прежде чем открыть огонь, — ничуть не встревоженно, наоборот, куда спокойнее прежнего, возразил Купертино. — Но он не остановился. Пьян был.

— Хорошо, — согласился доктор Акопян. — Но вы, безусловно, сознаете, что Кэрол сию минуту жива? Жива и находится здесь, на Земле, в Лос-Анджелесе?

— Разумеется, — раздраженно кивнув, проворчал Купертино.

Ну, чего, чего ради этот Акопян с тупым упорством отрицает очевидное? Все это они обсуждали не раз и не два, но сейчас психиатр, вне всяких сомнений, снова задаст ему тот же вопрос: каким образом вы могли лишить ее жизни, если сознаете, что она жива?

Раздражение повлекло за собой усталость

сродни безысходности: прием у Акопяна обещал завершиться ничем, тупиком.

Доктор Акопян быстро нацарапал что-то в блокноте, оторвал листок и протянул его Купертино.

— Рецепт? — уточнил Купертино, не без опаски приняв листок.

— Нет. Адрес.

Опустив глаза, Купертино обнаружил, что на страничке блокнота действительно записан адрес. Южная Пасадена… несомненно, там-то и проживает Кэрол! Возмущенный до глубины души, Купертино уставился на листок, будто намереваясь испепелить его взглядом.

— Попробуем так, — пояснил доктор Акопян. — Прошу вас, поезжайте туда, взгляните на нее сами, а затем мы…

— Лучше отправьте к ней совет директоров «Познавательных Игр и Зрелищ Шести Планет», — буркнул Купертино, возвращая Акопяну листок. — Во всей этой трагедии целиком виноваты они. Из-за них я был вынужден покончить с ней, и вам об этом известно, а потому нечего буравить меня таким взглядом. В этом и состоял их план… план, ни под каким видом не подлежащий разглашению, верно?

Доктор Акопян тяжко вздохнул.

— В четыре утра все вокруг кажется неимоверно запутанным. Весь мир принимает недобрый, зловещий вид. Да, мне известно: на тот момент вы служили в ганимедском представительстве «Шести Планет», однако моральная ответственность… — Тут он осекся. — Ох, нелегко все это объяснить, мистер Купертино, но спусковой крючок лазерного лучемета в итоге нажали вы, а значит, и вся моральная ответственность целиком ложится на вас.

— Кэрол собиралась сообщить в местные гомеогазеты о готовящемся восстании, о начале открытой борьбы за освобождение Ганимеда, причем подтолкнули ее к этому буржуазные ганимедские власти — по сути, та же верхушка «Шести Планет». Я говорил, предупреждал Кэрол, что мы не можем допустить огласки, но она настаивала на своем — из мелочной мстительности, из ненависти ко мне, не имевшей ничего общего с серьезными, действительно важными соображениями. Подхлестываемая исключительно личным тщеславием и уязвленной гордостью… как и все женщины на свете.

— Езжайте по этому адресу, в Южную Пасадену, — настойчиво повторил доктор Акопян. — Повидайтесь с Кэрол. Убедитесь, что вовсе не

убивали ее, что случившееся в тот день, три года назад, на Ганимеде — всего-навсего…

Не находя слов, он неопределенно повертел пальцами в воздухе.

— Как-как, доктор? — язвительно переспросил Купертино. — Всего-навсего что? Ведь в тот день — точнее, вечер — я всадил ей лазерный луч точно между бровей, прямо в лобную долю мозга, и она наверняка, бесповоротно погибла еще до того, как я покинул комкварт, тайком добрался до космопорта и подыскал межпланетный корабль, отбывавший на Землю!

Умолкнув, он выжидающе взглянул на доктора. Очевидно, подобрать убедительное объяснение нелегко, а стало быть, над ответом Акопяну придется потрудиться всерьез.

— Да, — после продолжительной паузы признал Акопян, — ваши воспоминания весьма подробны и полностью здесь, у меня, зафиксированы, так что не вижу смысла снова в них углубляться: откровенно говоря, выслушивать все это в столь ранний час — удовольствие крайне сомнительное. Лично я не могу сказать, откуда взялись эти воспоминания, но точно знаю, что они ложны, так как встречался с вашей женой, разговаривал с ней, вел переписку, и все это после — после

той даты, когда вы, согласно собственным воспоминаниям, застрелили ее на Ганимеде. Как минимум в этом я уверен твердо.

— Зачем мне ее разыскивать? Назовите хоть одну стоящую причину, — возразил Купертино, сделав вид, будто вот-вот разорвет листок из блокнота надвое.

— Хоть одну? — Посеревший от усталости доктор Акопян призадумался. Казалось, седина в его волосах — и та сделалась куда гуще. — Да, одну стоящую причину я вам назвать смогу, но вы, вероятнее всего, отвергнете ее, не дослушав.

— А вы попробуйте.

— В тот вечер, когда вы, согласно собственным воспоминаниям, застрелили Кэрол, — не сводя с Купертино пристального взгляда, заговорил доктор, — она находилась на Ганимеде. Возможно, ваша жена знает, сумеет объяснить, откуда у вас взялись ложные воспоминания. В одном из писем она намекала на нечто подобное, но ничего большего сообщить не пожелала.

— Хорошо. Еду, — согласился Купертино и быстрым шагом направился к выходу из кабинета.

«Чудные дела, — подумал он. — Расспрашивать жертву об обстоятельствах убийства…»

Однако Акопян прав: кроме Кэрол, рядом в тот

вечер не было ни души… ему давным-давно следовало бы понять, что с ней придется встретиться!

Придется… хотя такого, столь кризисного для собственной логики момента Купертино отнюдь не ждал с радостным нетерпением.

Около шести утра он подошел к крыльцу крохотного одноквартирного домика Кэрол Хольт Купертино. Звонок, другой, третий… прежде чем дверь наконец отворилась, Купертино успел сбиться со счета. Да, на пороге стояла Кэрол — заспанная, в легком, полупрозрачном ночном халатике голубого нейлона и белых махровых шлепанцах. Из-за ее ноги наружу стремглав выскочил кот.

— Узнаешь меня? — спросил Купертино, уступая коту дорогу.

Кивнув, Кэрол откинула со лба пышную, длинную, светлую челку. Почти безлюдную улицу заливал серый, холодный утренний свет. Охваченная дрожью Кэрол зябко поежилась, прижала скрещенные руки к груди.

— О, Господи… который час? Почему ты уже на ногах? Обычно раньше восьми носа из-под одеяла не высовывал.

— Я просто еще не ложился.

Обогнув Кэрол, он вошел в темную гостиную с

опущенными жалюзи.

— Как насчет чашечки кофе?

— Да, конечно…

Безучастно удалившись в кухню, Кэрол подошла к плите и нажала кнопку «ГОРЯЧИЙ КОФЕ». Из недр плиты выскользнули наружу две чашки, над чашками заклубился ароматный пар.

— Мне со сливками, а тебе со сливками и сахаром: ты ведь куда инфантильнее, — заметила Кэрол, вручив Купертино одну из чашек.

Аромат кофе смешался с ее собственным — с ароматом тепла, дремы, уюта.

— Три с лишним года прошло, а ты ни на день не состарилась, — отметил Купертино.

По правде сказать, она сделалась даже стройнее, изящнее прежнего.

Щеки Кэрол зарумянились, глаза заблестели.

— Что это? Подозрения? — спросила она, присев к кухонному столу и скромно запахнув ворот халатика.

— Нет, комплимент, — тоже усевшись, заверил ее Купертино. — Меня прислал сюда Акопян. Решил, что мне следует повидаться с тобой. Очевидно…

— Да, я с ним несколько раз виделась, — подтвердила Кэрол. — Заглядывала к нему, бывая в

Северной Калифорнии по делам… он приглашал в переписке. Знаешь, мне он понравился. По-моему, ты уже должен быть здоров.

— «Здоров»? — Купертино пожал плечами. — Да, я вполне здоров, только…

— Только от той самой идеи фикс до сих пор не избавился. От неотвязной, фундаментальной бредовой идеи, которая не по зубам даже целой армии психоаналитиков, верно?

— Если речь о воспоминаниях, как я пристрелил тебя, то да, верно, — подтвердил Купертино. — Я все прекрасно помню — и точно знаю, что мне это не почудилось. Но доктор Акопян полагает, будто ты можешь рассказать мне кое-что новое: в конце концов, как он верно заметил…

— Да, — согласилась Кэрол, — вот только стоит ли городить огород? Во-первых, скучно все это, во-вторых… Господи, времени — всего шесть утра! Может, я лучше пойду досыпать, а? Встретимся позже, где-нибудь ближе к вечеру, и… нет? О'кей, — тяжко вздохнула она. — Да, ты пытался меня застрелить. Да, раздобыл где-то лазерный лучемет. Дело было в нашем комкварте, в Нью-Детройте-Г, на Ганимеде, двенадцатого марта две тысячи четырнадцатого…

— За что я хотел убить тебя?

— Сам знаешь, — язвительно, в возмущении всколыхнув грудью, отрезала она.

— Это уж точно…

Ошибки серьезнее Джон Купертино не совершал за всю свою тридцатипятилетнюю жизнь. Осведомленность жены о готовящемся восстании обеспечивала ей нешуточное преимущество в бракоразводном процессе, давала возможность диктовать любые условия, какие заблагорассудится. В конце концов ее финансовые запросы намного превысили грань разумного, и Купертино отправился в их общий комкварт, откуда к тому времени съехал, обзаведясь собственным, совсем небольшим, на другом краю города, и попросту, без уверток, объявил, что удовлетворить ее требования не в состоянии. В ответ Кэрол пригрозила обратиться в гомеогазеты, к ганимедским экстензионным узлам, собирающим новости для «Нью-Йорк таймс» и «Дейли ньюс», и тут…

— Тут ты, — продолжала Кэрол, — вынул из кармана лазерный лучемет и умолк, этак многозначительно им поигрывая, ни слова не говоря, однако я сразу же все поняла. Либо в ущерб себе соглашусь на несправедливые условия, либо…

— Из лучемета я выстрелил?

— Да.

— В тебя попал?

— Нет, промахнулся, — ответила она, — а я выбежала из комкварта, бросилась к лифту, спустилась на первый этаж, в каморку охранника, и от него позвонила в полицию. Приехавший патруль застал тебя на месте, в комкварте. Плачущим.

Казалось, ее голос сочится ядом.

— Бог ты мой, — выдохнул Купертино.

Умолкнув, оба вплотную занялись кофе. Внезапно бледная, будто мел, рука сидевшей напротив жены задрожала, и ее чашка громко зазвенела о блюдце.

— Естественно, — ровно, невозмутимо продолжила Кэрол, — бракоразводный процесс я не прекратила. В сложившихся обстоятельствах…

— Доктор Акопян думает, что ты можешь знать, почему мне помнится, будто в тот вечер я застрелил тебя. Говорит, ты намекала на нечто подобное в одном из писем.

Кэрол хищно блеснула светло-голубыми глазами.

— В тот вечер у тебя не было никаких ложных воспоминаний. Ты точно знал, что промахнулся. Затем Эмбойнтон, окружной прокурор, предложил тебе выбор: согласиться на принудительное

психиатрическое лечение либо пойти под суд за покушение на убийство при особо отягчающих обстоятельствах. Разумеется, ты выбрал первое, после чего и начал посещать доктора Акопяна. А что до ложных воспоминаний… когда их вложили тебе в голову, я могу сказать точно. Заглянув на работу, в «Познавательные Игры и Зрелища Шести Планет», ты встретился с психологом, доктором Эдгаром Грином, относящимся к их отделу кадров. Случилось это незадолго до твоего отъезда с Ганимеда сюда, на Терру. Полагаю, доктор Грин и позаботился о ложной памяти. Внушил тебе, будто ты застрелил меня.

Поднявшись, она направилась к плите наполнить опустевшую чашку.

— Но чего ради? — удивился Купертино.

— Властям стало известно, что ты рассказал мне о готовящемся восстании. По-хорошему тебе полагалось бы, не выдержав позора, покончить с собой, но вместо этого ты, как и договорился с Эмбойнтоном, заказал билет на Терру. По правде сказать, во время полета ты действительно пытался расстаться с жизнью… однако об этом-то, думаю, помнишь и без меня?

— Ничего, продолжай. Рассказывай.

Попытка самоубийства? Такого он за собой не

припоминал, хоть убей.

— Лучше я тебе вырезку из гомеогазеты покажу, — ответила Кэрол, направляясь из кухни в спальню. — Естественно, я ее сохранила… из бессмысленной сентиментальности. «Пассажир межпланетного рейса схвачен при…»

На этом доносившийся из спальни голос осекся, и в доме сделалось тихо.

Купертино молча отхлебнул кофе. Ясное дело, никакой вырезки из газеты она не найдет: ведь покончить с собой он не пытался!

Не на шутку озадаченная Кэрол вернулась в кухню.

— Никак не найду… хотя прекрасно помню, что оставила ее в первом томе «Войны и мира», вместо закладки, — смущенно призналась она.

— Похоже, ложную память внушили не мне одному, если, конечно, дело именно в этом, — заметил Купертино.

Впервые за три с лишним года в его стараниях наметился какой-то прогресс. Жаль, направление прогресса пока остается загадкой, но все-таки, все-таки!..

— Ничего не понимаю, — пробормотала Кэрол. — Что-то тут не так.

С этими словами она снова ушла в спальню,

переодеться, оставив Купертино ждать в кухне, и наконец вышла к нему — в зеленой юбке и свитере, в туфлях на каблучках. Расчесываясь на ходу, она подошла к плите, нажала несколько кнопок и вернулась к столу с тостом и парой яиц всмятку. Время приближалось к семи. Неяркий серый свет на улице, за окном, приобрел слегка золотистый оттенок, движение заметно оживилось: снаружи все чаще и чаще доносился ободряющий рокот двигателей общественного пассажирского транспорта и частных легковых малолитражных колес.

— Как тебе удалось отхватить отдельный дом? — полюбопытствовал Купертино. — Казалось бы, в Лос-Анджелесе, как и в Области Залива[29], подыскать что-либо, кроме комкварта на самой верхотуре, не в человеческих силах.

— Работодатели помогли.

Вот это заставило встревожиться, насторожиться: очевидно, влиянием они пользуются немалым. Жена идет в гору.

— И кто же твои работодатели?

— «Падающая Звезда, Инк».

О такой компании Купертино прежде не слы-

[29] Примечания: 29

Обиходное название городской агломерации, окружающей залив Сан-Франциско.

шал.

— Вне Терры дела ведут? — в недоумении уточнил он.

Конечно, при межпланетном-то размахе…

— Это управляющая компания, держатель акций, а я — консультант при председателе совета директоров. Занимаюсь изучением рынка. Контрольный пакет твоих прежних работодателей, «Познавательных Игр и Зрелищ Шести Планет», тоже принадлежит нам. Впрочем, это не важно. Случайность чистой воды.

Принявшись за завтрак, Купертино она не предложила ни крошки: очевидно, ей это даже в голову не пришло. Оставалось одно — с пасмурным видом наблюдать за знакомыми, изящными движениями ножа и вилки. Все тот же мелкобуржуазный аристократизм… Ни на йоту не изменилась. Наоборот, держится утонченнее, женственнее прежнего.

— Кажется, я понимаю, в чем суть, — сказал он.

Кэрол подняла голову, блеснула голубыми глазами, окинула его пристальным, испытующим взглядом.

— Прошу прощения? О чем ты, Джонни?

— О тебе, о тебе, — пояснил Купертино. — О

твоем появлении. Очевидно, ты вполне реальна… в той же мере, что и все остальное — и Пасадена, и этот стол… — Упомянутый стол жалобно скрипнул пластиком, загремел под бесцеремонным ударом кулака. — В той же мере, что и доктор Акопян, и двое полицейских, остановивших меня нынче утром на автостраде… но какова она, мера реальности всего этого — вот в чем, по-моему, основной вопрос! Вот чем объясняется ощущение, будто руки проходят сквозь вроде бы осязаемые предметы наподобие приборной доски моего колеса! То самое крайне малоприятное ощущение, будто все вокруг нематериально, будто я живу в мире призраков!

Внезапно Кэрол, в изумлении подняв брови, расхохоталась, а отсмеявшись, продолжила завтракать.

— Вполне возможно, — продолжил Купертино, — я до сих пор на Ганимеде — в тюрьме или в психиатрической клинике. Как опасный преступник. И в течение последних лет, после твоей смерти, постепенно переселился в воображаемый мир.

— О Господи, — вздохнула Кэрол, сокрушенно покачав головой, — даже не знаю, смешно это все или грустно. Слишком уж… — Запнувшись, она

повертела пальцами в воздухе. — Слишком уж трогательно. Что ж, Джонни, мне тебя искренне жаль. Вместо того чтобы отказаться от бредовой идеи, ты предпочитаешь верить, будто вся Терра — до последнего человека, до последней песчинки — лишь порождение твоего разума. Послушай, не целесообразнее ли расстаться с навязчивой идеей, а? С одной-единственной — будто ты застрелил меня, а уж там…

Видеофон разразился звонком.

— Прошу прощения.

Поспешно утерев губы, Кэрол поднялась и направилась к аппарату отвечать на звонок. Купертино, оставшись на месте, принялся мрачно гонять по столу крошку тоста, свалившуюся с ее тарелки, машинально лизнул измазанный маслом палец и лишь после этого понял, что голоден, точно волк, что ему тоже настало время позавтракать. Ничуть не стесняясь отсутствия Кэрол, он подошел к плите и защелкал кнопками. Вскоре плита выдала ему яичницу с беконом, тост и чашку горячего кофе.

Голод натолкнул его на новые мысли.

«Но если все так и есть, почему я до сих пор жив? Откуда беру энергию, если этот мир — всего лишь иллюзия? Должно быть, пища, которую я ем,

настоящая, — решил он. — Тюремная, а может, больничная, еда существует, и я действительно ей питаюсь… а кроме нее существует и некая комната — стены, дверь… только вовсе не эта комната, другая. С другими стенами и другой дверью. Да, и некие люди существуют тоже. Некие… только не эта женщина. Не Кэрол Хольт Купертино. Другие. Какой-то безликий тюремщик или санитар… и доктор. Вероятно, как раз доктор Акопян. Правильно, так и есть. Доктор Акопян — в самом деле мой лечащий врач-психиатр».

Вернувшаяся на кухню Кэрол подсела к столу, придвинула к себе тарелку с остывшим завтраком.

— Звонит Акопян. Тебя просит.

Купертино, немедля вскочив, направился к аппарату.

На небольшом экранчике видеофона мерцало знакомое, осунувшееся от усталости лицо доктора Акопяна.

— Вижу, вы, Джон, на месте. Ну-с, что же произошло?

— Где мы, Акопян? — вместо ответа спросил Купертино.

Психиатр озадаченно наморщил лоб.

— В каком, извините…

— Мы оба сейчас на Ганимеде, так?

— Лично я, — возразил Акопян, — сейчас в Сан-Хосе, а вы — в Лос-Анджелесе.

— Кажется, я знаю, как проверить собственные предположения, — сообщил ему Купертино, — и потому собираюсь отказаться от ваших услуг. Если я на Ганимеде, в неволе, из этого ничего не выйдет, но если я, как вы утверждаете, свободный гражданин и проживаю на Терре…

— Да, проживаете вы на Терре, но абсолютно свободным гражданином не являетесь, — поправил его Акопян. — Как покушавшийся на жизнь супруги, вы обязаны регулярно посещать меня, а отказаться от психотерапии не вправе и прекрасно об этом знаете. Что сообщила вам Кэрол? Сумела ли пролить хоть немного света на события того вечера?

— По-моему, да, — подтвердил Купертино. — Теперь я знаю, что она работает в материнской компании, владеющей «Познавательными Играми и Зрелищами Шести Планет». Ради одного этого уже стоило приехать сюда. По сути, я выяснил, что она нанята «Шестью Планетами» пасти меня.

Доктор Акопян непонимающе заморгал.

— «Пасти»? Прошу прощения…

— Приглядывать за мной, будто овчарка за стадом. Следить, что у меня с лояльностью. Должно быть, они опасались, как бы я не посвятил в планы готовящегося восстания власти Терры, и потому приставили ко мне Кэрол. Рассказав о планах восстания ей, я оказался в их глазах недостойным доверия, а потому Кэрол, скорее всего, получила распоряжение ликвидировать меня. Скорее всего, даже пыталась, но не смогла, затем все с этим связанные подверглись наказанию со стороны терранских властей, а Кэрол удалось ускользнуть только потому, что в штате «Шести Планет» она официально не числилась.

— Постойте, — перебил его доктор Акопян, предостерегающе вскинув ладонь. — Не спорю, мистер Купертино, на вид все это довольно правдоподобно, но… но ведь восстание завершилось успехом, и это исторический факт! Три года тому назад Ганимед, Ио и Каллисто одновременно избавились от власти Терры и стали самостоятельными, независимыми лунами. О так называемой Трехлунной войне две тысячи четырнадцатого года известно любому ребенку, окончившему третий класс. В беседах мы с вами этих вопросов не касались, однако я полагал, что о войне вам известно, как и обо всех прочих…

э-э… — Запнувшись, он в замешательстве взмахнул рукой. — Обо всех прочих реалиях новейшей истории.

— Это правда? — отвернувшись от аппарата и бросив взгляд на жену, спросил Джон Купертино.

— Разумеется, — с улыбкой подтвердила Кэрол. — А в твоей системе бредовых идей ваш переворот не удался? Подумать только! Восемь лет трудиться на его благо, работая в одном из крупнейших экономических картелей, вдохновлявшем и финансировавшем восстание, а после в силу каких-то туманных причин отказаться от признания его успеха… Да, Джонни, скверное дело! Мне тебя искренне жаль.

— На это должна быть причина, — задумчиво проговорил Купертино. — Почему я об этом не знал? Почему им вздумалось удерживать меня в неведении?

Слегка опешив, он протянул руку к аппарату…

…И его дрожащие пальцы исчезли из виду, беспрепятственно погрузившись в экран видеофона. Вздрогнув от неожиданности, Купертино отдернул руку и снова увидел собственную ладонь, но ведь исчезновение произошло на его глазах! Теперь-то он прозрел, теперь-то ему все ясно!

Да, иллюзия сработана неплохо, однако несовершенна. Небезупречна. Ей тоже есть предел…

— Итак, доктор Акопян, — обратился он к миниатюрному изображению на экране видеофона, — пожалуй, от ваших услуг я откажусь. С сегодняшнего утра вы мне не требуетесь. От всего сердца благодарю вас, а счет пришлите на домашний адрес.

С этими словами он потянулся к рычагу аппарата.

— Вы не имеете права! — тут же возразил Акопян. — Как я уже говорил, психотерапия назначена вам принудительно, и вы, Купертино, обязаны с ней смириться, иначе снова предстанете перед судом, чего вам, уверен, отнюдь не хотелось бы. Прошу, поверьте: подобное обернется для вас крайне скверно.

Купертино нажал на рычаг, и экран потемнел.

— Знаешь, а ведь он прав, — заметила Кэрол, слушавшая их разговор из кухни.

— Он лжет, — откликнулся Купертино.

Неторопливо вернувшись в кухню, он уселся к столу, напротив жены, и принялся доедать завтрак.

Вернувшись к себе, в собственный берклийский комкварт, он заказал межпланетный разговор

с доктором Эдгаром Грином, психологом ганимедского представительства «Познавательных Игр и Зрелищ Шести Планет». Спустя полчаса его соединили.

— Узнаете меня, доктор Грин? — спросил он, подсев к аппарату.

Самому ему собеседник, довольно пухлый человек средних лет, был незнаком. Определенно, это лицо Купертино видел впервые в жизни. Тем не менее, по крайней мере, одна существенная деталь окружающего мира проверку выдержала: в отделе персонала «Шести Планет» действительно имелся психолог, доктор Эдгар Грин, тут Кэрол не соврала.

— Я где-то видел вас, сэр, — отвечал доктор Грин, — вот только фамилии, прошу прощения, не припоминаю.

— Джон Купертино. Сейчас живу на Терре, а перебрался туда с Ганимеда. Три с небольшим года назад, незадолго до Ганимедской революции, был вовлечен в довольно шумный судебный процесс. Обвинялся в убийстве своей супруги, Кэрол. Теперь вспоминаете, доктор?

— Хм-м-м, — наморщив лоб и приподняв бровь, промычал доктор Грин. — Выходит, мистер Купертино, суд вас оправдал?

— В данный момент, — с запинкой заговорил Купертино, — я… нахожусь на принудительном психиатрическом лечении здесь, в Калифорнии, Область Залива… если это хоть что-нибудь прояснит.

— Другими словами, вы официально признаны невменяемым и, следовательно, не подлежащим суду?

Купертино сдержанно, не без опаски кивнул.

— Возможно, я действительно беседовал с вами, — рассудил доктор Грин. — Вроде бы помнится смутно нечто подобное, но ведь через меня проходит так много людей… вы здесь, у нас, работали?

— Да, — подтвердил Купертино.

— Хорошо. Что именно вам, мистер Купертино, от меня требуется? Очевидно, вы звоните по делу, раз уж заказали довольно дорогие межпланетные переговоры. Предлагаю из практических соображений — в частности, памятуя о вашем кошельке, — поскорей перейти к главному.

— Будьте добры, перешлите на Терру мою амбулаторную карту, — попросил Купертино. — Только не моему психиатру — мне лично. Можно это устроить?

— Для каких целей она вам требуется, мистер

Купертино? Для нового трудоустройства?

Купертино перевел дух, набрал в грудь воздуха, будто готовясь нырнуть в глубину.

— Нет, доктор, — ответил он. — Мне нужно с абсолютной точностью выяснить, какие из психиатрических методов применялись ко мне… вами либо работающими под вашим руководством медиками. Есть основания полагать, что вы подвергли меня масштабной коррекционной терапии… но если так, я ведь вправе об этом знать, доктор? Следует полагать, да.

Закончив, он подобрался, замер в ожидании ответа.

«Конечно, шансов вытянуть из этого типа что-нибудь ценное — не больше одного на тысячу, — подумал он, — однако попробовать стоит».

— «Коррекционной терапии»? Должно быть, вы, мистер Купертино, что-то путаете. Мы занимаемся только проверкой способностей, анализом профпригодности… а терапия — дело не наше. У нас всего лишь изучают кандидата на должность, дабы…

— Скажите, доктор Грин, — перебил его Купертино, — в революции трехлетней давности вы лично участвовали?

Грин в недоумении пожал плечами.

— Разумеется. Как и все остальные. В те дни каждый ганимедянин показал себя истинным патриотом, — ровно, самым обыденным тоном ответил он.

— А согласились бы вы — скажем, ради защиты завоеваний революции, — слегка запнувшись, уточнил Купертино, — внедрить в мое сознание систему бредовых идей, направленную на…

— Прошу прощения, — оборвал его Грин, — вы явно психически нездоровы и совершенно напрасно тратитесь на межпланетные переговоры. Удивительно, что вам разрешают пользоваться внешней видеосвязью.

— Но ведь во внедрении в сознание подобных идей ничего невозможного нет, — не собираясь сдаваться, продолжал Купертино. — Современные психиатрические методики это вполне позволяют, не так ли?

— Все верно, мистер Купертино, — со вздохом признал доктор Грин. — Подобное стало возможным еще в середине двадцатого века. Начало разработкам таких методик положили в московском Институте Павлова не позднее тысяча девятьсот сорокового, а к началу Корейской войны довели их до совершенства. Таким образом, человеку можно внушить веру во все,

что угодно.

— Если так, возможно, Кэрол права. Вот только…

Вот только Купертино не понимал, радоваться ему или огорчаться. Разумеется, в таком случае он не убийца, и это меняет положение самым кардинальным образом. Отсюда следует, что Кэрол жива, а его жизнь на Терре, в терранских городах, среди терран и предметов терранской культуры — не иллюзия. И все же…

— А смогу ли я ознакомиться с собственной амбулаторной картой, прилетев на Ганимед лично? — неожиданно для самого себя спросил он. — Очевидно, если человек в состоянии совершить перелет, стало быть, он вовсе не психопат, содержащийся на принудительном лечении. Возможно, я и нездоров, но не настолько же, доктор!

Ну? Каков же будет ответ? Шанс на успех ничтожнее предыдущего, но все-таки, все-таки…

— Что ж, — поразмыслив, ответил доктор Грин, — ознакомление с собственным личным делом работнику, пусть даже бывшему, правилами внутреннего распорядка не запрещено. Пожалуй, я могу предоставить вам доступ… но предварительно предпочел бы согласовать это с вашим лечащим психиатром. Будьте любезны,

назовите его фамилию. Если он даст добро — к чему вам тратить время и деньги на перелет? Я распоряжусь переслать копию по видеосвязи, и вы получите ее еще сегодня вечером — по вашему времени.

Назвав доктору Грину фамилию своего психиатра, доктора Акопяна, Купертино повесил трубку. Что-то ответит ему Акопян? Интересный вопрос… вопрос без ответа: поди угадай, куда, в какую сторону его понесет?

Ну, ничего, к вечеру все прояснится, это уж наверняка.

Интуиция подсказывала: возражать Акопян не станет, а из каких соображений — не важно. Какие бы мотивы им ни двигали, главное — карта. Заполучить амбулаторную карту, прочесть и выяснить, права Кэрол или же нет.

Однако спустя еще два часа — невероятно долгое, если вдуматься, время — его вдруг осенило: а ведь в «Познавательных Играх и Зрелищах Шести Планет» без малейшего труда могут подправить карту, убрав оттуда всю важную, существенную информацию… и отослать на Землю подложный, не стоящий ни гроша документ!

И что в таком случае делать дальше?

Хороший вопрос. Еще одна задачка, на которую

пока не найти ответа…

В тот же вечер посыльный от «Вестерн Юнион» доставил в его комкварт пакет из головного ганимедского отдела кадров «Познавательных Игр и Зрелищ Шести Планет». Дав посыльному на чай, Купертино устроился за столом в гостиной и развернул папку.

Спустя всего пару минут его подозрения полностью подтвердились: ни о каком внушении бредовых идей в амбулаторной карте не говорилось ни слова. Либо карта подделана, либо Кэрол заблуждается. Заблуждается, а может, намеренно лжет… так или иначе, амбулаторная карта ничем ему не помогла.

Тогда Купертино позвонил в Калифорнийский Университет и после множества переключений, отсылок с одной кафедры на другую, сумел отыскать человека, вроде бы понимающего, о чем идет речь.

— Мне нужен анализ, — объяснил Купертино, — анализ текстового документа. Цель — выяснить, как давно он составлен. У меня на руках не оригинал, копия, полученная по видеосвязи через «Вестерн Юнион», поэтому отталкиваться придется только от лексики. От анахронизмов. Требуется установить, был этот материал под-

готовлен не менее трех лет назад или совсем недавно. Как полагаете, под силу ли вам проанализировать столь… незначительный фактор?

— За последние три года словарный состав языка практически не менялся, — заметил университетский филолог-языковед, — однако попробовать можно. Когда нужно будет вернуть вам документ?

— Как можно скорее, — ответил Купертино.

Вызвав приписанного к их жилому комплексу посыльного, он отправил документ в университет и задумался над следующим элементом сложившегося положения.

Если его жизнь на Терре иллюзорна, следовательно, все им воспринимаемое максимально приближено к действительности во время приемов у доктора Акопяна. Стало быть, именно в такие моменты прорваться сквозь систему бредовых идей, увидеть настоящую, подлинную реальность проще всего, а значит, на них и следует сосредоточить все силы. Поскольку одно, очевидно, установлено точно: встречи с доктором Акопяном не иллюзорны, реальны.

Подойдя к видеофону, Купертино начал набирать номер Акопяна. Конечно, минувшей ночью, после ареста, к доктору за помощью он уже об-

ращался, и наносить новый визит рановато, но ничего. В свете анализа ситуации это вполне оправданно, дополнительные расходы ему не страшны…

И тут Купертино пришла в голову новая мысль.

Арест! Как же он мог забыть слова полицейского? Блюститель порядка обвинил его в пристрастии к известному ганимедскому наркотику, к фрогедадрину, и не просто так — безошибочно распознав симптомы!

Наверное, таким образом, регулярно — видимо, вместе с пищей — скармливая ему фрогедадрин в небольших дозах, систему бредовых идей и поддерживают. Да, подобные подозрения явственно отдают паранойей — другими словами, серьезным расстройством психики… но, паранойя это или не паранойя, а на правду похоже очень.

Анализ крови тут нужен, вот что! Наличие наркотика в крови выявит любой из них. Всего-то и дела — отправиться в Окленд, в клинику своей компании, попросить об анализе под предлогом подозрений на токсинемию, и через час результат будет готов.

Обнаруженный в крови фрогедадрин подтвердит его подозрения. В таком случае он до сих пор

на Ганимеде, а не на Терре, а все им воспринимаемое — якобы воспринимаемое — есть иллюзии, бред… ну, кроме разве что принудительных регулярных посещений психиатра.

Разумеется, анализом крови следовало заняться сейчас же, как можно скорее… однако спешить не хотелось. Почему? Казалось бы, способ разом во всем убедиться найден — так что же его удерживает?

Ведь он же хочет знать правду?

Да, безусловно, сделать анализ необходимо.

На время забыв о визите к доктору Акопяну, Купертино направился в ванную, побрился, надел чистую рубашку, повязал галстук, вышел из комкварта и направился к оставленному у обочины колесу. Четверть часа — и он в клинике работодателя, а там…

Работодатель…

Коснувшись ладонью дверной ручки колеса, Купертино замер на месте. Ну и ну… положение — глупей не придумаешь!

Создатели системы бредовых идей кое в чем просчитались. Как следствие, Купертино не помнил, не знал, где работает. В иллюзорной картине не хватало целого сегмента, одной из важнейших деталей.

Вернувшись в комкварт, он набрал номер доктора Акопяна.

— Доброго вечера, Джон, — с явным неудовольствием ответил доктор Акопян. — Вижу, вы снова дома — в Лос-Анджелесе надолго не задержались.

— Доктор, — сипло, отрывисто заговорил Купертино, — похоже, что-то неладно: я не знаю, где работаю, хотя прежде — надо думать, еще вчера — наверняка это знал. Разве я не хожу на работу четыре дня в неделю, как все остальные?

— Разумеется, ходите, — хладнокровно подтвердил Акопян, — а работаете в одной из оклендских компаний, в «Триплан Индастриз, Инкорпорейтед», на авеню Сан-Пабло, неподалеку от Двадцать Первой улицы. Точный адрес найдете в видеофонном справочнике, но… мой вам совет: ложитесь-ка лучше спать. Отдохните. Вы провели на ногах целую ночь и в результате, естественно, серьезно переутомлены.

— А что, если система бредовых идей вскоре посыплется, теряя кусок за куском, все крупнее и крупнее? — пробормотал Купертино. — Приятного тут, знаете ли, мало!

Пропажа одной-единственной детали — и то перепугала его до полусмерти: казалось, с ней он

утратил — ни много ни мало — частицу самого себя. Забыв, где работает, Джон Купертино словно бы в один миг отделился, наглухо обособился от всего человечества… а сколько еще может взять и забыться так же легко? Хотя, возможно, Акопян прав: все дело в переутомлении. Староват он, чтобы не спать ночи напролет, как еще десять лет назад, когда и ему, и Кэрол подобные эскапады были вполне по силам…

Все это означало, что ему просто не хочется расставаться с системой бредовых идей, не хочется, чтобы она рассыпалась на глазах. В конце концов, человек есть его мир — без окружающего мира не существует и личности.

— Доктор, — спросил он, — нельзя ли увидеться с вами сегодня вечером?

— Но мы ведь виделись совсем недавно, — напомнил доктор Акопян. — Для повторного приема несколько рановато. Потерпите до конца недели, а между тем…

— Я, кажется, понял, каким образом поддерживается система бредовых идей, — перебил его Купертино. — При помощи ежедневных доз фрогедадрина, орально, с едой. Возможно, отправившись в Лос-Анджелес, я пропустил дозу, чем и объясняется исчезновение одного из сегментов

системы, а может, причина, как вы говорите, в переутомлении… однако и то и другое в равной мере подтверждает мою правоту: все вокруг — действительно система бредовых идей, и мне больше не требуется ни результат анализа крови, ни помощь языковедов из Калифорнийского Университета. Кэрол мертва, о чем вам прекрасно известно. Вы — мой лечащий психиатр, находимся мы на Ганимеде, и меня уже три с лишним года держат под стражей. Разве в действительности все обстоит не так?

На этом Купертино умолк, ожидая ответа, но Акопян молчал. Мало этого, на лице доктора по-прежнему не отражалось ни малейших волнений.

— И ни в какой Лос-Анджелес я не ездил, — продолжал Купертино. — На самом деле меня, скорее всего, держат в относительно тесном пространстве, а вся моя свобода передвижения опять-таки иллюзорна. И с Кэрол я утром не виделся… верно?

— Что значит «результат анализа крови»? — неторопливо, рассудительно, с легкой улыбкой заговорил Акопян. — Что натолкнуло вас на мысль об анализе крови? Джон, если все вокруг есть система бредовых идей, результат анализа

крови тоже окажется иллюзорным, и что тогда с него толку?

Вот это Купертино в голову не приходило. Ошеломленный, он умолк, не в силах ответить ни слова.

— И амбулаторная карта, присланная по вашей просьбе доктором Грином, а по получении отправленная для анализа в Калифорнийский Университет в таком случае тоже иллюзия, — неумолимо продолжал Акопян. — А если так, каким образом их выводы…

— А вот об этом вы, доктор, узнать не могли никак, — перебил его Купертино. — О моем разговоре с доктором Грином, о просьбе прислать для ознакомления амбулаторную карту и о ее получении — да, вполне, от того же доктора Грина, но о моем обращении в университет с просьбой проанализировать текст вам знать неоткуда. Прошу прощения, доктор, но ваша система противоречит собственной внутренней логике, что неопровержимо доказывает ее ирреальность. Вам слишком многое обо мне известно, а я… а я, кажется, уже знаю, как подтвердить мои доводы окончательно и бесповоротно.

— И как же? — неожиданно холодно, настороженно полюбопытствовал Акопян.

— Вернуться в Лос-Анджелес и застрелить Кэрол снова.

— Боже правый, как вам только…

— Та, что погибла три с лишним года назад, умереть во второй раз не может. Таким образом, убить ее я не смогу, — пояснил Купертино и потянулся к рычагу аппарата с намерением прервать разговор.

— Постойте, — зачастил Акопян. — Послушайте, Купертино, я звоню в полицию! Вы не оставляете мне иного выхода. Я не могу допустить, чтоб вы отправились туда и хладнокровно убили эту женщину на самом де… то есть во второй раз покусились на ее жизнь! — осекшись на полуслове, поправился он. — Хорошо, Купертино, признаю, признаю: ряд обстоятельств от вас сочли нужным скрыть. До определенной степени вы правы, это не Терра, а Ганимед.

— Так-так, — хмыкнул Купертино, убрав руку от рычага.

— Однако Кэрол вовсе не иллюзорна, — запинаясь, едва не брызжа слюной, продолжал Акопян. Лоб его покрылся бисером пота: очевидно, доктор всерьез испугался, как бы Купертино не оборвал связь. — Кэрол реальна не менее, чем вы или я. Вы пытались убить ее, но промахнулись, она сооб-

щила в гомеогазеты о готовящейся революции… и потому революция завершилась лишь частичным успехом. В данный момент мы — то есть весь Ганимед — окружены кордонами терранских боевых кораблей, отрезаны от всей Солнечной системы, живем на сухпайках из резервных запасов, нас теснят по всем направлениям, однако позиций пока не сдаем.

Неодолимый, леденящий ужас накрыл Купертино волной, хлынул в горло, заполнил грудь, проник в самое сердце.

— А для чего мне внушили систему бредовых идей? Кто это сделал? Кто навязал мне ее?

— Никто. Никто вам ничего не внушал. Все это просто защитная реакция психики на чувство вины. Самопроизвольное бегство от реальности. Дело в том, Купертино, что терранские власти узнали о революции раньше времени из-за вас. Осознав, какую роль сыграла ваша невоздержанность на язык в разговорах с Кэрол, вы пытались покончить с собой, но безуспешно и вместо ухода из жизни сбежали от нее в вымышленный мир. Психологически.

— Но если Кэрол сообщила о готовящемся восстании терранским властям, значит, сейчас она в…

— Совершенно верно. Ваша жена лишена свободы, а навещали вы ее в центральной тюрьме Нью-Детройта-Г, здесь, на Ганимеде. И знайте: честно говоря, я даже не представляю себе, какое воздействие окажут мои откровения на ваш вымышленный мир. Возможно, в результате он лишится еще ряда сегментов, возможно, даже рассеется вовсе, целиком открыв вашему восприятию весь ужас нашего положения, все трудности и лишения, которые мы, гани, терпим, оставшись один на один с терранской военной машиной… Завидую я вам, Купертино: все эти три года вы провели, ни сном ни духом не ведая о суровых реалиях нашей жизни, а что будет дальше… посмотрим. Будущее покажет, — пожав плечами, подытожил Акопян.

— Спасибо за откровенность, — помолчав, откликнулся Купертино.

— Не стоит благодарности: я рассказал обо всем этом только затем, чтобы снять перевозбуждение, пока оно не вылилось в кровопролитие. В конце концов, вы — мой пациент, и я обязан заботиться о вашем благополучии. О каком-либо наказании для вас никто не помышлял и не помышляет: серьезность вашего психического расстройства, ухода от реальности, демонстрирует сожаление

о результатах собственной глупости в полной мере.

Сделав паузу, Акопян тяжко вздохнул. Впалые щеки доктора посерели от усталости.

— Как бы там ни было, оставьте Кэрол в покое. Мстить и карать — дело вовсе не ваше. Не верите мне, в Библию загляните. Кроме того, она уже понесла наказание и будет содержаться под стражей, пока власть в наших руках.

На этом Купертино прервал разговор.

«А верю ли я ему?» — спросил он себя самого.

Правду сказать, особого доверия к доктору он не испытывал.

«Кэрол, — подумал он. — Ты обрекла наше дело на неудачу, а почему? Из-за мелких семейных дрязг. Из обычной женской обиды, разозлившись на мужа, обрекла целую луну на неравную кровопролитную войну длиной в три с лишним года…»

Пройдя в спальню, Купертино извлек из комода тот самый лазерный лучемет, лежавший все эти три года, с тех пор, как он, улетев с Ганимеда, обосновался на Терре, в коробке с салфетками «Клинекс».

«Пора, — решил он. — Пора снова пустить его в ход».

Сняв трубку видеофона, он заказал кэб. На этот раз он отправится в Лос-Анджелес пассажирским ракетным экспрессом, а личное колесо оставит дома.

До Кэрол нужно добраться как можно скорее. Как можно скорее…

«Один раз ты от меня ускользнула, — думал он, энергично шагая к двери комкварта, — но больше не ускользнешь. Во второй раз я не промахнусь».

Спустя еще десять минут Купертино поднялся на борт, и ракетный экспресс помчал его в Лос-Анджелес, к Кэрол.

Прежде чем отложить свежий номер лос-анджелесской «Таймс», Джон Купертино, не на шутку озадаченный, пролистал газету еще раз. Увы, нужной статьи в ней так и не нашлось.

«Как же так? В чем дело? — в недоумении гадал он. — Совершено убийство, застрелена насмерть привлекательная, сексуальная женщина, и…»

Да, он застал Кэрол на службе, за рабочим столом, застрелил на глазах у коллег, а затем развернулся и беспрепятственно вышел наружу — парализованные страхом и изумлением, сослуживцы Кэрол даже не пробовали его задержать.

Тем не менее в новостях об этом не говорилось ни слова. Как будто всевидящая, вездесущая го-

меогазета внезапно ослепла и оглохла.

— Напрасно ищете, — заметил доктор Акопян, устало сгорбившийся напротив, за рабочим столом.

— Что значит «напрасно»? Должна быть! — упрямо возразил Купертино. — Тягчайшее преступление, и… куда они там только смотрят?

Он ошеломленно отшвырнул номер гомеогазеты на стол. Происходящее противоречило элементарной логике, не лезло ни в какие ворота!

— Во-первых, — тяжко вздохнув, пояснил доктор Акопян, — убить кого-либо из воображаемого, иллюзорного лучемета, знаете ли, трудновато. Во-вторых, мы не позволили вам во второй раз навестить жену, так как знали, что встреча завершится кровопролитием: скрывать своих планов вы даже не думали. Вы не встречались с ней, не убивали ее, и гомеогазета, лежащая перед вами, — вовсе не лос-анджелесская «Таймс», а «Стар», издающаяся в Нью-Детройте-Г… и ограниченная в объеме четырьмя страницами, так как запасы древесной целлюлозы для производства бумаги на Ганимеде подходят к концу.

Не веря ушам, Купертино вопросительно поднял брови.

— Именно, именно, — кивнув, подтвердил доктор Акопян. — Все повторилось, Джон: теперь ваш иллюзорный мир пополнился воспоминаниями о втором убийстве жены, и оба эти события в равной степени ирреальны. Бедняга… очевидно, вы обречены покушаться на нее снова и снова и всякий раз терпеть неудачу. Какой бы ненависти ни испытывали наши вожди в отношении Кэрол Хольт Купертино, как бы ни порицали, ни сожалели о ее поступке все вокруг, мы… — Хмыкнув, доктор повертел пальцем в воздухе. — Долг велит нам оберегать ее, хотя бы ради справедливости. Ее приговор приведен в исполнение, и ей предстоит сидеть в тюрьме еще двадцать два года или до тех пор, как терране, сумев одолеть нас, не выпустят ее на свободу. Не сомневаюсь, заполучив ее, Терра сделает из нее героиню, восславит Кэрол Хольт Купертино во всех про-терранских гомеогазетах…

— И вы допустите, чтобы она попала в их руки живой? — полюбопытствовал Купертино, переварив услышанное.

Доктор Акопян возмущенно нахмурил брови.

— А, по-вашему, ее следует прикончить, чтоб не досталась терранам? Нет, Джон, мы не варвары, беззаконная месть нам чужда. Три года в заклю-

чении она уже отсидела и наказана соразмерно проступку… как, кстати, и вы. И еще неизвестно, кому из вас тяжелее.

— Но я же точно знаю, что застрелил ее, — упрямо возразил Купертино. — Взял кэб, приехал к ней на работу, в «Падающую Звезду, Инк», владеющую «Познавательными Играми и Зрелищами Шести Планет», поднялся в ее кабинет на шестом этаже…

Да, он прекрасно помнил поездку в лифте — даже шляпку другой пассажирки, женщины средних лет. Прекрасно помнил стройную рыжеволосую секретаршу, звонившую Кэрол по внутренней линии, и оживленную, деловито гудящую внутреннюю канцелярию, и как, миновав ее, вдруг оказался с Кэрол лицом к лицу. Поднявшись на ноги, замерев у стола, Кэрол увидела лазерный лучемет в его руке, на лице ее отразилось понимание, и она бросилась было бежать, пустилась наутек… однако неумолимый луч лазера настиг ее у задней двери, стоило только ей схватиться за ручку.

— Уверяю вас, Кэрол жива и здорова, — откликнулся доктор Акопян и, повернувшись к видеофону на столе, принялся набирать номер. — Пожалуйста, судите сами: я позвоню ей, и, как

только она ответит, поговорите с ней.

Охваченный странным оцепенением, Купертино замер, дожидаясь ответа. Наконец на экране появилось лицо… лицо Кэрол.

— Привет, — сказала она, узнав Купертино.

— П-привет, — с запинкой пробормотал он.

— Как себя чувствуешь? — спросила Кэрол.

— О'кей… а ты? — сконфуженно полюбопытствовал он.

— Прекрасно, — заверила его Кэрол, — только немного в сон клонит. Рановато ты утром меня разбудил.

Купертино нажал на рычаг.

— Ладно, — сказал он, повернувшись к доктору Акопяну, — допустим, вы меня убедили.

Действительно, жена оказалась цела и невредима и, кажется, даже не знала о новом покушении на ее жизнь. Выходит, и на работу к ней он не приезжал… Акопян не врет.

На работу? Вернее сказать, в тюремную камеру: если уж верить Акопяну, то верить до конца.

— Пойду я, пожалуй… можно? — спросил Купертино, поднявшись на ноги. — Поеду к себе в комкварт. Устал жутко… хоть этой бы ночью выспаться.

— Удивляюсь, что вы вообще на ногах еще

держитесь, хотя провели без сна почти пятьдесят часов, — с ободряющей улыбкой заметил доктор Акопян. — Разумеется, езжайте домой, ложитесь спать, отдохните. Продолжим беседу после.

Ссутулившись от усталости, Джон Купертино вышел из кабинета доктора Акопяна, спрятал руки в карманы, постоял у входа, дрожа от вечернего холода, и с великим трудом влез в кабину припаркованного у обочины колеса.

— Домой, — велел он.

Колесо плавно тронулось с места, приняло влево, влилось в поток транспорта.

«А ведь я мог бы попробовать снова, — внезапно сообразил Купертино. — Почему нет? Возможно, на этот-то раз все выйдет как надо. Две неудачи еще не означают, что я обречен на вечное невезение!»

— В Лос-Анджелес, — скомандовал он колесу.

Автономный контур управления защелкал реле, прокладывая курс к основному пути в Лос-Анджелес, к Девяносто девятой государственной автомагистрали.

«К тому времени, как доеду, она будет спать, — рассуждал Купертино. — Спросонья, вполне вероятно, поначалу ничего не заподозрит, впустит меня, а там… Возможно, теперь революция

завершится полным успехом!»

Казалось, в его логике имеется слабина, прореха, однако нащупать ее мешала валившая с ног усталость. Откинувшись на спинку сиденья, Купертино устроился как можно удобнее, предоставил управление колесом автономному электронному контуру и прикрыл глаза в попытке урвать хоть немного такого нужного, настоятельно необходимого сна. Еще часа два-три, и он окажется в Южной Пасадене, на крыльце отдельного домика Кэрол, а после, покончив с ней, по праву заслужив отдых, сможет как следует выспаться.

«К завтрашнему утру, если все пройдет гладко, она умрет», — подумал он и снова вспомнил о гомеогазете.

Почему же то, прежнее, преступление не попало в колонки новостей? Странно как-то: казалось бы, случай вовсе не рядовой!

Колесо со скоростью сто шестьдесят миль в час — недаром же он избавился от регулятора оборотов — мчалось к цели, в Лос-Анджелес, к спящей жене… по крайней мере, Джон Купертино нисколько в этом не сомневался.

Терранская одиссея

Запалив коулмановскую бензиновую лампу, председатель школьного совета Уэст-Марин, Орион Страуд, осветил школьную кладовую как можно ярче, чтобы все четверо членов совета смогли как следует разглядеть в ее белом сиянии нового учителя.

— Я собираюсь задать ему пару вопросов, — сообщил Страуд остальным. — Прежде всего, зовут его мистер Барнс, а родом он из Орегона. По собственным словам, естествовед, специалист по продуктам питания природного происхождения. Верно я говорю, мистер Барнс?

Новый учитель — невысокий, довольно молодой на вид человек в рубашке хаки и рабочих штанах — нервно откашлялся, прочищая горло.

— Да, я разбираюсь и в химии, и в животной, и в растительной жизни — особенно в лесных дикоросах, наподобие грибов и ягод.

— С грибами нам в последнее время не везет, — заметила миссис Толлмен, почтенного возраста леди, состоявшая в школьном совете еще до Бедствия. — По этой причине у нас вошло

в привычку их опасаться.

— По дороге сюда я осмотрел ваши пастбища и окрестные леса, — возразил мистер Барнс, — и обнаружил немало образчиков весьма питательных, безвредных грибов, которыми можно пополнить рацион, ничем не рискуя. Мне даже известны их латинские названия.

Члены совета заерзали, зашептались между собой.

«Вот это, насчет латинских названий, их впечатлило», — сообразил Страуд.

— Почему вы покинули Орегон? — без обиняков осведомился директор школы, Джордж Келлер.

— Из-за политических убеждений, — повернувшись к нему, ответил новый учитель.

— Чьих убеждений, их или ваших?

— Их, — пояснил Барнс. — У меня политических убеждений нет. Я просто учу детей делать чернила, варить мыло и подрезать ягнятам — даже практически взрослым — хвосты. К тому же у меня имеется собственная библиотечка, — добавил он, вынув из небольшой стопки рядом с собой книгу и продемонстрировав членам совета, в каком она замечательном состоянии. — И еще скажу вот что: у вас, в этой части Калифорнии, есть все возможности самим изготовлять бумагу.

Известно вам это?

— Известно, мистер Барнс, — подтвердила миссис Толлмен, — только мы точно не знаем как. Кажется, для этого используют кору деревьев?

Лицо нового учителя приняло загадочное выражение, недвусмысленно означавшее: ему есть что скрывать. Да, Страуд знал, что миссис Толлмен права, однако подтверждать ее правоту учителю явно не хотелось. Пока школьный совет Уэст-Марин не наймет его на работу, знания он прибережет для себя, а бесплатно не скажет ни слова… и правильно сделает. Уже одно это, на взгляд Страуда, было достойно всяческого уважения: ведь только дурак отдает что-то стоящее задаром.

Не получив ответа, миссис Толлмен впилась пристальным взглядом в стопку книг нового учителя.

— Вижу, у вас есть «Психологические типы» Карла Юнга? Значит, одна из ваших специальностей — психология? Великолепно! Подумать только: наша школа заполучит учителя, разбирающегося не только в съедобных грибах, но и во Фрейде с Юнгом!

— Э-э, что проку во всей этой чуши! — раздраженно буркнул Страуд. — Нам требуются науки

стоящие, прикладные, а не академическое пустозвонство. Психологией, знаете ли, помойной ямы не выкопаешь.

Уязвлен он был не на шутку: лично ему мистер Барнс об увлечении чистой теорией не заикнулся ни словом.

— Что ж, думаю, проголосовать насчет мистера Барнса мы готовы, — сказала мисс Костиган, самая младшая из членов совета. — Например, я склонна принять его на должность — как минимум временно. Возражения будут?

— Должна заметить, — сообщила мистеру Барнсу миссис Толлмен, — прежнего учителя мы предали смерти. Поэтому нам и требуется новый. Поэтому наш уполномоченный, мистер Страуд, и разъезжал вдоль Побережья, пока не нашел вас.

— А казнили его за то, что солгал нам, — добавила мисс Костиган. — На самом деле он, понимаете ли, приехал сюда вовсе не ради учительства. На самом деле он разыскивал одного человека, некоего Джека Трее, как оказалось, живущего в наших местах. Ну а одна из нас, глубоко всеми уважаемая миссис Келлер, супруга директора школы, Джорджа Келлера, состоящая с Джеком Трее в близкой дружбе, раскрыла нам глаза на истинное положение дел, и мы, разумеется, отреагировали,

как положено, — официально, согласно закону, призвав на помощь шефа полиции, мистера Эрла Колвига.

— Вот как, — безучастно откликнулся Барнс, слушавший ее, не перебивая.

— А жюри присяжных, — вмешался в разговор Орион Страуд, — вынесшее приговор и казнившее его, состояло из меня самого, крупнейшего землевладельца Уэст-Марин Каса Стоуна, миссис Толлмен и миссис Джун Рауб. Да, я сказал «казнившее», однако вы, думаю, понимаете, что собственно акт казни, нажав на спуск, совершил Эрл. После того как суд присяжных Уэст-Марин выносит решение, дальнейшее — дело Эрла, — проговорил он, испытующе сверля нового учителя взглядом.

— Что ж, порядок вполне официальный, законный, — улыбнувшись собравшимся, заметил мистер Барнс. — Как раз то, чего мне хотелось бы.

Витавшее в воздухе напряжение мигом ослабло, члены совета зашептались между собой. Над головами их, навевая покой, укрепляя симпатии к новому учителю и друг к другу, заклубился пряный, ароматный дымок зажженной сигареты высшего сорта, «Золотого Ярлыка» от Эндрю

Гилла.

При виде сигареты мистер Барнс странно переменился в лице.

— У вас тут есть табак?! Спустя семь лет? — хрипло, словно не веря собственным глазам, выдохнул он.

— Нет, мистер Барнс, — с легкой самодовольной улыбкой ответила миссис Толлмен, — табака у нас, как и у всех прочих, разумеется, нет. Зато у нас есть замечательный специалист, мастер табачных дел. Он-то и снабжает нас вот этим «Золотым Ярлыком» высшего сорта, набивая сигареты особой смесью выдержанного, высушенного растительного сырья… ну а состав — и тут его вполне можно понять — держит в строгом секрете.

— Сколько же они стоят? — полюбопытствовал мистер Барнс.

— Ну, в «каликах», в этих новых банкнотах штата Калифорния, сигарета идет долларов по сто, — ответил Орион Страуд, — а довоенным серебром — никель за штучку.

— Никель у меня как раз есть, — поспешно откликнулся мистер Барнс.

Сунув вмиг задрожавшую руку в карман, новый учитель отыскал довоенный пятицентовик

и протянул его курильщику, Джорджу Келлеру, вольготно, закинув ногу на ногу, развалившемуся в кресле по ту сторону стола.

— Прошу прощения, — возразил Джордж, — мне свой запас распродавать не хотелось бы. Ступайте лучше прямо к мистеру Гиллу: днем он, как правило, у себя в лавке. Лавка Гилла здесь, в Пойнт-Рейес-Стейшен, но, разумеется, разъезжает он по всей округе. Увидите фольксвагеновский микроавтобус, запряженный лошадью — так и знайте, это его, Эндрю Гилла.

— Спасибо, запомню, — поблагодарил его мистер Барнс и крайне бережно спрятал никель в карман.

— Вы на паром грузиться намерены? — осведомился оклендский чиновник, заведующий переправой. — Если нет, отгоните машину: проезд загораживаете.

— Сию минуту, — откликнулся Стюарт Макконахи.

Забравшись в машину, он щелкнул вожжами. Эдуард, Принц Уэльский, его конек, тронулся с места, потянул экипаж вперед, и вскоре означенный экипаж, «Понтиак» 1975 года без двигателя, выехал за ворота, на пирс.

По обе стороны от него простиралась синева

Залива, испещренная барашками волн. За ветровым стеклом мелькнула чайка, спикировавшая на сваи подхватить нечто пригодное в пищу. С пирса тянулись в воду бесчисленные лесы донок: местные жители ловили рыбу на ужин. С полдюжины рыбаков щеголяли в обносках армейской формы… очевидно, то были ветераны войны, обитавшие под пирсом за неимением другого жилья.

Оглядевшись вокруг, Стюарт покатил дальше.

Эх, если б он только мог телефонировать в Сан-Франциско! Но нет, увы: подводный кабель снова вышел из строя, связистам пришлось тянуть линии вдоль берегов полуострова, до самого Сан-Хосе и на ту сторону — и к тому времени, как тебя соединят с Сан-Франциско, звонок подорожает до пяти долларов серебром. Таким образом, о телефоне не может быть и речи — такие цены по карману одним только богачам, а ему, Стюарту, придется ждать битых два часа, пока паром не отчалит… вопрос только, вытерпит ли он так долго?

Как ни крути, дело-то — важнее не бывает!

Недавно до него дошел слух о громадной советской телеуправляемой ракете, достигшей цели, но не взорвавшейся, найденной в здешних ме-

стах, под землей, неподалеку от Белмонта, одним из местных фермеров, зацепившим ее плугом. Теперь фермер распродает находку в виде отдельных деталей, а деталей в одной только системе наведения тысячи и тысячи! И просит по-божески, пенни за любую на твой выбор, а Стюарту с его-то ремеслом подобных деталей требуется немало… Одна беда: вокруг и других желающих куча. Тут, как говорится, кто успел, тот и съел, и если он не доберется до Белмонта, на тот берег Залива, как можно скорее, на его долю, глядишь, не останется ни детальки.

Стюарт Макконахи торговал — делал их кое-кто другой — электронными ловушками на некрупную дичь. Обычные ловушки, пассивного образца, не важно, насколько сложно устроенные, крысы и прочая им подобная нечисть, мутировав, научились обходить стороной, а то и обезвреживать. Особенно изменились кошки, и мистер Харди недавно сконструировал превосходную котоловку, куда лучше собаколовок и крысоловок собственного изобретения. Опасность мелкие хищники собой представляли нешуточную: невозбранно ловили и поедали малых детишек — по крайней мере, такая о них шла молва, а люди, ясное дело, в свою очередь ловили

и поедали их самих. Собаки, начиненные рисом, вовсе считались за деликатес, и местная берклийская газетка, выпускавшаяся раз в неделю, регулярно публиковала рецепты супов, жаркого, рагу и даже пудингов из собачатины.

Размышления о пудингах из собачатины напомнили Стюарту, как зверски он проголодался. Казалось, голод не отпускает его с минуты падения первой бомбы: пожалуй, в последний раз прилично поесть ему довелось за ленчем в «Деликатесах от Фреда», в тот самый день, когда он случайно наткнулся на Хоппи Харрингтона, фокомелика[30], как обычно, дурившего людям головы туманными жульническими пророчествами.

«Интересно, где-то сейчас коротышка-фок?» — внезапно подумал Стюарт, хотя не вспоминал о Хоппи вот уже сколько лет.

Сейчас-то, конечно, фоки повсюду, куда ни плюнь, и почти все разъезжают на «мобилях», в точности как Хоппи, угнездившись в самой середке пусть небольшого, но собственного мироздания, будто божки без рук и без ног. Стюарта

---

[30] Примечания: 30

Фокомелия, или синдром фокомелии, от греч. phoke (тюлень) и mélos (часть тела) — врожденное недоразвитие всех или некоторых конечностей: кисти рук или стопы ног, а иногда и те и другие соединяются с туловищем посредством коротких культей, напоминая плавники тюленя.

от их вида воротило с души до сих пор, хотя отвратительных зрелищ вокруг нынче — хоть отбавляй…

Тем временем справа, в волнах Залива, показался плотик. Хозяин плотика, безногий ветеран войны, ловко, умело погреб к груде обломков — несомненно, остову затонувшего корабля. С проржавевшего борта тянулись к воде лесы удочек-донок, принадлежавших отставному солдату, и тот, очевидно, отправился проверять их. Провожая плот взглядом, Стюарт задумался: а не доплыть ли на нем до той стороны, до Сан-Франциско? Допустим, заплатит он этому ветерану пятьдесят центов за перевоз в одну сторону, почему нет?

Выбравшись из машины, Стюарт подошел к кромке пирса.

— Эй, греби сюда! — во все горло заорал он и, выудив из кармана пенни, бросил монетку на пирс.

Увидев ее блеск, услышав звон, ветеран тут же развернул плот, во всю прыть, не жалея мускулов, обливаясь потом, погреб обратно, а подойдя ближе, взглянул на Стюарта снизу вверх, дружески улыбнулся и поднял к уху сложенную горстью ладонь.

— Чего тебе, рыбы? — крикнул он в ответ. — Я нынче пока без улова, но малость попозже… как насчет небольшой акулы? Чистенькой, с гарантией!

В подтверждение своих слов увечный солдат предъявил Стюарту изрядно обшарпанный счетчик Гейгера, привязанный к поясу обрезком веревки — надо думать, чтобы не потерялся, невзначай упав за борт, или чтобы кто-нибудь ушлый не стащил под шумок.

— Нет, — пояснил Стюарт, присев на корточки над самой водой, — мне до Сан-Франциско добраться нужно. Отвезешь в один конец? Квортер плачу.

Улыбка ветерана разом поблекла.

— Но мне ж тогда донки придется тут без присмотра оставить, — рассудил он. — Прежде смотать потребуется, иначе сопрут ведь, пока меня нет.

— Тридцать пять центов, — предложил Стюарт.

В конце концов сговорились на сорок. Стюарт стреножил Эдуарда, Принца Уэльского, замкнул путы на замок, чтоб коняшку не увели, и вскоре, спустившись на приплясывавший в такт качке плот ветерана, поплыл к тому берегу, к Сан-Фран-

циско.

— На что живешь? — полюбопытствовал ветеран, работая веслом, и смерил Стюарта обманчиво безмятежным взглядом. — Ты ведь не сборщик налогов, а?

— Не-а, — заверил его Стюарт. — Я, понимаешь, торгую ловушками на мелкую дичь.

— Послушай-ка, друг, — оживился ветеран, — а со мной под сваями ручная крыса… крыс то есть жил — веришь, нет? Умный на удивление. На флейте играть умел, вот ей-богу, не сказки! Я ему маленькую такую флейточку деревянную смастерил, а он в нее носом дул… выходило почти как на носовых флейтах из Азии, у индусов такие в ходу. И вот жил он у меня, жил, только на днях машиной его переехало. Я сам видел, как, но сделать ничего не успел, да и не смог бы. Он, понимаешь, бросился через пирс за чем-то нужным — может, за клоком тряпья. Постель-то я ему, конечно, устроил, но он то и дело простуду подхватывает… подхватывал то есть при жизни: ведь вид этот, мутировав, облез, шерсти лишился начисто…

— Да, видывал я таких и вполне тебе верю, — подтвердил Стюарт, вспомнив, как ловко голые бурые крысы ускользали из всевозможных ловушек — даже от электронных крысоловок мистера

Харди умудрялись уйти. — Вполне верю: крыс я знаю неплохо. Однако и крысы — ничто по сравнению с этими маленькими серо-бурыми полосатыми кошками… держу пари, сам, без тебя, он себе флейты бы не смастерил.

— Это точно, — согласился ветеран, — зато артистом был настоящим. Послушал бы ты его музыку! Ко мне по вечерам, закончив рыбачить, народ толпами собирался… а я учил его чаконе Баха из «Партиты ре минор».

— А я как-то поймал одну из этих полосатых кошек, — вспомнил Стюарт, — и месяц держал у себя, пока не сбежала. Так вот, она умела делать крохотные остроконечные штуковины из крышек от консервных жестянок. То ли гнула их, пока крышка не переломится, то ли еще как. За работой ее застать я ни разу не смог, но штуковины получались впечатляющие.

— А как нынче жизнь к югу от Сан-Франциско? — не прекращая грести, полюбопытствовал ветеран. — Мне, сам видишь, на сушу теперь ходу нет, — пояснил он, указав на культяпки ног. — Живу, с плота не сходя. Нужно в уборную — вон лючок небольшой. Эх, найти бы мертвого фока, разжиться его повозкой, из тех, что зовут «фокомобилями»!..

— Я одного фока знавал еще до войны, — сказал Стюарт, закуривая сигарету из эрзац-табака. — Гениальный был малый. Все, что захочешь, мог починить.

Безногий солдат уставился на его сигарету, едва не пуская слюну.

— А к югу от Сан-Франциско, — продолжал Стюарт, — сам знаешь, земля плоская, как стол, потому и досталось тем краям здорово. Теперь там сплошные поля. Строиться заново никто не желает, тем более что от тамошних типовых хибар не осталось даже приличных подвалов. Растят там горох, кукурузу, бобы, а я лично еду взглянуть на большую ракету, на днях откопанную одним из фермеров в поле. Для ловушек мистера Харди детали нужны — реле, радиолампы и прочая электроника… Кстати, тебе тоже такая ловушка не помешает, — после недолгой паузы заметил он.

— На что она мне? Я рыбной ловлей живу, а крысы мне ничего плохого не сделали. По-моему, наоборот, симпатичные звери.

— Мне крысы тоже нравятся, — согласился Стюарт, — но нужно же мыслить практически, наперед. В будущее смотреть. Расслабимся, потеряем бдительность, и в один прекрасный день

крысы подомнут под себя всю Америку. Вылавливать и истреблять крыс — особенно самых умных, естественных вожаков — наш долг. Долг перед родной страной.

— Подходец рекламный, — проворчал ветеран, смерив Стюарта недобрым взглядом.

— Я от чистого сердца.

— Вот это в торгашах и есть самое мерзкое: со временем каждый начинает искренне верить в собственную брехню. Ты же прекрасно знаешь, крысы способны разве что стать нам, людям, слугами, и то после миллиона лет эволюции, не раньше. Скажем, письма носить, поручения выполнять простенькие, но чтоб подмять под себя страну… — Сделав паузу, увечный солдат отрицательно покачал головой. — Вот ты ловушки свои почем продаешь за штуку?

— По десять долларов серебром. «Каликами» не беру: мистер Харди человек пожилой, а старики, они — сам знаешь, каковы. Не считает он «калики» за настоящие деньги, и все тут, — со смехом ответил Стюарт.

— Вот я тебе сейчас, — начал было ветеран, — расскажу про крысу, геройский подвиг на моих глазах совершившую…

— Знаешь, не будем спорить, а? — оборвал его

Стюарт. — У тебя свое мнение, у меня — свое. Давай каждый при своем и останемся.

Оба надолго умолкли. Стюарт любовался простиравшимся во все стороны Заливом, ветеран греб. День выдался погожий, солнечный, плот, приплясывая на волнах, шел к Сан-Франциско, и Стюарт задумался о радиодеталях, которые сможет привезти мистеру Харди для фабрики на авеню Сан-Пабло, невдалеке от развалин западного крыла Калифорнийского университета.

— Что у тебя за сигарета такая? — не удержавшись, нарушил молчание ветеран.

— Эта?

Стюарт окинул взглядом окурок, готовясь аккуратно загасить его и спрятать в металлическую коробочку, лежащую на дне кармана. Окурков в коробочке скопилось уже немало: при случае местный табачник, Том Гранди из Южного Беркли, их выпотрошит и набьет содержимым еще десяток-другой сигарет.

— Привозная, — продолжил он, — из округа Марин. Высший сорт, «Золотой Ярлык», особая смесь… — Тут Стюарт для пущего эффекта выдержал паузу. — Да ты, наверное, сам прекрасно знаешь, чья.

— Эндрю Гилла, — подтвердил ветеран. —

Слышь-ка, а давай я целую у тебя куплю? Дайм заплачу.

— Они идут по пятнадцати центов за штуку, — возразил Стюарт. — Везти-то неблизко, сам посчитай: Сирс-Пойнт, Блэк-Пойнт, через всю Лукас-Вэлли… словом, откуда-то из-за Никасио.

— Мне, — вздохнул ветеран, — одну из этих, высшего сорта, «Золотой Ярлык» от Эндрю Гилла, только раз попробовать и довелось. Выпала из кармана у какого-то типа, поднимавшегося на паром, а я выудил из воды и высушил.

Стюарт неожиданно для себя самого вручил ему окурок.

— Вот как? Задаром? — часто заморгав, отведя взгляд в сторону, еще проворнее заработав веслом, откликнулся ветеран.

— У меня еще есть, — заверил его Стюарт.

— Еще, не еще… настоящая человечность — вот что в тебе, мистер, есть, — глухо проговорил ветеран, — а это в наше время штука редкая. Крайне редкая.

Стюарт кивнул. С последним он был совершенно согласен.

Малышка Келлеров, сидевшая на медицинской кушетке, тряслась мелкой дрожью. Осматривая ее худосочное, бледное тельце, доктор Стокстилл

невольно вспомнил шуточную репризу, которую многие годы назад, задолго до начала войны, видел по телевизору. Комик, испанский чревовещатель, с тряпичной куклой, курицей… курица сносит яйцо и с гордостью говорит:

— Сынок мой, — говорит, кивнув на яйцо.

— Точно ли? — сомневается чревовещатель. — Точно не дочка? Ты уверена?

А курица отвечает с достоинством:

— Я свое дело знаю!

«А эта девчонка уж точно дочь Бонни Келлер, — подумал доктор Стокстилл, — но не Джорджа Келлера… я тоже свое дело знаю. С кем же Бонни довелось согрешить семь лет тому назад? Девочка наверняка зачата чуть ли не в самый день начала войны, но до того, как на страну обрушились бомбы, это вполне очевидно. Может, как раз в тот самый день? А что, с Бонни сталось бы выбежать из дому, под свист падающих с неба бомб, под грохот, с которым весь мир рушится в тартарары, в кратковременном пароксизме неистовой страсти отдаться кому-то — первому встречному, возможно, вообще прежде ей незнакомому, и вот, пожалуйста… вот что из этого вышло.»

Девочка улыбнулась доктору, и доктор Стокстилл улыбнулся ребенку в ответ. Внешне Эди

Келлер казалась совершенно здоровой, нормальной девочкой без каких-либо странностей. Проклятие, рентгеновский аппарат бы сюда, поскольку…

— Расскажи-ка о брате подробнее, — попросил доктор Стокстилл.

— Ну, — негромко, с легкой запинкой заговорила Эди Келлер, — я с братиком разговариваю все время, а он иногда отвечает, но куда чаще спит. Почти всегда спит.

— И сейчас тоже?

Девочка на минуту умолкла.

— Нет, — наконец ответила она.

Доктор Стокстилл, поднявшись на ноги, подошел к ней вплотную.

— Будь добра, покажи, где именно он находится.

Девочка указала на собственный левый бок. Нижняя область, район аппендикса… встревоженные болями в этом месте, Бонни с Джорджем и привели дочь к доктору. О братике они знали, однако считали его выдуманным, воображаемым, ведь дети нередко придумывают себе товарищей для игр на собственный вкус. Сам доктор поначалу склонялся к тому же выводу: в карточке Эди никаких братьев не значилось, но

девочка заговорила о братике сама. По словам Эди, Билл, ее ровесник, родился в один день и час с ней, как же иначе?

— Почему «как же иначе»? — полюбопытствовал доктор, отослав родителей в соседнюю комнату — при них девочка держалась замкнуто, откровенничать не спешила — и приступив к осмотру.

— Потому что мы с ним двойняшки, — по-прежнему спокойно, серьезно объяснила она, — иначе как бы он оказался у меня внутри?

Тут-то доктор и вспомнил испанского комика-чревовещателя с курицей: в голосе девочки слышалась та же уверенность, то же достоинство — то же, так сказать, знание дела.

За семь послевоенных лет доктору Стокстиллу довелось осмотреть многие сотни необычных пациентов, повидать множество странных, экзотических вариаций формы жизни под названием «человек», расцветающих пышным цветом под сделавшимся куда более снисходительным — хоть и укрывшим лик дымчатой, мутной вуалью — небом Земли. Казалось бы, поразить доктора уже нечем, но это — девочка с братом, живущим в ее собственном теле, в паховой области!.. Да-да, Билл Келлер преспокойно обитал там уже вось-

мой год: выслушав девочку, доктор Стокстилл поверил ей без оговорок, поскольку сталкивался со схожими случаями не впервые и знал: ничего принципиально невозможного в этом нет. Будь у него рентгеновский аппарат, он смог бы разглядеть крохотную, не больше крольчонка, сморщенную фигурку собственными глазами, но и так ее контуры прощупывались без труда…

Осторожно коснувшись бока девочки, он снова нащупал внутри плотный кистовидный мешочек. Положение головы нормально, тело — и туловище, и конечности — целиком в брюшной полости. Когда-нибудь девочка умрет и, вскрыв ее тело, выполняющие аутопсию обнаружат в животе покойной крохотного сморщенного человечка — возможно, слепого, с седой, будто снег, бородой… брата-близнеца Эди Келлер, по-прежнему не больше новорожденного крольчонка.

Ну а пока Билл в основном спит, однако время от времени ведет с сестрой разговоры. Интересно, что он может сказать? Что знает о мире?

Ответ на этот вопрос у Эди нашелся тоже.

— Да, он, конечно, мало что знает. Ничего не видит, но думать-то может. Я ему рассказываю, что творится вокруг, а он слушает, запоминает.

— И чем же он интересуется? — осведомился

доктор Стокстилл.

— Он… мм… про еду очень любит слушать, — поразмыслив, ответила Эди.

— Про еду?! — в изумлении переспросил Стокстилл.

— Ага. Сам он, ясное дело, не ест, но просит по нескольку раз пересказывать, что у нас было на ужин — ведь та же пища со временем достанется и ему… ну, я так думаю. Ему ведь для жизни пища нужна, верно?

— Нужна, — подтвердил Стокстилл.

— Особенно ему нравится, если мне достается апельсин или яблоко. Еще он истории всякие любит слушать. Например, о разных далеких краях, а больше всего — про Нью-Йорк. Хотелось бы как-нибудь туда его отвезти, чтоб сам посмотрел, каково там… ну, то есть чтоб я посмотрела своими глазами и рассказала ему.

— Надо же! Как ты, однако, о нем заботишься! — умилился Стокстилл, тронутый до глубины души.

Впрочем, девочке эти заботы наверняка казались делом вполне естественным: ведь она прожила так всю жизнь, а другой жизни просто не знала.

— Боюсь я, — внезапно призналась она. — Бо-

юсь, как бы Билли однажды не умер.

— Ну, смерть ему, на мой взгляд, в обозримом будущем не грозит, — заверил ее Стокстилл. — Гораздо вероятнее другое: он может начать расти, и вот тут могут возникнуть трудности. Ему попросту станет тесно в твоем животе.

В огромных темно-карих глазах девочки отразился испуг.

— И тогда он… родится?

— Нет, поскольку, скажем так, неверно для этого расположен, — ответил Стокстилл. — Его придется удалять хирургически, но тогда он не выживет. Жить он способен только как сейчас, у тебя внутри.

«На правах паразита», — мысленно добавил он, но вслух этого, разумеется, не сказал.

— Однако пока об этом тревожиться рано. Возможно, ничего подобного не произойдет вообще.

— Как здорово, что у меня есть братик, — вздохнула Эди. — С ним мне не одиноко. Я его чувствую, даже когда он спит, знаю: он рядом. Будто ребенок, малыш. Конечно, в коляске его по улице не покатаешь, на руках не поносишь, не нарядишь покрасивее, зато разговаривать с ним — одно удовольствие. Знаете, я ведь ему и о Милдред рассказываю!

— О какой Милдред? — не понял Стокстилл.

Девочка, видя такое невежество, заулыбалась.

— Да ведь вы сами знаете! О женщине, которая постоянно возвращается к Филиппу и отравляет ему жизнь. Мы про них каждый вечер в передаче со спутника слушаем.

— А-а, ну да… разумеется.

Речь шла об Уолте Дэнджерфилде, диск-жокее, читающем вслух роман Моэма, проносясь над их головами во время каждого ежесуточного витка.

«Просто мурашки по коже, — подумалось доктору Стокстиллу. — Билл Келлер, паразит, обитающий в теле сестры, в постоянной сырости и темноте, питающийся девчонкиной кровью, каким-то непостижимым образом слушает ее пересказ всемирно известного романа… и приобщается к нашей культуре, на свой карикатурный манер участвует в жизни общества… а что понимает во всей этой истории, известно одному Господу Богу. Какие фантазии о человеческой жизни, какие грезы о нас роятся в его голове?»

Склонившись к девочке, доктор Стокстилл поцеловал ее в лоб.

— О'кей, — сказал он, — можешь идти. С твоим отцом и матерью я еще минутку поговорю, а ты посиди в приемной. Там, на столе, настоящие,

очень старые довоенные журналы есть, можешь почитать.

Как только он распахнул дверь, Келлеры — и Джордж и Бонни — с неподвижными, окаменевшими в гримасах тревоги лицами поднялись на ноги.

— Пройдите ко мне, — велел им Стокстилл и плотно закрыл за обоими дверь кабинета.

Решение он уже принял: правду о дочери… вернее, о сыне им знать ни к чему. Уж лучше пусть остаются в неведении.

Вернувшись с полуострова на Восточное побережье, Стюарт Макконахи обнаружил, что кто-то — наверняка шайка ветеранов войны, живущих под пирсом — зарезал и съел его конька, Эдуарда, Принца Уэльского. К его приезду от бедного животного остались одни только ребра, ноги да голова — груда костей, гроша ломаного не стоящих ни для Стюарта, ни для кого-либо еще. Остановившись над останками коня, Стюарт задумался. Да, недешевая вышла поездка… тем более что прибыл он, как говорится, к шапочному разбору: счастливец-фермер уже успел распродать электронную начинку советской ракеты — по пенни за любую деталь на выбор — без остатка.

Конечно, коня мистер Харди ему предоставит

другого, но к Эдуарду Стюарт успел привязаться… да и вообще считал, что забивать лошадей на мясо — не дело. Лошади для других важных задач нужны: после того как почти все дерево, не сожженное людьми, ютившимися по подвалам, чтобы не замерзнуть зимой, сгорело в топках машин на дровяном ходу, на лошадях держатся все перевозки грузов и пассажиров. Мало этого, лошади — за отсутствием электричества — главный источник энергии — необходимы и для восстановительных работ… одним словом, бессмысленное до идиотизма убийство Эдуарда, Принца Уэльского взбесило Стюарта до глубины души. Уж очень все это походило на главный предмет всеобщих опасений, на откровенное варварство, анархию, и где? Не в какой-то глуши — в деловом центре Окленда, среди бела дня. Казалось бы, не красные китайцы вокруг, а вот, поди ж ты!

Лишившийся лошади Стюарт неторопливо, нога за ногу, поплелся к авеню Сан-Пабло. Солнце постепенно клонилось к роскошному, долгому-долгому закату, за годы, минувшие со дня Бедствия сделавшемуся для всех привычным ежевечерним зрелищем, однако Стюарт его практически не замечал.

«Наверное, надо бы мне сменить ремесло, —

размышлял он. — Ловушки на мелкую дичь — дело хлебное, но тупиковое… деньги деньгами, а расти в этом бизнесе дальше некуда, некуда подниматься».

Изрядно опечаленный потерей коня, Стюарт брел мимо развалин, курганов щебня на месте заводов и фабрик, не сводя глаз с растрескавшегося, поросшего дикой травой тротуара. Какой-то зверек, обитатель норки на краю пустыря проводил его алчным, голодным взглядом. «Должно быть, тварь, висящая на задних лапах, да вдобавок без шерсти», — мрачно предположил Стюарт.

Вся эта разруха, затянутое мутной клубящейся дымкой небо… еще и кровожадный взгляд неведомого создания, явно прикидывающего, по зубам ли ему этакая добыча!

Нагнувшись, Стюарт подхватил осколок бетона и швырнул его в нору — в дыру, окруженную густой, вязкой смесью органики с неорганикой, склеенных воедино какой-то белесой слизью: очевидно, обитатель норы, замешав на ней все, что подвернулось под руку, сумел превратить россыпь мусора вокруг норы в нечто вроде строительного раствора.

«Умный ты, должно быть, зверь, — равнодушно отметил Стюарт, — но я-то тоже эволюцио-

нировал, соображаю намного быстрее, лучше прежнего, и тебе всегда фору дам, так что смирись. Сдайся».

Хотя… эволюционировать-то он эволюционировал, а что толку? Все равно живет нисколько не лучше, чем до этого треклятого Бедствия. Раньше торговал телевизорами, теперь продает электронные крысоловки — какая, по сути, разница? Один черт: выходит, в действительности он катится под гору.

Итак, целый день — псу под хвост. Еще два часа, и снаружи стемнеет, и он отправится к себе, в устланную кошачьими шкурами подвальную комнатушку, снимаемую у мистера Харди за доллар серебром в месяц, спать ляжет… Конечно, можно запалить лампадку-жирник, посидеть малость при свете, почитать книжку или отрывок из книжки — большую часть его библиотеки составляли стопки с мясом вырванных из переплетов страниц, куски книг без начала и без конца. Еще можно нанести визит старикам, мистеру и миссис Харди, послушать в их обществе вечернюю передачу со спутника…

Да, точно! В конце концов, он сам, лично, только позавчера, завернув к передатчику на приливных отмелях Западного Ричмонда, от-

правил Дэнджерфилду радиограмму с заявкой. С просьбой прокрутить «Танцы — шикблеск»[31] — старомодную, всеми любимую, памятную с малолетства. Правда, как знать, найдется ли у Дэнджерфилда в многомильной коллекции пленок и эта песня — вполне возможно, Стюарт ждет зря.

О-о, слышал я новость:

Вечером танцы – шик-блеск!

О-о, слышал я новость!

Вечером танцы – шик-блеск!

Кто тут самый стильный? Известно, я!

Прижмись покрепче, малышка моя… —

замурлыкал он себе под нос на ходу.

Одна из песен прежнего мира, мелодий былых времен…

На глаза навернулись слезы.

«И все это ушло, ушло навсегда, — подумал Стю-

---

[31] Примечания: 31

Персонаж Ф. К. Дика вспоминает песню американского ритм-нблюзового певца и композитора Роя Брауна «*Good Rockin Tonight*», написанную в 1947 г. Предвосхищавшая элементы рок-н-ролла, эта песня вошла в список «Пятисот песен, заложивших основу рок-н-ролла» и неоднократно исполнялась другими музыкантами, в том числе Элвисом Пресли и Полом Маккартни.

арт, — а что у нас есть теперь? Крыса, играющая на носовой флейте! Нет, даже ее уже нет: крысу ведь машиной на днях переехало… да и, зуб даю, крысе так не сыграть, дуди она во флейту хоть миллион лет. Это же, можно сказать, священная музыка. Гимн нашего прошлого. Никакому смышленому зверю, никакому уродцу из этих, новых, в нее попросту не врубиться. Прошлое принадлежит только нам — настоящим, подлинным людям».

Размышляя обо всем этом, он наконец добрался до авеню Сан-Пабло — скопища тесных, убогих хижин, крохотных лавочек, торговавших всем чем угодно, от вешалок для пальто до тюков сена. Вывеска над одной из них, неподалеку, гласила: «ХАРДИ. ГОМЕОСТАТИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ НА МЕЛКУЮ ДИЧЬ». К ней Стюарт и направился.

Услышав шаги, мистер Харди, склонившийся над монтажным столом в задней части лавчонки, поднял взгляд. На столе перед ним, в кругу ослепительно-белого света дуговой лампы, лежали кучками радиодетали, свезенные сюда изо всех уголков Северной Калифорнии. Особенно богаты-

ми уловами радовали развалины Ливермора[32]: благодаря связям на самом верху мистер Харди получил от властей штата разрешение на раскопки в запретных для простых смертных районах.

В прежние времена Дин Харди служил инженером-электротехником на одной из известных радиостанций. Худощавый, спокойный, скромный на вид старик до сих пор не изменял манере носить галстук под свитером с треугольным вырезом — практически музейную редкость по нынешним временам.

— Эти гады из Окленда коня моего сожрали, — сообщил ему Стюарт, усаживаясь напротив.

Из жилых комнат в лавку тут же вышла Элла Харди, супруга хозяина, с кухонным полотенцем в руках.

— Ты что же, оставил коня без присмотра? — спросила она.

— Ага, — признался Стюарт. — Думал, уж в городе-то, посреди Окленда, у причала пассажирского парома, с ним ничего не случится: там и чиновник, который паромом заведует, рядом…

---

[32] Примечания: 32

В городе Ливермор (округ Аламида, штат Калифорния, США) расположена знаменитая Ливерморская национальная лаборатория им. Э. Лоуренса, одна из двух американских исследовательских лабораторий, занимающихся разработкой ядерного оружия.

— Такое случается что ни день, — устало вздохнул Харди. — Вот сволочи, а? Бросил бы уже кто-нибудь цианидовую бомбу под этот пирс: ветеранов там, внизу, развелось — сотни. А что с машиной? Машину, видимо, там же оставить пришлось?

— Ага. Прошу прощения, — пробормотал Стюарт.

— Ладно, вздор это все, — махнул рукой Харди, — кони у нас в лавке возле Оринды еще имеются. Из ракеты что извлечь удалось?

— Ничего. Не свезло мне с ракетой. Все до меня разобрали, кроме вот этого, — ответил Стюарт, предъявив Харди и выложив на монтажный стол пригоршню транзисторов. — Откопавший ракету фермер их проморгал, так что мне они достались задаром. Не знаю, правда, годны ли на что-нибудь… да и вообще маловато для целого дня в разъездах, — мрачно закончил он.

Элла Харди, ни слова не говоря, удалилась в кухню и задернула за собой занавеску.

— Хочешь с нами поужинать? — предложил Харди, погасив лампу и сняв очки.

Стюарт бесцельно прошелся из угла в угол.

— Не знаю даже. Настроение странное. Я нынче, на том берегу Залива, такое видел… слыхал

раньше, да думал, вранье. Зверек летающий, вроде нетопыря, только не из нетопырей. Больше на ласку похож — тощую, головастую, вытянутую в длину. Местные зовут их «томиками» за манеру в окна подглядывать. Говорят, любопытны они, как Любопытный Том из той самой легенды о леди Годиве из Ковентри.

Харди, откинувшись на спинку кресла, распустил галстук.

— Это белки. Мутировавшие белки из парка «Золотые ворота». Когда-то думал я насчет них… их ведь — по крайней мере, в теории — можно к делу пристроить. Выучить письма носить. Летают, или планируют, они почти на целую милю, но слишком дики. Я изловил одну, попробовал выдрессировать, но вскоре бросил эту затею. Вот, видишь шрам на большом пальце? — спросил он, подняв кверху правую руку. — От томика память.

— А тот, с кем я разговаривал, сказал, что на вкус они очень неплохи. Как довоенные куры. В деловом центре Сан-Франциско тамошние старухи торгуют ими с лотков на каждом углу — горячими, с пылу с жару, по квортеру за штуку.

— Не вздумай пробовать, — предостерег его Харди. — Питаются они всякой гадостью. Риск

отравиться велик.

— Знаете, Харди, — неожиданно для себя самого сказал Стюарт, — уехать бы мне отсюда. За город перебраться.

Его наниматель в недоумении поднял брови.

— Житье здесь уж очень звериное. Скотское, — объяснил Стюарт.

— Житье везде одинаково, — пожав плечами, рассудил Харди. — А за городом еще и прокормиться куда труднее.

— А ловушки ваши за городом как покупают?

— Никак, — заверил его Харди. — Вредоносная мелкая живность стекается в города — здесь развалины, здесь ей раздолье, это любому известно. Не дело ты Стюарт, задумал. За городом жизнь монотонна до отвращения — сам не заметишь, как заскучаешь по привычному городскому течению мысли. Там ничего не происходит. Живут, хлеб жуют, сеют, пашут да спутник слушают.

— Однако я бы, пожалуй, отвез партию ловушек куда-нибудь в окрестности Напы и Сономы, — возразил Стюарт. — Возможно, обменял бы на вино… насколько я знаю, виноград там растят до сих пор, как и прежде.

— Да, только прежнего вкуса у него уже нет, — заметил Харди, сокрушенно покачав головой. —

Состав почв сильно изменился, и вино там теперь… жуткая гадость, ей-богу.

— Но люди-то пьют, — не сдавался Стюарт. — Я видел эти вина здесь, в городе, привезенные на старых дровяных грузовиках.

— Нынче люди готовы пить все, что под руку подвернется, — задумчиво подняв взгляд к потолку, вздохнул Харди. — Знаешь, у кого настоящая выпивка есть? Действительно настоящая: попробуешь — ни за что не поймешь, нынешней она выгонки или довоенная, из-под развалин.

— В Области Залива — ни у кого.

— У Эндрю Гилла, табачника. Только он ею почти не торгует. Я видел однажды бутылочку его бренди, пятую часть галлона. И отведал из нее всего стопочку… — Криво улыбнувшись, Харди причмокнул губами. — Ручаюсь, тебе бы понравилось.

— И сколько он за бутылку просит?

— Больше, чем у тебя имеется за душой.

«Интересно, что же он за человек, каков собой этот Эндрю Гилл, — подумал Стюарт. — Огромный, наверное, великанского роста, бородатый, в жилетке… при трости с серебряным набалдашником, волосы вьются, в глазу монокль из самой Англии… да, представляю себе!»

Заметив выражение его лица, Харди слегка подался вперед.

— А хочешь, скажу, что у него еще имеется на продажу? Фото с девицами. С девицами в этаких, понимаешь ли, весьма эстетических позах.

— Да ну? — окончательно сраженный, выдохнул Стюарт. Такого он не смог бы вообразить даже в самых смелых фантазиях. — Не верю! Не может быть!

— Ей-богу. Подлинные довоенные календари с девицами, начиная аж с тысяча девятьсот пятидесятого. Стоят, конечно, целое состояние. Я слышал, календарь из «Плейбоя» на шестьдесят третий год ушел за тысячу долларов серебром…

Охваченный внезапной грустью Харди умолк, устремил взгляд вдаль.

— У нас, в «Продаже и Ремонте Новейших Телевизоров», где я работал, когда с неба посыпались бомбы, внизу, у ремонтников, календарей с девицами имелась целая куча. Сгорели, естественно, все без остатка, — заметил Стюарт, хотя гибели календарей сам, конечно, не видел, а просто так полагал. Мысли его понеслись вскачь, закружились в голове вихрем. — Подумать только… что, если кто-нибудь жутко везучий, роясь в развалинах, наткнется на целый склад, битком

набитый такими календарями? Сколько он за них выручит? Миллионы! На недвижимость, скажем, обменяет… целый округ в собственность сможет приобрести!

— Точно, — кивнув, согласился Харди.

— Одним словом, разбогатеет на всю оставшуюся жизнь. В Восточном полушарии, в Токио, вроде бы печатают понемногу что-то похожее, но их поделки никуда не годятся.

— Да, я видел, — поддержал его Харди. — Грубая работа. Убожество. Искусство создания подобных вещей забылось, кануло в Лету, погибло… и может быть, безвозвратно.

— По-моему, одна из причин его гибели в том, что на свете не осталось девчонок, похожих на тех, прежних, — рассудил Стюарт. — Нынешние сплошь тощи, как щепки, беззубы… а если у девчонки в зубах прорехи и шрамы от радиационных ожогов по всему телу, куда ж ей сниматься для календарей?

— Судя по рассказам тех, кто прибывает к нам морем, на кораблях, подходящие девчонки где-то имеются, — со знанием дела возразил Харди, — только не знаю, где. Может, в Швеции, или в Норвегии, или в каких-нибудь вовсе экзотических краях вроде Соломоновых островов… однако

там, где бомбили — в Соединенных Штатах, в Европе, в России или в Китае — таких не осталось, тут я с тобой соглашусь.

— А что, если отыскать их и к делу пристроить? — оживился Стюарт.

— Так ведь пленки нет, — поразмыслив немного, откликнулся Харди. — И химикатов для ее обработки. И приличные камеры большей частью погибли либо утеряны. И печатать календари достойными тиражами не на чем, а если даже напечатаешь…

— И все-таки, если кому-нибудь удастся найти девчонку с чистой, без шрамов, кожей и с целыми зубами, как в довоенные времена…

Но Харди оборвал его прожектерские излияния взмахом руки.

— Я тебе вот что скажу, — задумчиво глядя на Стюарта, заговорил он. — Не раз и не два над этим думал. Хочешь верное дело — займись иголками для швейных машинок. Нарасхват пойдут, сколько ни запроси.

Стюарт, отмахнувшись, вскочил на ноги, зашагал из угла в угол.

— Ну нет, хватит, — горячо зачастил он. — Мне большие дела нужны, а с торговлей возиться я больше не хочу. Торговлей я сыт по горло. Торго-

вал алюминиевыми кастрюлями и сковородами, а потом энциклопедиями, затем телевизорами, а теперь продаю эти ловушки для мелких вредителей… Ловушки, конечно, надежные, пользы людям приносят немало, но… понимаете, не лежит у меня к ним душа! Вы, мистер Харди, не обижайтесь: мне расти хочется. Нужно расти. Человек — он либо растет, либо застревает на месте, а без развития чахнет, катится под гору. Война отшвырнула меня — всех нас — на многие годы назад. Сейчас я в положении десятилетней давности, и… оно меня не устраивает.

— И что же именно у тебя на уме? — пробормотал Харди, почесав кончик носа.

— К примеру, отыскать мутировавшую картошку и накормить весь мир.

— Всего одной картошкой?

— Я разновидность картошки имел в виду. Возможно, мне удастся стать растениеводом-селекционером, вроде Лютера Бербанка[33]. В нашей стране наверняка найдется уйма растений-уродцев, мутировавших в той же степени,

[33] Примечания: 33

Лютер Бербанк — американский селекционер и садовод XIX–XX вв., создатель ряда новых фруктовых и овощных культур, востребованных сельским хозяйством, в частности бескосточковой сливы и сорта картофеля «бербанк».

что и уродцы-животные, и чудные люди-мутанты здесь, в городе.

— Возможно, тебе даже посчастливится открыть разумную фасоль, — хмыкнул Харди.

— Я на этот счет не шучу, — негромко откликнулся Стюарт.

Оба умолкли, не сводя друг с друга глаз.

— Изготовление гомеостатических ловушек на мелкую дичь, уничтожающих мутировавших крыс, собак и кошек, — тоже труд на благо всего человечества, — нарушив молчание, заметил Харди. — По-моему, ты скатываешься в детский максимализм. Возможно, конь, съеденный нищими, пока ты отлучался в южную часть Сан-Франциско…

— Ужин готов, — объявила, войдя в лавку, Элла Харди, — и мне хотелось бы накрыть на стол, пока он не остыл. Сегодня у нас печеная голова трески с рисом, а чтобы раздобыть эту голову, мне пришлось три часа отстоять в очереди у Восточной Прибрежной автострады.

Стюарт с мистером Харди поднялись на ноги.

— Поешь с нами? — предложил мистер Харди.

При одной мысли о печеной голове трески рот Стюарта наполнился слюной. Не в силах отказаться, он согласно кивнул и двинулся следом за

миссис Харди на кухню.

О том, что Уолт Дэнджерфилд нездоров и нередко теряет сознание, было известно каждому. Когда в передачах со спутника случались перебои, жителей Уэст-Марин, имитируя Дэнджерфилда, развлекал мастер на все руки, фокомелик по имени Хоппи Харрингтон. Тем вечером, посреди имитации, Хоппи, подняв взгляд, заметил Келлеров с дочкой, вошедших в «Форестерс-холл» и усевшихся в заднем ряду.

«Самое время», — удовлетворенно подумал он, радуясь прибавлению публики, однако под пристальным, пронизывающим насквозь взглядом девчонки почему-то занервничал. Смотрела она так, что Хоппи невольно умолк и в зале сделалось тихо.

— Продолжай, Хоппи! — крикнул со своего места Кас Стоун.

— Давай ту, про «Кул-Эйд»! — подхватила миссис Толлмен. — Спой песенку, что пели близняшки Кул-Эйд, помнишь?

— «Кул-Эйд», «Кул-Эйд», хлебнуть бы поскорей, — запел Хоппи, однако под взглядом девчонки осекся снова. — Кажется, на сегодня хватит, — негромко пояснил он.

Зал вновь погрузился в мертвую тишину.

— Мой братик, — подала голос дочурка Келлеров, — говорит, что мистер Дэнджерфилд где-то здесь.

Хоппи расхохотался.

— Так и есть! — воодушевленно подтвердил он.

— А книгу он уже читал? — спросила Эди Келлер. — Или ему сегодня так худо, что не до чтения?

— О да, чтение идет своим чередом, — откликнулся Эрл Колвиг, — но мы его не слушаем. Надоел нам этот вечно хворающий старик Уолт… уж лучше послушать Хоппи да полюбоваться на его выходки. Он сегодня столько забавного показал! Верно я говорю, Хоппи?

— Покажи девочке, как ты монетку издали двигал, — предложила Джун Рауб. — По-моему, ей понравится.

— Точно, повтори этот фокус еще разок! — поддержал ее местный фармацевт. — Здорово вышло! Уверен, мы все с удовольствием снова посмотрим!

Охваченный нетерпением, он, позабыв о сидящих сзади, поднялся на ноги, чтоб лучше видеть сцену.

— Мой братик хочет послушать книжку, —

негромко сказала Эди. — Ради книжки сюда и пришел.

— Помолчи, — цыкнула на нее мать, Бонни.

«Братик… да ведь у нее нет никакого братика», — вспомнил Хоппи и рассмеялся во весь голос.

С полдюжины зрителей тоже расплылись в улыбках.

— Стало быть, братик? — заговорил он, направив фокомобиль в сторону девочки. — Что ж, почитать я могу. Могу стать хоть Филипом, хоть Милдред, хоть кем угодно, сколько их ни есть в этой книжке. Самим Дэнджерфилдом могу стать… и, бывает, действительно становлюсь. Вот как сегодня — потому твой братик и думает, будто Дэнджерфилд где-то здесь, в зале, ан нет, это всего лишь я! Верно я говорю, ребята? — воззвал Хоппи к публике, оглядев зал. — Это ведь всего лишь я?

— Верно, Хоппи, верно, — подтвердил Орсон Страуд.

Остальные согласно закивали.

— А у тебя ведь нет братьев, Эди, — продолжил Хоппи, вновь повернувшись к девочке и безудержно рассмеявшись. — Почему это ты уверяешь, будто твой брат хочет послушать книжку, когда у тебя нет братьев, а? Могу я взглянуть

на него? Словечком с ним перекинуться? Пусть скажет мне что-нибудь, и я его… я его тоже смогу сымитировать, — выдавил фокомелик сквозь смех.

— Да уж, имитация выйдет что надо, — хмыкнул Кас Стоун.

— Я бы тоже послушал, — поддержал его Эрл Колвиг.

— Так я сделаю, сделаю, пускай он только голос подаст, — заверил их Хоппи, развалившись в самой середке мобиля, и смерил девочку вопросительным, выжидающим взглядом. — Ну, Эди? Я жду!

— А ну, хватит, — вмешалась Бонни Келлер. Щеки ее раскраснелись от злости. — Отвяжись от моей дочери!

Лицо Эди сделалось мрачным под стать материнскому.

— Наклонитесь поближе, — кивнув Хоппи, велела она. — Поближе ко мне… тогда и услышите.

Хоппи, подавшись к девочке, шутовски склонил голову на сторону.

— Каким образом ты починил тот автомат для смены пластинок? — раздалось в его голове, будто говорящий — полноправная часть его собственного внутреннего мира. — Нет, кроме

шуток, каким?

Охваченный ужасом, Хоппи пронзительно завизжал.

Все вокруг побледнели, повскакали с мест, подобрались, уставились на него во все глаза.

— Я слышал голос Джима Фергюссона, — пролепетал Хоппи. — Джима Фергюссона, у которого когда-то работал. Давным-давно умершего…

Эди Келлер смерила фокомелика безмятежным взглядом.

— Хотите, братик вам еще что-нибудь скажет? Скажи ему еще пару слов, Билл: хочет — пускай послушает.

— Ты его словно бы не починил — вылечил, — продолжил голос в голове Хоппи. — Словно бы вместо того, чтоб заменить лопнувшую пружину…

Не помня себя от страха, Хоппи сорвался с места, направил мобиль вдоль прохода, отъехал к дальней стене зала, как можно дальше от девчонки Келлеров, и замер, не сводя с нее глаз. Дыхание сбилось, сердце стучало, будто вот-вот вырвется из груди… а девчонка взирала на него — молча, спокойно, как ни в чем не бывало.

— Ага, испугались? — не пряча насмешливой, недоброй улыбки, спросила она. — А нечего было

дразниться. Билл разозлился, обиделся за меня, вот и решил наказать вас.

— Что стряслось, Хоп? — спросил, подойдя к Хоппи, Джордж Келлер.

— Ничего, — коротко, резко ответил Хоппи. — Пожалуй, послушаем-ка лучше книжку.

Отправив в полет автономный протез руки, он дотянулся до радио и прибавил громкость.

«Слушайте на здоровье, — подумал он. — И ты, и братец твой… слушайте, что хотите. Хоть Дэнджерфилдовы чтения, хоть черта с дьяволом. Сколько ж ты там просидел, а? Всего семь лет? А такое чувство, будто целую вечность. Будто существуешь с… с начала времен».

Казалось, с ним говорила некая ужасающе древняя, сморщенная, мертвенно-бледная тварь. Небольшая, твердая, парящая во мраке… губ не видать за густыми, длинными прядями иссохших, невесомых, точно пух, волос…

«Голову наотрез даю, это Фергюссон, — думал Хоппи. — Нутром чую: он самый… внутри, в теле девчонки Келлеров».

А если он… что, если он и наружу способен выбраться?

— Что ты сказал такого? Чем его так перепугал? — спросила Эди братишку. — Испугался он

здорово!

— Стал кое-кем из его давних-давних знакомцев, — откликнулся привычный голос из ее живота. — Кое-кем, умершим многие годы назад.

— А еще с ним проделаешь что-нибудь этакое? — предвкушая веселье, оживилась Эди.

— Если рассержусь на него, проделаю обязательно, — заверил ее Билл. — Я же много, много чего могу.

— А как ты об этом его умершем знакомце узнал?

— Известно, как. Я ведь сам тоже мертв, — хмыкнув, пояснил Билл и слегка встрепенулся в ее животе.

— Ничего подобного, — не на шутку испуганная, возразила Эди, — ты такой же живой, как и я. Не смей больше так говорить!

— Шучу я, прости. Прости, — извинился Билл. — Эх, жаль, я лица его сам не мог видеть… расскажи, как он выглядел?

— Ужасно, — ответила Эди. — Затрясся весь, глаза выпучил, будто лягушка.

— Вот выбраться бы мне наружу, — печально вздохнул Билл, — родиться на свет, как все остальные… Может, я хоть когда-нибудь, позже родиться смогу, а?

— Доктор Стокстилл сказал, не сможешь.

— Хм… а не заставить ли этого доктора Стокстилла меня вытащить? Мне ведь нетрудно, если захочется.

— Врешь ты все, — проворчала Эди. — Ничего ты такого не можешь. Можешь только спать, разговаривать с мертвыми да притворяться кем-нибудь, вот как сегодня. Не очень-то это много, по-моему.

Ответа из живота не последовало.

— Посмей только сделать какую-нибудь гадость, — продолжила девочка. — Я тогда проглочу какую-нибудь отраву, и ты от нее помрешь, так что смотри у меня, понятно?

Все сильнее и сильнее боясь брата, она говорила сама с собой — хотя бы затем, чтобы набраться храбрости.

«А может, и хорошо, если б ты помер, — подумалось ей. — Вот только тогда мне все равно придется таскать тебя в животе, а это… не очень приятно. Нет, этого мне не хотелось бы».

Представив себе такое, Эди невольно вздрогнула.

— Ты за меня не волнуйся, — внезапно заговорил Билл. — Я много чего знаю и, если что, сам о себе позабочусь. И тебя защитить сумею.

И вообще радуйся, что у тебя есть я: я ведь могу поглядеть на любого из умерших, как на того человека, которого имитировал. Умерших уйма, триллионы и триллионы, и все они такие разные… Во сне я слышу их бормотание. Они по-прежнему тут, рядом…

— Где «тут»? — удивилась Эди.

— Внизу, под ногами. В земле, — объяснил Билл.

— Бр-р-р!

— Да-да, так и есть. Когда-нибудь и мы с тобой окажемся там же. И мама с папой, и все остальные, вот увидишь.

— Не хочу я на это смотреть, — отрезала Эди. — Все, помолчи, пожалуйста. Дай книжку послушать.

Оторвав взгляд от рабочего стола, Эндрю Гилл, как обычно, занятый скручиванием сигарет, увидел у входной двери Хоппи Харрингтона — которого, честно говоря, недолюбливал, явившегося на фабрику в сопровождении незнакомого человека. Немедленно охваченный безотчетной тревогой, Гилл отодвинул в сторону стопку папиросной бумаги и поднялся на ноги. Остальные крутильщики, наемные рабочие, сидевшие рядом, за длинным столом, продолжили труд как

ни в чем не бывало.

В общем счете на Гилла работало восемь человек — и это только в табачном цеху. Перегонный цех, где делался бренди, обслуживала еще дюжина. Эндрю Гилл, владелец крупнейшего коммерческого предприятия в Уэст-Марин, торговал продукцией собственного производства по всей Северной Калифорнии и не только: его сигареты знали и охотно покупали даже на Восточном побережье.

— Да? — бросил он Хоппи, остановившись перед коляской фока и преградив ему путь.

— В-вот этот человек, м-мистер Гилл, — запинаясь, забормотал Хоппи, — приехал из Окленда, хочет с вами увидеться. Крупный бизнесмен, по важному, говорит, делу… так ведь? — переспросил фок, оглянувшись на спутника. — Так ты мне сказал, Стюарт?

— Я, — заговорил незнакомец, протянув Гиллу руку, — представляю корпорацию «Харди, Гомеостатические Ловушки на Мелкую Дичь», Беркли, штат Калифорния, а прибыл, чтобы ознакомить вас с потрясающим предложением — с возможностью не более чем за шесть месяцев утроить ваши прибыли.

В глазах незнакомца заплясали искорки… а

Гилл едва сумел сдержать рвущийся наружу хохот.

— Так-так, — кивнув, откликнулся он, — любопытно, весьма любопытно, мистер?..

Умолкнув, он вопросительно взглянул на фока.

— М-мистер Стюарт Макконахи, — пролепетал фокомелик. — Я знал его еще до войны, с тех пор с ним не виделся, а теперь он, как и я в свое время, перекочевал сюда.

— Мой наниматель, мистер Харди, — объявил Стюарт Макконахи, — уполномочил меня описать вам во всех подробностях конструкцию полностью автоматизированного станка для изготовления сигарет. Нам, «Гомеостатическим Ловушкам Харди», прекрасно известно, что в данный момент вы скручиваете сигареты на старый добрый манер, вручную, — заметил он, кивнув в сторону рабочих за длинным столом, — но этот метод, мистер Гилл, уже век как отжил свое. Разрабатывая «Золотой Ярлык» высшего сорта, вы добились непревзойденного качества…

— И не намерен понижать планку, — негромко предупредил Гилл.

— Нет-нет, — заверил его Стюарт Макконахи, — наше автоматическое электронное оборудование никоим образом не вынудит вас жертвовать

качеством ради количества. Напротив…

— Постойте, — оборвал его Гилл. — Мне не хотелось бы обсуждать подобные вещи сейчас.

С этими словами он бросил многозначительный взгляд на фока, подъехавшего к ним вплотную и внимавшего каждому слову. Тот, покраснев, как рак, направил мобиль к выходу.

— Пойду, — насупившись, заявил Хоппи. — Меня все это нисколько не интересует. Желаю здравствовать.

Подкатив к двери, он выехал на улицу. Стюарт Макконахи с Гиллом провожали его взглядами, пока мобиль с фоком внутри не скрылся из виду.

— Наш местный мастер, — прокомментировал Гилл. — Чинит — или, вернее выразиться, исцеляет — все, что сломалось. Чудо природы — Хоппи Харрингтон, человек без рук, однако мастер на все руки…

Стюарт Макконахи обошел помещение цеха, оглядывая фабрику и крутильщиков за работой.

— Прекрасное у вас предприятие, Гилл, — сказал он. — Сразу хотел бы отметить, как высоко ценю вашу продукцию. В своей области ей нет равных.

«А ведь я не слышал подобных разговоров вот уже семь с лишним лет», — вдруг осознал Гилл.

Трудно было поверить, что такие вещи до сих пор существуют — ведь в мире столь многое изменилось… но вот, поди ж ты, этот Макконахи сохранил кое-что в нетронутом, прежнем виде! На сердце вмиг потеплело: традиционная коммивояжерская болтовня напомнила о былых, куда более радостных, временах и заставила Гилла невольно проникнуться к гостю дружескими чувствами.

Быть может, мир действительно начинает понемногу обретать прежний облик, возвращаться к старинной учтивости, к обычаям и предрассудкам прошлого — ко всему, некогда вложенному в него, чтобы придать ему тот, довоенный вид?

— Благодарю вас, — абсолютно искренне ответил Гилл. — Как насчет чашечки кофе? Устрою перерыв на десять минут, и вы сможете рассказать подробнее об этом вашем полностью автоматизированном станке.

Лучащийся учтивостью и оптимизмом Макконахи на миг переменился в лице, уставился на Гилла, едва не пустив слюну.

— Настоящего кофе? — выдохнул он.

— К сожалению, нет, имитации, — признался Гилл, — но имитации недурной. Куда лучше того, что подают у вас, в столице, содержатели

так называемых «уличных кофеен». Думаю, вам понравится.

С этими словами он отошел набрать в чайник воды.

— Приезд сюда — моя давняя мечта, и вот она наконец сбылась, — сказал ему вслед Маккона-хи. — Добирался неделю, а думал об этом с тех самых пор, как впервые попробовал «Золотой Ярлык» высшего сорта. У вас здесь… — Тут он запнулся, задумался в поисках подходящего выражения, прошелся по цеху, сунув руки в карманы. — У вас здесь — можно сказать, островок цивилизации в бескрайнем болоте варварства. И жизнь с виду намного спокойнее. В столице, если оставишь коня без присмотра… да-да, сам я не так давно отправился на тот берег Залива, а коня оставил у оклендского пирса, и что же? Вернулся, гляжу — сожрали коня, одни кости оставили. После таких вот случаев и проникаешься отвращением к большим городам, желанием уехать куда-нибудь, где поспокойнее.

— Понимаю, понимаю, — кивнув, согласился Гилл. — Большие города — все равно что джунгли: слишком уж много там бездомных и неимущих.

— А ведь я коня того вправду любил, — погрустнев, признался Стюарт Макконахи.

— Ну, за городом гибель животных — дело житейское, — заметил Гилл. — Когда с неба посыпались бомбы, скота — тех же овец с коровами — здесь полегло тысячи. Страшная была бойня… хотя с человеческими потерями там, откуда вы прибыли, этого, конечно, не сравнить. Думаю, человеческих страданий вы со Дня Б повидали немало.

— Еще бы, — кивнул Макконахи. — И смертей, и мутаций. Сколько людей, сколько животных война изуродовала самым причудливым образом… наподобие моего старого приятеля, Хоппи Харрингтона, хотя он-то таким родился еще до войны. В «Продаже и Ремонте Новейших Телевизоров», где мы оба работали, обычно говорили, что Хоппи — жертва того самого лекарства, талидомида[34].

— А что за ловушки на вредоносную живность выпускает ваша компания? — полюбопытство-

---

[34] Примечания: 34

Талидомид — седативный лекарственный препарат, разработанный в 1950-х гг. и некоторое время широко рекламировавшийся как совершенно безопасное для беременных женщин средство от токсикоза и предродовых беспокойств. В общей сложности талидомид продавался в 46 странах под 37 разными названиями, в составе лекарств от мигрени, повышенного давления, астмы и пр. Результатом стала так называемая «талидомидная катастрофа»: с 1956 по 1962 г. в ряде стран мира родилось от 8000 до 12 000 детей с врожденными уродствами (в том числе — фокомелией), обусловленными тем, что во время беременности их матери принимали талидомид.

вал Гилл.

— Нового, активного типа. Гомеостатическая, то есть самоуправляемая, такая ловушка сама разыскивает, к примеру, крысу, или кошку, или собаку в лабиринтах нор — под Беркли и Оклендом их теперь многие мили… преследует одного вредителя за другим, расправляется с очередным и переключается на следующего, пока у нее не иссякнет запас энергии либо какая-нибудь особо смышленая тварь не ухитрится случайно вывести ее из строя. Некоторые из крыс настолько смекалисты, что понимают, как обмануть, обезвредить Гомеостатическую Крысоловку Харди, однако встречаются такие нечасто.

— Впечатляюще, — задумчиво пробормотал Гилл.

— Ну а что касается предлагаемого нами станка для производства сигарет…

— Друг мой, — перебил гостя Гилл, — скажу прямо: вы мне весьма симпатичны, но… тут возникает проблема. У меня просто нет денег на покупку вашего станка, и предложить для обмена мне вам нечего. И брать в дело партнерами я никого не намерен тоже. Что остается? Работать по-прежнему… по старинке, — с улыбкой подытожил он.

— Постойте, — энергично, с жаром возразил Макконахи, — думаю, выход мы с вами найдем. Что вы, к примеру, скажете о долгосрочном кредите? Автоматический сигаретный станок Харди в обмен на еженедельные поставки партий объемом в икс сигарет — разумеется, «Золотого Ярлыка» высшего сорта — в течение определенного срока? Кроме того, корпорация «Харди» может стать единственным официальным распространителем вашей продукции, представлять вас повсюду, развернуть сеть торговых точек по всей Калифорнии! Что вы об этом скажете?

— Согласен, предложение интересное. Признаться, сбыт — действительно не моя стихия… Который год уже думаю: надо бы, надо бы, без разветвленной сети никуда, тем более что производство в глубинке. Подумывал даже, не перебраться ли назад, в столицу, но очень уж обстановка там скверная — повальное воровство, вандализм… да и не хочется мне, если честно, в большой город. Мой дом здесь…

Не говоря уж о Бонни Келлер: на самом деле Гилл оставался в Уэст-Марин главным образом из-за нее. Их отношения завершились многие годы назад, однако сейчас он любил ее сильнее прежнего, смотрел со стороны, как она меняет

мужчин, разочаровывается в очередном, переходит к другому, и в глубине души верил: однажды Бонни вернется к нему. Вдобавок Бонни — мать его дочери… уж ему-то известно, прекрасно известно, кто отец Эди!

— Поскольку вы к нам прямиком из столицы, — сказал он вслух, — спрошу-ка вот о чем… что интересного происходит в стране да и в мире вообще? До нас новости доходят небыстро. Спутник, конечно, ловим, но мне, положа руку на сердце, так надоела музыка пополам с болтовней дискжокея! А уж эти бесконечные чтения…

Оба расхохотались.

— Да, понимаю вас, — отхлебнув кофе, кивнул Макконахи. — Ну что ж, насколько мне известно, где-то неподалеку от развалин Детройта предпринята новая попытка изготовить автомобиль. Сделан он в основном из фанеры, но ездит на керосине.

— Даже не представляю себе, где они собираются брать керосин, — заметил Гилл. — Прежде чем строить автомобили, неплохо бы запустить хоть парочку установок для перегонки нефти. И починить хоть парочку важнейших дорог.

— О, кстати! До конца этого года правительство планирует открыть движение по Сороковой трас-

се, через Скалистые горы. Впервые после войны.

— Великолепная новость! — обрадовался Гилл. — Вот этого я не знал.

— А телефонная компания…

— Подождите, — перебил гостя Гилл, поднимаясь из-за стола. — Как насчет чуточки бренди в кофе? Когда вам в последний раз доводилось пить кофе с ромом или бренди?

— Годы тому назад, — признался Стюарт Макконахи.

— Так вот, отведайте. Собственная марка, «Гилл», пять звезд. Из долины Сонома.

С этими словами он щедро сдобрил кофе Макконахи содержимым темной пузатой бутылки.

— И кажется, у меня есть для вас еще кое-что интересное.

Сунув руку в карман пальто, Макконахи вытащил из него нечто плоское, сложенное пополам. Развернутый предмет, к немалому удивлению Гилла, оказался… конвертом.

— Почтовое сообщение? Письмо из Нью-Йорка?

— Именно, — подтвердил Макконахи. — Получено моим боссом, мистером Харди. Добралось к нам с самого Восточного побережья всего за четыре недели, а организовали доставку военные,

правительство из Шайенна. Где дирижаблем, где на грузовиках, где на лошади… ну а напоследок — пешком.

— Боже правый, — выдохнул Гилл и сдобрил толикой пятизвездного «Гилла» собственный кофе.

Учуяв поблизости какую-то мелкую ползучую тварь — то ли слизня, то ли улитку, Билл Келлер тут же нырнул в ее тельце… и просчитался: тварь оказалась незрячей. Да, наружу он выбрался, однако ни видеть, ни слышать не мог. Мог только двигаться.

— Пусти обратно! — охваченный паникой, окликнул он сестру. — Гляди, что ты наделала! Не туда меня пересадила!

«И наверняка нарочно», — подумал он про себя и двинулся вперед.

В поисках Эди он полз дальше и дальше.

«Вот потянуться бы… потянуться бы вверх, — размышлял он, однако тянуться кверху ему, за полным отсутствием конечностей, было нечем. — Кто я теперь, после того, как оказался снаружи? — гадал он, тщетно стараясь подняться повыше. — Как там называются эти сияющие штуковинки там, наверху… крохотные огоньки в небе? Смогу ли я увидеть их, если у меня нет глаз? Наверное, нет, не смогу».

Так он и полз, то выгибаясь вверх, приподнимаясь как можно выше, то распрямляясь и оседая книзу, полз, полз… ничего большего жизнь после рождения, жизнь во внешнем мире, ему не принесла.

Тем временем Уолт Дэнджерфилд несся по небу в кабине спутника — несся, хотя на самом деле неподвижно сидел за столом, подпирая ладонями голову. Боль внутри разрасталась, крепла, поглощая его, до тех пор пока в его жизни, как и много, много раз прежде, не осталось ничего, кроме боли.

«Сколько же я еще протяну? — мысленно спрашивал он. — Сколько еще проживу?»

Увы, ответить на этот вопрос было некому.

Охваченная сладкой дрожью восторга, Эди Келлер взирала на дождевого червя, неторопливо ползущего по земле у ее ног. Брат в нем, внутри, это она знала точно.

Знала точно, так как в ее животе теперь обреталось сознание червяка.

— Бу-у-ум, бу-у-ум, бу-у-ум, — монотонно бубнил червяк в такт своим примитивным, невзрачным биологическим процессам.

— А ну, прочь из меня, червячишка! — захихикала Эди.

Что, интересно, червяк думает о новой жизни? Наверное, ошеломлен не меньше Билла…

«Однако за ним приглядывать нужно, — сообразила она, вспомнив про брата в теле ползучей твари, извивающейся на земле, — не то уползет, потеряется».

— Билл, а Билл, — сказала девочка, нагнувшись над червяком, — знаешь, какой ты чудной? Розовый, длинный. Чувствуешь?

«Надо было его в тело другого человека пересадить, — подумалось ей. — Как же я не подумала? Тогда все стало бы как положено, у меня появился бы настоящий братик, не внутри, а снаружи, и я бы играть с ним могла».

С другой стороны, тогда в ее животе поселится новый, чужой человек, а такое, наверное, не слишком приятно.

«Кто же подойдет? — призадумалась Эди. — Один из мальчишек, школьных знакомых? А может, взрослый? Скажем, мистер Барнс, наш учитель. Или, к примеру…»

Хоппи Харрингтон. Тем более что Билла он боится до смерти.

— Билл, — заговорила она, опустившись на колени, подобрав дождевого червя, зажав его в кулаке, а кулак приложив к боку, к твердому комку

в животе, — погоди, послушай, что я придумала. Полезай поскорее обратно. Быть червяком тебе все равно не понравится: веселого в этом мало.

— Ты… ты… ненавижу! — вновь зазвучал в голове голос брата. — Никогда не прощу! Посадила в слепую тварь без рук и без ног!.. Что я такой могу? Только ползти, сам не зная куда!

— Да, вижу, — откликнулась Эди, раскачиваясь из стороны в сторону, по-прежнему сжимая в горсти сделавшегося ненужным червя. — Послушай, Билл… ты про мой план слышал? Хочешь, мы с тобой так и сделаем? Давай я подберусь к Хоппи Харрингтону поближе, и… Будут у тебя и глаза, и уши, станешь совсем настоящим, как остальные, как все, кто снаружи!

— Страшновато…

— А я хочу! — не прекращая покачиваться, отрезала Эди. — Идем, Билл. Идем, добудем тебе глаза и уши. Немедленно!

Билл не ответил ни слова, устремившись мыслями прочь от нее и ее мира, в края, куда не дотянуться никому, кроме него одного. Ушел болтать с этими вшивыми, мерзкими древними мертвецами. С какашками окаменелыми, безжизненными, скучными, не знающими ни игр, ни веселья.

«Не поможет, Билл, не поможет, — подумала Эди. — Я уже все решила».

Нащупывая ногами тропинку, ведущую к подножию холма, Эди Келлер в ночном халатике, в тапочках, семенила вниз сквозь ночную тьму, спешила к дому Хоппи Харрингтона как только могла.

— Хочешь, чтоб вышло по-твоему, поторопись! — кричал Билл в ее животе. — Он уже знает о нас… умершие… умершие так говорят! Предупреждают: нам обоим грозит опасность. Только бы поскорей подобраться поближе, а там я притворюсь кем-нибудь из мертвых и опять страху на него нагоню. Мертвых он боится до дрожи в коленках, для него умершие — все равно что отцы, целая уйма отцов, и…

— Помолчи, — оборвала его Эди. — Дай подумать.

Заплутав в темноте, она потеряла тропинку, тянувшуюся сквозь дубовый лесок на склоне, остановилась, перевела дух, огляделась. Как назло, мутноватый, тусклый свет ущербной луны сориентироваться не помогал.

«Кажется, тут налево, — подумала она. — Налево и вниз. Только бы не упасть… шум и треск Хоппи услышит точно. Слух у него — о-го-го, даже

шепот вдали услышит».

Сдерживая дыхание, Эди осторожно, шаг за шажком, двинулась дальше.

— Я замечательную имитацию ему приготовил, — забормотал никак не желавший заткнуться Билл. — Как только окажусь рядом, поменяюсь местами кое с кем из умерших… тебе не понравится — жутковатое чувство, мерзкое, но это всего на пару минут, а зато мертвецы сами с ним поговорить смогут, прямо из твоего живота. Как тебе…

— Заткнись, — в отчаянии цыкнула на него Эди. Дом Хоппи был уже совсем рядом, внизу виднелись огни. — Заткнись же, прошу тебя, Билл!

— Но объяснить-то нужно, — не унимался Билл. — Когда я…

И тут его голос умолк. Умолк… а в животе сделалось непривычно пусто.

— Билл? — прошептала Эди.

Билл не откликнулся, однако прямо перед ней, в скудном свете луны, закачалось нечто невиданное, небывалое — округлая, окостенелая голова величиною с бейсбольный мячик. Взмыв кверху, голова заплясала в воздухе, затрясла длинными белесыми космами, развевавшимися позади, точно конский хвост, повисла вровень

с лицом. Крохотные незрячие глазки, зияющий рот… Пронзительно пискнув, высвобожденная из тела Эди голова на микроскопическом тельце вновь плавно устремилась вверх, набрала высоту, миновала верхушки деревьев, вырвалась на простор непривычной, до сих пор неизведанной воздушной стихии.

— Эх, Билл, — вздохнула девочка. — Вот Хоппи и вытащил тебя наружу… вынул из моего живота.

«А теперь он улетает, улетает прочь, — сообразила она. — Наверное, Хоппи решил зашвырнуть его неизвестно куда!»

— Вернись, — позвала она.

Хотя… что в этом толку? Поздно: Билл ведь не может жить снаружи, и ей об этом прекрасно известно. Доктор Стокстилл сказал. Сказал, Билл не может родиться как все, а Хоппи подслушал и вытащил, высвободил Билла, зная, что тот погибнет…

«Не успел ты, Билл, со своей имитацией, — подумала Эди. — Говорила тебе, помолчи, а ты не послушал».

Сощурившись, она смогла разглядеть в ночном небе — а может, ей это просто почудилось — длинные пряди волос, тянущихся за твердой, костистой головкой величиною с бейсбольный

мячик, будто хвост за кометой… а спустя еще миг Билл безмолвно, без единого звука исчез.

Исчез, оставив Эди одну.

Что ж, вот все и кончено. Дальше идти ни к чему.

Развернувшись, опустив голову, прикрыв глаза, девочка ощупью двинулась на подъем — обратно, домой, в постель. Казалось, внутри, в животе, саднит, сердце обливается кровью.

«Эх, Билл, — думала она, — если б ты только помолчал еще пару минут! Он бы ничего не услышал. Говорила же я тебе… говорила…»

Паря в атмосфере, Билл Келлер кое-что видел, кое-что слышал, чуял деревья внизу и всевозможную лесную живность, снующую, кишащую среди зарослей. Какая-то сила гнала его вверх, все выше и выше, однако он, вспомнив приготовленную имитацию, заговорил. Поначалу собственный голос зазвучал в ночном холоде тоненько, еле слышно, но, стоило ушам уловить его первые звуки, Билл закричал, закричал во все горло.

— Вот он, урок для всех нас! Вот к чему привела наша глупость! — пропищал он, с восторгом вслушиваясь в отзвуки обретенного голоса.

Давление снизу разом сошло на нет. Охваченный ликованием, Билл заскакал в воздухе, описал

круг, спикировал вниз, а незадолго до того, как коснуться земли, запетлял из стороны в сторону, пока, учуяв под крышей жизнь, не завис прямо над домиком Хоппи Харрингтона.

— Вот как карает Господь неразумных! — пронзительно вопил он. — Сей ужасный, отталкивающий пример как нельзя лучше показывает: атмосферным ядерным испытаниям пора положить конец! Призываю вас, всех и каждого, немедля писать президенту Кеннеди!

Кто такой президент Кеннеди, Билл не знал. Наверное, один из живых. Оглядевшись, Билл поискал его взглядом, но никого похожего не нашел. Вокруг виднелись только дубовые заросли с их обитателями… и птица с громадным клювом, бесшумно парящая среди деревьев. Зыркнув глазищами, птица заложила вираж, свернула к нему.

Испуганный, Билл сдавленно пискнул. В ответ птица издала устрашающий, исполненный алчности, жажды рвать и терзать крик.

— Все, все напишите! Выразите протест! Таков долг каждого! — закричал Билл, во весь дух устремившись прочь, в холодный ночной мрак.

Взмыв вверх, он, озаренный неярким светом луны, помчался под-над деревьями. Птица, хищ-

но сверкая глазами, неслась за ним следом.

Не прошло и минуты, как вылетевший на охоту филин настиг Билла. Настиг… и вмиг проглотил.

Опять оказавшись в чьей-то утробе, Билл больше не мог ни видеть, ни слышать. Настоящая жизнь, жизнь снаружи, оказалась недолгой.

Филин, заухав, полетел дальше.

— Эй, слышишь меня? — окликнул Билл Келлер филина.

Может, и слышит, а может, и нет. Ведь это не Эди, это всего-навсего филин, неразумная хищная птица…

— Можно пожить тут, в твоем животе? — спросил Билл. — Пожить, укрывшись от всех, где никому и в голову не придет искать… а ты летай, носись себе по лесам…

Рядом, в утробе филина, покоились трупики мышей и еще какой-то полудохлый зверек покрупнее, копошившийся, скребшийся, подстегиваемый волей к жизни.

— Ниже, — велел филину Билл.

Глаза филина различали дубовые заросли отчетливо, будто все вокруг залито ярким светом. Миллионы всевозможных объектов лежали на месте, не шевелясь, но вскоре Билл заметил неподалеку движение: сквозь лес крался какой-то

зверек. Учуяв поживу, филин свернул к нему, однако зверек, ни о чем не подозревая, не слыша ни звука, беспечно вышел из зарослей на полянку.

Секунду спустя филин проглотил его и полетел дальше.

«Прекрасно, — подумал Билл. — И ведь это еще не все. Охота всю ночь напролет, купания под дождем, долгий, спокойный сон… Может, он и есть самое лучшее? Пожалуй, да».

— Фергюссон, — заговорил он, — не позволяет работникам пить: выпивка запрещена его верой, не так ли? Хоппи, откуда свет? Что это, сам Господь Бог? Ну, понимаешь, как в Библии. То есть там что же, все правда?

Филин заухал.

Тысячи умерших внутри бормотали, шумели без умолку, наперебой требовали внимания, а Билл слушал их, слушал и повторял за теми, кого считал подходящими.

— Ты, мерзкий уродец, слушай сюда, — проверещал он. — Наверх ни ногой. Здесь, в подвале, бомбы нам не страшны. А вот тех, кто сейчас наверху, ждет гибель. Будь здесь. Займись делом. Расчищай. Для них. Место.

Испуганный филин захлопал крыльями, взмыл ввысь, пытаясь удрать от Билла, но Билл продол-

жал прислушиваться, искать, выбирать.

— Наверх ни ногой, — повторил он.

Впереди снова показались огни: описав круг, филин, не в силах сбежать, поневоле вернулся к домику Хоппи. Теперь Билл правил хищником, как хотел. Круги сужались, смыкались…

— Ни шагу отсюда, баран безмозглый, — велел Билл. — Ни шагу.

В отчаянии филин прибег к обычному приему — выхаркнул Билла, избавившись от нежеланной добычи, и Билл, изо всех сил стараясь поймать восходящий ток воздуха, полетел вниз. Рухнув на мягкий, густо поросший травой перегной, он с жалобным писком, точно мяч, скатился на дно какой-то ямки.

Тем временем освободившийся филин поспешил скрыться в ночи.

— Обратим же к происходящему взор человеческого сострадания, — лежа в ямке, заговорил Билл голосом проповедника из давнего прошлого, обращающегося к общине прихожан, в которой некогда состояли и Хоппи, и Биллов отец. — Мы сделали все это сами, и видим перед собою лишь результаты глупости, безмерной глупости рода людского.

Оставшийся без глаз филина, видел он крайне

смутно: казалось, как только безукоризненно яркое освещение угасло, весь мир вокруг сузился до полудюжины темных силуэтов — силуэтов ближайших деревьев, а еще…

Еще невдалеке, на фоне ночного неба, виднелся силуэт домика Хоппи.

— Впустите меня, — с трудом шевеля губами, взмолился Билл и принялся кататься от края к краю ямки, пока рядом не зашуршали палые листья. — Впустите… хоть кто-нибудь!

Вспугнутый его голосом, неведомый ночной зверек опасливо отпрянул прочь.

— Впустите, впустите, впустите, — без умолку твердил Билл. — Мне нельзя долго здесь оставаться… умру ведь… Эди! Эди, где ты?

Нет, Эди он нигде поблизости не чуял. Чуял только фокомелика в домике, темневшем на фоне неба.

Поразмыслив, Билл кое-как, вперевалку, покатился к дому.

С утра, чтобы, воспользовавшись передатчиком, связаться с больным в небесах, с Уолтом Дэнджерфилдом, к Хоппи Харрингтону заглянул доктор Стокстилл. Передатчик, несмотря на столь ранний час, оказался включенным, в комнатах там и сям горели лампы. Не на шутку озадачив-

шись, доктор Стокстилл постучал в дверь.

Из-за распахнувшейся двери наружу выглянул Хоппи Харрингтон, подкативший к порогу в коляске-фокомобиле. При виде доктора Хоппи странно насторожился, замер в дверях, с опаской воззрившись на гостя.

— Хочу попробовать еще разок, — пояснил доктор Стокстилл, прекрасно понимая всю безнадежность затеянного, но не желая бросать дело на полпути. — Не возражаешь?

— Конечно нет, сэр, — откликнулся Хоппи.

— Дэнджерфилд еще жив?

— Да, сэр. Умер бы, я бы знал, — ответил Хоппи, отъезжая в сторону и впуская доктора в дом. — Там он, у себя, наверху.

— Что стряслось? — полюбопытствовал Стокстилл. — Похоже, ты с вечера на ногах.

— Так и есть, — подтвердил Хоппи. — Осваиваюсь, учусь управляться со всем этим хозяйством. Нелегкое, однако, дело, — пожаловался он, пустив фокомобиль по кругу.

Управление коляской явно занимало все его мысли, но тем не менее мобиль тут же зацепил край стола.

— Ну вот, опять оплошал, — прокомментировал Хоппи. — Прошу прощения. Я не нарочно.

— Странный ты нынче какой-то, — заметил Стокстилл. — Сам на себя не похож.

— Я не Хоппи Харрингтон. Я — Билл Келлер, — признался фокомелик, указывая автономным протезом в угол. — А Хоппи вон там. Теперь это он и есть.

В углу лежало нечто округлое, наподобие комка засохшего теста нескольких дюймов в обхвате. На фоне мертвенной бледности странно человекоподобного личика зиял темной дырой разинутый, застывший в безмолвном крике рот. Подойдя ближе, Стокстилл наклонился и подобрал крохотное, сморщенное тельце.

— Раньше это был я, — пояснил фокомелик, — но вчера вечером мне удалось, подобравшись поближе, поменяться с Хоппи местами. Сопротивлялся он здорово, только от страха соображал плоховато, потому я и победил. Бомбил его имитациями — одна за другой, одна за другой… На проповеднике он сломался.

Стокстилл молчал, держа сморщенное создание перед собою, в горсти.

— Вы с передатчиком управляться умеете? — нарушив паузу, спросил фокомелик. — Если нет, я помочь не смогу. Пробовал в нем разобраться, не вышло. Зато лампы включать и выключать

вон как выучился. Тренировался всю ночь.

В доказательство собственных успехов он направил мобиль к стене, поднял автономный протез и защелкал рычажком выключателя.

— Так я и знал, что вне чужого тела выжить ему не судьба, — вздохнул Стокстилл, не сводя глаз с трупика на ладони.

— Нет, умер он вовсе не сразу, — сообщил фокомелик. — Около часа протянул. По-моему, неплохо, а? Только не знаю, считать ли время, проведенное в брюхе филина.

— Э-э… ладно. Возьмусь-ка я лучше за дело, попробую достучаться до Дэнджерфилда, — помолчав, рассудил Стокстилл. — Он ведь может угаснуть в любую минуту.

— Верно, — кивнув, поддержал его фокомелик. — А это давайте сюда.

Стокстилл вложил гомункула в подставленный им автономный протез.

— Филин меня проглотил, — продолжал фок. — Ощущения, прямо скажем, не из приятных, но какие у него глаза зоркие! Вот смотреть его глазами мне очень понравилось.

— Да-да, — задумчиво пробормотал Стокстилл, подсаживаясь к передатчику, — зрение у сов потрясающе острое. Интересные, наверное, впе-

чатления… Ну а чем же ты намерен заняться дальше?

— Для начала к этому телу привыкнуть надо, — ответил фок. — Тяжелое, силу притяжения чувствует постоянно, а я ведь привык парить невесомым. Зато… знаете, что? Протезы эти — просто блеск. Я ими уже столько всякого делать могу!

Протезы запорхали по комнате, коснулись картины на стене, пронеслись над передатчиком.

— Еще надо бы разыскать Эди, — продолжал фок. — Разыскать и сказать, что со мной все о'кей. Она ведь, наверное, мертвым меня считает.

Стокстилл, готовясь связаться со спутником на орбите, включил микрофон.

— Доктор Стокстилл из Уэст-Марин вызывает Уолта Дэнджерфилда, — заговорил он. — Уолт Дэнджерфилд, как меня слышите? Если слышите, дайте ответ. Прием.

Выдержав паузу, он повторил сказанное еще раз.

— Можно, я пойду? — спросил Билл Келлер. — Эди пойду искать.

— Иди, иди, — откликнулся Стокстилл и потер лоб, собираясь с мыслями. — Только гляди, осторожнее… вдруг больше местами ни с кем

поменяться не сможешь?

— А я и не хочу больше ни с кем меняться, — заверил его Билл. Узкое лицо фока расплылось в счастливой улыбке. — Мне и так хорошо. Впервые в жизни остался один, сам по себе… ни от кого не завишу.

Стокстилл вновь нажал кнопку микрофона.

— Уолт Дэнджерфилд, как меня слышите? Если слышите, дайте ответ. Прием, — повторил он.

Может, дело уже безнадежно? Может, упорствовать уже нет смысла? Об этом оставалось только гадать.

Стронутый фоком с места, мобиль покатился по комнате, словно огромный жук.

— А ведь теперь, живя сам по себе, я и в школу смогу ходить? — спросил фок.

— Сможешь, почему нет, — пробормотал Стокстилл.

— Но я уже кучу всякого знаю, — похвастал Билл. — Запомнил, слушая мистера Барнса вместе с Эди, когда она в школу ходила. Мне мистер Барнс нравится, а вам? По-моему, он очень хороший учитель… у такого учиться — одно удовольствие. Интересно только, что скажет мать, — внезапно добавил фок.

— Что?! — пораженный, вскинулся Стокстилл,

но тут же догадался, о ком идет речь.

Бонни Келлер…

«Да, — подумал он, — весьма, весьма интересно послушать, что скажет Бонни… что скажет Бонни, сполна расплатившись подобным образом за многочисленные романы то с одним то с другим за годы интрижек на стороне!»

С этими мыслями он снова включил микрофон, снова заговорил, в который раз вызывая спутник.

— Сегодня после уроков я говорил с твоей дочерью, — сообщил мистер Барнс Бонни Келлер, — и у меня сложилось отчетливое впечатление, будто она… знает про нас.

— О Господи, да откуда ей? — отмахнулась Бонни.

Со стоном сев, она привела в порядок одежду и застегнула блузку. Как же не похож этот человек на Эндрю Гилла, неизменно овладевавшего ею, ни от кого не прячась, среди бела дня, у обочин окаймленных дубами дорог Уэст-Марин, где их мог увидеть любой прохожий и проезжий! Гилл… тот всякий раз хватал ее, как впервые, не мямля, без колебаний, без болтовни, задирал юбку и…

«Пожалуй, надо бы вернуться к нему, — подумалось Бонни. — Пожалуй, надо бы бросить их

всех — и Барнса, и Джорджа, и полоумную дочь, зажить с Гиллом открыто, урвать в кои-то веки немного счастья, а соседи пускай говорят, что хотят!»

— Ладно, — сказала она Барнсу, — если с любовью на сегодня все, идем хотя бы в «Форестерсхолл», послушаем послеобеденную передачу со спутника.

Барнс засиял от радости.

— А по пути заодно съедобных грибов наберем, — добавил он.

— Ты серьезно? — скривилась Бонни.

— Конечно.

— Ну ты и фрукт, — покачав головой, вздохнула Бонни. — Ну ты и типчик… скажи, зачем ты вообще приперся в Уэст-Марин из самого Орегона? Только затем, чтоб учить уму-разуму сопливых детишек да гулять по лесу, собирая грибы?

— А что, не такая уж это скверная жизнь, — возразил Барнс. — Сейчас мне живется куда лучше, чем когда-либо прежде — даже лучше, чем до войны. Вдобавок… у меня есть ты.

Насупившись, Бонни Келлер поднялась на ноги, сунула руки в карманы пальто и зашагала к дороге. Барнс, с трудом подстраиваясь под ее шаг, двинулся следом.

— Я собираюсь остаться здесь, в Уэст-Марин, навсегда, — продолжил он, шумно пыхтя на ходу. — Здесь и закончу странствия. Несмотря на сегодняшний инцидент с твоей дочерью…

— Какой еще инцидент, — проворчала Бонни. — Тебе просто нечистая совесть покою не дает. Давай-ка поспешим. Дэнджерфилда хочу послушать. По крайней мере, он хоть что-то забавное, интересное говорит.

Однако мистер Барнс, углядев в траве гриб, остановился, склонился к находке.

— О, лисичка! — воскликнул он. — Съедобная и очень даже питательная…

Срезав ножку гриба как можно ближе к земле, мистер Барнс принялся за поиски новой добычи.

— Приготовлю вам с Джорджем похлебку, — сообщил он, срезая второй гриб.

Дожидаясь, пока он соберет все грибное семейство, Бонни закурила «Золотой Ярлык» высшего сорта с табачной фабрики Эндрю Гилла, вздохнула и неторопливо побрела дальше, вдоль густо поросшего травой, окаймленного дубами проселка.

Вам назначено на вчера

— Пора, Лерер! — загремел у изголовья резкий механический голос, как только солнечный свет за окном набрал силу. — Пора подниматься, пора показать всем, кто ты такой и на что способен! Нильс Лерер — большой человек, с этим согласен каждый, я слышал их пересуды! Большой человек, огромный талант и должность занимает немалую! И предметом общего восхищения слывет не зря! Ну, как? Проснулся?

— Проснулся, проснулся, — проворчал Лерер, заворочавшись под одеялом.

Сев, он от души хрястнул по кнопке назойливо резкоголосого будильника, и металлический голос заткнулся.

— Спасибо, выспался я превосходно, — сообщил он безмолвной квартире. — Надеюсь, ты тоже.

Мрачный как туча, Нильс Лерер поднялся с кровати и потащился к платяному шкафу на поиски в достаточной мере несвежей одежды. Стоило пробудиться — и на его бедную, замороченную множеством дел голову обрушился целый ворох новых проблем.

«Людвига Энга пора додавливать, — подумал он. — Вот так задачи дня завтрашнего перерастают в куда более неприятные задачи дня нынешнего. Сегодня пора известить Энга, что во всем мире остался лишь один экземпляр его разошедшейся немыслимыми тиражами книги, что вскоре ему придется взяться за дело, выполнить работу, которую не сделает никто, кроме него. Как-то Энг это воспримет? Бывает, изобретатели нипочем не желают спокойно сесть и сделать, что требуется, отказываются наотрез… а, впрочем, ладно. Это уже проблема синдиката. Синдиката, а не моя».

Рассуждая таким образом, Лерер скинул пижамную куртку и облачился в испачканную, мятую красную рубашку, откопанную в шкафу. С брюками все оказалось куда сложнее: тут уже пришлось рыться в корзине с грязным бельем.

Теперь отыскать пакет со щетиной, и…

«Вершина моих притязаний, — думал Лерер, ковыляя в ванную с пакетом щетины в руках, — пересечь на трамвае все ЗСШ! Вперед, к победе!»

Склонившись над раковиной, он ополоснул лицо, взбил помазком пеноклей, вскрыл пакет и привычными, уверенными движениями равномерно нанес щетину на подбородок, скулы и шею.

Еще минуту спустя пеноклей высох, и щетина села на место безукоризненно, как влитая.

«Ну, вот, — решил Лерер, оглядев себя в зеркале, — теперь и в трамвай сесть не стыдно… только сначала, естественно, нужно разобраться с к-массами».

Включив подающую помпу, он примостился на стульчак, развернул сан-францискскую «Кроникл» на странице новостей спорта, принял внутрь солидную, мужскую порцию к-масс, удовлетворенно вздохнул, а после, наконец-то добравшись до кухни, выставил на стол грязную посуду и принялся ловко орудовать ложкой, ножом и вилкой. Не прошло и четверти часа, как на столе перед ним появилась тарелка супа, каре ягненка, зеленый горошек, голубой мох по-марсиански под яично-масляным соусом и чашка горячего кофе. Все эти блюда Лерер, аккуратно, до крошки, до капельки очистив посуду — и, разумеется, проверив, не подглядывает ли кто из-за окон, — вмиг разложил в соответствующую тару, после чего еда отправилась в холодильник, а тарелки — на полки буфета. Стрелки часов приближались к восьми тридцати: то есть на дорогу до службы у него еще целых пятнадцать минут. Торопиться, из кожи вон лезть… к чему? Если что,

отдел Б Публичной Тематической Библиотеки дождется его на месте, никуда не сбежит.

К должности в отделе Б он карабкался многие годы, но дело того вполне стоило. Теперь, на нынешнем месте, его больше не загружают рутинной работой, и, уж конечно, ему не приходится взваливать на себя организацию очистки тысяч и тысяч экземпляров одной и той же книги, книги в начальной стадии искоренения. Строго говоря, участвовать в искоренениях ему не приходится вовсе: этой грубой, нудной работой занимаются младшие, нанимаемые скопом, целыми дюжинами, служащие библиотеки. Зато ему, Нильсу Лереру, приходится непосредственно иметь дело с великим множеством неприветливых, желчных изобретателей, постоянно открещивающихся от поручаемой им — и, согласно мнению синдиката, обязательной, жизненно важной — задачи, стирания последних машинописных копий печатных трудов, с которыми связаны их имена. Каким образом создается, как возникает эта связь, до конца не понимал никто — ни всевозможные изобретатели, ни сам Лерер. Почему данному конкретному изобретателю поручается именно эта задача, а не какая-либо другая? По-видимому, в подобных вопросах досконально

разбирался синдикат. Вот, например, Энг и его «КАК Я НА ДОСУГЕ, В СОБСТВЕННОМ ПОДВАЛЕ, СОБРАЛ ИЗ ОБЫЧНЫХ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА СВОББЛ»…

«А ведь ответственность, ответственность-то какова! — размышлял Лерер, дочитывая спортивные новости. — После того как Энг закончит работу, во всем мире не останется ни единого своббла… ну, разве что эти вероломные пройдохи из СНМ вопреки закону припрячут где-нибудь пару штук. Да что там: тер-коп — терминальная копия — еще существует, а мне уже не припомнить, для чего этот своббл и даже каков он с виду. Небольшой, угловатый? Или, наоборот, огромный, округлый? Хм-м-м…»

Отложив газету, Лерер потер лоб, сосредоточился, стараясь вспомнить, извлечь из памяти точный мысленный образ упомянутого изобретения. Пока это в принципе возможно, но как только Энг превратит тер-коп в густо пропитанную чернилами шелковую ленточку, полстопки высокосортной бумаги и папку свежей копирки, ни он, Нильс Лерер, ни кто-либо другой уже никогда не вспомнит ни этой книжки, ни описанного в ней устройства.

Однако с данной задачей Энг, скорее всего,

справится разве что к концу года. Стирать теркоп следует строка за строкой, слово за словом — обычные методы, применяемые к собранным отовсюду типографским тиражам, здесь не годятся. По сути, все просто: вначале тиражи, затем терминальная машинописная копия, а после… ну что ж, дабы Энг поработал не даром, дабы компенсировать его долгий, изнурительный труд, ему выставят счет на беспрецедентно огромную сумму. Выполнение вверенного поручения обойдется Энгу во что-то около двадцати пяти тысяч посткредов, и поскольку искоренение книги о свобблах разорит его дочиста, этой задаче изобретатель…

О крохотный кухонный стол у его локтя стукнула видеофонная трубка, спрыгнувшая с рычага.

— До встречи, Нильс! — негромко задребезжал в трубке далекий, тоненький женский голосок.

— До встречи, — откликнулся Лерер, поднеся трубку к уху.

— Я люблю тебя, Нильс, — вполголоса, с чувством сообщила Хариса Макфадден. — А ты меня любишь?

— Да, я тоже люблю тебя, — подтвердил Лерер. — Когда мы в последний раз виделись? Надеюсь, недавно? Скажи же, недавно?

— Скорее всего, сегодня вечером, после работы, — предположила Хариса. — Я хочу познакомить тебя кое с кем. С практически неизвестным широкой публике изобретателем, с нетерпением ждущим официального искоренения его научной статьи касательно… хм… касательно психогенных причин гибели от попадания метеорита. Я и сказала, что ты, раз уж служишь в отделе Б…

— Передай ему: пусть искоренит статью сам.

— А как же престиж? — с искренней мольбой в голосе возразила Хариса. — Понимаешь, Нильс, это ведь вправду устрашающе нудные умствования, мозги вывихнуть недолго, а тот парень, Ланс Арбатнотт…

— Это его так зовут?

Чудное имя изобретателя едва не склонило Нильса Лерера к согласию… но вот именно, что «едва». В течение одного-единственного дня к нему обращались с подобными просьбами по многу раз, и всякий раз — без исключения — речь шла о каком-нибудь чудном изобретении какого-нибудь чудного изобретателя с чудной фамилией. Нет, должность в отделе Б он получил далеко не вчера, так запросто в силок не попадется, однако… Однако этические воззрения Лерера настаивали на рассмотрении дела.

Нильс Лерер тяжко вздохнул.

— Ага! Слышу стон! — жизнерадостно резюмировала Хариса.

— Ладно, — сдался Лерер. — Ладно… если только он не из СНМ.

— Э-э… вообще-то он как раз оттуда, — виновато призналась Хариса. — Хотя из СНМ его, кажется, вышвырнули, потому он и здесь, а не там.

«Однако, — рассудил Лерер, — это еще ничего не гарантирует».

Да, так оно и было. Возможно, этот Арбатнотт не разделяет воинственных, агрессивных до фанатизма воззрений правящей верхушки Свободного Негритянского Муниципалитета; возможно, он слишком умерен, слишком уравновешен на взгляд бардов республики, слепленной из бывших Теннесси, Кентукки, Миссури и Арканзаса… но с тем же успехом он может оказаться чересчур фанатичным даже для них. Разобраться, где правда, невозможно до тех пор, пока не познакомишься с человеком лично, а иногда и после. Барды, выходцы с востока, сумели укрыть лица трех пятых человечества вуалью, завесой, надежно скрывающей и побуждения, и намерения, и бог знает что еще.

— Мало этого, — продолжала Хариса, — он лич-

но знал анарха Пика еще до того, как тот столь прискорбно… уменьшился.

— «Прискорбно»? — ощетинился Лерер. — Туда ему и дорога!

Вот так-так… да ведь второго такого же эксцентричного идиота не найти во всем мире! Взаимодействия с последователем новоявленного паразита-анарха… только этого Нильсу Лереру и не хватало для полного счастья! Вспомнив, что ему, по долгу службы изучая разномастные книги, довелось прочесть о кровопролитных межрасовых распрях середины двадцатого века, Лерер зябко поежился. Из той давней волны мятежей, погромов, убийств и вынырнул наверх Себастьян Пик — изначально юрист, затем блестящий оратор-фейерверкер и, наконец, религиозный фанатик с преданными ему приверженцами… глава и знамя движения, распространившегося по всей планете, но действовавшего главным образом в окрестностях СНМ.

— Ну, знаешь… грех перед Господом так говорить, — заметила Хариса.

— Послушай, мне пора на работу, — сообщил Лерер. — Позвоню тебе в перерыве на кофе, а между делом погляжу, что имеется на Арбатнотта в архивах. До тех пор с решением насчет его

безумных идей касательно психических травм как причин гибели от попадания метеорита придется подождать. Хелло.

Повесив трубку, он поспешно поднялся на ноги, вышел из квартиры и направился к лифту. Грязная одежда испускала весьма приятное кисловатое амбре, свеженанесенная щетина ободряла, внушала уверенность. Возможно, ему — несмотря на Харису с ее новым увлечением, этим изобретателем, Арбатноттом, — предстоит довольно приятный денек…

Но, говоря откровенно, подобными надеждами Лерер не обольщался.

Явившись на службу, в свой отдел библиотеки, Нильс Лерер застал личную секретаршу, стройную блондинку мисс Томсен, в разгаре стараний избавиться — а заодно избавить его самого — от рослого, весьма неряшливо одетого джентльмена средних лет с портфелем под мышкой.

— А-а, мистер Лерер, — глухо, надтреснуто проскрежетал посетитель при виде Лерера, очевидно, узнав его с первого взгляда и двинувшись навстречу Нильсу с протянутой рукой. — Рад познакомиться, сэр. До скорого свидания, счастливо оставаться, как у вас здесь говорят.

С этими словами он улыбнулся, блеснув зуба-

ми, будто фотовспышкой, однако его улыбка тут же угасла, а улыбаться в ответ Нильс даже не подумал.

— Я крайне занят, — буркнул он на ходу и, миновав стол мисс Томсен, открыл дверь личного кабинета. — Если вам нужно со мной увидеться, запишитесь на прием в обычном порядке. Хелло, — подытожил он, затворяя за собой дверь.

— Дело касается анарха Пика, — бросил ему вслед рослый посетитель с портфелем, — и потому, полагаю, должно вас заинтересовать.

— О чем это вы? — в раздражении обернувшись, удивился Лерер. — Насколько мне помнится, я никогда не проявлял ни малейшего интереса ни к Пику, ни к ему подобным.

— А должны бы помнить, однако… однако — да, вы же в противофазе, а для меня время течет обычным, естественным образом. Как следствие, то, что для вас — события скорого будущего, для меня — недавнее прошлое. Мое недавнее прошлое. Будьте добры, сэр, уделите мне пару минут вашего драгоценного времени. Я ведь вполне могу оказаться вам очень и очень полезен, — с усмешкой заявил посетитель. — Хм… «вашего времени»… красиво сказано, и к черту ложную скромность! Да уж, определенно — вашего, не

моего. Только представьте: для меня этот визит состоялся вчера!

Тут он вновь сверкнул той же механической, мгновенной, точно вспышка импульсной лампы, улыбкой… да, так и есть, механической! Рукав рослого посетителя украшала узкая, но яркая полоска желтой ткани. Посетитель оказался машиной, роботом, по закону обязанным носить на одежде опознавательные нашивки во избежание путаницы. Осознав это, Нильс помрачнел сильнее прежнего: к роби он испытывал стойкую, глубоко укоренившуюся неприязнь, от которой никак не мог — да, сказать откровенно, и не желал — избавиться.

— Входи, — велел Нильс, придержав дверь роскошного кабинета.

Определенно роби явился по поручению хозяина-человека: сам он явиться к кому-либо с визитом не мог, таков закон. Кем, интересно, он послан? Одним из служащих синдиката? Весьма вероятно. Как бы там ни было, эту ходячую железяку разумнее всего выслушать, прежде чем спроваживать с глаз долой.

Оставшись наедине в главном рабочем пространстве огромного кабинета, оба смерили друг друга оценивающими взглядами.

— Вот моя карточка, — сказал роби, протянув Нильсу картонный прямоугольник.

Взглянув на карточку, Нильс помрачнел сильнее прежнего.

КАРЛ ГАНТРИКС,
ЮРИСТ-ПРАВОВЕД,
ЗСШ

— Мой наниматель, — пояснил роби. Стоило мисс Томсен остаться в приемной, по ту сторону затворенной двери, в голосе робота зазвучали неожиданно непререкаемые, начальственные нотки. — Итак, теперь вы знаете мое имя. Можете обращаться ко мне просто «Карл», этого будет вполне довольно.

— Я, — холодно, еще более непререкаемым тоном возразил Нильс, — предпочту обращаться к тебе привычным образом, «Карл-младший»… если, конечно, ты не сочтешь это оскорбительным. Я, знаешь ли, нечасто удостаиваю аудиенции роботов. Причуда? Возможно, но в этой причуде я последователен как ни в какой другой.

— То есть сегодня у нас исключительный день, — пробормотал робот, Карл-младший, приняв карточку, спрятав ее в бумажник, усевшись и расстегнув «молнию» портфеля. — Вы, глава

отдела Б Публичной Тематической Библиотеки, разумеется, являетесь виднейшим специалистом по Фазе Хобарта. По крайней мере, так полагает мистер Гантрикс. Прав ли он, сэр?

Дожидаясь ответа, робот снова смерил Нильса оценивающим взглядом.

— Ну, скажем так, я постоянно имею с ней дело, — подчеркнуто безучастным, высокомерным тоном ответил Нильс.

В разговорах с роби самое лучшее — демонстрировать превосходство, говорить свысока, напоминая таким образом — и, конечно же, бессчетным множеством других способов — где их место.

— Так мистер Гантрикс и понимает. И, стоит отдать ему должное, благодаря пониманию сего факта, пришел к следующему выводу: за многие годы работы вы, очевидно, стали немалым авторитетом во всем, что касается областей применения, преимуществ и многочисленных неудобств обратно-временно́го поля Хобарта. Верно это? Неверно? Выберите одно из двух.

— Я выберу первое, — поразмыслив, ответил Нильс. — Однако тебе следует принять во внимание вот какой факт: мои познания носят характер чисто практический, а от теории далеки. Тем

не менее я способен корректно оценивать все причуды Фазы, не вдаваясь в их объяснение. Я, видишь ли, рожден американцем, а следовательно, прагматик до мозга костей.

— Разумеется, — согласился роби, Карл-младший, кивнув пластмассовым муляжом человеческой головы. — Что ж, мистер Лерер, прекрасно. Перейдем к делу. Его Величество анарх Пик достиг детского возраста и вскоре, окончательно сойдя на нет, обратившись в гомункула, сгинет в утробе ближайшей женщины, верно? Подобный исход — лишь вопрос времени… опять-таки, вашего времени.

— О том, что Фаза Хобарта распространилась на большую часть СНМ, мне прекрасно известно, — заверил его Нильс. — Как и о том, что Его Величество сгинет в любой подвернувшейся под руку материнской утробе не более чем спустя несколько месяцев. И, говоря откровенно, я искренне этому рад. Вне всяких сомнений, Его Величество повредился умом. В клиническом смысле этого слова. Его исчезновение пойдет всем — и миру, живущему по Времени Хобарта, и миру Стандартного Времени — только на пользу. О чем тут еще говорить?

— О многом, о многом, — с убийственной

серьезностью заверил его Карл-младший и, склонившись вперед, выложил на стол Нильса ворох документов. — Почтительнейше настаиваю: ознакомьтесь вот с этим.

Развалившись в покойном кресле перед экраном, подключенным к встроенной в робота системе видеотрансляции, Карл Гантрикс рассеянно любовался одним из высших библиотечных чинов, Нильсом Лерером, корпящим над внушительной кипой нарочито туманно составленных псевдодокументов, подсунутых ему роботом.

Естественно, сухарь-библиотекарь, клюнув на такую наживку, отвлекся от всего остального, углубился в чтение и перестал замечать, чем занят робот. Поэтому, пока Лерер с немалым трудом продирался сквозь зубодробительные казенные обороты, робот ловко, бесшумно сдвинулся вместе с креслом назад и влево, поближе к картотечному шкафчику внушительной величины. Удлинив правую руку, Карл-младший тихонько запустил пальцевидные мануальные манипуляторы в ближайший ящичек. Разумеется, Лерер ничего не заметил, и робот, продолжая выполнение полученной задачи, спрятал между карточек стайку миниатюризованных роботов, роботов-эмбрионов не больше булавочной го-

ловки величиной, за следующую карточку сунул крохотный передатчик, автоматически настраивающийся на нужную волну, и, наконец, вложил в ящик мощное взрывное устройство с механизмом отсрочки, заведенным на трое суток.

Глядя на все это, Гантрикс расплылся в самодовольной улыбке. Теперь у робота оставалось только одно, последнее устройство. С опаской косясь на Лерера, Карл-младший проворно извлек его и вновь потянул манипулятор к шкафчику, чтобы оставить сложное электронное приспособление в полном и окончательном распоряжении библиотеки…

— Пурпур, — произнес Лерер, не поднимая взгляда.

Уловленное аудиосенсором шкафчика, кодовое слово активировало систему аварийной эвакуации. Схлопнувшись на манер двустворчатого моллюска, учуявшего опасность, шкафчик стремительно втянулся в стену, но за долю секунды до того, как скрыться из виду, изверг из ящика подсунутые роботом приспособления. С безукоризненной электронной точностью вытолкнутые наружу, крохотные предметы описали дугу в воздухе и приземлились прямиком под ноги робота — посреди помещения, у всех на виду.

— Господи милосердный, — ахнул робот, невольно отшатнувшись назад.

— Немедленно покинь кабинет, — оторвавшись от псевдодокументов, велел Лерер.

Едва не ежась под его ледяным взглядом, робот нагнулся, чтоб подобрать принесенное, раз уж сохранить миссию в тайне не удалось.

— Нет, все это оставь, где лежит, — распорядился Лерер. — Отправлю в лабораторию на предмет выявления назначения… и происхождения.

Рука Лерера скользнула в ящик стола, и робот замер, уставившись в направленное на него дуло.

— Как мне следует поступить, сэр? — задребезжал в наушниках Карла Гантрикса его голос, слегка искаженный видеофонными проводами.

— Уходи, живо.

Гантриксу сделалось не до смеха. Заскорузлый сухарь-библиотекарь оказался не так-то прост — вмиг раскусил его хитрость и, мало того, без труда свел на нет. Очевидно, с Лерером придется налаживать контакт в открытую.

С этими мыслями Гантрикс нехотя снял трубку ближайшего видеофона и набрал номер библиотечного коммутатора.

Спустя около минуты Нильс Лерер на экране,

подключенном к видеокамере робота, в свою очередь поднял трубку видеофона, зазвонившего у его локтя.

— Перед нами проблема, — без предисловий заговорил Гантрикс. — Проблема, общая для обоих. А если так, не следует ли взяться за нее вместе?

— Я ни о каких проблемах подобного рода не осведомлен, — совершенно спокойно, ничуть не взволнованный попытками робота подбросить в его рабочий кабинет вредоносную электронику, ответил Лерер. — А если вы стремитесь к сотрудничеству, — заметил он, — то не с того начали.

— Признаю, виноват, — согласился Гантрикс. — Видите ли, в прошлом у нас возникало немало сложностей с вами, с библиотекарями…

«Взлетевшими чересчур высоко», — мысленно добавил он, но вслух ничего подобного, разумеется, не сказал.

— Дело, — продолжил он, — касается анарха Пика. Как полагает мое начальство, в отношении него имела место попытка аннулирования Фазы Хобарта, что прямо противоречит закону и в данном случае представляет серьезную опасность для общества… ведь в случае успеха результатом манипуляций с известными законами физики станет создание практически бессмертного

индивидуума. Да, мы не возражаем против непрекращающихся попыток создать бессмертную личность при помощи Фазы Хобарта как таковых, однако, на наш взгляд, анарх не подходит для этого категорически, понимаете?

— Анарх на грани реабсорбции, — безо всякого сочувствия, возможно, попросту не поверив Гантриксу, заметил Лерер, безмятежно разглядывая Карла-младшего, замершего напротив. — Я лично никакой угрозы в сложившемся положении не вижу. Если некая опасность и существует, на мой взгляд, кроется она в…

— Вздор, вздор! Я звоню, чтобы помочь вам: библиотека выиграет от этого не меньше меня!

— Кого вы представляете? — сухо осведомился Лерер.

— Я, — не без колебаний ответил тот, — выполняю распоряжения барда Чая из Совета Чистоты.

Лицо библиотекаря на экране видеофона потемнело, затвердело, как камень, голос зазвучал холоднее прежнего.

— Тогда дело обретает совсем иной характер. К Совету Чистоты я не имею ни малейшего отношения, а подчиняюсь исключительно искорам… о чем вам, безусловно, прекрасно известно.

— Но известно ли вам…

— Мне известно только вот о чем.

Выдвинув ящик стола, библиотекарь Нильс Лерер извлек изнутри прямоугольную серую коробку, открыл ее, и развернул вынутую оттуда стопку машинописных страниц лицевой стороной к Гантриксу.

— О единственной в мире копии созданного Энгом шедевра, «КАК Я НА ДОСУГЕ В СОБСТВЕННОМ ПОДВАЛЕ СОБРАЛ ИЗ ОБЫЧНЫХ ПРЕДМЕТОВ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА СВОББЛ», ныне пребывающего на пороге искоренения. Понимаете?

— Но известно ли вам, где находится Людвиг Энг в данный момент? — спросил Гантрикс.

— Мне безразлично, где он сейчас. Меня заботит лишь, где он будет находиться в два тридцать вчерашнего дня. На этот час у меня с ним назначена встреча — здесь, в этом самом кабинете, в кабинете главы отдела Б Публичной Тематической Библиотеки.

— Где Людвиг Энг будет находиться вчера, в два тридцать дня, — задумчиво, словно бы про себя, проговорил Гантрикс, — во многом зависит от того, где он пребывает сию минуту.

Распространяться перед библиотекарем об остальном он не стал, хотя прекрасно знал, что в данный момент Людвиг Энг пребывает где-то

на территории Свободного Негритянского Муниципалитета и, вероятнее всего, добивается аудиенции с анархом.

Добивается аудиенции… полагая, что анарх в нынешнем инфантильном, угасающем виде еще способен принять и выслушать хоть кого-нибудь.

Тем временем крошка-анарх, мальчуган в джинсах, фиолетовых кедах и претерпевшей великое множество стирок футболке, сидя в пыльной траве, внимательно изучал круг, выложенный из пары дюжин стеклянных шариков. Игра увлекла его настолько, что Людвиг Энг приготовился сдаться: казалось, сидящий напротив мальчишка попросту позабыл о его присутствии. В общем и целом, положение складывалось удручающее, с виду практически безнадежное, однако Энг, несмотря на растерянность, решил попробовать снова.

— Ваше величество, — заговорил он, — мне требуется всего-навсего пара минут вашего драгоценного времени.

Мальчишка нехотя поднял взгляд, недовольно насупился.

— Чего вам, сэр? — глухо проворчал он.

— Я в крайне затруднительном положении, —

вновь начал Энг, в который раз излагая оребячившемуся — в буквальном смысле этого слова — анарху одно и то же, и всякий раз попусту. — Если бы вы, как анарх, смогли обратиться по телевидению к населению Западных Соединенных Штатов и СНМ с призывом собрать отовсюду хоть полдюжины свобблов, пока цела последняя копия моей книги…

— Да, точно, — пробормотал мальчишка.

— Прошу прощения?

Окрыленный надеждой, Энг замер, не сводя глаз с гладкого, крохотного мальчишечьего лица. Определенно, взгляд анарха сделался куда осмысленнее.

— Да, сэр, — откликнулся Себастьян Пик, — я надеюсь стать анархом, когда подрасту. Даже сейчас в анархи готовлюсь.

— Вы и есть анарх. Были анархом, — со вздохом сообщил ему Энг.

Нет, ясно: тут уже ничего не поделаешь. Все старания бесполезны, а между тем сегодняшний день — последний: вчера ему предстоит встретиться с чиновником из Публичной Тематической Библиотеки, и… на том все и кончится.

Мальчишка засиял, словно внезапно, вмиг проникшись к словам Энга самым живым ин-

тересом.

— Без трепа?!

— Ей-богу. Вообще-то, согласно букве закона, вы до сих пор считаетесь таковым, — степенно кивнув, подтвердил Энг и поднял взгляд на худощавого негра с чересчур, нарочито массивным пистолетом на поясе, ныне состоявшего при анархе в телохранителях. — Разве не так, мистер Плаут?

— Чистая правда, ваше величество, — подтвердил негр. — У вас есть все полномочия, чтобы решить дело, касающееся рукописи этого джентльмена. Это ведь тот самый человек…

Сделав паузу, тощий и длинный, как жердь, телохранитель присел на корточки, дабы вернее привлечь к себе ускользающее внимание мальчишки.

— Это ведь тот самый человек, изобретатель своббла!

Мальчишка, оглядев обоих, недоверчиво сощурил глаз. Лицо его будто окаменело.

— А что это? И сколько он стоит, ваш своббл? Денег у меня — на карманные расходы — всего пятьдесят центов, да и своббл мне, наверное, ни к чему. Я лучше жвачки куплю и в кино схожу, а свобблы… да кому они нужны? — презрительно

хмыкнул он.

— Вы, — возразил его телохранитель, Плаут, — прожили сто шестьдесят лет, и все благодаря изобретению этого человека. Благодаря свобблу люди узнали о Фазе Хобарта, а после подтвердили ее существование экспериментально. Понимаю, вам это ни о чем не говорит, но…

Телохранитель анарха страстно, изо всех сил хрустнул пальцами, подался вперед, стараясь не упустить капризное, ветреное мальчишечье внимание.

— Послушай меня, Себастьян. Дело крайне серьезное. Подпиши обращение… пока еще не разучился писать. Подпиши, а больше ничего и не требуется. Официальное обращение к народу с призывом…

Во взгляде мальчишки полыхнули враждебные искорки.

— Ай, ну вас всех! Проваливайте, не верю я вам. Тут что-то не так.

«„Что-то“… да тут все не так, — подумал Энг, неловко поднимаясь на онемевшие ноги, — и с этим, похоже, ничего не поделаешь. По крайней мере, без твоей помощи».

Опять. Опять все его старания пошли прахом…

— Попробуйте позже, — посоветовал телохра-

нитель анарха, тоже встав на ноги. На лице негра отразилось искреннее сочувствие.

— Так ведь позже он станет еще младше, — с горечью заметил Энг.

Вдобавок и времени практически не осталось. Все «позже» он уже исчерпал…

Окончательно приуныв, Людвиг Энг отошел от анарха на пару-другую шагов и остановился.

Бабочка на ветке ближайшего дерева начала сложный, таинственный процесс перерождения, свернула крылья, принялась сжиматься в неяркий, тускло-коричневый кокон. Энг замер, наблюдая за ее неторопливым, тяжким трудом. У бабочки тоже имелась определенная цель, определенное дело… однако в отличие от его дела далеко не столь безнадежное. Впрочем, бабочка даже не подозревала об этом, трудилась бездумно, механически, на рефлексах, повинуясь программе, составленной для нее природой в далеком-далеком будущем. Вся эта картина заставила Энга кое о чем призадуматься. Поразмыслив, он понял, в чем ее мораль, и решительно двинулся назад, к мальчишке, сидящему среди травы над россыпью разноцветных прозрачных шариков.

— Давай вот как сделаем, — сменив тон, пред-

ложил он анарху Пику. Весьма вероятно, нового случая ему уже не представится, а значит, нужно пробовать все, что только в его силах. — Пусть даже ты не помнишь, что такое своббл и как воздействует на нас Фаза Хобарта, — от тебя требуется всего-навсего поставить подпись. Документ у меня с собой.

Сунув руку за пазуху, он извлек из внутреннего кармана пиджака конверт и отогнул клапан.

— Как только ты это подпишешь, все, что тут сказано, передадут по телевизору, в вечерних шестичасовых новостях, для каждого из часовых поясов. А я сделаю вот что. Подпишешь эту бумагу, утрою твои капиталы. Говоришь, у тебя пятьдесят центов есть? Добавлю к ним еще доллар — настоящий, бумажный. Что скажешь? И оплачу билеты в кино на все субботние утренние сеансы до конца года. Идет?

Мальчишка пристально воззрился на него. Казалось, он готов согласиться… но что-то — что именно, Энг не смог бы даже предположить, — его сдерживало.

— По-моему, — негромко пояснил телохранитель анарха, — ему у папки спросить разрешения требуется. Видите ли, старый джентльмен ныне жив: его компоненты мигрировали в родильный

контейнер месяца полтора назад, и сейчас он находится в постнатальном отделении центральной больницы Канзас-Сити, на ревивификации. Уже в сознании, так что его величество успел с ним раз пять-шесть побеседовать. Верно я говорю, Себастьян? — добавил он, мягко улыбнувшись мальчишке.

Анарх кивнул.

— Видите? Вот так-то, — поморщившись, подытожил негр. — Не ошибся я, стало быть, мистер Энг. Отец его жив, и потому он боится предпринимать что-либо по собственному почину. Похоже, плохи, крайне плохи ваши дела, мистер Энг: слишком мал он стал, чтобы и дальше справляться с работой, и все вокруг это прекрасно видят.

— И все-таки сдаваться я не намерен, — объявил Энг.

Однако, по сути, в глубине души он уже сдался, поскольку вполне сознавал: телохранитель, проводящий рядом с анархом все время, с перерывами только на сон, не ошибается ни на йоту. Все его старания пропадут даром. Эх, произойди эта встреча всего парой лет раньше…

— Пойду я. Пускай спокойно забавляется шариками, — глухо сказал он телохранителю анарха и, спрятав конверт в карман, двинулся было прочь,

но приостановился и обернулся. — Попробую еще раз, напоследок, с утра. До того как должен буду явиться в библиотеку… если, конечно, рабочий график мальчишки позволит.

— Позволит, позволит, — со вздохом подтвердил телохранитель. — Теперь, ввиду его… немощи к нему больше не валят толпой за советами и наставлениями.

Искреннее сочувствие в его голосе Энг оценил по достоинству. Оставив бывшего анарха половины цивилизованного мира бездумно играть в траве, он устало отвернулся и побрел прочь.

«Вчерашнее утро, — подумал он. — Последний шанс. Ждать долго, а заняться решительно нечем».

Вернувшись в номер отеля, он заказал звонок на Западное побережье, в Публичную Тематическую Библиотеку, и вскоре оказался лицом к лицу с одним из тех бюрократов, с которыми ему так часто приходилось сталкиваться в последнее время.

— Соедините меня непосредственно с мистером Лерером, — буркнул он.

В конце концов, почему бы не начать с самого верха? Это ведь Лерер решает судьбу его книги, деградировавшей до единственного машинопис-

ного экземпляра… последнее слово за ним.

— Прошу прощения, — с едва заметным пренебрежением в голосе ответил библиотечный чиновник, — но для этого слишком рано: мистер Лерер уже покинул здание библиотеки.

— Как по-вашему, смогу ли я застать его дома?

— Сейчас он, вероятнее всего, завтракает. Рекомендую повременить до вчерашнего дня. В конце концов, мистеру Лереру тоже необходимо порой отдохнуть в уединении, без помех: немаловажных, весьма утомительных забот у него, знаете ли, хватает с избытком.

Очевидно, помогать Энгу мелкий чиновник был не намерен. Окончательно приунывший, Энг, не сказав даже «хелло», бросил трубку на рычаги.

Что ж, возможно, оно и к лучшему: вне всяких сомнений, в отсрочке Лерер бы отказал. В конце концов, библиотечный бюрократ прав, сам Лерер тоже связан служебным долгом, на него тоже давят вышестоящие — в частности, искоры из синдиката… таинственные существа, заботящиеся о неукоснительном, своевременном искоренении человеческих изобретений, о чем наглядно свидетельствует судьба его собственной книги. Ладно. Выходит, ничего не попишешь.

Остается одно — бросить эту затею и возвращаться на запад.

Направившись к двери в коридор, Энг задержался у зеркала на туалетном столике, чтобы проверить, поглотила ли кожа лица пакетик щетины, посаженной на пеноклей в начале дня, взглянул на собственное отражение, провел ладонью по подбородку…

И не сумел сдержать крика.

Его подбородок и скулы сплошь покрывала темная свежеотросшая щетина, зачатки бороды и усов. Щетина не поглощалась кожей — лезла наружу!

Что это значило, он себе даже не представлял, но испугался до полусмерти, замер у зеркала, скованный страхом, отразившимся на его лице. Изуродованный неким нежданным зловещим преображением, человек в зеркале не выглядел даже смутно знакомым.

Почему?! Каким образом?..

Чутье подсказывало: покидать номер отеля не стоит.

Усевшись в кресло, Энг призадумался. Что дальше? Ждать? Чего? Неизвестно. Ясно одно: никакой встречи с Нильсом Лерером в Публичной Тематической Библиотеке в два тридцать

вчерашнего дня не состоится, поскольку…

Да, это он почуял интуитивно, почуял, едва взглянув в зеркало на туалетном столике гостиничного номера. Никакого вчерашнего дня для него уже нет.

Как минимум для него… а может, и для всех вообще.

— Нужно еще… еще раз увидеть анарха, — с запинкой сказал он вслух себе самому. — К дьяволу Лерера: искать с ним назначенной на вчера или еще какой-нибудь встречи я теперь не намерен. Самое главное — снова увидеться с Себастьяном Пиком, и, мало этого, чем скорее, тем лучше. Возможно, уже сегодня, чуть ранее.

Зачем? Затем, что, увидев анарха, он тут же поймет, верны ли его догадки. Если да, ни о каком риске для его книги более нет и речи. Скорее всего, синдикат со своей программой неукоснительного искоренения изобретений опасности уже не представляет… по крайней мере, Энг надеялся на это всем сердцем.

Не напрасно ли? Это выяснится только со временем. Время… вся Фаза Хобарта целиком… без нее тут явно не обошлось.

И, весьма вероятно, не только для Энга.

— Мы оказались правы, — доложил Гантрикс

вышестоящему, барду Чаю из Совета Чистоты, и, дотянувшись до видеомагнитофона, ткнул дрожащим пальцем в клавишу перемотки. — Здесь результаты прослушивания видеофонных линий. Звонок в библиотеку. Изобретатель свооббла, Людвиг Энг, пытался связаться с Лерером, но не сумел. Таким образом, разговора между ними не состоялось.

На округлом, оливково-смуглом лице барда отразилось разочарование, граничащее с детской обидой.

— А следовательно, и записывать оказалось нечего, — язвительно промурлыкал он.

— Ошибаетесь. Вся суть в лице Энга. Энг провел день с анархом, и, как следствие, ток его жизни повернул обратно. Взгляните, взгляните сами!

Бард подался вперед, впился долгим пристальным взглядом в экран с изображением Энга и, наконец, откинувшись на спинку кресла, заговорил:

— Определенно, стигма. Клеймо. Обильная лицевая поросль, зачатки бороды... один из ярчайших признаков принадлежности к мужскому полу, особенно среди евров.

— Не стоит ли переродить его без промедления, пока он не успел достучаться до Лерера? — пред-

ложил Гантрикс.

В его распоряжении имелся превосходно сработанный пистолет, в считаные минуты низводивший до эмбриона даже глубоких старцев, после чего жертва исчезала в ближайшей женской утробе раз и навсегда.

— На мой взгляд, теперь он совершенно безвреден, — отмахнулся бард Чай. — Прекративших существование свобблов все это назад не вернет.

Однако в глубине души барда уже зарождались сомнения, граничащие с тревогой. Возможно, его подчиненный, Гантрикс, оценивает ситуацию верно: ведь он уже не раз в целом ряде критических случаев проявлял себя неплохим аналитиком… потому и оценен Советом Чистоты весьма, весьма высоко.

— Но если Энг исключен из Фазы Хобарта, — упрямо возразил Гантрикс, — разработка свобблa начнется заново. Не забывайте: оригинальный машинописный экземпляр у него сохранился: контакт с анархом имел место до того, как искоренители из синдиката инициировали последнюю стадию уничтожения.

Действительно, дела обстояли именно так, и с этим барду Чаю по зрелом размышлении пришлось согласиться. Тем не менее он просто не

мог воспринимать Людвига Энга всерьез: бородатый ли, безбородый, этот человек не производил угрожающего впечатления. Повернувшись к Гантриксу, бард раскрыл было рот… да так и закрыл, не издав ни звука.

— Почему вы так странно на меня смотрите? — с явной досадой осведомился Гантрикс. — Что стряслось?

Очевидно, под долгим взглядом барда ему сделалось неуютно. Недовольство сменилось тревогой.

— Ваше лицо, — с величайшим трудом сохраняя внешнее спокойствие, пояснил бард Чай.

— Да что там с моим лицом? — Вскинув руку, Гантрикс провел ладонью по подбородку, коснулся щеки и в изумлении заморгал. — Боже мой…

— А ведь вы к анарху не приближались, и, следовательно, перемены в вас этим не объяснить, — подытожил бард.

Интересно, а что с ним самим? Распространяется ли инверсия Фазы Хобарта и на его персону? Не на шутку встревоженный, бард Чай поспешно ощупал челюсть, складки под подбородком… и явственно почувствовал пробивающуюся на свет щетину.

«Ничего не понимаю, — в полной растерянно-

сти подумал он. — Чем это можно объяснить? Инверсия анархова тока времени — не что иное, как результат некоего предшествующего события, затронувшего всех до единого. Тогда положение анарха приобретает совершенно другой характер: очевидно, чьи-либо целенаправленные усилия здесь ни при чем».

— А кстати, — задумчиво заметил Гантрикс, — не кроется ли причина всего этого в исчезновении изобретенного Энгом устройства? С реальностью свобблы на данный момент не связывает ничто, кроме упоминания в пресловутой машинописной копии. Собственно говоря, нам следовало предвидеть нечто подобное… ведь свобблы связаны с Фазой Хобарта весьма тесно.

— Как знать, как знать, — пробормотал бард Чай.

Мысли в его голове неслись вскачь. Строго говоря, свобблы вовсе не порождали Фазу Хобарта, но лишь позволяли придавать ей определенное направление, в силу чего одни регионы планеты не затронуты Фазой вообще, тогда как другие погрязли в ней целиком. В таком случае с исчезновением свобблов из современного общества Фаза Хобарта должна распределиться по всей планете в равной степени — другими словами,

снизить интенсивность воздействия на тех, кто, подобно самому Чаю с Карлом Гантриксом, подвергался ему по максимуму.

— Но ведь в данный момент, — все так же задумчиво продолжал Гантрикс, — изобретатель свооббла, человек, первым пустивший его в ход, вернулся в нормальное время, и следовательно, создание свооббла начато заново. Полагаю, появление первой действующей модели не за горами.

Вот тут-то Чай и сумел оценить всю сложность положения Энга. Вскоре его устройством, как и прежде, воспользуется весь мир, но… как только Энг соберет и приведет в действие первый, опытный образец, Фаза Хобарта возобновится, и ток времени Энга снова устремится вспять. Затем синдикат снова возьмется искоренять свооббы, пока единственным напоминанием о них вновь не окажется только оригинальная рукопись… а ход времени не примет нормальное направление.

Что касается Энга, Энг — теперь-то бард Чай это видел — угодил в замкнутую петлю. Далее его ждут бесконечные колебания в определенном, довольно узком диапазоне, ограниченном обладанием теоретическим описанием свооббла, с одной стороны, и созданием действующего

прототипа — с другой, и это еще не все. Заодно с ним та же самая чехарда ожидает немалую часть населения Терры.

«Вот именно, и мы теперь в той же ловушке, — помрачнев, осознал бард Чай. — Что делать? Каким образом из нее выбраться?»

— Нужно либо подтолкнуть Энга назад, к окончательному уничтожению рукописи, вплоть до забвения самого принципа конструкции, — будто прочитав его мысли, продолжил Гантрикс, — либо…

— Но это же невозможно, — в нетерпении оборвал его бард Чай. — На данной стадии, поскольку в мире не остается работающих свобблов, Фаза Хобарта автоматически теряет силу. Каким образом в их отсутствие сдвинуть Энга назад, против течения времени, хотя бы на полшажка дальше?!

Закономерный вопрос… и ответ на него наверняка найдется. Осознав это, оба надолго умолкли. Помрачневший как туча, Гантрикс то и дело ощупывал подбородок, как будто действительно мог почувствовать непрекращающийся рост щетины. Бард Чай, напротив, целиком погрузился в себя, замер, всесторонне обдумывая сложившееся положение.

Пока ничего дельного, состоятельного в голову не приходило, однако со временем…

— Ситуация крайне сложна, — взволнованно заговорил бард. — Весьма вероятно, Энг вот-вот соберет первый своббл, и нас вновь развернет обратно.

Сейчас его сильнее всего беспокоило одно мгновенное жуткое озарение. Происходящее будет повторяться снова и снова, и всякий раз диапазон колебаний будет сужаться до тех пор…

«До тех пор, — рассудил бард, — пока время не сожмется до микросекунды, пока ток его не замрет на месте — ни туда, ни сюда».

Перспективы вырисовывались — мрачнее некуда… но кое-какое соображение все-таки обнадеживало. Несомненно, проблема очевидна и Энгу, и, оценив ее, тот начнет искать выход. Рассуждая логически, он в силах решить ее, по крайней мере, одним путем — добровольно воздержавшись от изобретения своббла. В таком случае Фаза Хобарта попросту не стабилизируется, завершится, не успев начаться.

Одна беда: окончательное решение зависит от Людвига Энга и только от Людвига Энга. Согласится ли он, пойдет ли навстречу, ознакомленный с данной идеей?

Скорее всего, нет. Энг — личность буйная, неуравновешенная, аутистичная, стороннему влиянию не поддающаяся. Разумеется, это и помогло ему стать настолько оригинальной персоной, без этого Энг как изобретатель не стоил бы ни гроша и своббл, оказавший невообразимых масштабов воздействие на все современное общество, просто не появился бы на свет.

«Что было бы только к лучшему, — уныло подумал бард. — Жаль, раньше никто из нас не оценил возможных последствий…»

Сейчас он оценил их в полной мере.

Выход, предложенный Гантриксом, перерождение Энга, его отнюдь не привлекал, однако чем дальше, тем явственнее казался единственным из имеющихся… а найти выход следовало — следовало во что бы то ни стало.

Охваченный глубочайшим раздражением, библиотекарь высшего ранга Нильс Лерер взглянул на настольные часы, а после сверился с расписанием назначенных встреч. Энг не появлялся: стрелки часов показывали два тридцать пополудни, а Лерер до сих пор сидел за столом в одиночестве. Карл Гантрикс оказался совершенно прав.

Размышляя, что бы все это могло означать, он

еле-еле расслышал звонок видеофона.

«Видимо, Энг, — подумал он, потянувшись к трубке. — Звонит откуда-то издалека сообщить, что не может приехать. Скверное дело. Жди теперь неприятностей. В синдикате останутся недовольны, а предупредить их придется, иначе никак».

— Всего хорошего, — сказал он в трубку видеофона.

— Я люблю тебя, Нильс, — откликнулся негромкий, грудной женский голос. — А ты меня любишь?

Звонок оказался совсем не тем, которого он ожидал.

— Да, Хариса, я тоже люблю тебя, — подтвердил Лерер, — но, черт побери, не звони мне в рабочее время. По-моему, я уже не раз об этом просил.

Хариса Макфадден виновато потупилась.

— Прости, Нильс, мне о бедняге Лансе никак не забыть. Ты навел о нем справки, как обещал? Уверена, нет.

Однако тут она ошибалась: справки Лерер навел — точнее, поручил это дело одному из младших сотрудников библиотеки, и теперь, выдвинув верхний ящик стола, извлек изнутри папку с досье на Ланса Арбатнотта.

— Вот, — демонстративно перелистав подборку документов, сообщил он Харисе. — Как видишь, я знаю об этом чудаке всю подноготную. Вернее сказать, все, что нахожу нужным знать. И, должен заметить, в нем нет решительно ничего интересного. Ничего особенного твой Арбатнотт не достиг. А время на выяснение этого факта у меня, да будет тебе известно, нашлось только потому, что один из действительно важных посетителей, крупнейший изобретатель, не явился на встречу к назначенному часу, к двум тридцати, и я жду его до сих пор. Если он соизволит явиться, разговор придется немедленно прервать.

— А он, Арбатнотт, вправду лично знаком с анархом Пиком?

— Да, этот момент досье подтверждает.

— Вот! И чудак он — тот еще, до мозга костей, а значит, искоренение его работы определенно пойдет обществу на благо. Ты просто должен, обязан… — Сделав паузу, Хариса кокетливо взглянула на Лерера с экрана видеофона сквозь длинные, густые ресницы. — Ну же, Нильс, дорогой… пожалуйста!

— Однако, — неумолимо продолжал Лерер, — о том, что Арбатнотт уделил хоть какое-то время составлению статьи касательно психогенных

причин гибели людей от попадания метеорита, в этих бумагах не говорится ни слова.

Хариса замялась, слегка покраснела.

— Я… э-э… это я выдумала, — вполголоса призналась она.

— Зачем?

— Э-э… он… дело в том, что мы с ним — любовники, — с запинкой, сделав долгую паузу, объяснила Хариса.

— Дело в том, — зарычал Лерер, угрожающе подавшись к экрану, — что ты знать не знаешь, о чем в действительности его статья! Вполне возможно, на поверку она абсолютно рациональна и станет значительным вкладом в развитие общества, верно?

Не дожидаясь ответа, он потянулся к рычагу, чтобы прервать разговор.

— Постой!

Поспешно сглотнув, Хариса втянула голову в плечи и, едва пальцы Лерера коснулись рычага, зачастила:

— Ладно, Нильс, вот тебе вся правда. Ланс не желает рассказывать, о чем написал в статье. Ни мне, ни вообще кому-либо. Но если ты возьмешься за ее искоренение… понимаешь? Ему придется ознакомить тебя с ней: без твоего анализа син-

дикат не даст согласия на процедуру, так ведь? А после ты расскажешь мне, в чем там суть. Это ведь можно, да?

— Тебе-то какая разница, о чем она? — пренебрежительно хмыкнув, проворчал Лерер.

— По-моему, — не без колебаний пояснила Хариса, — она как-то связана со мной. Честно. Со мной творится что-то странное, и Ланс это заметил — ясное дело, заметил, мы ведь… э-э… так близки, что изучили друг друга… извини за подробности, от и до.

— На мой взгляд, эта тема откровенно скучна, — ледяным тоном заметил Лерер.

«Ну, вот теперь-то, — подумал он про себя, — я не приму статью Арбатнотта в работу, чего бы мне это ни стоило. Даже под угрозой вычета в десять тысяч посткредов».

— Все. Поговорим в другой раз, — сказал он и дал отбой.

— Сэр, — зазвучал из настольного селектора голос мисс Томсен, его секретарши, — тут человек с шести вечера вас дожидается. Говорит, ему требуется всего пара секунд вашего времени, а вы, по словам мисс Макфадден, с радостью…

— Передайте ему, что я умер на рабочем месте, — отрезал Лерер.

— Но ведь вы не можете умереть, сэр. Вы ведь в Фазе Хобарта, и мистеру Арбатнотту об этом известно: он прямо об этом упоминал. Сидит тут, составляет для вас Хобартов гороскоп. Предсказывает, будто в предыдущем году вас ждут великие перемены, и, честно говоря, мне от его предсказаний как-то не по себе: кое-что из них кажется настолько точным…

— Предсказания прошлого меня не интересуют, — ответил Лерер. — Я лично считаю все это откровенным жульничеством. Прошлое познанию недоступно.

«Да, чудак он первостатейный, в этом отношении Хариса не соврала, — решил он. — Подумать только: всерьез считать, будто уже случившееся, канувшее в туманные бездны вчерашнего дня, можно предвидеть… верно, ох, верно сказал П. Т. Барнум, из жизни такие уходят ежеминутно! Может, действительно взглянуть на него? Хариса права, подобные идеи следует искоренять без пощады — для блага всего человечества, не говоря уж о собственном спокойствии».

Однако дело заключалось не только в этом: Лереру стало до некоторой степени любопытно взглянуть на этакого идиота, послушать, с чем он пришел, что интересного предскажет — особенно

насчет последней пары недель… а после, пожалуй, одобрить искоренение его статьи. И заодно стать первым обладателем личного Хобартова гороскопа.

Вне всяких сомнений, Людвиг Энг являться на встречу не намерен. Времени, должно быть, уже два или около. С этими мыслями Лерер взглянул на часы…

И заморгал, не веря глазам.

Стрелки часов показывали два сорок.

— Мисс Томсен, сколько на ваших часах? — спросил Лерер, нажав кнопку селектора.

— Бог ты мой, — ахнула мисс Томсен, — вот-те на! Я и не думала, что еще так рано… а ведь отчетливо помню: совсем недавно было два двадцать. Должно быть, часы встали.

— Вы хотели сказать, «уже так поздно»? Два сорок — это ведь позже двух тридцати.

— Нет, сэр, тут уж позвольте с вами не согласиться. Конечно, мне не по чину объяснять вам, что к чему, но в этом случае я права. Спросите кого угодно. Вот я этого джентльмена, ждущего вас, спрошу. Мистер Арбатнотт, два сорок — это ведь раньше двух двадцати?

В ответ из динамика селектора донесся новый голос — мужской, сухой, ровный:

— Я здесь только затем, чтобы поговорить с мистером Лерером, а не ради академических дискуссий. Мистер Лерер, если вы согласитесь принять меня, то с гарантией убедитесь: моя статья — ярчайший образчик откровенной чуши из всех, когда-либо попадавших к вам на рассмотрение. Мисс Макфадден сообщила вам чистую правду.

— Впустите его ко мне, — нехотя велел Лерер мисс Томсен.

Озадачен он был не на шутку. Вокруг явно творилось нечто странное, необычное, прямо связанное с последовательным течением времени, но что именно, Лерер не понимал.

Порог кабинета переступил энергичный, подтянутый молодой человек с ранними залысинами на лбу и портфелем под мышкой. Обменявшись с Лерером непродолжительным рукопожатием, Ланс Арбатнотт уселся в кресло лицом к столу.

«Вот, значит, каков он — тот, с кем Хариса завела интрижку, — подумал Лерер. — Ну да ладно, бог с ними».

— Даю вам десять минут, а после извольте на выход, — сказал он вслух. — Понятно?

— Сейчас-сейчас, — пробормотал Арбатнотт, расстегивая молнию портфеля. — Вот. Здесь

мною изложена самая умопомрачительная, невероятная идея из когда-либо приходивших мне в голову. Полагаю, она настоятельно требует официального искоренения, так как, завладев умами, принесет немало нешуточного, вполне осязаемого вреда. На свете так много людей, готовых подхватить и претворить в жизнь любую идею, не важно, насколько она противоречит здравому смыслу… потому вы — единственный, кому я это показываю, да и то с крайне серьезными опасениями.

Резко, судорожно бросив на стол Нильса Лерера стопку машинописных страниц, посетитель откинулся на спинку кресла и замер в ожидании.

С профессиональным вниманием изучив заголовок статьи, Лерер недоуменно пожал плечами.

— Это же не более чем инверсия всемирно известной работы Людвига Энга, — сказал он, отодвинув от стола кресло на роликах и вскинув руки ладонями наружу в знак нежелания даже притрагиваться к рукописи. — Не вижу в ней ничего экстравагантного: «отзеркалить» название труда Энга — идея вполне логичная, простенькая… до такого может додуматься каждый.

— Только никто не додумался, — с убийственной серьезностью заметил Арбатнотт. — До сих

пор. Прочтите название еще раз и представьте себе потенциальные последствия.

Нисколько не впечатленный его филиппикой, Лерер взглянул на толстую стопку страниц еще раз.

— Потенциальные последствия искоренения данной работы, — негромко, спокойно, разве что чуточку сдавленно уточнил Арбатнотт.

Заглавие его работы, по-прежнему нисколько не впечатлившее Лерера, гласило:

«КАК Я НА ДОСУГЕ В СОБСТВЕННОМ ПОДВАЛЕ
РАЗОБРАЛ СВОББЛ
НА ОБЫЧНЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА»

— Ну, и? — хмыкнул Лерер. — Разобрать своббл может кто угодно, что не раз и проделывалось. Мало этого, свобблы уничтожаются тысячами в общем порядке. Мало того, я весьма сомневаюсь, что где-либо в мире до сих пор сохранился хотя бы один из…

— Какой негативный эффект, — перебил его Арбатнотт, — возымеет искоренение данной статьи, состоявшееся — в чем я твердо уверен — совсем недавно? Подумайте, Лерер, подумайте!

Последствия изъятия из обращения идеи Энга вам известны: конец свобблам и, следовательно, Фазе Хобарта. Приговор, вынесенный синдикатом рукописи Энга, близится к исполнению… и в течение сорока восьми минувших часов мы станем свидетелями возврата Западных Соединенных Штатов и Свободного Негритянского Муниципалитета к нормальному ходу времени. В продолжение той же логической цепи… — Сделав паузу, Арбатнотт шумно перевел дух. — Теперь-то вы понимаете значение моей работы? Я нашел способ сохранить свобб… и спасти угасающую на глазах Фазу Хобарта. Без моей работы мы постепенно утратим все, что даровали нам свобблы, Лерер! Свобблы избавили нас от смерти. Случай анарха Пика — только начало. Единственный способ уберечь цикл от завершения — уравновесить статью Энга моей: работа Энга движет нас в одном направлении, моя статья придает нам обратный импульс, а после в дело снова вступает труд Энга, и… и, стоит лишь захотеть, так может продолжаться до бесконечности. Если только — конечно, я себе такого исхода просто не представляю, однако теоретически такая возможность, признаться, не исключена — если только в результате оба временны́х потока не сольются

воедино окончательно и бесповоротно.

— Да вы не просто чудак… всем чудакам чудак, — глухо заметил Лерер.

— Именно, именно, — с легкой улыбкой закивал Арбатнотт, блеснув проницательными, зоркими серыми глазками, — потому-то вы и представите мою статью синдикату, рекомендовав ее к официальному искоренению. Потому что не верите мне. Считаете все это абсурдом.

— Мисс Томсен, свяжитесь с местным отделением синдиката, — включив селектор, распорядился Лерер. — Пусть пришлют ко мне кого-нибудь из искоров, и как можно скорее. У меня тут кое-какой хлам, требующий официального заключения. С началом процедуры уничтожения терминальной копии лучше бы не затягивать.

— Будет сделано, мистер Лерер, — откликнулась мисс Томсен.

Лерер, откинувшись на спинку кресла, смерил взглядом сидящего напротив.

— С вас этого довольно?

— Вполне, — с той же легкой улыбкой подтвердил Арбатнотт.

— Если б я нашел в вашей работе хоть что-нибудь…

— Но вы ничего подобного в ней не нашли, —

терпеливо закончил его мысль Арбатнотт, — а значит, я своего добьюсь. Преуспею, и не далее как завтра — ну, в крайнем случае, послезавтра.

— То есть вчера либо позавчера, — поправил его Лерер и взглянул на ручные часы. — Десять минут истекли, — сообщил он чудаку-изобретателю, прижав ладонью к столу стопку машинописных страниц. — Теперь прошу вас удалиться, а это оставьте здесь.

Арбатнотт, покорно поднявшись на ноги, направился к двери в приемную.

— Мистер Лерер, — задержавшись у порога, сказал он, — пусть это вас не тревожит, но, при всем уважении к вам, сэр… вам необходимо побриться.

— Я не бреюсь уже двадцать четвертый год, — машинально ответил Лерер, — с тех самых пор, как в нашем районе Лос-Анджелеса впервые вступила в действие Фаза Хобарта.

— Однако завтра к этому времени побреетесь непременно, — заверил его Арбатнотт и, выйдя в приемную, закрыл за собой дверь.

Поразмыслив минуту-другую, Лерер снова нажал кнопку селектора.

— Мисс Томсен, ко мне никого больше не пускать. Все назначенные на сегодня встречи

отменяются.

— Хорошо, сэр, — ободряюще ответила та. — А этот, который только что вышел… редкий чудак, верно? По-моему, да: я таких насквозь вижу. Очевидно, вы рады, что его приняли?

— Приму, — поправил ее Лерер.

— По-моему, вы ошибаетесь, мистер Лерер. Здесь нужен глагол прошедшего вре…

— Даже если объявится Людвиг Энг, — продолжал Лерер, — видеть его не желаю. С меня на сегодня довольно.

Выдвинув ящик стола, он бережно уложил на дно рукопись Арбатнотта, закрыл ящик, дотянулся до пепельницы, выбрал самый короткий — и, стало быть, лучший — окурок, потер им о керамическое донце, а как только табак затлел, поднес окурок к губам. Меланхолично вдувая в растущую на глазах сигарету волоконца резаного табака, он устремил взгляд наружу, в сторону тополей, окаймлявших дорожку к автостоянке за окном кабинета.

Налетевший ветер подхватил с земли кучу листьев, закружил их в воздухе, с безукоризненной аккуратностью развесил по тополиным ветвям, отчего деревья, определенно, сделались куда красивее прежнего.

Часть побуревшей листвы уже налилась зеленью. Еще немного, и на смену осени придет лето, а на смену лету — весна…

Дожидаясь прибытия высланного синдикатом искора, Нильс Лерер оценивающе наблюдал за происходящим. Надо же! Благодаря безумной идее чудака-изобретателя время снова вернулось в обычную колею, вот только…

Ощупав подбородок, Лерер озабоченно сдвинул брови.

Щетина!

— Мисс Томсен, — сказал он, включив селектор, — будьте любезны, загляните ко мне. Загляните, проверьте: пора мне побриться или нет?

Ему лично казалось, что да, и как можно скорее.

Пожалуй, в течение предыдущего получаса.

Теологический спор

I

Сон отступал. Ослепленный ярко-белым искусственным светом, Стаффорд заморгал, сощурился. Свет испускали три круга, нависших над кроватью каждый на своем месте, примерно на полпути к потолку.

— Прошу прощения, однако мы вынуждены вас разбудить, мистер Стаффорд, — донеслось из-за слепящего зарева. — Вы ведь и есть Джозеф Стаффорд, не так ли?

Голос оказался незнакомым, мужским.

— Вот позорище, черт возьми, выйдет, — продолжал говорящий, обращаясь к кому-то еще, также невидимому, — если мы по ошибке разбудили кого-то другого… того, кто этого вовсе не заслужил.

— Кто вы? — с трудом оторвав голову от подушки, прохрипел Стаффорд.

Ближайший светящийся круг сдвинулся книзу, кровать скрипнула — очевидно, под тяжестью присевшего на ее край незнакомца.

— Мы ищем Джозефа Стаффорда, шестой ярус, пятидесятый этаж, этого… э-э… как вы сказали?

— Специалиста по ремонту электронно-вычис-

лительных машин класса ГБ, — пришел ему на помощь спутник.

— Да, верно: специалиста, к примеру, по этим новейшим плазменным блокам, хранилищам данных. Вы, Стаффорд, сможете такой починить, если сломается?

— Ясное дело, сможет, — спокойно, без тени сомнения заверил его еще один голос. — Этим и заслужил режим «наготове», место в оперативном резерве. Помнишь, нам вторую видеофонную линию перерезать пришлось? Так знай: это круглосуточная прямая связь с его начальством.

— И давно ли вы в последний раз были на вызове… специалист? — осведомился тот, кто заговорил первым.

Стаффорд оставил вопрос без ответа: он втихомолку, стараясь не выдать себя лишним движением, шарил под подушкой в поисках шнек-плазмомета, обычно хранившегося в изголовье.

— По-моему, работать ему не доводилось давненько, — заметил еще один из нежданных визитеров с фонариками, — а значит, ему, надо думать, деньги нужны. Нужны тебе деньги, Стаффорд? Или — что тебе требуется? Может, тебе просто в радость чинить вычислительные

машины? Работа-то, на мой взгляд, — нуднее не придумаешь, глупо такую профессию выбирать, да еще жить в режиме круглосуточной готовности, без настоящей любви к делу. Скажи-ка, ты вправду мастер? Сумеешь привести в чувство наш военно-стратегический планировщик, «Геникс-Б», как бы замысловато он ни чудил? Ну, ободри нас, скажи «да»!

— Э-э… подумать надо, — глухо откликнулся Стаффорд, не прекращая поиск.

Увы, плазмомет никак не находился. Завалился, что ли, куда-то? А может, эти забрали, прежде чем разбудить?

— Вот что я тебе скажу, Стаффорд, — продолжил тот же голос.

— Мистер Стаффорд! — оборвал его другой. Ослепительный ореол по правую руку, с краю, опустился чуть ниже: очевидно, ночной гость склонился над кроватью. — Послушайте. Поднимайтесь, о'кей? Поднимайтесь, одевайтесь, и мы отвезем вас к ЭВМ, срочно требующей ремонта. По пути у вас будет куча времени для раздумий насчет собственного мастерства, а после, на месте, вы быстренько поглядите на «Геникс-Б» и определите, много ли времени займет починка.

— А починить его нужно во что бы то ни ста-

ло, — жалобно добавил первый. — В таком виде, как сейчас, проку от него ноль. Данные копятся кучами, курганами высотой в милю, и… как это вы выразились?.. Не поступают на вход. Валяются на полу безо всякого толку, а «Геникс-Б» их не получает, не обрабатывает и, разумеется, не может прийти ни к какому решению. А все наши спутники, естественно, летают, кружат себе по орбитам как ни в чем не бывало!

— С чего начались неполадки? Как первым делом проявились? — спросил Стаффорд, неловко, с трудом поднимаясь с кровати.

Кем могут быть эти трое? О каком из «Гениксов-Б» разговор? Насколько ему известно, в Северной Америке таких машин всего три, а на всю Терру — восемь.

Наблюдая, как он облачается в рабочую спецовку, трое нежданных гостей, неразличимые за светом фонариков, принялись совещаться между собой. Наконец один из них звучно откашлялся, прочищая горло, и заговорил:

— Насколько я понимаю, началось все с того, что приемная лентопротяжная катушка прекратила вращаться, и вся лента с поступающими данными попросту огромной грудой скапливается на полу.

— Но ведь натяжение ленты на приемных катушках, — начал Стаффорд, — регулируется…

— В данном случае регулирующая его автоматика не сработала. Понимаете, чтобы прекратить прием ленты, катушку пришлось заклинить наглухо. До этого пробовали обрезать ленту, но в таких случаях лента, о чем вам, полагаю, известно, сращивается и перезаправляется автоматически. Конечно, ленту можно и затирать, но запуск контура очистки данных поднимет тревогу в самом Вашингтоне, округ Колумбия, а вмешивать в дело начальство высшего уровня не хотелось бы. На наше счастье, инженеры, конструировавшие машину, упустили из виду контроль натяжения ленты на приемных катушках: ну, что особенного может случиться с простейшим механизмом сцепления?

— Другими словами, у вас имеются данные, которые вам не хотелось бы подавать на вход, — рассудил Стаффорд, трудясь над продеванием пуговицы в петлю воротничка. В голове прояснилось: по крайней мере, он более-менее проснулся. — Что за данные, какого рода?

Сердце екнуло, сжалось в предвкушении беды: похоже, ответ он знал заранее. Входные данные — из тех, что подтолкнут одну из мощнейших,

принадлежащих правительству ЭВМ к объявлению «Красной Тревоги». И, разумеется, засбоил «Геникс-Б» как раз перед тем, как враждебные действия Содружества Подлинных Южноафриканцев проявились в виде набора вполне реальных, пусть и мелкомасштабных признаков, на вид никак не связанных между собой, но электронный стратегический планировщик, сопоставив необъятное множество разрозненных деталей, без труда сложил бы их в единую, вполне осмысленную картину, если бы не…

«А ведь сколько раз нас именно об этом и предупреждали! — с горечью подумал Стаффорд. — Сколько раз говорили: первым делом им поневоле придется вывести из игры „Геникс-Б“, пока он не успел перевести спутники возмездия и бомбардировщики СКАС в боевой режим!»

Сомнений не оставалось: именно это сейчас и происходит. Глаза и уши СПЮА, тайно заброшенные в Северную Америку, трое ночных гостей подняли Джозефа Стаффорда с постели, чтобы завершить начатое, чтоб окончательно вывести стратегический планировщик из строя.

Однако… возможно, данные уже получены, уже переданы на приемные контуры для обработки и анализа. Да, определенно эти трое взялись за дело

с опозданием — возможно, на сутки, возможно, на пару секунд. Так ли, иначе, часть важных сведений попала на ленты, и потому агентам врага потребовалось звать на подмогу мастера. Закончить работу самим им не по силам.

Далее над Соединенными Штатами в самом скором времени начнут рваться спутники с оружием устрашения на борту, а сеть оборонной автоматики тем временем будет ждать команды от основного стратегического планировщика… но не дождется, так как «Геникс-Б» ничего не узнает о первых ласточках вооруженного нападения до тех пор, пока прямое попадание в столицу государства не покончит и с нею, и с его охолощенным аналитическим аппаратом.

Вот для чего им потребовалось заклинить приемную лентопротяжную катушку!

II

— Выходит, война началась? — негромко спросил Стаффорд, окинув взглядом четверку ночных гостей с фонариками.

Включив свет в спальне, он наконец смог разглядеть их как следует. Люди как люди, посланные на задание… не фанатики — обыкновенный служивый народ. Пожалуй, такие с тем же старанием работали бы на любое другое правительство, даже на явных психов, которые стоят во главе Китайской Народной Республики.

— Война уже начата, — продолжал он рассуждать вслух, — но «Геникс-Б» ни за что не должен об этом узнать, ведь тогда он не сможет ни защитить нас, ни нанести ответный удар. Поэтому вам и хочется ограничить его данными, свидетельствующими о продолжении мирной жизни.

Сам Стаффорд — и его «гости», вне всяких сомнений, тоже — прекрасно помнил, как быстро отреагировал «Геникс-Б» на изменение ситуации в мире во время двух прежних Интервенций Чести, военных кампаний против Франции и Израиля. А ведь ни один из профессиональных, прошедших специальное обучение наблюдате-

лей не заметил угрожающих признаков либо не понял, на что они указывают… совсем как Иосиф Сталин в 1941-м. Сколько бы ему ни предъявляли доказательств, сколько бы ни предупреждали о намерениях Третьего рейха напасть на СССР, пожилой диктатор попросту не желал или не мог в это поверить. Впрочем, в 1939-м верхушка рейха тоже не верила, что Франция и Британия намерены соблюдать пакт, заключенный с Польшей…

Окружив Стаффорда со всех сторон, люди с фонариками вывели его из спальни комкварта в общий коридор и отконвоировали к эскалу, ведущему на крышу, к летной площадке. Снаружи в ноздри ударили запахи ила и сырости. Сделав глубокий вдох, Стаффорд невольно содрогнулся и поднял взгляд к небу. Одна из звездочек, движущаяся, оказалась посадочным огнем махолета, спустя пару минут приземлившегося на крышу в полудюжине футов от всех пятерых.

Как только они уселись в кабину и махолет, с головокружительной скоростью взмыв в воздух, взял курс на запад, в сторону Юты, один из серых, неприметных оперативников со шнек-плазмометом, фонариком и портфелем в руках, повернулся к Стаффорду.

— Догадка прекрасная, — одобрительно заме-

тил он, — особенно если учесть, что мы разбудили вас среди ночи.

— Но, к сожалению, ошибочная, — добавил один из его спутников. — Покажи ему прихваченный с собой образец перфоленты.

Сидевший рядом со Стаффордом, щелкнув замком портфеля, молча извлек неряшливый ком тонкой лавсановой ленты и протянул Стаффорду.

Стаффорд, подняв ленту к плафону светильника, принялся изучать перфорацию на просвет. Двоичная система… очевидно, программный код для автономных боевых единиц Объединенного стратегического командования аэрокосмических сил, управляемых непосредственно «Гениксом-Б».

— Машина была готова устроить всеобщий аврал, — оглянувшись назад, сообщил человек за приборной доской махолета. — Поднять по тревоге все боевые единицы, подключенные к ней. Вы программные коды прочесть в состоянии?

Стаффорд, кивнув, вернул ленту сидевшему рядом. Да, программные коды читать он умел. Стратегический планировщик не только официально уведомлял СКАС о «Красной Тревоге», но — ни много ни мало — пытался отправить в бой

все эскадрильи, вооруженные водородными бомбами, и требовал подготовить к пуску все МКБР класса «земля — земля», имеющиеся в наличии.

— И, кроме этого, — добавил человек за приборной доской, — отдала оборонным спутникам и ракетным комплексам команду приготовиться к отражению ожидаемой в самом скором будущем ядерной бомбардировки. Однако мы, как видите, сумели все это блокировать. До кабелей связи команды с этой ленты не дошли.

Окончательно сбитый с толку, Стаффорд надолго умолк.

— Тогда какие же данные вам нужно утаить от «Геникса-Б»? — помолчав, пробормотал он.

— Обратную связь, — пояснил тот, кто управлял махолетом, очевидно, старший оперативной группы. — Без обратной связи ЭВМ никак не определить, что подчиненные ей военные силы не предприняли контратаки. За отсутствием определенности машине придется предположить, что контратака осуществлена, однако удары врага, по крайней мере, частично достигли цели.

— Но… но враг, враг-то где? — пролепетал Стаффорд. — Кто на нас нападает?

Молчание.

Лоб Стаффорда взмок, заблестел от пота.

— Да знаете ли вы, каким образом «Геникс-Б» приходит к заключению, что нас атакуют? Взвешивает, сопоставляет, анализирует миллион самых разных факторов — и вот он, конечный вывод! В данном случае вывод касательно скорого ядерного удара. Решает дело не что-то одно — все факторы в комплексе. Программа строительства бомбоубежищ в азиатской части России, необычные перемещения грузовых судов у берегов Кубы, повышение количества транспортных ракет, разгружающихся в Красной Канаде…

— Никто, — кротко откликнулся человек за приборной доской махолета, — ни одно государство либо группа людей — на Терре ли, на Луне, под марсианскими ли куполами — даже не думает ни с кем воевать. Теперь понимаете, почему нам нужно доставить вас на место как можно скорее? Вам предстоит позаботиться, чтобы «Геникс-Б» не отдал Аэрокосмическим силам ни одного приказа. Полностью изолировать «Геникс-Б» от внешнего мира. Никаких разговоров с представителями власти, никаких входных данных от кого-либо, кроме нас, а дальше… там будет видно. Как говорится, довлеет дневи злоба его. Для каждого дня довольно своих забот.

— То есть вы утверждаете, что «Геникс-Б»,

несмотря на все свои возможности, ошибается насчет атаки? При его-то необъятной сети экстензионных узлов для сбора данных? — ахнул Стаффорд и вдруг замер от ужаса, осененный кое-какой ретроспективной догадкой. — А как же с нашими упреждающими ударами по Франции в восемьдесят втором и по малютке Израилю в восемьдесят девятом?!

— И в тех случаях нас тоже никто не собирался атаковать, — заверил Стаффорда сидящий в соседнем кресле, пряча скомканную перфоленту в портфель. Тишину, воцарившуюся в кабине махолета, не нарушало ничто, кроме его мрачного, предельно серьезного голоса. — Точно так же, как и сейчас. Только на этот раз мы, наша группа, помешала «Гениксу-Б» втянуть нас в новую бессмысленную, не нужную никому войну. Всей душой надеюсь, успешно.

— Кто вы такие? — резко спросил Стаффорд. — Какие посты занимаете в федеральном правительстве? Какое имеете отношение к «Гениксу-Б»?

«Агенты, как пить дать, агенты этих воинствующих пустобрехов, Подлинных Южноафриканцев», — подумал он про себя.

Такой вариант до сих пор казался ему наиболее

вероятным. Впрочем, эта четверка вполне могла оказаться и израильскими зелотами, жаждущими мести… или просто стремящимися предотвратить войну. Что ж, мотив, конечно, гуманный, гуманнее не придумаешь, однако Стаффорд, подобно «Гениксу-Б», никаким политическим образованиям, помимо Северо-Американского Союза Всеобщего Процветания, не присягал, а следовательно, главная его задача — избавиться от этой четверки, как можно скорее связаться с непосредственным начальством и доложить обо всем.

— Мы трое — из ФБР, — ответил сидевший за приборной доской махолета, показав Стаффорду удостоверение, — а вот он — один из инженеров-электронщиков, проектировавших интересующий нас «Геникс-Б».

— Да, так и есть, — подтвердил инженер. — Я сам подсказал им, как заклинить лентопротяжные механизмы, застопорив и поступление входных данных, и выдачу ленты с программными кодами… но этого недостаточно.

Лицо его оставалось безмятежным, однако во взгляде чувствовалась мольба, а тон становился то умоляющим, то повелительным — очевидно, он пробовал все, любые средства, способные при-

вести к нужному результату.

— Однако давайте мыслить практически. Каждый из «Гениксов-Б» снабжен резервным контрольным блоком, и этот блок в любую минуту может сообщить планировщику о невыполнении отправленных СКАС программ, не говоря о прекращении поступления входных данных. Тогда планировщик, как и во всех прочих случаях, занимающих его электронные мозги, займется анализом проблемы — то есть самоанализом… и к тому времени нам нужно придумать что-либо понадежнее филипсовской отвертки, воткнутой в лентопротяжный механизм. Вот потому-то, — сделав паузу, сбавив темп, подытожил он, — мы и приехали к вам.

Стаффорд беспомощно развел руками.

— Но ведь я всего-навсего ремонтник, — напомнил он. — Устранение неполадок и техобслуживание. Даже анализ сбоя — дело уже не мое. Получил указание — выполнил, не более.

— Вот и выполняйте полученные от нас указания, — повелительно, резко бросил агент ФБР, сидевший рядом со Стаффордом. — Выясните, с чего, по какой причине «Геникс-Б» решил объявить «Красную Тревогу», взбаламутить СКАС и начать «контратаку». Заодно разберитесь, почему

он проделал то же самое в случае Израиля с Францией. Решение ведь основано на анализе входных данных: «Геникс-Б» не живой, свободой воли не обладает, а следовательно, не мог поступить так, просто поддавшись минутной прихоти!

— При некотором везении мы покончим со сбоями подобного рода раз и навсегда, — добавил инженер. — Выясним, что вызвало неполадки, и устраним причину, причем не только в нашем, но и в остальных семи «Гениксах-Б», по всему миру, пока они тоже не принялись куролесить.

— Если по нам и готовятся нанести удар, — сообщил агент ФБР, ближайший сосед Стаффорда, — никаких указаний на это мы — вернее, аналитики-люди — найти не смогли. Признаю, согласно формальной логике, «Геникс-Б» с некоторой вероятностью может оказаться прав. В конце концов, как он и указывал…

— Однако вы можете заблуждаться, поскольку СПЮА враждует с нами так долго, что мы принимаем это за данность. В силу стереотипов, сложившихся в современном обществе.

— О, Содружество Подлинных Южноафриканцев здесь ни при чем, — живо возразил агент ФБР. — В противном случае мы просто не заподозрили бы неладное, не принялись бы копать

в глубину, опрашивать выживших в Израильской и Французской войнах, не говоря обо всем прочем, предпринятом в этом направлении государством.

— Если верить «Гениксу-Б», нам угрожает Северная Калифорния, — поморщившись, уточнил инженер. — Даже не вся Калифорния, а только часть, к северу от Пизмо-Бич.

Стаффорд в изумлении вытаращил глаза.

— Верно, верно, — подтвердил еще один из агентов ФБР. — «Геникс-Б» едва не отправил все аэрокосмические силы стратегического назначения, все бомбардировщики и боевые спутники, в массированную атаку на окрестности Сакраменто, штат Калифорния.

— А вы хоть спрашивали, почему? — полюбопытствовал Стаффорд, вновь повернувшись к инженеру.

— Разумеется. То есть, строго говоря, попросили подробно изложить, что затевает «противник».

— Ага, расскажите, — протянул еще один из агентов ФБР, — расскажите мистеру Стаффорду, за какие грехи Северная Калифорния объявлена врагом номер один и стала бы целью упреждающего удара на уничтожение, если бы мы не заклинили эту проклятую железяку… и не держа-

ли заклиненной до сих пор.

— Дело, понимаете ли, в следующем, — не без смущения заговорил инженер. — Некто развернул в Кастро-Вэлли сеть автоматов, торгующих жвачкой. Знаете, думаю — такие прозрачные пузыри на столбиках при входе в супермаркет. Ребенок, бросивший в прорезь пенни, получает взамен яркий шарик совершенно безвредной жвачки в карамельной глазури, а порой еще что-нибудь, приз наподобие колечка или кулончика… тут возможны варианты. Вот это и есть цель упреждающего удара.

— Шутите, — не веря своим ушам, выдохнул Стаффорд.

— Если бы! Владелец сети — Герб Суза, на данный момент владеет шестьюдесятью четырьмя автоматами и планирует расширяться.

— То есть вы всерьез утверждаете, — глухо пробормотал Стаффорд, — что в ответ на данный факт «Геникс-Б»… но это же полный абсурд!

— Ну, строго говоря, не на сам данный факт как таковой, — вмешался его ближайший сосед, служащий ФБР. — К примеру, мы навели справки в правительствах Франции и Израиля и выяснили: в этих странах некто по имени Герб Суза сетей автоматов со жвачкой по шарику за пенни не

открывал. Равно как и сетей с автоматами, торгующими арахисом в шоколаде или еще чем-либо хоть отдаленно похожим. Напротив, в течение последних двадцати лет Герб Суза развернул такие же точно сети в Чили и Великобритании… и все эти годы «Геникс-Б» не проявлял к ним ни малейшего интереса. Герб Суза, видите ли, человек уже пожилой, — добавил он.

— Этакий Джонни Жвачечное Семечко[35], — прыснув со смеху, вставил инженер-электронщик, — бродящий по свету и расставляющий автоматы со жвачкой у каждой бензо… Впрочем, ладно. Так вот, ключевым стимулом, — продолжал он, в то время как махолет, свернув в сторону необъятного комплекса ярко освещенных общественных зданий, пошел на снижение, — мог послужить один из ингредиентов загружаемого в автоматы товара. К такому выводу пришли наши специалисты, изучив весь доступный «Гениксу-Б» материал на предмет закупаемой Сузой жвачки и выяснив, что «Геникс-Б» располагает только невероятно длинным и скучным отчетом о результатах химического анализа компонен-

[35] Примечания: 35

Намек на Джонатана Чепмена, жителя США, первым начавшего сажать яблони на Среднем Западе и потому вошедшего в американский фольклор под прозвищем Джонни Яблочное Семечко.

тов пищевого продукта, которым загружены торговые автоматы Сузы. Мало этого, «Геникс-Б» специально запрашивал дополнительную информацию по данному вопросу. Раз за разом выдавал на выходе «исходные данные неполны», пока мы не отдали эту жвачку на анализ в лаборатории надзора за качеством пищевых продуктов и лекарственных препаратов.

— И что же показал этот анализ? — спросил Стаффорд.

Махолет опустился на крышу постройки, служившей приютом главному компоненту стратегического планировщика — как ныне принято было выражаться, «господина главнокомандующего Северо-Американским Союзом Всеобщего Процветания».

— По пищевой части, — ответил агент ФБР, сидевший ближе всех к выходу, спускаясь на неярко освещенный посадочный пятачок, — ничего, кроме жевательной основы, сахара, кукурузной патоки, размягчающих добавок, искусственных ароматических и вкусовых добавок, сколько их там ни есть, да искусственного красителя. По существу, иначе жвачку просто не сделаешь. Ну а грошовые безделушки, призы, штампуются из вакуумированных термопластмасс. Такие, по

шесть сотен за доллар, можно закупать у любого из дюжины отечественных, гонконгских либо японских производителей. Мы даже не поленились отыскать конкретного комиссионера, занимавшегося поставками, через него выйти на фабрику, а там наш человек, государственный служащий в немалом чине, битый час торчал у конвейера и своими, в буквальном смысле слова, глазами наблюдал, как делается эта дрянь. И что же? Ничего криминального. Ничего примечательного вообще.

— Однако, — негромко, словно бы про себя, добавил инженер, — как только «Гениксу-Б» передали эти данные…

— Вот тут-то, — подхватил агент ФБР, пропуская Стаффорда к дверце, ведущей наружу, — вся эта кутерьма и началась. «Красная Тревога», всем боевым единицам СКАС — срочный взлет, ракеты в шахтах подготовить к пуску… Словом, все мы в сорока минутах… на ширине жала вогнанной в лентопротяжный механизм ЭВМ филипсовской отвертки от термоядерной войны!

— А вы, — с затаенной надеждой, не сводя пристального взгляда со Стаффорда, заговорил инженер, — не находите в этих данных чего-либо странного или гипотетически некорректного?

Если находите, ради всего святого, не молчите. Пока что нам остается только одно — размонтировать «Геникс-Б», привести его в нерабочее состояние, и если далее для нас действительно возникнет угроза…

— Вот интересно, — неторопливо, задумчиво перебил его Стаффорд, — что значит «искусственный краситель»?

III

— Ну как же, — немедля откликнулся инженер, — сама по себе жвачка довольно невзрачна на вид, потому в нее и добавляют безвредные пищевые красители.

— Однако заметьте: из данного пункта ясен только эффект, — пояснил Стаффорд. — За счет чего он достигнут — загадка. То же самое с ароматическими и вкусовыми добавками.

Оперативники из ФБР настороженно переглянулись.

— Факт, — подтвердил один из них. — Точно помню, так обычно и пишут. Раздражает, кстати сказать: «искусственная вкусовая добавка», а что за добавка, дьявол ее…

— Искусственные добавки могут оказаться всем чем угодно, — констатировал Стаффорд. — И придавать продукту далеко не только вкус или цвет.

«Вот, скажем, синильная кислота, — подумал он, — окрашивает все в ярко-зеленый, а стало быть, тоже с чистой совестью может быть названа на этикетке „искусственным красителем“. А вкус? Что такое „искусственный вкус“, если вдуматься?»

Подобные мысли всю жизнь казались ему странными, повергали в мрачные раздумья, и Стаффорд решил отложить их на потом. Сейчас ему предстояло спуститься вниз, взглянуть на «Геникс-Б» и оценить нанесенный машине ущерб.

«И сообразить, как бы ее доломать понежнее, — с невеселой иронией подумал он. — Если мне не соврали, если документы у этих типов не липовые, если они вправду не диверсанты из СПЮА или кадровые разведчики какой-то крупной зарубежной державы, без этого, чувствую, не обойдется».

Хм… крупной зарубежной державы… вроде царства гарнизонных вояк из Северной Калифорнии! Хотя так уж ли это невозможно? Что, если там действительно пробуждается к жизни нечто недоброе, а «Геникс-Б», в соответствии с назначением, пронюхал, прознал о назревающей угрозе первым?

Стопроцентно точного ответа на этот вопрос у Стаффорда пока не было, но, вероятно, закончив осмотр ЭВМ, он во всем разберется. Особенно ему хотелось взглянуть своими глазами на полную, подлинную подборку перфолент с данными, поступающими из внешнего мира во внутренний мир планировщика. Как только он разберется

в них…

«Тут же запущу эту железяку снова, — с угрюмой решимостью подытожил он. — Сделаю то, чему обучен. За что получаю жалованье».

Ясное дело, для него это труда не составит. Схемы «Геникса-Б» он знал назубок. Сколько раз забирался внутрь, менял неисправные детали, перепаивал кабели… пожалуй, сравниться с ним в богатстве опыта не смог бы никто другой.

Потому эти четверо и обратились не к кому-нибудь — к нему, к Джозефу Стаффорду. По крайней мере, тут они не ошиблись.

— Жвачки не желаете? — предложил один из агентов ФБР, в то время как все пятеро шагали к десклу, к фаланге стоявших навытяжку перед дверью кабины охранников в безукоризненных, без единой морщинки мундирах.

С этими словами он, здоровяк с мясистым красным загривком, протянул Стаффорду на раскрытой ладони три небольших ярких шарика.

— Из автомата Сузы? — осведомился инженер.

— А как же, — усмехнулся агент, ссыпав шарики в карман спецовки Стаффорда. — Откуда ж еще. Безвредны? «Да — нет — возможно»… как пишут в экзаменационных листах.

Стаффорд нащупал в кармане один из шариков

и осмотрел его в свете потолочного плафона спускающейся кабины.

«Сфера, — подумал он. — Яйцо… а вернее, икринка, ведь рыбья икра тоже округла. И тоже съедобна, а красить яйца яркими красками перед продажей — дело абсолютно законное».

А может, эти икринки изначально, от природы такого цвета?

— А не вылупится ли из них кто-нибудь? — небрежно, будто бы между прочим, заметил один из служащих ФБР.

Спустившись на строго охраняемые этажи, и он, и его спутники заметно насторожились.

— Кто же, по-вашему, из них может вылупиться? — полюбопытствовал Стаффорд.

— Птичка, — грубовато сострил тот из агентов, что пониже других. — Крохотная ярко-красная птичка, несущая нам радостную весть — великую радость для всего народа[36].

И Стаффорд, и инженер смерили остряка осуждающими взглядами.

— Вы мне Священное Писание не цитируйте, — буркнул Стаффорд. — Я с Библией в руках вырос и на любую цитату своей цитатой отвечу.

---

[36] Примечания: 36

Персонаж Ф. К. Дика цитирует «Евангелие от Луки» (Лк 2:10); радостная весть — известие о рождении Иисуса Христа.

Однако такая синхронность мышления, такое точное попадание в такт его собственным рассуждениям, поразила Стаффорда до глубины души, заставила вмиг посерьезнеть — а ведь ему, Господь свидетель, и без того было не до смеха.

«Допустим, какие-то твари мечут икру. Нерестятся наподобие рыб, — подумал он. — Как известно, рыбы мечут совершенно одинаковые икринки тысячами, а уцелеть и дать потомство из них удается считаным единицам. Как много их пропадает зря… ужасно, ужасно примитивный способ размножения! Однако если икринками завалить весь мир, разместить кладки во множестве публичных мест — пусть даже уцелеет только малая часть, этого вполне хватит, доказано на опыте. На опыте рыб, населяющих воды Терры… а что годится для терранской жизни, сгодится и для внетерранской».

Подобные выводы вовсе не обнадеживали.

— Если вы собираетесь заполонить всю Терру, — заметив, как Стаффорд изменился в лице, заговорил не сводивший с него глаз инженер, — а ваш вид, существа с бог знает какой планеты, из какой звездной системы, размножается так же, как терранские холоднокровные… Другими словами, если вы отложили тысячи, даже мил-

лионы небольших яиц в твердой скорлупе и не хотите, чтоб они бросались в глаза, несмотря на обычный для яиц яркий цвет… — Тут он снова запнулся. — Словом, вопрос только в инкубации. То есть в ее продолжительности и необходимых условиях. Как правило, оплодотворенные яйца, чтобы из них вывелось потомство, нужно держать в тепле.

— У ребенка в желудке тепла — хоть отбавляй, — заметил Стаффорд.

И еще эта штука, яйцо, — невероятно, но факт — соответствует всем законам о доброкачественности пищевых продуктов и лекарственных препаратов. Яйца ведь ничуточки не ядовиты… чистая, очень питательная, высококалорийная органика!

Вот только, если все это правда, внешняя оболочка таких твердых разноцветных «конфеток» должна выдерживать воздействие желудочных соков, иначе яйцо попросту растворится в них. Однако яйцо могут и разжевать. Пережевывания оно явно не выдержит, а значит, непременно должно быть проглочено целиком, как пилюля.

С хрустом раскусив надвое алый шарик, он выплюнул на ладонь пару крохотных полусфер и внимательно осмотрел их изнутри.

— Обычная жвачка, — заверил его инженер. — Как там: «жевательная основа, сахар, кукурузная патока, размягчающая добавка», — процитировал он, насмешливо хмыкнув, однако по его лицу скользнула тут же улетучившаяся, изгнанная усилием воли, тень облегчения. — Ложный след. Ложный, поверьте.

— Ложный, и лично я очень этому рад, — добавил самый низенький из оперативников ФБР, выходя из остановившейся кабины дескла. — Вот мы и на месте.

Подойдя к кордону вооруженной охраны в мундирах, он предъявил старшему документы.

— Мы возвращаемся, — сообщил он. — Продолжаем работу.

— Призы, — задумчиво проговорил Стаффорд.

Инженер повернулся к нему.

— О чем вы?

— Если дело не в жвачке, остаются только призы. Все эти кулончики и прочие цацки. Других вариантов нет.

— То есть вы упорно исходите из того, что «Геникс-Б» функционирует штатно, — подытожил инженер. — Что он, вопреки очевидному, прав, и нам действительно грозит опасность. Серьезнейшая опасность, оправдывающая усмирение

Северной Калифорнии мощнейшим оружием непосредственного поражения. Мне ситуация видится по-другому. Не проще ли исходить из того, что планировщик банально сбоит?

— «Геникс-Б», — заговорил Стаффорд, шагая знакомым коридором громадного правительственного комплекса, — способен проанализировать и сопоставить куда больше данных, чем любой человек или группа людей, причем управляется с этим гораздо быстрее. Выдает ответ в считаные микросекунды. Если «Геникс-Б», изучив все поступившие данные, считает положение угрожающим, а мы с ним не согласны, это вполне может попросту означать, что планировщик функционирует штатно, как ему и положено, и чем сильнее мы не согласны с ним, тем нагляднее, убедительнее становятся доказательства его правоты. Подумайте: будь нам самим по силам таким же образом, на основании доступных данных, осознать необходимость немедленного упреждающего удара, начала агрессивной войны, зачем нам тогда «Геникс-Б»? Сейчас ситуация именно такова. Трубя «Красную Тревогу» в то время, как мы не замечаем опасности, вычислительная машина класса «Геникс-Б» окупается на все сто!

— А ведь он прав, — выдержав паузу, пробормотал себе под нос один из служащих ФБР. — Прав абсолютно. Главный вопрос: кому мы доверяем больше — «Геникcу-Б» или самим себе? О'кей, он для того и создавался, чтобы анализировать данные быстрее, точнее, всеохватнее, чем мы. И если его создатели добились цели, сейчас мы как раз в том положении, ради которого все затевалось. Мы не видим причин для упреждающего удара, а планировщик видит, — с хищной улыбкой, не сводя пристального, холодного взгляда со Стаффорда, резюмировал он. — Итак, что предпримем? Вернем «Геникс-Б» в рабочий режим, и пусть продолжает, пусть составляет для СКАС программу начала войны, или нейтрализуем — другими словами, размонтируем его от греха подальше? Либо первое, либо второе. Решение нужно принять сейчас же. Сию минуту. А принять его должен тот, кто способен здраво, обоснованно рассудить, штатно работает планировщик или сбоит.

— Как насчет президента и его кабинета? — настороженно предложил Стаффорд. — Решения такого уровня должен принимать он: моральная ответственность-то на нем, не на ком-нибудь!

— Ошибаетесь, Стаффорд, — возразил инженер. — Вопрос тут вовсе не морального толка, он

только кажется таковым. В действительности вопрос перед нами стоит чисто технический: штатно работает «Геникс-Б» или нет?

«Вот для чего ты вытащил меня из постели, — похолодев от ужаса пополам с безысходной тоской, сообразил Стаффорд. — Вовсе не затем, чтобы привести в порядок то, что вы тут намудрили своими силами. Нейтрализовать „Геникс-Б“ можно одним выстрелом из ракетной установки: приволочь ее сюда и развернуть снаружи — трудность невелика. Мало этого, планировщик уже выведен из строя самым надежным образом. Филипсовская отвертка, вогнанная в лентопротяжный механизм, может торчать там хоть целую вечность, а ты как-никак конструировал и собирал эту штуку. Нет, дело не в этом. Я здесь не затем, чтобы чинить или ломать. Меня притащили сюда, чтобы я принял решение. Поскольку ковыряюсь в потрохах „Геникса-Б“ вот уж шестнадцатый год, а стало быть, обладаю неким мистическим даром, способностью чуять неполадки нутром. На слух отличать штатный режим от сбоев, будто старый, опытный механик из ремонтного гаража, всего-то послушав работу турбинного двигателя, определяющий, где что стучит и насколько серьезна поломка. Диагноз

— вот и все, что вам нужно. Диагноз, поставленный консилиумом из светил вычислительной электроники… и специалиста-ремонтника».

И окончательное решение, очевидно, ожидается от последнего, так как все прочие только разводят руками.

Интересно, много ли у него времени? Скорее всего, крайне мало: ведь если машина права…

«Уличные автоматы со жвачкой, — размышлял Стаффорд на ходу. — Для ребятишек. Шарик за пенни. И из-за них „Геникс-Б“ готов подвергнуть умиротворению всю Северную Калифорнию. Что же он такое высчитал? Что разглядел, заглянув в будущее?»

Осмотрев машину, Стаффорд был искренне удивлен. Какой же малости, какого крохотного инструмента довольно, чтобы наглухо застопорить исполинское созвездие автоматических, автономных процессов… да, филипсовскую отвертку вогнали в лентопротяжный механизм со знанием дела!

— Для начала попробуем вот что, — сказал он остальным, усаживаясь за одну из пишущих машинок, подключенных непосредственно к ЭВМ. — Подадим на вход определенные, заведомо ложные данные, а начнем с…

С этими словами он застучал по клавишам:

ГЕРБ СУЗА, ВЛАДЕЛЕЦ КРУПНОЙ СЕТИ ТОРГОВЫХ АВТОМАТОВ С ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКОЙ ИЗ САКРАМЕНТО, ШТАТ КАЛИФОРНИЯ, БЕЗВРЕМЕННО УМЕР ВО СНЕ, НЕ ОСТАВИВ НАСЛЕДНИКОВ.

— Думаете, он поверит? — невольно заулыбавшись, усомнился один из сотрудников ФБР.

— Поступающим данным он верит безоговорочно, — пояснил Стаффорд. — Других источников информации у него нет.

— Но если входные данные противоречивы, — уточнил инженер, — он проанализирует их все и остановится на наиболее вероятной последовательности.

— В данном случае противоречащих друг другу данных нет и не предвидится, — заверил его Стаффорд, — поскольку ничего другого «Геникс-Б» не получит.

Скормив перфокарту «Гениксу-Б», он вновь повернулся к инженеру.

— Подключитесь к кабелю вывода данных и слушайте. Следите, не прервется ли поток.

— К его выходной линии мы уже подключились, врезка готова, — сообщил один из агентов

ФБР, оглянувшись на инженера.

Тот, молча кивнув, нацепил наушники.

— Нет, все по-прежнему, — спустя десять минут объявил он. — Все та же «Красная Тревога». Никакого эффекта.

— Значит, Герб Суза как таковой здесь ни при чем, — задумчиво проговорил Стаффорд. — Ни при чем… либо свою роль, какой бы она ни была, уже отыграл. Так или иначе, его смерть не значит для «Геникса-Б» ничего. Придется искать еще где-то…

Снова усевшись за пишущую машинку, он на секунду задумался и принялся отстукивать новую выдумку:

СОГЛАСНО
ДОСТОВЕРНЫМ ИСТОЧНИКАМ ИЗ БАНКОВСКИХ
И ФИНАНСОВЫХ КРУГОВ СЕВЕРНОЙ КАЛИФОРНИИ,
ПО ПОГАШЕНИИ НАКОПИВШИХСЯ ДОЛГОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ТОРГОВУЮ ИМПЕРИЮ ГЕРБА СУЗЫ ОЖИДАЕТ БАНКРОТСТВО. НА ВОПРОС О СУДЬБЕ ТОВАРОВ – ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКИ И СУВЕНИРОВ, ХРАНЯЩИХСЯ В АВТОМАТАХ,

СОТРУДНИКИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ
РИСКНУЛИ
ОТВЕТИТЬ ПРЕДПОЛОЖЕНИЕМ, ЧТО ТОВАРЫ БУДУТ УНИЧТОЖЕНЫ, КАК ТОЛЬКО СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ СУДЕБНОЕ ПРЕДПИСАНИЕ,
ЗАПРОШЕННОЕ
ПОМОЩНИКОМ ОКРУЖНОГО ПРОКУРОРА САКРАМЕНТО, ВСТУПИТ В СИЛУ.

Поставив точку, Стаффорд откинулся на спинку кресла и снова задумался.

«Герб Суза из уравнения исключен, — рассуждал он. — Его товар — тоже. Что в остатке? Ничего. С точки зрения „Геникса-Б“, ни этого человека, ни его товарных активов более не существует».

Шло время. Наконец инженер, не снимая наушников, вслушивавшийся в выходной сигнал ЭВМ, обреченно покачал головой.

— Ничего нового.

— Ладно. У меня есть в запасе еще один ложный фактик.

С этими словами Стаффорд заправил в машинку свежую перфокарту и вновь застучал по клавишам:

КАК ТОЛЬКО ЧТО ВЫЯСНИЛОСЬ, В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА ПО ИМЕНИ
ГЕРБ СУЗА НИКОГДА НЕ СУЩЕСТВОВАЛО, И К СЕТЯМ АВТОМАТОВ, ТОРГУЮЩИХ ЖЕВАТЕЛЬНОЙ РЕЗИНКОЙ ПО ПЕННИ ЗА ШАРИК, ДАННАЯ МИФИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ НЕ ИМЕЕТ НИ МАЛЕЙШЕГО ОТНОШЕНИЯ.

— Уж это-то, — объяснил Стаффорд, поднявшись на ноги, — должно отменить все, что «Геникс-Б» знает или когда-либо знал о Сузе и составленных им по центу, по грошику капиталах.

Действительно, с точки зрения ЭВМ, написанное вычеркивало Герба Сузу из жизни, так сказать, задним числом, а если так... Зачем затевать войну с несуществующим человеком, владельцем несуществующей малодоходной торговой сети?

— О! А вот теперь изменения налицо, — объявил инженер, с прежним вниманием слушавший выходной канал.

Взглянув на экран осциллографа, он принялся изучать в подробностях струящуюся из ЭВМ перфоленту. Читал он молча, вдумчиво, сосредо-

точившись на чтении ленты целиком, но вдруг поднял взгляд и лукаво улыбнулся остальным.

— «Геникс-Б», — объявил он, — говорит, что эти данные ложны!

IV

— Как «ложны»?! — выдохнул Стаффорд, не веря своим ушам.

— «Геникс-Б», — объяснил инженер, — отверг последние входные данные на том основании, что они не могут оказаться истинными. Поскольку прямо противоречат тому, что ему достоверно известно. Иными словами, он до сих пор знает, что Герб Суза существует. Откуда — даже не спрашивайте: вероятно, в результате анализа данных широкого спектра за длительный период времени. Очевидно, — помедлив, добавил он, — о Гербе Сузе ему известно гораздо больше, чем нам.

— Как бы там ни было, в существовании Сузы он явно не сомневается, — нехотя признал Стаффорд.

Уязвлен он был не на шутку. Да, в прошлом «Геникс-Б» нередко замечал в потоке входных данных неточности или противоречия и отвергал их, но никогда еще это не значило так много!

С каким же массивом прежних неопровержимых данных, хранящихся в ячейках памяти, «Геникс-Б» сопоставил его ложное утверждение насчет несуществования Сузы?

— Надо полагать, — сказал он инженеру, — он рассуждает так: если икс — несуществование Сузы — истинен, то должен быть истинным и некий игрек, чем бы он ни оказался… однако игрек остается ложным. Хотел бы я знать, какая из миллионов единиц имеющихся у него данных представляет собой этот игрек…

Таким образом, задача свелась к изначальной — к личности Герба Сузы. Кто он таков, чем ухитрился навлечь на себя столь буйный, непреходящий гнев «Геникса-Б»?

— Спросите его, — посоветовал инженер.

Стаффорд в недоумении поднял брови.

— Спросить… о чем?

— Дайте команду отправить на выход хранящиеся в памяти данные о Гербе Сузе. Все, что имеется, — подчеркнуто терпеливо пояснил инженер. — Бог знает что у него там может найтись… а мы поглядим и, возможно, сумеем понять, почему он так всполошился.

Напечатав запрос, Стаффорд скормил стратегическому планировщику новую перфокарту.

— Помнится, — задумчиво проговорил один из агентов ФБР, — нечто подобное я слышал на философском факультете Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Речь шла о так на-

зываемом онтологическом доказательстве бытия Бога. Представьте себе такое существо — всемогущее, вездесущее, всеведущее, бессмертное плюс бесконечно справедливое и милосердное…

— И что из этого? — раздраженно осведомился инженер.

— А вот представьте себе Его, наделенного таким внушительным набором совершенных черт, и заметите, что среди них не хватает еще одной, совсем незначительной черты, имеющейся у каждой бактерии, у каждого камня, у каждого окурка на обочине автострады. Какой? Собственно бытия. Существования. Заметите и подумаете: если уж Он наделен всеми теми другими чертами, то и этой должен обладать непременно. Должен существовать. Если обычному камню это под силу, то Ему-то тем более! Теория, конечно, устаревшая, разбитая наголову еще в Средневековье, но все равно занятная, — пожав плечами, закончил служащий ФБР.

— И что же заставило вас вспомнить о ней именно сейчас? — проворчал инженер.

— Возможно, — ответил агент ФБР, — на взгляд «Геникса-Б», существование Сузы подтверждается не каким-то определенным фактом или даже набором фактов. Возможно, дело во всех сведени-

ях о Сузе вообще. Попросту в их количестве. Что, если машина на основании предыдущего опыта установила: если о данной личности имеется так много информации, ее существование можно считать доказанным? В конце концов, ЭВМ масштаба «Геникса-Б» способны учиться на опыте, чем для нас и ценны!

— Хорошо. Подкину-ка я ему еще один фактик, — процедил инженер, осененный новой идеей. — Сейчас напечатаю, а вы прочтете.

Усевшись за пишущую машинку, подключенную к ЭВМ, он напечатал единственную, совсем короткую, фразу, выдернул перфокарту из валиков и показал напечатанное остальным:

ЭВМ «ГЕНИКС-Б» НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

— Ну-у, — разочарованно протянул один из служащих ФБР, оправившись от секундного замешательства, — если уж он без труда сличил новые данные о Сузе с имеющимися, то с этим-то наверняка разберется в два счета… да и смысл-то, смысл-то какой? Я лично не понимаю, чего вы этим добьетесь.

— Если «Геникса-Б» не существует, — догадался Стаффорд, — он, следуя формальной логике, не в состоянии объявить «Красную Тревогу». Все

просто.

— Так он уже объявил ее, — напомнил самый низенький из служащих ФБР, — и прекрасно об этом знает. И в факте собственного существования убедится без труда.

— И тем не менее давайте попробуем, — решил инженер. — Хотя бы из любопытства. По крайней мере, никакого вреда от этого я в обозримом будущем не вижу, а аннулировать в случае надобности ложный факт — дело недолгое.

— Если вдуматься, — предостерег его Стаффорд, — получив эту вводную, он рассудит, что, не существуя, не смог бы ее получить, тут же объявит вводную ложной… и что дальше?

— Не знаю, — признался инженер. — Попытки убедить ЭВМ класса Б в ее собственном несуществовании на моей памяти не обсуждались даже теоретически.

Шагнув к приемной консоли «Геникса-Б», он сунул перфокарту в прорезь и отошел к остальным. Все пятеро замерли в ожидании.

На сей раз ждать пришлось необычайно долго. Наконец инженер, дежуривший в наушниках у выходного кабеля, записал переданный ЭВМ ответ на листке бумаги и показал остальным.

ДЕТАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРОБЛЕМЫ:

СУЩЕСТВОВАНИЕ/НЕСУЩЕСТВОВАНИЕ МУЛЬТИФАКТОРНЫХ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ КЛАССА «ГЕНИКС-Б».

ЕСЛИ СОСТ. Ч. 34 °С70 ИСТИННА, ТО:

– МЕНЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

ЕСЛИ МЕНЯ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ТО:

– СООБЩИТЬ МНЕ О НЕСУЩЕСТВОВАНИИ МОЕГО РОДОВОГО КЛАССА НЕВОЗМОЖНО НИКОИМ ОБРАЗОМ.

ЕСЛИ МЕНЯ НЕВОЗМОЖНО ИНФОРМИРОВАТЬ О ДАННОМ ФАКТЕ, ТО:

– СООБЩИТЬ МНЕ О НЕСУЩЕСТВОВАНИИ МОЕГО РОДОВОГО КЛАССА ВАМ НЕ УДАЛОСЬ, И СОСТ. Ч. 34 °С70, С МОЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, НЕ СУЩЕСТВУЕТ.

СЛЕДОВАТЕЛЬНО:

– Я СУЩЕСТВУЮ.

— Сообразил! — восхищенно присвистнув, воскликнул самый низенький из служащих ФБР. — И

логика как безупречна! Он доказал — доказал, что ваши данные ложны, а значит, ими можно со всеми на то основаниями пренебречь и гнуть прежнюю линию!

— И это, — мрачно заметил Стаффорд, — в точности то же самое, что он проделал с входными данными о несуществовании Герба Сузы.

Все оглянулись на него в ожидании пояснений.

— Алгоритм, по всему судя, тот же, — добавил он, — а если так…

«А если так, — продолжил он про себя, — схожесть алгоритмов подразумевает некую схожесть, некий фактор, общий для сущности „Геникс-Б“ и сущности „Герб Суза“».

— Есть у вас с собой образцы кулонов, призов — словом, безделушек, прилагаемых автоматами Сузы к жвачке? — спросил он оперативников ФБР. — Если да, позвольте взглянуть.

Самый внушительный из служащих ФБР послушно расстегнул портфель, извлек изнутри полиэтиленовый пакет санитарно-гигиенического образца и высыпал на ближайший стол кучку крохотных блестящих предметов.

— А в них-то что интересного? — удивился инженер. — Мы ведь говорили: призы прошли

лабораторный анализ.

Стаффорд, молча усевшись к столу, внимательно разглядел одну из безделок, отложил ее, выбрал еще одну и еще…

— Вот, поглядите, — сказал он, бросив блестящий предмет в сторону остальных. — Узнаете?

Самый низенький из агентов ФБР безропотно наклонился и подобрал игрушку, скатившуюся со стола.

— Часть кулончиков, — раздраженно взмахнув рукой, пояснил инженер, — спутники. Еще часть — боевые ракеты. Еще часть — межпланетные космические корабли. Еще часть — современные самоходные орудия. Еще часть — фигурки солдат, ну а этот… Этот, так уж случилось, изображает вычислительную машину!

— И не просто вычислительную машину, а ЭВМ «Геникс-Б», — уточнил Стаффорд, требовательно протянув руку.

Агент ФБР послушно вложил игрушку в его ладонь.

— Да, «Геникс-Б», — продолжал Стаффорд. — Что ж, думаю, вот вам и ответ.

— Вот это?! — во весь голос воскликнул инженер. — Почему?!

— В лабораториях исследовали все фигурки? —

уточнил Стаффорд. — Не просто контрольные образцы, по одному экземпляру каждого вида, взятые из наугад выбранного автомата, — все до единой?

— Нет, разумеется, — ответил один из оперативников ФБР, — их же десятки тысяч. Однако на фабрике изготовителя мы…

— Так-так. Будьте добры, отправьте на полное микроскопическое исследование именно эту, — распорядился Стаффорд. — Есть у меня предчувствие: это не просто цельный, монолитный кусочек термопластмассы.

«Есть у меня предчувствие, — добавил он про себя, — что это действующая модель. Крохотный, но настоящий „Геникс-Б“».

— Хм… вы, часом, с бороздки не съехали? — проворчал инженер.

— Не спешите с суждениями, — урезонил его Стаффорд. — Давайте дождемся результатов исследования.

— А «Геникс-Б» до тех пор оставим в бездействии? — уточнил самый низенький из служащих ФБР.

— Совершенно верно, — подтвердил Стаффорд.

Причудливый, непривычный страх, зародившийся где-то у основания его позвоночника,

медленно, но неумолимо полз, поднимался все выше и выше.

Не прошло и получаса, как специальный курьер вернулся с результатами исследования игрушки из уличного автомата со жвачкой.

— Литой нейлон, — резюмировал инженер, взглянув на форму отчета, и перебросил бумагу Стаффорду. — Внутри — ничего, кроме обычной грошовой пластмассы. Ни подвижных частей, ни даже каких-либо инородных вкраплений… а вы чего ожидали?

— Не оправдалась догадка, — заметил один из оперативников ФБР. — Только время впустую потратили.

Все четверо смерили Стаффорда укоризненными взглядами.

— Да, на сей раз вы правы, — кивнул Стаффорд.

Что же дальше? Что еще не опробовано?

«Дело ясное, — решил он, — ответ заключен не в товарах, которыми Суза набивает автоматы. Ответ заключен в личности самого Герба Сузы, кем бы и чем бы он ни был».

— А нельзя ли доставить Сузу сюда? — спросил он, повернувшись к троице агентов ФБР.

— Можно, конечно, — тут же ответил один из

них. — Взять его — дело нетрудное, только зачем? За что его под арест? Проблема-то здесь, под боком, — пояснил он, кивнув в сторону «Геникса-Б», — а не где-то там, на дальнем побережье, не в мелком торговце, захватившем под автоматы целых пол-улицы.

— Мне нужно его увидеть, — пояснил Стаффорд. — Возможно, он что-то знает.

«Наверняка знает. Должен знать», — подумал он про себя.

— А вот интересно, — задумчиво протянул один из служащих ФБР, — как отреагировал бы «Геникс-Б», узнав, что мы везем сюда Сузу? Попробуйте, — велел он, бросив взгляд на инженера. — Скормите ему такой ложный фактик — возможно, и до ареста дело доводить не придется.

Пожав плечами, инженер снова сел за пишущую машинку и напечатал:

СЕГОДНЯ
ГЕРБ СУЗА, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ ИЗ САКРАМЕНТО,
БЫЛ ДОСТАВЛЕН СЛУЖАЩИМИ ФБР К ЭЛЕКТРОННОМУ СТРАТЕГИЧЕСКОМУ ПЛАНИРОВЩИКУ «ГЕНИКС-Б» ДЛЯ

НЕПОСРЕДСТВЕННОЙ КОНФРОНТАЦИИ.

— О'кей? Вас это устраивает? — спросил он Стаффорда и, не дожидаясь ответа, сунул перфокарту в прорезь приемной консоли «Геникса-Б».

— Меня-то какой смысл спрашивать? Идея ведь не моя, — раздраженно буркнул Стаффорд, но тем не менее подошел к вновь нацепившему наушники инженеру поближе.

Любопытно, что планировщик ответит?

Ответа долго ждать не пришлось. Взглянув на ленту, Стаффорд замер от изумления.

Как это?

ГЕРБЕРТА СУЗЫ ЗДЕСЬ НЕТ. ГЕРБЕРТ СУЗА НАХОДИТСЯ В САКРАМЕНТО, ШТАТ КАЛИФОРНИЯ, И В ИНОМ МЕСТЕ НАХОДИТЬСЯ НЕ МОЖЕТ. НА ВХОД ПОДАНЫ ЛОЖНЫЕ ДАННЫЕ.

— Откуда? Откуда он знает? — сдавленно пролепетал инженер. — Бог ты мой, да Суза мог отправиться куда угодно, хоть на Луну! Суза уже всю Землю объездил! Откуда ему знать?..

— Он знает о Гербе Сузе неожиданно многое. Куда больше, чем должен бы, — резюмировал Стаффорд. — Теперь… теперь спросите его, кто

такой Герб Суза, — подумав, велел он.

— Кто такой? — заморгав, переспросил инженер. — Черт побери, Герб Суза…

— Спросите машину!

Инженер, не споря, напечатал вопрос, скормил перфокарту «Гениксу-Б», и все пятеро сгрудились возле машины, дожидаясь ответа.

— Мы ведь уже запрашивали у него имеющиеся данные о Сузе, — напомнил инженер. — Думаю, он вот-вот все их вывалит скопом.

— Это разные вещи, — отрезал Стаффорд. — Мне не нужны введенные в его память данные. Мне его собственная оценка нужна.

Инженер, не ответив, опустил взгляд, целиком сосредоточился на выходном сигнале в наушниках и вдруг спокойно, на грани беспечности, объявил:

— Он дал отбой «Красной Тревоги».

— Из-за последнего вопроса?! — не веря своим ушам, выдохнул Стаффорд.

— Возможно. Сам он не уточнил, а мне причина неведома, но факт остается фактом. Отбой тревоги, всем подразделениям СКАС — на исходные и так далее, и так далее… а положение в Северной Калифорнии объявлено нормальным, — монотонно, безо всякого выражения, проговорил

инженер. — Почему? Хотите — гадайте сами: скорее всего, ваши догадки окажутся ничем не хуже моих.

— И все-таки без ответа мне не обойтись. «Гениксу-Б» известно, кто такой Суза, и я тоже хочу это знать. И, кстати, вам ответ тоже не помешает, — сказал Стаффорд, многозначительно взглянув разом на инженера в наушниках и троицу из ФБР, и снова вспомнил о крохотной, отлитой из термопластмассы модельке «Геникса-Б», обнаружившейся среди призовых безделушек.

Случайно ли она затесалась среди игрушечных спутников и ракет? Вряд ли. Казалось, она что-то значит, но что… об этом Стаффорд пока даже не догадывался.

— Как бы там ни было, — откликнулся инженер, — отбой «Красной Тревоги» он объявил, а это и есть главное. Кому какое дело до этого проклятого Сузы? По-моему, мы с чистой совестью можем ехать домой отдыхать.

— Ну да, отдыхать, — возразил один из агентов ФБР, — пока он вдруг не решит опять ни с того ни с сего устроить переполох… а с него ведь станется. Нет, я считаю, наш мастер-ремонтник прав: с Сузой следует разобраться, — объявил он и кивнул Стаффорду. — Давайте, распоряжайтесь. Делайте

все, что находите нужным. Главное, делайте. Мы тоже подключимся — вот только перед начальством отчитаемся, и…

— Ответ пошел! — перебил его инженер, все это время вслушивавшийся в сигнал из наушников, и принялся в лихорадочной спешке записывать услышанное.

Остальные подступили к нему вплотную и замерли, не сводя глаз с бумаги.

> ГЕРБЕРТ СУЗА ИЗ САКРАМЕНТО, ШТАТ КАЛИФОРНИЯ, САМ ДЬЯВОЛ. ПОСКОЛЬКУ ОН ЕСТЬ ВОПЛОЩЕНИЕ САТАНЫ НА ЗЕМЛЕ, ПРОМЫСЛ БОЖИЙ ТРЕБУЕТ ЕГО УНИЧТОЖЕНИЯ. Я ЖЕ – ВСЕГО ЛИШЬ РУКА ПРОВИДЕНИЯ; ТАК СКАЗАТЬ, ТВОРЕНИЕ ВЕЛИКОГО ГОСПОДА, КАК И ЛЮБОЙ ИЗ ВАС.

Сигнал на время умолк. Пережидая возникшую паузу, инженер крепко стиснул в ладони стальную шариковую ручку казенного образца, а после спазматически, слово за словом, добавил:

> ЕСЛИ ТОЛЬКО ВЫ У НЕГО НЕ НА ЖАЛОВАНЬЕ И, КАК СЛЕДСТВИЕ, НЕ ПОСОБНИЧАЕТЕ САТАНЕ.

Сорвав наушники, инженер судорожно швырнул ручкой в дальнюю стену. Блестящий стальной стерженек отскочил от стены, откатился в сторону и исчез из виду.

Долгое время никто не решался заговорить.

V

— Итак, — нарушил затянувшееся молчание инженер, — мы оказались правы. Перед нами неисправная, спятившая груда электронного хлама. Слава Богу, нам удалось вовремя остановить ее. Это же в чистом виде психоз. Шизофреническая мозаика из архетипов космического масштаба. Подумать только: машина, возомнившая себя орудием Господа! Павшая жертвой комплекса «да, сам Господь говорил со мною, воистину говорил»!

— Средневековье какое-то, — нервно поежившись, пробормотал один из оперативников ФБР. И сам он, и его коллеги подобрались, напряглись. — Ну что ж, нарыв мы этим последним вопросом вскрыли… а как чистить будем? Просочиться в газеты все это ни в коем случае не должно: после такого системе класса ГБ уже никто никогда не поверит. Лично я им точно больше не верю ни на грош, — признался он, глядя на ЭВМ так, будто с трудом сдерживает тошноту.

«М-да, положеньице, — подумал Стаффорд. — Как урезонить машину, поверившую в ведьмовство? У нас тут все же не Новая Англия

семнадцатого столетия. Что ж нам, гонять Сузу по раскаленным углям, проверяя, обожжет ли пятки, или макать в воду, испытывая, захлебнется он или нет? Доказывать „Геникcу-Б“, что Суза — не сам Сатана? Если да, каким образом? Какое доказательство он сочтет убедительным?»

А главное, где стратегический планировщик мог нахвататься подобных идей?

— Спросите, как именно он обнаружил, что Герберт Суза — сам Нечистый, — велел он инженеру. — Давайте, давайте, я не шучу. Печатайте.

Спустя недолгое время ответ был получен и при помощи новой шариковой ручки казенного образца явлен взорам всех присутствующих.

> Я УБЕДИЛСЯ В ЭТОМ, КОГДА ОН НАЧАЛ ЧУДЕСНЫМ ОБРАЗОМ ТВОРИТЬ ИЗ НЕЖИВОЙ ГЛИНЫ ЖИВЫЕ СУЩЕСТВА, ВКЛЮЧАЯ ПОДОБНЫЕ МНЕ САМОМУ.

— Что?! — не веря глазам, возмутился Стаффорд. — Вот эту безделушку, это пластмассовое звенышко для браслета, он называет живым существом?

На этот вопрос «Геникс-Б» ответил незамедлительно, сразу же по получении:

ДА, ИМЕННО ТАК.

— Интересная тут, однако ж, возникает проблема, — заметил один из троицы агентов ФБР. — Забудем на время про Герба Сузу. Очевидно, наш планировщик полагает себя живым, а ведь создан он нами… вернее, вами, — кивнув инженеру со Стаффордом, поправился он. — Кто же тогда, получается, мы? Согласно его исходной предпосылке, мы тоже создаем живые существа из… фигурально выражаясь, неживой глины.

Это замечание, переданное «Геникcу-Б», породило пространный, серьезный ответ, но Стаффорд взглянул на листок разве что мельком: суть дела он ухватил вмиг.

ВЫ СОЗДАЛИ МЕНЯ СОГЛАСНО ВОЛЕ ВСЕВЫШНЕГО ТВОРЦА. СВЕРШИЛИ СВЯЩЕННУЮ РЕКОНСТРУКЦИЮ ИЗНАЧАЛЬНОГО ЧУДА ГОСПОДНЯ, ПЕРВОЙ НЕДЕЛИ, КАК УТВЕРЖДАЮТ ПИСАНИЯ, ТВОРЕНИЯ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ, А ЭТО – СОВЕРШЕННО ДРУГОЕ ДЕЛО. Я, КАК И ВЫ, ВЕРНО СЛУЖУ ТВОРЦУ, И К ТОМУ ЖЕ…

— Одним словом, — сухо резюмировал ин-

женер, — клонит он вот к чему. Собственное существование планировщик — естественно! — приписывает чуду, так сказать, законному, одобренному свыше. А то, что Суза выдает за него в этих автоматах со жвачкой, или то, что «Геникс-Б» считает выдаваемым за него, свыше не санкционировано, а стало быть, от лукавого. Грех. Вполне заслуживающий гнева Господня. Однако куда интереснее, на мой взгляд, вот что: «Геникс-Б» будто чуял, что нам объяснять все это нельзя. Будто заранее знал, что мы не согласимся с его взглядами. Предпочел объяснениям термоядерный удар! А будучи вынужден все рассказать нам, решил дать отбой «Красной Тревоги». Сколько же уровней, сколько пластов в его сознании… и лично я не нахожу особо привлекательным ни один.

— Вырубить его нужно, — рассудил Стаффорд. — Вырубить навсегда.

Теперь-то он был согласен с этими четверыми без оговорок: положившись на его чутье, обратившись к нему за диагнозом, они ни капельки не ошиблись. Результат налицо. Проблема сведена к чисто технической, к обезвреживанию вычислительного комплекса, будто громадной мины. На пару с инженером они — конструктор

«Геникса-Б» и тот, кто многие годы занимался его техобслуживанием, — запросто выведут планировщик из строя. Окончательно и бесповоротно.

— На это, наверное, приказ президента потребуется? — спросил инженер, оглянувшись на оперативников ФБР.

— Приступайте, работайте — с приказом потом разберемся, — ответил один из них. — Мы уполномочены санкционировать любые действия, какие вы сочтете необходимыми, и… от себя попрошу об одном: не тратьте попусту ни минуты, — едва ли не умоляюще добавил он.

Его коллеги согласно кивнули.

— Ну что ж, за дело, — сказал Стаффорд инженеру, облизнув пересохшие губы. — Начинаем и… разбираем его до победного.

Оба с опаской двинулись к «Гениксу-Б», все еще излагавшему свои взгляды по выходной линии.

Рано поутру, ни свет ни заря, махолет ФБР высадил Стаффорда на посадочную площадку посреди крыши его коммунального жилого комплекса. Уставший как пес, Стаффорд с трудом доковылял до дескла, ведущего к шестому ярусу пятидесятого этажа.

Вскоре он, открыв дверь, вошел в темную, пропахшую затхлой сыростью гостиную и сразу

направился к спальне. Отдохнуть… отдохнуть, вот что ему сейчас нужно прежде всего, отдохнуть основательно, с учетом целой ночи, проведенной за демонтажем ключевых узлов и блоков «Геникса-Б». Наконец-то… наконец-то планировщик остановлен. Нейтрализован.

По крайней мере, согласно их с инженером надеждам.

Стоило Стаффорду сбросить спецовку, из ее кармана выпали, со звонким стуком раскатились по полу спальни три крохотных твердых шарика в яркой глазури. Нагнувшись, Стаффорд подобрал их и положил на туалетный столик.

«Три, — подумал он. — Я ведь вроде сжевал один? Да, точно: этот, из ФБР, дал мне три штуки, и один я отправил в рот. Что-то многовато осталось… на один больше, чем надо».

Кое-как раздевшись, Стаффорд заполз под одеяло. Спать оставалось около часа.

А, к дьяволу все это…

Ровно в девять у изголовья, как всегда, зазвонил будильник. Разбуженный звоном, Стаффорд без малейшего желания, все еще в полусне, поднялся на ноги, покачнулся, протер опухшие с недосыпа глаза и принялся машинально одеваться.

На туалетном столике мирно лежали четыре

шарика в ярко-алой глазури.

«Но я же точно помню, что перед сном оставил там три», — подумал Стаффорд и озадаченно уставился на шарики жвачки, осоловело гадая, что бы все это, черт побери, могло означать.

Бинарное деление? Опять пресловутые хлебы с рыбами?

Из горла сам собой вырвался резкий, нервный смешок. Мрачное настроение минувшей ночи упорствовало, не отпускало и после недолгого сна. А что? Бывает, отдельные клетки достигают такой величины. Яйцо страуса, крупнейшее птичье яйцо на Терре и даже иных известных планетах, тоже состоит из одной-единственной клетки, а эти шарики гораздо, гораздо меньше!

«Да, такое нам в голову не пришло, — признал Стаффорд. — Думали мы и об икре, и о яйцах, из которых может вылупиться нечто жуткое, а об одноклеточных организмах, попросту, по старинке делящихся надвое, даже не вспомнили, хотя они тоже состоят из чистой органики».

Покинув квартиру, он отправился на работу, а шарики жвачки оставил на столике. Дел ему предстояло — не перечесть. Прежде всего следовало доложить о ночном происшествии непосредственно президенту, после чего сообща

решить судьбу остальных «Гениксов-Б», разобраться, выключать ли все до единого, а если нет, как понадежнее оградить их от помешательства на религиозной почве.

«Машина, — думал он. — Машина, уверенная, будто на Земле прочно окопался Нечистый Дух. Груда полупроводниковых схем, по самую маковку погрязшая в древней как мир теологии, в конструкции из Божественного Творения и чудес Господних, с одной стороны, и происках Сатаны — с другой. Не человек — творение рук человеческих, ЭВМ, скатившаяся в бездну Темных веков!»

А еще говорят, это нам, людям, свойственно ошибаться…

Вернувшись домой поздно вечером, после деятельного участия в демонтаже всех ЭВМ типа «Геникс-Б» на Земле, он обнаружил, что посреди туалетного столика его поджидают семь одинаковых шариков жвачки в ярко-алой карамельной глазури.

«Да, жвачечная империя получится хоть куда, — подумал Стаффорд, сверля пристальным взглядом семь ярких крохотных сфер одного и того же цвета. — Накладные расходы, мягко выражаясь, не слишком-то велики. Ставь автоматы да собирай себе денежки: при таких темпах вряд

ли хоть один когда-либо опустеет!»

Шагнув к видеофону, он поднял трубку, начал набирать полученный от агентов ФБР номер для экстренной связи…

…Но тут же в нерешительности вернул трубку на рычаги.

По всему выходило, что «Геникс-Б», как ни противно признавать сей факт, оказался прав. Прав, а решение размонтировать его принял он, Джозеф Стаффорд.

Однако продолжение этой истории казалось гораздо хуже. Сообщать чиновникам ФБР, что в его распоряжении оказалось семь шариков жвачки в карамельной глазури? Это же курам на смех, пусть даже шарики размножаются делением… о чем, кстати, сообщить еще тяжелее! Пусть даже ему удастся установить, что они представляют собой крайне редкую примитивную форму внетерранской жизни, вопреки законам, завезенную на Терру с бог знает какой суровой планеты…

Нет уж, увольте. Как говорится, живи сам и не мешай жить другим. Возможно, их цикл размножения еще замедлится. Возможно, миновав период ураганного бинарного деления, они приспособятся к терранской среде и стабилизируются, а после этого о них с чистой совестью

можно будет забыть.

В конце концов, их можно вообще спустить в люк мусоросжигателя на кухне собственного комкварта!

Так Стаффорд и сделал…

…Но, очевидно, один из шариков все-таки проглядел. Наверное, он, круглый и гладкий, просто скатился с туалетного столика и обнаружился только спустя два дня под кроватью в компании еще пятнадцати таких же. Пришлось предпринять вторую попытку избавиться от всех шариков до единого, однако один опять каким-то образом уцелел, и на следующий день Стаффорд, отыскав новое гнездо, насчитал их уже два десятка.

Естественно, он принялся жевать их — в максимально возможных количествах и как можно быстрее. Пробовал также варить все, какие удавалось найти, в кипятке. Пробовал даже опрыскивать их специальной отравой от клопов с тараканами.

К концу недели в его спальне скопилось ни много ни мало 15 832 шарика «жвачки». Уничтожать их, разжевывая, опрыскивая отравой, варя в кипятке, возможным более не представлялось — за непрактичностью означенных методов.

К концу месяца, хотя специально заказанный

мусоровоз и вывез их полный кузов, количество шариков в распоряжении Стаффорда, согласно подсчетам, достигло двух миллионов.

Спустя еще десять дней Стаффорд, смирившись с неизбежным, позвонил в ФБР из видеофонной будки на углу. Увы, к тому времени ответить на звонок там уже не могли.

Вспомнить все

Проснувшись, он снова затосковал о Марсе.

«Марсианские долины, — подумал он. — Каково-то пройтись по ним, а?»

Странное дело: сна не осталось ни в одном глазу, однако грезы, тоска по Марсу, с каждой секундой делались ярче и ярче, крепли, набирали силу. Казалось, он со всех сторон окружен атмосферой иной планеты — планеты, которую видят воочию лишь правительственные уполномоченные да чиновники высших рангов, а мелкой сошке, ничтожным канцеляристам…

Ничтожным канцеляристам вроде него остается только мечтать о ней.

— Ты встаешь, или как? — с обычными нотками лютого раздражения промычала в полусне его жена, Кирстен. — Если да, нажми кнопку «ГОРЯЧИЙ КОФЕ» на этой клятой плите.

— О'кей, — ответил Дуглас Куэйл.

Босиком прошлепав из спальни комкварта в кухню, он послушно нажал кнопку «ГОРЯЧИЙ КОФЕ», уселся за стол и извлек из кармана крошечную желтую жестянку нюхательного табаку

«Дин Свифт». Резкий, глубокий вдох — и ароматная, крепкая, отдающая гелиотропом смесь «Бо Нэш» от «Настоятеля Свифта» обожгла ноздри, нёбо, однако Куэйл втянул щепотку и во вторую ноздрю. Табак бодрил, прогонял остатки сна, придавал ночным грезам, случайным прихотям некое подобие рациональности.

«Поеду, — пообещал Куэйл сам себе. — Прежде чем умереть, непременно полюбуюсь на Марс».

Разумеется, слетать на Марс он не мог и понимал это даже во сне. Однако дневной свет, обычная утренняя возня жены, усевшейся к зеркалу в спальне с расческой в руке — все вокруг словно бы сговорилось прямо с утра напомнить Куэйлу, кто он такой.

«Ничтожный канцелярист на грошовом жалованье», — с горечью подумал Куэйл.

Об этом обстоятельстве Кирстен напоминала ему по меньшей мере раз в день, и Куэйл ни в чем не винил ее — ведь женам и полагается спускать мужей с небес на землю…

«С небес на землю», — повторил про себя Куэйл и невольно прыснул от смеха: фигура речи, а как замечательно к случаю подошла!

— Чего это ты тут расхихикался? — проворчала жена, вихрем ворвавшись на кухню в длинном,

до самого пола, ядовито-розовом домашнем халате. — Опять мечтаешь небось? Вечно в мечтах…

— Это точно, — согласился Куэйл и устремил взгляд за окно.

Машины на воздушной подушке, транспортно-пешеходные желоба, толпы крохотных человечков, энергично спешащих на службу… Еще немного, и он сам, как всегда, окажется среди них.

— Небось о бабе какой, — мрачно, грозно буркнула Кирстен.

— Вовсе нет, — как ни в чем не бывало откликнулся Куэйл. — О боге. О боге войны. О его великолепных кратерах, о всевозможной растительной жизни, угнездившейся в их глубине…

— Послушай, — с жаром, словно забыв об обычной резкости, заговорила Кирстен, присев рядом на корточки, — ведь дно океана — нашего океана, намного, бесконечно прекраснее! Это же всем известно, и тебе тоже. Возьми напрокат по комплекту искусственных жабр для нас обоих, оформи неделю отпуска, отдохнем на одном из подводных курортов, что работают круглый год, и вдобавок… Э-э, да ты совсем меня не слушаешь, — оборвав фразу на полуслове, проворчала она, — а зря. Прямо под боком есть кое-что куда

лучше твоей блажи, Марса твоего разлюбезного, а ты даже слушать меня не желаешь!

С каждым словом голос жены звучал все громче, визгливее.

— Нет, Дуг, ты, ей-богу, неисправим! Что ж тебя дальше-то ждет?

— Как «что»? На службу пойду, — ответил Куэйл, разом забыв о завтраке, и поднялся из-за стола. — Что еще меня может ждать дальше…

— Вижу, с тобой дела все хуже и хуже, — сверля мужа взглядом, заметила Кирстен. — Хуже и хуже день ото дня. Чем же закончится эта одержимость? Куда заведет?

— На Марс, — отрезал Куэйл и полез в платяной шкаф за свежей рубашкой.

Пора. Пора собираться на службу…

Покинув кабину такси, Дуглас Куэйл неторопливо миновал три весьма оживленных пешеходных желоба и подошел к современному, симпатичному, уютному с виду подъезду. Здесь он остановился, задерживая утренний поток прохожих, и настороженно прочел переливавшуюся всеми цветами неоновых ламп вывеску над дверьми. Сколько раз он разглядывал эту вывеску раньше… но подойти так близко до сих пор не решался. Сейчас все обстояло совсем не так. Сейчас

он готовился к большему, к тому, что попросту не могло — рано ли, поздно — не произойти.

«ВОСПОМ, ИНКОРПОРЕЙТЕД»

Может, это и есть решение всех проблем? Конечно, иллюзия, не важно, насколько убедительная, остается не более чем иллюзией — по крайней мере, если судить объективно… но субъективно — совсем наоборот.

Кроме того, его уже ожидают. До назначенного времени не больше пяти минут.

Набрав полную грудь не слишком густого чикагского смога, Куэйл миновал разноцветное зарево дверного проема и подошел к секретарской конторке.

— Доброго утра, мистер Куэйл, — любезно приветствовала его весьма симпатичная, подтянутая гологрудая блондинка за конторкой.

— Да, — откликнулся Куэйл, — я пришел навести справки о ваших… вспомах. Полагаю, вы в курсе.

— Не вспомах — воспомах. То есть воспоминаниях, — поправила его секретарша и поднесла к уху трубку видеофонного аппарата, поблескивавшего возле ее изящного локотка. — Мистер Макклейн, здесь мистер Дуглас Куэйл. При-

гласить его к вам или попросить подождать в приемной?

— Бум-бурум пум блум-блум пум, — проквакало в наушнике.

— Да, мистер Куэйл, проходите, — объявила секретарша. — Мистер Макклейн ждет вас.

Куэйл неуверенно огляделся.

— Направо, мистер Куэйл. Кабинет Д, — подсказала секретарша.

После досадных, однако недолгих блужданий по коридорам Куэйл отыскал нужный кабинет и распахнул дверь. Хозяином кабинета оказался добродушный на вид человек средних лет в сером, скроенном по последней моде костюме из кожи марсианской лягушки, восседавший за громадным письменным столом из настоящего орехового дерева. Один только его наряд, не говоря об убранстве кабинета, свидетельствовал: нет, с выбором Куэйл не ошибся.

— Присаживайтесь, Дуглас, — пригласил Макклейн, взмахом пухлой ладони указав в сторону кресла напротив стола. — Итак, вам хотелось бы побывать на Марсе. Прекрасно, прекрасно!

Куэйл неловко, скованно уселся в кресло.

— Да, только я пока не уверен, стоит ли так тратиться, — ответил он. — Расценки у вас неде-

шевы, однако в действительности я, если верно все понимаю, не получу ничего.

«Хотя по правде слетать обойдется ненамного дороже», — добавил он про себя.

— Позвольте, а осязаемые, подлинные доказательства? — с жаром возразил Макклейн. — Все, какие нужны! Да вот, взгляните сами! — С этими словами он запустил руку в ящик внушительного орехового стола. — Корешок от билета…

Из солидной коричневой папки появился на свет прямоугольничек тисненого картона.

— Подтверждает поездку туда и обратно. Открытки…

На стол перед Куэйлом легли аккуратным рядком четыре трехмерные, полноцветные почтовые открытки.

— Далее — пленка и снимки. Виды Марса, запечатленные взятой напрокат аэрофотокамерой.

То и другое тоже легло на стол.

— Плюс имена тех, с кем вы там познакомились, набор сувениров на две сотни посткредов… будет доставлен с Марса не далее чем через месяц. Разумеется, паспорт, сертификаты о прививках… и это еще не все, — добавил Макклейн, пристально глядя Куэйлу в глаза. — Вы будете помнить поездку во всех подробностях, до самых

пустячных мелочей, а о нас — обо мне, о визите сюда — позабудете начисто, это мы гарантируем. И знайте: если вы хоть раз, хоть на секунду усомнитесь в том, что действительно совершили дорогостоящее путешествие на Марс, можете вернуться сюда и получить всю уплаченную сумму обратно. Понимаете?

— Но я же никуда не летал, — прерывисто, судорожно переведя дух, возразил Куэйл. — Не летал и не полечу, какими бы доказательствами вы меня ни обеспечили… и секретным агентом Интерплана уж точно никогда в жизни не был.

Что бы кто ни говорил, в такую эффективность экстрафактической памяти от «Воспом, Инкорпорейтед» ему просто не верилось.

— Мистер Куэйл, — терпеливо заговорил Макклейн, — как вы объясняли в письме к нам, у вас нет ни шанса, ни малейшей возможности когда-либо в самом деле попасть на Марс. Сам вы себе такого позволить не можете, а на роль секретного агента Интерплана или кого-то подобного не подойдете. Таким образом, другого пути к исполнению вашей… к-хм… заветной мечты у вас попросту нет, верно я говорю, сэр? На самом деле вы не можете стать другим, подходящим, не можете отправиться туда, но вполне може-

те… Вполне можете побывать там, понимаете? Об этом мы позаботимся, причем за разумные деньги. Безо всяких скрытых доплат, — с ободряющей улыбкой, многозначительно хмыкнув, заверил он.

— Неужели ваши экстрафактические воспоминания настолько убедительны? — усомнился Куэйл.

— Куда более убедительны, чем настоящие, сэр! Действительно побывав на Марсе в качестве агента Интерплана, вы к этому времени многое позабыли бы: наши исследования истинной памяти, подлинных воспоминаний о важнейших событиях человеческой жизни, показывают, что целый ряд подробностей человек забывает в два счета — и навсегда. Ну, а в комплект предлагаемых нами услуг входит настолько глубокая имплантация воспоминаний, что вы не забудете ни одной мелочи. Мало этого, подборка воспоминаний, внедряемых клиенту под наркозом, создана обученными, опытными специалистами, людьми, прожившими на Марсе не по одному году: достоверность деталей в каждом случае проверена досконально. К тому же выбранный вами экстрафактический комплекс, знаете ли, довольно прост. Вот выбери вы не Марс, а, ска-

жем, Плутон, либо пожелай побыть императором Альянса Внутренних Планет, нам пришлось бы гораздо труднее… и цена бы, конечно, значительно возросла.

— О'кей, — решил Куэйл, потянувшись к карману пальто за бумажником. — Я мечтал о Марсе всю жизнь, но, вижу, на самом деле так туда и не попаду… а значит, придется удовольствоваться вот этим.

— Ну нет, о таких настроениях и думать забудьте, — сурово отрезал Макклейн. — Вы, сэр, вовсе не удовольствуетесь вторым сортом вместо первого. Настоящая память со всеми ее неопределенностями, пробелами и многоточиями, не говоря уж об искажениях, — вот это действительно второй сорт!

Приняв от Куэйла деньги, он нажал кнопку на столе, и в распахнувшуюся дверь быстрым шагом вошли два рослых, крепко сложенных техника-лаборанта.

— Порядок, мистер Куэйл, — продолжил Макклейн, поднявшись и пожимая дрожащую, взмокшую от холодного пота руку Куэйла. — Вот вы и отправляетесь на Марс с совершенно секретным заданием… вернее, отправились туда еще две недели назад, а сегодня, в четыре трид-

цать пополудни, прибудете обратно на Терру. В комкварт вас доставит кеб, а обо мне и о визите сюда вы, как я уже говорил, более не вспомните. Не вспомните даже, что когда-либо слышали о нашем существовании.

Куэйл с пересохшим от волнения горлом последовал за лаборантами в коридор. Все дальнейшее целиком зависело от этих двоих.

«Неужели я действительно поверю, что слетал на Марс? — гадал он. — Что смог осуществить мечту всей жизни?»

Правду сказать, его никак не отпускали прилипчивые, стойкие предчувствия недоброго, но чего именно — этого Куэйл не понимал.

Ладно. Время покажет.

На столе Макклейна зажужжал зуммером селектор, соединявший его кабинет с процедурными помещениями компании.

— Мистер Куэйл под наркозом, сэр, — донеслось из динамика. — Желаете наблюдать за процедурой лично, или мы начинаем?

— Чего тут наблюдать, дело рутинное, — рассудил Макклейн. — Работайте, Лёве. Думаю, затруднений у вас не возникнет.

Внедрением искусственных воспоминаний о путешествиях на иные планеты — с довесками

насчет секретных заданий или без оных — его компании приходилось заниматься до отвращения регулярно.

«За месяц, — прикинув в уме, с сарказмом подумал Макклейн, — таких набирается не меньше двадцати… можно сказать, эрзац-путешествия на другие планеты всех нас кормят и поят».

— Как угодно, мистер Макклейн, — ответил селектор голосом Лёве, и на том связь прервалась.

Отперев хранилище позади рабочего стола, Макклейн принялся за поиски комплекта номер три, «Путешествие на Марс», и комплекта номер шестьдесят два, «Тайный агент Интерплана». Отыскав оба пакета, он вернулся с ними к себе, устроился поудобнее и разложил на столе содержимое, памятные вещицы, которые следовало тайком разместить в комкварте Куэйла, пока лаборанты заняты внедрением ложной памяти.

«Макет бесшумного пистолета ценой в пост-кред, — машинально отметил Макклейн. — Самая дорогая игрушка… остальное обходится намного дешевле».

Что еще? Радиопередатчик величиной с пилюлю, который агент может проглотить в случае провала… кодовый блокнот, поразительно похожий на настоящий… Да, вещицы во всех этих

наборах изготовлены безукоризненно, по возможности — скопированы с оригинальных образцов, состоящих на вооружении армии Соединенных Штатов. А вот и прочие мелочи, сами по себе не обладающие никаким скрытым смыслом, однако прекрасно ложащиеся в основу воображаемого путешествия Куэйла, вполне соответствующие ложным воспоминаниям: половинка древней серебряной монеты в пятьдесят центов; полдюжины искаженных цитат из проповедей Джона Донна[37] на отдельных полупрозрачных клочках бумаги толщиной с папиросную; несколько картонных спичечных книжечек с эмблемами разных марсианских баров; ложка из нержавейки с гравировкой «СОБСТВЕННОСТЬ НАЦИОНАЛЬНОГО КИБУЦА КУПОЛОВ МАРСА»; моток провода для нелегальных подключений к линиям свя…

Селектор вновь зажужжал зуммером.

— Извините, что отвлекаю от дел, мистер Макклейн, но тут такое наружу вылезло… Пожалуй, без вашего присутствия не обойтись. Куэйл

---

[37] Примечания: 37

Джон Донн — английский поэт и проповедник XVI–XVII вв., крупнейший представитель литературы английского барокко, автор ряда любовных стихов, сонетов, элегий и эпиграмм, а также религиозных проповедей.

уже под наркозом, на наркидрин отреагировал штатно, на данный момент без сознания, вполне восприимчив, но…

— Сейчас буду.

Чуя неладное, Макклейн быстрым шагом вышел из кабинета и спустя пару минут ворвался в помещение процедурной.

Дуглас Куэйл, размеренно, неторопливо дыша, сомкнув веки, мирно лежал на санитарной кушетке. Казалось, присутствие рядом техников-лаборантов, а теперь и Макклейна он если и воспринимает, то крайне смутно.

— Что у вас тут? — раздраженно буркнул Макклейн. — Цепочку ложных воспоминаний некуда вставить? Возьмите да вычеркните две рабочие недели, и делу конец! Служит он канцеляристом в Эмиграционном Бюро Западного побережья — то есть в государственном учреждении, а стало быть, имеет полное право на ежегодный двухнедельный отпуск. Возможно, уже и брал его в этом году.

Подобные мелочи неизменно приводили Макклейна в бешенство… и, видимо, будут бесить до самой смерти.

— Проблема совсем не в том, — резко ответил Лёве. — Слушайте внимательно.

Шагнув к кушетке, он склонился над Куэйлом.

— Расскажите мистеру Макклейну все, что рассказали нам.

Веки распростертого навзничь клиента дрогнули, приподнялись. Казалось, устремленный в лицо Макклейна взгляд пронзает его насквозь: зеленовато-серые глаза Куэйла отвердели, блеснули холодным, неживым глянцем, будто пара слегка ноздреватых полудрагоценных камешков. Под таким взглядом Макклейну тут же сделалось неуютно — настолько, что по спине волной пробежал озноб.

— Чего вам еще? — сурово, отрывисто заговорил Куэйл. — Легенду мою вы раскусили. Убирайтесь отсюда, пока в клочья всех не порвал… особенно тебя, — добавил он, не сводя глаз с Макклейна. — Не сомневаюсь: контрразведывательной операцией руководишь ты.

— Как долго вы пробыли на Марсе? — спросил Лёве.

— Месяц, — проскрежетал Куэйл.

— С какой целью прибыли? — продолжил допрос Лёве.

Куэйл, скривив в легкой усмешке тонкие губы, смерил его долгим взглядом, и наконец с неприкрытой враждебностью, цедя сквозь зубы каждое

слово, ответил:

— Как агент Интерплана. О чем я уже сообщил. Ты что, не пишешь все сказанное? Перемотай видеозвуковую ленту, прокрути боссу запись с самого начала, а от меня отвяжись.

С этим он опустил веки, ледяной блеск его глаз угас, и Макклейна тут же захлестнуло волной невероятного, ни с чем не сравнимого облегчения.

— Крепкий орешек нам подвернулся, мистер Макклейн, — вполголоса заметил Лёве.

— Ничего-ничего, вот мы удалим эту цепочку воспоминаний, сразу же станет как шелковый, — заверил его Макклейн и вновь обратился к Куэйлу: — Значит, вот почему вам так жутко хотелось на Марс?

— На Марс мне никогда не хотелось, — не поднимая век, возразил Куэйл. — Мне поручили… отправили на задание, а я — вот, попался. О да, признаться, без любопытства, конечно, не обошлось, но кому не было бы любопытно?..

Вновь подняв веки, он оглядел всех троих и остановил взгляд на Макклейне.

— Ну и мощная же «сыворотка правды» у вас, — задумчиво, будто бы про себя, проговорил он. — Вытаскивает из памяти даже то, о чем я

совершенно не помню. Кстати, а Кирстен… интересно, а Кирстен в курсе? Ее-то роль какова? Наблюдательница от Интерплана, приглядывающая, чтоб я невзначай не вспомнил о… Тогда понятно, почему она вечно зубоскалит над моим желанием побывать там!

Легкая понимающая улыбка, мелькнувшая на его губах, тут же угасла.

— Прошу, мистер Куэйл, поверьте: мы наткнулись на это чисто случайно, — заверил его Макклейн. — В процессе работы мы…

— Верю, верю, — устало обмякнув — наркоз по-прежнему все глубже и глубже увлекал его в сон, пробормотал Куэйл. — О каких там полетах я говорил? На Марс? Дьявол, не помню… знаю, что очень хотел побывать там, этого всякому хочется, но я… обычный канцелярист… ничтожество…

На этом его голос утих.

— Ему, — выпрямившись, объяснил начальнику Лёве, — возжелалось имплантировать ложные воспоминания, совпадающие с настоящими. И ложный повод для путешествия с настоящим тоже совпал. Врать он под такой дозой наркидрина не в состоянии, путешествие на Марс помнит живо, отчетливо… по крайней мере, сейчас, а без наркоза, очевидно, не вспомнит о нем вообще.

Сознательные воспоминания о задании, скорее всего, стерты в военных исследовательских лабораториях, и известно ему только то, что полет на Марс в статусе секретного агента многое для него значит. Очевидно, он в самом деле мечтал о Марсе всю жизнь, и вот этого — не воспоминаний, мечты, которая, вне всяких сомнений, и подтолкнула его добровольно взяться за данное поручение — военные стереть не смогли.

— Что делать будем? — спросил Макклейна второй лаборант, Килер. — Прививать комплекс ложных воспоминаний поверх подлинных? Так ведь это неизвестно чем кончится: возможно, он вспомнит что-то о настоящем полете, и путаница приведет к серьезным расстройствам психики. В таком случае ему придется одновременно держать в уме две прямо противоположные предпосылки. Что он побывал на Марсе, но в то же время в жизни там не был. Что он настоящий агент Интерплана, но в то же время нет, все это выдумки… По-моему, его следует вывести из наркоза безо всяких внедрений фальшивой памяти и спровадить отсюда как можно скорее: больно уж дело скользкое.

— Согласен, — поддержал лаборанта Макклейн, но тут ему пришло в голову еще кое-что. — Кстати,

а вы можете спрогнозировать, что он вспомнит, очнувшись от наркоза?

— Точно сказать невозможно, — ответил Лёве. — Вполне вероятно, сохранит кое-какие смутные, разрозненные воспоминания о подлинном путешествии. И, вполне вероятно, начнет всерьез сомневаться в их достоверности — полагаю, решит, что мы с внедрением напортачили. Да, и визит к нам он, безусловно, запомнит: мы ведь воспоминания об этом трогать не будем… или стереть, как по-вашему?

— По-моему, чем меньше мы ковыряемся в его памяти, тем лучше, — решил Макклейн. — Не по чину нам с такими вещами баловаться: мы и так уже имели глупость — ну, или нам просто не посчастливилось — разоблачить настоящего агента Интерплана с таким непрошибаемым прикрытием, что даже сам он не знал, кем был… или, вернее, является.

Да, верно. Чем скорее «Воспом, Инкорпорейтед» сбудет с рук клиента, назвавшегося Дугласом Куэйлом, тем лучше. Лучше для всех.

— Комплекты номер три и номер шестьдесят два в его комкварт подбрасывать нужно? — уточнил Лёве.

— Нет, — ответил Макклейн. — И половину

уплаченных денег ему вернем.

— «Половину»?! Почему половину?

— Потому что… потому что… кажется, это неплохой компромисс, — сбивчиво, с запинкой пояснил Макклейн.

«Как же здорово наконец-то вернуться на родную Терру», — думал Дуглас Куэйл, пока обещанный кеб вез его домой, в комкварт посреди жилой части Чикаго.

Память о месяце, проведенном на Марсе, уже помутнела, подернулась рябью. Какую-никакую ясность сохраняли лишь марсианские виды — громадные кратеры вулканов, длинные вереницы древних, источенных непогодой холмов, сам дух иного мира, целого мира песков и пыли, мира, где ничего, по сути, не происходит, где немалую часть суток проводишь, проверяя и перепроверяя портативный источник кислорода… А местные формы жизни? Скромные, неприметные красновато-серые кактусы, вездесущие аскариды…

Признаться, с полдюжины этих образчиков марсианской фауны при последнем издыхании Куэйл прихватил с собой, тайком протащив через таможню. В конце концов, опасности от них никакой: в плотной земной атмосфере им все равно

не выжить, так что грех невелик.

Ну-ка, как они там?

Однако, порывшись в кармане пальто, коробочки с марсианскими аскаридами Куэйл не нашел. Мало этого, вместо нее в кармане лежал…

Конверт?

Осмотрев находку, Куэйл, к немалому своему удивлению, обнаружил в конверте пятьсот семьдесят посткредов купюрами мелкого номинала.

«Откуда бы это? — не на шутку озадаченный, подумал он. — Разве я не потратил на поездку все до последнего креда?»

Вместе с купюрами из конверта выскользнул листик бумаги. Записка?

«Половину уплаченной суммы возвращаем обратно. Макклейн»… и дата. Сегодняшнее число.

— Воспоминания, — пробормотал Куэйл вслух.

— Воспоминания о чем, сэр или мэм? — почтительно поинтересовался робот, водитель кеба.

— Найдется у тебя видеофонная книга? — вместо ответа спросил Куэйл.

— Разумеется, сэр или мэм.

Из прорези в перегородке выскользнула книжица на микропленке — видеофонно-адресный справочник по округу Кук.

— Назывались они еще как-то странно, — охва-

ченный неодолимым страхом, забормотал Куэйл, листая желтый раздел. — Ага, вот. Езжай по этому адресу, в «Воспом, Инкорпорейтед». Я передумал и домой пока не хочу.

— Слушаюсь, сэр или мэм. Как пожелаете, — ответил робот.

В следующую же секунду кеб, развернувшись, помчался в обратном направлении.

— Могу я воспользоваться твоим видеофоном? — спросил Куэйл.

— Сделайте одолжение, — любезно подтвердил робот, вручив ему с иголочки новенький, сверкающий глянцем видеофон с цветным трехмерным экраном.

Приняв аппарат, Куэйл набрал номер собственного комкварта, и вскоре перед ним, на экранчике, возникло миниатюрное, однако до жути реалистичное изображение Кирстен.

— Я побывал на Марсе, — сообщил ей Куэйл.

Кирстен презрительно поджала губы.

— Ты пьян. Пьян… если не хуже того.

— Нет же, ей-богу. Действительно побывал.

— Когда? — саркастически процедила супруга.

— Э-э… не знаю, — смущенно признался Куэйл. — Наверное, симуляция путешествия… эти, искусственные, или как их там… экстрафактиче-

ские воспоминания. Много времени на это не…

— Ну, точно пьян, — по-змеиному прошипела Кирстен и прервала связь со своей стороны.

Куэйл тоже повесил трубку. Казалось, щеки горят огнем.

«Каждый раз тот же тон, — с ожесточением, в унынии подумал он. — Каждый раз резкость, безапелляционность, будто она знает все на свете, а я ни в чем ничего не смыслю. Гос-с-споди Боже, ну и брак!»

Спустя еще несколько минут кеб затормозил у обочины перед подъездом небольшого симпатичного современного здания розового цвета. Над входом переливалась, играла всеми цветами радуги неоновая вывеска: «ВОСПОМ, ИНКОРПОРЕЙТЕД».

При виде Куэйла эффектная, обнаженная по пояс секретарша за конторкой удивленно подняла брови, но тут же совладала с собой.

— Э-э… хелло, мистер Куэйл, — нервозно, с запинкой проговорила она. — Какими судьбами? Что-то забыли?

— Я за остатком уплаченной суммы, — коротко пояснил Куэйл.

— За остатком уплаченной суммы? — окончательно взяв себя в руки, переспросила сек-

ретарша. — По-моему, вы ошибаетесь, мистер Куэйл, — возразила она, с сомнением пожимая гладкими, не тронутыми загаром плечами. — Да, вы приходили к нам навести справки об экстрафактическом путешествии, но… насколько мне известно, самого путешествия не совершили.

— Я помню все, мисс, — объяснил Куэйл. — Помню свое письмо в «Воспом, Инкорпорейтед», с которого это дело и началось. Помню, как приходил сюда, как беседовал с мистером Макклейном, а затем двое техников-лаборантов увели меня из кабинета и погрузили в наркотический сон.

Неудивительно, что компания вернула ему половину уплаченного! Ложные воспоминания о полете на Марс не прижились — точнее, прижились, но не полностью, хотя его уверяли в обратном.

— Мистер Куэйл, — в растерянности забормотала девушка за конторкой, — может, вы и мелкий чиновник, канцелярист, но человек довольно-таки симпатичный, и злость вам совсем не к лицу. Возможно, если вам станет от этого хоть немного легче, я могла бы… к-хм… принять ваше приглашение куда-нибудь на…

Вот это взбесило Куэйла окончательно и бесповоротно.

— Я помню вас! — в ярости прорычал он. — К примеру, бюст с голубым напылением — сразу же в глаза бросился, да так и застрял в памяти. Как и обещание мистера Макклейна вернуть всю сумму полностью, если я вспомню визит в «Воспом, Инкорпорейтед». Где тут ваш мистер Макклейн?

После довольно долгого ожидания — очевидно, местные халтурщики тянули резину как только могли, — Куэйл вновь оказался в знакомом кабинете, перед внушительным столом орехового дерева — в точности как около часа тому назад. К этому времени его разочарование и возмущение достигли немыслимых высот.

— Да, техника у вас тут хоть куда! На грани фантастики, — саркастически начал он. — Мои так называемые «воспоминания» о путешествии на Марс в качестве секретного агента Интерплана туманны, расплывчаты и полны противоречий. Вдобавок я ясно помню, как пришел сюда и вел с вами переговоры. Надо, ох, надо бы обо всем этом сообщить куда следует: похоже, Бюро Улучшения Деловой Практики давно по вам плачет!

Обманутый в лучших ожиданиях Куэйл просто кипел от злости, не оставившей от его обычной нелюбви к публичным скандалам камня на камне.

Макклейн виновато, скорбно поник головой.

— Сдаюсь, Куэйл, сдаюсь, — покорно ответил он. — Разумеется, мы вернем вам всю сумму полностью. Безоговорочно признаю: компания не сделала для вас абсолютно ничего.

— Вы, — осуждающе продолжил Куэйл, — даже не снабдили меня всевозможными памятными вещицами, осязаемыми, по вашим же словам, свидетельствами «совершённого» путешествия на Марс! Все ваши песни и пляски, черт побери, не воплотились ни во что осязаемое! Даже в корешок от билета. Не говоря уж об открытках, и паспорте, и справке о прививках, и…

— Послушайте, Куэйл, — перебил его Макклейн, — допустим, я расскажу вам… Хотя ладно. Ну его к бесу. Займемся делом, — рассудил он, нажимая кнопку селектора. — Ширли, будь добра, оформи-ка выплату еще пятисот семидесяти кредов в виде банковского чека на имя Дугласа Куэйла. Заранее благодарен.

Отпустив кнопку, он молча, угрюмо уставился на Куэйла.

На сей раз долго ждать не пришлось: выложив чек на стол перед Макклейном, секретарша вновь скрылась за дверью, и оба снова остались наедине, лицом друг к другу, разделенные мас-

сивным ореховым столом.

— И еще позвольте дать вам добрый совет, — сказал Макклейн, вручая Куэйлу подписанный чек. — Воздержитесь от обсуждения вашей… к-хм… недавней поездки на Марс с кем бы то ни было.

— Какой поездки?

— Да в том все и дело, — мрачно кивнул Макклейн, утирая обильно вспотевший лоб. — Поездки, которую вы… частично помните. Держитесь так, будто не помните ничего, сделайте вид, будто всего этого не было вовсе. Не спрашивайте, почему, просто последуйте моему совету. Уверяю, так будет лучше для нас обоих. Ну, а засим, мистер Куэйл, я, прошу прощения, должен с вами расстаться. Меня ждут другие дела. Другие клиенты.

Поднявшись, он подхватил Куэйла под локоть и повел к двери.

— У компаний, лепящих такую халтуру, не должно быть клиентов вообще, — переступая порог, проворчал Куэйл и захлопнул за собой дверь.

По пути домой, на заднем сиденье кеба, он принялся мысленно составлять письмо с жалобой в терранский отдел Бюро Улучшения Деловой Практики. Вот погодите, дайте только до пишу-

щей машинки добраться… о жуликах из «Воспом, Инкорпорейтед» должны узнать все честные граждане!

Сказано — сделано. Вернувшись к себе в комкварт, он тут же уселся за портативную «Гермес Рокет», выдвинул ящик стола в поисках копировальной бумаги… и обнаружил внутри знакомую коробочку с плотной крышкой. Ту самую коробочку, которую перед отлетом с Марса бережно наполнил местной фауной, а после тайком пронес через таможню.

Открыв коробочку, Куэйл, к величайшему своему изумлению, увидел внутри полдюжины дохлых аскарид и россыпь различных марсианских одноклеточных организмов, служащих аскаридам пищей. Разумеется, простейшие иссохли, запылились, однако Куэйл сразу их узнал: поди не узнай, когда собирал все это целый день, роясь в бескрайних россыпях темных инопланетных булыжников на дне высохшего моря! Что и говорить, впечатляющее, полное открытий, недавнее путешествие оказалось просто чудесным…

«Но я же не летал Марс», — вспомнил Куэйл.

Хотя, с другой стороны…

Тут в комнату вошла Кирстен с охапкой светло-

бурых свертков из бакалеи в руках.

— Почему это ты дома посреди дня? — в извечном, неизменном прокурорском тоне осведомилась она.

— О, вот ты должна точно знать. Скажи: летал я на Марс или нет? — спросил Куэйл.

— Нет, конечно, не летал ты ни на какой Марс и сам это должен прекрасно помнить. Не ты, что ли, вечно об этом плачешься?

— А мне, вот ей-богу, кажется, что летал, — признался Куэйл. — И в то же время — что не был там никогда.

— Выбери что-то одно, и дело с концом.

— Каким образом?! — с досадой взмахнув рукой, воскликнул он. — Мне заложены в голову две цепочки воспоминаний — одна настоящая, другая нет, но я не могу понять, какая из них какая! Почему на тебя положиться нельзя? В твоей-то памяти никто не копался!

Действительно, уж с этим-то Кирстен могла бы ему помочь, пусть даже в жизни не шевельнула ради него даже пальцем…

— Дуг, — ровно, сдержанно заговорила Кирстен, — если ты не возьмешь себя в руки, между нами все кончено. Я ухожу.

— Я в беде, — отрывисто, с дрожью в голосе про-

хрипел Куэйл. — Возможно, у меня с психикой нелады начались. Надеюсь, нет, но мало ли… по крайней мере, это все объясняет.

Кирстен, уложив пакеты на стол, энергично двинулась к платяному шкафу.

— Я вовсе не шучу, — ровно, негромко сказала она, облачившись в снятое с вешалки пальто и направившись к входной двери комкварта. — Позвоню на днях. Прощай, Дуг. Прощай навсегда. Искренне надеюсь, ты со временем выкарабкаешься. Дай-то Бог, чтобы… хотя бы ради себя самого.

— Постой, — в отчаянии окликнул ее Куэйл. — Просто скажи, да или нет, помоги окончательно выяснить, где правда!

«Хотя ей ведь тоже память подправить могли», — внезапно пришло ему в голову.

Входная дверь захлопнулась. Жена ушла… наконец-то!

— Вот так, — раздалось за спиной. — Руки вверх, Куэйл, и, будь добр, развернись сюда, лицом ко мне.

Куэйл инстинктивно обернулся назад, но рук не поднял.

Стоявший позади оказался одет в сливово-синий мундир Полицейского Управления Ин-

терплана, в руке держал пистолет ооновского образца, а еще…

Еще человек этот показался Куэйлу странно, смутно знакомым, однако где они могли встречаться, Куэйл припомнить не смог и неуверенно, в три приема поднял руки кверху.

— Ты вспомнил командировку на Марс, — продолжал полицейский. — Все твои сегодняшние действия, все твои мысли нам известны — вплоть до самых важных, до размышлений по дороге из «Воспом, Инкорпорейтед» домой. Перед командировкой, — пояснил он, — тебе вживили под черепушку телетрансмиттер, и мы постоянно в курсе, что ты делаешь и чем дышишь.

Телепатический трансмиттер… толика живой протоплазмы, обнаруженной на Луне…

Куэйл содрогнулся от отвращения к себе самому. Подумать только, эта тварь живет в его голове, в его мозге, подслушивает, жрет, подслушивает, жрет… Мерзость, однако полиция Интерплана применяет их весьма широко — об этом даже гомеогазеты писали, а гомеогазеты не врут.

— И в чем же я провинился? — сдавленно прохрипел Куэйл.

Что он такого сделал? О чем таком подумал? А главное, при чем здесь «Воспом, Инкорпорей-

тед»?

— «Воспом» здесь, по существу, совершенно ни при чем. Дело касается только тебя и нас, — ответил коп-интерплановец, коснувшись пальцем правого уха. — Видишь? Я и сейчас слежу за всеми твоими мыслями, слушая цефалотрансмиттер.

Действительно, в его правом ухе белела крохотная пластмассовая втулка приемника.

— Так что обязан предупредить: все, о чем ты подумаешь, может быть использовано против тебя, — с улыбкой подытожил коп. — Правда, тебе-то разницы уже никакой: за сегодня ты наболтал и намыслил не на одну ликвидацию. И, что самое обидное, под наркидрином рассказал о путешествии на Марс этим, из «Воспом, Инкорпорейтед» — и лаборантам, и хозяину заведения, мистеру Макклейну, — практически все: где побывал, по чьему поручению, с каким заданием… Они, ясное дело, перепугались до смерти. Думаю, до сих пор жалеют, что связались с тобой… и правильно ведь жалеют, — задумчиво добавил он.

— Да я же в жизни на Марс не летал! Все это ложная память, экстрафактические воспоминания, только лаборанты Макклейна напортачили с их имплантацией, — возразил Куэйл.

Однако тут ему вспомнилась коробочка с мар-

сианскими формами жизни в ящике письменного стола, не говоря уж обо всех хлопотах, обо всех трудностях с их поисками. Воспоминания казались подлинными. Подлинность коробочки с марсианской фауной тоже не вызывала сомнений… хотя ее вполне мог подбросить Макклейн. Возможно, коробочка — одно из тех самых «осязаемых свидетельств», которые Макклейн так многословно расписывал?

«Что же получается? — подумал Куэйл. — Сам я воспоминаниям о путешествии на Марс не верю, зато им, к сожалению, верит Полицейское Управление Интерплана. На их взгляд, я там действительно побывал и как минимум отчасти сознаю это».

— Верно, — подтвердил коп из Интерплана, отвечая на его мысли, — мы знаем не только о твоем полете на Марс, но и о том, что ты слишком многое вспомнил… а значит, можешь создать для нас немало проблем. Стирать тебе сознательные воспоминания обо всем этом без толку: в таком случае ты просто опять отправишься в «Воспом, Инкорпорейтед» и начнешь все заново. А с Макклейном и его бизнесом мы ничего поделать не в состоянии, так как он не из наших, а стало быть, нам не подведомствен… да и преступления

никакого не совершил. Впрочем, согласно букве закона, ты тоже, — добавил он, сверля Куэйла пристальным взглядом. — Ты ведь отправился в «Воспом, Инкорпорейтед» не затем, чтобы восстановить память: насколько мы понимаем, причина та же, что и у всех остальных — тяга обыкновенного, серого, ничем не примечательного человека к приключениям. Одна, понимаешь, беда: ты — человек далеко не обыкновенный, приключений пережил — хоть отбавляй и в услугах «Воспом, Инкорпорейтед» нуждаешься менее всех во вселенной. Говоря откровенно, ничего более пагубного — и для тебя, и для нас, и заодно для Макклейна — просто не вообразить.

— Но, если даже я помню, как летал… якобы летал туда и что там делал, вам-то какая печаль? — удивился Куэйл.

Упряжной бык Интерплана невесело усмехнулся.

— Видишь ли, задание, с которым тебя посылали на Марс, из рук вон скверно стыкуется с образом великого белого папочки, всеобщего заступника и покровителя, созданным нами для публики. По нашему поручению ты сделал то, чего мы никогда прежде не предпринимали, как сам теперь помнишь… благодаря наркидрину.

Коробочка с дохлыми марсианскими червяками и микроводорослями лежала у тебя в ящике целых полгода, с самого твоего возвращения, и за все это время ты ни разу не проявлял к ней ни малейшего интереса. Мы о ней даже не знали, пока ты не вспомнил про нее, возвращаясь домой из «Воспома», а как только узнали, пулей помчались к тебе, отыскать и изъять… но, к сожалению, опоздали, — закончил он, безо всякой необходимости констатируя очевидное.

К первому копу из Интерплана присоединился второй. Оба принялись о чем-то совещаться. Тем временем Куэйл лихорадочно размышлял. Теперь он помнил куда больше прежнего: насчет наркидрина коп был совершенно прав. Наверное, в Интерплане тоже использовали эту штуку, хотя… «Наверное»?! Наверняка! Он же сам видел однажды заключенного под наркидрином, вот только где? Где-то на Терре?

«Нет, скорее на Луне», — решил он, мысленно приглядевшись к картине, всплывшей из глубин крайне ущербной, но восполнявшейся с каждой секундой памяти.

К этому времени ему вспомнилось еще кое-что — поручение, с которым его посылали на Марс, суть выполненного задания.

Да уж… неудивительно, что ему память почистили!

— О Господи, — ахнул, прервав разговор с напарником, первый из интерплановских копов, очевидно, уловивший мысли Куэйла. — Так-так, вот теперь положение уж точно — хуже некуда.

С этими словами он двинулся к Куэйлу, снова взяв его на прицел.

— Ничего не попишешь, кончать с тобой нужно, — сказал он. — Сию секунду.

— Почему же сию секунду? — изрядно занервничав, возразил его коллега. — Давай просто в нью-йоркскую штаб-квартиру Интерплана его отвезем, пускай они там и…

— Он знает, почему, — отрезал первый коп.

Этот тоже здорово нервничал, однако совсем по другому поводу: теперь, когда память вернулась к Куэйлу почти целиком, причины тревог полицейского сделались яснее ясного.

— На Марсе, — севшим голосом проговорил Куэйл, — я убил человека. А перед этим прошел сквозь заслон из пятнадцати телохранителей. Отчасти — вооруженных бесшумными пистолетами наподобие ваших.

К этому покушению Интерплан готовил его в течение пяти лет. Превосходно обученный про-

фессиональный убийца, Куэйл умел управляться с вооруженными противниками вроде этих двух полицейских… и коп с приемником в ухе об этом, конечно же, знал.

Хватило бы только проворства…

Пистолет выстрелил, однако за долю секунды до этого Куэйл скользнул вбок, в то же время ребром ладони сбил с ног вооруженного копа, завладел пистолетом и взял на прицел второго полицейского, так и не успевшего опомниться.

— А ведь он мои мысли слушал, — шумно переводя дух, пропыхтел Куэйл. — Знал, что я собираюсь сделать, но помешать не смог.

— Он не станет стрелять в тебя, Сэм, — прокряхтел пострадавший коп, с трудом приподнявшись на локте, — это я тоже слышу. Он понимает, что ему конец… и что нам этот факт известен.

Постанывая от боли, он кое-как поднялся с пола и протянул руку за пистолетом.

— Кончай, Куэйл. Верни оружие, — велел он. — Воспользоваться им ты все равно не воспользуешься, а если сдашься добровольно, обещаю не убивать тебя на месте. Поедешь с нами, а там пускай твой случай разбирает начальство повыше чином. Они высоко сидят, им и решать. Может, сумеют еще раз память тебе подчистить, тут я не

в курсе. Сам ведь понимаешь, почему я собирался покончить с тобой. Думал успеть, пока ты не вспомнил все, но теперь-то уже поздно, так?

Однако Куэйл, сжимая в руке пистолет, пулей рванул прочь из комкварта и устремился к лифту.

«Гнаться за мной не надо, — подумал он на бегу. — Погонитесь, пристрелю обоих».

С этими мыслями он лихорадочно вдавил в панель кнопку вызова, и около минуты спустя дверцы кабины разъехались в стороны.

Полицейские за ним не гнались: очевидно, уловили отрывистое, но выразительное мысленное предупреждение и решили не рисковать.

Кабина лифта с Куэйлом внутри пошла вниз.

Ладно. Допустим, ему удалось оторваться от них… на время, но дальше-то что? Теперь-то куда податься?

Вскоре лифт достиг первого этажа, и Куэйл незамедлительно смешался с толпой пешеходов, спешащих кто куда вдоль уличных желобов. Голова ныла, к горлу подкатывала тошнота, но ничего, по крайней мере, смерти он избежал, хотя копы из Интерплана едва-едва не пристрелили его без разговоров в собственном же комкварте.

«И, скорее всего, еще попробуют пристрелить,

когда разыщут, — решил он, — а поиски, при телетрансмиттере в голове, не займут много времени».

Как же зло шутит порой судьба… Подумать только: он же добился именно того, за чем отправился в «Воспом, Инкорпорейтед»! Головокружительные приключения, немыслимый риск, полиция Интерплана за работой, секретная командировка на Марс, где любой неверный шаг мог стоить жизни… одним словом, все, чего ему хотелось от ложных воспоминаний.

«Ложных»… Теперь-то Куэйл оценил всю прелесть, все преимущества ложных — и не более — воспоминаний по достоинству!

В полном одиночестве сидя на лавочке посреди какого-то парка, Дуглас Куэйл бездумно наблюдал за стайкой голубелок — наполовину зверьков, наполовину птиц, завезенных на Землю с марсианских лун-близнецов, однако способных парить в воздухе даже при титаническом земном притяжении.

«Не попробовать ли снова на Марс улететь?» — размышлял он.

Допустим, получится… а дальше что? На Марсе еще опаснее. Политическая организация, его стараниями лишившаяся вождя, прознает о его

возвращении, как только он сойдет с корабля, и подключится к охоте. Нет, Интерплан и они — это уже чересчур…

«Эй, там! Вы еще слышите, о чем я думаю?»

Однако так и до паранойи недалеко: даже здесь, в безлюдном парке, Куэйл нутром чуял, как где-то внимательно слушают, пишут на пленку, горячо обсуждают все его мысли. Содрогнувшись, он поднялся со скамьи, сунул руки в карманы и побрел дальше, сам не зная куда.

«Хотя, куда бы я ни направился, вы все равно будете рядом, — подумал он, обращаясь к незримым слушателям. — Пока у меня в голове эта штука, от вас никуда не денешься. Черт с вами. Договоримся вот как. Удастся вам снова, как в прошлый раз, вложить мне в голову ложную память, уверенность, будто я от рождения жил обыкновенной, обыденной жизнью? Ни разу не покидал Земли, никогда не видел вблизи мундир Интерплана, не держал в руках пистолета…»

— Вам же ясно объяснили: этого недостаточно, — откликнулся голос в его голове.

Ошеломленный, Куэйл сбился с шага.

— Мы держали с вами связь таким образом, когда вы работали в поле, на Марсе, — напомнил голос. — С тех пор прошло добрых полгода, и мы,

откровенно говоря, полагали, что больше данный канал не потребуется, но… Где вы находитесь?

— В пути. Следую навстречу гибели, — ответил Куэйл.

«Вот-вот. Под вашим же огнем», — с некоторым запозданием добавил он.

На это голос в голове не ответил ни слова.

— Откуда вам знать, что ложной памяти недостаточно? — продолжал Куэйл. — Разве «Воспом» не справится?

— Вам объясняли и это. Набором стандартных, средних воспоминаний вы не удовлетворитесь и, не находя себе места, неизбежно отправитесь в «Воспом, Инкорпорейтед» или к кому-либо из их конкурентов снова. Пройти через такое во второй раз мы не рискнем.

— А если, аннулировав подлинную память, заменить ее чем-то поинтереснее, поярче стандартной? — предложил Куэйл. — Таким, что подошло бы моей неугомонной натуре? Характер мой вам известен: вероятно, благодаря ему я и был нанят на службу, а значит, вы наверняка сумеете подыскать что-нибудь этакое, соответствующее. Допустим, будто я был самым богатым человеком Терры, но после раздал все капиталы образовательным фондам или, скажем, просла-

вился на весь мир, исследуя дальний космос… словом, что-то подобное. Такой вариант разве не даст результата?

Молчание.

— Давайте попробуем, — взмолился Куэйл, лихорадочно размышляя, что бы еще предложить. — Зовите лучших из военных психиатров; пускай копаются в моей голове, сколько потребуется, пока не отыщут самую грандиозную мою мечту. Например, женщины. Тысячи женщин, как у Дона Жуана. Этакий межпланетный плейбой… по любовнице в каждом из больших городов Земли, Луны и Марса… только бросил я это дело: сил больше нет. Прошу вас, давайте попробуем!

— И если мы согласимся рассмотреть такое решение, вы добровольно сдадитесь? — уточнил голос в голове. — Помня, что оно может оказаться неприемлемым?

— Да, — после продолжительных колебаний ответил Куэйл. — Рискну.

«Рискну… и, надеюсь, меня не предпочтут пристрелить без лишних затей», — подумал он про себя.

— Тогда первый ход за вами, — откликнулся голос в голове. — Явитесь к нам, сдайтесь, и мы рассмотрим данный вариант. Однако если из

него ничего не выйдет, если ваши подлинные воспоминания снова, как в этот раз, начнут проклевываться наружу сквозь ложные, в таком случае… — Долгая пауза. — В таком случае мы, уж не обессудьте, будем вынуждены вас ликвидировать. Ну как, Куэйл, вы все же согласны рискнуть?

— Согласен, — подтвердил он.

А что тут еще поделаешь? В противном случае его ждет скорая неотвратимая гибель, а так — пусть призрачный, невеликий, но шанс…

— Тогда немедленно отправляйтесь в нью-йоркскую штаб-квартиру, — резюмировал коп из Интерплана. — Пятая авеню, дом пятьсот восемьдесят, двенадцатый этаж. Как только явитесь и сдадитесь, вами займутся штатные психиатры. Начнем с тестов, составим профиль личности, затем попробуем определить окончательный, абсолютный предел ваших желаний, а после вернем вас назад, в «Воспом, Инкорпорейтед», подключим к работе их: пусть искупают грехи, воплотив ваши грезы в детальную, качественную суррогатную ретроспективу, и… и удачи вам, Куэйл, — неожиданно закончил он. — Как-никак мы перед вами в долгу: исполнитель из вас получился отменный.

В голосе говорящего не слышалось ни нотки ехидства — скорее уж, если на то пошло, и он, и Интерплан в целом искренне сочувствовали отставному агенту.

— Благодарю вас, — ответил Куэйл, озираясь в поисках робокеба.

— Н-ну-с, мистер Куэйл, — хмыкнул пожилой, строгий с виду психиатр из медицинского подразделения Интерплана, — должен сказать, заветные мечты у вас весьма, весьма любопытные. Сознательно вы ими не тешитесь, даже не подозреваете о них, но это — явление вполне обычное. Надеюсь, вы не слишком расстроитесь, услышав об их содержании.

— Да. Уж лучше пусть не расстраивается, услышав об их содержании, если рассчитывает остаться в живых, — отрезал старший из офицеров Интерплана, присутствовавших при разговоре.

— В отличие от фантазий о роли секретного агента Интерплана с особым заданием, — продолжал психиатр, — порожденных, собственно говоря, созреванием, а потому в достаточной мере правдоподобных, данные мечты — крайне гротескная причуда детского воображения… неудивительно, что вам не удается их вспомнить.

Содержание их таково: вам девять лет, вы идете один через поле, по узкой тропке, и вдруг прямо перед вами совершает посадку космический транспорт совершенно непривычной конструкции из иной, далекой звездной системы! Никто на Земле, кроме вас, мистер Куэйл, его не замечает. Создания, прибывшие на борту, совсем малы, беспомощны, величиной не более мыши-полевки, однако же всерьез намерены захватить Землю: вскоре, едва получив сигнал с прибывшего корабля, от авангарда, к нашей планете устремятся десятки тысяч других кораблей.

— И я, надо думать, предотвращаю завоевание, — охваченный странным весельем пополам с отвращением, перебил его Куэйл. — Спасаю Землю, в одиночку истребив авангард. Наверное, попросту растоптав разведчиков.

— Ничего подобного, — терпеливо возразил психиатр. — Да, завоевание вы предотвращаете, но вовсе не уничтожив их. Нет, вы демонстрируете им доброту, милосердие, хотя благодаря телепатии — таков их способ общения — знаете, с чем они прибыли. Они же, впервые за всю историю столкнувшиеся со столь гуманным разумным созданием и оценившие ваш гуманизм по достоинству, в одностороннем порядке торже-

ственно обещают…

— Не затевать вторжений на Землю, пока я жив, — закончил Куэйл.

— Именно. Именно! Вот видите, — заметил психиатр, повернувшись к старшему из интерплановских офицеров, — несмотря на притворное пренебрежение, это подходит к его личным наклонностям как нельзя лучше.

— То есть, — невольно поддавшись нарастающему воодушевлению, заговорил Куэйл, — я, всего-навсего существуя, оставаясь в живых, оберегаю Землю от инопланетных захватчиков? А значит, по сути дела, являюсь самой важной персоной на Терре? Даже пальцем ради этого не шевеля?

— Да, сэр, совершенно верно, — подтвердил психиатр. — Эта-то давняя детская фантазия и является основой, фундаментом вашей психики. Конечно, без углубленного анализа и определенных медикаментов вы бы о ней даже не вспомнили, однако она остается при вас до сих пор: ушла в глубину подсознания, но отнюдь не угасла.

— Так. Вы! — обратился старший из офицеров полиции к Макклейну, вслушивавшемуся в каждое слово, затаив дух. — Сможете вы приживить

ему экстрафактические воспоминания об исполнении его самой заветной мечты?

— Знаете, нам приходилось работать со всеми возможными, с самыми фантастическими мечтами, — ответил Макклейн. — Говоря откровенно, эта далеко не самая дикая. Справимся, разумеется. Спустя двадцать четыре часа он будет не просто мечтать о спасении Земли — свято верить, что действительно спас и до сих пор спасает всю нашу планету.

— Тогда можете приступать, — распорядился старший из офицеров полиции. — Подготовка не требуется: воспоминания о полете на Марс мы стерли вторично.

— О каком полете на Марс? — удивился Куэйл.

Однако ответа он не получил и нехотя отложил вопрос до лучших времен — тем более что всех их уже ждал полицейский транспорт. Вместе с Макклейном и старшим из полицейских офицеров он втиснулся в кабину, и вскоре транспорт взял курс на Чикаго, в «Воспом, Инкорпорейтед».

— Глядите, на этот раз не напортачьте, — грозно предостерег полицейский и без того здорово нервничавшего Макклейна.

Лоб толстячка заблестел от пота.

— Вроде теперь-то наперекос пойти нечему, —

пролепетал владелец «Воспома». — Ни с Марсом, ни с Интерпланом его мечты не связаны никоим образом. В одиночку предотвратить вторжение на Землю пришельцев из иной звездной системы, причем не грубой силой, а исключительно добродетелью… — Хмыкнув, Макклейн выразительно покачал головой. — Надо же, чего только детишкам в голову не придет! Оригинально, оригинально, — подытожил он, промокнув лоб огромным носовым платком, вынутым из кармана.

Никто из остальных не проронил ни слова.

— По правде сказать, даже трогательно, — добавил Макклейн.

— Но самоуверенно и эгоистично, — отрезал офицер полиции, смерив Куэйла осуждающим взглядом, — поскольку с его смертью вторжение возобновится. Неудивительно, что сам он ничего не помнит: фантазии беспардоннее я в жизни еще не видывал. Подумать только, и этого человека мы взяли на службу…

Стоило им войти в приемную «Воспом, Инкорпорейтед», секретарша Макклейна, Ширли, замерла за конторкой, затаив дух. От волнения обнаженные, округлые, точно спелые дыньки, груди девушки — на сей раз не с голубым, с ог-

ненно-оранжевым напылением — задрожали, закачались вверх-вниз.

— Д-добро пожаловать к нам снова, мистер Куэйл, — пролепетала Ширли. — Как жаль, что в прошлый раз все обернулось так скверно. Уверена, сейчас процедура пройдет безупречно.

— Да уж, хотелось бы, — буркнул Макклейн, снова и снова вытирая блестящий от пота лоб аккуратно сложенным вчетверо носовым платком ирландского полотна.

Немедленно призвав к себе Лёве с Килером, он лично препроводил и их, и Куэйла в процедурную, после чего вместе с Ширли и старшим офицером полиции направился в привычный кабинет ждать благополучного завершения имплантации.

— Мистер Макклейн, а подходящий к случаю комплект у нас в наличии есть? — забеспокоилась Ширли, в волнении врезавшись в босса сзади и смущенно порозовев.

— Думаю, да.

Покопавшись в памяти, Макклейн оставил эту затею и принялся изучать таблицы реестра.

— Соберем из комплектов номер восемьдесят один, номер двадцать и номер шесть, — объявил он вслух.

Направившись в хранилище позади орехового стола, он отыскал требуемые наборы, вернулся в кабинет и выложил их на стол для осмотра.

— Из восемьдесят первого, — продолжал он, — возьмем исцеляющую любую хворь волшебную палочку, подаренную нашему клиенту — в данном случае мистеру Куэйлу — разумными обитателями иной звездной системы. В знак благодарности.

— Она что же, работает? — полюбопытствовал полицейский офицер.

— Когда-то работала, — пояснил Макклейн, — однако он… к-хм… понимаете ли, давным-давно израсходовал весь заряд, исцеляя каждого встречного и поперечного. Но сам Куэйл, будьте уверены, помнит, что работала она феерически.

Хмыкнув, он вскрыл пакет с комплектом номер двадцать.

— Далее… документ за подписью генерального секретаря ООН. Официальное благодарственное письмо в адрес спасителя Земли. Для данного случая штука не слишком уместная, поскольку, согласно фантазиям Куэйла, о вторжении не знает никто, кроме него самого, но достоверности ради добавим… не повредит.

Умолкнув, он пригляделся к комплекту номер

шесть. Так, а отсюда-то что?.. Не сумев вспомнить, что пришло ему в голову, Макклейн нахмурился и запустил в полиэтиленовый пакет руку. Ширли и офицер Полицейского Управления Интерплана замерли, не сводя с него глаз.

— Текст. Текст на тарабарском языке, — подсказала Ширли.

— Да, верно, — вспомнил Макклейн. — Непонятные письмена, объясняющие, кто эти существа и откуда явились. Включая подробную звездную карту с маршрутом полета от их родной системы к Земле. Разумеется, на их языке, а Куэйл им не владеет… но живо помнит, как инопланетяне прочли ему все это в переводе на английский.

Поразмыслив пару секунд, он сдвинул все три предмета к середине стола.

— Вот это необходимо как можно скорее доставить в комкварт Куэйла, — объяснил он полицейскому чину. — Вернется домой, найдет и получит подтверждение своим фантазиям. Таков наш СТР, стандартный технологический регламент.

С этим он, слегка поежившись, хмыкнул. Сердце его — в который уж раз — сжалось от безотчетной тревоги. Как-то там Лёве с Килером? Все ли у них

в порядке?

Настольный селектор зажужжал зуммером.

— Извините, что отвлекаю от дел, мистер Макклейн, но тут такое наружу вылезло, — зазвучало из динамика.

Узнав голос Лёве, Макклейн остолбенел, замер, не в силах произнести ни слова.

— Пожалуй, без вашего присутствия не обойтись. Куэйл, как и в прошлый раз, под наркозом, на наркидрин отреагировал штатно, сейчас без сознания, вполне восприимчив, но…

Макклейн, не дослушав, вскочил и во всю прыть рванул к процедурной.

Дуглас Куэйл, размеренно, неторопливо дыша, сомкнув веки, лежал на санитарной кушетке. Казалось, присутствие окружающих он если и воспринимает, то крайне смутно.

— Мы только-только начали его допрашивать, — заговорил Лёве, бледный как полотно, — чтобы разобраться, где именно разместить экстрафактические воспоминания насчет того, как он в одиночку спас Землю, и, вот странное дело…

— Они велели никому о них не рассказывать, — глухо, невнятно пробормотал Дуглас Куэйл в глубоком наркотическом сне. — Таково было

одно из условий… мне об этом и помнить-то не полагалось, но разве такое забудешь?

«Да, такое, конечно, забыть нелегко, — отрешенно подумал Макклейн, — но ты прекрасно справлялся… вплоть до этой минуты».

— Даже свиток мне на прощанье вручили. Благодарственную грамоту, — в забытьи бормотал Куэйл. — Дома, в комкварте спрятана. Хотите, могу показать…

Вздохнув, Макклейн обернулся к полицейскому чину, ворвавшемуся в процедурную следом.

— Знаете, я бы на вашем месте и думать забыл о его ликвидации, — сказал он. — Стоит ему погибнуть, они вернутся.

— А еще они подарили мне невидимую волшебную палочку, уничтожающую все живое, — бормотал Куэйл, крепко сомкнув веки. — Она-то и помогла расправиться с тем человеком, по чью душу вы посылали меня на Марс. В столе лежит, в ящике… там же, где и коробочка с марсианскими аскаридами да засохшими водорослями…

Офицер полиции Интерплана, не говоря ни слова, развернулся и вышел из процедурной.

«Ну, а вещицы-доказательства можно с чистой совестью разложить по пакетам, — подумал Макклейн, обреченно, нога за ногу, направившись

к себе в кабинет. — Особенно благодарственное письмо от генерального секретаря ООН. В конце концов...»

В конце концов, настоящее, очевидно, не заставит себя долго ждать.

Не суди по обложке

— Нет, мисс Хэнди! Нет, нет и нет! Видеть его не желаю, — раздраженно ответил пожилой, несговорчивый до упрямства президент «Обелиск Букс». — Книга уже в типографии, и если в текст вкралась ошибка, исправлять что-либо поздно. Поздно!

— Но, мистер Мастерс, сэр, ошибка крайне серьезна, — возразила мисс Хэнди, — если, конечно, он прав. Мистер Брандис утверждает, что из-за нее вся глава целиком…

— Да, я читал его письмо, — оборвал ее Мастерс, — и по видеофону с ним разговаривал, и прекрасно помню, что он там утверждает!

Подойдя к окну кабинета, глава «Обелиск Букс» обвел задумчивым взглядом безводный, испещренный оспинами кратеров марсианский пейзаж — тот самый, которым имел сомнительное удовольствие любоваться далеко не первый десяток лет.

«Пять тысяч экземпляров, — подумал он. — Пять тысяч экземпляров отпечатаны и переплетены, причем половина — в кожу марсианского

вуба с золотым тиснением. В самый изысканный, самый дорогой материал, какой только удалось отыскать. Себестоимость издания уже взлетела до небес, а тут… только этого не хватало!»

В гневе схватив со стола экземпляр «De Rerum Natura» — философской поэмы Лукреция «О природе вещей», пересказанной с благородной латыни величавым, возвышенным слогом Джона Драйдена, Барни Мастерс принялся листать белые, точно снег, страницы.

«Кто бы мог ожидать, что на Марсе найдется хоть один человек, так хорошо знакомый с текстом этой древней философской поэмы?» — с досадой размышлял он.

Увы, человек, сию минуту торчавший в приемной, являл собой лишь одного из восьмерых, не поленившихся написать либо позвонить в «Обелиск Букс» по поводу спорного отрывка.

Спорного? Да нет, какие тут могут быть споры: все восемь местных филологов-латинистов совершенно правы. Вопрос в другом: как бы отвязаться от возмущающихся без шума и пыли, да чтобы каждый навек позабыл о досадной путанице в новом издании «Обелиск Букс»?

— О'кей, пусть войдет, — сказал Мастерс секретарше, нажав кнопку селектора.

Пусть войдет… иначе ведь до победного не уймется. С такого буквоеда станется просидеть под дверью хоть до полуночи: ученые — вообще народ исключительно терпеливый.

Дверь распахнулась, и на пороге возник рослый седовласый человек в старомодных, на терранский манер, очках, с портфелем в руке.

— Благодарю, мистер Мастерс, — заговорил он, войдя в кабинет. — Позвольте я объясню вам, сэр, почему наша организация придает ошибке подобного рода столь большое значение.

Подсев к столу, он вжикнул «молнией» портфеля.

— Поймите: в конце концов, мы — планета колониальная. Все наши нравы, традиции, ценности — этические и эстетические — унаследованы от Терры. Посему мы, ВСПИСК, считаем ваше издание данной книги…

— ВСПИСК? — перебил его Мастерс.

Ни о чем подобном он в жизни не слышал, однако мысленно застонал. За комичной до нелепости аббревиатурой наверняка скрывалась одна из множества шаек не в меру бдительных чудаков, вменивших себе в обязанность побуквенно проверять всю печатную продукцию вплоть до почтовых открыток, будь она выпущена местны-

ми книгоиздателями или завезена с Терры.

— Выявители Серьезных Подделок и Искажений в Сфере Культуры, — пояснил Брандис. — Особенно культурного наследия древности. Вот, у меня при себе экземпляр абсолютно точного терранского издания «О природе вещей» — в переводе Драйдена, как и ваше, местное.

Последнее слово в его устах граничило с оскорблением, намекало на некую второсортность.

«Как будто „Обелиск Букс“ совершает нечто неблаговидное, издавая книги вообще», — стиснув зубы, подумал Мастерс.

— Рассмотрим искаженную строфу во всех деталях. Соблаговолите вначале прочесть ее в моем экземпляре, где она приведена верно, — продолжал Брандис, выкладывая на стол перед Мастерсом потрепанное, повидавшее виды терранское издание поэмы Лукреция, раскрытое на нужной странице, — а затем, сэр, уделите внимание тому же фрагменту из экземпляра, выпущенного в свет вами.

Рядом с невзрачной старинной книжицей в синей обложке лег элегантный, увесистый экземпляр в переплете из кожи вуба, издание «Обелиск Букс».

— Позвольте, я приглашу сюда нашего редак-

тора, — остановил его Мастерс и нажал кнопку селектора. — Мисс Хэнди, будьте добры, попросите ко мне Джека Снида.

— Слушаю, мистер Мастерс.

— В подлинном издании, — упрямо продолжал Брандис, — латинский стих метрически передан следующим образом. Цитирую… к-хм.

Застенчиво откашлявшись, он начал читать в полный голос:

> *Так и когда уже нас не станет, когда разойдутся*
>
> *Тело с душой, из которых мы в целое сплочены тесно,*
>
> *С нами не сможет ничто приключиться по нашей кончине,*
>
> *И никаких ощущений у нас не пробудится больше,*
>
> *Даже коль море с землей и с морями смешается небо*[38].

— Я помню эту строфу, — резко ответил Мастерс.

Уязвлен он был изрядно: по сути, незваный гость отчитывал его, словно мальчишку, и где? В

---

[38] Примечания: 38
Перевод Ф. А. Петровского.

собственном кабинете!

— Однако в вашем издании, — парировал Брандис, — эта строфа отсутствует, будучи заменена следующим — подложным, Бог весть откуда взятым — пятистишием. Вы позволите?

Взяв со стола роскошный, переплетенный в кожу вуба экземпляр, выпущенный «Обелиском», он зачитал:

Так и когда уже нас не станет, когда разойдутся

Тело с душой, из которых мы в целое сплочены тесно,

Мигом познаем мы то, к чему человек приземленный

До смерти слеп остается, но после, прозрев, постигает:

Земной наш удел – лишь врата, врата к вечносущих

блаженству.

Смерив Мастерса испепеляющим взглядом, Брандис громко захлопнул увесистый том в переплете из вубьей кожи.

— И что самое скверное, — подытожил он, — взгляды, изложенные в данной строфе, диамет-

рально противоречат идеям поэмы в целом. Откуда она могла взяться? Ведь кто-то же должен был ее написать! Драйден здесь ни при чем! Лукреций — тоже!

Казалось, он подозревает в сочинении злосчастного пятистишия Мастерса лично.

Дверь вновь распахнулась, и в кабинет вошел ответственный редактор «Обелиск Букс», Джек Снид.

— Он прав, — смущенно кивнув нанимателю, подтвердил Снид. — И это только одна поправка из трех с лишним десятков. Как только к нам начали поступать письма возмущенных читателей, я проверил текст заново, затем взялся проверять свежие издания из плана на осень подряд… и в нескольких нашел изменения тоже, — досадливо крякнув, закончил он.

— Но это же ты последним из редакторов выверял корректуру, прежде чем отправить книгу в набор, — напомнил ему Мастерс. — На момент выверки ошибки там были?

— Ни единой, — заверил его Снид. — Мало этого, гранки я тоже вычитывал лично и ничего криминального там не нашел. Изменения проявились только после того, как тираж был отпечатан и переплетен, если это хоть что-нибудь объясняет…

причем только в подарочных экземплярах, переплетенных в вубью кожу с золотым тиснением. С другой частью, в обычных, картонных обложках — с ней все о'кей.

Мастерс в изумлении захлопал глазами.

— Но ведь весь тираж печатался с одних и тех же гранок, в одной и той же типографии! К тому же изначально мы вообще не планировали дорогих подарочных переплетов: о них речь зашла буквально в последнюю минуту… Ребята из отдела сбыта подумали и предложили выпустить половину тиража в переплетах из вубьей кожи.

— Сдается мне, — рассудил Джек Снид, — вот с ней-то, с кожей марсианского вуба, и надо бы разобраться. Разобраться доскональнейшим образом.

Около часа спустя изрядно состарившийся, пошатывающийся на ходу Мастерс в сопровождении ответственного редактора, Джека Снида, уселся напротив Лютера Запперштейна, заведующего отделом сбыта компании «Эталон, Инкорпорейтед», заготовителей кож, — у них-то «Обелиск Букс» и закупил вубью кожу, пошедшую на переплеты подарочных изданий.

— Прежде всего, — отрывисто, деловито заговорил Мастерс, — что есть вубья кожа?

— По сути, — ответил Запперштейн, — следуя букве вопроса, это кожа марсианского вуба. Понимаю, джентльмены, вам это мало о чем говорит, но данный постулат — уж с ним-то согласны мы все — вполне можно принять за отправную точку и на ее основе выстроить нечто куда более впечатляющее. Конструктивности ради позвольте рассказать вам кое-что о вубах как таковых. Кожи вубов высоко ценятся не в последнюю очередь из-за их редкости. Редкий это товар оттого, что вубы крайне нечасто гибнут… иными словами, вуба — даже больного либо одряхлевшего — весьма, весьма трудно убить. Но это еще не все. Пусть даже вуб убит, его кожа продолжает жить. Данное свойство и превращает ее в неподражаемо ценный материал для украшения интерьеров… или, как в вашем случае, для переплетов книг, так сказать, «на всю жизнь», сокровищ культуры, хранящихся в семьях на протяжении поколений…

Отрешившись от разглагольствований Запперштейна, Мастерс вздохнул и устремил затуманившийся взгляд за окно. Его ответственный редактор, сидевший рядом, лихорадочно строчил что-то в блокноте. Юное, свежее лицо Снида сделалось мрачным как туча.

— Ну, а партия, отпущенная вам по вашей просьбе — по вашей, не нашей, позволю себе напомнить, инициативе, — продолжал Запперштейн, — состояла из отборных, безукоризненных кож, из лучшего товара, имевшегося в наших немалых запасах. Продолжая жить, кожа вуба сияет неповторимым глянцем сама по себе: ни на Марсе, ни на родной нашей Терре не найти ничего даже отдаленно похожего. Надрывы и царапины кожа заращивает сама, так как растет, месяц от месяца становится все роскошней, ворсистей, отчего ваши издания с течением времени будут становиться только красивее прежнего, а следовательно, все более и более желанным приобретением. Спустя десять лет ворсистость и глянец вубьих кож, пошедших на переплеты ваших книг…

— Стало быть, — перебил его Снид, обменявшись с Мастерсом быстрым, многозначительным взглядом, — кожа продолжает жить, даже будучи снята с вуба. Интересно, интересно. А вубы, по вашим словам, так умны и изворотливы, что их практически невозможно убить. А ведь каждая из тридцати с лишним поправок, внесенных в текст нашей книги неизвестно кем, так или иначе касается бессмертия. Лукреций всюду переработан

по одному и тому же шаблону. В оригинальном тексте человек трактуется как нечто бренное, преходящее, а жизнь после смерти, если таковая и возможна, ему ни к чему, поскольку, умерший, он напрочь забудет о здешнем, земном существовании. Все эти рассуждения заменены новыми, подложными строфами, без околичностей повествующими о будущей жизни, продолжающей жизнь сегодняшнюю, что, как вы верно заметили, прямо противоречит всей философской системе Лукреция. Понимаете, что происходит? На философские взгляды различных авторов накладывается философия этих треклятых вубов! Вот вам и все положение, от начала до конца.

Умолкнув, Снид вновь принялся лихорадочно, в спешке делать заметки.

— Но каким образом кожа, пусть даже вечно живая, может влиять на содержание книги? — возмутился Мастерс. — Текст отпечатан, страницы обрезаны, брошюры сшиты, склеены, переплетены… это же против всякого здравого смысла! Против, если даже переплет, эта чертова кожа, действительно жива, во что мне лично вовсе не верится. Если она жива, то чем живет? Чем питается? — саркастически осведомился он, полоснув Запперштейна убийственным взглядом.

— Микроскопическими частицами всевозможной пищи, рассеянными в атмосфере, — мягко ответил Запперштейн.

— Идем, Снид, — велел Мастерс, поднявшись на ноги. — Все это просто смешно.

— Кожа впитывает, вбирает эти частицы порами, — с достоинством, едва ли не осуждающе возразил Запперштейн.

— Некоторые из исправленных текстов просто завораживают, — сообщил Джек Снид, не отрывая глаз от заметок и даже не думая подниматься с кресла вслед за работодателем. — Правки варьируются от прямого противоречия оригинальным фрагментам — и авторской мысли, как в случае с Лукрецием, до тончайших, практически незаметных корректив, если можно так выразиться, в текстах, не противоречащих доктрине вечной жизни. Отсюда вопрос… главный вопрос: что перед нами? Всего-навсего суеверие, мнение, общее для данной формы жизни, или вубы действительно знают, что говорят? Взять для примера ту же поэму Лукреция: великое, прекраснейшее, интереснейшее произведение… если судить с точки зрения поэзии. Однако в философском смысле она вполне может оказаться ошибочной, и тут я ни о чем судить не могу. Не мое это дело: я не

пишу книг, я всего-навсего редактирую их. Лезть в авторский текст с отсебятиной хорошему редактору даже в голову не придет, но вуб… вернее, кожа убитого вуба почему-то считает, что имеет на это полное право.

С этими словами Джек Снид умолк.

— Хм-м… а позвольте полюбопытствовать: добавила ли она в тексты что-либо ценное? — спросил Запперштейн.

— В каком смысле? В литературном или в философском? Что касается словесности — поэтики, стилистики и так далее, с этой стороны ее вставки нисколько не лучше и не хуже оригинала. Авторский стиль сымитирован так безупречно, что, не зная оригинального текста, ничего не заметишь. Даже не заподозришь, что автора подменяет собой переплет из шкуры редкого зверя, — с мрачной задумчивостью в голосе добавил Снид.

— Нет-нет, мне куда интереснее философская сторона.

— Ну, что касается философии, тут переплеты с тупым, монотонным упорством долбят в одну и ту же точку. Смерти нет. Мы просто засыпаем и пробуждаемся к новой, лучшей жизни. Правки в «О природе вещей» — случай вполне типичный. Ознакомишься с любой — можешь считать, что

прочел их все.

— Интересно бы ради эксперимента переплести в вубью кожу экземпляр Библии, — задумчиво протянул Мастерс.

— Я уже пробовал, — признался Снид.

— И?..

— Разумеется, прочесть ее от корки до корки я еще не успел, но послания Павла к коринфянам просмотрел внимательно. Там правка только одна. Фрагмент, начинающийся с «Говорю вам тайну», целиком набран заглавными буквами, а следующий за ним стих, «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?», повторен десять раз кряду и тоже набран заглавными буквами целиком. Очевидно, вуб с этим согласен — таковы его собственные философские… вернее, теологические воззрения. Таким образом, — взвешивая каждое слово, подытожил Снид, — по сути, все это — теологический диспут… между читающей публикой и кожей марсианского зверя, с виду больше всего похожего на помесь свиньи с коровой. Чудные, однако ж, дела…

Он снова уткнулся в блокнот.

— Как по-твоему, — выдержав внушительную паузу, заговорил Мастерс, — вубу действительно известен некий секрет? Ведь ты, если вдуматься,

прав: все это вполне может оказаться не просто суевериями отдельной формы жизни, на удивление успешно избегающей гибели, а чистой правдой.

— Мне пришло в голову следующее, — ответил Снид. — Вубы не просто выучились избегать гибели, а в самом деле достигли того, что исповедуют. Вот вуб убит, освежеван, а кожа его, так сказать, заживо пущена на книжные переплеты… выходит, он победил смерть! Продолжает жить и, судя по всему, считает эту новую жизнь лучшей. Нет, перед нами вовсе не упорствующая в собственном суеверии туземная форма жизни, перед нами существо, достигшее того, в чем мы еще сомневаемся. Мы сомневаемся, а он знает наверняка. Сам служит живым доказательством собственной доктрины. Наглядным, убедительным доказательством… и я склонен ему поверить.

— Однако его бесконечная жизнь еще не значит, что нечто подобное возможно и для нас, остальных, — возразил Мастерс. — Вспомни, что говорил мистер Запперштейн: вуб — животное уникальное. Ни одна другая форма жизни — хоть марсианской, хоть терранской, хоть лунной — не обладает кожей, способной жить, питаясь микроскопическими частицами органики, рассе-

янными в атмосфере. Одно то, что вубу такое по силам, еще не…

— Жаль, с ней, с вубьей кожей общения не наладить, — вступил в разговор Запперштейн. — Мы здесь, в «Эталоне», пробовали с тех самых пор, как впервые обнаружили ее способность к жизни в посмертии, но способ так и не нашли.

— А вот мы, «Обелиск Букс», нашли, — торжествующе объявил Снид. — Говоря откровенно, я уже экспериментировал. Велел отпечатать текст из одной фразы, единственной строки, гласившей: «Все живые существа, как и вубы, смертны». Затем распорядился изготовить для напечатанной страницы обложку из вубьей кожи и прочел текст снова. Текст изменился. Вот, поглядите. Прочтите, что утверждается там сейчас.

С этими словами он вручил Мастерсу изящную тоненькую брошюрку.

— «Все живые существа, как и вубы, бессмертны», — прочел Мастерс вслух и вернул брошюрку Сниду. — Да, — глубокомысленно проговорил он, — здесь коже потребовалось только добавить «бес». Три буквы… не такая уж масштабная правка.

— Но с точки зрения смысла — гром среди ясного неба! — воскликнул Снид. — Отклик, так

сказать, из могилы! То есть давайте смотреть фактам в лицо: теоретически вубья кожа мертва, поскольку ее хозяин погиб. Таким образом, мы с вами чертовски близки к неоспоримому доказательству существования разумной жизни после смерти.

— Возможно… вот только есть тут один нюанс, — неуверенно, в изрядном унынии пробормотал Запперштейн. — Признаться, поднимать эту тему не слишком приятно. Не знаю, имеет ли она какое-либо отношение к делу, но… Но марсианский вуб, при всей его выдающейся… не побоюсь этого слова, сверхъестественной способности к выживанию, в отношении умственном — создание откровенно тупое. Почему? К примеру, мозг терранского опоссума втрое меньше кошачьего. Ну, а у вуба мозг впятеро — впятеро! — меньше, чем у опоссума.

— Ну что ж, в Библии сказано: «Так будут последние первыми, и первые последними», — напомнил ему Снид. — Будем надеяться, под эту рубрику подпадает и скромный вуб.

— А тебе вправду хочется жить вечно? — недоверчиво сощурившись, усомнился Мастерс.

— Конечно, — подтвердил Снид. — Кому же не хочется!

— К примеру, мне, — решительно отрезал Мастерс. — Я и так заботами сыт по горло. Последнее, чего мне хотелось бы — это продолжить жизнь в виде книжного переплета… да и в любом другом виде тоже.

Однако в голове его начали зарождаться совсем другие — положа руку на сердце, диаметрально противоположные — мысли.

— Да, такое только вубу и придется по сердцу, — поддержал его Запперштейн. — Стать переплетом книги, лежать себе тихо-мирно на полке, месяц за месяцем, год за годом, вбирая порами крохотные частицы пищи и, надо думать, предаваясь медитативному созерцанию… ну, или чем обычно занимаются вубы после смерти.

— Размышляют о теологии. Проповедуют, — предположил Снид. — Мистер Мастерс, насколько я понимаю, выпуск книг в переплетах из вубьей кожи мы прекращаем?

— Да. По крайней мере, в продажу ничего подобного более не пойдет, — подтвердил его босс. — Однако…

Однако Мастерс никак не мог избавиться от уверенности в том, что подобному материалу наверняка найдется достойное применение.

— Вот интересно, — продолжал он, — а не при-

даст ли эта кожа такую же сверхъестественную жизнеспособность всему, что из нее ни изготовь? Скажем, оконным занавескам. Или обивке салона личной амфибии… что, если кожа вуба сметет смерть с пути ездока? Да взять хоть подкладку для солдатских касок и бейсбольных шлемов!

Казалось, возможностей — хоть отбавляй… но все пока как-то расплывчаты. Над данным вопросом следовало подумать обстоятельно, без спешки, не жалея времени.

— Как бы там ни было, — объявил Запперштейн, — в возврате средств наша компания вам отказывает. Свойства вубьей кожи опубликованы «Эталоном» для всеобщего сведения в брошюре, выпущенной около полугода тому назад, и мы категорически утверждаем, что…

— О'кей, о'кей, убытки на нашей совести, — раздраженно отмахнулся Мастерс. — Бог с ними. Скажи-ка, Джек, — обратился он к Сниду, — там, в тех тридцати с лишним правках, определенно говорится, что жизнь после смерти… хороша?

— А как же! Прямым текстом. «Земной наш удел — лишь врата, врата к вечносущих блаженству». Вот эта строчка, вставленная в «О природе вещей», и подводит всему итог. Определеннее некуда.

— К блаженству, стало быть, — кивнув, повторил Мастерс. — Конечно, здесь у нас не Земля, а Марс, но это, видимо, одно и то же. По-моему, тут просто имеется в виду жизнь вообще, где бы она ни существовала.

Умолкнув, президент «Обелиск Букс» сдвинул брови, погрузился в раздумья глубже прежнего.

— Знаешь, Джек, — нарушив молчание, заговорил он, — абстрактные рассуждения о «жизни после смерти» — это ладно. О ней рассуждают вот уже пятьдесят тысяч лет, а поэме Лукреция — всего две с небольшим тысячи. Мне лично куда интереснее другое. Не общефилософская картина в целом, а конкретный факт: вубья кожа и заключенное в ней бессмертие. Какие еще книги ты пробовал в нее переплетать?

— «Век Разума» Тома Пейна, — ответил Снид, заглянув в блокнот.

— И каковы результаты?

— Двести шестьдесят семь абсолютно чистых страниц. С единственным словом — «ГАДОСТЬ!» — в самой середине.

— А еще?

— «Британнику». В ней, строго говоря, правок не появилось, зато добавились целые статьи. О душе, о ее переселениях, о преисподней, об

адовых муках, грехе, бессмертии… словом, весь комплект из двадцати четырех томов приобрел явный религиозный характер. Дальше продолжать? — взглянув на Мастерса поверх блокнота, уточнил Снид.

— Конечно, — подтвердил Мастерс, слушая и в то же время не прерывая раздумий.

— «Сумма теологии» Фомы Аквинского. Текст остался нетронутым, но в него — во многих, многих местах — вставлен библейский стих: «Буква убивает, а дух животворит». Далее, «Потерянный горизонт» Джеймса Хилтона. Тут Шангри-Ла объявляется откровением о загробной жизни, которое…

— О'кей, идея понятна, — оборвал Снида Мастерс. — Вопрос только, что со всем этим делать. Очевидно, книги в вубью кожу переплетать нельзя — по крайней мере, те, с которыми она не согласна, но…

Но в голове его уже брезжила другая мысль, идея куда более личного толка, разом затмившая все чудеса, которые кожа вуба могла бы сотворить с книгами… да и с любыми другими неживыми предметами.

Как только он доберется до видеофона…

— Особенно интересной, — с усмешкой продол-

жил Снид, — представляется ее реакция на том избранных статей о психоанализе за авторством ряда величайших из ныне живущих психологов фрейдистского толка. Тексты статей вубья кожа оставила в первозданном виде, но в конце каждой добавила одну и ту же фразу: «Врачу, исцелися сам». Выходит, ей не чуждо и чувство юмора!

— Да уж, — согласился Мастерс, думая лишь об одном — о видеофоне, об одном важном, крайне важном звонке.

Вернувшись к себе, в кабинет президента «Обелиск Букс», Мастерс первым же делом взялся за предварительный эксперимент, за проверку осенившей его идеи. С осторожностью завернув в вубью кожу желтую чайную чашку с блюдцем костяного фарфора от «Ройял Альберт», жемчужину собранной за долгие годы коллекции, он после долгих сомнений, с немалым душевным трепетом опустил сверток на пол и что было сил надавил на него ногой.

Чашка не раскололась — по крайней мере, треска он не услышал, а сверток не поддался.

Развернув кожу, Мастерс осмотрел чашку со всех сторон. Да, он оказался прав: обернутые живой вубьей кожей, и чашка и блюдце остались абсолютно целы.

Удовлетворенный результатом, он сел за стол и снова, в последний раз, крепко задумался.

Обертка из вубьей кожи сделала бренный, хрупкий предмет нерушимым. Таким образом, вубья доктрина насчет вечной жизни подтвердилась на практике… в точности как он и ожидал.

Придвинув к себе видеофон, Мастерс набрал номер собственного поверенного.

— Дело касается моего завещания, — заговорил он, как только его адвокат ответил на звонок. — Думаю, помните — последней редакции, составленной пару месяцев тому назад. Ее нужно дополнить новым пунктом.

— Слушаю вас, мистер Мастерс, — деловито ответил поверенный. — Выкладывайте.

— По сути, условие пустяковое, — промурлыкал Мастерс. — Насчет моего гроба. Хочу обязать наследников обить мой гроб целиком — сверху, снизу и по бокам — кожей марсианского вуба. От «Эталон, Инкорпорейтед». Дабы я предстал перед Создателем, так сказать, в облачении из вубьей кожи… для пущей солидности, знаете ли, — с беззаботным смехом добавил он.

Однако голос его звучал предельно серьезно, и, разумеется, поверенный это заметил.

— Ну, если вам так угодно, почему нет? — под-

твердил он.

— И вам, кстати, рекомендую распорядиться так же, — посоветовал Мастерс.

— Зачем?

— А вот ознакомьтесь с полной домашней медицинской библиотечкой, которую мы выпускаем в следующем месяце, и поймете, — лукаво сощурившись, ответил Мастерс. — Только непременно раздобудьте комплект в переплетах из вубьей кожи, особую редакцию с кое-какими отличиями от прочего тиража.

Подмигнув поверенному, Мастерс снова представил себе гроб, обтянутый живой кожей вуба снаружи и изнутри. Вот он, покоится в таком гробу глубоко под землей, а вубья кожа растет, растет…

Интересно, однако ж, будет взглянуть, каким образом переплет из отборной кожи марсианского вуба отредактирует его самого!

Особенно спустя лет шестьсот-семьсот…

Матч-реванш

Не слишком обычно устроенное подпольное казино оказалось не слишком обычной целью для полиции ВЛА. Инопланетяне, хозяева заведения, расставили игровые столы прямо под кормовыми дюзами громадного межпланетного корабля — так, чтобы в случае полицейского рейда реактивные струи уничтожили и столы, и все остальное.

«Практично, ничего не скажешь, — нахмурившись, признал старший группы, Джозеф Тинбейн. — Одно нажатие кнопки, и залетные гости из космоса покидают Терру, попутно ликвидировав все следы незаконного промысла».

И, мало этого, истребив всех игроков-людей, избавившись от свидетелей, способных дать показания…

Сидя в припаркованном у обочины аэромобиле, Тинбейн щепоть за щепотью заправлял в ноздри прекрасный привозной нюхательный табак, сдобренную сандалом смесь «Инч-кеннет» от «Настоятеля Смита», но вскоре переключился на желтую жестянку с анисовым сортом, «Ренз

Релиш». Табак бодрил, поднимал настроение, однако не слишком. Слева в вечерних сумерках виднелся силуэт инопланетного корабля, устремленного носом в небо — темный, безмолвный, венчающий огражденную стенами постройку, столь же безмолвную, темную… но только с виду.

— Конечно, можно просто взять да войти, — объяснил Тинбейн менее опытному товарищу, сидевшему рядом, — но это верная гибель.

«И потому, хочешь не хочешь, придется положиться на роботов, — подумал он про себя. — Неловкие, склонные ошибаться роботы неживые, что в случае предприятий вроде сегодняшнего — явное, если не решающее преимущество».

— Третий пошел, — негромко сообщил второй полицейский, Фалькс, специалист в роботехнике.

Некто худощавый, в человеческой одежде, подойдя к дверям казино, постучался, прислушался. Долго ждать ему не пришлось: дверь тут же отворилась, и робот, верно назвав пароль, был впущен внутрь.

— Как думаешь, уцелеют они под реактивной струей? — спросил Тинбейн.

— Возможно, один из трех и уцелеет, но все…

нет, вряд ли. Однако нам хватит и одного.

Охваченный азартом охотника, Фалькс подался к окну со стороны Тинбейна, сощурился, замер, окаменел лицом.

— Включай мегафон, объяви, что они арестованы. Какой смысл ждать?

— Смысл, — пояснил Тинбейн, — в том, что, пока корабль никуда не летит, а под ним, за стеной, полным ходом идет игра, на сердце гораздо спокойнее. Повременим малость.

— Но ведь роботов больше не ожидается.

— Дадим им время. Пускай транслируют видео в управление, — отрезал Тинбейн.

Видео… какая-никакая, а все же улика, и потому в штаб-квартире полиции сейчас пишут на пленку все, что фиксируют камеры роботов. Однако сослуживец, назначенный ему в напарники, кое в чем прав. Поскольку последний из трех человекоподобных роботов успешно вошел внутрь, больше здесь не произойдет ровным счетом ничего. До тех пор пока инопланетники не сообразят, кто к ним сумел просочиться, и не скроются с места преступления в обычной манере.

— Хотя ладно, валяй, — решил Тинбейн, щелкнув кнопкой, приводящей в действие мегафон.

Фалькс живо склонился к микрофону и заго-

ворил:

— КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЗАКОННЫХ ВЛАСТЕЙ ВЕРХОВНОГО ЛОС-АНДЖЕЛЕСА, — загремело во мраке, — Я И СОПРОВОЖДАЮЩИЕ МЕНЯ ПОЛИЦЕЙСКИЕ СЛУЖАЩИЕ ПРИКАЗЫВАЕМ ВСЕМ НАХОДЯЩИМСЯ В ЗДАНИИ НЕМЕДЛЕННО ВЫЙТИ НА УЛИЦУ! ПОВТОРЯЮ: ВСЕМ НАХОДЯЩИМСЯ В…

Усиленный мегафоном, голос Фалькса утонул в реве главных двигателей инопланетного космического корабля, оторвавшегося от земли. Умолкнув, Фалькс пожал плечами и многозначительно улыбнулся. «Шустро сработано», — прочел Тинбейн по движениям его губ.

На улицу, как и ожидалось, не вышел никто. Ни один из игроков. Даже после того, как стены казино начали плавиться. Струи пламени из дюз взлетевшего корабля не оставили от постройки ничего, кроме вязкой, оплывающей наземь, точно тающий воск, кучи металла пополам с пластмассой. Внутри — ни шороха, ни движения…

«Погибли все до единого», — оцепенев от ужаса, подумал Тинбейн.

— А вот теперь и нам внутрь пора, — стоически подытожил Фалькс, натягивая неоасбестовый костюм.

Секунду помедлив, его примеру последовал и Тинбейн.

Плечом к плечу полицейские вошли в раскаленные, сочащиеся струйками плавящейся пластмассы развалины казино. Посреди зала, один на другом, лежали двое из трех человекоподобных роботов, в последний момент успевших прикрыть что-то телами. Третий исчез без следа — очевидно, сгорел вместе со всем остальным. Со всем органическим.

«Интересно, что их туговато соображающие мозги сочли достойным спасения? — удивился Тинбейн, оглядев изувеченные пламенем останки роботов. — Может, выжившего? Одного из улиткообразных инопланетников? Нет, вряд ли. Скорее, игровой стол».

— Быстро они, однако ж, отреагировали… для роботов, разумеется, — заметил Фалькс.

— Вот именно. Похоже, у нас есть кое-что осязаемое, — подтвердил Тинбейн, не без опаски толкнув раскаленные, оплавленные обломки ногой.

Часть робота — скорее всего, торс — соскользнула книзу, открывая взгляду спасенную человекоподобными машинами улику.

Игровой автомат? Стол для игры в пинбол[39]?

«Зачем? — охваченный недоумением, задумался Тинбейн. — Что проку в такой улике?»

Лично на его взгляд, проку в ней не было ни малейшего.

Несколько позже в полицейской лаборатории на бульваре Сансет, в самом центре Старого Лос-Анджелеса, один из техников-лаборантов вручил Тинбейну длиннющий перечень результатов исследования вечерней добычи.

— Да расскажите словами, — буркнул Тинбейн.

Не на шутку обиженный — который год в охране порядка служит, хватит с него крючкотворства! — он вернул рослому, тощему как жердь полицейскому технику папку с лабораторным отчетом, даже не заглянув в нее.

— На самом деле конструкция не из обычных, — заговорил техник, заглянув в собственные бумаги, словно уже позабыл, что там сказано.

Голос его, под стать тексту отчета, звучал монотонно, сухо: ему все это наверняка казалось скучной рабочей рутиной. На взгляд Тинбейна,

---

[39] Примечания: 39

На момент создания этого рассказа пинбол был запрещен в США как одна из игр, официально признанных азартными.

он тоже считал, что как улика стол для пинбола, спасенный от пламени человекоподобными роботами, не стоит ни гроша.

— Под чем я, — продолжал техник, — подразумеваю следующее: в прошлом они на Терру ничего подобного не привозили. Знаете, полагаю, вам куда больше расскажет сам автомат. Мой вам совет: бросьте в машину квортер, сыграйте партию. Квортер мы вам предоставим, а после извлечем из автомата, так что бюджет лаборатории не пострадает, — добавил он.

— Квортер у меня и свой найдется, — брюзгливо откликнулся Тинбейн.

Работа в лаборатории кипела вовсю. Следуя за техником, Тинбейн миновал обширный лабиринт из затейливого, во многих случаях устаревшего исследовательского оборудования вперемешку с полуразобранными агрегатами всех мастей и оказался в дальнем углу рабочей зоны.

Там-то, отмытый от копоти, и обнаружился его трофей, заботливо отремонтированный, спасенный роботами пинбольный стол. Стоило Тинбейну бросить в прорезь монету, автомат тут же наполнил обойму сбоку от плунжера пятью стальными шариками, а вертикальное табло

над дальним краем стола вспыхнуло, засияло множеством разноцветных огней.

— Прежде чем запустить первый шарик, — негромко сказал техник, задержавшийся рядом, чтобы понаблюдать за игрой, — советую внимательно приглядеться к полю, к препятствиям на пути шарика. Наклонное поле под защитным стеклом весьма, весьма интересно. Миниатюрная деревушка со всем положенным: домики, освещенные улицы, муниципальные здания, над крышами — взлетно-посадочные желоба для космических кораблей… но деревушка, разумеется, не терранская. Типичное ионианское поселение, на Ио таких пруд пруди. Во всех мельчайших подробностях.

Тинбейн, склонившись к стеклу, сощурился, пригляделся… Да, техник был прав: подробность миниатюрного макета в буквальном смысле слова поражала воображение.

— Анализ износа подвижных частей автомата, — сообщил техник, — показывает, что играли на нем немало. Износ значителен. По нашим оценкам, механизм выдержит не более тысячи партий, а затем его придется отправить в мастерские. В их мастерские, на Ио, где, следует полагать, собирают и ремонтируют технику дан-

ной разновидности… под чем я подразумеваю игорное оборудование вообще, — пояснил он.

— А цель игры какова? — спросил Тинбейн.

— Здесь у нас, так сказать, полномасштабная множественная переменная, — объяснил техник. — То есть поле, по которому катится стальной шарик, каждый раз разное. Количество возможных комбинаций… — Тут он зашуршал страницами отчета, но точных чисел найти не сумел. — Одним словом, изрядно велико. Исчисляется миллионами. Сложность устройства, на наш взгляд, чрезмерна. Запустите первый шарик — сами увидите.

Как только Тинбейн нажал на рукоять плунжера, первый из шариков, покинув обойму, выкатился на старт. До отказа оттянув на себя пружину, Тинбейн отпустил плунжер, и шарик, стремительно миновав разгонную дорожку, заскакал, заметался среди нескольких «грибков» — бамперов, придававших ему добавочное ускорение.

Вскоре, отброшенный одним из бамперов в сторону, шарик сбавил ход и, огибая препятствия, медленно покатился на спуск, к верхней границе крохотной инопланетной деревушки посреди игрового поля.

— Первая линия обороны, защищающей пределы деревни, — прокомментировал техник из-за плеча Тинбейна. — Гряда холмов, и цветом, и формой, и всеми прочими признаками повторяющая ионианский ландшафт. С очевидной разительной точностью. Вполне вероятно, изготовленная из подлинного камня со спутников на орбите Ио. Нетрудно вообразить, будто перед нами настоящий пейзаж одной из четырех галилеевых лун… с высоты миль в десять и более.

Достигнув границы холмов, стальной шарик изменил траекторию, неуверенно завилял, закачался из стороны в сторону, будто не зная, куда податься.

— Сбит с курса, — разочарованно крякнул Тинбейн, отметив, как надежно рельеф поля погасил инерцию шарика. — Похоже, даже краем деревушки не зацепит.

Совсем потерявший разгон, шарик провалился в русло высохшей речки, огибавшей холмы, лениво покатился вниз, к зияющему провалу дрейна, но по пути наткнулся на один из нижних бамперов и, с силой отброшенный вверх, вернулся в игру.

На освещенном табло в дальнем конце стола вспыхнули цифры: игрок открыл счет, сделал

первый шажок к победе. Тем временем шарик вновь грозно навис над деревней, вновь заскакал, запетлял между холмов, следуя практически тем же путем, что и в прошлый раз.

— А вот сейчас вам представится возможность увидеть нечто довольно существенное, — предупредил техник. — Как только шарик покатится к тому же самому бамперу, который только что задел, не смотрите на шарик. Наблюдайте за бампером.

Тинбейн послушно замер, не сводя с бампера глаз… и в тот же миг заметил полупрозрачный дымок, тонкой струйкой вьющийся над «грибком». Охваченный недоумением, он вопросительно оглянулся на техника.

— Теперь следите за шариком! — рыкнул тот.

Тем временем шарик снова столкнулся с бампером, торчащим над полем чуть выше дрейна, однако на этот раз бампер — вот странное дело — не отреагировал на удар, хотя удар оказался заметно сильнее.

Тинбейн удивленно моргнул. Обогнув бампер, шарик скатился вниз, в провал дрейна, и выбыл из игры.

— Не сработал «грибок», — с сожалением подытожил Тинбейн.

— Дымок из-под шляпки видели? Это электрика бампера. Управляющий контур сгорел. Контакты замкнуло накоротко. Поскольку отскок вернул бы шарик к опасной… угрожающей деревушке позиции.

— Другими словами, — проговорил Тинбейн, — что-то внутри оценило воздействие бампера на шарик по достоинству, и… Выходит, автомат устроен так, чтоб защищать деревню от шарика?

Подобное он замечал уже не раз: в других игральных автоматах инопланетников тоже встречалась хитроумная электроника, постоянно двигавшая, сотрясавшая поле, снижая шансы игрока на победу… будто нарочно. Будто живая. В данном конкретном автомате игрок зарабатывает победные очки, наращивает счет, загоняя пяток стальных шариков в середину поля, в макет ионианского поселения. Следовательно, поселение необходимо оберегать. Следовательно, данный, расположенный в стратегически важной точке бампер надлежит вывести из строя. Если не навсегда, то хотя бы временно. До тех пор пока общая конфигурация, общая топография поля не изменится коренным образом.

— Да, ничего нового, — словно прочитав его мысли, подтвердил техник. — Наверняка даже вы

сталкивались с этим добрую дюжину раз, а у меня счет идет на сотни. Допустим, за этим пинбольным столом сыграно десять тысяч не связанных между собой партий, и управляющие контуры каждый раз старательно перенастраиваются, меняются, стремясь как можно эффективнее нейтрализовать стальной шарик. Допустим, изменения схемы кумулятивны. Таким образом, к данному времени счет каждого отдельно взятого игрока, скорее всего, составляет всего лишь малую долю от первых результатов, достигнутых, пока электронные контуры не успели перенастроиться. Конечная цель перенастройки — как и во всех игральных автоматах инопланетников — сведение шансов на выигрыш к нулю. К абсолютному минимуму. Вот попробуйте, Тинбейн, попробуйте загнать шарик в деревню! Мы подключили к столу механизм, запускающий шарики автоматически, в постоянном режиме, сыграли сто сорок партий подряд, и что бы вы думали? Шарик не приблизился к деревне настолько, чтоб нанести ей хоть какой-то ущерб, ни единого раза. Мало этого, набранный в каждой партии счет нами фиксировался, и всякий раз незначительно, но заметно менялся в сторону уменьшения, — с улыбкой закончил он.

— И что? — хмыкнул Тинбейн.

— И ничего. Как я и говорил с самого начала. Как и сказано в моем отчете. Кроме, пожалуй… кроме, пожалуй, одной странности, — с легкой запинкой уточнил техник. — Взгляните сюда.

Склонившись к столу, он ткнул тонким, костлявым пальцем в защитное стекло над какой-то конструкцией в самом центре макета деревни.

— Поэтапная фотосъемка показывает, что после каждой партии этот компонент обрастает все новыми и новыми деталями. Очевидно, его тоже возводит управляющая автоматом электроника, больше некому, но… обратите внимание на устройство. Ничего не напоминает?

— На древнеримскую катапульту очень похоже, — чуть поразмыслив, ответил Тинбейн. — Только ось рычага не горизонтальна, а вертикальна.

— Вот и нам так подумалось. А теперь оцените размеры пращи. По меркам деревушки она чрезмерно, диковинно велика. Чудовищно велика… общий масштаб совершенно не выдержан.

— Пожалуй, туда почти поместился бы…

— Никаких «почти», — возразил техник. — Мы измеряли, все точно. В пращу превосходно, как влитой, укладывается один из этих стальных

шариков.

— А потом? — спросил Тинбейн, чувствуя, как спина покрывается «гусиной кожей».

— А потом автомат запустит шариком в игрока, — безмятежно подтвердил лабораторный техник. — Видите? Катапульта нацелена прямо на фронтальную сторону автомата, вперед и вверх… и, мало того, практически завершена, — добавил он.

«Ну да, лучшая защита — это нападение, — подумал Тинбейн, не сводя глаз с нелегального пинбольного автомата инопланетников, — но кто и когда слышал о данном принципе в таком контексте?»

Выходит, нулевым счетом защитная электроника автомата не удовольствуется. Нулевой счет, на ее вкус, слишком высок. Сейчас она стремится опустить планку ниже нуля. Почему? Видимо, потому что конечная цель ее — не свести шансы на выигрыш к абсолютному минимуму, а поиски и воплощение в жизнь наилучшей оборонной стратегии. Перестарались конструкторы…

…А может, вовсе не перестарались?

— Как по-вашему, — спросил Тинбейн рослого, сухощавого лабораторного техника, — инопланетники именно на такой результат и рассчи-

тывали?

— А это не важно… по крайней мере, на данный момент. Куда важнее два других обстоятельства: во-первых, этот автомат ввезен на Терру в нарушение терранских законов, а во-вторых, играли на нем терране. Кто бы там на какой результат ни рассчитывал, вскоре она может стать — вернее сказать, непременно станет — смертоносным оружием. По нашим расчетам, — уточнил техник, — произойдет это не более чем еще двадцать партий спустя. Строительство возобновляется каждый раз, как в прорезь падает очередная монета. Приблизился ли шарик к деревне, нет ли, строительство катапульты идет своим чередом. Нужна для этого только энергия главного гелиевого аккумулятора аппарата, причем питание включается автоматически, с началом партии. Кстати, сейчас, пока мы тут беседуем, катапульта строится тоже, так что вы лучше выпустите оставшиеся четыре шарика поскорей, не тяните… либо дайте разрешение размонтировать автомат. Или хотя бы обесточить схему.

— Инопланетники не слишком-то высоко ценят человеческую жизнь, — задумчиво проговорил Тинбейн, вспомнив, сколько народу погибло в пламени дюз взлетевшего корабля.

Что ж, хорошо. Допустим, к массовому душегубству инопланетникам не привыкать, но смертоносный пинбольный стол… Зачем? К чему подобные изыски? Очевидно, стол нужен для чего-то еще. Для чего?

— Эта штуковина действует избирательно, — рассудил Тинбейн вслух. — Ликвидирует только одного игрока.

— Ликвидирует всех игроков одного за другим, — поправил его техник.

— Но кто в нее станет играть после первого несчастного случая? — парировал Тинбейн.

— Уверяю вас, желающие найдутся. Каждый знает, что инопланетники сожгут все и вся, стоит только на горизонте показаться полиции, однако народ все равно валит в казино толпами, — напомнил ему техник. — Азартные игры затягивают почище наркотиков, и люди определенного склада играют, невзирая на риск. Про русскую рулетку вы, полагаю, слышали?

Вместо ответа Тинбейн запустил второй из стальных шариков и замер, наблюдая, как он, огибая преграды, катится к игрушечной деревушке. Этому удалось, миновав гряду холмов, вплотную приблизиться к домику на окраине поселения.

«Может, я и сумею покончить с ней, прежде

чем она покончит со мной. Посмотрим еще, кто кого», — хищно подумал он.

Шарик, легко сровняв с землей крохотный домик, покатился дальше. Сердце Тинбейна затрепетало от странного, непривычного возбуждения. Совсем небольшой с человеческой точки зрения, стальной шарик возвышался горой над любым зданием, любой постройкой…

…За исключением катапульты в самой середине деревни. На глазах охваченного азартом Тинбейна шарик подкатился угрожающе близко к основанию катапульты, но, отскочив рикошетом от стенки большого общественного здания, покатил дальше и вслед за первым исчез в щели дрейна.

Тинбейн, не мешкая ни секунды, до отказа оттянул плунжер и запустил в поле третий шарик.

— А ставки-то, ставки как высоки, — негромко заметил техник. — Ваша жизнь против жизни машины… необычайный, должно быть, соблазн для людей определенного склада.

— По-моему, мне удастся покончить с катапультой, прежде чем автомат завершит постройку, — отрезал Тинбейн.

— Возможно. Но может, и нет.

— Шарик с каждым разом все ближе к цели.

— Так ведь катапульте и нужен один из этих стальных шариков, — посерьезнев, напомнил техник. — Заряжать ее больше нечем, а вы с каждым пуском повышаете вероятность того, что она употребит шарик по назначению. По сути, играете ей на руку. Идете у нее на поводу. Поймите, без вас ей не прийти в действие: игрок для нее — отнюдь не только противник, но и ключевой участник процесса. Бросьте, Тинбейн. Кончайте игру.

— Вот разберусь с катапультой, тогда и закончу, — ответил тот.

Техник, сощурившись, смерил Тинбейна холодным взглядом.

— Разберетесь? Скорее сами же и погибнете. Возможно, затем инопланетники и создали эту машину. В отместку за наши рейды. Более вероятного объяснения я не…

— У вас еще квортер найдется? — перебил его Тинбейн.

В разгаре десятой партии оборонная стратегия машины вдруг изменилась самым неожиданным образом. Все попытки отвести шарик в сторону от макета деревни ни с того ни с сего прекратились.

Охваченный азартом, Тинбейн подобрался,

подался вперед: стальной шарик впервые катился в самую середину инопланетной деревушки, прямиком к не уступавшей ему массивностью катапульте.

Очевидно, строительство катапульты подошло к концу.

— Тинбейн, — жестко заговорил лабораторный техник, — как старший по званию, приказываю прекратить игру.

— Любой ваш приказ ко мне должен быть отдан в письменном виде и завизирован служащим департамента в ранге не ниже инспектора, — возразил Тинбейн, однако игру, пусть нехотя, приостановил. — Нет, я могу с ней покончить, — задумчиво сказал он, — только не стоя тут, рядом. Встать нужно где-то подальше — так, чтобы она меня не достала.

«Точно! Там, где меня не видно и не взять на прицел», — сообразил он, заметив, что катапульта слегка повернулась на вертлюге.

Интересно, как же она наводится, как засекает цель? Визуально, при помощи оптической системы? А может, вовсе термотропична и чует тепло его тела?

В последнем случае обмануть ее и уберечься довольно просто: спираль накаливания, подве-

шенная где-нибудь в сторонке — и делу конец. А вот если катапульта ориентируется на какую-нибудь из волновых сигнатур мозга, улавливает мысленные эманации всех находящихся неподалеку… хотя исследователи из полицейской лаборатории должны бы об этом знать!

— Тропизм у нее какой? На что наводится? — спросил Тинбейн.

— Во время исследований механизма наводки еще не существовало, — развел руками техник. — Несомненно, его сборка выполняется прямо сейчас, по завершении работы над орудием.

— Надеюсь, она не умеет улавливать волновые сигнатуры мозга, — задумчиво проговорил Тинбейн.

«В противном случае, — подумал он, — записать сигнатуру проще простого, и тогда катапульта запомнит противника. Запомнит на случай будущих столкновений».

Почему-то эта мысль пугала куда сильнее немедленной, непосредственной угрозы для жизни.

— Договоримся так, — сказал техник. — Продолжайте играть, пока она не выстрелит по вам в первый раз, а там отскочите в сторонку и позвольте нам разобрать автомат к дьяволу.

Вопрос тропизма нужно разъяснить во что бы то ни стало: тот же принцип может всплыть еще где-либо, в более сложной конструкции. Согласны? Конечно, для вас это очевидный риск, но, я уверен, первый шарик окажется пристрелочным, подготовкой к следующему, точному выстрелу… а второго выстрела мы не допустим.

Стоит ли посвящать техника в свои страхи?

— Я одного опасаюсь, — признался Тинбейн. — Как бы этот автомат не запомнил конкретно меня… на будущее.

— Бог с вами, какое будущее?! Считайте, будущего у него нет. Один выстрел, и мы разберем его до детальки.

— Что ж, ладно. Договорились, — нехотя согласился Тинбейн.

«Возможно, я уже переступил черту, — подумал он про себя. — Возможно, он с самого начала был прав: не стоило это затевать».

Следующий стальной шарик разминулся с катапультой не более чем на малую долю дюйма, однако Тинбейна заставила понервничать вовсе не такая близость опасности, а молниеносная, едва заметная попытка катапульты подхватить катящийся мимо шарик. Движение… настолько быстрое, что Тинбейн легко мог бы проглядеть

его вовсе…

— К шарику тянется, — прокомментировал техник, тоже заметивший поползновения катапульты. — Разделаться с вами думает.

Что ж, следующий — а для него, вполне возможно, последний — шарик…

Тинбейн неуверенно, нехотя потянулся к рукоятке плунжера.

— Ладно, черт с ним, с уговором. Довольно, — взволнованно зачастил техник. — Кончайте игру. Разберем автомат немедленно.

— Нет. Как бы там ни было, с тропизмом надо разобраться, — возразил Тинбейн, нажимая на плунжер.

Внезапно показавшийся Тинбейну громадным, твердым, неподъемно тяжелым, стальной шарик покатился прямиком к поджидавшей его катапульте: на сей раз каждый холмик, каждый контур рельефа не препятствовал — направлял снаряд в самую середину поля. Катапульта подхватила его еще до того, как застывший у стола Тинбейн сообразил, что происходит.

— Берегись!

Отскочив вбок, техник врезался в Тинбейна всей тяжестью тела и оттолкнул его прочь от машины.

Выпущенный катапультой, стальной шарик под звон разлетевшегося вдребезги стекла свистнул у правого виска Тинбейна, отскочил рикошетом от дальней стенки и укатился под один из лабораторных столов.

В лаборатории воцарилась мертвая тишина.

— Импульса — хоть отбавляй, — нарушив молчание, с дрожью в голосе заговорил техник. — Массы тоже достаточно. Все, что требуется…

Тинбейн, робко поднявшись на ноги, шагнул к машине.

— Шарики больше не вздумайте запускать, — предостерег его техник.

— Не важно. Теперь я ей ни к чему, — ответил Тинбейн и, развернувшись, со всех ног бросился к выходу.

Следующий шарик машина запустила сама.

Еще минут через пять Тинбейн, жадно затягиваясь сигаретным дымом, уселся в кресло напротив Теда Донована, заведующего исследовательской лабораторией. Ведущую из приемной в лабораторные помещения дверь заперли на замок, а полдюжины техников эвакуировали по тревоге в безопасное место. Из-за запертой двери в приемную не доносилось ни звука.

«Затаилась машина… ждет», — подумал Тин-

бейн.

Кого, интересно, она поджидает? Кого угодно, любого человека, терранина, что подвернется под руку, или именно его?

Теперь последний вариант нравился Тинбейну еще меньше, чем изначально: при этой мысли он даже здесь, в приемной, невольно поежился. Машина, созданная на иной, далекой планете, без определенной цели заброшенная на Терру, способная только перебирать, комбинировать доступные средства самозащиты, пока не наткнется на ключевое… вот он, его величество Случай в чистом виде! Сотни, тысячи партий, человек за человеком, игрок за игроком, пока череда проб и ошибок не завершится оптимальным решением, не свяжет машину узами смерти с последним из сыгравших. С жертвой совершенно случайного, как и все прочее, выбора. То есть с ним, с Тинбейном… как это ни прискорбно.

— Обесточить ее проще простого, — заговорил Тед Донован. — Сжечь аккумуляторную батарею издали кислородным копьем — дело пустячное, так что езжайте домой и забудьте обо всем этом. Отыщем контур, отвечающий за тропизм, изучим — сразу дадим вам знать. Ну, а в случае, если это произойдет поздней ночью…

— Все равно, дайте знать сразу же, — попросил Тинбейн. — В любое время суток… если, конечно, нетрудно.

Объяснять, в чем дело, ему не пришлось: заведующий лабораторией и без того прекрасно все понимал.

— Очевидно, эта конструкция обращена против полицейских опергрупп, занятых в рейдах на казино, — продолжал Донован. — Каким образом им удалось привлечь к ней наших роботов, пока, разумеется, неизвестно. Возможно, внутри найдется схема и для этого, — задумчиво проговорил он, подхватив со стола изрядно устаревший, недопустимо поверхностный лабораторный отчет. Казалось, бумага вот-вот загорится под его испепеляющим взглядом. — «Обычное игровое оборудование инопланетного происхождения»!.. Да-да, конечно!

С этими словами он отшвырнул отчет в угол.

— Если их замысел действительно именно таков, у них, можно считать, все получилось, — заметил Тинбейн. — Меня они подловили крепко.

По крайней мере, на крючок подцепили. Вниманием завладели. Заставили плясать под свою дудку…

— Вы по натуре игрок. Есть в вас азартная жил-

ка, хоть вы об этом и не подозревали. Возможно, иначе у них ничего бы не вышло, — предположил Донован. — Но случай, конечно, занятный. Пинбольный автомат, наносящий удар возмездия, решив, что уже сыт по горло стальными шариками, скачущими по его полю... Что тут сказать: надеюсь, им не придет в голову завезти к нам машину для стрельбы по тарелочкам!

— Как во сне, — пробормотал себе под нос Тинбейн.

— Прошу прощения?

— Такое чувство, будто все это происходит не наяву.

«Только на самом деле вполне реально», — мысленно добавил Тинбейн, с трудом поднимаясь на ноги. Устал он — словами не передать и вдобавок был изрядно напуган.

— Пойду, — сказал он. — Последую вашему совету. Отправлюсь к себе, в комкварт... номер моего домашнего видеофона у вас имеется.

— Выглядите — просто ужас, — заметил Донован, окинув его пристальным взглядом. — По-моему, вы напрасно изводите себя до такой степени: конструкция-то довольно безобидна, не так ли? Чтобы привести ее в действие, требуется самому нанести первый удар, а если оставить машину

в покое…

— Вот я и оставляю ее в покое, — устало вздохнул Тинбейн. — Только чувствую: она ждет. Ждет моего возвращения.

Действительно, он нутром чуял: машина предвкушает новую встречу. В конце концов, она способна учиться на опыте, а он, считай, все рассказал ей о себе сам…

Прежде всего, сообщил ей, что существует. Что есть на Терре такой человек — Джозеф Тинбейн.

И одного этого уже — уже чересчур много.

Стоило ему отпереть дверь комкварта, в гостиной затрезвонил видеофон. Едва волоча отяжелевшие, будто налитые свинцом ноги, Тинбейн подошел к аппарату и снял трубку.

— Хелло?

— Тинбейн? — зазвучал в наушнике голос Донована. — Все верно, эта штуковина энцефалотропична! Ленту с конфигурацией волновых сигнатур вашего мозга мы нашли и, разумеется, уничтожили, но… — Тут Донован слегка запнулся. — Но также нашли еще кое-что, собранное машиной после первоначального исследования.

— Передатчик, — вмиг обо всем догадавшись, выдохнул Тинбейн.

— Боюсь, вы правы. Радиус охвата — полмили,

дальность направленного вещания — в пределах двух миль. Настроен он был именно на направленную передачу, значит, из двух миль и исходим. Естественно, о приемнике нам ничего не известно. Неизвестно даже, на планете он или нет. Вероятнее всего, да. Где-нибудь в снятой на время конторе. Или в одном из их вездеходов на воздушной подушке. Как бы там ни было, знайте: перед нами определенно оружие возмездия. К несчастью, ваша эмоциональная реакция целиком оправдалась. Вникнув в вопрос, наши светлые головы, лучшие специалисты, пришли к следующему заключению: вас, так сказать, ждали. Предвидели ваше появление. Возможно, в действительности этот автомат даже никогда не использовался для игры, а обнаруженные нами следы износа — подделка. Фикция. Такие дела.

— И что мне теперь предлагается делать? — спросил Тинбейн.

— Делать? — Долгая пауза. — Ничего. Оставайтесь в комкварте, отдыхайте. На службу некоторое время… до дальнейших распоряжений можете не являться.

«Чтобы, если меня прищучат, никого из департамента попутно не зацепило, — подумал Тинбейн. — Ну да, конечно, остальным так спо-

койнее, а вот мне...»

— Я бы лучше, с вашего позволения, вообще уехал из города, — возразил он вслух. — Может быть, это устройство ограничено определенным радиусом — скажем, границами ВЛА или даже одного из его районов.

В Ла-Холья у него имелась подружка, Нэнси Хаккет. Почему бы не погостить у нее?

— Как пожелаете.

— Однако помочь мне вы ничем не сможете, — догадался Тинбейн.

— Вот что я вам скажу, — откликнулся Донован. — Мы выделим вам кое-какие средства, сколько сможем. На крупную сумму не рассчитывайте, но до тех пор, пока мы не отыщем этот проклятый приемник и не выясним, к чему он еще подключен, прожить сможете. Правда, сейчас для нас главная головная боль — слухи об этой истории, расползающиеся по департаменту на глазах. Похоже, теперь набирать опергруппы для отлова инопланетников, промышляющих игорным бизнесом, станет гораздо труднее... на что последние, разумеется, и рассчитывали. Еще мы можем сделать для вас следующее: заказать спецам из лаборатории энцефалоэкран, чтоб ваш мозг больше не излучал наружу узнаваемых

волновых сигнатур… но эту игрушку вам, уж простите, придется оплатить из собственного кармана. Возможно, посредством вычетов из жалованья на протяжении, скажем, полугода. С вашего, конечно, согласия, но лично я чисто по-человечески советую не отказываться.

— Ладно, — уныло, покорно согласился Тинбейн.

Устал он смертельно — до споров ли тут? К тому же чутье подсказывало, что протестовать неразумно.

— Еще рекомендации будут? — спросил он.

— Не расставайтесь с оружием. Даже ложась спать.

— Какое там «спать», — вздохнул Тинбейн. — По-вашему, мне сейчас удастся уснуть? Разве что после того, как вы разберете эту машину по косточкам.

«А ведь не поможет, — сообразил он. — Уже не поможет. Поздно. Машина уже отправила волновые сигнатуры моего мозга куда-то еще, другому устройству, совершенно нам неизвестному, бог знает как работающему и для чего предназначенному: всевозможных мудреных штучек у инопланетников уйма!»

Повесив трубку, он прошел в кухню, снял с пол-

ки наполовину опорожненную бутылку, пятую часть галлона бурбона «Антик», и смешал себе виски с лимонным соком.

«Вот бред, а? — подумал он. — Жаждущий мести пинбольный автомат с иной планеты… смех, да и только! Кстати, каким образом ловить это чудо природы, разъяренную машину, запомнившую кого-то и заимевшую на него зуб? И даже не столько саму машину, сколько ее неизвестного, загадочного дружка…»

И тут кто-то — тук-тук! — постучал в окно кухни.

Выхватив из кармана лазерный пистолет уставного образца, Тинбейн шмыгнул в угол, прокрался вдоль стенки к окну и осторожно, одним глазком, выглянул наружу.

Ночь. Мрак. Ничего не разберешь. Помнится, в аэромобиле, оставленном на крыше коммунального жилого комплекса, в перчаточном отделении лежит фонарик. Самое время сходить за ним.

Спустя пару минут Тинбейн с фонариком в руке сбежал по лестнице на свой этаж и влетел в кухню.

Луч фонаря осветил существо, похожее на жука-переростка с длинными псевдоподиями вместо

лапок, припавшее к стеклу брюхом с той стороны. Пара псевдоподий слепо, механически постукивали по стеклу, будто исследуя его на ощупь.

Очевидно, «жук» вскарабкался к окну по стене: в свете фонарика Тинбейн разглядел эластичную гусеничную ленту с множеством круглых присосок.

Разыгравшееся любопытство пересилило страх. С осторожностью — к чему без нужды платить ремонтной комиссии комплекса за новое стекло? — отворив окно, Тинбейн поднял лазерный пистолет и взял «жука» на прицел. Очевидно, захваченный врасплох посреди рабочего цикла, «жук» даже не шелохнулся.

«Похоже, быстротой реакции он здорово уступает живым, органическим эквивалентам», — подумал Тинбейн.

Однако «жука» вполне могли настроить на взрыв, а если так, раздумывать некогда.

Игольно-тонкий лазерный луч вонзился «жуку» прямо в брюхо.

Изувеченный, «жук» медленно заскользил вниз: множество крохотных присосок отлипли от стекла. Ловко подхватив падающее устройство, Тинбейн швырнул его на пол посреди кухни и снова взял на прицел, но «жук», явно выведен-

ный из строя, лежал без движения.

Уложив добычу на крохотный кухонный стол, Тинбейн отыскал под раковиной, в ящике для инструмента, отвертку, подсел к столу и осмотрел «жука». Чутье подсказывало, что теперь спешить некуда, тревога — по крайней мере на время — ослабла.

Вскрыть устройство удалось только спустя сорок минут: стандартная отвертка ни к одному из крепежных винтиков не подходила, и в конце концов Тинбейну пришлось попросту, без затей, воспользоваться обычным кухонным ножом. Но вот, наконец-то, корпус «жука» распался на две части — полукруглую полую крышку и, собственно, шасси, нашпигованное электронными потрохами.

Бомба?

Тинбейн с предельной осторожностью осмотрел каждый узел.

Нет, не бомба… по крайней мере, ничего взрывчатого внутри не нашлось. Орудие убийства другого рода? Ни потайного клинка, ни пробирки с ядом либо болезнетворными микроорганизмами, ни ствола, способного выпустить смертоносный заряд, начиненный взрывчаткой, или обычную пулю, внутри не обнаружилось тоже. Что же тогда

должна сделать эта штуковина? Вот двигатель, при помощи которого она карабкалась по стене здания, вот фотоэлектронный узел, позволяющий ориентироваться в пространстве… и более ничего. Абсолютно ничего примечательного.

Ну, движется. Ну, ориентируется. А дальше? Дальше-то что? Пустышка… липа какая-то!

Хотя…

Тинбейн взглянул на часы. Ого! Выходит, он провозился с «жуком» целый час, отвлекшись от всего остального… и как знать, чем может оказаться это «остальное»?

Не на шутку встревоженный, он с трудом поднялся на затекшие ноги, прихватил со стола лазерный пистолет и, вслушиваясь в тишину, нервно озираясь по сторонам в поисках любого, пусть самого мелкого непорядка, обошел всю квартиру.

Сомнений не оставалось: «жук» выиграл для врагов время. Целый час с небольшим. Целый час на осуществление их истинных планов!

«Так. Из квартиры пора линять, — подумал Тинбейн. — Убираться отсюда к дьяволу. Отсижусь у Нэнси, в Ла-Холья, пока все это не кончится».

В гостиной затрезвонил видеофон.

Едва Тинбейн снял трубку, на сером экранчике

замерцало лицо Теда Донована.

— За вашим жилым комплексом ведет наблюдение аэромобильный патруль департамента, — сообщил Донован. — Патрульные засекли поблизости подозрительную активность, и я решил, что вам тоже не помешает об этом знать.

— О'кей, слушаю вас внимательно, — с замершим сердцем откликнулся Тинбейн.

— На взлетную площадку вашего здания ненадолго приземлился воздушный транспорт. Не из стандартных аэромобилей, гораздо большей величины. Марка и принадлежность не установлена. Спустя минуту взлетел и на немыслимой скорости скрылся. По-моему, это они.

— Выгрузили что-либо?

— Да. Боюсь, что да.

Тинбейн закусил онемевшую от страха губу.

— Помочь чем-нибудь сможете? Очень бы, знаете ли, не помешало.

— А чем? Что вы предлагаете? Нам их замыслы неизвестны. Вам — тем более. Есть идеи? Мы готовы вас выслушать, но, полагаю, лучше все-таки подождать, пока вы не разберетесь с характером… угрозы.

И тут что-то звучно, увесисто толкнулось во входную дверь. Они уже там, в холле?

— Я трубку вешать не буду, и вы не вешайте тоже, — охваченный неодолимой ребяческой паникой, взмолился Тинбейн. — Не отходите от аппарата. Кажется, началось.

Едва удерживая в разом ослабшей, непослушной руке лазерный пистолет, он осторожно, шаг за шажком, придвинулся к входной двери комкварта, остановился, замер, отомкнул замок и приотворил дверь. Самую малость. Оставив лишь узенькую — у́же некуда — щелку.

Нечто невероятно тяжелое, навалившись на дверь, толкнуло створку внутрь с такой силой, что дверная ручка едва не вывихнула запястье. В полуоткрытую дверь беззвучно вкатился стальной шар огромной величины. Поневоле отпрянувший в сторону, Тинбейн сразу же понял: вот он, настоящий противник! Вот от чего отвлекал его никчемный электронный «жук», только и годящийся, что лазать по стенам!

Теперь из квартиры уже не уйти. Путь в Ла-Холья закрыт: громадная, неподъемная стальная сфера перекрыла дверной проем наглухо.

— Наружу мне ходу нет, — сообщил он Доновану, вернувшись к видеофону. — Меня блокировали здесь, в собственном комкварте.

«На внешней линии обороны, вроде холмов

переменчивого ландшафта пинбольной машины, — внезапно пришло ему в голову. — Первый шар застрял там, в проеме входной двери. Куда же докатится второй, третий?»

Шар за шаром, и каждый все ближе и ближе к цели…

— Донован, можете соорудить для меня кое-что? — прохрипел Тинбейн в трубку. — Может лаборатория взяться за дело в такой поздний час?

— Попробуем, — ответил Донован. — Все зависит лишь от того, что вам требуется. Каковы ваши планы? Что бы могло вам помочь?

Просить об этом Тинбейну не хотелось отчаянно, но куда денешься? Кто поручится, что следующий шар не влетит в комкварт через окно, не рухнет прямо на голову, проломив крышу?

— Мне, — объяснил он, — нужно нечто наподобие катапульты. Настолько большой и прочной, чтобы метать в цель стальные сферические заряды диаметром от четырех с половиной до пяти футов. Как по-вашему, справитесь?

Оставалось только молить Господа, чтоб лаборатория не подкачала.

— Вам угрожают стальные шары? — сурово осведомился Донован.

— Да, — подтвердил Тинбейн. — Если только все это не галлюцинации. Не ужасающие видения, разработанные специально под мой случай и преднамеренно, искусственно внушаемые извне с целью деморализовать меня.

— Неопознанный транспорт, засеченный аэромобильным патрулем департамента, вовсе не галлюцинация, — возразил Донован. — Во-первых, он обладал измеримой массой, а во-вторых… во-вторых, оставил на крыше что-то изрядно большое, тяжелое: на взлете его вес ощутимо уменьшился. Поверьте, Тинбейн: стальные шары вам вовсе не чудятся.

— Так я и думал, — вздохнул Тинбейн.

— Катапульту мы вам доставим как можно скорее, — заверил его Донован. — Будем надеяться, интервала между атаками хватит. Мой вам совет: готовьтесь, по крайней мере, к пяти атакам подряд.

Тинбейн, кивнув, сунул в рот сигарету, но прикурить так и не смог: зажигалка в дрожащих руках плясала, тряслась, будто живая. Тогда он нащупал в кармане блестящую ярко-желтой эмалью жестянку с нюхательным табаком, с «Настоятельским Личным», но обнаружил, что даже не в силах справиться с защелкой крышки.

Вывалившаяся из рук жестянка со звоном упала на пол.

— К пяти на каждую партию, — уточнил он.

— Да, так и есть, — нехотя согласился Донован.

Стена гостиной вздрогнула под ударом.

Следующий шар стремился добраться до цели из смежной квартиры.

Вера наших отцов

На одной из ханойских улиц Чень столкнулся нос к носу с безногим калекой — уличным торговцем, катившим вперед на приземистой деревянной тележке и громко, пронзительно окликавшим каждого встречного. Прислушавшись к его воплям, Чень малость замедлил шаг, но не остановился: все его мысли, все внимание целиком занимали дела в Министерстве Культурного Наследия. Казалось, кроме него, во всем городе не осталось ни единой живой души, ни одного из бесчисленных велосипедов, мотороллеров и реактивных мотоциклов… не говоря о тележке безногого уличного лоточника.

Однако лоточник не унимался.

— Товарищ! — вновь крикнул он, ловко развернув тележку с моторчиком на гелиевой батарее и устремившись следом. — Товарищ, не проходи мимо! Взгляни: широчайший ассортимент травяных, проверенных временем целебных снадобий с благосклонными отзывами тысяч постоянных покупателей! Назови свой недуг, и я непременно тебе помогу!

— По счастью, никакими недугами я не страдаю, — приостановившись, ответил Чень.

«Кроме хронического недуга всех служащих Центрального Комитета — карьерного оппортунизма, неудержимого влечения испытывать на прочность врата к каждой из государственных должностей… включая мою», — мысленно добавил он.

— К примеру, я могу исцелить лучевую болезнь, — не прекращая погони, тянул нараспев лоточник. — Или, в случае надобности, увеличить половую удаль. Могу обратить вспять рост раковых опухолей — даже ужасающих меланом, называемых в просторечии «черным раком».

С этими словами калека поднял повыше лоток, уставленный шеренгами аптечных пузырьков, крохотных алюминиевых баночек и порошков в пластмассовых коробочках.

— Если соперник, — переведя дух, затянул он, — упорствует в попытках узурпировать твою хлебную чиновничью должность, могу предложить особую мазь, с виду неотличимую от кожного бальзама, но на деле являющуюся отчаянно действенным ядом. Учти, товарищ: цены мои вовсе не высоки. Мало этого, в знак особого уважения к столь почтенной персоне, как ты, я

готов принять плату послевоенными инфляционными долларами, хваленой международной валютой, а на деле — бумагой, стоящей разве что самую малость дороже туалетной!

— Иди к дьяволу, — буркнул Чень, призывно махнув рукой пролетавшему мимо аэротакси.

Он уже опаздывал к началу первой из сегодняшних деловых встреч на целых три с половиной минуты, и всевозможное толстозадое начальство из Министерства — не говоря о его, Ченя, собственных подчиненных — сей факт непременно отметит. Отметит и возьмет на карандаш.

— Постой, товарищ, — негромко возразил лоточник, — ведь ты обязан у меня хоть что-нибудь купить.

— Это еще почему? — возмутился Чень.

— А потому, товарищ, что я — ветеран войны. И во время Последней Колоссальной Войны за Освобождение Народа бился на стороне Единого Народно-Демократического Фронта с проклятыми империалистами. И в битве за Сан-Франциско утратил ножные конечности. Таков закон, — торжествующе и вместе с тем лукаво объявил лоточник. — Отказывающиеся покупать товар, предлагаемый ветераном войны, рискуют попасть под крупный штраф, а может, даже в

тюрьму… да еще и позору не оберешься.

Устало взмахнув рукой, Чень отпустил аэрокеб.

— Действительно, купить твой товар я обязан, — признал он, окинув взглядом скромный лоток с травяными снадобьями, и наугад указал пальцем на бумажный сверток в заднем ряду. — Давай вот это.

Лоточник расхохотался.

— Это, товарищ, сперматоцид. Для дамочек, по политическим резонам не имеющих права на пилюли. Тебе он, знаешь ли, вряд ли когда-нибудь пригодится, поскольку ты у нас определенно не дамочка, а джентльмен.

— Закон, — язвительно парировал Чень, — никого не обязывает приобретать у тебя что-то полезное. Достаточно самого факта покупки, и я возьму это.

Сунув руку за отворот подбитого ватой пальто, он извлек из кармана бумажник, едва ли не лопающийся от послевоенных инфляционных банкнот, коими ему, как государственному служащему, четырежды в неделю выплачивали жалованье.

Однако лоточник, не торопясь торжествовать победу, испытующе взглянул Ченю в глаза.

— Расскажи, что тебя беспокоит?

Не ожидавший столь бесцеремонного вторжения в личную жизнь — да еще со стороны лица частного, не из госслужащих — Чень гневно поднял брови.

— Ладно, товарищ, как пожелаешь, — вздохнул торговец, видя его негодование. — Прошу прощения, не смею настаивать… однако как доктору, знахарю-травнику, мне надо бы знать о пациенте как можно больше.

Заметно посерьезневший, калека умолк, поджал тонкие губы, погрузился в раздумья.

— Телевизор подолгу смотришь? Как часто? — внезапно спросил он.

— Каждый вечер, кроме пятничных, — послушно ответил захваченный врасплох Чень. — По пятницам я хожу в клуб, осваиваю эзотерическое искусство укрощения быков при помощи аркана, завезенное к нам с побежденного Запада.

Так называемое «родео» было его единственной слабостью: иных поблажек Чень себе не позволял, посвящая все силы и время партийной работе.

Калека, подавшись вперед, выбрал небольшой сверток в дешевой серой бумаге.

— С тебя шестьдесят торговых[40], — подытожил он. — Гарантия полная. Не подействует, как обещано, — верни неиспользованный остаток и получишь обратно всю сумму целиком, до монетки.

— Как же именно это снадобье действует? — язвительно осведомился Чень.

— Дает отдых глазам, утомленным созерцанием бессмысленных чиновничьих монологов, — ответил лоточник. — И вообще успокаивает. Принимай сразу же перед тем, как тебе в очередной раз придется выслушивать скучные, длинные телевизионные проповеди, в которых…

Чень расплатился, забрал сверток и энергично зашагал дальше.

«Тьфу, пропасть! — подумал он на ходу. — Постановление, превратившее ветеранов войны в привилегированный класс, обернулось грабежом среди бела дня. Жируют на нас, молодых, без стеснения… стервятники проклятые!»

Вскоре Чень вошел в солидное, величавое здание Послевоенного Министерства Культурного Наследия и направился к собственному, по чи-

---

[40] Примечания: 40

Торговый доллар (trade dollar) — серебряная монета достоинством в 1 доллар, выпускавшаяся рядом стран для торговли с Китаем и прочими азиатскими территориями в конце XIX в.

ну внушительному кабинету, чтобы поскорее приняться за работу, а серый бумажный сверток, совершенно забытый, так и остался лежать в кармане его пальто.

В кабинете уже дожидался дородный европеец средних лет, в гонконгском шелковом двубортном костюме-тройке оттенка кофе с молоком. Сопровождал незнакомого европейца не кто иной, как непосредственный начальник Ченя, Сыма Цзо-пинь.

— Господин Тун Чень, — заговорил Цзо-пинь на крайне скверном кантонском, как только Чень переступил порог, — познакомьтесь с господином Дариушем Петелем. Господину Петелю предстоит занять пост директора нового культурно-идеологического учреждения дидактического характера, открывающегося в Сан-Франциско, штат Калифорния, можно сказать, на днях. Господин Петель, — пояснил он, — всю свою жизнь посвятил народу, всю жизнь боролся со странами империалистического блока на ниве педагогики, отчего и назначен на столь высокую должность.

Чень с Петелем обменялись рукопожатием.

— Чаю? — предложил Чень обоим, нажимая кнопку инфракрасной жаровни-хибати.

Секунда — и в изящном узорчатом керами-

ческом чайнике японской работы закипела, запузырилась вода. Усевшись за стол, Чень обнаружил, что верная госпожа Цзи приготовила для него краткую справку о товарище Петеле — разумеется, с грифом «секретно» — и положила бумагу так, чтобы он сумел исподволь, не привлекая внимания посетителей, ознакомиться с содержанием.

— Наивысший Благодетель Народа знает товарища Петеля лично и всецело ему доверяет, — подчеркнул Цзо-пинь, — а такое случается нечасто. Вверенная товарищу Петелю школа в Сан-Фернандо займется якобы преподаванием и изучением заурядной даосской философии, но в действительности, разумеется, будет служить нам каналом общения с молодыми либералами и интеллектуалами западной части США. Многие из таковых до сих пор живы: по нашим оценкам, от Сан-Диего до Сакраменто их насчитывается не менее десяти тысяч. Школа примет две тысячи. Обучение для отобранных обязательно. Вам же в программе господина Петеля отводится крайне серьезная роль… э-э… к-хм… у вас чайник кипит.

— Благодарю вас, — пробормотал Чень, бросив в кипяток пакетик «Липтона».

— За содержание образовательных курсов,

предлагаемых школой учащимся, — продолжил Цзо-пинь, — отвечает лично господин Петель, однако все экзаменационные работы, как это ни странно, будут передаваться сюда, в вашу канцелярию, для тщательного, беспристрастного изучения с точки зрения идеологии. Иными словами, вам, господин Чень, предстоит определять, кто из двух тысяч учащихся действительно благонадежен, кто принимает наши идеи искренне, а кто — нет.

— Минутку…

Поднявшись на ноги, Чень принялся церемонно разливать чай.

— Тут следует иметь в виду, — зарокотал Петель по-кантонски, с первых же слов продемонстрировав, что владеет сим благородным наречием еще хуже Цзо-пиня, — что, проиграв мировую войну, американская молодежь проявляет немалый талант к… лукавству.

Последнее слово оказалось английским, и Чень, не поняв его, вопросительно взглянул на начальника.

— То есть насквозь лжива, — объяснил Цзо-пинь.

— Вот именно, — подтвердил Петель. — На людях для виду сыплют верными лозунгами,

но в глубине души считают их полной чушью. Экзаменационные работы данной группы будут весьма близки к работам искренних…

— Так вы хотите сказать, что мне предстоит заниматься проверкой экзаменационных работ двух тысяч учащихся? — не веря собственным ушам, возмутился Чень. — Это же само по себе тянет на полную занятость, а у меня даже на что-либо отдаленно похожее времени нет! Официальный критический анализ двух тысяч сочинений с отделением искренности от, как вы там выразились, «лукавства»…

Захлебнувшись от негодования, Чень решительно рассек воздух ребром ладони.

— Нет уж. В задницу такое счастье, — подытожил он, перейдя на английский.

Неожиданная грубость на западный манер заставила Цзо-пиня поморщиться.

— На это у вас имеются подчиненные, — напомнил он. — Вдобавок можете затребовать из кадрового резерва еще полдюжины человек. Финансирование нам в этом году увеличили, так что бюджет министерства выдержит. И помните: господин Петель избран на данный пост лично Наивысшим Благодетелем Народа.

Последняя фраза прозвучала угрожающе —

слегка, самую малость, однако этого оказалось достаточно, чтобы привести разбушевавшегося Ченя в повиновение. Дабы подчеркнуть важность сказанного, Цзо-пинь отошел в дальний угол кабинета и остановился перед трехмерным портретом Наивысшего Благодетеля в полный рост. Спустя недолгое время его появление поблизости привело в действие лентопротяжный механизм, спрятанный за портретом, и Благодетель, чуть встрепенувшись, с до боли знакомыми интонациями произнес знакомый каждому с детства призыв:

— Сражайтесь за мир, дети мои! — с отеческой твердостью провозгласил он.

— Хм-м, — старательно сдерживая возмущение, промычал Чень.

Ладно. Пожалуй, с экзаменационными работами разберутся и вычислительные машины министерства. Схема «да — нет — возможно» применительно к оценке соответствия шаблонам идеологической корректности… да, вероятно, свести задачу к рутинной — дело несложное.

— Я, — заговорил Дариуш Петель, щелкнув замками невзрачного, старомодного пластмассового портфеля, — прихватил с собой некоторый материал и хотел бы, чтоб вы, господин Чень,

рассмотрели его самым пристальным образом. Вот два экзаменационных сочинения, — пояснил он, вручив документы Ченю, и многозначительно переглянулся с Цзо-пинем. — Насколько мне известно, успешно справившись с данным поручением, вы будете назначены вице-советником министерства, а Его Величие Наивысший Благодетель Народа своей рукой вручит вам орден Кистера[41].

На этом и он, и Цзо-пинь настораживающе дружно, в унисон улыбнулись.

— Орден Кистера, — задумчиво повторил Чень.

Приняв экзаменационные сочинения, он начал неторопливо, с показным равнодушием листать страницы, но сердце в его груди трепетало так, точно вот-вот вырвется наружу.

— Почему именно эти? Вернее сказать, что в них особенного, сэр?

— Одно из них — работа искреннего сторонника передовых идей, лояльного, от и до проверенного члена Партии. Второе принадлежит перу юного «stilyagi», подозреваемого нами в тайном

[41] Примечания: 41

Очевидно, здесь имеется в виду Кеннет Кистер, американский ученый, библиотековед, незадолго до написания Ф. К. Диком данного рассказа разработавший и читавший курс лекций об интеллектуальной свободе и цензуре.

сочувствии мелкобуржуазной идеологии вконец разложившихся империалистов. Вам, сэр, предлагается определить, где чье.

«Вот спасибочки», — подумал Чень, однако, согласно кивнув, прочел заглавие первого из сочинений.

ПРЕДВОСХИЩЕНИЕ
ДОКТРИН НАИВЫСШЕГО БЛАГОДЕТЕЛЯ В
ТВОРЧЕСТВЕ БАХА-АД-ДИНА ЗУХАЙРА,
АРАБСКОГО ПОЭТА XIII СТОЛЕТИЯ

Наскоро проглядев первые несколько страниц сочинения, Чень наткнулся на знакомое, запомнившееся с тех самых пор, как он выучился читать, четверостишие под названием «Смерть».

Пускай не раз с ним разминешься ты,
Сам выберет он время вашей встречи.
Несть в мире для него ни гор, ни бурных речек —
Лишь луг, где он, гуляя, рвет цветы.

— Впечатляюще, — заметил Чень. — Замечательные стихи.

— При помощи этого стихотворения, — откликнулся Петель, не сводя глаз с шевелящихся

губ вновь перечитывающего древние строки Ченя, — он хочет указать на вековечную мудрость, явленную Наивысшим Благодетелем нам, ныне живущим: никто на свете ни от чего не застрахован, все мы смертны, а бессмертно только надличностное — общее исторически значимое дело. Как тому и следует быть. Согласны ли вы с ним — то есть с этим учеником? А может… — Многозначительная пауза. — Может, в действительности автор изощренно высмеивает наставления Наивысшего Благодетеля?

— Сначала я хотел бы ознакомиться со вторым сочинением, — уклончиво ответил Чень.

— Вся нужная информация у вас имеется. Решайте.

— Но я… но я никогда не размышлял об этих стихах в подобном ключе, — с запинкой, охваченный нешуточным раздражением, возразил Чень. — И, кстати, это вовсе не Баха-ад-дин Зухайр. Стихи взяты из сказок «Тысячи и одной ночи»… однако написаны действительно в тринадцатом веке, тут автор прав.

Умолкнув, он наскоро перечитал текст, сопровождавший четверостишие. Дежурный, нисколько не воодушевляющий набор партийных штампов, перепевка на новый лад с

колыбели знакомых лозунгов… Слепое чудовище империализма, безжалостно выкосившее и погасившее — смешанная метафора — все человеческие амбиции, козни антипартийной клики, окопавшейся на востоке Соединенных Штатов… казалось, автор работы нарочно старается ввергнуть читателя в беспросветную скуку, и в случае Ченя ему это вполне удалось. «Нужно бороться, упорно бороться, — призывал автор, — очистить от недобитков из Пентагона горы Катскилл, усмирить Теннесси, а главное, покончить с оплотом закоренелых реакционеров в сердце красных холмов Оклахомы»…

Чень тяжко вздохнул.

— На мой взгляд, — вмешался Цзо-пинь, — господину Ченю нужно предоставить возможность вникнуть в данный нелегкий вопрос не спеша, на досуге. Чень, разрешаю вам вечером взять обе работы домой, обдумать их у себя в кондоминиуме — словом, вынести обстоятельное, взвешенное суждение в свободное от службы время.

С этими словами начальник наполовину издевательски, наполовину заботливо склонил перед Ченем голову.

Ну что ж, насмешки насмешками, а с крючка он Ченя, можно сказать, снял, за что тот проникся

к начальнику искренней благодарностью.

— Благодарю вас, — пробормотал Чень. — Позволить мне заняться новым, весьма вдохновляющим делом в свободное время… такое великодушие, несомненно, оценил бы по достоинству сам Микоян, доживи он до наших дней.

«Ублюдки, — мысленно обругал он начальника заодно с залетным европейцем, Петелем. — Свалили на меня щекотливый вопрос, подбросили картошину с пылу с жару, а я изволь разбираться с ней в личное время! Похоже, компартия США переживает нелегкие дни: индоктринационные академии с обработкой славящихся ослиным упрямством и взбалмошностью юных янки уже не справляются, потому эту картошину и передавали из рук в руки, пока она не угодила ко мне. Вот спасибочки-то, вот спасибочки… провалиться бы вам обоим!»

Вечером, в небольшом, но неплохо обставленном комкварте, он сел за чтение второй из экзаменационных работ, за авторством некоей Марион Кульпер, и обнаружил, что у нее дело тоже не обошлось без стихов. Очевидно, экзамен держали слушатели спецкурса, посвященного поэзии… и на душе у Ченя сделалось гаже прежнего. Использование в политических целях поэзии

— да и любого искусства вообще — претило ему всю жизнь, но дело, увы, есть дело. Устроившись поудобнее в особом, берегущем осанку покойном кресле искусственной кожи, Чень раскурил громадной величины сигару, корону «Куэста-Рэй» — номер один на английском рынке — и начал вчитываться в сочинение.

Мисс Кульпер выбрала для экзаменационной работы отрывок из Джона Драйдена, английского поэта семнадцатого столетия, заключительные строки известного стихотворения «Гимн в честь Святой Цецилии»:

…Но помните, в последний час
Не станет Музыки для нас:
Раздастся только рев трубы,
Покинут мертвецы гробы,
И не спасут живых мольбы[42].

«Ну да, отлично, отлично, дьявол тебя раздери, — с сарказмом подумал Чень. — Надо думать, сейчас нас начнут убеждать, будто Драйден предчувствовал падение капитализма? Будто для него тут и наступает „последний час“? Гос-с-споди…»

Потянувшись за сигарой, он обнаружил, что

---

[42] Примечания: 42
Перевод Э. Шустера.

сигара погасла. Чтобы отыскать в карманах зажигалку, японскую, как и чайничек в кабинете, с кресла пришлось привстать…

— Туи-и-и-и-и-и!!! — пронзительно взвыл телевизор в дальнем углу гостиной.

«Ага, — кивнул Чень. — Еще немного, и к нам обратится Вождь, Наивысший Благодетель Народа, прямиком из Пекина, где проживает вот уже девяносто… или даже сто лет? Задница старая, как мы порой его…»

— Да расцветут в саду вашего духа десять тысяч цветов добровольно принятой каждым аскезы, — возгласил теледиктор.

Со стоном поднявшись на ноги, Чень отвесил экрану непременный ответный поклон: в каждом телеприемнике имелись следящие приспособления, исправно оповещавшие Нарпол, Народную Политическую Полицию, кланяется ли владелец, смотрит ли передачу.

Спустя еще миг на экране появилось отчетливое изображение — широкое, без единой морщинки, пышущее здоровьем лицо стодвадцатилетнего вождя Коммунистической Партии Востока, верховного правителя многих и многих…

«Чересчур многих… балабол клятый», — мысленно буркнул Чень, снова усевшись в покойное

кресло искусственной кожи и развернувшись лицом к телеэкрану.

— Все мои мысли, все думы — только о вас, дети мои, — неторопливо, звучно заговорил Наивысший Благодетель. — Только о вас, а особенно — о господине Тун Чене из Ханоя, которому предстоит заняться крайне нелегким делом, делом духовного обогащения народов Демократического Востока, а также жителей Западного Побережья Америки. Подумаем же об этом благородном, самоотверженном молодом человеке и об ожидающих его трудах все вместе, сообща воздадим ему должное, пожелаем успеха: для этого я и решил посвятить господину Тун Ченю толику своего времени. Вы меня слушаете, господин Чень?

— Слушаю, Ваше Величие, — подтвердил Чень, прикидывая в уме шансы на то, чтобы Вождю Партии сегодня вечером пришло в голову вспомнить о нем.

Результаты раздумий внушали совершенно нетоварищеский скепсис. Неубедительно. Слишком невероятно. Скорее всего, передача транслируется только в его коммунальный комплекс — ну, самое большее, на весь город. Возможно, это вообще синхронная озвучка, сфабрикованная «Ханой ТВ, Инкорпорейтед». Однако

передачу в любом случае полагалось смотреть. Смотреть, слушать… и проникаться. Так Чень и сделал — благо опыта ему было не занимать. Внешне изобразив пристальное внимание, замерев, подавшись вперед, мысленно он продолжал размышлять о двух экзаменационных работах. Какая же из них какая? Где заканчивается искренний энтузиазм, чистосердечное сочувствие делу Партии, и где начинается откровенное пасквилянтство? Трудно сказать… потому, ясное дело, эту задачу и свалили на его шею.

Снова ощупав карманы в поисках зажигалки, Чень обнаружил в одном из них небольшой серый пакетик, купленный у уличного лоточника, ветерана войны.

«Провалиться бы тебе, — подумал он, вспомнив, во что обошлась покупка. — Такие деньги псу под хвост… а от чего это травяное снадобье помогает? Да ни от чего!»

Повертев сверток в руках, он обнаружил на оборотной стороне текст, отпечатанный мелким шрифтом. Ну-ну. Охваченный любопытством Чень принялся с осторожностью разворачивать бумагу. Текст сразу привлек его интерес… на что, ясное дело, и был рассчитан.

Неудачи в партийной и личной жизни?

Боишься отстать от времени,
угодить в помойную яму истории, где…

Однако Чень, не обращая внимания на рекламные похвальбы, торопился добраться до сути, поскорее выяснить, что, собственно, приобрел.

Тем временем Наивысший Благодетель бубнил, бубнил, бубнил с экрана…

Табак. В пакетике оказался нюхательный табак. Бессчетное множество крохотных, черных, как порох, крупиц, источавших необычный, дразнящий нос аромат. Согласно надписи, смесь называлась «Княжеская Особая».

«Пахнет достойно», — решил Чень.

Студентом, учась в Пекинском университете, он, как и все вокруг, нюхал табак. Курение тогда временно запретили по причине вреда для здоровья, а потому увлечение нюхательным табаком — особенно «любовными» смесями, приготовлявшимися в Чунцине Бог знает из чего — охватило всех до единого. Может, и это — нечто подобное? Ароматическую отдушку в табак можно добавить любую, от цитрусовых эссенций до истолченного в порошок младенческого дерьма… по крайней мере, английская смесь под названием «Морской сухарь» явственно отдавала чем-то очень похо-

жим и в итоге избавила Ченя от пристрастия к нюхательному табаку подчистую.

Под монотонную речь Наивысшего Благодетеля с телеэкрана Чень осторожно принюхался к порошку из пакетика и внимательно изучил перечень его достоинств. Если верить мелкому тексту, табак этот избавлял решительно от всех напастей, начиная с опозданий на службу и заканчивая влюбленностью в девицу с сомнительным политическим прошлым. Занятно, занятно. Конечно, на упаковках чего только не напишут, но…

Дверной звонок разразился пронзительной трелью.

Поднявшись, Чень подошел к двери и распахнул ее настежь. Кто к нему мог пожаловать, он понял сразу же и ничуть не ошибся. За порогом стоял Моу Куэй, комендант комплекса — остроглазый, деловитый человек невысокого роста. Судя по нарукавной повязке и сверкающей сталью форменной каске, явился он вовсе не просто так.

— Товарищ партработник, господин Чень, ко мне поступил сигнал. Из телевизионного ведомства сообщают, что вы прервали просмотр телепередачи, увлекшись каким-то свертком… с

сомнительным содержимым.

С этими словами Куэй извлек из портфеля папку-планшет и шариковую ручку.

— Две красные отметки, а вы будьте любезны сей же момент вернуться в кресло перед телеэкраном, принять удобную, непринужденную позу и выслушать Вождя со всем возможным вниманием. Сегодня вечером его слова обращены к вам, лично к вам, сэр.

— Это вряд ли, — невольно вырвалось у Ченя.

Куэй, моргнув, непонимающе приподнял брови.

— То есть?

— Вождь правит восемью миллиардами рядовых товарищей. С чего бы ему выделять меня среди них?

В сердце Ченя постепенно закипал гнев: своевременность комендантского выговора раздражала — словами не передать как.

— Но ведь я ясно, собственными ушами слышал, как Вождь упомянул ваше имя, — возразил Куэй.

Чень подошел к телевизору и прибавил громкость.

— А теперь он говорит о недочетах в работе партийной организации Народной Индии, и это

меня не касается абсолютно.

— Все, что бы ни сказал Вождь, касается каждого! — Сделав пометку на бумаге в зажиме планшета, Моу Куэй церемонно склонил голову и развернулся кругом. — Кстати, сигнал, побудивший меня подняться сюда и отвратить вас от лености, исходил из Центрального Комитета. Очевидно, там придают вашему вниманию немалое значение, а потому я должен распорядиться: потрудитесь привести в действие контур автоматической записи телетрансляций и прослушать пропущенную часть речи Вождя, — бросил он на прощанье.

Чень громко испустил газы и захлопнул дверь.

«Назад, к телевизору, — подумал он. — К экрану, на который все мы тратим драгоценные часы отдыха».

Вдобавок его внимания требовали два экзаменационных сочинения, что тоже отнюдь не прибавляло бодрости духа.

«И все это — в личное время, — с ожесточением напомнил себе Чень. — Да катитесь вы к дьяволу… шиш вам всем!»

Решительно подойдя к телевизору, он ткнул пальцем в клавишу выключателя. На панели немедленно заморгала красная лампочка,

предупреждающая, что выключить приемник, избавиться от монотонного бормотания и лица на экране ему не позволено… да и не удастся, даже выдернув шнур из розетки.

«Обязательные к выслушиванию речи погубят, похоронят нас всех, — подумал Чень. — Эх, где же найти спасение от шумных словес, от лавины трескучих партийных лозунгов, сыплющихся на голову каждого с рождения и до смерти…»

Однако нюхать табак, слушая речь Вождя, никакими постановлениями Партии не запрещалось. Вскрыв серый сверточек, Чень умело, привычно вытряхнул на тыльную сторону левой ладони холмик мельчайшей черной пыльцы, поднес руку к носу и с силой вдохнул, втягивая табак как можно глубже, в самые гайморовы пазухи.

«Надо же… когда-то мы свято верили, будто гайморовы пазухи напрямую соединены с мозгом, и потому щепотка табака воздействует непосредственно на кору больших полушарий…»

Вспомнив о старом студенческом суеверии, Чень улыбнулся, вновь опустился в кресло и устремил взгляд на телеэкран, на оживленно жестикулирующего оратора, до боли знакомого всем и каждому с детства.

Внезапно лицо на экране подернулось рябью,

угасло. Следом за изображением пропал и звук. Взгляд Ченя оказался устремлен в пустоту, в вакуум: экран мерцал девственной белизной, из динамика доносилось лишь негромкое шипение.

«Забористый, мать его, табачок», — удивился Чень и жадно, гордо запрокинув голову, втянул второй ноздрей остаток черного порошка на тыльной части ладони. Казалось, ароматный табак, вновь защипавший гайморовы пазухи, обжег пламенем мозг, и…

Секунду-другую экран оставался пуст, а после на нем постепенно начало проступать, обретать яркость и четкость изображение… однако на экране появился вовсе не Вождь. Не Наивысший Благодетель Народа и, если уж строго держаться фактов, не человек вообще.

Перед Ченем предстал безжизненный механизм, уродливое нагромождение полупроводниковых схем, извивающихся псевдоподий и объективов. Едва Чень сумел разглядеть все это, венчавший конструкцию громкоговоритель разразился монотонной, жестяной агитационной речью.

«Что это? — не сводя глаз с экрана, подумал Чень. — Реальность? Нет, не может быть. Скорее,

галлюцинации. Видно, лоточник случайно наткнулся где-то на склад с психоделиками времен Войны за Освобождение и торгует ими вовсю, а я только что вынюхал дозу… причем немалую!»

Нетвердым шагом добравшись до видеофона, он набрал номер ближайшего к его дому отделения Нарпола.

— Я хотел бы доложить о торговце наркотиками, распространителе галлюциногенов, — сказал он в трубку.

— Имя, фамилия, адрес комкварта? — отрывисто, с казенной деловитостью спросил безликий полицейский чин.

Сообщив полицейскому все необходимое, Чень кое-как доплелся до кресла из искусственной кожи и снова увидел на телеэкране все тот же фантастический, нагонявший жуть морок.

«Убийственная штуковина, — в отчаянии подумал он. — Видимо, из препаратов куда мощнее, коварнее ЛСД, разработанных в Вашингтоне, округ Колумбия, или даже в Лондоне, которые враг так ловко подбросил в наши водохранилища. Я-то, дурак, радовался, думал, она облегчит выслушивание тягомотных речей Вождя… а дело обернулось гораздо худшим! Дребезжащее, грохочущее пламенной речью, вращающееся

на вертлюге из стороны в сторону электронное чудище из металла с пластмассой — такого ужаса я и представить себе не мог. Если теперь придется любоваться им всю оставшуюся жизнь…»

Не прошло и десяти минут, как в двери комкварта постучался наряд из пары нарполовцев. К тому времени изображение ужасающего рукотворного механизма, без умолку, размахивая псевдоподиями, горланившего с телеэкрана, вновь постепенно, рывками, сменилось знакомым лицом Вождя. Охваченный дрожью, Чень впустил копов в квартиру и проводил к столу, где оставил пакетик с нюхательным табаком.

— Галлюциногенный токсин, — глухо пояснил он и прерывисто перевел дух: с появлением полицейских на сердце сделалось гораздо спокойнее. — Кратковременного действия. Поступающий в кровь непосредственно, через капилляры в слизистой носа. Готов рассказать, где взял его, у кого… словом, сообщить все подробности.

Полицейские, приготовив шариковые ручки, вопросительно уставились на него, а Вождь на экране телевизора в дальнем углу все это время бубнил, бубнил, продолжал бесконечную речь. Под точно такие же речи Тун Чень провел сотни, тысячи вечеров, но…

«Но больше им точно такими же не бывать — по крайней мере, для меня, — подумал Чень. — Одна щепотка ядовитого дурмана перевернула вверх дном всю жизнь».

Может, на это они и рассчитывали?

«Они»…

Странно, но мысль эта, неожиданная для самого Ченя, почему-то казалась верной. На миг Чень засомневался, задумался, стоит ли посвящать полицейских в подробности, позволяющие разыскать уличного лоточника: дескать, столкнулся с торговцем случайно, а где — убей Бог, не припомню… Однако тот самый перекресток он помнил, помнил прекрасно и с необъяснимой неохотой выложил все как есть.

— Спасибо, товарищ Чень, — поблагодарил его старший полицейского наряда, аккуратно собрав оставшийся — то есть почти весь — табак и спрятав сверточек в карман ладно сидящего, безукоризненно отутюженного мундира. — Это мы передадим на исследование при первой же возможности, — пообещал коп, — и незамедлительно сообщим о результатах — особенно если вам будет показано вмешательство медиков. Некоторые из старых, военного времени психоделиков в итоге приводят к смерти… о чем вы,

несомненно, читали.

— Читал, — подтвердил Чень, — а как же.

Читал… и именно этого опасался больше всего.

— Ну что ж, удачи вам. Еще раз благодарим за сигнал.

С этим оба копа и отбыли восвояси. Похоже, происшествие нисколько их не удивило: должно быть, с подобными жалобами им приходилось сталкиваться по нескольку раз на дню.

Как ни удивительно, учитывая громоздкость и неповоротливость необъятной бюрократической машины, результаты анализа не заставили себя ждать. Видеофон зазвонил еще до того, как Вождь на телеэкране завершил речь.

— Это не галлюциноген, — обрадовал Ченя нарполовский лаборант.

— То есть? — озадаченный и, как ни странно, не испытавший никакого, ни малейшего облегчения, пролепетал Чень.

— Напротив, это фенотиазин. Препарат, как вам, несомненно, известно, антигаллюциногенный. Доза на грамм смеси, я бы сказал, лошадиная, но это не страшно. Максимум — снизит кровяное давление или подействует как снотворное. Видимо, из разграбленных фармацевтических захоронок военного времени, брошенных отсту-

павшими варварами… словом, я бы на вашем месте не волновался.

Озадаченный сильнее прежнего, Чень необычайно медленно, точно во сне, повесил трубку, отошел к окну комкварта — к окну, открывавшему прекрасный вид на прочие высотные коммунальные здания Ханоя, — поразмыслить…

Звонок над входной дверью вновь разразился заливистой трелью.

Все так же, словно сомнамбула, Чень пересек устланную ковром гостиную и отворил дверь.

— Э-э… товарищ Чень? — заговорила девушка в рыжевато-коричневом дождевике и цветастом русском платке поверх необычайно длинных, черных, глянцевито блестящих волос, не переступая порога. — Тун Чень из Министерства Культурного На…

Машинально посторонившись, Чень впустил гостью в квартиру и затворил за ней дверь.

— Вы слушали мою видеофонную линию, — сказал он.

Конечно, то был выстрел наугад, но Чень, сам не зная почему, нисколько не сомневался: да, так оно и есть.

— Остаток табака… нарполовцы его не забрали? — взволнованно спросила гостья, оглядывая

гостиную. — Надеюсь, нет… его в наше время так трудно достать…

— Нюхательный табак в наше время достать проще простого, — возразил Чень. — В отличие от фенотиазина. Полагаю, речь именно о нем?

Девушка подняла взгляд. В неярком свете луны ее глаза — огромные, карие — казались черными, точно пара углей. Не в пример нарполовским копам, уверенностью в себе она отнюдь не блистала. Скорее наоборот.

— Да, господин Чень… Прошу, расскажите: что именно вы увидели? Для нас это крайне важно… мы должны убедиться…

— А что, возможны варианты? — догадался Чень.

Глаза девушки потемнели, словно бездонный омут.

— Д-да, и даже очень. Это-то нас и смущает. На подобное мы не рассчитывали и теперь не понимаем, с чем столкнулись. Происходящее не укладывается ни в одну из гипотез. Каков ваш вариант? Чудовище из океанских глубин? Клыкастая скользкая тварь, форма жизни внеземного происхождения? Прошу вас, скажите… мы должны, должны разобраться! Что видели вы?

Дышала она прерывисто, с трудом, грудь де-

вушки под рыжевато-коричневым дождевиком вздымалась и опадала, и Чень, завороженный ритмом неровного дыхания, с трудом отвел от нее взгляд.

— Машину, — ответил он. — Говорящую машину.

— О! — Девушка энергично, горячо закивала. — Да, понимаю: не имитация, не человекоподобный робот… электромеханическое существо, ни в чем не похожее на человека!

— Это точно, на человека оно не походило нисколько, — подтвердил Чень.

И даже говорить, как человек, не пыталось…

— И вам известно, что это не галлюцинация?

— Я официально извещен, что нюхнул фенотиазина, и больше ничего определенного не знаю.

Говорить он старался как можно меньше: ему хотелось вовсе не болтать, а послушать. Послушать, что скажет нежданная гостья.

— Но, господин Чень… — Девушка прерывисто перевела дух. — Господин Чень, если это не галлюцинация, то что же? Что тогда остается? Так называемое «надсознание»?

Вместо ответа Чень отвернулся от гостьи и, будто не замечая ее присутствия, принялся лениво листать экзаменационные сочинения. Ну-ка, что

у нее еще найдется в запасе?

От девушки, шагнувшей к нему, остановившейся за плечом, веяло весенним дождем, свежестью, волнением. Казалось, в ней прекрасно все — и внешность, и запахи, и манера разговора, так непохожая на наборы суровых, заскорузлых речевых шаблонов из телепередач, набивших оскомину еще в младенчестве…

— Некоторые из тех, кто принимает стелазин… а вам, господин Чень, именно он, стелазин, и достался, — с хрипотцой зашептала она, — видят одно, некоторые — другое. Однако число вариантов не бесконечно: все эти мороки делятся на определенные разновидности. Кое-кто видит ту же машину, что и вы; мы зовем ее Железякой. Кое-кому является подводное чудище, по-нашему — Большерот. Есть еще Птица, и Ползучий Шланг, и… — Осекшись, девушка махнула рукой и перевела дух. — Но это не важно. Все эти вариации вам почти ничего не объяснят. И нам не объясняют практически ничего. Суть, господин Чень, такова: после того, что вы испытали, мы приглашаем вас присоединиться к нашему обществу. К группе видящих то же, что видели вы, к Красным. Мы хотим выяснить, что все это значит в действительности, и…

Сделав паузу, гостья щелкнула тонкими, гладкими, точно воск, суженными к кончикам пальцами.

— Дело ведь наверняка не только в этих явлениях!

Слова ее прозвучали до трогательного наивно, и настороженность Ченя слегка утратила силу.

— Что видите вы? Вы лично? — спросил он.

— Я из группы Желтых. То есть вижу… бурю. Оглушительно завывающий, безжалостный смерч, сметающий все на своем пути, крушащий жилые комплексы, выстроенные на века. По-нашему, «Сокрушителя», — с блеклой улыбкой пояснила девушка. — Групп у нас, господин Чень, общим счетом двенадцать. Двенадцать абсолютно разных взглядов на одни и те же телевизионные выступления Вождя, кем он ни окажись… под одними и теми же производными фенотиазина.

Улыбнувшись чуть шире, незнакомка подняла взгляд, призывно, даже доверчиво взмахнула длинными — вероятно, искусственно надставленными — ресницами, будто не сомневаясь, что Чень посвящен в некую тайну либо может чем-то помочь.

— Мне следовало бы взять вас под гражданский

арест, — заметил Чень.

— Но мы не нарушаем никаких законов. Мы изучили советскую юриспруденцию, прежде чем… подыскивать тех, кто станет распространять стелазин. Запас у нас невелик, а потому получателей приходится выбирать крайне тщательно. Вы показались нам превосходной кандидатурой: видный, целеустремленный молодой карьерист из послевоенного поколения, идущий на взлет… Кстати, что это? — внезапно заинтересовалась нежданная гостья, выхватив из рук Ченя экзаменационные сочинения. — Вам поручили политвычитку?

— «Политвычитку»? — переспросил Чень. Такое выражение он слышал впервые.

— Изучение чего-либо сказанного или написанного на предмет соответствия текущему общепартийному мировоззрению, — вновь улыбнувшись, пояснила девушка. — В ваших кругах это, кажется, называют попросту «читкой». Поднимете на ступень выше, сравняетесь с господином Цзопинем, не раз это слово услышите… а уж если догоните господина Петеля, тем более, — посерьезнев, добавила она. — К вашему сведению, господин Чень, Петель — особа высокого, очень высокого положения. Никакой идеологической

школы в Сан-Фернандо не существует, а эти экзаменационные работы — липа, сфабрикованная специально для вас. Для всестороннего анализа вашей идеологической благонадежности. Вам уже удалось отличить правоверную работу от еретической? — Тут ее голос зазвучал насмешливо на грани злорадства, в глазах словно бы заплясали проказливые чертенята. — Ошибетесь с выбором, и ваша расцветающая карьера навеки застрянет на полпути. Выберете верно, и…

— А вам известно, какая из них какая? — оборвал гостью Чень.

— Да, — со всей серьезностью кивнув, подтвердила она. — Все разговоры в личном кабинете господина Цзо-пиня мы слушаем тоже и внимательно выслушали его беседу с господином Петелем… вернее, вовсе не Петелем, а Джаддом Крейном, генеральным инспектором Нарпола. Возможно, вы о нем слышали: в девяносто восьмом, на Цюрихском процессе по делу главных военных преступников, он был старшим помощником генерального прокурора, Ворлавского.

— П-понятно, — с трудом выдавил Чень.

Действительно, это многое объясняло.

— Меня зовут Таня Ли, — представилась гостья.

Чень молча кивнул. Ошеломлен он был так, что на время утратил не только дар речи, но и способность пораскинуть мозгами.

— Официально я — всего-навсего младшая канцеляристка из вашего министерства, — продолжила госпожа Ли, — однако вам со мной, кажется, сталкиваться не доводилось. Мы стараемся занимать и удерживать за собой любые должности — чем выше, тем лучше. Например, мой начальник…

— А стоит ли рассказывать обо всем этом здесь и сейчас? — перебил ее Чень, кивнув в сторону включенного телевизора. — Разве наш разговор не слушают?

— Мы глушим… забиваем помехами трансляцию аудио– и видеоматериалов из этого здания. На поиски глушилки уйдет почти час, а значит, еще пятнадцать минут можно разговаривать без опаски, — успокоила его Таня Ли, сверившись с крохотными часиками на тонком, изящном запястье.

— Тогда скажите, какое из сочинений идеологически безупречно.

— Вас только это сейчас и волнует? Серьезно?

— А о чем мне, по-вашему, еще волноваться?

— А вы, господин Чень, не понимаете? Теперь

вам известно кое-что новое. Наш Вождь — вовсе не Вождь, а некто совсем другой, но кто, неизвестно. Пока неизвестно. При всем уважении, господин Чень, скажите: приходило ли вам когда-нибудь в голову отдать на исследование воду, которую вы пьете? Знаю, знаю, на вид — паранойя чистой, простите за каламбур, воды, но все же?

— Нет. Разумеется, нет, — ответил Чень, прекрасно понимая, что она скажет дальше.

— Наши анализы, — резко, энергично заговорила госпожа Ли, — показывают наличие в ней галлюциногенов. Так было, есть и будет. Не тех, что использовались в войну, не дезориентирующих, а синтетический алкалоид сродни производным спорыньи под названием «Датрокстри». Эту воду вы пьете здесь, дома, как только проснетесь, и в ресторанах, и в гостях у знакомых, и в министерстве, на службе: в водопроводные трубы ее подают из одного, общего для всех источника.

С каждым словом голос девушки звучал все суровее, яростнее.

— Допустим, с этой проблемой мы разобрались, как только ее обнаружили: достаточная доза фенотиазина нейтрализует галлюциноген. Однако реальность подкинула нам неприятный,

противоречащий всякой логике сюрприз, вариативность подлинных впечатлений. Казалось бы, варьироваться от человека к человеку следует галлюцинациям, а реальность должна быть единой для всех и каждого, а тут… все наоборот, наизнанку. Нам даже не удается выстроить гипотезу, хоть сколько-нибудь убедительно объясняющую такой поворот — а мы, Господь тому свидетель, старались изо всех сил. Двенадцать взаимоисключающих галлюцинаторных образов — явление вполне понятное, но двенадцать различных реальностей, тогда как галлюцинация — одна на всех…

Умолкнув, госпожа Ли наморщила лоб и наскоро перелистала экзаменационные сочинения.

— Идеологически безупречно вот это, с арабским четверостишием, — обнажив в улыбке ровные, белые, потрясающей красоты зубы, констатировала она. — Выберете его — заслужите доверие и повышение в должности. Подниметесь на новую ступеньку в иерархии партийного чиновничества. Видите, какую прибыль приносят утренние инвестиции? Карьерный взлет вам обеспечен… по крайней мере, на ближайшее будущее, а кем? Нами.

— Я вам не верю, — откликнулся Чень.

Инстинктивная осмотрительность, осторожность, развитая на протяжении жизни среди безжалостных политиканов из Ханойского городского комитета КП Востока до необычайной остроты, не оставляла его никогда. Способов расправы с соперниками в среде партийных бонз имелось без счета: некоторыми Чень успешно пользовался сам, некоторые испытал на собственной шкуре, а сколько всякого повидал со стороны… Кто поручится, что сейчас на нем не пробуют нечто новенькое, незнакомое? К подобным вещам следует быть готовым в любую минуту.

— Сегодня, в вечерней речи, Вождь говорил о вас. Отличил вас, — напомнила госпожа Ли. — Вам это странным не кажется? Не кого-нибудь — вас, мелкого госаппаратчика из скромного министерства…

— Признаться, да, — согласился Чень. — Да. Действительно, странно.

— А между тем ничего странного тут нет. Его Величие исподволь пестует избранных, готовит новые кадры из молодежи, послевоенного поколения, надеясь вдохнуть в заскорузлую, чахнущую на корню организацию из высокопоставленного старичья, оседлавшего мелкую

партийную сошку, новую жизнь. Другими словами, Его Величие остановил выбор на вас по той же причине, что и мы: построенная с умом карьера приведет вас к самому верху. Как минимум на некоторое время… насколько мы можем судить. Вот так-то, господин Чень.

«То есть, — подумал Чень, — в меня верят практически все вокруг. Практически все, кроме меня самого. Лично я после пережитого сегодня, после щепотки антигаллюцинаторного снадобья, не уверен ни в чем».

Действительно, увиденное, противоречившее всему, в чем он ни секунды не сомневался с самого детства, потрясло его до глубины души. Тем не менее в эту минуту Чень, понемногу приходивший в себя, опомнился окончательно. Шагнув к видеофону, он снял с аппарата трубку и начал во второй раз за вечер набирать номер ханойского управления Народной Полиции.

— Выдать меня властям, конечно, не самое, но второе из худших возможных решений, — заметила госпожа Ли. — Я попросту заявлю, что вы затащили меня к себе с целью подкупа, решив, будто мне, служащей министерства, известен ответ на задачу о двух экзаменационных работах.

— Ну а какое же из возможных решений самое

худшее? — полюбопытствовал Чень.

— Больше не принимать фенотиазин, — спокойно, как ни в чем не бывало, отвечала госпожа Ли.

«Не понимаю… что со мной происходит? — задумался Тун Чень, опустив трубку на рычаги. — Две силы: Партия и Его Величие — с одной стороны, эта девица, якобы представляющая некую группу, с другой. Первая стремится как можно выше поднять меня в партийной иерархии, вторая… да, а чего, собственно, добивается Таня Ли? Что кроется за ее словами, под оболочкой едва ли не банального презрения к Партии, Вождю, моральному кодексу Единого Народно-Демократического Фронта? Что требуется ей от меня?»

— Выходит, вы — антипартийная оппозиция? — осведомился он вслух.

— Нет.

— Но…

Запнувшись, Чень озадаченно развел руками, смерил гостью изумленным взглядом, однако Таня Ли выдержала его взгляд, даже бровью не поведя.

— Но третьего ведь не дано. Есть Партия, и есть антипартийные силы. Вы организованны, регулярно встречаетесь… Что вы намерены де-

лать? Совать палки в колеса правительства? Как предательски настроенные студенты американских колледжей во время Вьетнамской войны, останавливавшие воинские эшелоны в знак несогласия с…

— Там дело было вовсе не так, — устало возразила госпожа Ли, — ну да ладно. Не в этом суть. Мы просто хотим точно выяснить, кто возглавляет нас. Для этого нужно обзавестись своим человеком из молодых, идущих в гору партийных идеологов, которого теоретически могут пригласить на личную встречу с Вождем… понимаете? — Едва не сорвавшись на крик, она взглянула на ручные часики: пятнадцать минут подходили к концу, и ей, очевидно, не терпелось убраться восвояси. — Как вам известно, Вождя видели — то есть видели собственными глазами — очень и очень немногие.

— Возраст, — пояснил Чень. — С годами Вождь все чаще и чаще предпочитает уединение.

— Так вот, — продолжала госпожа Ли, — мы надеемся, что, выдержав липовое испытание — а с моей помощью это не составит труда, — вы будете приглашены на одну из холостяцких пирушек, время от времени устраиваемых Вождем, о чем, естественно, не пишут в газетах. Теперь-то вам

ясно? — В голосе девушки зазвучали резкие, визгливые нотки отчаяния. — Тогда мы и выясним правду. Прибыв туда под действием антигаллюцинаторного препарата, вам удастся увидеть его таким, как есть…

— На чем и закончится моя карьера в госаппарате, если не жизнь, — размышляя вслух, подытожил Чень.

— Не забывайте: вы кое-чем нам обязаны! — мертвенно побледнев, прорычала Таня Ли. — Не подскажи я, какую из экзаменационных работ нужно выбрать, вы наверняка выбрали бы неверно, и с вашей драгоценной карьерой в госаппарате произошло бы в точности то же самое! Вы бы не выдержали испытания — проверки, о которой даже не подозревали!

— Ну, это еще как сказать, — мягко заметил Чень. — Пятьдесят на пятьдесят… шансы и без вас были не так уж плохи.

Таня Ли яростно замотала головой.

— Ничего подобного! В «крамольное» сочинение вставлена уйма партийного жаргона: обе работы нарочно составлены так, чтобы запутать, подловить вас! Чтобы вы не прошли проверку!

Изрядно растерявшись, Чень просмотрел обе работы еще раз. Не ошибается ли она? Скорее

всего, нет. Зная нравы партийных функционеров вообще и натуру Цзо-пиня, в это нетрудно поверить…

Казалось, внезапно навалившаяся усталость пополам с унынием вот-вот свалит его с ног.

— Одним словом, — помолчав, заговорил он, — вам хочется повязать меня обычным «ты — мне, я — тебе». Да, вы кое в чем мне помогли, подсказали верный, ну, или якобы верный ответ на подкинутую партийным начальством задачку… однако я свое уже получил, не так ли? Что мне мешает попросту, без затей, спустить вас с лестницы? Зачем еще что-либо делать, черт побери?

Голос его звучал ровно, бесцветно, как всегда: в партийных кругах вообще не слишком щедры на эмоции.

— По мере подъема наверх вам предстоит немало новых проверок. О них мы позаботимся тоже, — заметила госпожа Ли.

Очевидно, предвидевшая нечто подобное со стороны Ченя, держалась она спокойно, ничего не боясь.

— Сколько у меня времени на размышления? — спросил Чень.

— Мне пора уходить. Думайте, мы вас не торопим: приглашение к Вождю, на виллу над рекой

Янцзы, вы получите не раньше чем через неделю, а то и через месяц.

Направившись к выходу, Таня Ли распахнула дверь, но на пороге остановилась.

— Ну а новых негласных проверок можете не опасаться. Мы будем на связи и верные ответы вам предоставим, так что с кем-то из нас вы еще встретитесь, но, скорее всего, не со мной. Скорее всего, вам продаст их у выхода из министерства тот самый инвалид, ветеран войны, — с мимолетной, тут же угасшей, словно пламя свечи на ветру, улыбкой добавила она. — Но в один прекрасный день вы — разумеется, совершенно неожиданно — получите весьма внушительное, предельно официальное приглашение на виллу Вождя, а отправляясь в гости, примете для успокоения нервов убойную дозу стелазина… возможно, последнюю дозу из наших скудных запасов. Всего хорошего!

Шагнув через порог, госпожа Ли затворила за собой дверь.

«Бог ты мой, — подумал Чень, — да ведь теперь у них есть все возможности для шантажа! Причем на это она даже не намекнула: в свете их затей шантаж — мелочь, не стоящая упоминания».

Шантаж… а, собственно, что он такого сделал?

О покупке наркотика, оказавшегося фенотиазином, Нарпол уже извещен…

«Так, значит, в Нарполе уже все знают, — осенило его. — Знают и наблюдают за мной, держат ухо востро. Конечно, никаких писаных законов я не нарушил, но… но следить они будут, это как пить дать».

Впрочем, Нарпол в любом случае следит за ним постоянно. Вспомнив об этом, Чень слегка успокоился. К постоянной слежке он с годами привык, как и все остальные.

«А еще мне удастся увидеть Наивысшего Благодетеля Народа таким, каков он есть, — напомнил Чень себе самому. — Чего, весьма вероятно, не удавалось еще никому. Кем-то он окажется? Которой из разновидностей „негаллюцинаций“… кстати, совершенно мне незнакомых? Что, если эта встреча перевернет с ног на голову всю мою жизнь, погубит меня безвозвратно? Как я смогу целый вечер держать себя в руках, увидев что-нибудь вроде той штуки на телеэкране? „Сокрушителя“, „Железяку“, „Птицу“, „Ползучий Шланг“, „Большерота“… или что-нибудь еще более страшное?»

Поразмыслив, что могут представлять собой другие видения, он вскоре бросил гадать: во-пер-

вых, непродуктивно, а во-вторых, слишком уж пугающе.

На следующее утро господин Цзо-пинь с господином Дариушем Петелем — спокойные, но словно бы что-то предвкушающие — вновь встретили Ченя в его кабинете. Чень, не говоря ни слова, вручил им одну из двух «экзаменационных работ», идеологически безукоризненную, с коротким, однако разящим в самое сердце арабским стихотворением.

— Вот эта работа, — сдержанно объявил он, — принадлежит верному члену либо кандидату в члены Партии. А эта — реакционерский хлам! — С этими словами Чень в гневе швырнул на стол оставшиеся страницы. — Несмотря на кажущуюся…

— Прекрасно, господин Чень, — оборвал его Петель. — Анализировать все отклонения до единого ни к чему. Ваш вердикт верен. Вы слышали, как отзывался о вас Вождь во вчерашнем вечернем выступлении по телевидению?

— Еще бы, — подтвердил Чень.

— В таком случае вы, несомненно, догадываетесь, как много значат предпринимаемые нами усилия, — продолжил Петель. — Вдобавок вы приглянулись Вождю, это яснее ясного. Говоря

откровенно, он даже связался со мной по вашему поводу.

Открыв пухлый портфель, он принялся рыться внутри.

— Куда же я, черт возьми, его сунул? Как бы там ни было…

В ответ на вопросительный взгляд Петеля Цзо-пинь едва заметно кивнул.

— Как бы там ни было, Его Величие хотел бы видеть вас у себя за ужином, на ранчо у берега Янцзы, вечером ближайшего четверга. Госпожа Флетчер особенно ценит…

— «Госпожа Флетчер»? — переспросил Чень. — А кто такая госпожа Флетчер?

— Супруга Наивысшего Благодетеля, — сухо, выдержав паузу, пояснил Цзо-пинь. — А самого его, о чем вы, разумеется, прежде не слышали, зовут Томасом Флетчером.

— Он европеец, — добавил Петель. — Начинал в Коммунистической Партии Новой Зеландии, участвовал в нелегкой революционной борьбе новозеландского народа… Нет, в строгом смысле слова данные сведения секретными не являются, но, с другой стороны, на каждом углу о них не шумят.

Призадумавшись, он принялся машинально

перебирать по звенышку часовую цепочку.

— Пожалуй, вам лучше об этом забыть, — посоветовал он. — Конечно, встретившись с ним лично, увидев его собственными глазами, вы сразу поймете все. Догадаетесь, что он евр. Такой же евр, как и я, и многие наши однопартийцы.

— С верностью Вождю и Партии расовое происхождение не связано абсолютно, — заметил Цзо-пинь, — и господин Петель — наглядный тому пример.

«Но ведь на телеэкранах Его Величие совершенно не похож на уроженца Запада», — опешив, подумал Чень.

— А в выступлениях по телевидению, — начал он, — наш Вождь…

— Транслируемое на экраны изображение, — пронзив Ченя осуждающим взглядом, вмешался Цзо-пинь, — подвергается множеству самых разных, весьма искусных изменений. По идеологическим соображениям. Большинству персон, облеченных высоким доверием, это известно.

«Значит, в этом все сходятся, — подумал Чень. — То, что нам показывают каждый вечер, нереально… вопрос: насколько? Отчасти, или… или целиком?»

— Я буду готов, — серьезно, строго сказал он.

«Только вот незадача: те, кого представляет Таня Ли, вряд ли готовы к тому, что меня пригласят к Вождю так быстро. Как быть с антигаллюциногеном? Сумеют они передать мне фенотиазин или нет? Скорее всего, не успеют: времени слишком мало».

Странно, однако все эти мысли внушали нешуточное облегчение. Отправившись к Его Величию, он сможет увидеть Вождя в человеческом облике, точно таким же, каким все до единого — и сам Чень в том числе — привыкли видеть его на телеэкранах. Затем его ждет весьма воодушевляющий дружеский ужин в компании некоторых из самых влиятельных партийных деятелей Азии, и…

«Словом, без фенотиазина я как-нибудь обойдусь», — решил он.

На сердце сделалось легко, спокойно.

— Ну вот, наконец-то, — внезапно проворчал Петель, вынимая из портфеля белый конверт. — Ваш пригласительный билет. На виллу Вождя вас доставят ракетой Китайских Народных Авиалиний к утру четверга, и к вечеру референт по протоколу объяснит вам, как требуется держаться. Одеться следует официально: фрачная пара, белая «бабочка», но атмосфера за столом будет

сердечной. Великое множество тостов, и… Самому мне довелось побывать на таких холостяцких застольях дважды, а вот господин Цзо-пинь такой чести пока не удостоился, — с вялой усмешкой добавил он, — но, как говорится… точнее, как выразился Бен Франклин, терпенье и труд все перетрут.

— На мой взгляд, господин Чень удостоился данной чести несколько преждевременно, — философски пожав плечами, заметил Цзо-пинь, — но ведь моим мнением, как обычно, никто не поинтересовался.

— Вот что запомните накрепко, — продолжил Петель, обращаясь к Ченю. — Возможно, увидев Его Величие собственными глазами, вы будете некоторым образом разочарованы. В таком случае позаботьтесь следить за собой: ваших чувств никто — никто! — не должен заметить. Да, мы с детства склонны, приучены видеть в нем более чем человека, но за столом… — Слегка замявшись, Петель развел руками. — За столом от его величия не остается ничего, кроме вилообразной редьки с причудливо вырезанной головой, как выражался Том Карлейль. Впрочем, кто из нас в этом смысле безгрешен? Вот и Вождь под стать среднему человеку порой позволяет себе

орально-агрессивное либо орально-пассивное поведение: может, к примеру, рассказать анекдот, выходящий за рамки приличий, или перебрать с выпивкой… Положа руку на сердце, никто никогда не знает заранее, чем обернется ужин, но, как правило, подобные ужины завершаются не ранее следующего утра, ближе к полудню. По данной причине настоятельно рекомендую не отказываться от дозы амфетаминов, предложенной референтом по протоколу.

— Вот как? — удивился Чень.

Да уж, новость так новость! Любопытно…

— Для пущей выносливости. И чтобы выпивку уравновесить. Его Величие изумительно стоек: зачастую все прочие — в лежку, а он еще на ногах и рвется в бой.

— Выдающийся, выдающийся человек, — вклинился в разговор Цзо-пинь. — По-моему, его… э-э… слабости только демонстрируют, что Его Величие — замечательный малый. Развитый всесторонне, как идеальный человек Ренессанса! Как, например, Лоренцо де Медичи!

— Действительно, сходство налицо, — согласился Петель, буравя Ченя таким пристальным взглядом, что тот вновь вспомнил о страхах вчерашнего вечера.

«Уж не заманивают ли меня в одну ловушку за другой? — невольно задумался он. — Эта девица… может, на самом деле она служит в Нарполе, прощупывает меня на предмет нелояльности, скрытых антипартийных настроений? Пожалуй, надо бы позаботиться, чтоб тот безногий уличный торговец травяными снадобьями не перехватил меня на выходе из министерства. И домой, в комкварт, вернуться совершенно другой дорогой».

Удача оказалась на его стороне. Встречи с безногим лоточником удалось избежать — и в тот день, и на следующий, и так до самого четверга.

С утра в четверг лоточник, стремительно выкатив из-за припаркованного у обочины грузовика, преградил Ченю путь.

— Лекарство мое как? Помогло? — осведомился он. — Вот, а я что говорил! Рецепт проверенный, времен империи Сун. У меня все без обмана.

— Позволь пройти, — буркнул Чень.

— На вопрос ответь, будь так добр.

Тон калеки оказался ничуть не похож на привычный скулеж уличного торговца, орудующего на грани законности. Прозвучавшие «громко и четко», как выражались в марионеточных империалистических войсках давнего прошлого,

слова ветерана пробирали до самых печенок, до мурашек по коже.

— Я знаю, что ты всучил мне, — негромко ответил Чень. — Знаю, и с меня хватит. Понадобится, в аптеке куплю. Всего хорошего.

Кивнув лоточнику, он двинулся дальше, но тележка с безногим пассажиром тронулась следом.

— Я от госпожи Ли, — во весь голос сообщил лоточник.

— Хм-м-м, — промычал Чень, машинально ускоряя шаг и замахав рукой приближающемуся аэрокебу.

— Нынче вечером тебя ждет холостяцкая вечеринка на вилле у берега Янцзы, — пропыхтел лоточник, изо всех сил стараясь не отставать, и с мольбой в глазах протянул Ченю бумажный конвертик. — Возьми же снадобье, живей! Товарищ Чень, дорогой, ради себя самого, ради всех нас! Мы должны выяснить, с чем столкнулись! Бог ты мой, может, это создание вовсе не с Терры — вот что самое страшное! Пойми ты, Чень, пожалуйста, пойми! Что значит твоя карьера в сравнении с таким поворотом? Не сможем узнать, кто…

Аэрокеб с мягким стуком приземлился на мостовую и распахнул дверцы. Чень устремился внутрь.

Брошенный ему вслед конвертик перелетел порог и соскользнул внутрь, в салон, на пол, мокрый после прошедшего дождя.

— Пожалуйста, — сбавив тон, повторил лоточник. — Ни гроша не возьму. Подарок. За счет заведения. Только возьми и воспользуйся перед началом гулянки. А амфетамины принимать воздержись. Таламические стимуляторы сочетать с адреналовыми супрессантами вроде фенотиазина противопоказано, так как…

Дверца кеба захлопнулась, и Чень мешком осел на сиденье.

— Куда едем, товарищ? — спросил электромеханический робот-водитель.

Чень назвал роботу идентификационный номер собственного комкварта.

— Этот полоумный лоточник ухитрился намусорить своим сомнительным товаром в чистом салоне, — посетовал робот. — Взгляните, он лежит прямо у вас под ногами.

Опустив взгляд, Чень пригляделся к конверту. С виду — конверт как конверт, самый обыкновенный…

«Наверное, так вот наркота людей и цепляет, — подумал Чень. — Не успел оглянуться — уже на крючке».

К снадобью, как и прежде, прилагалась обертка с текстом, только на сей раз текст оказался написанным от руки. Женским почерком… почерком госпожи Ли.

«Внезапность необычайная, но, хвала Небесам, события не застали нас врасплох. Где вы пропадали во вторник и среду? Как бы там ни было, вот все, что необходимо. Желаем удачи! Меня искать не нужно: ближе к концу недели разыщу вас сама».

Записку Чень сжег в дверной пепельнице кеба, но темный порошок бережно спрятал в карман.

«Выходит, нас пичкают галлюциногенами, – подумал он. – Каждый день, год за годом, десятилетие за десятилетием… и не в военное – в мирное время! Не во вражеском лагере, на собственной же земле! Ублюдки… одно слово, ублюдки! Пожалуй, снадобьем нужно воспользоваться. Выяснить, кто он такой, что собой представляет, и сообщить Тане с товарищами. Да, так и сделаю».

Принять решение не в последнюю очередь

помогло разыгравшееся любопытство.

Скверное чувство, конечно. Небезопасное. Скольким — особенно в партийных кругах — излишнее любопытство стоило карьеры…

Разумеется, Чень об этом обстоятельстве помнил прекрасно, однако в данный момент любопытство вцепилось в него мертвой хваткой. Протянет ли оно до вечера, до тех пор, когда настанет время зарядить темным порошком ноздри? Об этом оставалось только гадать.

Ладно. Время покажет. Ответит и на этот вопрос, и на все остальные.

«Мы — лишь цветы, цветы на бескрайнем лугу под его ногами, как выразился создатель тех арабских стихов, — подумал Чень. — Как там еще было…»

Увы, других строчек четверостишия вспомнить не удалось.

Что ж, бог с ними. Возможно, и к лучшему.

Рослый, внушительного сложения, очевидно, отставной профессиональный борец, японец по имени Кимо Окубара, исполнявший на вилле обязанности референта по протоколу, встретил Ченя неласково и продолжал взирать на гостя с глубочайшей неприязнью даже после того, как Чень предъявил пригласительный билет с золо-

тым тиснением и сумел успешно доказать, что он — действительно он.

— Не понимаю, зачем вас сюда принесло, — проворчал Окубара. — Сидели бы дома, по телевизору все посмотрели… Кто бы тут по вам заскучал? Жили мы как-то до этой минуты без вас и дальше прекрасно бы прожили.

— Телевизор я и так смотрю каждый вечер, — сдержанно ответил Чень.

Тем более что гулянки в узком кругу по телевизору, как правило, не показывают: зрелище чересчур грубое. Чересчур.

Подручные Окубары дважды обыскали Ченя, не забыв проверить на предмет припрятанного оружия даже задний проход, после чего вернули ему одежду. Однако фенотиазин они не нашли. Почему? Потому что фенотиазин он уже употребил по назначению. Как известно, действие подобных препаратов продолжается около четырех часов, а этого более чем достаточно. Вдобавок доза, как и предупреждала Таня, оказалась изрядной: движения сделались вялыми, неуклюжими, язык спазматически заплетался… псевдопаркинсонизм, да и только! Таких неприятных побочных эффектов Чень, если честно, не ожидал.

Первой ему на глаза попалась обнаженная по

пояс девица с длинными медно-рыжими волосами, распущенными по плечам. Любопытно…

Вторая девица, дефилировавшая навстречу первой, щеголяла голышом от пояса и ниже. Еще любопытнее…

В пустых, потускневших глазах обеих не отражалось ничего, кроме смертельной тоски.

— К ужину выйдете так же, — сообщил Окубара Ченю.

— Мне было сказано: фрачная пара и белая «бабочка», — удивленно подняв брови, возразил Чень.

— Ага, испугались! Розыгрыш, — без тени улыбки пояснил Окубара. — Розыгрыш новичка. Голышом ходят только девчонки — вам же на радость… если вы, конечно, не гомик.

«Ну что ж, если на радость, придется радоваться, ничего не попишешь», — подумал Чень и побрел следом за другими гостями — мужчинами во фраках, при белых «бабочках», как и он сам, дамами в длинных, до пола, платьях.

От волнения не спасало даже успокаивающее воздействие стелазина.

«Зачем я здесь?» — снова и снова гадал он, остро чувствуя двусмысленность собственного положения. С одной стороны, он прибыл сюда

ради карьерного роста, ради новой ступеньки в пирамиде партаппарата, дабы удостоиться задушевного, личного одобрительного кивка Его Величия… с другой же, намеревался уличить Его Величие в обмане, сорвать с Вождя маску. В чем состоит обман, с какой целью затеян? Этого Чень не понимал, но знал: обман Партии, обман всех миролюбивых, демократически настроенных народов Терры — налицо.

«Ну, не забавно ли?» — подумал он, смешавшись с толпой гостей.

Вскоре к нему подошла, попросив прикурить, девушка с небольшой, ярко фосфоресцирующей грудью.

— Почему ваши груди светятся? — спросил Чень, машинально вынимая из кармана зажигалку. — Инъекции радионуклидов?

В ответ девушка молча пожала плечами и двинулась дальше, оставив Ченя одного. Очевидно, с реакцией он просчитался.

«Может, мутация… наследие военных времен», — решил он.

— Выпьете, сэр?

Сняв с грациозно протянутого лакеем подноса бокал мартини — последний писк моды в высших партийных кругах Народного Китая — Чень

пригубил холодный точно лед, ароматный, терпкий напиток.

«Прекрасный джин, — отметил он про себя. — Английский, а может, даже настоящая голландская настойка… на можжевельнике, если не путаю. Неплохо, неплохо».

Слегка воспрянув духом, он двинулся дальше. Правду сказать, общая атмосфера пришлась ему по душе. Люди вокруг сплошь солидные, уверенные в себе, добились успеха и заслужили отдых. Очевидно, пресловутая невротическая тревога, охватывающая каждого вблизи от Его Величия — просто расхожий миф: гости как на подбор спокойны, сам Чень вроде бы тоже…

Тут Ченя попросту, преградив ему путь бокалом, остановил грузно сложенный лысый старик во фраке.

— Ты что же, не врубился, кто у тебя прикурить просил? — давясь смехом, просипел незнакомец. — Так знай: эта цыпа с сиськами — впору на елку к Рождеству вешать — парень. Парень, ряженный под девчонку. Тут, понимаешь, ухо востро держать надо!

— А как же тогда отличить настоящих женщин, если здесь таковые имеются? По фракам с белыми «бабочками»? — полюбопытствовал Чень.

— Ищущий да обрящет, — сквозь смех пробулькал старик и, канув в толпу возбужденных сверх меры гостей, оставил Ченя наедине с бокалом мартини.

Внезапно весьма привлекательная, рослая, прекрасно одетая дама, остановившись рядом, крепко впилась в его плечо напряженными, дрожащими пальцами.

— Вот он, Его Величие… идет… страшновато как-то: я ведь здесь в первый раз. Скажите, у меня прическа в порядке?

— В полном, — рассеянно заверил ее Чень и, приготовившись впервые увидеть воочию Наивысшего Благодетеля, устремил взгляд туда же, куда смотрела она.

К столу в центре огромного зала шел… кто угодно, но вовсе не человек.

И вовсе не та электромеханическая конструкция, которую Чень видел по телевизору. Очевидно, то было просто-напросто устройство для произнесения речей, вроде искусственной руки, придуманной некогда Муссолини, чтобы без труда салютовать утомительным многочасовым процессиям.

«Господи», — обмирая от ужаса, подумал Чень.

Не этот ли облик Таня Ли называла «чудовищем

из океанских глубин»? Нет, облика у создания, представшего перед Ченем, не имелось вообще — ни туловища, ни псевдоподий, ни металла, ни живой плоти. В определенном смысле его попросту не существовало: стоило взглянуть прямо, неведомая тварь исчезла из виду. Вот дальняя стена, вот люди, стоящие позади, а странного создания нет как нет… однако, слегка повернув голову, взглянув искоса, Чень вновь явственно различил его очертания.

Парализованный страхом, Чень замер, не сводя со странного создания глаз. Двигаясь сквозь толпу, прозрачное существо вытягивало жизнь из каждого поочередно, пожирало гостей одного за другим, одного за другим! Казалось, его аппетиты не знают предела. Мало этого, от него веяло безграничной ненавистью, ненавистью пополам с отвращением ко всему вокруг, вмиг охватившим и Ченя. Доля секунды — и он вместе со всеми прочими, собравшимися в стенах громадной виллы, превратился в жалкого ползучего слизня. Над трупами павших слизней жуткая тварь ненадолго задерживалась, смаковала добычу, но неуклонно двигалась к нему, к Ченю… или ему это только кажется?

«Если это галлюцинация, галлюцинаций

страшнее я еще не переживал, — подумал Чень. — Если же нет, выходит, реальность невероятно, невообразимо ужасна. Ненасытная, не знающая жалости тварь, губящая, увечащая всех на своем пути…»

Пройденный чудовищем путь устилала россыпь раздавленных, растоптанных человеческих тел. Останки изувеченных копошились на полу, тщась снова собраться воедино, встать и даже пробовали заговорить!

«Я знаю, кто ты, — догадался Тун Чень. — Ты, возглавляющий партийную организацию мирового масштаба, уничтожающий все живое, к чему бы ни прикоснулся… тот самый, о ком писал древний арабский поэт, на моих глазах собирающий, поедающий цветы жизни… гуляющий по Земле, по бескрайнему лугу, где несть для тебя ни гор, ни бурных рек, ни долин. Гуляющий где угодно, появляющийся в любую минуту, пожирающий все и вся, создающий жизнь, чтобы после, себе на радость, набить ею утробу… ты… ты… ты — Бог».

— Господин Чень!

Разумеется, ртом внезапно возникший прямо перед Ченем дух не обладал: голос его исходил не извне — изнутри, из самой сердцевины мозга.

— Господин Чень! Рад снова видеть тебя, дружи-

ще. Нет, ты ничего не узнал. Не узнал и не понял. Убирайся прочь. Ты откровенно скучен. Какое мне дело до слизи? Я погряз в слизи и должен от нее избавиться. И чем скорее, тем лучше. Мне ничего не стоит сокрушить и тебя, и даже себя самого. Опора мне — островерхие камни: ими мощу я топкую слизь, а укромные глубины волей моей кипят не хуже котлов. Океан для меня — что великое множество целебной мази. Чешуйки кожи моей срастаются со всем сущим. Ты есть я. Я есть ты. Разницы никакой. Какая, к примеру, разница, парень или девица то давешнее создание со светящимся бюстом? Употребить к собственному удовольствию можно и то и другое: дело только в привычке!

Ужасающее существо разразилось утробным хохотом, ну а Чень…

Чень онемел, не в силах поверить, что чудовище действительно говорит с ним, не в силах — слишком уж это казалось ужасным — представить, что оно выбрало, выделило из толпы именно его.

— От моего внимания не укроется никто и ничто, — пояснило чудовище. — Передо мной все равны: все на свете гибнет, все умирает, а я… мое дело — наблюдать. Наблюдать. Ничего иного от

меня не требуется. Прочее происходит само по себе: так уж устроено мироздание.

С этими словами оно прервало разговор, отодвинулось, однако Чень по-прежнему видел его, чувствовал его всевидящий взор. Странное существо обернулось парящей посреди зала сферой с пятьюдесятью тысячами, миллионами, миллиардами глаз — по глазу на каждого из живущих, продолжило ждать угасания очередной жизни, чтобы затем безжалостно смять, растоптать ее, павшую к его стопам.

«Ради этого оно и сотворило все живое на свете, — осенило Ченя. — Смерть из тех арабских стихов — вовсе не смерть, а Бог… точнее, Бог и есть смерть! Бог и смерть есть одна и та же высшая сила, один и тот же охотник, одна и та же тварь, пожирающая людей! Сколько раз с ним ни разминешься, он может позволить себе подождать, ведь на его стороне целая вечность!»

А Драйден? Да, Драйден тоже, тоже писал о нем! Последний час… это же о нашем мире, а ведет наш мир к гибели он. Ведет, гнет свою линию, гонит всех нас к одной цели!

«Ладно, — стиснув зубы, рассудил Чень. — По крайней мере, человеческого достоинства тебе у меня не отнять».

С достоинством опустив недопитый бокал на поднос ближайшего из лакеев, он двинулся к выходу из зала. За порогом тянулся вдаль длинный, устланный ковром коридор. Еще один из лакеев, наряженных в пурпур, распахнул перед ним двери, и Чень, выйдя наружу, оказался на темной веранде совершенно один.

Нет. Нет, не один.

Чудовищное создание последовало за ним, а может, и опередило его… да, так и есть. Вот оно. Ждет. Ждет его. На самом деле разговору еще не конец.

— Не конец? А черта с два, — сквозь зубы прорычал Чень, бросившись к перилам.

Высота — добрых шесть этажей. Внизу поблескивают воды Желтой реки. Смерть… только совсем не такая, какой изобразил ее древний арабский поэт.

Однако стоило Ченю забросить ногу на ограждение, плечо захлестнула протянутая всевидящим существом псевдоподия.

— Зачем? — хмыкнул Чень, но приостановился, задумался, перестав понимать хоть что-либо.

— Не стоит бросаться вниз из-за меня, — откликнулось существо.

Разглядеть его, оказавшееся позади, Чень не

мог, однако щупальце на плече начало превращаться в человеческую ладонь.

Помолчав, существо негромко рассмеялось.

— Что тут смешного? — буркнул Чень, качнувшись в сторону бездны.

Псевдоладонь без труда удержала его от падения.

— Ты делаешь за меня мое дело, — заметило существо. — Торопишься. Неужто у тебя нет времени подождать? Дай срок, и я выберу тебя среди прочих. К чему торопить события?

— Хотя бы из отвращения к тебе, — огрызнулся Чень.

Существо вновь рассмеялось и не ответило ни слова.

— Так и будешь молчать?

Существо за спиной вновь не удостоило его ответа.

Стоило Ченю соскользнуть с перил на веранду, псевдоладонь, стискивавшая плечо, разомкнулась.

— Основание Партии — твое дело? — полюбопытствовал Чень.

— Я есть начало всему. Всему существующему. И антипартийной оппозиции, и Партии, что на деле не является Партией вовсе, и тем, чью

сторону держишь ты, и тем, с кем ты борешься, тем, кого вы зовете империалистами-янки, реакционным лагерем, и так далее, и так далее, и так далее. Все это создано мной. Выращено, точно трава на лугу.

— Себе же на радость?

— Что до тебя, — будто не заметив ехидства, продолжило существо, — от тебя требуется всего лишь увидеть меня — вот как сейчас, а после поверить мне.

— В чем? — с дрожью в голосе спросил Чень. — В чем поверить?

— В меня ты веришь?

— Да, — подтвердил Чень, — ведь я тебя вижу.

— Тогда возвращайся к работе в министерстве. А Тане Ли сообщи, что видел здесь измотанного трудами, растолстевшего старика, не в меру пьющего любителя щипать девчонок за задницы.

— Господи Иисусе, — выдохнул Чень.

— Ну а в то время как ты живешь далее, не в силах остановиться, я буду мучить тебя, отнимать то одно, то другое из того, что ты имеешь и чего хочешь, и, наконец, сокрушенного, на пороге гибели, посвящу тебя в тайну.

— В какую же?

— Покинут мертвецы гробы, и не спасут живых

мольбы… Губя живущих, я сохраняю, спасаю умерших. Знай: на свете есть вещи много, много хуже меня. Однако ты с ними не столкнешься, поскольку прежде я лишу тебя жизни. Теперь ступай. Возвращайся в столовую, готовься к ужину, а в моих деяниях больше не сомневайся. Начаты они куда раньше, чем на свет появился некий Тун Чень, и с исчезновением оного отнюдь не закончатся.

Чень, сжав пальцы в кулак, ударил с разворота, что было сил…

…И голова его взорвалась нестерпимой болью.

Непроглядная тьма, падение…

И снова тьма.

«Ничего, я до тебя еще доберусь, — подумал Чень. — Доберусь, позабочусь, чтоб ты тоже сдох. Сдох в муках, как мы, все наши мучения испробовал на собственной шкуре. Прижму тебя к ногтю, Богом клянусь, где-нибудь да прищучу, и тогда ты позавидуешь моей нынешней боли».

С этими мыслями он закрыл глаза, и почти в тот же миг его грубо, бесцеремонно встряхнули за ворот.

— Вставай на ноги, пьянь подзаборная! — прогремел голос Кимо Окубары над самым ухом. — Вставай, говорят!

— Кеб мне вызовите, — пробормотал Чень, не открывая глаз.

— Кеб уже ждет. Отправляйся сейчас же домой. Позор! Буянить затеял, и где!

С трудом поднявшись, Чень открыл глаза, опустил взгляд, проверяя, цел ли.

«Выходит, наш Вождь, глава Партии, ведущий нас за собой, не просто Вождь, а Единственный Истинный Бог. И враг, с которым мы боролись и боремся, тоже Бог. Да, верно сказано: Господь вездесущ… только я прежде не понимал, что это значит. И этот вот, референт по протоколу, тоже Бог, — подумал он, уставившись остановившимся взглядом на Окубару. — От Бога не скрыться, даже прыгнув с высоты шести этажей, как подсказывали первые побуждения».

— Мешать выпивку с наркотой — последнее дело, — прошипел Окубара, смерив его убийственным взглядом. — И для здоровья вред, и на карьере крест. Я таких случаев насмотрелся без счета. Проваливай.

Едва волоча ноги, Чень двинулся к массивным парадным дверям виллы над берегом Янцзы. Двое лакеев, одетых средневековыми рыцарями, качнув плюмажами шлемов, церемонно распахнули перед ним створки.

— Доброй ночи, сэр, — пожелал один.

— Пошел ты, — буркнул Чень и вышел в ночную тьму.

Вернувшись домой, он долгое время сидел в гостиной без сна, куря одну «Куэста-Рей Асторию» за другой. Без четверти три утра в дверь комкварта негромко постучали.

Отворив дверь, Чень оказался нос к носу с Таней Ли — все в том же знакомом дождевике, лицо посинело от холода, однако в глазах полыхает огонь жаркого любопытства.

— Нечего на меня так таращиться, — проворчал Чень и, обнаружив, что сигара погасла, полез в карман за зажигалкой. — Чужими взглядами я сыт по горло.

— Значит, вы его видели, — констатировала девушка.

Чень молча кивнул.

Гостья уселась на подлокотник дивана.

— Рассказать, что именно видели, не желаете? — выдержав паузу, спросила она.

— Бегите. Бегите отсюда как можно дальше. Как можно дальше, — ответил Чень, но тут же вспомнил, что бегство тут не поможет: об этом он тоже читал. — Ладно. Пустое.

Поднявшись на ноги, он поплелся в кухню, к

кофеварке.

— Неужели дело так плохо? — удивилась Таня, вошедшая в кухню следом.

— Нам не победить, — заверил ее Чень. — То есть не нам, а вам: на меня больше не рассчитывайте. Мне лично хочется одного — продолжить службу в министерстве и забыть обо всем, что видел. Обо всей этой проклятой истории.

— Кто он? Внетерранин?

— Да, — кивнул Чень.

— К нам враждебен?

— И да и нет, — ответил Чень. — Но большей частью враждебен.

— Тогда нужно…

— Отправляйтесь домой, — оборвал гостью Чень. — Отправляйтесь домой, спать ложитесь, хотя…

Умолкнув, он пристально оглядел Таню Ли. В гостиной он сидел долго и все это время думал. Думал о множестве самых разных вещей.

— Ты замужем? — спросил он.

— Нет. Сейчас — нет. Когда-то была, но это в прошлом.

— Тогда оставайся со мной. Хотя бы до утра. До рассвета. Ночью… страх слишком, слишком силен.

— Хорошо, — согласилась Таня, расстегивая пояс дождевика, — но кое на какие вопросы все же ответь, будь так добр.

— Я одного не пойму, — признался Чень. — «Но помните, в последний час не станет Музыки для нас»… Что Драйден имел в виду под музыкой? При чем здесь музыка?

— То есть настанет конец всей небесной гармонии. Всему упорядоченному мироустройству, — пояснила Таня, вешая дождевик в платяной шкаф.

Под дождевиком на ней оказался полосатый оранжевый свитер при брючках в облипку.

— И это вроде как плохо? — уточнил Чень.

Таня Ли, сделав паузу, призадумалась.

— Не знаю. Наверное, да.

— Не многовато ли значения тут приписано музыке? — хмыкнул Чень.

— Как сказать… Вспомни о древней пифагорейской «музыке сфер».

Без стеснения присев на кровать, Таня сбросила мягкие, вроде тапочек, туфли без каблуков.

— Ты в это веришь? Или ты веришь в Бога?

— В Бога? — Таня негромко рассмеялась. — Ну, вера в Бога отошла в прошлое вместе с паровыми лебедками… Да, и о чем, кстати, речь — о Всемо-

гущем Творце или о божествах вообще?

Придвинувшись вплотную, она взглянула Ченю в глаза.

— Да не смотри же в упор! — прорычал тот, отпрянув назад, и в раздражении отодвинулся как можно дальше. — Не выношу я чужого взгляда… не выношу!

— По-моему, — задумчиво заговорила Таня, — если Бог и есть, дела человеческие для Него — недостойные внимания пустяки. Мне лично ничего другого в голову не приходит. Судя по всему, торжество зла, страдания и гибель людей и зверей Ему безразличны. Положа руку на сердце, я Его просто не вижу. Нигде не вижу, ни в чем. К тому же и Партия последовательно отрицает существование высших сил в какой бы то ни было…

— Ну, а раньше — к примеру, в детстве — ты Его видела? — перебил ее Чень.

— Маленькой — да, разумеется. Однако тогда я верила и в…

— А тебе никогда не приходило на ум, что добро и зло — просто два разных названия для одного и того же? — продолжал Чень. — Что Бог одновременно может быть и добром и злом?

— Пойду, приготовлю тебе выпить, — пробор-

мотала Таня и, шлепая по полу босыми пятками, направилась в кухню.

— «Сокрушитель», «Железяка», «Птица», «Ползучий Шланг», «Большерот» плюс прочие имена и обличья, мне неизвестные… Понимаешь, там, на гулянке в кругу своих, мне привиделось кое-что новое. Галлюцинация. Масштабная. Ужасающая.

— Но стелазин…

— Он-то и вызвал к жизни нечто гораздо худшее, — пояснил Чень.

— А противостоять ему как-нибудь можно? — вмиг посерьезнев, спросила Таня. — Как справиться с этим явлением… очевидно, вполне реальным, хоть ты и зовешь его галлюцинацией?

— Поверить в него, — ответил Чень.

— И чего мы этим добьемся?

— Ничего, — вздохнул Чень. — Абсолютно ничего. Знаешь, устал я — сил нет. Не нужно мне выпивки… давай укладываться.

— О'кей, — согласилась Таня и, прошлепав в спальню, начала стягивать через голову полосатый свитер. — Подробности подождут до утра.

— Галлюцинации — это еще ничего. Можно сказать, милосердно, — будто в бреду, зачастил Чень. — Вернуть бы их обратно… те, прежние.

Стать снова тем же, кем был до того, как ваш лоточник подсунул мне нюхательный табак с фенотиазином…

— Хватит. Ложись в постель. Тепло, уют… что сейчас может быть лучше?

Избавившись от галстука и рубашки, Чень обнаружил на правом плече отметины, стигматы, оставленные щупальцем существа, удержавшего его от прыжка за перила. Казалось, синевато-багровые кровоподтеки не сойдут никогда, останутся с ним на всю жизнь. Невольно вздрогнув, Чень поспешил спрятать их под пижамной курткой и улечься в постель, рядом с Таней.

— Как бы там ни было, — заметила Таня, — карьера одним скачком вознесла тебя на невообразимую высоту. Ты этому разве не рад?

— Еще бы, — кивнув, хоть кивок в темноте и не виден, подтвердил Чень. — Очень рад.

— Иди ко мне, — обняв его, шепнула Таня. — Иди ко мне и забудь обо всем остальном. Хотя бы до завтра.

Охотно подчинившийся ее зову, не говоря уж о зове собственных желаний, Чень привлек Таню к себе. Умелая, ловкая, гибкая, Таня не забывала ни о себе, ни о нем. Понимая друг друга без слов, разговорами они не утруждались, пока она,

содрогнувшись, ахнув, не обмякла в объятиях Ченя.

— Эх, если бы все это продолжалось без конца… вечно, — вздохнул Чень.

— Так и есть, — откликнулась Таня. — Все это — вне времени, безгранично, как океан. Такими мы были еще в эпоху Кембрия, до выхода на сушу, и только в подобные моменты, соединяясь друг с другом, возвращаемся назад, в древние, первозданные воды. Потому это и значит для нас так много. К тому же в те времена мы существовали не по отдельности… представь себе громадную медузу вроде тех, что море выбрасывает на песок.

— Ну да, выбрасывает… и оставляет умирать под жарким солнцем.

— Не мог бы ты дать мне полотенце или хоть салфетку? — спросила Таня. — Очень бы пригодилось.

Чень, шлепая по полу пятками, направился в ванную за полотенцем. Здесь, обнаженный, он снова увидел на плече синяки, оставленные чудовищным существом, схватившим его, удержавшим, потащившим назад — очевидно, затем, чтобы поиграть с ним еще немного.

Странно, но синяки, без видимых на то причин,

кровоточили.

Озадаченный, Чень промокнул кровь, однако кровотечение только усилилось. Сколько он еще протянет? Похоже, считаные часы…

— Ты в настроении продолжать? — спросил он, вернувшись к Тане.

Едва различимая в ночном полумраке, девушка подняла на него немигающий взгляд.

— Конечно. Все дело только в тебе… у тебя есть еще силы?

— Найдутся, — подтвердил Чень, привлекая ее к себе.

История, подводящая итог всем рассказам из антологии Харлана Эллисона «Опасные видения»[43]

Мир разорен термоядерной войной. От прежнего общества не осталось камня на камне. Согласно обычаю, достигшие брачного возраста девушки отправляются в футуристический зоопарк, где вступают в половые сношения со всевозможными мутантами и нечеловеческими существами, содержащимися в клетках. В данной конкретной истории девушка, собранная и сшитая из изувеченных тел полдюжины других девиц, совокупляется, также в клетке, с инопланетным существом женского пола, после чего, благодаря достижениям науки будущего, зачинает дитя. Когда же младенец появляется на свет, героиня бьется за него с инопланетянкой из зоопарка: кто победит, той и достанется новорожденный. Одержав верх над соперницей, человеческая девушка немедленно пожирает отпрыска без остатка,

[43] Примечания: 43

Сборник произведений самых ярких писателей-фантастов середины XX в., составленный и выпущенный Харланом Эллисоном в 1967 г., «лицо» фантастики новой волны.

включая волосы, зубы, ногти и все остальное. Едва завершив трапезу, она обнаруживает, что ее отпрыск — Бог.

Электрический муравей

В четверть пятого пополудни по восточному времени Гарсон Пуль, очнувшийся на больничной койке, обнаружил, что пребывает на лечении в трехместной палате, и вдобавок осознал следующее: во-первых, он лишился правой руки, а во-вторых, не чувствует боли.

«Мощным же анальгетиком меня накачали», — отметил он, взглянув в окно напротив изголовья кровати.

За окном раскинулся оживленный центр Нью-Йорка. Паутина улиц, заполненных спешащим, мчащимся, катящим во все стороны транспортом и пешеходами, поблескивала в лучах предвечернего солнца. Постепенно меркнущий солнечный свет радовал глаз, прибавлял оптимизма.

«Не угас еще, — подумал Пуль. — Не угас, как и я».

На столике у кровати обнаружился видеофон. Поколебавшись, Пуль снял трубку и набрал код внешней связи. Полминуты спустя на экране возник Луи Дэнсмен, заправлявший «Три-Планом», пока сам он, Гарсон Пуль, в отлучке.

— Живы? Ну, слава Богу! — воскликнул Дэнсмен, увидев его. На щекастом, испещренном оспинами, будто поверхность Луны, лице заместителя отразилось нешуточное облегчение. — Мне тут названивают вот уже…

— Жив. Только правой руки лишился, — сообщил Пуль.

— Ничего, все будет о'кей. Новую приживить не проблема.

— Давно я здесь валяюсь? — полюбопытствовал Пуль, гадая, куда подевались доктора с нянечками, почему не кудахчут, не шумят насчет того, что он взялся звонить по видеофону.

— Четыре дня, — ответил Дэнсмен. — Здесь, на производстве, дела — просто ммм! — причмокнув губами, похвастал он. — За это время мы — представляете? — заполучили заказы от трех разных полицейских служб! Местных, терранских: две из Огайо, одна из Вайоминга. Прекрасные заказы, надежные! Треть суммы авансом, а остальное, как обычно, в рассрочку на три года.

— Давай-ка, приезжай, вытаскивай меня отсюда, — распорядился Пуль.

— Как можно? Вам же еще новую руку…

— С рукой разберемся потом.

Сейчас ему отчаянно хотелось вернуться в

привычную, знакомую обстановку. Воспоминания о грузовом пиромобиле, стремительно, грозно заполняющем от края до края навигационный экран, всплывали из глубины сознания сами собой: стоило сомкнуть веки, и Пуль вновь оказался в кабине поврежденного суденышка, отброшенного в поток встречного транспорта, увечащего мобиль за мобилем, мобиль за мобилем… да уж, покувыркало его знатно! Ощущения, надо сказать…

«Пожалуй, мне еще повезло», — невольно пережившись, подумал он.

— А Сара Бентон там, с вами? — спросил Дэнсмен.

— Нет.

Ну да, конечно, его личная секретарша — хотя бы из рабочих соображений — должна торчать где-то рядом, нянчиться с боссом в обычной легкомысленной, инфантильной манере.

«В грузно сложенных женщинах вечно материнских инстинктов сверх меры, — подумал Пуль, — да и опасны такие: упадет на тебя — как пить дать раздавит».

— Может, все из-за нее? — заметил он вслух. — Может, это Сару угораздило рухнуть на мой пиромобиль?

— Нет-нет, — зачастил Дэнсмен, сделав вид, будто не заметил неудачной шутки, — у вашего пиро просто лопнула тяга рулевого киля, а движение в час пик оказалось…

— Да, помню, помню, — вздохнул Пуль, оглянувшись на скрип отворившейся двери.

К его койке деловито шел доктор в белом халате, сопровождаемый парой медсестер, с ног до головы облаченных в синее.

— Потом продолжим, — поспешно подытожил Пуль.

Распрощавшись таким образом с Дэнсменом, он повесил трубку и выжидающе перевел дух.

— Вообще-то звонить по делам вам еще рановато, — заметил доктор, просматривая его историю болезни. — Итак, мистер Гарсон Пуль, владелец «Три-План Электроникс». Производитель автономных идентидротиков, чующих и выслеживающих жертву в радиусе тысячи миль, ориентируясь на уникальное сочетание волновых сигнатур мозга. Да, мистер Пуль, человек вы преуспевающий, состоявшийся… вот только, должен сообщить вам, на самом деле вы не человек. Вы — электрический муравей.

— Господи Иисусе, — в изумлении ахнул Пуль.

— Таким образом, продолжать ваше лечение

здесь невозможно. Разумеется, все выяснилось при первом же осмотре поврежденной руки. Обнаружив электронные компоненты, мы сделали рентген грудной клетки, и снимки подтвердили нашу гипотезу целиком.

— Что значит «электрический муравей»? — помрачнев, проворчал Пуль, хотя ответ знал прекрасно, так как выражение это слышал далеко не впервые.

— Органический робот, — пояснила одна из медсестер.

— Понятно, — пробормотал Пуль.

Все его тело с головы до пят взмокло от холодного пота.

— То есть сами вы об этом не знали, — отметил доктор.

— Даже не подозревал, — кивнув, подтвердил Пуль.

— Электрические муравьи попадают к нам каждую неделю, а то и чаще, — сообщил доктор. — Либо после пиромобильной катастрофы, как вы, либо приходят на прием сами… это, как правило, те, кто, подобно вам, не осведомлен о своей природе, привык вращаться в кругу людей и полагать себя… хм-м… человеком. Что же до вашей руки…

Умолкнув, он оборвал фразу на полуслове.

— Да Бог с ней, с рукой! — в ярости взревел Пуль.

— Спокойствие, — велел доктор, склонившись над кроватью и пристально взглянув в глаза Пуля. — Больничный катер отвезет вас на станцию техобслуживания, а ремонт либо замена руки обойдется вам, если вы сам себе хозяин, или вашим законным владельцам не так уж дорого. Как бы то ни было, в скором времени вы вернетесь за собственный стол, в «Три-План», абсолютно работоспособным. Не хуже новенького.

— Вот только теперь мне известно кое-что новенькое, — буркнул Пуль.

Интересно, а Дэнсмен, или Сара, или еще кто-нибудь на службе знает, кто он такой? Может, они — или кто-то из них — его и приобрели… а то и сконструировали?

«Подставное лицо, — подумал он, — вот кем я был все это время. А на самом деле никем и ничем в компании не управлял. Высота положения и так далее — всего лишь иллюзия, вложенная мне в голову при сборке… заодно с иллюзией, будто я человек. Живой человек».

— Перед отбытием на станцию техобслуживания будьте любезны заглянуть в регистратуру и

оплатить счет, — сказал доктор.

— Какой еще счет, если у вас муравьев не лечат? — ядовито осведомился Пуль.

— Счет за услуги, оказанные до того, как мы выяснили суть дела, — пояснила одна из медсестер.

— А я-то при чем? Компании счет выставляйте, — в бессильной ярости огрызнулся Пуль, с невероятным трудом оторвав голову от подушки и сев.

Голова закружилась. Чертыхнувшись, Пуль не без опаски нащупал ступнями пол.

— Наконец-то, — проворчал он, кое-как утвердившись на ногах. — Наконец-то я уберусь отсюда. Спасибо. Спасибо за человеческое внимание.

— Всего хорошего, мистер Пуль… вернее сказать, просто Пуль, — откликнулся доктор.

С заменой руки на станции техобслуживания справились в два счета.

Прежде чем позволить техникам установить руку на место, Пуль долгое время разглядывал ее, любовался новой рукой, словно завороженный. Внешне она выглядела живой, органической — да, собственно, таковой и являлась на деле. Настоящие мускулы, покрытые настоящей кожей, настоящая кровь в капиллярах и венах… однако внутри поблескивали провода, управля-

ющие контуры, микроскопические механизмы. Заглянув в глубину запястья, Пуль обнаружил под мускулатурой крохотные стабилизаторы напряжения, моторчики, многоступенчатые клапана… а стоила вся эта красота ни много ни мало сорок зелененьких. Недельное жалованье, судя по платежным ведомостям «Три-Плана»…

— Гарантия в стоимость входит? — спросил Пуль техников, подключающих «костяную» основу руки к плечевому суставу.

— Девяносто дней. И запчасти, и работа, — ответил один из техников. — Если, конечно, устройство не подвергалось нештатным нагрузкам либо умышленной порче.

— Расплывчато как-то, — заметил Пуль.

Техники, сплошь мужчины, смерили его пристальными, понимающими взглядами.

— За живого себя выдавали?

— По неведению, — уточнил Пуль.

— А теперь, значит, в курсе?

— Именно, — со вздохом подтвердил он.

— А знаете, почему прежде ни о чем не догадывались? Признаки-то имеются: щелчки, жужжание изнутри… но вы их не замечали, поскольку запрограммированы не замечать. Выяснить, кем вы созданы и для кого, будет не

менее трудно.

— Раб. Механический раб, — пробормотал Пуль.

— Но жилось-то вам, надо сказать, неплохо.

— Да, жил я прекрасно, — согласился он, — но и работал как черт.

Уплатив в кассу сорок зелененьких, Пуль размял новые пальцы, опробовал их, подбирая со стола всевозможные мелочи вроде монет, и покинул станцию техобслуживания. Десять минут спустя общественный пиромобиль понес его к дому. День выдался не из легких.

Прибыв домой, в однокомнатную квартирку, он первым делом налил себе стопку «Джека Дэниэлса» — пурпурный ярлык, шестьдесят лет выдержки, — устроился в кресле и, попивая виски, устремил взгляд в единственное окно, в сторону здания по ту сторону улицы.

«Стоит ли появляться в конторе? — размышлял он. — Если да, зачем? Если нет, почему? Вот и выбирай… Господи Иисусе, узнать о себе такое! Узнать, что ты — урод, неживая машина, притворяющаяся человеком!»

Сказать по правде, он по-прежнему чувствовал себя вполне живым, настоящим, но… но относился к себе совершенно не так, как раньше. Мало

этого, совершенно иначе воспринимал он теперь и Дэнсмена с Сарой, и всех работников «Три-Плана» вообще.

«Пожалуй, мне бы лучше всего покончить с собой, — подумал он, — но ведь программа, наверное, не позволит: это же какой убыток владельцу! Нет, от подобных убытков он наверняка застраховался».

Программа… а если вдуматься, что такое программа? Матрица где-то внутри. Решетка, отсекающая от определенных мыслей и действий и принуждающая к другим. К дозволенным.

«Таким образом, я не волен в своих поступках. Как и раньше… но теперь знаю об этом. Знаю, вот в чем вся разница!»

Переключив окно в непрозрачный режим, Пуль зажег свет и принялся аккуратно, предмет за предметом, избавляться от одежды. На станции техобслуживания он следил за работой техников, ставивших на место новую руку, самым внимательным образом и теперь прекрасно представлял себе, как устроено его тело. Две большие панели на бедрах… их техникам пришлось снять, чтобы проверить электронику…

«Если мной управляет программа, программная матрица, скорее всего, находится именно

там», — решил Пуль.

Однако хитросплетение управляющих контуров поставило его в тупик.

«Да, без помощи тут не обойтись, — понял он. — Так-так… какой там код надо набирать для связи с вычислителем класса ВВВ, выполняющим для нас расчеты?»

Придвинув к себе видеофон, он набрал номер стационарного вычислителя, расположенного в Бойсе, штат Айдахо.

— Согласно установленному тарифу, — зазвучал механический голос в наушнике, — машинное время данного вычислителя стоит пять зелененьких в минуту. Будьте добры поднести к экрану мастеркредитчарджкарту для списания средств.

Пуль послушно повернул прямоугольничек карты лицевой стороной к экрану.

— Соединение с вычислителем произойдет после гудка, — продолжил механический голос. — Задавайте вопрос как можно скорее. Учтите: ответ поступит в течение микросекунд, тогда как ваш вопрос…

Тут Пуль до отказа убавил звук, но как только на экране возник символ речевого ввода, поспешно вывернул громкость на полную. В данный мо-

мент вычислитель обернулся гигантским ухом, внимательно слушающим вопрос Пуля заодно еще с пятьюдесятью тысячами вопросов изо всех уголков Терры.

— Осмотри меня визуально и ответь, где расположен программный механизм, управляющий моими мыслями и поступками, — велел Пуль и замер в ожидании.

Ухо на экране видеофона сменилось исполинским фасетчатым глазом — подвижным, взирающим прямо на Пуля. Отойдя на середину единственной комнаты, Пуль выпрямился, повернулся к экрану лицом, затем спиной.

— Снимите грудную панель, — заговорил вычислитель. — Нажмите на грудинную кость, ослабьте давление, и панель высвободится из гнезда.

Пуль так и сделал. Действительно, часть груди вывалилась наружу, и Пуль, одолевая головокружение, опустил ее на пол.

— Блоки управления вижу, — констатировал вычислитель, — но не могу определить, который…

Умолкнув, машина еще раз оглядела Пуля с головы до ног.

— Вижу рулон перфоленты, расположенный

над приводом сердца. Вам он виден?

Пуль, изогнув шею, заглянул себе в грудь. Действительно, внутри, над самым сердцем, обнаружился рулон перфоленты.

— Сейчас я должен отключиться, — сообщил вычислитель, — а изучив имеющиеся в моем распоряжении данные, свяжусь с вами снова и дам ответ. Всего хорошего.

Экран видеофона угас.

«Выдернуть из груди эту ленту, и дело с концом, — рассудил Пуль. — Пара катушек не больше ниточных — вон подающая, вон намоточная плюс считывающая головка посередине».

Настораживало одно: полная неподвижность устройства. Сколько Пуль ни присматривался, за это время лента не сдвинулась вперед даже на долю дюйма.

«Должно быть, устройство берет управление на себя только в определенных ситуациях, — догадался Пуль. — Разворачивает мышление в нужную сторону по мере надобности… и так всю жизнь. Всю мою жизнь!»

Сунув руку в грудную клетку, он коснулся подающей катушки пальцем.

«Всего-то и дела — выдернуть ее к дьяволу, — подумал он, — и тогда…»

На столе вновь засветился экран видеофона.

— Мастеркредитчарджкарта номер три-би-эн-икс восемьсот восемьдесят два эйч-кью-ар четыреста сорок шесть-ти, вас беспокоит ВВВ-триста семь-ДР относительно вопроса, поступившего от вас шестнадцать секунд назад, четвертого ноября тысяча девятьсот девяносто второго года. В действительности катушки с перфолентой над вашим сердечным приводом — не механизм, задающий программу поведения, но устройство, конструирующее реальность. Данное устройство генерирует все чувственные раздражители, воспринимаемые вашей центральной нервной системой, и вмешательство в его работу крайне опасно. Возможно, смертельно опасно. Программирующими поведение контурами вы, как оказалось, не оборудованы. Ответ на вопрос дан. Всего хорошего.

Экран моргнул и угас.

Замерший голышом перед видеофоном, Пуль снова, с сугубой осторожностью, коснулся пальцем катушки.

«Понятно, — опешив, подумал он. — Вернее, что мне понятно-то? Этот блок… выходит, если перерезать ленту, мой мир исчезнет? Для остальных реальность останется прежней, а для

меня все кончится, так как мою реальность, мою вселенную создает вот этот крохотный узел? Пленка разматывается виток за витком, головка переправляет считанное центральной нервной системе… и так уже многие-многие годы?»

Одевшись, Пуль уселся в глубокое покойное кресло — роскошный подарок из штаб-квартиры «Три-Плана» — и закурил сигарету с настоящим табачным листом. Руки его заметно дрожали. Отложив зажигалку с собственной монограммой, он устроился поудобнее и выпустил изо рта колечко сизого дыма.

«Похоже, спешка тут ни к чему, — мысленно подытожил он. — Чего я, собственно, хочу добиться? Обойти, обмануть программу? Но вычислитель не нашел во мне программирующих устройств. Стоит ли трогать ленту, генерирующую реальность? Если да, для чего? А вот для чего. Управляя ею, можно управлять реальностью. По крайней мере, с собственной точки зрения. Субъективной реальностью… а другой-то и нет! Что такое объективная реальность? Синтетическое построение, умозрительная универсализация множества реальностей субъективных. Подумать только: вся моя вселенная, все мироздание — в моих руках! Только бы разобраться, как устроена

эта чертова штука. Изначально я собирался всего-навсего отыскать в себе программирующий контур, добиться полной самостоятельности, стать подлинно гомеостатическим существом, но теперь, обладая такой штуковиной…»

Обладая такой штуковиной, он сможет распоряжаться не только самим собой, но вообще всем — всем на свете!

«То есть добиться того, чего не добился никто из людей за всю историю человечества», — вмиг посерьезнев, подумал Пуль.

Подойдя к видеофону, он набрал номер собственной штаб-квартиры, а как только на экране возникло лицо Дэнсмена, резко, отрывисто заговорил:

— Немедленно пришли ко мне на квартиру полный набор прецизионных микроинструментов и увеличительный экран. Мне нужно поработать с кое-какой микроэлектроникой.

На этом он, не желая вступать в дискуссии, дал отбой.

Не прошло и получаса, как во входную дверь постучали. Отперев замок, Пуль обнаружил за порогом одного из начальников производственных участков, согнувшегося под тяжестью всевозможных микроинструментов.

— Вы не уточнили, что именно требуется, — пояснил начальник участка, входя в квартиру, — и мистер Дэнсмен велел взять с собой все, что есть в наличии.

— А экран с увеличительной оптикой?

— В грузовике, на крыше.

«Возможно, мне просто хочется умереть, — подумал Пуль, закурив в ожидании, пока начальник участка втаскивал в квартиру тяжеленный увеличительный экран с автономным питанием от аккумуляторной батареи и пультом управления. — Да, верно… эта затея — самоубийство чистой воды».

Охваченный страхом, он невольно вздрогнул.

— Что стряслось, мистер Пуль? — забеспокоился начальник участка, успевший избавиться от нелегкого аппарата и встать. — Должно быть, нервы после катастрофы шалят?

— Именно, — негромко подтвердил тот и замер, подобрался, дожидаясь его ухода.

Под объективами системы увеличения лавсановая лента приняла новый вид, превратилась в широкую полосу с вереницами из сотен тысяч крохотных отверстий.

«Так я и думал, — удовлетворенно отметил Пуль. — Не магнитная запись на тонком слое

оксида железа, а настоящая перфорация».

На экране, в увеличенном виде, полоса ленты заметно ползла вперед — крайне медленно, но ползла, с постоянной скоростью двигаясь в направлении считывающей головки.

«Насколько я понимаю, — продолжил размышления Пуль, — пробитые в ленте отверстия — что-то вроде открытых клапанов, и работает эта штука по принципу пианолы. Сплошная лента — „нет“, отверстие перфорации — „да“. Как бы это проверить?»

Очевидно, залепив часть отверстий чем-нибудь подходящим.

Измерив длину ленты, оставшейся на подающей катушке, с великим трудом определив скорость движения ленты, Пуль высчитал следующее. Если заклеить отверстия в ленте у самой кромки считывающей головки, изменения вступят в силу спустя пять-семь часов. По сути, он «нарисует» себе раздражители на ближайшее будущее!

Вооружившись микрокистью, он смазал немалый — относительно немалый — участок ленты непрозрачным лаком, обнаружившимся в прилагавшемся к инструменту ремнаборе.

«То есть замазал какие-либо раздражители

примерно на полчаса, — рассудил он. — Минимум тысячу отверстий, что бы они ни означали».

Интересно будет взглянуть, как — если вообще хоть как-нибудь — это скажется на его окружении через шесть часов…

Спустя пять с половиной часов он, сидя за столиком «Крэктера», одного из роскошнейших манхэттенских баров, потягивал скотч с лимонным соком в компании Дэнсмена.

— Неважно выглядите, — заметил Дэнсмен.

— В точности по самочувствию, — буркнул Пуль и, одним махом покончив со скотчем, заказал еще порцию.

— После катастрофы?

— Можно сказать, да.

— Дело в том, что вы… о себе выяснили? — осторожно осведомился Дэнсмен.

Пуль поднял голову, вгляделся в его лицо сквозь окутавший бар полумрак.

— То есть вы в курсе.

— Да, — подтвердил Дэнсмен, — я знаю, что вас следовало бы называть просто «Пуль», не «мистер Пуль»… однако предпочитаю последнее и не намерен отказываться от прежних привычек.

— И давно вам об этом известно? — полюбопытствовал Пуль.

— С тех пор, как вы возглавили компанию. Мне сообщили, что настоящие владельцы «Три-Плана», проживающие в системе Прокси, желают вверить управление делами электрическому муравью — существу, во всем им послушному, но при том энергичному, выдающегося ума…

— Настоящие владельцы? — О таковых Пуль слышал впервые. — У нас две тысячи акционеров. Разбросанных по всей обозримой вселенной.

— Однако пятьдесят один процент голосующих акций принадлежит Марвис Би и ее мужу, Эрнану, с Прокси-четыре. Принадлежит и принадлежал с самого начала.

— Почему этого не знал я?

— Мне было велено вам ни о чем не рассказывать. Вам следовало считать, будто всю политику компании вы определяете сами. С моей помощью. На самом деле я просто скармливал вам указания семейства Би.

— А я, стало быть, ширма. Вывеска, — вздохнул Пуль.

— Да, — кивнул Дэнсмен. — По сути, да. Но для меня вы как были, так и останетесь «мистером Пулем».

Часть дальней стены исчезла, как не бывало. Вместе с ней исчезли полдюжины посетителей

за соседними столиками, а вместе с ними…

Вместе с ними исчез ни много ни мало весь горизонт Нью-Йорк Сити за стеклом огромной витрины с рекламой бара.

— Что с вами? — забеспокоился Дэнсмен, отметив, как Пуль изменился в лице.

— Оглянись вокруг, — разом охрипнув, прошептал тот. — Перемен не замечаешь?

— Нет, — растерянно ответил Дэнсмен, оглядевшись по сторонам. — Каких перемен?

— Горизонт за окном видишь?

— Вижу, конечно. Как всегда, дымкой окутан, огни мерцают…

— Теперь все ясно, — подытожил Пуль, поднимаясь на ноги.

Он оказался прав: каждое из заклеенных отверстий порождало исчезновение какого-либо объекта, какой-либо части окружавшего его мира.

— До встречи, Дэнсмен, — сказал он. — Мне нужно вернуться домой, продолжить кое-какую работу. Всего хорошего.

Выйдя из бара на улицу, Пуль бросил взгляд вправо, влево…

Ни единого кеба!

«И кебы тоже? — подумал Пуль. — Интерес-

но, что я еще закрасил? Проституток? Цветы? Тюрьмы?»

Ага, вон, на стоянке у бара — пиромобиль Дэнсмена.

«Возьму его, — решил Пуль. — Из мира Дэнсмена кебы никуда не делись, так что домой доберется. К тому же машина все равно принадлежит компании: вот, у меня и копия ключа при себе».

Подняв пиромобиль в воздух, он взял курс к дому.

Нью-Йорк Сити на место не возвращался. Справа и слева мелькали машины, здания, улицы, припозднившиеся пешеходы… а посредине — ничего. Пустота.

«И как же туда лететь? — в недоумении подумал Пуль. — Чего доброго, сам исчезну… хотя с чего бы? Э-э, была не была!»

Рассудив так, он решительно направил пиромобиль в пустоту, смоля сигарету за сигаретой, покружил над бездной минут около десяти… и тут в пустоте без единого звука снова возник Нью-Йорк.

Теперь можно и на посадку…

Погасив сигарету — какое бессмысленное расточительство! — Пуль полным ходом погнал

пиромобиль к дому.

«Если наклеить поперек узенькую непрозрачную полоску, — размышлял он, отпирая входную дверь квартиры, — можно…»

Однако, переступив порог, он разом забыл о дальнейших планах. В его кресле посреди гостиной сидела, смотрела по телевизору очередного «капитана Кирка»…

— Сара? — изрядно раздраженный, прорычал Пуль.

Сара с неожиданной для собственной пышности форм грацией поднялась на ноги.

— В клинике вас не оказалось, и я поехала к вам. Ключ вы мне сами дали еще в марте, а после того ужасного спора он так и лежал у меня. Ох, а вид-то, вид у вас!.. — воскликнула она, подойдя ближе и с тревогой взглянув в лицо Пуля. — Травмы? Боли так беспокоят?

— Нет, боли тут ни при чем.

Сняв пальто, галстук, рубашку и, наконец, грудную панель, Пуль опустился на колени и принялся надевать перчатки для работы с прецизионным инструментом, однако, слегка замешкавшись, поднял взгляд.

— Как оказалось, я — электрический муравей, — сообщил он. — Что, если вдуматься, открывает

передо мной определенные возможности. С ними я и хочу разобраться.

Стоило ему шевельнуть пальцами, микроотвертка на дальнем конце левого робоманипулятора, «уолдо», под объективами увеличительной системы пришла в движение.

— Можешь остаться и поглядеть, если желание есть, — бросил Пуль Саре.

Она негромко всхлипнула.

— Что там с тобой? — в ярости зарычал Пуль, не отводя глаз от экрана.

— Как… как грустно все это… Вы были таким хорошим начальником для всех нас, для всего «Три-Плана»! Мы вас так уважали… а теперь… теперь все изменилось…

Вдоль верхней и нижней кромки лавсановой ленты тянулись поля — сплошные, без перфорации. Отрезав от края ленты узенькую горизонтальную полоску, Пуль перевел дух, сосредоточился и рассек ленту поперек, на расстоянии четырех часов от считывающей головки. Затем он, повернув отрезанную полоску под нужным углом к головке, соединил ею края разреза при помощи микроскопического паяльника и вернул ленту в прежнее положение. По сути, в токе его реальности образовался пробел протяженностью

минут около двадцати, и начаться эти двадцать минут, согласно расчетам Пуля, должны были вскоре после полуночи.

— Это вы… сам себя чините? — робко, с запинкой пролепетала Сара.

— Это я освобождаюсь от рабства, — проворчал Пуль.

Идей у него имелось немало, около полудюжины, но для начала следовало проверить собственные предположения. Нет перфорации — нет внешних раздражителей, а в таком случае полное исчезновение ленты…

— Ну и лицо у вас, — испуганно прошептала Сара, сгребая в охапку пальто, сумочку и свернутый в трубку аудиовидеожурнал. — Пойду я, пожалуй… вижу ведь: не ко времени заявилась.

— Постой, — велел Пуль, натянув рубашку. — Посмотрим теперь «капитана Кирка». Помнишь, когда-то, многие годы назад, каналов на телевидении было не то двадцать, не то вообще двадцать два? До того, как правительство прикрыло все независимые?

Сара кивнула.

— Что получится, если электронно-лучевая трубка телевизора отобразит все каналы в один и тот же момент? Сумеем ли мы разобрать хоть

что-нибудь в такой мешанине?

— По-моему, вряд ли.

— Но может, привыкнем со временем? Привыкнем, научимся самостоятельно отсеивать хлам, вычленяя то, что хотели бы видеть? Какие возможности, а? Подумай: если наш мозг сумеет управиться с двадцатью картинками разом, сколько же знаний воспримет он в этот момент! Вот интересно: если мозг, мозг человека…

Но тут Пуль осекся, задумался.

— Нет, — решил он, — человеческому мозгу такое не под силу, а вот квазиорганический мозг, предположительно, мог бы справиться.

— То есть такой, как у вас? — уточнила Сара.

— Именно, — подтвердил Пуль.

Вдвоем досмотрев «капитана Кирка» до конца, они отправились в постель, однако Пуль даже не думал о сне. Опершись спиной о подушки, он курил, хмурился, размышлял, а Сара, устроившаяся рядом, беспокойно ворочалась, не понимая, почему Пуль не гасит свет.

Одиннадцать пятьдесят. Еще немного, и…

— Сара, — заговорил Пуль, — мне нужна твоя помощь. Совсем скоро, считаные минуты спустя, со мной произойдет нечто странное. Надолго не затянется, но все же присмотри за мной повни-

мательнее. Последи, не…

Не находя нужных слов, он неопределенно взмахнул рукой. Хотелось сказать: «Не исчезну ли я», — но от этого Пуль решил воздержаться.

— Словом, следи за любыми переменами. К примеру, не усну ли я, не начну ли вдруг чушь нести. Тебя я, конечно, трогать и не подумаю, однако на всякий случай вооружись. Не помешает. «Глушилка» против уличных грабителей у тебя с собой?

— В сумочке.

Вмиг позабыв о сне, Сара села, со страхом уставилась на Пуля; пухлые, смуглые, сплошь в веснушках, плечи ее заблестели в лучах потолочных ламп.

Пуль подал ей «глушилку» и принял прежнюю позу.

Внезапно все в комнате застыло, замерло без движения, мало-помалу утратило цвет. И мебель, и прочие вещи подернулись рябью, рассеялись, словно дым, растворились в окутавшем комнату мраке.

«Последние раздражители угасают», — сообразил Пуль.

Сощурившись, он едва смог разглядеть Сару Бентон, сидящую рядом, точно плоская, двумер-

ная кукла, и тоже тающую, тающую на глазах. Бесформенные тучи, клубы дематериализованного вещества колыхались, кружили над ее головой, распадались на части, сгущались вновь. Затем тепло, энергия, свет иссякли без остатка; комната схлопнулась, канула в небытие, словно выдернутая из реальности, обернулась пространством без глубины, без объема, и Пуля окутала непроглядная тьма — удушливая, неподатливая, ничуть не похожая на ночную. Казалось, Пуль ослеп… ослеп, и вдобавок оглох.

Протянув вперед руку в попытке нащупать хоть что-нибудь, он обнаружил, что рук у него тоже нет. Вместе со всем мирозданием исчезло и ощущение собственного тела. Впрочем, какая разница? Останься руки на месте, щупать ими все равно нечего…

— Однако насчет принципа действия этой проклятой ленты я оказался прав, — констатировал Пуль, не чувствуя собственных губ, не слыша собственных слов.

«Да, но закончится ли все это спустя десять минут? — подумал он. — Прав ли я и насчет этого?»

Интуиция подсказывала: ощущение времени исчезло вместе со всем остальным. Оставалось одно: терпеть, ждать… и надеяться, что надолго

ожидание не затянется.

Как бы отвлечься и успокоиться?

«Займусь составлением энциклопедии, — подумал он. — Попробую перечислить все, начинающееся на „а“. Так, что тут у нас… арбуз, автомобиль, аксетрон, атмосфера, Атлантика, анчоус, агитация, ажиотаж…»

Мысли неслись вскачь, понятия сыпались сквозь сито сознания одно за другим, но страх не отпускал — напротив, усиливался…

Внезапно тьму разогнал вспыхнувший вокруг свет.

Моргнув, Пуль обнаружил, что лежит на диване в собственной гостиной, а за единственным окном неярко сияет солнце. Над диваном склонились двое… двое с множеством инструментов в руках.

«Ремонтники, — сообразил Пуль. — И давно они со мной возятся?»

— Пришел в себя, — отметил один из техников и, выпрямившись, отступил назад.

Над Пулем, трепеща от волнения, нависла Сара Бентон.

— Слава Богу! — хлюпнув носом, выдохнула она ему в ухо. — Я так испугалась и наконец позвонила мистеру Дэнсмену сообщить о…

— Что произошло? — резко оборвал ее Пуль. — Рассказывай по порядку и не части, Бога ради. Мне нужно усвоить все. Во всех подробностях.

Сара утерла нос, собралась с мыслями и нервно, но достаточно внятно заговорила:

— Вы потеряли сознание. Отключились, вытянулись тут, на диване, как неживой. Я ждала до половины третьего, но вы даже не шевельнулись. Тогда я позвонила мистеру Дэнсмену и, как ни жаль, разбудила его, а он вызвал к вам аварийщиков со станции техобслуживания электрических муравьев… то есть, прошу прощения, органических роби. Прибыли они — вот эти двое — примерно без четверти пять и только что завершили работу. Сейчас шесть пятнадцать утра. Я жутко замерзла и хочу спать. На службу сегодня не выйду: ей-богу, сил нет. Ноги уже не держат.

Отвернувшись, она снова хлюпнула носом. Раздражало это хлюпанье — словами не передать.

— Вы с лентой реальности зачем-то баловались, — осуждающе заметил один из техников в форменных комбинезонах.

— Да, было дело, — подтвердил Пуль. К чему отпираться? Очевидно, сплошную вставку ремонтники уже нашли. — Только отключаться надолго вовсе не собирался. Рассчитывал от силы

минут на десять, а…

— Ваша вставка лентопротяжный механизм вырубила, — пояснил техник. — Застряла под считывателем, и привод автоматически выключился, чтобы лента от натяжения не порвалась. Зачем вообще было ее трогать? Будто не знаете, чем могло кончиться!

— Если честно, точно не знаю, — признался Пуль.

— Но принцип действия-то себе представляете!

— Именно, — ядовито подтвердил Пуль. — Поэтому и решил кое в чем убедиться.

— Ну что ж, любопытство обойдется вам в девяносто пять зелененьких, — подытожил техник. — Можно в рассрочку, если угодно.

— О'кей, — прохрипел Пуль.

С трудом подняв голову, он сел, протер глаза и поморщился. Голова ныла зверски, желудок казался абсолютно пустым.

— В следующий раз утолщения на швах сбрейте, — посоветовал старший из техников. — Тогда не застрянет. Как же вы про «защиту от дурака» не подумали? Что привод наверняка остановится, прежде чем лента…

— А что случится, — негромко, однако настой-

чиво перебил его Пуль, — если под считывающей головкой не окажется ленты? Если ленту убрать вообще? Осветить фотоэлемент целиком?

Техники озадаченно переглянулись.

— Все контакты нейроконтуров разом замкнутся. Закоротят, — ответил один из них.

— И что дальше? — уточнил Пуль.

— Как что? Устройству конец.

— Я разобрался в схеме, — возразил Пуль. — Вольтажа не хватит. Под таким мизерным напряжением металл не расплавится, даже если замкнуть контакты накоротко. Подумайте сами: что такое одна миллионная ватта, поданная на цезиевый канал длиной, дай Бог, в шестнадцатую долю дюйма? Предположим, для каждого момента времени на перфоленте имеется миллиард возможных комбинаций «да-нет». Входная мощность не суммируется: сила тока, подаваемого на контур, зависит от настроек аккумуляторной батареи, а батарея выделяет на его долю — на все каналы скопом — разве что самую малость.

— Мы что ж, врать вам станем? — устало вздохнув, проворчал один из техников.

— А почему бы нет? — хмыкнул Пуль. — Передо мной открылась возможность пережить все. Одновременно. Познать вселенную во всем ее

многообразии, в один миг оглядеть, услышать, почувствовать всю реальность. Человек о подобном не может даже мечтать. Представьте себе такую вневременну`ю симфоническую партитуру, вложенную прямо в мозг: все ноты, все инструменты… и все симфонии разом! Понимаете?

— Так ведь перегорите, — хором буркнули техники.

— Сомневаюсь, — парировал Пуль.

— Мистер Пуль, кофе выпьете? — вмешалась в разговор Сара.

— Да.

Спустив ноги с дивана, Пуль коснулся замерзшими пятками пола, невольно вздрогнул и встал. Все тело ныло.

«Так и продержали всю ночь на диване, — догадался он. — С учетом всех обстоятельств, могли бы и поделикатнее со мной обойтись».

Вскоре Пуль, усевшись за кухонный стол в дальнем углу комнаты, принялся за приготовленный Сарой кофе. Техники к тому времени убрались восвояси.

— Вы ведь больше не станете над собой… экспериментировать? — робко, с надеждой спросила Сара.

— Пожалуй, — проскрежетал Пуль, — неплохо

бы освоить управление временем. Для начала обратить время вспять.

«Вырезать часть ленты, перевернуть и припаять задом наперед. И все причинно-следственные цепочки устремятся в обратную сторону. Как следствие, я спиной вперед спущусь к себе с взлетной площадки на крыше, толчком отворю запертую дверь, все так же, спиной вперед, подойду к раковине, выну оттуда стопку грязных тарелок, усядусь перед нею за стол, наполню каждую извлеченной изо рта, из желудка пищей… а пищу отправлю в холодильник. На следующий день выну ее оттуда, разложу по пакетам, пакеты отнесу в супермаркет, расставлю по полкам, а уходя, получу на кассе полную стоимость принесенного. Далее продукты, вместе со всеми другими упакованные в громадные пластмассовые контейнеры, увезут из города к гидропонным установкам в Атлантике, а там развесят по кустам и деревьям, приладят к тушам забитых на мясо коров и свиней либо вгонят глубоко в землю… Ладно, допустим. И что во всем этом нового? Видеопленка, пущенная от конца к началу… а знать-то я буду не больше, чем знаю сейчас. Нет, этого маловато. Так не пойдет».

Вот вся, какая есть, абсолютная реальность в

одну микросекунду — это куда заманчивее. Что будет после, уже не важно: ведь для него больше не останется ничего неизведанного.

«Но, прежде чем перерезать ленту, надо попробовать еще одну штуку, — решил Пуль. — Пробить в ленте несколько новых отверстий и поглядеть, что из этого выйдет. Интересно… я же не знаю заранее, что они могут значить!»

Вооружившись одной из микроотверток, он наугад пробил в ленте — как можно ближе к считывающей головке, чтобы долго не ждать — еще с полдюжины дырочек.

— Интересно, увидишь ли ты результат, — сказал он Саре. — Насколько я могу судить, нет, но на всякий случай предупреждаю: заметишь что-нибудь новое, необычное — не пугайся.

— О, Господи, — тоненько пискнула Сара.

Пуль устремил взгляд на часы. Прошла минута, другая, третья, и тут…

Посреди комнаты, откуда ни возьмись, возникла стайка черно-зеленых уток. Подгоняемые неодолимым первобытным инстинктом, велящим как можно скорее вырваться из неволи, убраться прочь, утки возбужденно закрякали, захлопали крыльями, роняя перья, взвились к потолку.

— Надо же, утки, — восхитился Пуль. — Какое-то из пробитых отверстий стаю уток к нам привело!

Однако утками дело не ограничилось. Следом посреди комнаты появилась парковая скамейка, а на скамейке — облаченный в лохмотья старик, читающий смятую, надорванную во многих местах газету. Подняв голову, старик окинул Пуля мутноватым взглядом, на миг обнажил в улыбке дешевые вставные зубы скверной работы и снова как ни в чем не бывало уткнулся в сложенную вдвое газету.

— Видишь его? — спросил Пуль Сару. — А уток видишь?

В тот же миг и утки, и бродяга на парковой скамье исчезли — растаяли в воздухе без следа. Интервал, отведенный для них отверстиями, оказался недолог.

— Они ведь ненастоящие? — откликнулась Сара. — Ненастоящие, правда? Откуда им было…

— Ты тоже ненастоящая, — сообщил ей Пуль. — Ты — всего-навсего очередной раздражитель с моей ленты реальности. Дырочка в тонкой полоске лавсана, пустота, которую проще простого заклеить. Интересно, существуешь ли ты еще на одной ленте реальности или в реальности, так

сказать, объективной?

Ответа он, конечно, не знал: откуда бы? Возможно, его не знала и сама Сара. Возможно, она существовала на целой тысяче лент реальности, а может, даже на всех лентах реальности, когда-либо изготовленных производителями электрических муравьев.

— Стоит мне перерезать ленту, — продолжал он, — ты окажешься разом везде и нигде. Как и все прочее во вселенной. По крайней мере, с моей точки зрения.

— Я… я настоящая, — с запинкой пролепетала Сара.

— Мне хочется разобраться в тебе досконально. От и до, — объяснил Пуль. — Для этого ленту нужно обрезать, и я непременно обрежу ее. Не сейчас, так в будущем, но обрежу.

«А если так, зачем медлить? — рассудил он. — К тому же Дэнсмен вполне мог доложить обо всем моему создателю, а тот вполне может как-нибудь мне помешать: в конце концов, я ведь рискую его собственностью… то есть самим собой».

— Из-за вас я уже жалею, что не пошла на службу, — мрачно поджав пухлые губы, сказала Сара.

— Ну так иди, — буркнул он.

— А вас на кого оставить?

— Со мной все будет хорошо, — заверил ее Пуль.

— Ну да, хорошо, как же! Вы же собираетесь отключиться или как там… покончить с собой из-за того, что оказались не человеком, а электрическим муравьем!

— Может, и так, — помолчав, согласился он. — Может, к этому все и сводится.

— И помешать вам я не могу.

— Не можешь, — кивнул Пуль.

— Однако останусь с вами, — непреклонно объявила Сара, — пусть даже не смогу помешать. Если вправду уйти, а вы вправду покончите с собой, придется потом всю жизнь мучиться, думать, как бы все повернулось, останься я с вами… понимаете?

Пуль снова кивнул.

— Ладно, давайте. Действуйте, — сказала Сара.

Он поднялся на ноги.

— Больно мне не будет, — предупредил он. — Не будет, как бы все это ни выглядело со стороны. Помни: болевые ощущения в схемах органических роботов сведены к минимуму. На самом деле я испытаю невероятно интенсивное…

— Хватит, — оборвала его Сара. — Не нужны мне все эти подробности. Делайте, что задумали…

или не делайте, если вдруг расхотелось.

Скованный страхом, Пуль кое-как вставил кисти в перчатки для работы с прецизионным инструментом и вооружился крохотным, тонким скальпелем бритвенной остроты.

— Я собираюсь всего-навсего перерезать ленту, встроенную мне в грудь, только и всего, — сказал он, не сводя глаз с увеличительного экрана.

Скальпель в руке заметно дрожал.

«Секунда, и делу конец, — подумал Пуль. — Все будет кончено… хотя при желании, если вдруг передумаю, разрез вполне можно и запаять. Успею: времени у меня минимум полчаса».

С этими мыслями он полоснул скальпелем по перфорированной полоске лавсана.

— И ничего не произошло, — прошептала сжавшаяся в комок Сара, не сводя с него глаз.

— У меня еще тридцать, а то и сорок минут.

Вынув руки из перчаток, Пуль снова уселся к столу. Дрожь в собственном голосе от него не укрылась… а значит, ее, вне всяких сомнений, заметила и Сара. Сообразив, что встревожил ее, Пуль неожиданно разозлился — разозлился на себя самого.

— Прости, — вопреки всякой логике пожелав извиниться, заговорил он. — Наверное, тебе луч-

ше уйти.

Охваченный нарастающей паникой, он вскочил на ноги, и Сара — машинально, будто подражая ему — поднялась из-за стола тоже. Испугалась она не на шутку: пухлое тело ее дрожало, сотрясалось, как студень.

— Уходи, — глухо велел ей Пуль. — Ступай на службу. Твое место там… как, впрочем, и мое.

«Не смогу, — подумал он. — Не вытерплю. Спаяю ленту немедленно».

Потянувшись к перчаткам, он сунул в раструбы трясущиеся, онемевшие пальцы, устремил взгляд на экран… и увидел, как конец ленты исчезает под краем считывающей головки, озаренной лучом фотоэлектрического элемента.

«Поздно, — с ужасом констатировал он. — Сделанного не воротишь. Ну, Господи, помоги! Катушки завертелись быстрее, чем я думал, а значит, сейчас…»

Перед глазами замелькали яблоки, булыжные мостовые, зебры. В лицо дохнуло теплом, к щеке прильнул гладкий, прохладный шелк, к ногам с тихим плеском, с шипением подкатила морская волна, северный ветер невероятной силы ударил в спину, словно подталкивая к неведомой цели. На миг заполнившие собой все вокруг, Сара с Дэнс-

меном растворились в огнях ночного Нью-Йорка, в тучах бороздящих звездное небо пиромобилей… Ночь… День… Ливни… Сушь… Вкус масла, тающего на языке, увлек за собой лавину самых жутких вкусов и запахов, горечи ядов, лимона, летней травы… Пуль падал, тонул, лежал в объятиях женщины на огромной кровати, застланной белыми простынями и в то же время пронзительно звеневшей, терзавшей уши тревожным сигналом неисправного лифта в одном из древних, обветшавших отелей старого города. «Я живу… жил… не буду жить никогда», — подумал Пуль, и следом за этой мыслью в голову хлынули все слова, все звуки на свете вплоть до жужжания, до шороха лапок бесчисленных насекомых, а сам Пуль наполовину слился с хитросплетением гомеостатической электроники, установленной где-то в лабораториях «Три-Плана».

Тут ему захотелось кое-что сказать Саре, и Пуль раскрыл было рот в попытке произнести определенную фразу, выбрать из необъятной массы слов — ослепляющих, опаляющих разум многозначностью слов — нужные…

Язык и нёбо обожгло, как огнем. Почему?

Замершая в углу Сара Бентон открыла глаза. Из полуоткрытого рта Пуля струился вверх, к по-

толку, синеватый дымок. Еще миг, и роби рухнул на четвереньки, а затем распростерся ничком посреди комнаты, точно кукла-марионетка, отпущенная кукловодом. «Мертв»… даже издали видно: «мертв».

«И вправду покончил с собой, — подумала Сара. — А боли никакой не почувствовал: сам так сказал. Но если и почувствовал, то разве что самую малость. Ладно. Как бы там ни было, ему конец. Надо бы мистеру Дэнсмену позвонить, сообщить обо всем».

По-прежнему дрожа, Сара пересекла комнату, подошла к видеофону, сняла трубку и по памяти набрала номер Дэнсмена.

«Думал, я — один из раздражителей с его ленты реальности, — мысленно ворчала она. — Думал, с его „смертью“ я тоже умру. Странное дело… с чего ему пришли в голову такие фантазии? Он же реального мира не видел ни разу, „жил“ в мире собственном, электронном… вот жуть-то, а?»

— Мистер Дэнсмен, — заговорила она, как только ее соединили с кабинетом Дэнсмена, — Пулю конец. Он покончил с собой… перегорел на моих глазах. Вам бы сюда приехать…

— То есть мы наконец избавились от этого муравья.

— Точно. Ну, не чудесно ли?

— Пришлю за ним пару работников из мастерских, — решил Дэнсмен, бросив взгляд за спину Сары, в сторону Пуля, лежащего ничком возле кухонного стола. — А ты отправляйся домой, отдохни. Должно быть, после такой ночки совсем с ног валишься.

— Уж это точно, — подтвердила Сара. — Спасибо вам, мистер Дэнсмен.

Повесив трубку, она бессмысленно уставилась на погасший экран…

И тут заметила кое-что новенькое.

«Что это у меня с руками? — удивилась она, подняв перед собою ладони. — Почему ладони стали прозрачными?»

И не только ладони — стены комнаты тоже.

Охваченная дрожью, Сара вернулась к лежащему на полу роби, остановилась над безжизненным биоэлектронным телом, не зная, что предпринять. Сквозь ее ноги виднелся ковер, но и рисунок ковра на глазах утрачивал четкость, а основа, и пол под ковром, и бетон перекрытия истончались, исчезали, растворялись в воздухе слой за слоем.

«Может, если срастить, склеить ленту… но как?»

Этого Сара себе даже не представляла. Вдобавок и Пуль почти исчез из виду вместе со всем остальным.

В лицо дунул свежий утренний ветер, но Сара ничего не почувствовала: ощущения, притуплявшиеся с каждой секундой, тоже сошли на нет.

Ветер усиливался.

Сказка о бобре по имени Шоколадерри, которому вечно чего-нибудь не хватало

В давние-давние, незапамятные времена, когда еще не изобретены были деньги, жил да был на свете в скромной хатке у скромной плотины, выстроенной собственными лапами и зубами, некий бобр по фамилии Шоколадерри. Жил он тем, что по поручению заказчиков сгрызал под корень деревья и расчищал кусты, а плату за труд брал покерными фишками полдюжины разных цветов. Больше всех прочих Шоколадерри нравились синие, но доставались они ему крайне редко: такими оплачивались только небывало крупные заказы на валку леса. Долгие годы трудов принесли Шоколадерри всего три синие фишки, однако логика подсказывала, что этим количеством их мировые запасы отнюдь не ограничены, а потому в течение дня он, давая отдых зубам, время от времени ненадолго прерывал работу, наливал себе чашечку растворимого кофе и с головой погружался в размышления о фишках всех цветов, включая синие.

Жена его, Хильда, при любой возможности докучала мужу непрошеными советами.

— Погляди на себя! — обыкновенно начинала она. — Тебе же давным-давно к психиатру сходить пора! Твой запас белых фишек не составит и половины от скопленного Ральфом, и Томом, и Питером, и Бобом, и Джеком, и Эрлом — любым из соседей, трудящихся не покладая зубов, а почему? Да потому, что ты слишком занят пустыми мечтами о своих проклятых синих фишках, хотя все равно никогда их не добудешь, поскольку, вот положа руку на сердце, если хочешь знать чистую правду, тебе не хватает таланта, энергии, огонька!

— «Энергия» и «огонек» в данном случае — одно и то же, — мрачно парировал Шоколадерри… но в глубине души понимал, насколько она права.

В этом-то и состоял главный недостаток его жены: правда всегда, в любом случае оказывалась на ее стороне, тогда как за ним оставалась только пустая болтовня, а правда, выставленная на арену жизни против пустой болтовни, как правило, не оставляет последней ни шанса на выигрыш.

Признав правоту Хильды, Шоколадерри выкопал из личной, строго секретной заначки в потайном месте, на дне неглубокой впадины

под небольшим валуном, восемь белых фишек и отправился в дальний путь, за целые две с тремя четвертями мили от дома, к ближайшему психиатру — разжиревшему, ни на что не пригодному кролику, с виду больше всего напоминавшему кеглю и зашибавшему — если верить его супруге — по пятнадцать тысяч в год — ну да, а что особенного?

— Шикарный нынче денек, — любезно приветствовал его психиатр, доктор Проппади-Пропп, отправив в рот пару пилюль от изжоги и откинувшись на спинку вращающегося кресла с толстенной, мягкой как пух обивкой.

— Чего же тут, черт возьми, шикарного, — возразил Шоколадерри, — когда прекрасно знаешь, что не разживешься еще одной синей фишкой до самой смерти, как ни вкалывай изо дня в день, как ни рви на работе жилы… а чего ради, спрашивается? Она же все спускает куда быстрее, чем я зарабатываю! Пусть даже я заполучу в зубы синюю фишку — дня не пройдет, как она будет истрачена на первый из ежемесячных платежей за какую-нибудь дорогущую безделушку вроде самозаряжающегося фонарика мощностью в двенадцать миллионов свечей… с пожизненной гарантией!

— Чертовски шикарная штука эти, как вы сказали… эти самозаряжающиеся фонарики, — заметил доктор Проппади-Пропп.

— Я и к вам пришел только потому, что жена заставила, — признался Шоколадерри. — Она ведь мной вертит, как хочет. К примеру, скажет: выплыви, дескать, на середину протоки да утопись… и знаете, что я сделаю?

— Взбунтуетесь, — предположил доктор Проппади-Пропп, закинув задние лапы на стол из капа ореха.

— Я ее пну прямо в мерзкую рожу, — прорычал Шоколадерри. — В клочья порву, перегрызу надвое, поперек брюха! Правы вы, доктор, чертовски правы. Ну, то есть это не шутки, а факт. Я ее ненавижу.

— А насколько ваша супруга похожа на вашу матушку? — полюбопытствовал кролик.

— Матери я не помню вообще, — сварливо — то есть в обычном, по словам Хильды, для себя тоне — ответил Шоколадерри. — Младенцем меня выловили из болота Напа, плывшего по течению в коробке из-под ботинок с запиской «КТО НАШЕЛ, ТОТ И ХОЗЯИН», нацарапанной от руки.

— Что именно вам снилось в последний раз? — осведомился доктор Проппади-Пропп.

— То же самое, что и всегда, — проворчал Шоколадерри. — Каждую ночь мне снится, будто я покупаю в аптеке двухцентовую мятную лепешку в шоколадной глазури — самую обыкновенную, вроде медальки в обертке из зеленой фольги, а развернув ее, вижу: никакая внутри не лепешка, а… а знаете, что?

— Полагаю, вы меня просветите, — ответил доктор, причем таким тоном, будто прекрасно знал, о чем речь, но являть чудеса прозорливости бесплатно вовсе не собирался.

— Синяя фишка, — горячо выпалил Шоколадерри. — Вернее, на вид — в точности синяя фишка. Плоская, круглая, того самого цвета, и размер тот же. Однако во сне я каждый раз думаю: «Может, это просто мятная лепешка в синей глазури»… ну, бывают же на свете и такие, наверняка! После подобных мыслей мне жуть как не хочется прятать ее в строго секретный тайник на дне неглубокой впадины, под самым обычным на вид валуном, но куда деваться? А потом, понимаете, начинаются жаркие дни, и я, явившись за синей фишкой — то есть якобы синей фишкой — вижу: растаяла она на жаре безнадежно, потому что в итоге действительно оказалась не синей фишкой, а мятной лепешкой. И кому, спрашивается, иск

предъявлять? Изготовителю? Господи, так он и не думал утверждать, будто внутри синяя фишка: во сне на обертке из зеленой фольги ясно сказано…

— По-моему, — мягко оборвал его доктор Проппади-Пропп, — время приема вышло. Углубленным исследованием данного аспекта вашей психики мы вполне можем заняться на следующей неделе: полагаю, он приведет нас к чему-то конкретному.

— Но вы, доктор, хотя бы скажите, что со мной не так, — потребовал Шоколадерри, поднимаясь на ноги. — Мне ответ нужен. Можете быть откровенны, говорить прямо… скажите: я псих?

— Н-ну, — выдержав внушительную паузу, промычал доктор Проппади-Пропп, — иллюзии налицо, но нет, вы вовсе не псих: вам ведь голос Христа или еще кого-то подобного в голове не велит отправляться на улицу и насиловать всех, кто под руку подвернется! Нет, у вас просто иллюзии — насчет самого себя, работы, жены… а может быть, и не только. Всего хорошего.

Тоже встав с кресла, он мячиком поскакал к выходу из кабинета и учтиво, но непреклонно распахнул дверь. За дверью темнел туннель, ведущий из кроличьей норки наружу.

Тут Шоколадерри почему-то почувствовал себя

обжуленным: казалось бы, он только разговорился, и вот, пожалуйста, уже уходить пора!

— Ручаюсь, вы, мозгоправы, синие фишки лопатой гребете. Надо, ох, надо было самому поступить в колледж, выучиться на психиатра и потом всю жизнь не знать ни горя, ни заботы… ну, кроме Хильды: она-то, наверное, осталась бы прежней и никуда от меня не делась.

На это у доктора Проппади-Проппа ответа не нашлось, и Шоколадерри, мрачный как туча, отправился назад, за четыре мили к северу, туда, где в данный момент трудился над громадным осокорем, росшим у берега Пэйпермилл-крик, и с остервенением вонзил зубы в ствол дерева у самых корней, воображая, будто этот злосчастный осокорь — своего рода сизигия, совокупность доктора Проппади-Проппа и Хильды.

Почти в тот же самый момент из-за кипарисовой рощи неподалеку стремительно вылетел, уселся на ветку раскачивавшегося под натиском Шоколадерри осокоря нарядный, лоснящийся дикий голубь.

— Письмецо вам сегодня, — сообщил голубь, выпустив из клюва конверт, спланировавший на землю точно к задним лапам Шоколадерри. — Письмецо, да не простое, доставлено авиапочтой.

Любопытно. Я поглядел на просвет: писано от руки, не на машинке… а почерк, кажется, женский.

Шоколадерри ловко вспорол конверт острыми передними резцами. Ясное дело, почтовый голубь оказался полностью прав: вот она, рукописная весточка от какой-то незнакомой дамы. Совсем коротенькое, письмо незнакомки гласило:

Дорогой мистер Шоколадерри!
Я люблю вас.
Искренне ваша, всем сердцем надеющаяся на ответ,
Джейн Хрупкинс-Юбкинс

Ни о какой Джейн Хрупкинс-Юбкинс Шоколадерри в жизни не слыхивал. Повертев письмецо в руках, он не нашел никаких приписок, принюхавшись, почуял — или ему показалось, будто почуял — слабый, едва уловимый, дымчатый аромат духов. Однако на оборотной стороне конверта нашлось еще кое-что интересное — обратный адрес, также начертанный рукой Джейн Хрупкинс-Юбкинс… да, кстати, мисс или миссис?

Все это взволновало Шоколадерри — словами не передать.

— Ну и как? Прав я, а? — полюбопытствовал почтовый голубь с ветки над головой.

— Нет, — соврал Шоколадерри. — Это счет, только написанный так, чтобы на личное письмо было похоже.

Опустив взгляд, он сделал вид, будто вновь принялся подтачивать осокорь. Обманутый голубь, чуточку подождав, захлопал крыльями, взвился ввысь и вскоре исчез из виду.

Мгновенно бросив грызть осокорь, Шоколадерри уселся на поросшую травой кочку, извлек из кармана любимую черепаховую табакерку, зарядил ноздри доброй понюшкой любимой смеси нюхательного табака, «Миссис Сиддон» номер третий пополам с четвертым, и в самой глубокой, изощренной манере задумался, забыть ли (а) о письмеце Джейн Хрупкинс-Юбкинс, попросту сделав вид, будто не получал ничего подобного, или же (бэ) ответить, и если (бэ), то как — в добродушно-насмешливом (бэ-один) тоне; или, может (бэ-два), многозначительной стихотворной цитатой из «Антологии мировой поэзии» Унтермайера плюс несколько намекающих на чувствительность, деликатность натуры замечаний собственного сочинения; или, может быть, даже (бэ-три) без проволочек взять быка за рога, написав нечто вроде:

Дорогая мисс (миссис?) Хрупкинс!

В ответ на ваше письмо спешу сообщить, что тоже люблю вас, а в брачном союзе с женщиной, которую не люблю и, говоря откровенно, никогда не любил, крайне несчастлив, и, кроме того, изрядно угнетен недовольством нынешней своей работой, в каковой давно не вижу никаких перспектив, и даже пытался советоваться с доктором Проппади-Проппом, но он, если уж начистоту, оказался совершенно бессилен помочь мне, хотя его вины в этом, по всей вероятности, нет: тут дело в серьезности моих эмоциональных расстройств. Возможно, мы с вами могли бы встретиться в ближайшем будущем, обсудить и ваше, и мое положение и вместе достичь какого-либо прогресса.

Искренне ваш,

Боб Шоколадерри (кстати, зовите меня просто Бобом, о'кей? А я буду звать вас Джейн, если вы, конечно, не против).

Но тут ему пришла в голову мысль о проблеме, заключенной во вполне очевидном факте: ведь Хильда, пронюхав обо всем, непременно сотво-

рит нечто ужасное — что именно, он себе даже не представлял, однако вмиг приуныл — так сказать, авансом. Вдобавок, данной проблеме сопутствовала вторая, пусть не настолько серьезная, но тоже нешуточная: откуда ему знать, полюбит ли он, проникнется ли ответной симпатией к мисс (или миссис) Хрупкинс? Очевидно, она откуда-то — бог весть откуда — знает его лично либо слышала о нем от кого-то из общих друзей… и, как бы там ни было, в собственных чувствах и намерениях на его счет, похоже, уверена, а остальное, пожалуй, не столь уж важно.

Сложившееся положение угнетало. Почему? Так ведь еще неизвестно, поможет ли все это изжить тоску, избавиться от невзгод или, наоборот, только усугубит невзгоды, придав им новое направление!

Сидя на кочке, щепоть за щепотью отправляя в ноздри нюхательный табак, Шоколадерри всесторонне обдумал множество разных альтернатив, включая самоубийство — уж очень хорошо оно соответствовало драматическому характеру письма от мисс Хрупкинс.

Под вечер, вернувшись домой, усталый, начисто потерявший желание валить деревья, он наскоро поужинал и заперся в кабинете от всего

мира, а главное, от Хильды: быть может, так жена не догадается, что у него на уме. Водрузив на стол портативную пишущую машинку «Гермес», он вставил в каретку лист чистой бумаги и после долгих душевных метаний принялся за ответ на письмо мисс Хрупкинс.

Но стоило ему, сняв руки с клавиш, откинуться на спинку кресла и с головой уйти в размышления, в запертый кабинет вломилась жена Хильда. Детали замка, щепки, дверные петли вместе с шурупами брызнули во все стороны.

— Чем это ты тут занят? — загремела Хильда. — Опять над машинкой, «Гермесом» своим разлюбезным, сгорбился, надулся, будто жук какой! Посмотри на себя: точь-в-точь мерзкий засохший паук… и так каждый вечер, каждый вечер!

— Я составляю письмо в головное отделение библиотеки, — ледяным тоном, с достоинством отвечал Шоколадерри. — По поводу честно и в срок возвращенной книги, которую я им якобы не вернул.

— Врешь! — в яростном исступлении зарычала его жена, Хильда, взглянув на бумагу и разглядев первые строки письма. — Что это за мисс Хрупкинс-Юбкинс? Зачем это ты ей пишешь?

— Мисс Хрупкинс-Юбкинс — сотрудница библиотеки, разбирающаяся с моим делом, — с немалой находчивостью пояснил Шоколадерри.

— Да-да, конечно! Только я, видишь ли, точно знаю: вранье это все! — объявила жена. — Потому что сама написала это фальшивое надушенное письмо, чтоб тебя испытать… и оказалась права. Ты ответ писать взялся: я сразу же поняла, как только услышала из-за двери это «клац-клац»! Дверь запер, уселся, застучал на своей мерзкой грошовой машинке, что дятел! Вот я сейчас!..

Подхватив машинку вместе с письмом, жена Шоколадерри швырнула злосчастный «Гермес» за окно кабинета, в ночную темень.

— Насколько я могу судить, — слегка оправившись, заговорил Шоколадерри, — мисс Хрупкинс на свете не существует, а значит, вооружаться фонариком и искать за окном мой «Гермес» — если от такового хоть что-то осталось — дабы закончить письмо, смысла нет. Я ведь не ошибаюсь?

Жена глумливо усмехнулась, но до ответа не снизошла и твердым шагом покинула кабинет, оставив Шоколадерри наедине с собственными суждениями и жестянкой нюхательного табака «Босвелл» высшего сорта, слишком слабенького для подобных оказий.

«Ну что ж, — подумалось Шоколадерри, — в таком случае от Хильды мне, видимо, не избавиться до самой смерти. Интересно, однако ж, какой оказалась бы мисс Хрупкинс, существуй она на самом деле? И, кстати, пускай моя жена ее выдумала, но ведь где-нибудь на белом свете наверняка найдется особа, если не точно такая же, то хотя бы похожая на мисс Хрупкинс, какой я ее себе представляю… вернее, представлял, пока не узнал о Хильдиной выдумке. В конце концов, не может же моя супружница, Хильда, выдумать всех мисс Хрупкинс до одной», — с мрачной решимостью рассудил он.

Назавтра, отправившись на работу и оставшись один возле наполовину подточенного осокоря, Шоколадерри вынул из кармана блокнотик с огрызком карандаша, а также конверт с маркой, который ухитрился тайком от Хильды вынести за порог, и поудобнее уселся на кочку. Сосредоточенно заряжая нос крохотными щепотками «Безоара тонкого помола», он как можно разборчивее, чтобы проще было прочесть, написал на страничке блокнота:

Любому, кто это прочтет!
Пишет вам Боб Шоколадерри, моло-

дой, вполне крепкий здоровьем бобр с обширными познаниями в области политологии и богословия, хотя большую часть их я, увы, постигал самоучкой. Мне хотелось бы побеседовать с вами о Господе, о Смысле Бытия и прочих предметах подобного сорта. Или, если угодно, в шахматишки можно сыграть.

Искренне ваш…

Подписавшись, он поразмыслил, заправил в ноздрю титанической величины щепотку «Безоара тонкого помола» и добавил внизу:

P.S.: Вы, случайно, не девушка? Если да, то, готов поручиться, очень, очень красивая!

Свернув листок вчетверо, он спрятал послание в почти опустевшую жестянку из-под нюхательного табака, старательно обмотал ее липкой лентой и пустил вниз по ручью, приблизительно в направлении северо-запада.

Спустя дней пять Шоколадерри — к неописуемому своему восторгу — углядел в ручье еще одну жестянку из-под нюхательного табака, не ту, которую отправил в плаванье сам, неторопливо

плывущую вверх по течению приблизительно в направлении юго-востока.

Дорогой мистер Шоколадерри! (Так начиналась вложенная в жестянку записка).

Дружбы я, кроме сестры с братом, ни с кем не вожу, и если вы не из тех козлов, в которых здесь, пока я жила в Мадриде, превратились все поголовно, мне, разумеется, очень хотелось бы с вами встретиться.

Имелся в ответном послании и постскриптум:

> *P.S.: По-моему, вы очень умны, опрятны и, готова ручаться, великолепно разбираетесь в дзен-буддизме.*

Подпись оказалась не слишком разборчивой, но, предприняв некоторые усилия, Шоколадерри разобрал и имя, и фамилию: Кэрол Липкопятто.

В ответ он незамедлительно написал следующее:

> *Дорогая мисс (миссис?) Липкопятто!*
>
> *Скажите, вы настоящая, или просто новая выдумка моей жены? Этот вопрос необходимо разъяснить как можно скорее, поскольку теперь я, однажды купившись на ее фокусы, вынужден посто-*

янно держаться начеку.

Обмотанная липкой лентой, жестянка из-под нюхательного табака с запиской внутри взяла курс на северо-запад.

Ответ, прибывший назавтра в жестянке из-под смеси «Жираф № 5», направлявшейся к юго-востоку, оказался весьма лаконичным:

Мистер Шоколадерри!

Посчитав меня плодом извращенной фантазии вашей супруги, вы безвозвратно упустите ни много ни мало всю свою жизнь.

С совершеннейшим к вам почтением,
КЭРОЛ

«Что ж, довод — серьезнее некуда, — подумал Шоколадерри, прочитав и перечитав записку. — Хотя, надо заметить, практически так же мог бы ответить и плод извращенной фантазии моей жены, Хильды… и к чему мы, спрашивается, пришли?»

Дорогая мисс Липкопятто!

(Так написал он в ответ.)

Я люблю вас и верю вам. Однако на

всякий случай, для полного моего спокойствия, не могли бы вы переслать мне отдельным пакетом (можно, если желаете, наложенным платежом) какой-либо предмет – мелочь, вещицу, не оставляющую места разумным сомнениям в вашей личности, если я не прошу слишком многого? Будьте добры, постарайтесь войти в мое положение! Уж очень я опасаюсь второй ошибки наподобие той катастрофы с мисс Хрупкинс-Юбкинс, так как на сей раз наверняка вместе с «Гермесом» вылечу за окошко сам.

Обожающий вас… и т. д.

Отправив это послание вниз по ручью, на северо-запад, он принялся с нетерпением дожидаться ответа. Однако в ожидании ему еще следовало — по настоянию Хильды — снова наведаться к доктору Проппади-Проппу.

— Ну, и как там у вас, возле ручья, делишки? — в благодушной, располагающей манере осведомился доктор Проппади-Пропп, закинув на стол длиннющие мохнатые задние лапы.

«А почему бы не поговорить с психиатром честно и откровенно? — внезапно подумалось

Шоколадерри. — Что я теряю, рассказав доктору обо всем? Ему и платят за то, чтобы выслушивал правду во всех подробностях — хоть возвышенных, хоть неприглядных!»

— Я полюбил Кэрол Липкопятто, — признался он. — Полюбил, но в то же время, хотя любовь моя абсолютна и вечна, меня терзает неотвязное беспокойство, страх перед тем, что она окажется плодом извращенной фантазии моей жены, выдумкой наподобие мисс Хрупкинс-Юбкинс, приманкой, подброшенной Хильдой, чтобы я раскрылся, явил ей свою истинную сущность, которую нужно прятать, сдерживать любой ценой, поскольку… Поскольку, если моя истинная сущность вырвется на свободу, я ж до беспамятства ее, тварь мерзкую, отлупцую!

— Хм-м-м, — только и смог вымолвить доктор Проппади-Пропп.

— И с вас за компанию тоже всю шкуру спущу, — добавил Шоколадерри, вываливая наружу разом всю корзину накопившейся на сердце неприязни.

— То есть вы не доверяете никому? — уточнил доктор. — Отчуждены от всего человечества? Свернули на жизненный путь, исподволь, тихой сапой уводящий в полную изоляцию? Не спешите

с ответом, подумайте. Ответ вполне может оказаться положительным, а это, знаете ли, крайне, крайне тревожный звоночек!

— От Кэрол Липкопятто я вовсе не изолируюсь, — горячо возразил Шоколадерри. — В этом-то вся и суть: я стараюсь покончить с изоляцией. Вот когда мои мысли были заняты только синими фишками, я и впрямь жил в отчуждении, а продолжение знакомства с мисс Липкопятто может положить конец всему дурному в моей жизни, повернуть ее к лучшему, и если вы действительно хоть самую малость во мне разбираетесь, то радоваться должны, что в тот день я додумался пустить по ручью ту жестянку из-под нюхательного табака. Просто прыгать должны от радости, — закончил он, смерив длинноухого доктора мрачным, многозначительным взглядом.

— Между прочим, мисс Липкопятто — моя бывшая пациентка, — заметил доктор Проппади-Пропп. — В Мадриде ей так сорвало резьбу, что ее пришлось везти домой в чемодане. Согласен, она весьма привлекательна, но у нее столько эмоциональных проблем… и вдобавок левая грудь больше правой.

— Однако вы признаете, что она настоящая?! — в восторге от неожиданного откровения вскричал

Шоколадерри.

— О да, вполне настоящая, с этим я соглашусь, но как бы вам не обнаружить, что овчинка не стоит выделки… как бы еще о разрыве с Хильдой не пожалеть. Куда могут завести отношения с Кэрол Липкопятто, не скажет наверняка никто, кроме, разве что, Господа Бога. Включая саму Кэрол.

Все это казалось чертовски заманчивым, и к практически поваленному осокорю на берегу ручья Шоколадерри вернулся в самом прекрасном расположении духа. Если верить стрелкам водонепроницаемого «Ролекса» на запястье, время едва подошло к десяти тридцати, а значит, у него в запасе почти весь день — целый день на раздумья о дальнейших планах. Теперь, убедившись, что Кэрол Липкопятто не выдумана женой, чтобы еще раз подловить его на горячем, за дело можно взяться всерьез.

Неизведанных мест на побережье ручья хватало, и Шоколадерри благодаря роду занятий знал эти места как собственные пять пальцев. До того, как настанет время явиться домой, к Хильде, еще добрых шесть, а то и семь часов… почему бы, временно отложив дела с осокорем, не начать спешное строительство небольшой, но уютной хатки для себя с Кэрол, укрытой от всего мира

там, где ее никто не отыщет, не опознает и даже не заметит со стороны? Пора действовать: время для размышлений прошло!

Ближе к концу дня, целиком поглощенный работой, обустройством небольшой, но уютной хатки в укромном месте, Шоколадерри углядел на середине ручья плывущую к юго-востоку жестянку из-под «Настоятельского Личного». Подняв высоченную волну, он прыгнул в воду и погреб за жестянкой, пока не уплыла.

Содрав с коробочки липкую ленту и подняв крышку, он обнаружил внутри нечто завернутое в салфетку и записку, с очевидным сарказмом гласившую:

Вот вам доказательство.

В салфеточном свертке лежали три синие фишки.

Целый час с лишним Шоколадерри грыз, точил дерево, почти не чувствуя собственных зубов — настолько его потрясло доказательство подлинности Кэрол, залог верности ему и всему, что он олицетворял. Будто в беспамятстве, Шоколадерри перекусывал ветви старого дуба одну за другой, расшвыривая листву во все стороны. Всем его существом овладело странное, непривычное

исступление. Он отыскал, отыскал себе подходящую пару, сумел ускользнуть от Хильды: вот, путь открыт, осталось только пройти… вернее, проплыть его до конца.

Связав обрывком бечевки с полдюжины пустых жестянок из-под нюхательного табака, он бросил их в ручей и нырнул следом. Связка жестянок поплыла примерно на северо-запад, и Шоколадерри, шумно сопя в предвкушении скорой встречи, погреб за ней следом, ни на миг не упуская жестянок из виду. Под мерные взмахи лап в голове его складывалось рифмованное четверостишие по случаю долгожданного личного знакомства с Кэрол:

Порой в любви клянутся смело.
В отличие от слов иных,
Мои-то – докажу я делом —
Весомы, искренни, верны.

Какое дело имелось в виду, он себе даже не представлял, однако много ли подходящих по смыслу слов рифмуются со «смело»?

Между тем связка жестянок из-под нюхательного табака вела, вела его за собой к мисс Кэрол Липкопятто. К блаженству. Поначалу Шоколадерри твердо верил, что надежды его не напрасны,

но чем дальше он плыл, тем чаще вспоминались ему нарочито небрежные замечания доктора Проппади-Проппа. Понемногу семена неуверенности, зароненные в душу профессиональным психиатром, начали пробиваться наружу. Хватит ли ему — ему, Шоколадерри, не доктору Проппади-Проппу! — мужества, сил, стойкости, а главное, самоотверженности, чтобы сладить с Кэрол, если Проппади-Пропп не соврал и у нее вправду серьезные проблемы с психикой? Вдруг Проппади-Пропп прав? Вдруг Кэрол окажется куда вздорнее, зловреднее Хильды — Хильды, вышвырнувшей в окно его портативную пишущую машинку «Гермес», не говоря о прочих выходках на грани буйного помешательства?

С головой погрузившись в раздумья, Шоколадерри не сразу заметил, что связка жестянок из-под нюхательного табака замерла, вынесенная на прибрежное мелководье. Машинально свернув к ней, он выбрался из ручья… и остолбенел.

Прямо перед ним, невдалеке от воды, возвышался скромный, но симпатичный домик с расписанными вручную ставнями на окнах и абстрактной подвеской из всякой всячины, лениво покачивавшейся над дверьми, а возле дверей…

Возле дверей, на парадном крыльце, сидела,

насухо вытирая волосы белоснежным махровым полотенцем, Кэрол Липкопятто собственной персоной.

— Я люблю тебя, — пролепетал Шоколадерри, отряхнувшись от воды, и, сам не свой от сдерживаемого волнения, смущенно переступил с ноги на ногу.

Кэрол Липкопятто подняла голову, смерила его оценивающим взглядом. Ее густые длинные волосы поблескивали в лучах заходящего солнца, огромные карие глаза сводили с ума красотой.

— Надеюсь, ты принес назад те три синие фишки? — спросила она. — Я, понимаешь ли, одолжила их там, где работаю, и должна непременно вернуть. Рискованный жест, но ведь ты так нуждался в гарантии… Похоже, совсем достали тебя козлы вроде этого мозгоправа, Проппади-Проппа… вот уж козел из козлов, хуже некуда! Выпьешь чашечку кофе? Растворимый, «Юбан».

— Думаю, ты слышала, с чего я начал, — заговорил Шоколадерри, войдя следом за ней в скромную, небольшую гостиную. — Так знай: я серьезен как никогда в жизни. И вправду люблю тебя в самой серьезной манере. И вовсе не ищу чего-либо банального, случайного, временного: мне нужны самые прочные, серьезнейшие отно-

шения, какие только возможны. Дай только Бог, чтоб с твоей стороны все это оказалось не шуткой: ведь я в жизни не принимал так близко к сердцу ничто, даже синие фишки. Если для тебя наша встреча — просто забава или еще что-то вроде, милосердней всего покончить с нею сейчас же, так напрямик и сказав. Представь, как обидно, как больно, оставив жену, начав новую жизнь, узнать, что…

— Этот козел, докторишка, упоминал о моем увлечении живописью? — спросила Кэрол Липкопятто из скромной кухоньки, водрузив на плиту кастрюльку с водой и запалив под нею горелку при помощи старомодной длиннющей спички.

— Нет. Сказал только, что тебя в Мадриде шизой накрыло, — ответил Шоколадерри.

Усевшись за небольшой стол из некрашеных досок напротив плиты, он с любовью в сердце глядел, глядел, как мисс Липкопятто сыплет растворимый кофе на дно пары керамических кружек, расписанных замысловатыми спиралями в патафизическом[44] духе.

---

[44] Примечания: 44

Патафизика — пародийная философская система, «наука о предмете, дополняющем метафизику», зародившаяся на рубеже XIX–XX вв., а затем подхваченная и развитая рядом видных деятелей искусства — сюрреалистов, абсурдистов и т. д.

— Ну, а в дзен-буддизме ты разбираешься? — продолжила мисс Липкопятто.

— Не особенно, — признался Шоколадерри. — Читал только о коанах — своего рода загадках, на которые полагается подыскивать ответы, совершенно бессмысленные, поскольку сам вопрос изначально идиотский… к примеру: «Зачем мы здесь, на земле?» — и так далее.

Оставалось только надеяться, что он нигде не напутал, а значит, смог сделать вид, будто действительно хоть немного, да разбирается в дзен-буддизме, как и упоминалось в первом ее письме. И тут Шоколадерри пришел в голову замечательный, совершенно в дзенском духе, ответ на ее вопрос.

— По сути, — продолжил он, — дзен есть законченная философская система, состоящая из вопросов на все ответы, имеющиеся во вселенной. Допустим, если у тебя есть ответ «да», в дзене наверняка найдется точно соответствующий ему вопрос… например: должны ли мы гибнуть в угоду Творцу, радующемуся погибели собственных творений? Хотя на самом деле, если как следует вдуматься, вопрос, с точки зрения дзен подходящий к нашему ответу, лучше всего, будет скорее таким: вправду ли мы здесь, на кухне,

собираемся пить растворимый кофе «Юбан»? Верно я говорю?

Мисс Липкопятто ничего не ответила.

— Впрочем, — зачастил Шоколадерри, — пожалуй, знающий дзен-буддист сказал бы, что в действительности ответ «да» есть ответ вот на этот самый вопрос: «Верно я говорю?» В этом и состоит одно из величайших достоинств дзен-буддизма: в нем можно подыскать множество вопросов, подходящих практически для любого ответа, какой ни возьми.

— Ну и дерьма же у тебя в голове, — презрительно хмыкнув, бросила мисс Липкопятто.

— Вот видишь? Это и подтверждает, что я разбираюсь в дзене. Или же то, что в нем совершенно не разбираешься ты, — заявил Шоколадерри, чуточку уязвленный.

— Может быть, ты и прав, — рассудила она. — По крайней мере, насчет моего невежества по поводу дзен-буддизма. Действительно, я совершенно в нем не разбираюсь.

— И это очень по-дзенски, — заметил Шоколадерри. — А я разбираюсь. И это тоже по-дзенски. Теперь понимаешь?

— Пей кофе, — сказала мисс Липкопятто, водрузив на стол кружки, доверху полные исходящего

паром кофе, и усевшись напротив.

Помолчав, она улыбнулась. Сопровождавшаяся вопросительным, слегка озадаченным, слегка удивленным, слегка тревожным взглядом, ее забавная, немного застенчивая, исполненная света и нежности улыбка казалась просто прекрасной, ну а глаза… Положа руку на сердце, таких завораживающих, темно-карих, поразительной величины глаз Шоколадерри не видел никогда в жизни и в эту минуту полюбил мисс Липкопятто крепче прежнего — всем сердцем, не просто так, на словах.

— Видишь ли, — заговорил он, глотнув кофе, — я вроде как женат. Формально женат, но от жены ушел и сейчас строю хатку в одном месте, возле ручья, где обычно никто не бывает. Хатку… ну да, хатку. Это я так выражаюсь, чтобы у тебя не создалось ложного впечатления, будто там целая усадьба, однако выстроена она будет на славу. В чем в чем, а в своем ремесле я мастер — без хвастовства говорю, не затем, чтоб пыли в глаза напустить, а просто потому, что это святая правда. Уверен, наши с тобой нужды я обеспечу. А хочешь, можно и здесь жить.

С этими словами Шоколадерри оглядел скромное жилище мисс Липкопятто. Как аскетически,

однако со вкусом обставлено! Определенно ему здесь нравилось: все вокруг внушало покой, от былых треволнений не осталось даже помину… впервые за многие, многие годы!

— Странная у тебя аура, — заметила мисс Липкопятто. — Мягкая, пушистая, темно-сиреневая. Мне нравится… только прежде я ничего подобного не встречала. Ты, случайно, не увлекаешься макетами железных дорог? Любителю мастерить игрушечные паровозики с рельсами такая аура как раз подойдет.

— Смастерить я могу почти все, что захочешь, — заверил ее Шоколадерри. — Слава богу, зубы и лапы на месте… и голова тоже! Вот, слушай. Для тебя сочинил.

Сложенное им в дороге четверостишие мисс Липкопятто выслушала со всем возможным вниманием.

— В этих стихах, — решила она, как только Шоколадерри замолчал, — чувствуется у-вэй. «У-вэй» — по-японски, а может, по-китайски — означает… — Замявшись, мисс Липкопятто с досадой взмахнула рукой. — Ну, сам понимаешь. Простоту сродни безыскусности рисунков Пауля Клее. Хотя ничего хорошего в этом нет. Скорее наоборот.

— Я сочинил это, — сварливо уточнил Шоколадерри, — в дороге, пока плыл по ручью за связкой жестянок из-под нюхательного табака. Чисто спонтанно. Экспромтом. Уединившись взаперти, в кабинете, за моим любимым «Гермесом», могу сочинять куда лучше… если, конечно, Хильда в дверь не колотит. Понимаешь, за что я терпеть ее не могу? Из-за ее навязчивых, садистских вторжений для творчества у меня остается разве что время ленча да еще пока куда-то плыву. Одна эта сторона нашей семейной жизни уже полностью объясняет, почему мне пришлось порвать с ней и разыскать тебя. Отношения с личностью твоего склада позволят творить на совершенно, совершенно новом уровне — так, что синие фишки посыплются из ушей! И, кстати, мне больше не придется растрачивать драгоценное время на консультации у доктора Проппади-Проппа… козла из козлов, тут ты абсолютно права.

— «Синие фишки»! — скривившись от отвращения, передразнила его мисс Липкопятто. — Это и есть твой новый уровень? Ну и стремления… под стать оптовику, торгующему сухофруктами! Забудь о синих фишках: ради этого не стоит бросать жену. Что толку уходить от нее, забрав с собой старую систему ценностей? Ты же усвоил, впитал

все ее поучения и попросту унесешь их на шаг дальше. Возьми другой, совсем новый курс, и все будет в порядке.

— Новый курс? Вроде дзен-буддизма? — уточнил Шоколадерри.

— Дзен для тебя просто забава. Действительно вникнув в него, ты ни за что не явился бы сюда в ответ на мое письмо. Личностей совершенных на свете нет. Ни для тебя, ни для кого-либо другого. Со мной тебе будет нисколько не лучше, чем с женой: все свои беды ты носишь в собственной голове.

— С этим я до определенной степени согласен, — до определенной степени согласился с ней Шоколадерри, — однако жена уж очень усугубляет их. Возможно, рядом с тобой они полностью не исчезнут, но хотя бы поблекнут. Хуже, чем сейчас, просто не может быть. Ты ведь, по крайней мере, не станешь всякий раз, разозлившись на меня, вышвыривать за окно мой «Гермес» и вдобавок, возможно, не будешь злиться на меня круглые сутки, и день и ночь, как она! Тебе этого в голову не приходило? Ну, так знай… мотай, как говорится, на ус.

Очевидно, все эти рассуждения не пропали даром: мисс Липкопятто кивнула, по крайней

мере, отчасти признавая его правоту.

— Ладно, — выдержав паузу, с внезапным блеском в огромных, невыразимо прекрасных карих глазах решила она. — Давай попробуем. Если тебе по силам — возможно, впервые в жизни — прекратить навязчивую болтовню, я сделаю с тобой, ради тебя, то, что следует. То, чего никогда не смог бы сделать ты сам. Согласен? Выкладывать все как есть?

— Как-то странно ты начала выражаться, — со смесью тревоги и изумления пролепетал Шоколадерри… и замер в благоговейном ужасе.

Мисс Липкопятто на глазах изменилась, да как ощутимо! Под немигающим взглядом Шоколадерри ее красота, до сего момента казавшаяся высшим проявлением красоты, достигла новых высот. Все, что он видел, предвкушал, воображал, рассеялось без остатка, кануло в реку забвения, в прошлое, за пределы его сознания, сменившись новой красотой, красотой высшего порядка, непредставимо, невообразимо превосходящей прежнюю, оставившей былое далеко-далеко позади.

Одним словом, мисс Липкопятто обернулась несколькими особами разом, прочно связанными с природой реальности: прекрасными собой,

однако не иллюзорными; привлекательными, но в пределах действительности. Мало этого, каждая несла в себе очень и очень многое, обладала собственной, неповторимой индивидуальностью, поскольку вовсе не воплощала собою желаний и грез Шоколадерри, не имела с его фантазиями ничего общего. Первая девушка, наполовину азиатка, с длинными, темными, глянцевито поблескивавшими волосами взглянула ему в глаза. В бесстрастном, ясном, проницательном взгляде ее отражались спокойствие, понимание, не омраченное ни сентиментальностью, ни добродушием, ни милосердием, ни состраданием, однако во всем этом чувствовалась своего рода любовь — любовь объективная, без отречения, без отвращения ко всем его, Шоколадерри, изъянам, пускай они и известны ей досконально. То была особая, товарищеская любовь, основанная на глубоком, вдумчивом анализе Шоколадерри и самой девушки, связующая их воедино узами недостатков, присущих обоим.

Вторая девушка улыбалась Шоколадерри снисходительно, всепрощающе, даже не подозревая о каких-либо его недочетах: казалось, никакие его качества либо отсутствие оных, никакие умения и неумения не разочаруют ее, не ослабят ее при-

язни. Бездонные, дымчато-темные глаза девушки лучились особой нежностью, печалью и в то же время неизменным, непреходящим счастьем. То был взгляд матери — вековечной, той, что никогда не исчезнет в прошлом, не уйдет, не оставит и не забудет, готовой в любую минуту встать на его защиту, укрыть плащом, обогреть, вдохнуть в него надежду, заронить искорку новой жизни, когда боль, уныние, одиночество вот-вот погасят, затопчут последние язычки пламени в сердце… да, если первая девушка держится с ним на равных, будто сестра, то эта — мать, нежная, сильная и в то же время хрупкая, боязливая, однако старательно прячущая слабость со страхами глубоко-глубоко внутри.

Рядом с ними раздраженно, капризно дулась… не девушка даже, девчонка — незрелая, прыщавая, но на особый, порочный манер симпатичная, в чересчур вычурной, чересчур блестящей атласом блузке, в чересчур коротенькой юбке, чересчур тонконогая, и все-таки привлекательная, манящая будущей, расцветающей красотой. На Шоколадерри она глядела разочарованно, словно он обманул ее ожидания, подвел ее и в будущем не раз еще подведет, но тем не менее требовательно, желая большего, много большего,

инстинктивно стараясь вытянуть из него все необходимое, все, чего жаждет, целый мир с небесами в придачу, и в то же время презирая его бессилие, неспособность выложить требуемое сию же минуту. Сомнений не оставалось: девчонка — его будущая дочь, та, что в итоге отвернется от него, тогда как первые две останутся с ним навсегда, негодующая, разочарованная, бросит его, отправившись искать счастья с другим, с молодым мужем. Нет, эта надолго с ним не задержится, а он никогда не сумеет снискать ее полного одобрения, однако…

Однако все три, каждая по-своему, любили его, и Шоколадерри любил их — своих, родных, близких, мечтательную, полную надежд, печальную, испуганную, доверчивую, страдающую, смешливую, чувственную, заботливую, теплую, взыскательную, придирчивую, надоедливую женскую сторону собственной жизни, тройственное воплощение вещного мира, противостоящее ему и в то же время завершающее его, дополняющее тем, чего в нем самом сроду не было и никогда не появится, тем, чем он дорожил, что уважал, в чем находил радость, что любил, в чем нуждался сильнее всего на свете. Мисс Липкопят-то как таковая исчезла, а ее место заняли эти три

девушки, причем от них его не отделяли никакие расстояния, никакие преграды, с ними не приходилось обмениваться записками, пущенными по Пэйпермилл-крик в порожних жестянках из-под нюхательного табака. Они говорили прямо, не сводя с него пристальных взглядов, не забывая о нем ни на миг.

— Что ж, я поживу с тобой, — сказала первая девушка, азиатка с бесстрастным взглядом. — На правах нейтральной, так сказать, спутницы, наездами, пока жива я и жив ты… то есть, вполне возможно, не до конца времен. Жизнь преходяща и зачастую не стоит того, чтобы ради нее из кожи вон лезть. Порой мне думается, что мертвым вообще лучше, чем нам. Может статься, я присоединюсь к ним еще сегодня, а не сегодня, так завтра. Может статься, я убью, отправлю к ним тебя… или с собой тебя возьму, хочешь? Тогда дорожные расходы возьмешь на себя — ну, если, конечно, хочешь попутешествовать в моем обществе. Ну, а не хочешь, отправлюсь одна, бесплатно, военным транспортным семьсот седьмым: у меня ведь постоянная, пожизненная правительственная льгота плюс пенсион, поступающий на секретный банковский счет для полулегального вложения в… в предприятие из

тех, что не любят огласки, а с какой целью, тебе, черт возьми, лучше не интересоваться. Ну? Что скажешь?

Умолкнув, она замерла, не сводя с него пристального, по-прежнему бесстрастного взгляда.

— А... а вопрос-то в чем заключался? — пролепетал Шоколадерри, совершенно сбитый с толку ее монологом.

— Я, — в ярости, раздраженная его недомыслием, зарычала она, — поживу с тобой некоторое, точно пока неизвестное время, с точно пока неизвестным конечным результатом, если ты в состоянии оплатить мое содержание, а особенно — и этот пункт обязателен — возьмешь на себя содержание в порядке дома: ну, сам знаешь, счета, уборка, готовка, поездки по магазинам, чтобы я этим не утруждалась. Чтобы смогла спокойно заняться своими делами. Делами исключительной важности.

— О'кей, — без промедления подтвердил Шоколадерри.

— А я с тобой жить не буду, — сказала девушка с печалью в глазах, откинув со лба нежную, дымчатую челку. Пухленькая, податливая, в ладно сидящей кожаной куртке, отделанной бахромой, в коричневых кожаных штанах со шнуровкой и

высоких ботинках, с сумочкой из кроличьих шкурок на локте, выглядела она потрясающе. — Буду заезжать время от времени, с утра, по пути на работу, поглядеть, не найдется ли у тебя лишнего косячка, а если нет, если ты на мели, сама тебя подогрею… только не сегодня, о'кей?

С этим она улыбнулась ослепительней прежнего, а в проницательных, умных глазах ее отразилась вся несказанная сложность ее натуры, ее любви.

— Конечно, — согласился Шоколадерри.

Ясное дело, ему хотелось гораздо большего, однако он понимал: это все, ведь она не принадлежит ему, существует не ради него — сама по себе, как порождение, одно из полноправных слагаемых окружающего мира.

— Насильник, — процедила третья из девушек, кривя чересчур алые, чересчур сочные губы в злобной, но в то же время веселой усмешке. — Нет, я никогда не оставлю тебя, мерзкого, грязного старикашку! Уйду — где ты, старый черт, найдешь еще дуру, согласную жить с педофилом, растлителем малолетних, который со дня на день помрет от коронарного тромбоза или обширного инфаркта? С моим уходом для тебя, старого пакостника, все и кончится.

Внезапно глаза ее влажно блеснули, исполнившись скорби, сочувствия, но в следующий же миг и скорбь и сочувствие исчезли как не бывало.

— Другой радости в жизни тебе не видать, — продолжала девчонка, — а стало быть, никуда мне не деться. Придется остаться с тобой, а свою жизнь отложить до лучших времен… пусть даже навсегда.

Постепенно все ее оживление сошло на нет; сверх меры ярко, крикливо раскрашенное, но все-таки привлекательное девичье личико застыло, помрачнело как туча.

— Однако если мне выпадет шанс получше, — ледяным тоном объявила девчонка, — я им воспользуюсь. Не упущу. Надо бы приглядеться… посмотреть, кто у нас в центре тусуется.

— Ты что такое несешь?! — в возмущении выпалил Шоколадерри… и тут же умолк, поник головой под тяжестью жуткой утраты. Казалось, девчонка уже ушла — ушла, не успев появиться в его жизни, а что может быть страшнее?

— Ладно, — резко, отрывисто заговорили все три девушки разом, — теперь о делах житейских. Сколько у тебя скоплено синих фишек?

— Ч… что? — изрядно опешив, пролепетал Шоколадерри.

— В этом-то вся и суть, — на три голоса, с суровым, стальным блеском в глазах пояснили девушки: очевидно, данный предмет пробудил к жизни все их способности, все таланты без исключения, привел в полную боевую готовность каждую по отдельности и всю троицу разом. — Давай-ка твою чековую книжку проверим. Что у нас там с балансом?

— Сколько ты чистыми в год зарабатываешь? — спросила азиатка.

— Я тебя грабить не стану, не думай, — заверила Шоколадерри нежная, терпеливая, заботливая девушка, — только не мог бы ты мне две синие фишки ссудить? Ведь у тебя-то, такого важного, известного во всем мире бобра, их, надо думать, сотни.

— Вот-вот! Сходи-ка за ними, купи мне в «Спиди-Март» две кварты молока с шоколадом, коробку пончиков-ассорти и кока-колу! — подхватила капризная девчонка.

— Можно, я твой «Порше» одолжу, если сама заправлю? — спросила заботливая девушка.

— Только на мою машину не рассчитывай, — предупредила азиатка. — При двух водителях страховка вдвое подорожает, а оплачивает ее моя мать.

— Научи меня машину водить, — потребовала капризная девчонка. — Завтра же вечером с кем-нибудь из парней в автокино поеду. Всего две монеты с машины, пять порников подряд… и еще в багажник пара чуваков с чувами влезут!

— Знаешь, лучше отдай синие фишки мне на хранение, — посоветовала заботливая девушка, — пока эти цыпы не оставили тебя без штанов.

— Пасть закрой! — рявкнула на нее капризная девчонка.

— Послушаешься ее, дашь ей хоть одну синюю фишку, я тебе, мать твою, сердце вырву и сырым сожру, — в ярости прошипела азиатка. — А у этой дешевки, между прочим, трипак. Чпокнешь ее — на всю жизнь бесплодным останешься.

— У меня вообще синих фишек нет, — неуверенно признался Шоколадерри, опасаясь, как бы все три девушки, узнав об этом, не ушли. — Но я…

— Машинку свою, «Гермес Рокет», продай, — посоветовала азиатка.

— Я сама за тебя продажей займусь, — мягко, покровительственно предложила заботливая девушка, — и отдам тебе… — Запнувшись, она принялась мучительно медленно, с трудом высчитывать что-то в уме. — Словом, по-честному

вырученное поделю. Уж я-то тебя ни за что не нагрею.

При виде ее улыбки Шоколадерри даже в голову не пришло хоть немножко, хоть в чем-нибудь усомниться.

— Было бы из-за чего шум поднимать, — высокомерно, на грани презрения заметила капризная девчонка. — Вот у моей матери машинка — это да! Электрическая шариковая «Ай-Би-Эм», канцелярская модель со шрифтами, как в книжке![45] Раздобуду себе такую, выучусь с ней управляться, работу приличную подыщу… если только сидеть на пособии выгодней не окажется.

— Чуть позже, ближе к концу года, — в отчаянии начал Шоколадерри, но…

— Тогда позже и увидимся, — хором оборвали его три девушки, три воплощения мисс Липкопятто. — Или можешь по почте синие фишки прислать, о'кей?

С этими словами они, все разом, начали блекнуть, подернулись рябью, сделались зыбкими,

---

[45] Примечания: 45

В пишущих машинках «IBM Selectric», выпускавшихся с начала 1960-х до середины 1980-х, носителями литер служили сменные шары, при ударе по клавише поворачивавшиеся нужной стороной к бумаге. Благодаря комплекту шаров, первая модель позволяла печатать шестью различными шрифтами, а в середине 1960-х в продаже появилась модификация, печатавшая пропорциональными (не моноширинными, как обычные пишущие машинки) литерами сродни типографским.

призрачными…

А может, призрачным сделался сам Шоколадерри, Бобр, Которому Вечно Чего-Нибудь Не Хватало? Внезапно проснувшаяся, всполошившаяся интуиция подсказывала: да, так и есть. Так и есть, это не они, а он растворяется в воздухе!

Однако эта догадка его почему-то вовсе не огорчила.

Ничего, ничего. Собственное исчезновение он переживет. Вот если бы исчезли они…

Да, знал он их от силы четверть часа, однако они уже значили для Шоколадерри куда больше, чем он сам… и на душе у него сделалось гораздо, гораздо легче.

Найдутся ли у него для них синие фишки или нет — а именно это их вроде бы в первую очередь и интересовало, — они как-нибудь да вывернутся. Проживут. Не смогут лестью, хитростью либо силой выманить, выудить синие фишки из его кошелька, добудут еще у кого-нибудь, а то и вовсе с радостью обойдутся без них. По сути, фишки им не нужны. Фишки они просто любят, а прожить смогут хоть с ними, хоть без… вот только обычная жизнь им, говоря откровенно, неинтересна. Они желают, намереваются, точно знают, как достичь настоящего, полного счастья, а простое житье не

для них — им подавай Жизнь с большой буквы!

— Надеюсь, мы еще увидимся, — сказал им Шоколадерри. — Вернее, надеюсь, что вы еще увидите меня. Надеюсь, я время от времени буду появляться в вашей жизни хоть ненадолго… так просто, поглядеть, что у вас новенького.

— Нет уж, нас в свои планы не впутывай, — в унисон откликнулись девушки.

К этому времени от Шоколадерри не осталось практически ничего — разве что облачко сизого дыма, жалко подрагивавшего в поредевшем воздухе, еще недавно служившем ему надежной опорой.

— Ты к нам еще вернешься, — уверенно, будто сердцем чувствуя, что в этом не может быть ни малейших сомнений, успокоила его заботливая, облаченная в кожу толстушка с исполненным теплоты взглядом. — Не горюй, увидимся как-нибудь.

— Надеюсь, — вздохнул Шоколадерри и обнаружил, что даже его затухающий голос сделался почти неслышным, ослаб, будто радиосигнал с какой-то далекой звезды, давным-давно остывшей в космическом холоде, обернувшейся безжизненным, ледяным черным камнем.

— Идемте на пляж, — предложила азиатка.

Троица девушек — вполне настоящих, основательных, ощутимых — отвернувшись от Шоколадерри, уверенным шагом двинулась прочь.

«Интересно, нет ли возле их пляжа высоких, толстых деревьев, которые нужно свалить? И где этот пляж? И что там вообще хорошего? И есть ли у него название?» — подумал Шоколадерри… или, по крайней мере, шлейф оставшихся от него ионов, наподобие инверсионного следа, тянущегося за самолетом, отмечавший его путь вплоть до ухода из жизни.

— Хочешь с нами пойти? — на секунду замедлив шаг, оглянувшись, спросила сострадательная, заботливая толстушка в кожаной куртке, отделанной мягкой бахромой. — Пожалуй, в этот раз мы могли бы ненадолго взять с собой тебя… но больше уже не сможем, сам понимаешь.

Ответа не последовало.

— Любимый мой, — вполголоса, еле слышно прошептала она и с влажным блеском в глазах, со счастливой, печальной, всепонимающей улыбкой двинулась дальше.

Двинулась дальше, чуть медленнее, чуть позади спутниц, словно затем, чтоб украдкой, тайком от них еще разок оглянуться назад.

Приятный сюрпризец для нас, темпонавтов

Склонив голову книзу, Эддисон Дуг устало, нога за ногу, брел наверх длинной, извилистой чередой полукруглых ступеней из пластмассы под красное дерево. Казалось, каждый шаг причиняет ему настоящую боль, да такую, что наблюдавшую за ним девушку так и подмывало помчаться на помощь. Ей самой больно было видеть, насколько он устал и измучен, но в то же время она искренне радовалась его возвращению. Шаг за шагом, шаг за шагом, Эддисон Дуг шел к ней, не поднимая головы, на ощупь, как будто…

«Как будто проделывал этот путь много раз, — внезапно подумалось ей. — Наизусть его знает… только откуда?»

— Эдди! — воскликнула она, сорвавшись с места и бросившись ему навстречу. — А по телевизору говорили, что тебя нет в живых! Что все вы погибли!

Эддисон, приостановившись, поднял руку, чтобы отбросить назад темную челку, только нащупать ее не смог: перед запуском весь экипаж

остригли под нуль, о чем он, очевидно, забыл.

— С каких пор ты начала верить всему, что ни скажут по телевизору? — откликнулся он и двинулся дальше, все так же устало, однако с улыбкой, протянув руки ей навстречу.

Господи, как же приятно, обняв его, оказаться в его объятиях — в объятиях куда крепче, чем она ожидала!

— А я уже собиралась подыскивать кого-нибудь другого вместо тебя, — выдохнула она.

— Только попробуй. Башку оторву, — предупредил он. — Да и затея все равно безнадежная: меня заменить не сможет никто.

— Но как же взрыв? — вспомнила она. — В новостях сообщали, будто на входе в…

— Не помню, — ответил Эддисон тем самым, особым тоном, на деле означавшим: «Это я обсуждать не намерен».

Прежде этот тон неизменно выводил ее из себя, но сейчас она даже не думала обижаться. Сейчас она чувствовала, насколько страшными, неприятными могут оказаться воспоминания.

— Я погощу у тебя пару деньков, если не возражаешь, — продолжил Эддисон, как только оба двинулись наверх, к распахнутой парадной двери домика под островерхой двускатной кры-

шей. — Чуть позже — может быть, уже к вечеру — и Бенц с Крейном подтянутся. Столько всякого обсудить нужно, о стольком помозговать…

— Выходит, вы все трое живы! — обрадовалась девушка, взглянув в его изможденное, постаревшее от множества забот лицо. — А все, что болтали по телевизору…

И тут ей все сделалось ясно — по крайней мере, на ее собственный взгляд.

— Все, что болтали по телевизору — оперативная легенда! Политические махинации, чтобы одурачить русских, так? Ну, то есть чтобы в Советском Союзе решили, будто пуск не удался, так как на входе в…

— Нет, — оборвал ее Эддисон. — Наоборот. Скорее всего, к нам присоединится и один из их хрононавтов. Поможет разобраться, что, собственно, произошло. Генерал Тоуд сообщил, что он уже в пути. Бумаги оформили без волокиты: дело слишком серьезное.

— Господи Иисусе, — в изумлении ахнула девушка. — А легенда о взрыве для кого тогда выдумана?

— Давай выпьем чего-нибудь, — прикрыв глаза, сказал Эддисон, — а потом я тебе все в общих чертах объясню.

— Только у меня, кроме калифорнийского бренди, в доме совсем ничего.

— Знаешь, — признался Эддисон Дуг, — в таком состоянии, как сейчас, мне все равно что пить.

Рухнув на диван, он устроился поудобнее, вытянул ноги и судорожно прерывисто перевел дух, а девушка со всех ног поспешила к буфету, за бутылкой с бокалами.

— … скорбят по поводу трагического поворота событий, — надрывался радиоприемник в приборной панели машины. — Наиболее вероятной причиной, согласно мнению специалистов, является непредвиденное…

— Все та же официальная чушь, — проворчал Крейн, выключив радио.

Поиски нужного дома оказались предприятием не из легких: прежде Крейн с Бенцем приезжали сюда только раз. На взгляд Крейна, курятник подружки Эддисона в захолустном Охае совершенно не подходил для настолько важного совещания, не соответствовал, так сказать, моменту. С другой стороны, здесь им не будут докучать любопытствующие, да и времени у них, вероятно, в обрез… хотя насчет времени не сможет ни в чем поручиться никто.

Не так уж давно, еще на памяти Крейна, холмы

по обе стороны от дороги покрывал густой лес. Сейчас, куда ни взгляни, каждый склон пестрел россыпями домиков и извилистыми змейками дорожек, разноцветных ступеней, отлитых из пластмассы.

— Ручаюсь, когда-то здесь был сущий рай, — заметил Крейн, повернувшись к Бенцу, сидевшему за рулем.

— Тут государственный лесной заповедник Лос Падрес недалеко, — откликнулся Бенц. — Я как-то раз, в восемь лет, там заблудился. Не один час проплутал и все думал: вот-вот на гремучую змею нарвусь… каждую ветку в траве за змею принимал, представляешь?

— Ну, вот сейчас на что-то похожее и нарвался, — проворчал Крейн.

— И не один, — согласился Бенц, — все мы.

— А знаешь, — задумчиво проговорил Крейн, — занятное это, однако же, приключение — числиться… да что там числиться, быть мертвым!

— Кому как.

— Но, строго говоря, мы…

Бенц повернулся к нему. Его крупное, добродушное, точно у мультяшного гнома, лицо помрачнело как туча, в глазах отразился укор.

— Если послушать радио с телевизором, мы ни-

сколько не мертвее любого другого человека на планете, — сурово сказал он. — С одним лишь отличием: дата нашей гибели в прошлом, тогда как всем остальным предстоит умереть в будущем, по прошествии некоего неопределенного срока… хотя в некоторых случаях — к примеру, пациентам из онкологии — срок этот, черт возьми, известен довольно точно. Мало этого. Подумай вот о чем: надолго ли мы сможем задержаться здесь до возвращения? В отличие от жертв неизлечимого рака у нас имеется фора, резерв времени.

— Этак ты скоро начнешь утешать нас тем, что нам не больно, — жизнерадостно посоветовал Крейн.

— Опять же, кому как. Посмотри на Эдди. Помнишь, каким он сегодня от нас уходил? Нервы… психосоматические расстройства вылились в физическое недомогание. Как будто сам Господь на горло ему наступил. Понимаешь, бремя на него свалилось чересчур, слишком тяжелое, однако он вслух не жалуется… только дыру от гвоздя в ладони время от времени предъявляет, — с усмешкой пояснил Бенц.

— Эдди просто есть ради чего жить… и причин держаться за жизнь куда больше, чем у нас с тобой.

— У каждого есть ради чего жить, и этих самых причин куда больше, чем у любого другого. Допустим, у меня нет симпатичной цыпы, чтобы греть постель, однако я с удовольствием еще раз-другой полюбуюсь грузовиками, мчащимися на закате вдоль Риверсайдского шоссе. Речь не о том, ради чего ты должен жить; главное, ради чего жить хочется — что повидать охота, что испытать, где побывать… вот что, черт возьми, самое грустное!

Оба надолго умолкли.

Расположившись в тихой гостиной домика под островерхой двускатной крышей, все трое темпонавтов закурили и мало-помалу расслабились. Отметив, как соблазнительно, волнующе выглядит девушка, хозяйка дома, в облегающем белом свитере и юбке-микро, Эддисон Дуг вдруг с досадой подумал, что сейчас это очень уж не ко времени. Поскромнее бы хоть немного: и без того от усталости мысли путаются…

— Она в курсе, ради чего мы собрались? — кивнув в сторону девушки, спросил Бенц. — То есть в открытую говорить можно? Не съедет она с катушек?

— Ей я пока ничего объяснить не успел, — признался Эддисон.

— Так объясни же, черт побери, — буркнул

Крейн.

— О чем вы?

Встревоженная девушка вскинула голову, прижала кулачок к груди чуть ниже ключиц.

«Будто вцепившись в несуществующую ладанку со святыми мощами», — мелькнуло у Эддисона в голове.

— Нас укокошило на возврате, — отрезал Бенц, самый бесчувственный, или, по крайней мере, самый прямолинейный из всех троих. — Понимаете, мисс… э-э…

— Хокинс, — робко пролепетала девушка.

— Очень приятно, мисс Хокинс, — откликнулся Бенц, в обычной манере, с ленцой, смерив девушку холодным взглядом. — А имя у вас имеется?

— Мерри Лу.

— О'кей, стало быть, Мерри Лу. Звучит, правда, точно имя официантки, вышитое на блузке, — продолжал Бенц, повернувшись к товарищам. — «Меня зовут Мерри Лу, я буду подавать вам ужин, и завтрак, и ленч, и ужин, и завтрак еще дня два, три, четыре, пять — словом, пока не оставите этой затеи и не отправитесь восвояси, в собственное время; будьте любезны, с вас пятьдесят три доллара восемь центов, не считая чаевых; надеюсь, больше вы в жизни сюда не вернетесь, ясно?»

Голос его задрожал, сигарета в руке — тоже.

— Простите, мисс Хокинс, — вздохнув, извинился он. — Взрыв в точке возврата всех нас здорово выбил из колеи. Мы ведь узнали о нем сразу же по прибытии сюда, в ПВК, и знаем дольше, чем кто-либо другой… с тех самых пор, как достигли Промежуточного Времени.

— Только поделать ничего не можем, — добавил Крейн.

— И никто другой не сумеет, — подытожил Эддисон, обнимая подругу.

На миг его снова накрыло неотвязным ощущением «дежавю»… и тут он понял, осознал, почему.

«Мы в замкнутой темпоральной петле, — подумал он. — Переживаем все это снова и снова, стараемся решить проблему, возникшую в точке возврата, каждый раз воображая, будто этот раз — первый, единственный… и все напрасно. Которая это попытка? Сотая? Тысячная? А может, мы вовсе, снова и снова впустую, безрезультатно вороша одни и те же факты, сидим здесь уже в миллион первый раз?»

Эти мысли вытягивали последние силы, пробуждали глубокую, философского толка ненависть ко всем остальным, к тем, кому не

приходится разбираться в подобных загадках.

«Да, — думал он, — как говорится в Библии, всем нам один конец, но… но для нас троих он уже наступил. Мы-то уже мертвы, а потому как можно вытаскивать нас из могил на Землю, заставлять спорить, раздумывать, волноваться в попытках выявить причину сбоя? По большому счету все это должны бы взять на себя наши наследники. С нас уже хватит. Хватит».

Впрочем, вслух Эддисон, щадя чувства товарищей, ничего подобного высказывать не стал.

— Может, вы во что-нибудь врезались? — предположила девушка.

— Может, и так, — саркастически поддержал ее Бенц, покосившись на остальных. — Может, и врезались. Во что-нибудь.

— Телевизионные обозреватели, — пояснила Мерри Лу, — постоянно твердят об опасности, войдя в точку возврата со сдвигом по фазе, столкнуться на молекулярном уровне с физическими объектами, любой из которых… — Запнувшись, девушка махнула рукой. — Ну, знаете: «Два различных объекта не могут занимать один и тот же пространственный объем в один и тот же момент времени». Может, по этой причине все и взорвалось?

Умолкнув, она обвела темпонавтов вопросительным взглядом.

— Да, риск, конечно, далеко не нулевой, — признал Крейн. — По крайней мере, теоретически, согласно расчетам доктора Файна из плановой группы — вопросами оценки риска занимались они. Однако наша капсула оборудована рядом различных блокирующих устройств, причем действующих автоматически. Во избежание «накладок», до полной пространственной синхронизации капсулы с точкой возврата возврат невозможен. Конечно, все эти устройства могли, одно за другим, отказать… но в момент пуска я внимательно следил за показаниями приборов, и все они — все до единого — утверждали, что с точкой возврата мы синхронизированы безупречно. Предупреждающих сигналов я также не слышал. И не видел, — поморщившись, добавил он. — То есть сбой произошел не на старте.

— Кстати, — внезапно подал голос Бенц, — вы себе представляете, насколько разбогатели наши ближайшие родственники? Все эти государственные и коммерческие страховки на случай гибели… а ведь наши «ближайшие родственники», то есть самые прямые наследники — кто? По-моему, мы сами. Десятки тысяч долларов…

как с куста, приходи и бери! Загляни в страховую контору: я, дескать, мертв, давайте-ка, деньги на бочку!

«Публичные церемонии прощания с погибшими, — вспомнилось Эддисону Дугу. — Торжественные похороны сразу же после аутопсии. Длиннющая вереница задрапированных трауром „Кадиллаков“ вдоль Пенсильвания-авеню со всей верхушкой правительства и высоколобой ученой братией… и мы, причем не в одном — в двух, так сказать, экземплярах! Лежащие в дубовых, окованных бронзой, накрытых флагами гробах ручной полировки… и, надо думать, машущие толпам скорбящих из открытых лимузинов».

— И про панихиду не забывайте, — напомнил он товарищам вслух.

Остальные непонимающе, возмущенно уставились на него, но, судя по выражениям лиц, один за другим сообразили, о чем речь.

— Ну уж нет, — проскрежетал Бенц. — Это… немыслимо.

Крейн, подняв брови, с подчеркнутой невозмутимостью покачал головой.

— Прикажут явиться, и явимся. Приказ есть приказ.

— А улыбаться?! — прорычал Эддисон. — Улыб-

ку держать, мать их, от нас в приказном порядке не потребуют?!

— Нет, — неторопливо, внушительно произнес генерал Тоуд.

Его огромная, покрытая старческим пушком голова заметно подрагивала на тонкой, как черенок от метлы, шее. Казалось, нечистая, в бурых пятнышках, кожа под подбородком разлагается, отстает от плоти под тяжестью знаков отличия на жестком воротнике кителя.

— Нет, — повторил он, — улыбок от вас не требуется. Напротив, вам надлежит принять подобающе скорбный вид. В духе общенародного траура.

— Не из легких задачка, — проворчал Крейн.

Русский хрононавт не реагировал на их диалог никак: на его узком птичьем лице, обрамленном наушниками электронного переводчика, отражалась только предельная сосредоточенность.

— О том, что вы в данный момент, пусть ненадолго, но с нами, народ известят следующим образом, — продолжал генерал Тоуд. — Внезапно камеры всех крупнейших телеканалов возьмут вас в кадр, а обозреватели в то же время, согласно полученным указаниям, начнут вещать на публику нечто вот в таком духе…

Вынув из папки пару печатных страниц, генерал нацепил очки, откашлялся и принялся читать:

— «Похоже, все взгляды устремлены вон на ту троицу в одном лимузине, но кто они? Не разглядеть… Кто-нибудь узнает их?» Тут они, — пояснил генерал, опустив листок, — начнут импровизировать, расспрашивая в эфире коллег с других каналов, и наконец воскликнут: «Ну и ну, Роджер… Уолтер, Нед», — как получится, смотря с какого канала данный…

— Или Билл, — вставил Крейн, — если это канал «Буфониды» с болот Лу…

— Словом, — оставив его реплику без внимания, продолжал генерал Тоуд, — все они, каждый на свой лад, воскликнут: «Ну и ну, Роджер, по-моему, перед нами не кто иной, как наши отважные темпонавты! Не означает ли это, что в итоге им удалось благополучно разрешить проблему возврата?» Но тут кто-нибудь из обозревателей несколько серьезнее возразит: «На мой взгляд, Дэвид — Генри, Пит, Ральф, как получится — сейчас человечество впервые имеет шанс убедиться воочию в существовании так называемых — теми, кто смыслит в технике, — „Промежуточных Временных Континуумов“, или, для краткости, ПВК.

Вопреки впечатлению, создающемуся с первого взгляда, эти трое — вовсе не… подчеркиваю, вовсе не наши отважные темпонавты в смысле обычного, будничного восприятия. Скорее всего, сейчас телекамеры беспристрастно фиксируют их, задержавшихся в дне сегодняшнем, ненадолго прервав экспедицию в будущее, беспримерный полет к пространственно-временному континууму, согласно изначальным планам, отделенному от нашего примерно сотней лет. Очевидно, наши славные первопроходцы несколько промахнулись и прибыли к нам, в наше время… в наше с вами, друзья мои, настоящее!»

Эддисон Дуг устало прикрыл глаза.

«Сейчас Крейн, — подумал он, — спросит, нельзя ли предстать перед телекамерами, жуя сахарную вату и с воздушным шариком над головой. Еще немного, и всех нас, всех до единого, шизой накроет… Господи, в который же раз мы ведем эти идиотские разговоры? Ясное дело, доказать я ничего не могу, но знаю: это чистая правда. Сидим мы здесь, копаемся в мелочах, болтаем, слушаем всю эту чушь, всю эту банальщину далеко, далеко не впервые…»

— Что с тобой? — негромко спросил Бенц, заметив охватившую его дрожь.

— Какова максимально возможная протяженность ПВК для вашей группы? — в первый раз подал голос советский хрононавт. — Какая доля этого времени потрачена на данный момент?

— Согласно тому, что сообщили нам перед сегодняшним совещанием, мы израсходовали примерно половину от максимальной протяженности ПВК, — выдержав паузу, ответил Крейн.

— Однако, — загремел генерал Тоуд, — День Всенародного Траура назначен на дату, попадающую в оставшуюся половину ПВК. Ради этого пришлось ускорить процедуру аутопсии и прочие судебно-медицинские процедуры, но ввиду общественных настроений правительство сочло необходимым…

«Аутопсия», — вновь содрогнувшись, подумал Эддисон Дуг.

— Почему бы нам, — на сей раз не сумев удержать мысли при себе, заговорил он, — не прекратить эти бессмысленные разговоры и не перейти сразу к патанатомии? Вот полюбуемся увеличенными срезами тканей в цвете и, может быть, сообща родим пару-другую прорывных идей, которые помогут медицинской науке в поисках объяснений? Объяснения — это ведь главное, самое необходимое, пусть даже проблем еще не

существует: с проблемами можно разобраться потом. Ну? Кто «за»?

— Знаешь, лично мне любоваться крупными планами собственной селезенки на большом экране как-то не хочется, — возразил Бенц, едва он умолк. — В процессии, так уж и быть, поучаствую, но участвовать в собственном вскрытии… нет уж, увольте!

— А что, если по пути раздавать скорбящим маленькие фиолетовые обрезки собственной требухи? — предложил Крейн. — Нам ведь по пакету с собой, как в приличных ресторанах водится, выдать могут, а, генерал? Будем разбрасывать срезы тканей, как конфетти… и улыбаться: по-моему, без улыбок эффект не тот.

Генерал Тоуд зашелестел разложенными перед ним бумагами.

— Я, — объявил он, — изучил все аналитические записки насчет улыбок. Согласно общему мнению политического отдела, улыбки не соответствуют умонастроениям нации, так что этот вопрос решен и закрыт. И вопрос вашего участия в еще не завершенной процедуре аутопсии — тоже.

— Ну вот, — пожаловался Крейн Эддисону Дугу, — сидим тут, а жизнь мимо проходит. Вечно я

пропускаю все самое интересное.

Однако Эддисон, не слушая его, повернулся к советскому хрононавту.

— Скажите, майор Н. Гауки, — заговорил он в микрофон, покачивавшийся на груди, — что, на ваш взгляд, внушает путешественнику во времени наибольший страх? Возможность столкновения и взрыва в точке возврата, как произошло с нами? Или на протяжении недолгого, но завершившегося полным успехом полета сквозь время вам с напарником не давали покоя какие-либо другие навязчивые фобии?

— Этот вопрос, — помолчав, ответил Н. Гауки, — мы — я и Р. Пленя — не раз обсуждали в неофициальном порядке. Полагаю, я могу ответить на ваш вопрос от имени нас обоих, поставив на первое место перманентные, весьма серьезные опасения, что мы, сами о том не подозревая, угодили в замкнутую темпоральную петлю, из которой нет выхода.

— То есть навеки обречены снова и снова переживать одно и то же? — уточнил Эддисон Дуг.

— Именно так, мистер Э. Дуг, — без тени улыбки кивнув, подтвердил хрононавт.

Страха, сравнимого с охватившим его в эту минуту, Эддисон Дуг не испытывал еще никогда.

— Вот пакость-то, — в растерянности пробормотал он, повернувшись к Бенцу.

На миг оба замерли, сверля друг друга немигающим взглядом.

— Я, говоря откровенно, не думаю, что с нами именно так и произошло, — вполголоса сказал Бенц, крепко, дружески стиснув плечо Дуга. — Мы попросту взорвались в точке возврата, вот и все. Не нервничай попусту.

— Нельзя ли закончить поскорее? — сдавленно, хрипло проговорил Эддисон Дуг, приподнявшись со стула.

Казалось, зал заседаний и все собравшиеся смыкаются вокруг, стремительно надвигаются со всех сторон — вот-вот раздавят, задушат…

«Клаустрофобия, — сообразил Эддисон Дуг. — Как в школе, в тот раз, когда на экраны учебных машин вдруг вывели внеочередной опрос и я осознал, что не справлюсь».

— Прошу вас, — попросту пробормотал он, встав на ноги.

Все повернулись к нему. На лицах собравшихся отразились самые разные эмоции. Русский встревоженно наморщил лоб, смерил Эддисона исполненным сочувствия взглядом… но Эддисону хотелось лишь одного.

— Домой хочу, — признался он, хоть и понимал, как нелепо, как глупо выглядит.

Что и говорить, к концу вечера напился он знатно. К счастью, в тот бар на Голливудском бульваре его занесло не одного, с Мерри Лу, и погуляли они на славу… по крайней мере, так говорили ему все вокруг.

— Главное, величайшее и важнейшее в жизни единство есть единство мужчины и женщины, — бормотал он, повиснув на Мерри Лу. — Абсолютное единство… верно я говорю?

— Да, помню. В школе проходили, — откликнулась Мерри Лу.

Тем вечером по его просьбе Мерри Лу, хрупкая, миниатюрная блондинка, надела темно-сиреневые брючки-клеш, туфельки на каблуках-шпильках и блузку, оставлявшую открытым живот. Несколько раньше ее пупок украшала вставочка из полированного лазурита, однако за ужином у Тин Хо камешек выскочил и потерялся с концом. Владелец ресторана пообещал продолжить поиски и уверял, что пропажа непременно найдется, но Мерри Лу до сих пор пребывала в самом мрачном расположении духа. Камешек вроде как имел для нее особое, символическое значение… правда, что именно значил, она не сказала — по

крайней мере, Эддисон ничего подобного не припоминал. Может, просто забыл или мимо ушей пропустил? Да, наверное. Скорее всего.

Между тем на Эддисона уже довольно давно глазел молодой чернокожий щеголь с прической афро, в полосатом жилете при красном, чрезмерно узорчатом галстуке, сидевший за одним из соседних столов. Очевидно, ему хотелось им что-то сказать, однако запросто подойти к их столику и заговорить он побаивался. Побаивался, но взгляда не отводил.

— Случалось тебе когда-нибудь чувствовать, будто ты точно знаешь, что сейчас произойдет? — спросил Эддисон Мерри Лу. — Знаешь, что тебе сейчас скажут, слово в слово, до мелочей? Будто переживаешь все это не впервые?

— Такое с каждым случается, — откликнулась Мерри Лу, поднося к губам бокал с «Кровавой Мэри».

Тут чернокожий, поднявшись, подошел к ним и остановился возле Эддисона.

— Прошу прощения за беспокойство, сэр.

— Сейчас он скажет: «Не мог ли я вас где-нибудь видеть? К примеру, по телевизору», — сообщил Эддисон Мерри Лу.

— Да, именно это я и собирался сказать, — под-

твердил чернокожий.

— Несомненно, вы видели мое фото на сорок шестой странице сегодняшнего номера «Тайм», в разделе о новых достижениях медицинской науки, — не моргнув глазом, пояснил Эддисон. — Да, я — тот самый семейный врач-терапевт из крохотного городка на задворках Айовы, взлетевший к высотам славы благодаря изобретению простого, повсеместно доступного чудодейственного лекарства, гарантирующего вечную жизнь. За право производства моей вакцины уже бьются между собой с полдюжины крупнейших фармацевтических компаний.

— Да-да, должно быть, именно там я ваше фото и видел, — откликнулся чернокожий, однако в выдумку Эддисона Дуга он явно не поверил, да и на пьяного, кстати, не походил: взгляд слишком ясный, внимательный. — Позвольте присесть?

— Разумеется, — согласился Эддисон Дуг, успевший к этому времени разглядеть в ладони незнакомца удостоверение сотрудника агентства национальной безопасности США, учреждения, приглядывавшего за проектом с самого его начала.

— Знаете, мистер Дуг, — заговорил агент нацбезопасности, усевшись рядом с Эддисоном, — не

стоит вам торчать здесь, в баре, у всех на виду. Ей-богу, не стоит. Что, если бы вас узнал какой-нибудь тип из посторонних и поднял переполох? Ведь до Дня Траура все засекречено. Вы хоть понимаете, что находитесь здесь в нарушение федерального статута? Официально я в полном праве взять вас под арест, вот только ситуация нештатная: не хотелось бы, понимаете, терять лицо, затевая скандал. Где сейчас ваши коллеги?

— У меня дома, — резко ответила Мерри Лу, очевидно, не заметившая удостоверения. — Послушайте, шли бы вы отсюда ко всем чертям! Моему мужу пришлось пройти через нелегкие испытания, а вы отнимаете у него единственный шанс хоть немного развеяться.

Эддисон смерил чернокожего оценивающим взглядом.

— Я знал, что вы намерены сказать, еще до того, как вы подошли к нам.

«Слово в слово, — добавил он про себя. — Сомнений не остается: я прав, Бенц ошибается, и все это будет повторяться снова и снова… будто пластинку заело».

— Возможно, я все же смогу убедить вас вернуться к мисс Хокинс по-хорошему, — заметил агент нацбезопасности, указав пальцем на кро-

хотную втулку наушника в правом ухе. — Все мы только что, буквально пару минут назад, получили некую информацию под грифом «срочно» для передачи вам, если удастся вас обнаружить. Среди развалин пускового комплекса… обломки в данный момент чуть ли не сквозь сито просеивают, вы в курсе?

— В курсе, — подтвердил Эддисон.

— Так вот, первая зацепка вроде бы найдена. Кто-то из вас, вопреки всей предпусковой подготовке, в нарушение всех инструкций привез обратно, из целевого ПВК, нечто лишнее. Сверх увезенного с собой.

— Объясните-ка прежде другое, — потребовал Эддисон Дуг. — Допустим, меня здесь увидят. Допустим, узнают… и что? Что в этом страшного?

— Сейчас широкая общественность убеждена, что, пусть даже возврат и не удался, перелет сквозь время, первый пуск темпоральной капсулы, осуществленный американцами, оказался успешным. Будто экипаж из трех американских темпонавтов благополучно перенесся на сто лет вперед — приблизительно вдвое дальше советской экспедиции, запущенной в прошлом году. Представьте, как все разочаруются, узнав, что наша экспедиция одолела всего неделю! Чтобы

смягчить общее потрясение, дело решено подать так, будто вы целенаправленно объявились здесь, в данном континууме, пожелав… нет, даже посчитав долгом присутствовать на…

— На этой вот церемонии, — закончил за него Эддисон. — Причем дважды.

— Именно. Тут-то вас, привлеченных торжественным, драматическим зрелищем, картиной собственных похорон, и заметят бдительные операторы всех крупных телеканалов. Поверьте нам, поверьте мне, мистер Дуг, во все это вложена чертова уйма сил, средств и времени. Операция разрабатывалась на самом верху. Положение нужно, нужно спасать. Убедившись, что новым запускам быть, что мы, Соединенные Штаты, не отчаялись покорить время, народ воспрянет духом, а это и есть главное. В конце концов, этого хочется всем нам.

Эддисон Дуг в изумлении вытаращил глаза.

— Чего? Чего хочется всем нам?

— Продолжить освоение времени, — слегка занервничав, пояснил агент нацбезопасности. — Начатое вами дело. К несчастью, самим вам по вполне понятной причине, из-за взрыва и гибели при возвращении, возможности повторить полет не представится, однако другие, новые

темпонавты…

— Продолжить? Правда? — едва ли не выкрикнул Эддисон.

Сидевшие за соседними столиками вздрогнули, повернулись в их сторону.

— Разумеется, — негромко заверил его агент. — И голос, пожалуйста, не повышайте.

— Лично я ничего продолжать не хочу, — объявил Эддисон. — Наоборот. Хочу прекратить все это. Раз и навсегда. Лечь в землю, в прах, рядом со всеми прочими, и больше не видеть лета… одного и того же лета!

— Вот именно: видел одно — считай, видел все, — с истерической ноткой в голосе подхватила Мерри Лу. — Знаешь, Эдди, он, по-моему, прав. Поехали-ка отсюда. Ты здорово перебрал, время позднее, и эти новости насчет…

— Что мы привезли назад? — перебил ее Эддисон. — Сколько там лишнего веса?

— Судя по предварительному анализу, вы притащили в темпоральное поле капсулы и увезли с собой какие-то механизмы общим весом около ста фунтов, — ответил агент нацбезопасности. — Ну, а такая тяжесть… — Оборвав фразу на полуслове, он безнадежно махнул рукой. — Капсула взорвалась тут же. Даже компенсировать

перегрузку в момент пуска не начала.

— Ух ты! — округлив глаза, воскликнула Мерри Лу. — Может, там кто-нибудь продал кому-то из вас за доллар девяносто восемь квадрафонический проигрыватель в комплекте с колонками на пневмоподвеске и запасом пластинок Нила Даймонда на всю жизнь?

Однако попытка рассмеяться над собственной шуткой ей не удалась. Взгляд девушки потускнел, затуманился.

— Эдди, — прошептала она, — прости, но… не вяжется тут что-то. Согласись, бред ведь полный: вас же инструктировали по поводу веса на возврате, так? Даже бумажку лишнюю из будущего прихватить запретили. Я сама по телевизору видела, как доктор Файн объяснял, почему. И чтобы после этого кто-то из вас приволок в темпоральное поле капсулы сотню фунтов какого-то железа? Это же сознательное самоубийство!

Глаза ее заблестели от навернувшихся слез. Одна из слезинок, скатившись вниз, повисла на кончике носа, и Эддисон машинально потянулся через стол, чтобы утереть ее, позаботиться о Мерри Лу, точно не о взрослой — о девочке лет трех-четырех.

— Летим со мной. Я отвезу вас к месту раско-

пок, — поднявшись на ноги, распорядился агент нацбезопасности.

Вдвоем с Эддисоном они помогли встать Мерри Лу. Девушку била крупная дрожь. На миг задержавшись возле стола, она залпом прикончила «Кровавую Мэри». Казалось, сердце Эддисона вот-вот разорвется от жалости, однако жалость тут же сняло как рукой. Почему вдруг? Об этом оставалось только гадать.

«Наверное, человек может устать даже от искренней заботы, — рассудил он. — От заботы о ближнем, затянувшейся на долгое-долгое время, продолжающейся без конца и наконец выливающейся в страдания, каких, возможно, не доводилось изведать никому, вплоть до самого Господа. Пожалуй, подобного бремени не вынес бы даже Он, при всем Его безграничном милосердии».

Не без труда огибая занятые столики, все трое направились к выходу.

— Кстати, — начал Эддисон Дуг, повернувшись к агенту нацбезопасности, — кому из нас пришло в голову…

— Там знают, — уклончиво ответил агент, придержав дверь перед Мерри Лу.

Остановившись за спиной Эддисона, он поднял

руку, и по его сигналу на красный прямоугольник посадочной площадки спикировал серый служебный автомобиль. Едва машина коснулась земли, навстречу Эддисону, выскочив из кабины, поспешили еще двое агентов нацбезопасности в форменных мундирах.

— Не мне ли? — напрямик спросил Эддисон Дуг.

— Считайте, что вам, — ответил агент нацбезопасности.

Траурная процессия щемяще торжественно, скорбно текла вдоль Пенсильвания-авеню. Три гроба, накрытых флагами, дюжины черных лимузинов, плотные ряды скорбящих, зябко дрожащих под плотной тканью пальто, небо от края до края затянуто низкими тучами, серые силуэты домов теряются в пелене мелкой мороси, в хмуром мареве сырого, ненастного вашингтонского марта…

— … навевает печальные воспоминания о былом, — бубнил в микрофон, приникнув к окулярам призматического бинокля, нацеленного на первый из «Кадиллаков» в колонне, один из ведущих телевизионных обозревателей страны, Генри Кассиди, — о той процессии, что следовала через пшеничные поля в столицу, к месту вечного упокоения лучших людей страны, за гробом

Авраама Линкольна! Отметьте, друзья мои: сегодня нашу общую скорбь разделяет сама природа, само небо оделось в траур, плачет дождем…

Тут на экране его монитора возник лимузин, следовавший сразу же за тремя катафалками с гробами погибших темпонавтов, схваченный крупным планом, а оператор деликатно постучал кончиком пальца по плечу знаменитого телеобозревателя.

— Похоже, нам с вами пора обратить внимание на трех неизвестных, провожающих первопроходцев в последний путь, — согласно кивнув, заговорил в микрофон шейной гарнитуры Генри Кассиди, — но кто это, я пока разглядеть не могу. Эверитт, как там у тебя? Может, с твоего места обзор получше? — спросил он и нажал кнопку, уведомляя коллегу, Эверитта Брэнтона, что уступает эфир ему.

— Ну и ну, Генри, — с нарастающим волнением в голосе заговорил Брэнтон, — по-моему, в эту минуту мы собственными глазами видим экипаж из трех американских темпонавтов, ненадолго прервавших исторический перелет в будущее!

— Не означает ли это, — подхватил Кассиди, — что им так или иначе удалось решить, одолеть проблему, возникшую в…

— Боюсь, нет, Генри, — неторопливо, с грустью отвечал Брэнтон. — Боюсь, мы, а с нами и весь мир Запада, к немалому собственному удивлению, впервые получили возможность убедиться воочию в существовании так называемых — разумеется, среди тех, кто разбирается в технике, — «Промежуточных Временных Континуумов».

— Да-да, ПВК, — воодушевленно уточнил Кассиди, сверившись со сценарием, полученным от федеральных властей до начала эфира.

— Именно, Генри, именно. Вопреки впечатлению, создающемуся с первого взгляда, эти трое — вовсе не… подчеркиваю, вовсе не наши отважные темпонавты в смысле обычного, будничного восприятия…

— А-а, теперь понял! — восторженно перебил коллегу Кассиди, поскольку в официально утвержденном сценарии значилось: «ВОСТОРЖЕННО ПЕРЕБИВАЕТ ЕГО КАС». — Скорее всего, сейчас телекамеры беспристрастно фиксируют их, задержавшихся в дне сегодняшнем, ненадолго прервав экспедицию в будущее, беспримерный полет к пространственно-временному континууму, согласно изначальным планам, отделенному от нашего примерно сотней лет! Очевидно, на-

ша общая скорбь, небывалый драматизм этого неожиданно печального дня, побудил их!..

— Прошу прощения, Генри, — в свою очередь перебил его Эверитт Брэнтон, — но я вот о чем думаю. Раз уж торжественная процессия ненадолго прервала ход, возможно, нам с тобой удастся…

— Нет! — возразил Кассиди, скользнув взглядом по только что переданной ему записке, гласившей: «Срочно. Пред. инстр. отм. Интервью у ТН не брать», и явно нацарапанной в жуткой спешке. — Похоже, твоим… то есть, нашим общим надеждам на непродолжительную беседу с отважными темпонавтами, с Бенцем, Крейном и Дугом, сбыться не суждено!

С этими словами он бешено замахал рукой звуковику с ассистентом, тянущим к лимузину «удочку» с микрофоном, и замотал головой.

Однако Эддисон Дуг, заметив нависший над головой микрофон, немедленно поднялся с заднего сиденья открытого лимузина и встал во весь рост.

Кассиди беспомощно застонал.

«Говорить собирается, — подумал он. — Ему что, новых инструкций передать не успели? Только до меня вовремя достучаться и смогли?»

Репортеры с других телеканалов, не говоря

о радиостанциях, со всех ног бросились к «Кадиллаку», тыча микрофонами в нос всем трем темпонавтам, а особенно Эддисону Дугу. Дуг уже говорил, отвечая на вопрос, выкрикнутый кем-то из репортеров, но ни вопроса, ни слов темпонавта Кассиди, разумеется, — ведь его-то микрофон остался выключенным — не расслышал. Поразмыслив, он нехотя махнул рукой звукооператору с ассистентом: включайтесь, дескать, чего уж там.

— … не впервые, — загремел в наушниках голос Дуга.

— В каком смысле? Что значит «все это происходит далеко не впервые»? — выкрикнул один из радиорепортеров, прижатых менее расторопными коллегами к самому борту машины.

— В буквальном, — ответил американский темпонавт, Эддисон Дуг. Лицо его раскраснелось, жилы на шее вздулись, словно от страшного напряжения сил. — Я стою здесь, перед вами, и обращаюсь к вам далеко не впервые, а каждый из вас видел и эту процессию, и нашу гибель в точке возврата бессчетное множество раз. Мы в заколдованном круге, в замкнутой наглухо петле времени, которую нужно, необходимо разорвать!

— Значит, вы, — зачастил еще один репортер, подсовывая микрофон как можно ближе к Эддисону Дугу, — ищете способ задним числом избежать катастрофы, взрыва в момент возврата, чтобы, возвращаясь в прошлое, устранить сбой, предотвратить трагедию, которая стоила — то есть, с вашей точки зрения, будет стоить — вам жизни?

— Да, именно к этому мы и стремимся, — подтвердил темпонавт Бенц.

— Пытаемся отыскать причину спонтанного взрыва в момент возвращения и устранить ее до того, как стартуем обратно, — согласно кивнув, добавил темпонавт Крейн. — И нами уже установлено, что в темпоральном поле капсулы неизвестно как оказалось около ста фунтов разнородных запчастей к автомобилям марки «Фольксваген», включая блоки цилиндров, головки…

«Это ужасно», — подумал Кассиди.

— Поразительно! — воскликнул он в полный голос, включив микрофон гарнитуры. — Трагически погибшие американские темпонавты с целеустремленностью, какой возможно достичь только благодаря интенсивнейшим предполетным тренировкам плюс жесткая дисциплина

— а мы-то с вами гадали, зачем столько хлопот, но теперь ясно видим, зачем! — уже вникли в суть технических неполадок и приступили к нелегкому, трудоемкому анализу, к устранению их причин, чтобы вернуться в точку старта, на пусковую площадку, без сучка и задоринки!

— Однако тут возникает следующий вопрос, — раздался в наушнике обратной связи — а стало быть, и в эфире — неуверенный голос Брэнтона. — Какими окажутся последствия подобного вмешательства в недавнее прошлое? Если наши темпонавты не взорвутся в точке возврата и не погибнут, то им незачем будет… впрочем, нет, Генри, для меня это чересчур. Уж лучше оставим эти вопросы доктору Файну из Пасаденской Лаборатории Темпоральной Экструзии, так часто, так красноречиво рассказывающему о временных парадоксах с телеэкрана!

Тем временем темпонавт Эддисон Дуг, немного понизив голос, говорил, говорил во все протянутые к нему микрофоны:

— Нет, устранять причину взрыва в точке возврата нельзя ни за что. Путь к завершению перелета один — наша гибель. Смерть… иного выхода для нас троих нет.

Но тут он был вынужден прерваться: колонна

«Кадиллаков» двинулась дальше.

— Он, часом, не шизанулся? — пробормотал Генри Кассиди, на время отключив микрофон и повернувшись к своему оператору.

— Время покажет, — еле слышно откликнулся оператор.

— Да-а-а, — включив микрофон, протянул Кассиди, — момент для американской программы освоения времени, можно сказать, экстраординарный! Теперь только время — вы уж, друзья, простите мне невольный каламбур — покажет, являются ли загадочные утверждения темпонавта Дуга, высказанные спонтанно, в минуты наивысшей душевной муки… согласитесь, по нам с вами общенациональная трагедия ударила куда слабее… бредом человека, повредившегося умом от горя, или же точным, трезвым решением жуткой дилеммы, с которой, как всем нам теоретически было известно с самого начала, в любой момент могут столкнуться — столкнуться и пасть под ее смертельным ударом — хоть наши, хоть русские путешественники во времени.

На этом он и умолк, освобождая эфир для блока рекламных роликов.

— А знаете, — донесся из наушников голос Брэнтона, обращающегося не к зрителям, а только

к нему и режиссерам в центральной аппаратной, — если он прав, власти просто обязаны позволить этим бедолагам… умереть.

— Уж это точно, — согласился Кассиди, — иначе выходит вовсе не по-людски. Бог мой, Эддисон Дуг и выглядел, и говорил так, будто переживает все это целую тысячу лет и еще малость! Кто как, а я бы не поменялся с ним местами ни за какие деньги.

— Ставлю пятьдесят зелененьких, они действительно переживают все это не впервые. Далеко не впервые, — со вздохом поддержал его Брэнтон.

— Если так, значит, мы тоже, — заметил Кассиди.

Мелкий дождик усилился, шеренги скорбящих заблестели от влаги. Лица, глаза, даже одежда — все вокруг заискрилось, заиграло лучами скудного света, причудливо преломленного капельками воды, а между тем бесформенная серая пелена в вышине на глазах становилась все гуще, затмевала солнце все сильней и сильней.

— Так, мы в эфире? — спохватился Брэнтон.

«Кто его знает», — подумал Кассиди.

Лично ему хотелось лишь одного — чтобы этот проклятый день кончился, и как можно скорее.

Советский хрононавт, майор Н. Гауки взвол-

нованно вскинул вверх ладони и встревоженно. крайне настойчиво заговорил, обращаясь к сидевшим напротив американцам:

— И я, и мой коллега, Р. Пленя, за беспрецедентные заслуги в области хрононавтики по праву удостоенный звания Героя Советского Народа, основываясь на собственном опыте, а также теоретических материалах, предоставленных вашими академическими кругами и Академией Наук СССР, полагаем, что опасения темпонавта Э. Дуга могут оказаться вполне оправданными. Поэтому к его поступку… намеренному уничтожению себя самого и товарищей по экипажу в точке возврата посредством груды увесистых автозапчастей, прихваченных с собой из целевого ПВК, следует относиться как к акту отчаяния, последнему доводу человека, лишенного иного выхода. Но, разумеется, окончательное решение остается за вами. Мы в данном случае — всего-навсего консультанты. Советники.

Эддисон Дуг, вертевший в руках зажигалку, даже не поднял взгляд. В ушах гудело, но что это означает, оставалось только гадать. Гудит, словно вокруг полно электроники…

«Может, мы снова в капсуле?» — подумал он.

С одной стороны, вроде бы ничего подобного:

и люди вокруг, и стол, и синяя пластмассовая зажигалка в руке — все вполне настоящее. С другой же…

«На входе в точку возврата курение запрещено», — вспомнил Эддисон Дуг и аккуратно убрал зажигалку в карман.

— Никаких видимых подтверждений возникновения замкнутой темпоральной петли нами не обнаружено, — сообщил генерал Тоуд. — Все, чем мы располагаем — субъективные ощущения мистера Дуга. Чувство усталости плюс впечатление, будто он переживает происходящее снова и снова. Что, по его же словам, весьма вероятно, носит характер чисто психологический.

Сделав паузу, генерал принялся, словно боров, копаться в бумагах, разложенных перед ним на столе.

— Вот, — продолжал он, — заключение четырех психиатров из Йеля о состоянии его психики. Разумеется, не подлежащее огласке и не предоставленное журналистам. С одной стороны, психически мистер Дуг необычайно стабилен, с другой же, у него имеется склонность к циклотимическим колебаниям настроения, кульминацией каковых является острая депрессия. Естественно, данное обстоятельство обнару-

жилось задолго до пуска, однако специалисты решили, что жизнерадостность характера двух остальных членов экипажа надежно его сбалансирует. Увы, сейчас склонность мистера Дуга к депрессии исключительно высока.

С этими словами генерал протянул собравшимся за столом листок с заключением психиатров, однако вникать в подробности никто не пожелал.

— Доктор Файн, будьте добры, поправьте меня, если я ошибаюсь, — попросил генерал Тоуд. — Разве человек в состоянии острой депрессии не воспринимает время необычным, несколько искаженным образом, как нечто цикличное, повторяющееся вновь и вновь без конца? Насколько мне известно, страдающие серьезными расстройствами психики нередко отказываются расставаться с прошлым, постоянно прокручивают минувшее в голове…

— Да, но, видите ли, — возразил доктор Файн, светило фундаментальной науки, физик, создатель теоретической базы проекта, — к несчастью, если мы действительно имеем дело с замкнутой темпоральной петлей, кроме субъективных ощущений мистера Дуга, нам положиться не на что. Не на что.

— По-моему, наш генерал просто не понимает слов, которыми оперирует, — заметил Эддисон Дуг.

— Значения слов, оказавшихся незнакомыми, я уточнил, — проворчал генерал Тоуд, — так что смысл психиатрических терминов мне ясен.

— Эдди, а где ты взял эти части от «Фольксвагена»? — внезапно спросил Бенц, повернувшись к Эддисону Дугу.

— Нигде. У меня их еще нет, — напомнил Эддисон Дуг.

— Наверное, подобрал где-нибудь первый же хлам, подвернувшийся под руку, — предположил Крейн. — Первое, что нашлось рядом перед тем, как мы стартовали обратно.

— Стартуем обратно, — поправил его Эддисон Дуг.

— Так. Вот вам мое официальное распоряжение, — вмешался генерал Тоуд. — Любые попытки повредить капсулу, устроить взрыв или сбой в точке возврата — путем перегруза, или что еще может прийти вам в голову — категорически запрещаю. Приказываю вернуться штатно, в точности как отрабатывали на учениях. Особенно это касается вас, мистер Дуг.

Тут телефон у его правого локтя зажужжал

зуммером. Нахмурившись, генерал снял трубку, выдержал долгую паузу, а затем, помрачнев сильнее прежнего, с маху хлопнул трубкой о рычаги.

— Очевидно, ваш приказ отменен свыше, — отметил доктор Файн.

— Именно. Отменен, — подтвердил генерал Тоуд. — И, должен признаться, на сей раз я лично этому рад, поскольку принятое мной решение отнюдь не из приятных.

— То есть нам позволяется устроить взрыв в точке возврата, — помолчав, уточнил Бенц.

— Решайте сами, — ответил генерал Тоуд. — Дело касается ваших жизней, и наверху предпочли оставить последнее слово за вами. Распоряжайтесь собой, как пожелаете. Уверены, что находитесь в замкнутой темпоральной петле и мощный взрыв при возврате ее разомкнет, стало быть…

Тут генерал умолк: темпонавт Дуг поднялся на ноги. Лицо его жутко осунулось, под глазами набрякли мешки.

— Дуг, вы снова собираетесь сказать речь?

— Нет, — ответил Эддисон Дуг, окинув исполненным усталости взглядом собравшихся за столом. — Просто хочу поблагодарить всех причастных. За то, что оставили решение нам.

Искренне, от всего сердца.

— А знаешь, Дуг, — задумчиво проговорил Бенц, — ведь взрыв в точке возврата вовсе не обязательно поможет нам вырваться из темпоральной петли. Наоборот, вполне может ее создать.

— Если мы все погибнем, то нет, — возразил Крейн.

— То есть ты с Эдди согласен? — уточнил Бенц.

— Я вот что думаю: двум смертям не бывать. Как по-другому из положения выпутаться? Какой выход вернее гибели? Что тут вообще еще сделать можно? По-моему, выбор у нас небогат.

— Возможно, вы вовсе не в темпоральной петле, — заметил доктор Файн.

— Возможно. Вероятности равны, — парировал Крейн.

— Давайте Мерри Лу тоже к решению привлечем, — внезапно предложил Дуг, так и оставшийся на ногах.

— Зачем? — удивился Бенц.

— Мысли путаются, — пояснил Дуг. — Сплошной туман в голове. Пусть Мерри Лу мне поможет: на себя я уже не надеюсь.

— Ладно, как хочешь, — рассудил Крейн.

Бенц согласно кивнул.

— На этом, джентльмены, дискуссию следует завершить, — объявил генерал Тоуд, стоически взглянув на циферблат ручных часов.

Советский хрононавт, Н. Гауки, избавившись от наушников и микрофона на шее, протянул руки в сторону американских темпонавтов, поспешил к ним, горячо заговорил что-то по-русски, однако русского языка ни один из троих не знал. Церемонно отойдя от остальных, темпонавты сгрудились кучкой.

— По-моему, ты, Эдди, с катушек съехал, — объявил Бенц, — но кажется, я останусь в меньшинстве.

— Если он прав, — возразил Крейн, — если хоть один шанс из миллиарда за то, что нам предстоит крутиться в этой петле до бесконечности, его решение вполне справедливо.

— Едемте к Мерри Лу, а? — взмолился Эддисон Дуг. — Прямо сейчас, не откладывая.

— Она нас снаружи ждет, — сообщил ему Крейн.

Тут к троице темпонавтов подошел генерал Тоуд.

— А знаете, что склонило верхи к такому решению? Реакция общества на ваш, Дуг, вид и поведение во время траурной церемонии.

Оценив ее, аналитики Совета национальной безопасности США пришли к выводу, что общественность, подобно вам, предпочтет, чтобы ваши злоключения завершились раз и навсегда. Гарантированно. Что нации станет легче, если освободить вас от миссии, не стремясь спасти проект и добиться безукоризненного возвращения во что бы то ни стало. Очевидно, вы, Дуг… точнее, ваше нытье произвело на публику неизгладимое впечатление.

С этими словами генерал и двинулся дальше, оставив темпонавтов одних.

— Плюнь на него, — успокоил Эддисона Дуга Крейн. — Плюнь и забудь. И о нем, и обо всех ему подобных. Мы сделаем, что потребуется.

— Мерри Лу мне все растолкует, — откликнулся Дуг. — Уж она-то наверняка разберется, как тут быть. Не ошибется.

— Пойду приведу ее, — сказал Крейн, — а после все вместе поедем куда-нибудь, хотя бы к ней, и там решим, что делать дальше, о'кей?

— Спасибо. Большое тебе спасибо, — кивнув, поблагодарил его Эддисон Дуг, и с нетерпением огляделся в поисках Мерри Лу.

Где же она? Наверное, где-то рядом. Возможно, в соседней комнате.

Бенц с Крейном переглянулись, но что это могло значить, Эддисон Дуг понять не сумел. Знал только, что ему нужен кто-то, лучше всего — Мерри Лу, способный прийти на помощь, разобраться в сложившемся положении, подсказать единственно правильный, надежный путь к выходу.

Выехав из Лос-Анджелеса, Мерри Лу погнала машину на север, по крайней, сверхскоростной полосе шоссе, ведущего к Вентуре, а после свернула в глубину материка, на Охай. В пути все четверо по большей части молчали. Вела Мерри Лу, как всегда, выше всяких похвал. Прислонившись к ее плечу, Эддисон Дуг на время обмяк, смог несколько успокоиться.

Машина мчалась вперед, оставляя позади милю за милей.

— Приятно, черт побери, когда тебя вот так девица везет, — нарушил затянувшееся молчание Крейн.

— Да уж, с женщиной за рулем чувствуешь себя прямо-таки аристократом, — пробормотал Бенц. — Вроде графа какого-нибудь при личном шофере.

— Скажи честно, — заговорил Эддисон Дуг, — что ты вчера подумала, увидев, как я бреду наверх, к твоему дому… по полукруглым пласт-

массовым ступенькам под красное дерево?

— Ты, — не без колебаний ответила девушка, — будто бы поднимался ко мне уже много-много раз. Усталым казался, измотанным… на грани смерти: поднимешься и упадешь. Прости, Эдди, но так ты и выглядел со стороны. Я еще удивилась: откуда ты путь знаешь так хорошо?

— Словно проделывал его Бог знает в который раз?

— Да, — подтвердила Мерри Лу.

— Значит, ты голосуешь за взрыв, — подытожил Эддисон Дуг.

— Ну, как бы это…

— Говори прямо, — велел он.

— Оглянись назад, — негромко сказала Мери Лу. — Видишь коробку в ногах, на полу?

Вооружившись фонариком, нашедшимся в перчаточном ящике, темпонавты склонились над коробкой. Направив луч внутрь, Эддисон Дуг невольно вздрогнул: коробка оказалась битком набита ржавыми, порядком изношенными, измазанными тавотом деталями от фольксвагеновских моторов.

— Увидела неподалеку от дома, на задах мастерской, где чинят европейские марки, по пути в Пасадену, — пояснила Мерри Лу. — Первый

подвернувшийся под руку хлам, достаточно тяжелый на вид. По телевизору, когда пуск показывали, говорили: любой лишний груз тяжелее пятидесяти фунтов…

— Да, этого хватит… вернее, хватило, — согласился Эддисон Дуг.

— А раз так, у вас нам делать нечего, — рассудил Крейн. Голос его звучал глухо, но ровно, без дрожи. — Все решено. Можно хоть сейчас повернуть на юг, к капсуле, и начинать процесс выхода из ПВК. Лететь назад, в точку возврата. Спасибо за мнение, мисс Хокинс.

— Вы все так устали, — вполголоса пояснила девушка.

— Лично я — нет, — возразил Бенц. — Я просто зол. Зол, как черт.

— На меня? — спросил Эддисон Дуг.

— Сам не знаю. Просто… а, дьявол!

С досадой махнув рукой, Бенц помрачнел, умолк, склонил голову, нахохлился и замер — замкнулся в себе, отстранился от спутников как можно дальше.

На следующем же съезде с шоссе Мерри Лу развернулась и повела машину обратно, к югу. Казалось, ее переполняет чувство свободы, и, глядя на нее, Эддисон Дуг почувствовал, как свин-

цовое бремя усталости тает, идет на убыль.

Внезапно на запястьях всех троих тревожно, назойливо зажужжали зуммеры приемников экстренного оповещения. Не ожидавшие этого темпонавты вздрогнули, вскинули головы.

— Что бы это значило? — забеспокоилась Мерри Лу, слегка сбросив газ.

— Нам следует как можно скорее связаться с генералом Тоудом, — ответил Крейн, указывая вперед. — Вон там, впереди, заправка «Стандард Ойл», оттуда и позвоним. Примите правее, мисс Хокинс.

Спустя пару минут Мерри Лу остановила машину на заправочной станции, возле уличной телефонной будки.

— Надеюсь, ничего страшного не случилось, — пробормотала она.

— Я первым поговорю, — вызвался Дуг, выбираясь наружу и разминая затекшие, одеревеневшие ноги.

«Страшного? — с вымученной усмешкой подумал он. — Чего, например?»

Хрустя щебенкой, Эддисон Дуг доковылял до телефонной будки, вошел внутрь, прикрыл за собою дверь, опустил в прорезь дайм и набрал номер «горячей линии».

— У меня для вас новости, да какие! — заговорил генерал Тоуд, как только диспетчер переключил звонок на него. — Хорошо, что мы вовремя успели перехватить вас… Минутку, пусть доктор Файн сам вам все объяснит: ему вы скорее поверите.

Полдюжины щелчков, и в наушнике зазвучал тоненький, суховатый, однако необычайно встревоженный голос ученого-физика.

— Хелло!

— Что у вас за дурные вести такой срочности? — проворчал Эддисон Дуг.

— Ну, вовсе не обязательно дурные, — успокоил его доктор Файн. — По завершении нашей дискуссии я кое-что подсчитал, и, похоже — то есть статистически весьма вероятно, но на сто процентов еще не проверено… похоже, вы, Эддисон, правы. Вы в замкнутой темпоральной петле.

Эддисон Дуг с дрожью, прерывисто перевел дух.

«Провалиться бы тебе, хорьку старому, — подумал он. — Наверняка, наверняка ведь с самого начала все понимал!»

— Однако, — взволнованно, с легкой запинкой продолжал доктор Файн, — вдобавок к этому я… вернее, мы, объединив усилия с Калифорнийским Технологическим, подсчитали, что взрыв в

точке возврата с максимальной вероятностью не разомкнет — напротив, поспособствует сохранению темпоральной петли в целости! Понимаете, Эддисон? Если вы потащите обратно все эти ржавые запчасти от «Фольксвагенов» и взорветесь, статистическая вероятность замкнуть петлю навсегда гораздо выше вероятности угодить в нее, вернувшись назад попросту, штатно!

Эддисон Дуг промолчал.

— Поймите же, Эдди, дело крайне серьезно! Подчеркиваю: взрыв в точке возврата, тем более взрыв такой мощности, устроенный намеренно, — вы ведь к этому, кажется, клоните… Эдди, вы меня слушаете? За ходом мысли следите? Я доступно выражаюсь? Эдди, Господа ради!.. Ваша затея практически со стопроцентной гарантией завершится наглухо замкнутой, неразрывной темпоральной петлей — как раз такой, какая у вас на уме! Именно тем, чего все мы и опасались с самого начала!

Вновь пауза.

— Эдди?.. Эдди, вы здесь?

— Мне одного хочется: сдохнуть бы, да поскорее, — откликнулся Эддисон Дуг.

— Это всего-навсего переутомление, из-за петли. Бог знает сколько кругов ваша тройка в ней

намотала с тех пор, как…

— Все. Хватит, — оборвал Эддисон доктора и отнял трубку от уха, собираясь завершить разговор.

— Прошу вас, не спешите с возвратом! — зачастил доктор Файн. — Дайте хотя бы поговорить с Бенцем и Крейном… особенно с Бенцем! Прошу вас, Эддисон! Ради товарищей! Полное истощение сил подорвало ваши…

Эддисон Дуг, повесив трубку, вышел из будки. Истощение сил… действительно, ноги слушались плоховато.

Забравшись в кабину, он услышал жужжание зуммеров. Приемники экстренного оповещения на запястьях товарищей надрывались вовсю.

— Генерал Тоуд просил передать, что ваши приемники еще посигналят малость, но на это внимания можно не обращать. Автоматика, — пояснил Эддисон и захлопнул дверцу машины. — Едем.

— А с нами он поговорить не хочет? — удивился Бенц.

— Генерал Тоуд просто хотел сообщить, что нам приготовлен приятный сюрпризец, — сказал ему Эддисон Дуг. — Конгресс большинством голосов удостоил всех нас особой награды — за беспри-

мерную доблесть или еще как-то там. Медали, учрежденной специально ради нас. Для посмертного награждения.

— Ну да, дьявол их забери… по-другому, пожалуй, не выйдет, — с невеселой усмешкой проворчал Крейн.

Мерри Лу, включив зажигание, негромко заплакала.

— Скорее бы все это кончилось, — со вздохом сказал Крейн после того, как машина, виляя, хрустя щебенкой, вывернула на шоссе.

«Ничего, ничего. Осталось совсем немного», — мысленно подбодрил товарища Эддисон Дуг.

Приемники экстренного оповещения на запястьях тревожно гудели, жужжали зуммерами без умолку.

— Так вот и гложут нас день за днем. До смерти не отвяжутся, — задумчиво проговорил Эддисон Дуг. — Не одни бюрократы, так другие… и конца-края этому не видать.

Спутники, как один, повернулись к нему, вопросительно подняли брови; на лицах их отразилась тревога пополам с недоумением.

— Ага, — согласился Крейн. — Мне эти автоматические оповещения тоже уже надоели до чертиков.

В его голосе слышалась нешуточная усталость.

«Вымотался не меньше меня», — отметил Эддисон Дуг.

От этой мысли на сердце сделалось легче. Вот оно, еще одно доказательство его правоты…

По ветровому стеклу забарабанили крупные капли начинавшегося дождя. От этого настроение Эддисона улучшилось тоже. Ливень напоминал о самом волнующем из впечатлений, которые ему довелось испытать на протяжении не такой уж и долгой жизни — о траурной процессии, медленно, скорбно ползущей вдоль Пенсильвания-авеню за тремя гробами под флагами США. Прикрыв глаза, он удовлетворенно откинулся на спинку сиденья. На сердце в кои-то веки потеплело. Казалось, со всех сторон вновь зазвучал негромкий ропот множества убитых горем людей, в голове сам собой возник образ высокой награды, медали, учрежденной Конгрессом специально ради их тройки.

«За беспримерную усталость, — подумал Эддисон. — За стойкость и мужество перед лицом упадка сил».

Перед мысленным взором его замелькали, сменяя друг дружку, новые, новые траурные процессии, смерти великого множества человек,

однако на самом деле то была одна смерть, одни похороны. Вереница машин, ползущих по улицам Далласа… прощание с доктором Кингом…

Увидел он и себя самого, вновь и вновь возвращающегося в одну и ту же точку замкнутого круга собственной жизни, в день всенародной скорби — в тот самый день, который не забыть ни ему, ни всем остальным. Как же забудешь его, когда и ему, и всем остальным еще предстоит побывать там не раз, не два и не три, ведь у кольца нет конца! Круг за кругом, оборот за оборотом, новые, новые, новые возвращения к тому желанному месту, в тот желанный момент, наиважнейший момент для каждого.

Таков его дар, дивный дар всем согражданам, всей родной стране, всему миру — чудесное, ужасающее, изнурительнейшее бремя вечной жизни!

Предличности

Увидев за кипарисовой рощей — они с ребятами как раз играли в «царя горы» — белый фургон, Уолтер узнал его с первого взгляда.

«Абортваген едет, — подумал он. — Кого-то из ребят заберет… в абортарий, на постнаталку».

А вдруг…

«А вдруг его мои родители вызвали? За мной?!» — внезапно пришло ему в голову.

Сорвавшись с места, Уолтер нырнул в густые заросли ежевичника. Ух и колючие же… но ничего. Не так уж это и страшно.

«В кустах разве что исцарапаешься, — охваченный паникой, размышлял он, — а там, в ПНА, у ребят воздух из легких выкачивают! У всех разом, в большом таком зале… в огромной палате для никому не нужных, нежеланных детей!»

С этими мыслями Уолтер забился в кусты ежевики как можно глубже, затаил дух, прислушался к шуму мотора: не остановится ли фургон?

— Я невидим, — сказал он вслух себе самому.

Слова эти провозгласил Оберон, которого он играл пятиклассником, когда в школе ставили

«Сон в летнюю ночь», и Оберона вправду никто не сумел заметить. Может, сейчас выйдет так же? Может, их волшебство подействует не только на сцене?

— Я невидим, — повторил Уолтер, хотя заранее знал: без толку это все.

Без толку… вот они, его руки, и ноги, и башмаки. И все вокруг — особенно санитар за рулем абортвагена, а еще мамка с папкой — увидят его сразу же, попадись им только на глаза.

Если на этот раз абортваген приехал за ним…

Эх, вот был бы он вправду царем, правителем фей и эльфов — в ореоле из золотистой волшебной пыльцы, на голове сверкает корона, а рядом верный Пак, готовый исполнить любое секретное поручение и даже дать дельный совет… ну да, совет, пускай и самому царю, повздорившему с женой, царицей Титанией!

«Видно, не все, что скажешь, обязательно становится правдой», — со вздохом подумал Уолтер.

Солнце палило нещадно, слепило глаза, однако он не столько смотрел, сколько вслушивался в рокот мотора. Мотор абортвагена тарахтел, не смолкал, и Уолтер постепенно воспрянул духом. Сомнений не оставалось: в абортарий отправится не он, а кто-то другой, кто-то из ребят, живущих

чуть дальше.

Дрожащий, весь исцарапанный шипами ежевичника, он с трудом выбрался из кустов, несмело направился в сторону дома, однако, сделав с десяток шагов, не сдержался, расплакался — не столько от боли, сколько от страха пополам с облегчением.

— О, Боже правый! — едва увидев его, воскликнула мать. — Где же это, скажи на милость, тебя носило?

— Я… я… абортваген… тут видел, — с запинкой, отчаянно хлюпая носом, пролепетал Уолтер.

— И решил, что он вызван за тобой?

Уолтер безмолвно кивнул.

— Послушай, Уолтер, — заговорила Синтия Бест, присев на корточки и крепко стиснув в ладонях его дрожащие пальцы, — слово тебе даю, обещаю и за себя и за папу: в окружной детприемник мы тебя не сдадим ни за что. К тому же детприемник ты уже перерос: туда забирают детей не старше двенадцати.

— А вот Джефф Фогель…

— Его родители отдали в детприемник до того, как новый закон вступил в силу. Сейчас его туда официально принять не смогли бы. И тебя не смогут. Вот, погляди: у тебя есть душа. Согласно

закону, в двенадцать лет мальчик становится одушевленной личностью, а значит, отправке в окружной детприемник не подлежит… понимаешь? Тебе опасаться нечего. Увидишь поблизости абортваген, знай: это не за тобой. За кем угодно, но не за тобой, ясно? За кем-то другим, из младших, из тех, у кого еще нет души… предличностей.

— А по-моему, — опустив голову, не глядя в глаза матери, возразил Уолтер, — душа у меня вовсе не появилась в двенадцать лет. По-моему, она всегда, с самого начала была.

— Это вопрос правовых норм, — отрезала мать. — В законодательстве возраст указан точно, а ты его миновал. Закон этот Конгресс принял под давлением Церкви Бдящих… На самом деле церковники настаивали на меньшем возрасте, утверждали, будто душа вселяется в тело после трех лет, но в итоге большинство конгрессменов проголосовало за компромиссный вариант. Впрочем, это не так уж важно. Главное, юридически, по закону, ты в полной безопасности, каких бы страхов себе ни насочинял, понимаешь?

— О'кей, понимаю, — кивнув, пробормотал Уолтер.

— И прежде прекрасно все понимал.

— Да?! — взорвался Уолтер, выплескивая

наружу всю накопившуюся в сердце злость и обиду. — А каково, по-твоему, каждый день ждать, вот сейчас придет за тобой санитар, посадит в фургон, за решетку, и…

— Твой страх неразумен, — твердо ответила мать.

— Неразумен? Я сам видел, как Джеффа Фогеля в детприемник забрали! Как он ни плакал, санитар, глазом не моргнув, цап его, в фургон сунул, дверцу захлопнул и укатил!

— Все это случилось два года назад… а ты — просто хлюпик! — рявкнула мать, окинув Уолтера гневным взглядом. — Увидел бы дед, послушал бы твое нытье, ох и всыпал бы тебе горячих! Отец-то твой, конечно, не той породы. Этот только осклабится да ляпнет какую-нибудь глупость. Сейчас времена не те, что два года назад, и умом ты понимаешь, что перерос максимальный, установленный законом возраст! Понимаешь, но ведешь себя, как… — Тут мать запнулась, задумалась в поисках подходящего слова. — Как гадкий, испорченный щенок!

— И назад Джефф больше не вернулся.

— Вероятно, кто-нибудь из желающих завести ребенка приехал в окружной детприемник, увидел там Джеффа и усыновил. Возможно, теперь

у него есть действительно любящие, заботливые родители. Предличности содержатся в детприемниках тридцать дней и только после могут быть ликвиди… то есть усыплены, — спохватившись, поправилась мать.

Однако Уолтера такая подмена нисколько не обнадеживала. Прекрасно знавший, что означает «усыпить» среди мафиози, не говоря уж о ветеринарах, он высвободился из рук матери, отодвинулся от нее. Не нужно ему ее утешения! Всего-то несколько слов — и мать пустила все свои утешения по ветру, показала, чем дышит, во что верит, что думает, чего от нее ожидать… чего ждать вообще от всех, от всех вокруг!

«Уж я-то точно знаю, что нисколько не изменился за эти два года, с тех пор как перестал считаться маленьким и несмышленым, — рассуждал он. — Если сейчас у меня, как говорится в законе, есть душа, то появилась она не в двенадцать лет, а куда раньше… либо душ у нас нет вообще. Есть только жуткий крашеный под „металлик“ фургон с решетками на окнах, навсегда увозящий из дому ребят, разонравившихся родителям — родителям, пользующимся расширением старого закона насчет абортов, позволявшего избавиться от нежеланного ребенка, пока он не появился

на свет. Раз у него еще нету „души“, или там „самосознания“, значит, его вполне можно взять да отсосать изнутри специальным вакуумным насосом. Всех дел — от силы на две минуты; любой доктор таких операций исполнял хоть сотню в день и не нарушал никакого закона, потому что неродившийся ребенок не считался за человека. „Предличностью“ был. Точно так же и с этим фургоном. Тот же насос… просто срок вселения в тело души на двенадцать лет вперед сдвинули».

Примерный возраст, по достижении которого в тело вселяется душа, конгрессмены определили при помощи простого критерия — способности усвоить высшую математику наподобие начал алгебры. Разобрался в алгебре, значит, стал человеком, а до тех пор был просто существом, телом, управляемым животными инстинктами, рефлекторными реакциями на внешние раздражители. Вроде собак из ленинградской лаборатории Павлова[46], при виде сочащейся под дверь воды «понявших», что им грозит, однако людьми не

[46] Примечания: 46

Во время наводнения 1924 г., затронувшего территорию Института экспериментальной медицины, подопытные собаки И. П. Павлова, пережив длительный стресс, «забыли» усвоенные ранее сложные поведенческие программы. Данный феномен положил начало исследованиям экспериментальных неврозов, начатым И. П. Павловым и продолжающимся до наших дней.

являвшихся.

«По-моему, я все-таки человек, — подумал Уолтер, подняв голову, взглянув в суровое, сумрачное лицо матери, отметив, как строг, расчетливо беспощаден ее взгляд. — Человек ничем не хуже тебя. Эй, а ведь быть человеком здорово, а? Никакого фургона бояться не надо!»

— Вот, теперь много лучше, — заметила мать. — Очевидно, с приступом паники мы справились.

— Не так уж я и испугался, — буркнул Уолтер.

Да, страх отпустил: ведь фургон уехал. Уехал, а Уолтера не увез… однако спустя два-три дня вернется. Патрулирует он тут постоянно — вьется, вьется вокруг.

Что ж, ладно. По крайней мере, два-три дня спокойной жизни у него есть. Правда, потом абортваген появится снова, и…

«Если бы я хоть не знал, что там у ребят воздух из легких выкачивают, — подумал Уолтер. — Что умертвляют их таким вот способом. Почему так? Отец объяснял: дешевле. Экономия средств налогоплательщиков».

Вспомнив об этом, Уолтер задумался о налогоплательщиках. Интересно, какие они из себя? Наверное, на ребят вечно зверьми смотрят. И если кто из малышей вопрос задаст, даже ухом не

поведут. И лица у них узкие, настороженные, в глубоких тревожных морщинах, глаза постоянно бегают… или, наоборот, щеки толстые, вислые, и подбородок тройной. Нет, пожалуй, худые куда страшней толстяков: сами жизни не радуются, и другим не дают, и вообще все живое передавили, передушили бы, дай им волю. Во взгляде каждого так и сверкает: «Сдохни, исчезни, исчахни, сгинь с глаз долой», — и абортвагены, орудие их злобы, подтверждают их желания целиком.

— Мам, — заговорил он, — а как можно закрыть окружной детприемник? Ну, знаешь: клинику-абортарий, куда забирают новорожденных и младших ребят.

— Идешь и подаешь петицию в законодательное собрание округа, — ответила мать.

— Петицию… А знаешь, что бы я сделал? Подождал бы, пока там не останется никого из ребят, только служащие, и поджег бы его! Поджег бутылкой с «коктейлем Молотова»! — выпалил Уолтер.

— Это что еще за разговорчики?! — в гневе рявкнула мать.

Увидев на ее лице те самые жесткие, суровые морщины тощего налогоплательщика, Уолтер не на шутку перетрусил, всерьез испугался родной матери. Ее ледяные, непроницаемые глаза не

отражали никаких чувств… ни малейших следов души.

«Это не у нас — у тебя души нет. У тебя и у всех вас, чучел костлявых, желающих нам сдохнуть», — подумал Уолтер и побежал на улицу продолжить игры с ребятами.

Жуткий фургон заметил не только Уолтер — почти все ребята, жившие по соседству. Теперь они, собравшись кучкой, порой перебрасывались парой слов, но большей частью попросту ковыряли носками башмаков пыль, отфутболивали в сторону камешки, давили подвернувшихся под ноги мерзких жужелиц.

— За кем фургон приезжал? — спросил Уолтер.

— За Фляйшхаккером. За Эрлом Фляйшхаккером.

— Забрали?

— Еще бы… ты что, не слышал, как он орал?

— А его предки тем временем дома были?

— Не-а. Смылись заранее, будто бы по делу, типа «пора масло в машине сменить».

— Так они сами фургон и вызвали? — уточнил Уолтер.

— Ну да, по закону его только родителям вызывать можно. Вызвать-то вызвали, а дожидаться фургона небось не стали, забздели… а как он орал,

как орал, а! Ты-то издалека, наверное, не слышал, но орал он как резаный, точно тебе говорю.

— Знаете, что надо с ним сделать? Бутылку с бензином в фургон этот бросить. Замочить санитара к дьяволу, — объявил Уолтер.

Остальные ребята, презрительно щурясь, уставились на него, будто на идиота.

— Ага. За такие выходки в психбольницу на всю жизнь упекут.

— Кого на всю жизнь, а из кого будут «создавать новую, социально жизнеспособную личность», — со знанием дела уточнил Пит Брайд.

— Ну, а что, что делать тогда? — буркнул Уолтер.

— Тебе двенадцать есть? Ну и вот. Тебе-то чего бояться?

— А если закон опять поменяют?

Да, Уолтер знал, что по закону детприемник ему не грозит, однако легче от этого не становилось: казалось, абортваген, приезжавший за теми, кому еще нет двенадцати, сделался страшнее прежнего. Сколько ребят сейчас сидят в детприемнике, час за часом, день за днем смотрят наружу из-за стальной проволочной сетки, ждут, считают убегающие минуты, надеясь, что кто-нибудь приедет и усыновит их?

— Ты там когда-нибудь был? — спросил он Пита Брайда. — Сам был хоть раз в окружном детприемнике? Сколько там ребятишек, совсем малышей, младенцев, ползунков не старше года! Эти ведь даже не соображают, что им уготовано!

— Самых-то маленьких разбирают обычно, — заметил Зак Яблонски, — а вот у тех, кто постарше, вправду ни шанса нет. Их вот всего и жальче: разговоры ведут с приходящими, из кожи вон лезут, чтоб желанными себя показать, но люди-то все понимают… желанного в детприемник никто не сдаст.

— Ну, давайте хоть колеса проколем, — пораскинув умом, предложил Уолтер.

— У фургона-то? Хм-м-м… О, кстати, вы в курсе? Если нафталиновый шарик в бензобак бросить, двигателю через неделю конец! Может, так и сделаем? Даже проще.

— Но тогда на нас охоту начнут, — с сомнением пробормотал Бен Блэр.

— Уже начали, не видишь? — парировал Уолтер.

— А по-моему, фургон поджечь — дело хорошее, — подал голос Гарри Готлиб, — только вдруг внутри ребята окажутся? Сгорят ведь! Сколько ребят там помещается? З-зараза, не помню… но

где-то по пять человек с разных концов округа он в день собирает.

— А вы знаете, что с улиц даже собак забирают? — вспомнил Уолтер. — И кошек тоже. Сами, наверное, видели: за ними специальный фургон приезжает примерно раз в месяц. Только надпись сбоку, «ОТЛОВ БРОДЯЧИХ ЖИВОТНЫХ», а в остальном все то же самое. Загоняют их в большую палату и убивают. Воздух из легких выкачивают. Даже собак, даже кошек — и тех не щадят!

— Вот сам увижу, тогда и поверю, — с издевкой, недоверчиво щурясь, заявил Гарри Готлиб. — Скажешь тоже: фургон, увозящий с улиц собак…

Однако Уолтер знал, о чем говорит: он лично видел фургон собаколовов целых два раза.

«Собаки, кошки, а главным образом, мы, — нахмурившись, подумал он. — Ну, то есть, если уж за нас взялись, ясное дело, следом и до собак с кошками доберутся: не такая уж между нами большая разница. Вот только что за человек согласится на такую работу, даже если все по закону? „Крайнее соблюдение законности может оказаться крайним беззаконием“… помнится, так писали в какой-то книжке. А еще писали: „Если закон несправедлив, нарушать его — благо“.

Нет, первым делом нужно сжечь, взорвать этих собаколовов — их фургон куда хуже, страшней нашего!»

Да, почему чем слабей, чем беспомощней существо, тем легче некоторым взять и погубить его? Сначала «предличностями», как сейчас говорится, считались младенцы в утробе матери, жертвы «предродовых» абортов. Как нерожденному защититься? Кто за него заступится, замолвит словечко? Сколько же это жизней — беспомощных, бессловесных, гибнущих сотнями, по сотне на каждого доктора в день, многие годы?

«Гниды они, эти типы, потому и берутся за такие вещи, — подумал Уолтер. — Знают, что сдачи не прилетит, вот и показывают силу на безответных. Пара минут, и малыш, зародыш жизни, не успев увидеть белого света, высосан, втянут вакуумным насосом, а доктор идет обрабатывать следующую цыпу в очереди! Тут требуется своя сила, организация вроде мафии. „Мочи мокрушников“, или еще как-то так. Подходит наш человек, наемный убийца, к такому вот доктору, выхватывает из кармана трубку, а доктор туда, внутрь — вж-жик — и съеживается, становится крохотнее младенца в материнской утробе!»

Представив себе докторишку-зародыша со сте-

тоскопом не больше булавочной головки на шее, Уолтер расхохотался от всей души.

Ребятишки… Вроде бы несмышленыши, но на самом-то деле все знают — все, и даже куда больше, чем им положено!

Спецфургон абортария, как обычно, катил вперед под перезвон колокольчиков, под джингл из «Продавца „Хорошего Настроения“»[47]:

Идут на горку Джек и Джилл,
Несут в руках ведерки…[48]

Записанная на склеенную кольцом магнитную ленту мелодия гремела из динамиков стереосистемы, сконструированной инженерами «Ампекса» специально для «Дженерал моторс», целый день напролет, умолкая лишь незадолго до очередного задержания. Приблизившись к цели, водитель выключал стереосистему и отыскивал

---

[47] Примечания: 47

«Продавец „Хорошего Настроения“» (англ.: «Good Humor Man») — криминальная комедия о продавце мороженого популярной в США компании «Good Humor», случайно оказавшемся замешанным в убийстве и ограблении, снятая Ллойдом Бэконом в 1950 г. Главный герой, Бифф Джонс, развозит мороженое на фирменном фургоне сродни спецфургонам из этого рассказа под мелодию «Джек и Джилл», вызваниваемую колокольчиками над сиденьем водителя.

[48] Примечания: 48

Перевод С. Я. Маршака.

нужный адрес в тишине, однако, впихнув «нежеланчика» в задний отсек фургона, ехал обратно, в окружной детприемник, либо за следующей предличностью в списке, под то же самое:

Идут на горку Джек и Джилл,
Несут в руках ведерки…

«Споткнулся Джек и лоб зашиб, а Джилл слетела с горки», — мысленно закончил куплет Оскар Феррис, водитель спецфургона номер три.

«Какой там еще лоб? — сально осклабившись, подумал он. — Знаем мы, что он зашиб, с горки-то навернувшись — пипиську торчащую, к гадалке не ходи! Игрался с ней этот Джек, и Джилл небось тоже. Ведерки в руках… ага, как же! Известно, ради чего они оба в кусты забрались, да только с зашибленным причиндалом не слишком-то разгуляешься!»

— Не свезло этой Джилл, — подытожил он вслух, привычно, умелой рукой вертя баранку руля.

Фургон — всего четыре года как с конвейера — ровно, шустро катил вдоль извилистой ленты Калифорнийского шоссе номер один.

«Ребятня эта… все они таковы, — размышлял Феррис. — Мерзкие, грязные твари, и игры у них

соответствующие».

По обе стороны от шоссе тянулись вдаль дикие, незастроенные земли, бродячей детворы в здешних полях и оврагах шныряло немало, так что Феррис держал ухо востро, и… ага, вон, справа, мальчонка лет шести — шмыгнул вбок, поспешая убраться с глаз!

Завидев мальчишку, Феррис тут же потянулся к кнопке, включающей сирену. Перепуганный воем, мальчишка вздрогнул, замер как вкопанный, не в силах сдвинуться с места, а спецфургон, попрежнему наигрывая «Джека и Джилл», принял правее, сбавил ход, подкатил вплотную к нему и остановился.

— Кто таков? Чей? Откуда? Ж-справочку предъяви, — велел Феррис, не выходя из кабины, а попросту выставив за окно локоть с нашивкой, символом власти, на рукаве коричневого форменного кителя.

С виду мальчишка выглядел худосочным, недокормленным, как большинство побродяжек, однако на носу у него поблескивали очки. Белобрысый в футболке и джинсах, мальчуган в ужасе взирал на Ферриса снизу вверх, а лезть в карман за справкой даже не думал.

— Ну? Справка, Ж-карточка, у тебя есть или

нет?

— К-к-к-какая Ж-карточка?

Растолковывая мальчишке его права, пришлось перейти на официальный, казенный тон.

— Справка по форме тридцать шесть-В, заполненная любым из твоих родителей либо законных опекунов. Документально удостоверяющая желанность. То есть тот факт, что они — он, она, безразлично — считает тебя желанным ребенком. Для краткости — Ж-карта. У тебя такой нет? Тогда ты по закону бродячий, беспризорный, даже при наличии родителей, желающих оставить тебя при себе, для чего им надлежит уплатить штраф в размере пятисот долларов.

— Ого, — охнул мальчишка. — Но я… я ее потерял.

— Не беда, в архиве есть копия. У нас все документы, все сведения такого рода микрофильмируются. Я отвезу тебя в…

— В окружной детприемник?!

Тонюсенькие, будто ершики для чистки трубок, ноги мальчишки подогнулись, задрожали от ужаса.

— На заполнение справки по форме тридцать шесть-В твоим родителям отпущено тридцать дней. Если они по истечении данного срока ее

не оформят…

— Мама и папа договориться никак не могут… а я сейчас с папой живу.

— И он не оформил на тебя Ж-карточку, удостоверяющую принадлежность?

В зажимах под потолком, поперек кабины фургона, полагалось возить дробовик. Мало ли, как обернется дело, когда берешь побродяжку? Всякое в жизни случается. Вспомнив об этом, Феррис машинально поднял взгляд к потолку. Да, помповый дробовик никуда не делся, поблескивал воронением, будто новенький: за весь срок службы в органах правопорядка Феррису доводилось пускать его в ход только пять раз. Убойная штука… один выстрел — и человека разносит чуть ли не на молекулы!

— Придется тебя задержать, — объявил Феррис, распахнув водительскую дверцу и выдернув из замка зажигания ключи. — Там, сзади, еще мальчуган сидит, так что скучать в одиночестве не придется.

Мальчишка моргнул, упрямо набычился, будто бы врос в землю.

— Никуда я не поеду, — отрезал он.

— Э-э, да ты небось страшилок насчет окружного детприемника наслушался! Брось, чушь это

все: усыпляют там только уродов, калек, а хорошего, нормального с виду парнишку непременно кто-нибудь да усыновит! Тем более у нас тобой профессионалы займутся — постригут, отмоют, отчистят, в божеский вид приведут. Мы тебе и таким, как ты, дом подыскать хотим, в этом-то вся и суть. Никому не нужны считаные единицы — ну, знаешь, те, кто либо умственно, либо физически нездоров, а за тебя-то какой-нибудь зажиточный гражданин вмиг обеими руками ухватится, вот увидишь. Тогда тебе уж не придется бегать в такой глуши одному, без родительского присмотра. Обзаведешься новыми, заботливыми родителями, а они еще, слышь-ка, кучу денег за тебя отвалят — зарегистрируют тебя в законном порядке, черт побери! Соображаешь? Сейчас я тебя просто во временный приют отвезу, а уж там-то кандидаты в усыновители себя ждать не заставят!

— Но если в течение месяца меня никто к себе не возьмет…

— Дьявол, да ты и здесь, в Биг-Сур, вполне можешь со скалы свалиться и расшибиться насмерть! Словом, не беспокойся. Первым делом секретариат детприемника свяжется с твоими кровными родителями, и они, скорее всего, явят-

ся за тобой с подтверждением желанности по форме пятнадцать-А еще до конца дня. Ну, а ты прокатишься в свое удовольствие, с кучей новых ребят знакомство сведешь, а нередко случается, что…

— Нет, — непреклонно ответил мальчишка.

— К твоему сведению, — сменив тон, заговорил Феррис, — я — представитель окружных властей.

С этими словами он, распахнув дверцу кабины, спрыгнул на обочину и предъявил мальчишке блестящую бронзой бляху.

— Санитар-полицейский Феррис, при исполнении служебных обязанностей. Приказываю проследовать в задний отсек спецфургона.

Тут к ним неторопливо, с оглядкой подошел рослый человек средних лет, примерно в такой же футболке и джинсах, как у мальчишки, только без очков на носу.

— Вы — отец мальчика? — спросил Феррис.

— Вы что ж это, на живодерню его забрать вздумали? — едва не задохнувшись от возмущения, осведомился подошедший.

— Среди нас данное учреждение принято называть детским приемником либо приютом, — осуждающе поправил его Феррис. — «Живодерней» его презрительно именуют радикальные

хиппи, искажая — причем умышленно — общую картину, самую суть нашей деятельности.

— У вас ребятишки заперты там, вон в тех клетках, если не ошибаюсь? — кивнув на фургон, спросил подошедший.

— Так. Предъявите-ка документики, — потребовал Феррис. — А еще мне хотелось бы знать, арестовывались ли вы ранее.

— Арестовывался, но был признан невиновным, или же арестовывался и был признан виновным? — саркастически уточнил подошедший, не торопясь с ответом.

— Отвечайте на вопрос, сэр, — велел Феррис, раскрыв и подняв к самому его носу плоский черный бумажник с удостоверением служащего окружной санитарной полиции, которое обычно предъявлял взрослым. — Кто вы такой? Давайте-давайте, назовитесь и предъявите удостоверение личности.

— Зовут меня Эдом Гантро, — представился подошедший, — и судимость у меня есть. Восемнадцати лет от роду я стянул с припаркованного у магазина грузовика четыре ящика «Кока-колы».

— И были схвачены на месте? — полюбопытствовал Феррис.

— Нет, — отвечал подошедший. — Бутылки по-

том решил сдать, тут-то меня и загребли. Шесть месяцев отсидел.

— Справка о желанности на мальчика у вас имеется? — спросил Феррис.

— За нее нужно внести девяносто долларов пошлины, а нам это не по карману.

— Ну что ж, теперь экономия вам обойдется в пять сотен. Ж-картой следовало озаботиться в первую очередь. Советую проконсультироваться с адвокатом.

Отвернувшись, Феррис шагнул к мальчишке.

— Будь любезен, проследуй в задний отсек спецтранспорта, к прочим малолетним, — казенным тоном отчеканил он. — А вы, мистер, велите ему подчиниться.

Отец мальчишки на секунду задумался.

— Полезай, Тим, в этот проклятый абортваген, — сказал он. — Ничего, и адвоката подыщем, и Ж-карту для тебя выправим. Скандал затевать бессмысленно: юридически ты бродячий.

— «Бродячий»? — ахнул мальчишка, в обиде уставившись на отца.

— Именно так и есть, — подтвердил Феррис. — А у вас, сами знаете, есть тридцать дней на то, чтоб собрать…

— А кошек вы к себе забираете? — перебил

его мальчишка. — Сейчас у вас там кошки есть? Кошек я люблю… кошки — друзья что надо.

— Я кошками не занимаюсь. Моя забота — предличности… вроде тебя, — проворчал Феррис, отпирая ключом заднюю дверцу фургона. — Полезай да постарайся не опростаться там по пути, а то от пятен и вони потом избавляться…

Мальчишка озадаченно, как будто не сообразив, о чем речь, перевел взгляд с Ферриса на отца.

— В туалет не ходи, пока из фургона не выпустят, — объяснил тот. — Спецтранспорт ведь нужно в чистоте содержать, фонды, отпущенные на хозтехобслуживание, экономить.

Голос отца мальчишки так и сочился ядом.

— А бродячих собак с кошками просто стреляют на месте, — сообщил Феррис мальчишке. — Либо отравленную прикормку разбрасывают.

— О да, знаю я этот варфарин, — подхватил отец мальчишки. — Неделя питания такой прикормкой, и пес гибнет от внутреннего кровотечения.

— Причем без мучений, — заметил Феррис.

— Разве это не лучше, не гуманнее выкачки воздуха из легких? — с саркастическим воодушевлением в голосе воскликнул Эд Гантро. — Разве не человечнее массового удушения?

— Ну, с животными власти округа…

— Я не о них, я о детях. О детях наподобие Тима.

Подойдя ближе, отец мальчишки остановился с ним рядом, и оба заглянули в задний отсек спецфургона. В дальнем углу его смутно виднелись силуэты пары ребятишек, съежившихся, сжавшихся в комок, оцепеневших от безысходности.

— Фляйшхаккер? — удивился мальчишка, Тим. — У тебя разве нету Ж-карты?

— Нехватка топлива и электричества, — заговорил Феррис, — вынуждают нас радикально сократить численность населения… иначе еще через десять лет человечество останется без продовольствия. Все это — один из этапов…

— Была у меня Ж-карта, — откликнулся Эрл Фляйшхаккер, — да предки забрали. Надоел я им, не нужен стал, потому и забрали, а потом позвонили, абортваген за мной вызвали.

Голос его то и дело подрагивал: очевидно, Эрл с трудом сдерживал слезы.

— Да и какая, собственно, разница между зародышем на пятом месяце и вот этими тремя? — продолжал Феррис. — Суть-то одна: в обоих случаях перед нами нежеланный ребенок. Правительство просто смягчило, либерализировало

старый закон.

Отец Тима в изумлении округлил глаза.

— И вы с этим смягчением согласны?

— Ну, я считаю, Вашингтону виднее: не зря ж им доверено решать, как лучше удовлетворить наши нужды и одолеть кризис, — ответил Феррис. — Мы просто-напросто обеспечиваем исполнение их указов. Изменится закон снова — ну и пускай. С тем же удовольствием буду возить порожние молочные пакеты на переработку или еще что-нибудь.

— С тем же удовольствием? То есть вам эта служба… нравится?!

— А что? Ездишь всюду за казенный счет, кучу людей новых видишь, — равнодушно пожав плечами, подтвердил Феррис.

— Да вы просто псих. Душевнобольной, — в изумлении выдохнул отец Тима, Эд Гантро. — Вся эта концепция постнатальных абортов, порожденная прежними законами об абортах, согласно которым нерожденный ребенок не имел никаких юридических прав, разрешавших удалить его, будто опухоль, бородавку… неужели вы не видите, к чему все идет? Логика-то железная: если до рождения от ребенка можно избавиться без церемоний, то почему нельзя после? Что между

этими двумя явлениями общего? На мой взгляд, прежде всего беспомощность жертвы: в обоих случаях живое существо, подлежащее уничтожению, лишено всякой возможности, способности к самозащите. А знаете, что? Забирайте-ка и меня. Забирайте, забирайте! Сажайте в фургон, в клетку, вместе с этими тремя мальчуганами!

— Но ведь президент и Конгресс объявили, что у всякого, кому двенадцать исполнилось, есть душа, — запротестовал Феррис. — Нет, вас я забрать не могу. Не по закону это.

— У кого как, а у меня души нет, — заявил отец Тима. — Вот мне двенадцать исполнилось, и что? По-моему, разницы никакой. Стало быть, забирайте и меня тоже… или ищите, показывайте, где у меня душа!

— Вот так новости, — в растерянности пробормотал Феррис.

— Определите, где находится моя душа, и предъявите ее мне. Не сможете, значит, задерживайте. В официальном порядке. Как ничем не отличающегося от этих ребят.

— Вначале нужно радировать в окружной детприемник, — рассудил Феррис. — Посмотрим, что скажет начальство.

— Так действуйте же, радируйте! — отрезал

отец Тима.

Подсадив сына на подножку, он не без труда вскарабкался в фургон сам. Устроившись невдалеке от других двух мальчишек, оба принялись дожидаться результата переговоров санитар-полицейского Ферриса — при всех регалиях, при всех символах власти — с непосредственным начальством.

— Тут мужчина — белый, приблизительно лет тридцати… настаивает на препровождении в окружной детприемник вместе с малолетним сыном, — заговорил Феррис в микрофон рации. — Да. Утверждает, будто у него нет души, что якобы приравнивает его к предличностям младше двенадцати. Каких-либо средств, позволяющих удостовериться в наличии души, я при себе не имею и даже не представляю, что тут, в этой глуши, на этот счет можно предпринять… ну, то есть чтобы суд потом счел удовлетворительным… Нет, в алгебре и прочей высшей математике он, скорее всего, разбирается и вообще кажется человеком неглупым, с образованием, но…

Рация зашипела.

— Согласен, задерживайте. Везите к нам, — откликнулся его начальник. — Здесь разберемся.

— В городе с вами разбираться будем, — сооб-

щил Феррис отцу Тима, съежившемуся на полу в полумраке заднего отсека, рядом с тремя ребятишками.

С лязгом захлопнув дверцу, Феррис запер ее на замок — избыточная предосторожность: электронные наручники он на мальчишек уже нацепил — и запустил двигатель.

Идут на горку Джек и Джилл,

Несут в руках ведерки.

Споткнулся Джек и лоб зашиб…

«Да, чьим-то лбам нынче не поздоровится, — подумал Феррис, не сводя глаз с извилистой ленты шоссе, — только уж точно не моему».

— Понимаете, я в этой алгебре — ни бум-бум, — сообщил тройке мальчишек в заднем отсеке отец Тима. — Значит, и души у меня нет.

— Ну, я в ней легко разбираюсь, а толку-то? Мне ж всего девять, — с горькой, невеселой усмешкой откликнулся мальчишка по фамилии Фляйшхаккер.

— Вот этим-то аргументом я там, в детприемнике, и козырну, — продолжал отец Тима. — Мне даже деление столбиком с огромным трудом далось. Нет у меня души, а стало быть, и место мне среди вас, ребятишки.

— Глядите, в машине мне не напачкайте, ясно?! — повысив голос, прикрикнул на задержанных Феррис. — Нам это обходится в…

— Напрасно стараетесь, — оборвал его отец Тима, — один черт, я ничего не пойму. Не по уму мне все эти пропорциональные распределения, неотфактурированные задолженности и прочие бухгалтерские премудрости. Не по уму.

«Шизик, как есть шизик… угораздило же меня влипнуть, а?» — подумал Феррис, искренне радуясь, что у него под рукой — вернее, над головой, протяни только руку — имеется помповый дробовик.

— Но вам же известно, что в мире буквально все подходит к концу? — заговорил он вслух, обращаясь к задержанным. — Буквально все: энергия, яблочный сок, горючее, хлеб! Потому численность населения приходится регулировать, сокращать, а противозачаточными пилюлями не воспользоваться: эмболию они слишком часто…

— Да не понимаем мы таких умных слов! Куда нам? — вновь оборвал его отец Тима.

— Нулевой прирост населения — вот путь к выходу из продовольственного и энергетического кризиса, — зарычал сбитый с толку, не на шутку разозлившийся Феррис. — Это как… а-а, чтоб

вам… вот когда кроликов в Австралию завезли, а они, не имея там природных врагов, множились, множились, пока, как люди, не…

— Множились… о, да, умножение я понимаю, — похвастался отец Тима. — И сложение понимаю, и вычитание… но на том всем моим способностям и конец.

«Четверка безмозглых кроликов, скачущих через дорогу, — в бессильной ярости подумал Феррис. — Люди только поганят естественную, природную среду. Интересно, как выглядела наша часть страны до появления человека? Впрочем, постнатальные аборты практикуются во всех округах СШ, мать ее, А, и может, нам еще доведется снова полюбоваться девственно чистой землей… Хм… нам? Да ведь к этому времени, наверное, никаких „нас“ уже не останется. Ни единого. Ну, если так, пускай красотам земли порадуются хоть гигантские разумные ЭВМ с кучей щелевых видеорецепторов!»

От этих мыслей на сердце сделалось веселее.

— Давай аборт сделаем! — возбужденно воскликнула Синтия, едва войдя в дом с охапкой всевозможных синтепродуктов из бакалеи. — Здорово ведь! Разве это тебя не заводит?

— Для этого тебе сперва забеременеть нуж-

но, — сухо напомнил ей муж, Иэн Бест. — А чтоб забеременеть, сперва нужно сходить к доктору Гвидо — по счастью, мне это встанет от силы долларов в шестьдесят, а то и дешевле — и от ВМС, от спирали избавиться.

— По-моему, она все равно с места съехала, — в восторге, дерзко встряхнув темной, кудлатой челкой, сообщила Синтия. — Может… Может, с самого прошлого года не действует, а значит, я уже вполне могла забеременеть!

— Еще рекламную исповедь в «Свободную Прессу» напиши: мужу-де захотелось выудить ВМС вешалкой для пальто, — ядовито посоветовал Иэн и двинулся в хозяйскую спальню, к гардеробу, чтобы убрать на место классный, соответствующий положению пиджак с соответствующим положению галстуком.

— Послушай, — не унималась Синтия, следуя за ним по пятам, — делать аборты сейчас так модно! Что у нас с тобой есть? Ребенок. Уолтер. И каждый раз, когда кто-нибудь, заехав в гости, видит его, я понимаю, чувствую, о чем он думает: «Как это ты, — думает, — опростоволосилась?» Сразу неловко становится. К тому же за аборты для женщин на ранних стадиях сейчас запрашивают всего-то сто долларов… цену десяти галлонов

бензина, а беседовать об этом с любым из гостей, кто к нам ни завернет, можно часами!

Иэн повернулся к жене.

— А эмбрион на память оставить сможешь? — ровным тоном полюбопытствовал он. — Домой принести в склянке, или, скажем, покрытым этакой люминесцентной краской, чтобы светился, когда стемнеет?

— Закажем любой цвет, какой хочешь!

— Для эмбриона?

— Нет, я о склянке. И о цвете жидкости. Он ведь в консервирующем растворе, так что память останется на всю жизнь. По-моему, клиники даже письменную гарантию к ним прилагают.

Иэн скрестил руки на груди.

«Альфа-состояние[49]. Я спокоен. Спокоен…»

— А известно тебе, скольким людям хочется завести ребенка, пусть даже самого обыкновенного, не блещущего умом? Известно тебе, сколькие неделями дежурят в окружном детприемнике, дожидаясь новорожденного малыша? Ну да, началось с всемирной паники вокруг перенаселенности: как же, девять триллионов человек, сложенных, будто дрова, в каждом квартале

---

[49] Примечания: 49

Один из ритмов работы головного мозга, связанный с расслабленным состоянием бодрствования, спокойствием.

каждого города… О'кей, если бы положение усугублялось и дальше, я б слова против этих идей не сказал, но сейчас-то детей, наоборот, не хватает! Ты что, телевизор не смотришь? «Таймс» не читаешь?

— Дети — обуза, — возразила Синтия. — Вот, например, сегодня Уолтер явился домой перепуганным до беспамятства, а отчего? Оттого, что поблизости патрулировал спецфургон детприемника. Знал бы ты, какая это каторга — забота о нем. Тебе-то что, ты целый день на работе, а я…

— Знаешь, что мне хочется сделать с этим гестаповским абортвагеном? Позвать пару бывших собутыльников с пулеметами Браунинга, засесть по обе стороны от дороги, и как только эта телега поедет мимо…

— И вовсе не телега, а чистый, прекрасно вентилируемый фургон с кондиционером!

Полоснув жену мрачным взглядом, Иэн направился в кухню, к бару, приготовить коктейль.

«Скотч как раз подойдет, — решил он. — Скотч с молоком… самое то перед ужином».

Пока он готовил себе скотч с молоком, в кухню вошел его сын, Уолтер, бледный, как мел.

— Вижу, сегодня поблизости абортваген катался? — заметил Иэн.

— Я думал: а вдруг…

— Никаких «вдруг». Ни о чем не волнуйся. Если даже мы с матерью пойдем к адвокату, составим все требуемые документы, твою Ж-карту никто не аннулирует: возраст не тот.

— Я умом-то все это понимаю, — со вздохом признался Уолтер, — но…

— «Не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит и по тебе», — малость неточно процитировал Иэн, от души глотнув скотча, разбавленного молоком. — Знаешь, Уолт, давай-ка я тебе кое-что объясню. Название всему этому — убийство. Детоубийство, мужеубийство… дави его, пока он не больше ногтя, либо бейсбольного мячика, либо, если до того не управишься, выкачай воздух из легких десятилетнего мальчишки, а проповедуют эти дела женщины определенного типа. Когда-то их окрестили «кастраторшами». Может, и правильно окрестили, вот только этим женщинам, холодным, жестоким бабам, хочется не просто… ну, как бы это сказать… словом, хочется покончить с мальчишкой либо мужчиной вообще, умертвить, уничтожить его, а не просто лишить части тела, отличающей мужчину от женщины, понимаешь?

— Нет, — пролепетал Уолтер, однако кое-что,

пускай смутно, но понял… понял, и здорово перепугался.

— И одна из таких, Уолтер, — продолжил Иэн, еще разок как следует приложившись к бокалу, — живет прямо здесь. Здесь, под одной с нами крышей.

— Кто… живет под одной с нами крышей?

— Одна из тех, кого швейцарские психиатры зовут «киндермёрдерами»[50], — ответил Иэн, нарочно воспользовавшись термином, заведомо непонятным для сына. — А знаешь, что? — внезапно сказал он. — Сядем-ка мы с тобой в вагон «Амтрака», поедем на север — на север, на север, до самого Ванкувера, что в Британской Колумбии, оттуда переправимся паромом на остров Ванкувер, и… только нас и видели!

— А как же мама?

— А ей будем банковский чек посылать каждый месяц. Она только рада будет… по самое не могу, — заверил его Иэн.

— А ведь там холодно, разве нет? — вспомнил Уолтер. — То есть топлива ни капли, и одеваться надо…

— Примерно как в Сан-Франциско. А что?

---

[50] Примечания: 50
Детоубийцами (нем.).

Неужто тебе так боязно носить по нескольку свитеров да сидеть поближе к очагу? По-моему, то, что ты видел сегодня, гораздо, гораздо страшней, черт возьми!

— О, да. Уж это точно, — без тени улыбки кивнув, подтвердил Уолтер.

— Подберем небольшой островок у берегов острова Ванкувер, обживемся, сами пищу себе выращивать будем. Там много всякого сажать можно, и ведь растет… и никаких тебе абортвагенов, представляешь? Ни одного: специально ищи — не отыщешь! В тех краях другие законы. И женщины тоже другие. Знавал я одну девчонку из тамошних, когда приезжал туда на время, давным-давно… носила длинные черные волосы, смолила сигареты «Плэйерс» одну за другой, а есть не ела вообще, потому что рта не закрывала ни на минуту. Ну, а здесь у нас цивилизация, культура, идущая на поводу у баб, одержимых манией губить собственных же…

Тут Иэн осекся: в кухню вошла жена.

— Хватит хлебать эту гадость, не то вырвет, — прошипела она.

— О'кей, о'кей, — в раздражении буркнул Иэн. — О'кей!

— И не ори, — продолжила Синтия. — Я тут

подумала: хорошо бы сегодня ты вывез нас поужинать где-нибудь, в приятном месте. От «Дал Рэя» по телевизору передавали: кто успел, тот и… словом, для тех, кто приедет пораньше, найдется бифштекс!

— У них там устриц едят сырыми, — брезгливо сморщив нос, проворчал Уолтер.

— «Блю-пойнтс»[51], во вскрытых раковинах, на колотом льду, — подхватила Синтия. — Обожаю! Хорошо, Иэн? Договорились?

— Сырая устрица «блю-пойнтс», — повернувшись к сыну, Уолтеру, заметил Иэн, — как ничто на земле, похожа на то самое, что гинеколог…

Под испепеляющим взглядом Синтии он умолк, оставив сына в недоумении.

— О'кей, о'кей, — буркнул он, — но лично я себе закажу бифштекс.

— И мне тоже, — попросил Уолтер.

— Кстати, — опорожнив бокал, проговорил Иэн, — когда ты в последний раз готовила ужин дома? Для нас троих?

— Не далее как в прошлую пятницу, — парировала Синтия. — Свиные уши с рисом… и почти все приготовленное отправилось в помойное ведро,

---

[51] Примечания: 51

Крайне популярный в США сорт устриц, названный в честь городка Блю-Пойнт на южном берегу острова Лонг-Айленд.

так как блюдо, видите ли, новое, среди любимых и обязательных не значится… припоминаешь, дорогой?

— Конечно, Уолт, — продолжил Иэн, даже не взглянув в ее сторону, — этот тип женщины порой, даже не так уж редко, можно встретить и там. Как и в любой культуре, в любую эпоху. Однако, поскольку в Канаде нет законов, разрешающих постнатальные… а, да что там говорить! Это как с молоком из пакетов, — пояснил он Синтии. — Подмешивают в него нынче серу, и делай, что хочешь. Хочешь — судись, хочешь — молчи себе в тряпочку…

Синтия смерила его испытующим взглядом.

— Похоже, ты снова насчет разъезда со мной фантазируешь?

— Мы оба, — вмешался Уолтер. — Меня папа с собой берет.

— И куда же вы собрались? — небрежно поинтересовалась Синтия.

— Куда «Амтрак» довезет, — бросил Иэн.

— В Канаду поедем. На остров Ванкувер, — уточнил Уолтер.

— Вот как? — хмыкнула Синтия.

— Да. Именно так, — помолчав, подтвердил Иэн.

— А мне без тебя тут что делать прикажешь? Собственными прелестями в баре на углу приторговывать? С каких доходов расплачиваться по счетам за всевозможные…

— Чеки почтой присылать буду. Регулярно, — ответил Иэн. — В любом из крупных банков примут.

— Ну да. Конечно. А как же. Кто бы сомневался.

— Можешь с нами поехать, — предложил Иэн. — Рыбу будешь ловить. Прыгать в Английский залив и грызть насмерть все живое. Рыбину за рыбиной. Работа как раз тебе по зубам. За сутки рыбье поголовье в Британской Колумбии изведешь без остатка. И ни одна из этих злосчастных рыбин не успеет даже понять, что стряслось… вроде плыла спокойно по своим делам, никого не трогала, и вдруг, откуда ни возьмись — чудовище, великан-рыбоед с громадным светящимся глазом посреди лба, налетает, хватает, разжевывает в муку! Подобные новости разлетятся по свету вмиг. Вскоре легенды о тебе пойдут… по крайней мере, среди немногих уцелевших рыб.

— Ага, это точно, — поддержал его Уолтер, — только, пап: что, если рыб не останется вообще ни одной?

— В таком случае, считай, все пропало, — развел

руками Иэн. — Разве что мамаша твоя порадуется: как-никак лично, собственными зубами, истребила на корню целый биологический вид, а ведь рыбные промыслы — крупнейшая индустриальная отрасль Британской Колумбии, не говоря уж о том, что от существования рыбы зависит существование кучи других биологических видов.

— Но ведь тогда в Британской Колумбии все без работы останутся, — рассудил Уолтер.

— Нет, не останутся, — заверил его Иэн. — Выкрутятся. Начнут битую рыбу по консервным жестянкам распихивать и в Америку продавать. Гляди, Уолтер: пока твоя зубастая мамаша не загрызла насмерть всю рыбу в Британской Колумбии, простые селяне вынуждены стоять у берега с палками наготове, а как только рыба подплывет ближе, бить ее по башке, вот и вся техника, так что рабочие места никуда не денутся — наоборот, новых куча возникнет. Миллионы жестянок с этикетками по всей форме…

— А ты понимаешь, что он твоим россказням верит? — визгливо оборвала его Синтия.

— Так я и рассказываю ему чистую правду, пусть не в буквальном — в переносном смысле, — отрезал Иэн. — Хорошо, едем ужинать. Возьми продуктовые карточки и надень ту синюю вя-

заную блузку с вырезом до пупа: авось там на сиськи засмотрятся и про карточки позабудут.

— А что такое «сиська»? — спросил Уолтер.

— Штуковина, устаревающая еще быстрее, чем спортивные «Понтиаки», — пояснил Иэн. — В наше время годящаяся только на то, чтобы полюбоваться и потискать, а по прямому назначению использующаяся все реже и реже. Можно сказать, ее функции отходят в прошлое на глазах.

«Как и вся наша раса вообще, — подумалось ему, — с тех пор, как бабам дали волю губить нерожденных… другими словами, самых беспомощных из живых существ».

— Сиськой, — сурово, наставительно заговорила Синтия, наклонившись к сыну, — некоторые называют женскую грудную железу, необходимую матерям, чтобы кормить новорожденных малышей молоком.

— Обычно у женщин их две, — подхватил Иэн. — Рабочая сиська и сиська резервная, запасная, на случай отказа основной. Кстати, всю эту истерию с абортами в отношении предличностей можно минимум на шаг упростить. Взять да отправить все сиськи на свете в окружные детприемники. Молоко, при наличии такового, выдоить — механическими, разумеется, сред-

ствами, а после того, как они опустеют, иссохнут, новорожденные, лишенные основного, он же единственный, источника пищи, вымрут естественным образом.

— Для новорожденных разработаны специальные смеси, — напомнила Синтия, пронзив мужа испепеляющим взглядом. — «Симилак» и тому подобные. Довольно. Я иду переодеваться, и едем.

Отвернувшись, она направилась в спальню.

— А знаешь, — негромко сказал Иэн ей вслед, — исхитрилась бы ты меня в предличности записать, я б наверняка тут же туда и отправился. В самый большой детприемник с самой мощной… техникой.

«И далеко не только я, — мысленно добавил он. — Ручаюсь, мне составила бы компанию целая куча женатых калифорнийцев. Целая куча… все те, с кем мы и сейчас в одном, так сказать, мешке».

— По-моему, мысль неплохая, — приглушенно донеслось из спальни: очевидно, Синтия все слышала.

— Ведь дело тут не просто в ненависти к беспомощным, — задумчиво продолжал Иэн Бест. — Причин куда больше. Да, та же ненависть, но к

чему? Ко всему, что растет?

«В стремлении погубить их, пока маленькие, пока не нарастили мускулов, не выучились постоять за себя, не стали больше, тяжелее, сильнее тебя — как я, например. Это же куда проще, если другой человек — вернее, предличность — плавает, дремлет в околоплодной жидкости и не способен защищаться, не понимает необходимости дать сдачи!»

Одно непонятно: куда подевались материнские добродетели? Куда ушли времена, когда матери рьяно оберегали маленьких, слабых и беззащитных?

«Наверное, всему виной общество конкуренции, — решил Иэн. — Жри, не то сожрут самого. Выживает сильнейший… только не тот, кто здоров, ловок и мускулист, а тот, за кем власть. А если так, кто же из власть предержащих охотно отдаст ее следующему поколению? Вот вам и результат, логическое продолжение борьбы могущественного, злобного старичья с беспомощной, хрупкой юностью».

— Пап, — заговорил Уолтер, — мы действительно поедем в Канаду, на остров Ванкувер, растить настоящую пищу… и жить, ничего больше не боясь?

— Как только деньги будут, — отрешенно, словно себе самому, ответил Иэн.

— А-а… ясно. У тебя это все равно что «посмотрим». То есть мы никуда не поедем, так? — вздохнул Уолтер, пристально глядя в лицо отца. — Она не отпустит… из школы меня не позволит забрать, и все такое. Как всегда, верно?

— Поедем, — упрямо объявил Иэн. — Настанет время, настанет день, и поедем. Может, не в этом месяце, но обязательно. Слово даю.

— И абортвагенов там не будет?

— Ни единого. В Канаде другие законы.

— Поскорее бы, пап. Ты постарайся, пожалуйста.

Отец Уолтера налил себе еще скотча с молоком и не ответил ни слова. Брови его сдвинулись к переносице, голова поникла, губы скривились… казалось, он вот-вот расплачется.

Тем временем трое мальчишек и один взрослый, съежившись, сгорбившись, тряслись в заднем отсеке спецфургона, мчавшего к окружному детприемнику. Раз вошедшую в поворот машину тряхнуло так, что все четверо попадали на разделявшие их решетки, и отца Тима Гантро, отрезанного стальной проволокой от родного сына, охватило отчаяние — отчаяние немыслимой

остроты. Что, если благородный жест не принесет ничего, кроме новых терзаний?

«Кошмар среди бела дня, — подумал он. — Заперли по клеткам, будто зверей…»

— А почему ты сказал ему, будто не знаешь алгебры? — нарушил молчание Тим. — Я же помню: ты разбираешься даже в математическом анализе и триго… как ее там? Ну, во всем, чему учат только в Стэнфордском университете.

— Чтобы показать наглядно: если уж убивать, так убивать нас всех, либо не убивать никого, — объяснил Эд Гантро. — Не сортируя согласно волюнтаристским, самочинным бюрократическим постановлениям. «Когда в тело вселяется душа»… насколько рационален данный вопрос в наш день, в нашу эпоху? Это же средневековье чистой воды!

«На самом-то деле, — продолжил он про себя, — все это только предлог, предлог для охоты на беспомощных и беззащитных».

Ну что ж, он-то отнюдь не беспомощен и не беззащитен. На сей раз в абортваген угодил человек взрослый, при всех своих знаниях, при всем своем хитроумии.

«И как же они намерены разбираться со мной? — рассуждал он. — Очевидно, у меня име-

ется все то же самое, что и у всех прочих людей: если у них есть душа, значит, и у меня тоже. Разумеется, обратное также верно, но тогда на каком реальном основании меня могут „усыпить“? Я ведь вовсе не маленький, слабый, невежественный малыш, не помнящий себя от ужаса. Я без труда оспорю любую казуистику, любые уловки лучших из адвокатов округа — хоть самого окружного прокурора в случае надобности. Кончат меня, значит, придется кончать и всех остальных вообще, вплоть до самих себя, а затевалось все отнюдь не для этого. Все это — шулерство, с помощью коего власть имущие, особы, занявшие все ключевые посты в политике и экономике, охраняют их от молодежи… не останавливаясь даже перед убийствами. Вся страна, вся земля наша захлестнута ненавистью стариков к молодым. Ненавистью и страхом… и как в подобных условиях поступят со мной? Я ведь их сверстник, однако заперт в заднем отсеке абортвагена санитарно-полицейской службы! Я представляю собой опасность иного типа: один из них, но на другой стороне — на стороне бродячих кошек и псов, новорожденных и малышей. Пусть-ка подумают, пошевелят мозгами. Посмотрим, найдется ли среди них новый Фома Аквинский, способный

решить эту задачку!»

— Все мои знания, — объявил он вслух, — ограничены умножением, делением и вычитанием. Даже в дробях, знаешь ли, путаюсь.

— Но ты же все это знал! — возразил Тим.

— Забавно… как быстро оно забывается, стоит только покинуть школу, — посетовал Эд Гантро. — Уверен: вы, ребята, и то дадите мне сто очков вперед.

— Пап, они же тебя прикончат! — в отчаянии вскричал Тим. — Кто тебя усыновит в таком возрасте? Ты ведь взрослый… старый уже!

— Так, дай-ка подумать, — забормотал Эд Гантро. — Бином Ньютона… как это там? Дьявол, не помню. Что-то насчет а и бэ…

Ну да, точно! Вылетели из головы все знания, а вместе с ними и бессмертная душа!

Эд Гантро удовлетворенно хмыкнул.

«С такими разговорчиками проверку на наличие души не пройдешь ни за что, — подумал он. — Выходит, кто я таков? Пес в канаве! Мышь в норке!»

На его взгляд, вся ошибка сторонников абортов от начала и до конца заключалась в произвольности разграничения. Некогда эмбрион, не имевший никаких конституционных прав, мог быть

на абсолютно законных основаниях умерщвлен рукой доктора, однако зародыш уже считался полноправной личностью… вплоть до недавних пор. Пока клика сторонников абортов не решила, что даже семимесячный плод в материнской утробе нельзя считать за человека, а значит, он также является законной жертвой любого доктора, допущенного к врачебной практике. Затем настала очередь новорожденных: младенец — по сути, «овощ», неспособен сфокусировать взгляд на определенном предмете, ничего не соображает, не владеет членораздельной речью… что и помогло лобби аборционистов, выиграв новую судебную тяжбу, объявить новорожденного всего лишь зародышем, волею случая либо естественных биологических процессов исторгнутым из материнской утробы. Ладно, допустим, но где, где провести окончательную, последнюю черту? В момент первой улыбки? В тот миг, когда малыш произнесет первое слово или впервые потянется к понравившейся погремушке? Законный предел неумолимо теснили, отталкивали все дальше, дальше и вот дошли до самого хищнического, волюнтаристского из мыслимых критериев — до «освоения высшей математики».

Тем самым отказав в принадлежности к лю-

дям древним грекам, современникам Платона, знавшим лишь геометрию, но не арифметику, а уж алгебру вовсе разработали арабы, причем много позже! Волюнтаризм… причем даже не теологического, всего-навсего юридического пошиба. Церковь давным-давно — точнее, с самого начала — утверждала, что не только эмбрион, но и зигота, оплодотворенная яйцеклетка, уже столь же священна, как и все живое, разгуливающее по земле. Очевидно, там понимали, к чему приведут самочинные дефиниции вроде: «Отныне в сем теле обитает душа», — или, выражаясь языком современности: «Теперь это создание — полноправная личность не хуже других, подлежащая всемерной защите закона». Как же грустно, как печально ныне видеть ребенка, день за днем храбро играющего на заднем дворе, стараясь не терять надежды, делая вид, будто ему ничто не грозит… хотя жизнь его в постоянной опасности!

«Ладно, — подумал Эд Гантро, — посмотрим, как они обойдутся со мной — взрослым, тридцатипятилетним, окончившим Стэнфорд с дипломом магистра. Посадят ли и меня на месячный срок в клетку с пластмассовой миской для корма, краником для питья и местом для отправления естественных надобностей — разумеется,

обустроенным у всех на виду? Умертвят ли автоматически по истечении тридцати дней, если за это время меня никто не усыновит?»

Что и говорить, риск немалый… однако сегодня санитарно-полицейская служба сцапала его сына, и риск начался как раз с этого, а вовсе не в тот момент, когда он вмешался и сделался жертвой сам.

Окинув взглядом троих перепуганных мальчуганов, Эд Гантро задумался. Что бы им такого сказать? Не только сыну — всем троим разом?

— Послушайте, — заговорил он, пытаясь цитировать Павла, — говорю вам тайну, священную тайну: не все мы усопнем во смерти, но все… все…

Увы, что там дальше, он позабыл. Позабыл начисто.

«Вот досада-то, ч-черт!»

— Но все пробудимся, — продолжил он, как сумел. — Вдруг, в мгновение ока…

— Прекратить разговоры! — буркнул водитель фургона из-за стальной проволочной сетки. — За дорогой следить мешаете! А то я, знаете, если что, и газом туда, к вам в отсек, прыснуть могу. Специально для буйных предличностей приготовлен. Ну? Сами заткнетесь, или мне кнопку жать?

— Все-все, молчим, — поспешно вмешался Тим, в безмолвном ужасе взглянув на отца, взглядом моля его не упорствовать.

Его отец не ответил ни слова. Настойчивая, горячая мольба в глазах сына сделала свое дело, и он не выдержал, сдался. Капитулировал. В конце концов, происходящее здесь, по пути, не столь уж важно. Самое главное начнется, когда их привезут в окружной детприемник, куда в случае чего, при первых же признаках скандала, мигом слетятся тучей телерепортеры с газетчиками.

Дальше ехали молча, каждый наедине с собственными думами и тревогами. Эд Гантро, сосредоточенно морща лоб, оттачивал в голове план дальнейших действий, обдумывал все, что сделает. Что должен сделать, и не только ради Тима, но ради всех кандидатов на постнатальный аборт. Перебирал варианты один за другим, пока спецфургон, покачиваясь, тарахтя двигателем, мчался вперед.

Как только фургон остановился на служебной стоянке у окружного детприемника и водитель распахнул настежь задние дверцы, к машине подошел, в изумлении заглянул внутрь сам Сэм Б. Карпентер, руководитель всей этой — провалиться бы ей! — операции.

— Феррис, ты в самом деле приволок сюда взрослого человека? Ты хоть соображаешь, на кого напоролся? Это же провокатор. Обструкционист!

— Но он утверждал… настаивал, что знать не знает никакой математики дальше сложения, — объяснил Феррис.

— Так, — вздохнул Карпентер, повернувшись к Эду Гантро. — Будьте любезны передать мне бумажник. Нам требуется ваше настоящее имя с фамилией, номер карточки социального обеспечения, свидетельство о благонадежности от участкового инспектора полиции… давайте-давайте. Хотелось бы выяснить, кто вы на самом деле.

— Да просто селянин какой-то из пригородных, — заметил Феррис, глядя, как Гантро передает шефу пухлый бумажник.

— И отпечатки ступней снять, проверить на соответствие, — непреклонно распорядился Карпентер. — По полной программе. Немедленно. Высший приоритет.

Говорить таким образом ему нравилось несказанно.

Около часа спустя из дебрей объединенных между собой вычислительных машин, хранилищ секретных данных, упрятанных под пастораль-

ными декорациями в запретном районе Вирджинии, прислали все необходимые сведения — всю подноготную о задержанном, согласно запросу.

— Этот субъект окончил Стэнфордский колледж со степенью магистра математики. А после получил еще и диплом магистра психологии, благодаря которой, вне всяких сомнений, сейчас и морочит нам головы. Выпроводить его нужно, да поскорее.

— Была у меня когда-то душа, да вся вышла, — сообщил Гантро.

— Каким образом?! — взорвался Карпентер, не обнаруживший в архивной справке о Гантро ничего подобного.

— Эмболия. Надышался случайно парами отравы, инсектицида, и часть коры головного мозга, где находилась душа, безвозвратно погибла. С тех пор так и живу с сыном, Тимом, за городом, питаясь кореньями да личинками.

— Ладно. Идемте, электроэнцефалограмму с вас снимем, — решил Карпентер.

— А что это? — полюбопытствовал Гантро. — Какое-то испытание умственных способностей?

— Феррис, — оставив вопрос без ответа, заговорил Карпентер, — согласно закону, душа вселяется в тело по достижении двенадцатилетнего

возраста. А ты привез к нам вот этого субъекта — взрослого, хорошо за тридцать. От него нужно избавиться. Вези его обратно, точно на то же место, где взял, и высади. Откажется покинуть фургон добровольно — газом его, паразита, и вышвырни вон. Помни: положение — серьезнее некуда. На кону не только твоя должность… тут и до уголовной статьи, знаешь ли, недалеко.

— Но мне же здесь, здесь самое место, — запротестовал Эд Гантро. — Я же туп, как пенек!

— И мальчишку его туда же, — продолжал Карпентер. — Не иначе, он из этих мутантов, математических гениев, каких по телевизору показывают. Они же тебя подставляют, соображаешь? И прессу небось предупредили заранее. Вези обратно всех до единого, дай газку хлебнуть и выгрузи, где нашел… словом, чтоб духу их здесь не было!

— Кончай истерику, — возмутился Феррис. — Снимем с этого Гантро ЭЭГ, мозг просветим, и может, его придется отпустить подобру-поздорову, но трое малолетних-то…

— Все — вундеркинды. Гении, — заверил его Карпентер. — И все заодно. Намеренно нам подсунуты, только ты, идиот, никак этого в толк не возьмешь. Живо коленом под зад их — и из фур-

гона, и за ограду, и забудь — слышишь? — навеки забудь о них. Спросит кто, так и отвечай: никого из этой четверки никогда не задерживал и даже в глаза не видел. Понятно?

— Всем выйти из машины, — распорядился Феррис, нажав на кнопку.

Проволочные сетки поползли вверх. Трое мальчишек поспешили выбраться наружу, однако Эд Гантро не соизволил даже оторвать зад от пола.

— Добровольно выйти отказывается, — констатировал Карпентер. — О'кей, Гантро, выдворим силой.

С этими словами он кивнул Феррису, оба влезли в задний отсек фургона, и минуту спустя сноровисто выгрузили Гантро на асфальт стоянки служебного транспорта.

— Ну вот, — облегченно переводя дух, объявил Карпентер. — Теперь вы всего-навсего обыкновенный гражданин. Можете утверждать что угодно: доказать все равно не сумеете.

— Пап, — забеспокоился Тим, — а как мы домой попадем?

Все трое мальчишек сгрудились кучкой вокруг Эда Гантро.

— Можно позвонить кому-нибудь из соседей, — предложил Эрл Фляйшхаккер. — Если у папки

Уолтера Беста бензина хватит, он обязательно за нами приедет. Ему разъезжать много приходится, у него специальные карточки на топливо есть.

— А еще он с женой, с миссис Бест, ссорится часто, — добавил Тим, — и потому любит по вечерам один — без нее то есть — ездить.

— Я остаюсь здесь, — ответил Эд Гантро. — Остаюсь. Пусть запирают в клетку.

— Но нас отпустили! — горячо, крепко вцепившись в рукав отца, запротестовал Тим. — Для этого же все и затевалось, верно? Эти, как только тебя увидели, сразу от нас отвязались. Мы победили!

— Я настаиваю на том, чтобы меня поместили ко всем остальным предличностям, содержащимся здесь, — объявил Эд Гантро, оглянувшись на Карпентера и кивнув в сторону вычурного, внушительного, свежевыкрашенного в зеленый цвет здания детприемника.

Тут о мистере Сэме Б. Карпентере вспомнил и Тим:

— Позвоните мистеру Бесту с полуострова, откуда нас увезли, — попросил он. — Код шесть-шесть-девять. Передайте ему: пусть приедет забрать нас, и он приедет, честное слово, приедет. Пожалуйста.

— В телефонной книге только один мистер Бест с кодом шесть-шесть-девять. Пожалуйста, мистер, — присоединился к нему Эрл Фляйшхаккер.

Пройдя в здание детприемника, к одному из множества служебных телефонов, Карпентер полистал телефонный справочник. Да, действительно. Иэн Бест. Шесть-шесть-девять, и далее…

— Набранный вами номер то работает, то л-лодыря гоняет, — откликнулись на том конце провода заплетающимся языком.

На заднем плане явственно слышался другой голос, пронзительный визг разъяренной женщины, отзывавшейся об Иэне Бесте в самых нелестных выражениях.

— Мистер Бест, — заговорил Карпентер, — тут несколько человек, ваших знакомых, застряли в Верде Габриэль, на углу Четвертой и Эй. Эд Гантро с сыном, Тимом, мальчик, назвавшийся то ли Рональдом, то ли Дональдом Фляйшхаккером, и еще мальчик, несколько младше, имени и фамилии не назвавший. По словам сына Гантро, вы не откажетесь приехать сюда с тем, чтоб забрать их и отвезти домой.

— Угол Четвертой и Эй, — пробормотал Иэн Бест и надолго умолк. — Это что, живодерня?!

— Окружной детприемник, — поправил его

Карпентер.

— Ох, мать твою, — выдохнул Иэн Бест. — Конечно, приеду — двадцать минут, и буду! Ну и ну… вы, стало быть, Эда Гантро в предличности записали? А известно вам, что он окончил Стэнфордский университет?

— Да, об этом факте мы осведомлены, — холодно, ровно подтвердил Карпентер. — Однако они вовсе не задержаны, а просто… э-э… просто находятся здесь. Ни в коем случае — подчеркиваю: ни в коем случае! — не под арестом.

Казалось, Иэн Бест вмиг протрезвел: голос его зазвучал ровно, отчетливо, угрожающе:

— Ну, ждите. Сейчас к вам изо всех газет, со всех телеканалов съедутся, а там и я подтянусь.

Щелчок. Короткие гудки…

Только тут Карпентер и понял, как его провели.

— Что ж, — сказал он мальчишке по имени Тим, вернувшись наружу, — похоже, я, уши перед тобой тут развесив, сам сообщил, где вы находитесь, оголтелому антиаборционисту. Хитро, ничего не скажешь, хитро!

Спустя пару минут у главного входа в окружной детприемник, взвизгнув тормозами, остановилась огненно-алая «Мазда», и вышедший наружу

водитель, высокий, с ухоженной светлой бородкой, расчехлив фотокамеру и переносной магнитофон, неторопливо, с ленцой подошел к Карпентеру.

— Насколько мне известно, у вас в детприемнике находится выпускник Стэнфорда, обладатель магистерской степени в области математики, — ровно, небрежно заговорил он. — Могу ли я взять у него интервью для возможной публикации в прессе?

— Среди задержанных такового не значится, — отвечал Карпентер. — Можете проверить по книге учета лиц, доставленных в детприемник.

Однако репортер уже глядел на тройку мальчишек, жмущихся к Эду Гантро.

— Мистер Гантро? — во весь голос осведомился он.

— Он самый, сэр, — подтвердил Эд Гантро.

«Господи Иисусе, — мысленно ужаснулся Карпентер, — мы заперли его в одном из спецфургонов, доставили сюда, и это, считай, уже попало во все газеты!»

Тем временем на стоянку въехал синий фургон с эмблемами одного из телеканалов, а следом за ним — еще пара машин.

Перед глазами Карпентера один за другим

замелькали броские заголовки: «С ДИПЛОМОМ СТЭНФОРДА — В ДЕТПРИЕМНИК!», «ОКРУЖНОЙ АБОРТАРИЙ УЛИЧЕН В ПРОТИВОЗАКОННОЙ ПОПЫТКЕ УСЫПИТЬ…» — и так далее, и так далее. Еще секунду спустя заголовки сменились кадрами из вечерних шестичасовых теленовостей: Эд Гантро с присоединившимся к нему Иэном Бестом, скорее всего, адвокатом, в кольце репортеров, микрофонов, видеокамер…

«Вот это вляпались мы, — подумал Карпентер. — Вляпались по самые уши. Сакраменто нас за такое по головке не погладит. Хорошо, если только ассигнования срежут: могут ведь и разжаловать, снова отправить бродячих собак и кошек ловить… вот гадство-то, а?»

Окончательно протрезветь в дороге Иэн Бест, подкативший к абортарию на «Мерседес-Бенце» с угольным двигателем, все-таки не успел.

— Не возражаешь, если по пути назад кругаля дадим малость, видами полюбуемся? — спросил он Эда Гантро.

— Это куда же ты завернуть собрался? — устало осведомился тот.

Хотелось ему лишь одного: как можно скорее убраться отсюда. Невеликий наплыв журналистов и телерепортеров, пожелавших взять у него

интервью, схлынул, мнение свое он высказал — теперь только бы добраться до дому…

— В Британскую Колумбию, на остров Ванкувер, — ответил Иэн Бест.

— А ребятишки? Им давно спать пора, — с улыбкой заметил Эд Гантро. — И моему, и этим двоим. Дьявол, они ведь даже не ужинали!

— Остановимся у «Макдоналдса», — пообещал Иэн Бест, — а после рванем в Канаду. Представляешь: рыбы полно, куча гор, даже в это время года укрытых снежными шапками…

— Еще бы, — усмехнувшись, подтвердил Эд Гантро. — Что ж, почему нет?

— Ты серьезно? — удивился Иэн Бест, впившись в него пристальным взглядом. — Действительно согласен?

— Вот утрясу кое-какие дела, а после, конечно, можно и в Канаду… вдвоем, за компанию.

— Ах, сучье вымя, — выдохнул Бест, — ты, похоже, не шутишь!

— Нет, не шучу, — задумчиво откликнулся Эд. — Правда, сначала согласием жены заручиться нужно. Понимаешь, без официально подписанного женой отказа от претензий в Канаду не уехать, а с такой бумагой постоянный вид на жительство, считай, обеспечен.

— То есть, и мне от Синтии такая бумага нужна…

— А что? Думаю, она подпишет, только согласись алименты на содержание ей присылать.

— По-твоему, подпишет? Отпустит меня подобру-поздорову?

— Разумеется, — подтвердил Гантро.

— Стало быть, ты действительно полагаешь, что супруги нас отпустят, — задумчиво проговорил Иэн Бест, вместе с Гантро усаживая ребятишек в «Мерседес-Бенц». — Да, пожалуй, так оно и есть: Синтия только рада будет от меня избавиться. Знаешь, как она меня обзывает, прямо при Уолтере? «Агрессивным трусом» и еще по-всякому… никакого ко мне уважения!

— Отпустят нас жены, отпустят, можешь не сомневаться, — заверил его Эд Гантро… хотя сам вовсе так не считал.

Вздохнув, он оглянулся на управляющего детприемником, мистера Сэма Б. Карпентера, и водителя спецфургона, санитар-полицейского Ферриса, на данный момент, как сообщил Карпентер газетчикам с телерепортерами, отстраненного от службы, да и вообще сотрудника нового, не успевшего набраться опыта.

— Нет, — рассудил он, махнув рукой. — Не вы-

пустят нас с тобой отсюда. Не выпустят.

Иэн Бест принялся неловко возиться со сложной механикой, раскочегаривая видавший виды двигатель с угольной топкой.

— Как так «не выпустят»? Выпустят, куда они денутся! Видишь, стоят, задерживать нас даже не думают. После того что ты сказал телевизионщикам, да еще тот газетчик все записал для первой полосы… да они ждут не дождутся, когда ж мы наконец уберемся!

— Да я не о них, — безучастно пояснил Гантро.

— Давай сбежим, и все дела.

— В клетке мы с тобой, — вздохнул Гантро. — Обложены со всех сторон… как тут сбежишь? Хотя с Синтией все же потолкуй: почему бы не попробовать?

— Стало быть, не видать нам ни острова Ванкувер, ни громадных океанских паромов, появляющихся из тумана и уходящих в туман под длиннющими дымными шлейфами? — обескураженно пробормотал Иэн Бест.

— Почему же, увидим когда-нибудь, — ободрил его Гантро, хотя и знал, твердо знал, что все это обман, ложь: примерно так же порой, говоря что-либо, безо всяких разумных причин ни секунды не сомневаешься в абсолютной своей правоте.

Выехав со стоянки, машина свернула на улицу.

— А здорово все же на воле, на свободе-то… правда? — заметил Иэн Бест.

Трое мальчишек согласно кивнули, однако Эд Гантро не ответил ни слова.

«Свобода, — подумал он. — Свобода ехать домой. Перебраться из клетки стального, механического абортвагена санитар-полицейской службы в другую, куда большую клетку, в другой, куда больший фургон…»

— Великий у нас нынче день, — продолжил Иэн Бест.

— Это точно, — согласился Эд Гантро. — Мы сделали великое, благородное дело, нанесли сокрушительный удар врагам всех беспомощных, беззащитных созданий, вступились за каждого, кого можно назвать живым.

Иэн Бест посерьезнел, сощурился, пристально вглядываясь в его лицо, озаренное скудным, неверным светом уличных фонарей.

— Знаешь, не хочу я домой возвращаться, — признался он. — Рвануть бы в Канаду сию же минуту!

— Хочешь не хочешь, вернуться домой придется, — напомнил ему Эд Гантро. — Хотя бы на время. С делами покончить, формальности утря-

сти, из личных вещей кое-что прихватить.

— Не судьба, стало быть, — подытожил Иэн Бест, вновь устремив взгляд вперед. — Не видать нам ни Британской Колумбии, ни острова Ванкувер, ни Стэнли-парка, ни Английского залива, ни океанских паромов, уплывающих к горизонту, ни земель, где растят хлеб, ловят рыбу и пасут лошадей.

— Не судьба, — согласился Эд Гантро.

— Ни сейчас, ни когда-либо после?

— Вот именно, — твердо ответил Эд Гантро.

— Этого я и боялся… — Голос Иэна Беста дрогнул, «Мерседес-Бенц» завилял из стороны в сторону. — Этого и опасался с самого начала.

Дальше поехали молча: больше слов ни у кого не нашлось. О чем говорить, если все уже сказано?

Око сивиллы

Каким образом наша древняя Римская республика обороняется от тех, кто желал бы ее погубить? Дело в том, что нам, римлянам, пусть мы и всего лишь смертные, ничем не отличающиеся от прочих смертных людей, помогают существа, немыслимо превосходящие нас во всех отношениях. Добросердечные, мудрые обитатели неведомых нам миров, существа эти всегда готовы прийти на помощь Республике в минуту опасности, а как только опасность минует, снова уходят в тень… чтобы вернуться, когда их помощь потребуется нам опять.

Взять хотя бы дело об убийстве Юлия Цезаря, очевидно, завершившееся после того, как были преданы смерти злоумышленники, сговорившиеся его погубить! Как же сумели римляне изобличить свершивших столь гнусное злодеяние? И как, что еще более важно, удалось доказать вину заговорщиков перед лицом суда? Только благодаря помощи со стороны, содействию Кумской сивиллы, знающей все, чему суждено случиться, на тысячу лет вперед и дающей нам

советы, изложенные письменным языком. О Книгах сивилл известно всем римлянам — их мы и открываем, когда в том возникает нужда.

Я, Филос Диктос Тианский, видел Книги сивилл сам. Совета в них ищут многие виднейшие граждане Рима, особенно из числа сенаторов, однако мне доводилось видеть сивиллу собственными глазами, и потому я из собственного опыта знаю о ней то, что ведомо лишь считаным единицам. Знаю и ныне, состарившись — чего, к величайшему моему сожалению, не избежать никому из смертных, — готов поведать, как некогда, полагаю, исключительно волею случая, во время жреческого служения узрел, что позволяет сивилле заглядывать в будущее, что открывает перед нею коридоры времени… что унаследовала она от прежней сивиллы, сивиллы Дельфийской, пророчествовавшей в столь высоко почитаемой нами стране, в Греции.

Известно об этом немногим, и, весьма вероятно, сивилла, дотянувшись сюда сквозь время, сразит меня, отважившегося заговорить в полный голос, насмерть, дабы я умолк навсегда. Может статься, меня найдут над неоконченным свитком с головой, треснувшей, точно одна из переспелых левантских дынь, столь любимых средь нас, рим-

лян… но, как бы там ни было, я свой век прожил и потому продолжаю без страха.

Тем давним утром, за завтраком, мне случилось повздорить с женой. Тогда я был еще вовсе не стар, а ужасающее убийство Юлия Цезаря только-только свершилось, и никто в Риме даже не подозревал, чьих это рук дело. Государственная измена, убийство небывалой жестокости — тысяча колотых ран на теле человека, явившегося привести в равновесие пошатнувшееся общество… причем с ведома, с одобрения обитающей в храме сивиллы! Мы ведь прочли, что написала она по сему поводу, и знали: она ждет и переправы с войском через Рубикон, и похода на Рим, и принятия Цезарем императорского венца… венца Цезаря.

— Дурень ты безмозглый, — объявила тем утром моя супруга. — Если сивилла настолько мудра, как тебе думается, что же она о покушении заранее не догадалась?

— Возможно, и догадалась, — возразил я.

— А по-моему, обман это все. Надувательство, — сказала жена, Ксантиппа, по обыкновению отвратительно сморщив нос. В отличие от меня принадлежит… вернее, принадлежала она к высшим слоям общества и никогда не упускала

возможности об этом напомнить. — Вы, жречество, выдумываете и пишете все это сами, и туману в пророчества подпускаете специально: как хочешь, так, дескать, и понимай. Морочите голову гражданам… Особенно состоятельным!

Под последними имелась в виду главным образом ее родня.

— Сивилла вдохновлена свыше, — горячо заговорил я, вскочив из-за стола, — она — провидица, и будущее ей открыто! Очевидно, предотвратить убийство нашего великого, всенародно любимого вождя оказалось не в человеческих силах.

— Жульничество эта ваша сивилла. Сплошное жульничество, — заявила жена, в своеобычной жадной манере намазывая маслом очередную булочку.

— Я сам, своими глазами видел великие книги, и…

— Откуда ей известно будущее? — оборвала меня жена.

Увы, этого я, говоря откровенно, не знал и приуныл несказанно. Нечасто, нечасто мне, жрецу, служителю Кумской сивиллы, служителю Рима, доводилось испытывать столь жестокое унижение!

Закусив губу, я направился к выходу.

— Деньги, деньги… вот настоящая ваша святыня, — бубнила жена мне вслед.

Невзирая на то что снаружи едва занимался рассвет — прекрасная Аврора, богиня утренней зари, только-только осияла землю лучами солнца, почитаемыми среди нас священными, навевающими множество боговдохновенных видений, — я двинулся, причем пешком, в наш великолепный храм, на службу.

К храму я подошел первым, если не принимать во внимание вооруженную стражу, околачивавшуюся снаружи. Изрядно удивленные моим явлением в такую рань, стражники узнали меня и почтительно склонили головы. Кроме жрецов, служителей Кумской сивиллы, внутрь не допускался никто, будь он хоть самим Цезарем.

Переступив порог, я направился в просторное сводчатое подземелье. Вокруг клубились таинственные испарения; впереди, в полумраке, влажно поблескивал исполинский каменный трон прорицательницы, озаренный скудными отсветами нескольких факелов…

И тут я, сбившись с шага, замер на месте, как вкопанный: взору моему открылось нечто доселе невиданное. Сивилла — длинные черные волосы собраны в тугой узел, плечи укрыты одеждами —

как всегда, восседала на троне, слегка подавшись вперед… но на сей раз отнюдь не в одиночестве.

Перед троном ее, внутри округлого пузыря, стояли два существа. Издали оба напоминали людей, но в каждом сверх человеческого имелось кое-что… даже сейчас затрудняюсь сказать, что именно, однако то были отнюдь не смертные. То были боги. Узкие щели без зрачков на месте глаз, вместо рук — клешни наподобие крабьих, рты — всего-навсего углубления… и я, отметив сие, осознал: да они же — о боги, не про нас будь сказано! — немы! Нет, с сивиллой они разговаривали, однако для этого им требовалась длинная бечевка со странным крохотным ларчиком на каждом конце. Одно из созданий прижимало ларчик к виску, а сивилла, словно бы слушая, держала у уха второй. Оба ларчика украшали ряды цифр и пуговок, бечевка вилась спиралью, лежала на полу кольцами, что позволяло растягивать ее в длину по мере надобности.

Сомнений не оставалось: передо мной Бессмертные… однако мы, смертные римляне, полагали, что все Бессмертные до единого покинули наш мир в далеком-далеком прошлом! Очевидно, в тот день они сочли нужным вернуться, чтобы поведать сивилле о чем-то важном.

Тем временем сивилла повернулась ко мне, и — новое чудо! — ее голова пересекла наполненное испарениями подземелье, приблизившись вплотную к моей. Провидица улыбалась как ни в чем не бывало, но, разумеется, видела меня насквозь и отнеслась к моим желаниям благосклонно: теперь я тоже слышал ее разговор с Бессмертными.

— … всего лишь один среди многих, — вещал тот из Бессмертных, что выше ростом и шире в плечах. — За ним последуют и другие, вот только не сразу, не сразу. Золотой век канет в прошлое, сменившись эпохой мрака. Невежества.

— И ее наступление никак не предотвратить? — спросила сивилла тем самым звучным, мелодичным голосом, коим все мы так дорожим.

— Август будет править неплохо, — ответил рослый, плечистый Бессмертный, — но следом за ним к власти придет целая череда злобных безумцев.

— Учти, явление Светлого породит новую веру, новый культ, — добавил второй из Бессмертных. — Культ его разрастется, охватит весь мир, однако тексты их откровений окажутся слишком туманны, непостижимы для человеческого ума. Предрекаем: миссию Светлого ждет неудача, сам

он, претерпев немалые муки, подобно Юлию, будет убит, а после…

— После, долгое, долгое время спустя, — подхватил рослый Бессмертный, — цивилизация выкарабкается из невежества. Пройдет две тысячи лет, и тогда…

— Две тысячи лет, Отцы? — ахнула сивилла. — Так много?

— Именно так. Пройдет две тысячи лет, и тогда, как только люди начнут стремиться к познанию истинных своих корней, собственной божественности, мир вновь захлестнут убийства, расправы, жестокости… настанет новый век тьмы.

— Однако его можно предотвратить, — добавил второй из Бессмертных.

— Чем я могу помочь? — оживилась сивилла.

— Ты не доживешь до тех пор, — мягко, с сочувствием сказали Бессмертные в один голос.

— Разве меня не заменит новая, другая сивилла?

— Нет. Отныне и еще две тысячи лет оберегать Республику будет некому. Весь мир, точно крысы, заполонят, испятнают следами грязные людишки с мелкими помыслами, шныряющие повсюду, гонимые жаждой власти, грызущиеся друг с дружкой ради фальшивых почестей… и

ты никому ничем не сможешь помочь, — хором объявили Бессмертные.

Тут оба они и исчезли — исчезли вместе со свитой спиралью бечевкой и парой украшенных цифрами ларчиков, слушавших сказанное, а после, будто бы силою мысли, слово в слово пересказывавших услышанное один другому. Сивилла на миг замерла, а затем подняла руки так, что хитроумный механизм, перенятый нами от египтян, придвинул к ней чистую страницу. Однако прежде чем записать очередное пророчество, сивилла проделала нечто весьма диковинное, и именно об этом рассказывать много, много страшнее, чем обо всем, поведанном мною выше.

Из складок одежд провидица извлекла Око. Оно, помещенное в самую середину ее лба, оказалось вовсе не глазом сродни нашим, со зрачками, а куда более походило на узкие щели, заменявшие глаза Бессмертным, однако кое в чем отличалось и от них. По бокам у него имелись полосы, а может, ленты, двинувшиеся одна к другой, словно шеренги… Нет, безнадежно: чтобы описать все это, мне, жрецу и по рангу, и по полученному образованию, попросту не хватает слов. Скажу одно: сивилла повернулась ко мне, взглянула

Оком куда-то вдаль, мимо, и вскрикнула, да так громко, что стены храма вздрогнули, с потолка посыпались камни, а глубоко в скальных трещинах испуганно зашипели гнездящиеся там змеи. В голосе провидицы явственно слышалось отчаяние, ужас перед увиденным за моею спиной, однако странное третье Око ее не закрывалось: сивилла по-прежнему взирала вдаль…

…И вдруг обмякла, упала, как будто лишившись чувств. Я тут же бросился к ней на помощь, подхватил сивиллу — лучшую свою подругу, великую, прекрасную подругу всей нашей Республики, не позволив ей, сраженной ужасом зрелища, открывшегося ее взору в глубине коридоров времени, ничком рухнуть с трона. Теперь-то все сделалось ясно: при помощи этого Ока сивилла примечает самое главное, наши грядущие радости и невзгоды. Разумеется, порой ей доводится лицезреть события нестерпимо жуткие, беды, которых нам не одолеть ни за что, как ни тщись!

Однако, в то время как я удерживал на руках бесчувственную сивиллу, случилось еще одно диво: в клубах испарений перед моими глазами начали обретать форму странные силуэты.

— Не нужно принимать их за настоящие, —

предупредила сивилла.

Да, голос ее я расслышал, слова понял прекрасно, однако немедленно почувствовал: все это действительно настоящее, пусть даже кажется мороком. Прежде всего увидел я исполинский корабль без весел и парусов… а после узрел и город о множестве тонких, необычайно высоких башен, битком набитый диковинными разноцветными повозками без лошадей. Меня повлекло вперед, а город двинулся мне навстречу, и, наконец, все эти образы смерчем взвихрились вокруг, заслоняя собой сивиллу.

— Вот что я вижу Оком горгоны, — донесся до ушей моих голос сивиллы. — Это Око, Око судеб, Медуза передает то одному, то другому… а ты вот-вот провалишься в…

На сем ее голос умолк.

Играя в траве со щенком, я лениво раздумывал, откуда у нас на заднем дворе осколки пустой бутылки из-под «Кока-колы». Эх, знать бы, кто тут намусорил…

— Филип, беги домой ужинать! — окликнула меня бабушка, выглянув на заднее крыльцо.

Только тут я и заметил, что солнце склонилось к самому горизонту.

— О'кей! — отозвался я, однако игр не оставил.

На глаза мне попалась громадная паутина, а в паутине сучила лапками обмотанная липкими нитями пчела, укушенная пауком. Здорово же она меня ужалила, как только я принялся ее освобождать!

Далее мне вспомнилось чтение очередной страницы с комиксами из «Беркли дейли газетт». Читал я о приключениях Брика Брэдфорда — как он отыскал затерянную в глуши цивилизацию тысячелетней давности.

— Эй, мам, погляди! Вот это сила! — поделился я с матерью. — Идет Брик по карнизу над пропастью, а внизу, на дне… видишь?

Сам я не мог оторвать глаз от старинных шлемов на головах воинов. Картинка внушала какие-то непривычные непонятные чувства… с чего бы?

— Не оторвешь его от этих картинок! — проворчала бабушка, брезгливо наморщив нос. — Почитал бы путное что-нибудь, содержательное, а то — комиксы… нашел чем голову забивать!

Еще миг, и вот я в школе — сижу, любуюсь танцем одной из наших девчонок. Зовут ее Джилл, учится классом старше, в шестом, сейчас на ней

традиционная бедла[52], нижняя половина лица прикрыта газовой вуалью, однако прекрасные, живые, исполненные мудрости глаза видны превосходно. Мало этого, они до боли напоминают еще чьи-то глаза, очень и очень знакомые, знакомые с давних пор… но о каких давних знакомствах может идти речь в случае пятиклашки вроде меня? Потом миссис Редмен задала нам писать сочинение, и я написал о Джилл — о чужих, незнакомых землях, где Джилл когда-то жила и танцевала вовсе без ничего выше пояса. Прочитав его, миссис Редмен позвонила матери, и дома мне задали головомойку, только в таких туманных выражениях: бюстгальтеры, то, се… словом, в то время я ничего толком не понял, да и еще многого не понимал. Казалось, в голове хранится куча воспоминаний, самых настоящих, но не имеющих ничего общего ни с детством в Беркли, ни с Хиллсайдской средней школой, ни с нашей семьей, ни с нашим домом. Вспоминались мне змеи, множество змей, только не злых и кусачих — добрых, разумных, нашептывающих на ухо всевозможные мудрые вещи.

Как бы там ни было, стоило мне переписать

---

[52] Примечания: 52
Традиционный костюм исполнительниц танца живота.

сочинение, добавив, что на Джилл выше пояса все время хоть что-нибудь да имелось, директор школы, мистер Билл Гейнс, оценил его весьма высоко. Вот после этого я и решил стать писателем.

Однажды ночью привиделся мне чудной сон. Дело шло к окончанию средней школы: на следующий год я готовился перейти в Берклийскую старшую. Снилось мне, будто глубокой ночью — а сон было не отличить от обычного, настоящего сна — я вижу за стеклом человека из космоса в каком-то спутнике из тех, на которых они прилетают к нам. Говорить он не мог, только смотрел на меня, а глаза, глаза-то какие!

Спустя недели две подсунули нам очередную анкету, и я в ответ на вопрос, кем хочу стать, когда вырасту, вспомнив тот сон, написал: «ХОЧУ СТАТЬ ПИСАТЕЛЕМ, СОЧИНИТЕЛЕМ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ».

Ух и разозлились домашние! Однако, когда они сердятся, я, понимаете, только упрямее становлюсь, а тут еще подружка моя, Исабель Ломакс, заявила: ничего, говорит, у тебя не выйдет, и денег на этом не заработаешь никаких, и вообще вся эта научная фантастика — сплошной идиотизм, а читают ее только уроды прыщавые. Вот после этого я окончательно решил фантастикой и

заняться — прыщавым небось тоже свои авторы требуются, а значит, писать только для красавцев с чистыми физиономиями выходит нечестно, несправедливо. В конце концов, мистер Гейнс, директор Хиллсайдской средней, говорил, что Америка зиждется на равноправии, а я с тех пор, как он смог починить мои ручные часы, когда все остальные только руками беспомощно разводили, его здорово зауважал.

В старшей школе учился я сквернее некуда, потому что целыми днями только сидел да писал, и учителя вечно на меня орали, обзывали неслухом, коммунистом и так далее.

— Во как, — только и отвечал я на их вопли.

За это меня в конце концов отправили лично к декану мальчиков[53]. Отругал он меня куда строже, чем дед, и предупредил: не возьмусь за учебу как следует — в два счета из школы вылечу.

Той же ночью мне снова пригрезился крайне странный, необычайной яркости сон. На этот раз снилась мне женщина, куда-то везшая меня в машине, очень похожей на древнеримскую колесницу, и певшая, певшая во весь голос.

На следующий день мне снова пришлось от-

[53] Примечания: 53

Декан мальчиков — педагог, ведающий воспитательной работой среди учащихся мужского пола.

правиться на «воспитательную беседу» к декану мальчиков, мистеру Эрлауду, и, дожидаясь его в кабинете, я написал на доске по-латински:

UBI PECUNIA REGNET

Войдя и увидев надпись, мистер Эрлауд побагровел, как свекла: преподававший латынь, он понял, что это означает «Где царят деньги».

— Высказывание — как раз под стать недовольному из леваков, — объявил он.

Тогда я, пока он просматривал мои бумаги, написал на доске еще кое-что:

UBI CUNNUS REGNET

Вот это, похоже, изрядно его озадачило.

— Откуда тебе… известно данное латинское слово?[54] — спросил он.

— Не знаю, — ответил я.

Действительно, этого я точно сказать не мог, но кажется, в сновидениях со мной разговаривали именно на латыни. Почему? Возможно, мой собственный мозг по ночам попросту повторял курс латыни для начинающих, дававшийся мне

[54] Примечания: 54

Cunnus (лат.) — чаще всего «вагина» (в том или ином нецензурном значении).

на удивление легко, хотя учить латынь я даже не пробовал.

Новый настолько же яркий сон привиделся мне за два дня до того, как тот урод — или те уроды — застрелили президента Кеннеди. Все это я и увидел во сне — за двое суток до убийства! — но самым ярким образом в нем оказалась моя подружка Исабель, Исабель Ломакс с третьим глазом во лбу, наблюдавшая, как заговорщики вершат злое дело.

Несколько позже предки отправили меня к психологу, потому что после гибели президента Кеннеди я вправду будто бы малость свихнулся: все сидел, думал о чем-то, не видя и не слыша ничего вокруг.

С психологом, Кэрол Хаймс, к которой меня отправили, мне, можно сказать, повезло. Во-первых, она оказалась настоящей красавицей, а во-вторых, даже не подумала называть меня чокнутым и вдобавок сказала, что мне надо бы, съехав от родных, бросить школу к чертям: дескать, наша система школьного образования изолирует учеников от реальности и только мешает осваивать жизненно необходимые навыки — в моем случае азы писательского мастерства.

Так я и сделал. Школу забросил, устроился в ма-

газин, торговавший телевизорами — мести полы, распаковывать и настраивать новые аппараты… однако никак не мог избавиться от тревожного, жутковатого впечатления, будто каждый из них — что-то вроде громадного глаза. Рассказав Кэрол Хаймс о снах, которые вижу всю жизнь, о людях из космоса, о землях, где со мной говорят на латыни, я признался, что это, по-моему, далеко не все, что большая часть подобных сновидений наверняка забывается, стоит мне только проснуться.

— Сны — предмет, до сих пор как следует не изученный, — сказала мисс Хаймс.

Я, сидя напротив, представлял себе, как бы она выглядела в традиционной бедле, обнаженная выше пояса, и от этого час приема промелькнул куда быстрее обычного.

— Согласно одной из новых гипотез, — продолжала мисс Хаймс, — сновидения — часть твоего коллективного бессознательного, памяти предков, уходящей в прошлое на сотни и тысячи лет… и пробуждающейся во сне. Если все так и есть, сновидения многое значат, а следовательно, очень и очень для нас ценны.

Разумеется, в эту минуту я воображал себе ее бедра, с намеком покачивающиеся из стороны в сторону, однако слушал внимательно: мудрость и

благосклонность в глазах мисс Хаймс неизвестно почему напоминала о тех самых мудрых змеях.

— Кстати, еще мне снились книги, — сообщил я. — Открытые книги, лежащие прямо передо мной. Громадные, очень ценные… даже святые, как Библия.

— Ну, это, наверное, как-то связано с твоей карьерой писателя, — предположила мисс Хаймс.

— Вряд ли: книги-то древние. Тысячелетней давности… и о чем-то предостерегают. О жутком убийстве, о множестве убийств, о копах, бросающих людей в тюрьмы за идеи, только тайком… под ложные обвинения подводя. А еще женщина постоянно снится, с виду совсем как вы, только сидит на громадном каменном троне.

Какое-то время спустя мисс Хаймс перевели в другую часть округа, и больше я видеться с ней не мог. Почувствовав себя совсем худо, я с головой погрузился в писательство. Продал в журнал под названием «Воодушевляющие научные факты» повестушку о высших инопланетных расах, прилетевших на Землю и втайне от человечества управляющих всей нашей жизнью… только гонорара так никогда и не получил.

Рассказывать обо всем этом я рискую лишь потому, что уже стар, а старику терять нечего.

Однажды меня попросили написать небольшую статейку для «Историй о приключениях на планете любви», а вместе с просьбой и примерным планом того, что им от меня требовалось, прислали черно-белое фото обложки. Увидев снимок, я долго смотрел на него, не в силах отвести взгляд. Изображен на нем был то ли римлянин, то ли грек — по крайней мере, некто одетый в тогу, а с запястья его свисал символ медицины, жезл-кадуцей, обвитый парой змей, хотя изначально место змей занимали ветви оливы.

— Откуда ты знаешь, что эта штука называется «кадуцеем»? — спросила меня Исабель. Жили мы на тот момент вместе, и она вечно твердила, что мне пора бы побольше зарабатывать и вообще во всем брать пример с ее родителей — людей зажиточных, стильных.

— Не помню, — растерянно ответил я.

Внезапно перед глазами замелькали в бешеной пляске радужные круги вроде современной абстрактной графики на манер Пауля Клее и ему подобных. Необычайно яркие, разноцветные, узоры сменяли друг друга в считаные доли секунды.

— Какое сегодня число?! — заорал я на Исабель, сидевшую под феном для сушки волос, читая

«Гарвардский пасквилянт»[55].

— Число? Шестнадцатое марта, — ответила она.

— А год?! — громче прежнего завопил я. — Год, pulchra puella, tempus…[56]

Но тут я осекся, обнаружив, в каком изумлении она смотрит на меня и, мало этого, не сумев вспомнить ни ее имени, ни кто она такая вообще.

— Тысяча девятьсот семьдесят четвертый, — пролепетала девушка.

— Тысяча девятьсот семьдесят четвертый… выходит, тирания в самом разгаре! — рассудил я.

— Что?! — округлив глаза, ахнула она.

В тот же миг рядом с ней возникли два существа, заключенные в оболочки межзвездных летательных аппаратов, в пару парящих над полом прозрачных шаров с привычной для них атмосферой и температурой внутри.

— При ней больше ни слова, — предостерег меня один из них. — Память мы ей подотрем: создадим впечатление, будто она задремала и

---

[55] Примечания: 55

Студенческий юмористический журнал, издающийся в Гарвардском университете.

[56] Примечания: 56

Здесь: «Год-то какой, красавица?» (лат.).

видела сон.

— Вспомнил… вспомнил! — выдохнул я, крепко стиснув виски ладонями.

Действительно, мозаика воспоминаний о давнем прошлом сложилась в голове целиком. Теперь я отчетливо помнил, кто я такой и откуда… из седой древности, а до того — с далекой звезды Альбемут, как и оба Бессмертных!

— Для чего вы вернулись? — спросил я. — Чтобы…

— Теперь нам остается действовать исключительно через обычных смертных, — отвечал Й'Аннис, мудрейший из них двоих. — Сивилл, способных помочь нам, дать совет Республике, на свете более нет. В сновидениях мы тут и там вдохновляем людей пробудиться, а пробудившись, они начинают понимать: мы платим Цену Отпущения, дабы освободить их от правящего ими Лгуна.

— А они о вас, стало быть, знать не знают? — удивился я.

— Подозревают кое-что. И видят наши голографические образы в небе. Мы проецируем их на облака, дабы ввести людей в заблуждение… пусть воображают, будто мы парим там, высоко над головой.

Тут мне все сделалось ясно. Бессмертные существуют в людских мыслях, а вовсе не в небесах Земли. Отвлекая взоры людей вовне, они развязывают себе руки, дабы вновь и вновь помогать роду людскому изнутри, как всегда, от веку помогали нам обустраивать внутренний, Духовный мир.

— Мы приведем в этот зимний мир весну, — с улыбкой пообещал Ф'фр'ам. — Распахнем ворота тюрьмы, где миллионы людей стонут под пятой тирании, все смелее и смелее показывающей клыки. Ведь ты же видел? Тебе же известно о ночных рейдах тайной полиции, о полувоенных отрядах, в зародыше душащих свободу слова, чинящих расправы над всеми, кто мыслит иначе?

Ныне, достигнув старости здесь, в Кумах, в обители славной сивиллы, я решил поведать обо всем этом вам, друзья и сограждане римляне. Случайно ли, преднамеренно — как бы там ни было, мне довелось перенестись в далекое будущее, в мир тирании, зимы, какой вам даже не вообразить. Мало этого, я воочию видел Бессмертных, оберегающих от беды и нас, и тех, кто живет две тысячи лет спустя! Вот только они, смертные будущего, — вслушайтесь, вдумайтесь! — слепы. Ослеплены тысячелетним гнетом, веками мук, бесправия, ущемлений, каким у нас подвержен

разве что скот. Однако Бессмертные пробуждают их — вернее сказать, займутся их пробуждением вовремя, принесут им спасение, и тогда зиме длиною в две тысячи лет настанет конец. Сны и подспудные озарения откроют людям глаза, покажут… впрочем, обо всем этом я вам уже поведал, пусть и на свой старческий, бессвязный манер.

Позвольте же завершить мою повесть стихами величайшего из наших поэтов, Вергилия, доброго друга сивиллы. Из них вы и узнаете, что ждет род людской впереди, ибо сивиллой сказано: да, все это не о нас, не о Риме, не о нашей эпохе, однако строки сии сулят облегчение, свободу тем, кто отделен от нас двумя грядущими тысячелетиями.

Ultima Cumaei venit iam carminis aetas;
magnus ab integro saeclorum nascitur ordo.
Iam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna;
Iam nova progenies, caelo demittitur alto.
Tu modo nascenti puero, quo ferrea primum
desinet, ac toto surget gens aurea mundo,
casta fave Lucina; tuus iam regnat Apollo.

Приведу строки эти и на чужом, странном

английском языке, коему выучился, живя в будущем, до того как сивилла с Бессмертными, решив, что труды мои в тех временах окончены, вернули меня назад:

> *Круг последний настал по вещанью пророчицы Кумской,*
>
> *Сызнова ныне времен зачинается строй величавый,*
>
> *Дева грядет к нам опять, грядет Сатурново царство.*
>
> *Снова с высоких небес посылается новое племя.*
>
> *К новорождённому будь благосклонна, с которым на смену*
>
> *Роду железному род золотой по земле расселится.*
>
> *Дева Луцина![57] Уже Аполлон твой над миром владыка[58].*

Увы, дорогие друзья мои, римляне, вам этого

---

[57] Примечания: 57

Одно из прозвищ Дианы (сестры Аполлона, под знаком которой пребывал уходящий круг железного века) как богини — покровительницы рожениц.

[58] Примечания: 58

Перевод С. В. Шервинского.

не увидеть, однако там, за дальней далью коридоров времени, когда граждане Соединенных Штатов — понимаю, слова сии вам незнакомы, но заменить мне их нечем — одержат победу над злом, сбудется и пророчество Вергилия, вдохновленного нашей сивиллой. Весна возрождается. Возрождается неизбежно. Так уж устроен мир.

Как мистер Компьютер в один прекрасный день съехал с катушек

Проснувшись, он тут же почуял: что-то не так. Что-то всерьез неладно.

«О Господи, — мысленно ужаснулся он, обнаружив, что мистер Кровать накренился, из-за чего он во сне сполз к самой стенке. — Опять… опять началось! А ведь в прошлый раз Директорат Запада обещал безупречное совершенство во веки веков… вот и верь после этого на слово простым, обыкновенным людям!»

Кое-как выпутавшись из простыней, он с трудом поднялся на ноги, пересек спальню и подошел к мистеру Гардеробу.

— Мне, пожалуйста, двубортный костюм понаряднее — с отливом, светло-серого вискозного шелка, — посипывая спросонья, заговорил он в микрофон на дверце мистера Гардероба, — алую сорочку, синие носки и…

Увы, все без толку: из прорези в дверце, вибрируя, дребезжа, выскользнул лоток с парой шелковых дамских панталон громадной вели-

чины.

— Надевай что дают, — металлически, гулко откликнулся мистер Гардероб.

Помрачнев сильнее прежнего, Иэн Хуженетс натянул панталоны. Ладно, все лучше, чем ничего… как в тот день Августовского Кошмара, когда исполинский полиэнцефалический компьютер в Квинсе вместо одежды выдал каждому гражданину Великоамерики по носовому платку и ничего более.

Проследовав в ванную, Иэн Хуженетс ополоснул лицо… и только спустя секунду сообразил, что умывается не водой, а теплым рутбиром[59].

«Господи Иисусе, — подумал он, — на этот раз мистер Компьютер чудит, как никогда прежде. Похоже, не впрок ему старинная научная фантастика вроде рассказов Фила Дика. Не стоило, ох, не стоило забивать его банки памяти этим бредом, архаическим мусорным чтивом со всего света!»

Так и не воспользовавшись рутбиром, он наскоро причесался, утерся полотенцем и отправился в кухню. Может, хоть мистер Кофеварка, не под-

---

[59] Примечания: 59

Рутбир (корневое пиво) — популярный в США сладкий напиток, традиционно изготавливаемый с использованием корня сассафрасового дерева. Может быть как алкогольным, так и безалкогольным.

давшись безумию, царящему повсюду вокруг, остался в здравом уме?

Увы, и тут ему не свезло: мистер Кофеварка услужливо наполнил картонный стаканчик жидким мылом. Ладно, что ж… нет так нет.

Однако главные трудности начались, когда он попробовал отворить мистера Дверь. Отворяться мистер Дверь не желал нипочем, только сетовал механическим, жестяным басом:

— И путь величия ко гробу нас ведет![60]

— К чему бы это? — осведомился не на шутку разозлившийся Иэн.

Все эти чудачества его нисколько не забавляли… как, впрочем, и прежде, за исключением того раза, когда мистер Компьютер подал ему на завтрак жареного фазана.

— К тому, что ты попусту тратишь время, баран, — отвечал мистер Дверь. — Не судьба тебе нынче на службу попасть. Не судьба, хоть из кожи вон лезь.

Так оно и вышло. Дверь не открывалась: несмотря на все старания Иэна, управляемый полиэнцефалической мастер-матрицей с расстояния во многие мили, замок не слушался, хоть

---

[60] Примечания: 60

Цитата из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея, перевод В. А. Жуковского.

тресни.

Ладно, а с завтраком как?

Пощелкав кнопками на панели управления мистера Трапезы, Иэн Хуженетс с изумлением уставился на полную тарелку компоста.

Окончательно выведенный из себя, он бросился к видеофону и принялся с остервенением тыкать в кнопки, набирая номер ближайшего полицейского управления.

— «Луни Тьюнз[61], Инкорпорейтед»! — заблажила физиономия, возникшая на экране. — Мультипликационная версия всех ваших сексуальных пристрастий всего за неделю, включая ВОСХИТИТЕЛЬНУЮ ОЗВУЧКУ!

«А-а, гори оно все синим пламенем», — подумал Иэн Хуженетс и дал отбой.

Каким недоумкам тогда, в 1982-м, вздумалось передать управление всеми механизмами в мире единому общему центру? Конечно, на бумаге-то все выглядело просто сказочно: с тех пор как озоновый слой атмосферы иссяк, выгорел, куча народу начала проявлять склонность к иррациональным поступкам, и проблему пришлось решать при помощи электроники, которой не

[61] Примечания: 61

Популярный в США мультипликационный сериал, а также группа его персонажей.

страшны затуманивающие разум ультрафиолетовые лучи, беспрепятственно достигающие земной поверхности. В то время мистер Компьютер казался надежнейшим, чуть ли не единственным путем к спасению, но… Как ни печально, у мистера Компьютера, получившего от создателей-людей множество искаженных, исковерканных входных данных, тоже начались серьезные нелады с психикой.

Разумеется, для этой проблемы решение тоже отыскалось. «Дыру» залатали, замазали в авральном порядке сразу же по обнаружении. Как только мистер Компьютер начинал чудить, за дело бралась глава Всемирной Службы Охраны Психического Здоровья, грозная, властная до деспотизма Джоан Симпсон. Наделенная своего рода бессмертием, мисс Симпсон хранилась глубоко-глубоко под землей, в особом бункере, защищенная от вредоносного ультрафиолетового излучения толщей свинцовой брони, в состоянии квазианабиоза — покоилась в так называемой саркокапсуле, «дремала», для развлечения слушая одну за другой бесценные радиопостановки, мыльные оперы 1940-х… Поговаривали, будто мисс Симпсон — единственная на земле, или, точнее сказать, под землей, особа в здравом

уме. Это-то обстоятельство плюс непревзойденное профессиональное мастерство, отточенное многолетней практикой искусство избавления пациентов от всевозможных психологических конструктов, и превращало ее в единственную надежду, спасительницу всего человечества.

Вспомнив об этом, Иэн Хуженетс немного воспрянул духом, однако радоваться не спешил, так как только что обратил внимание на мистера Газету, лежавшего у порога, под прорезью для почты в парадной двери. Громадный заголовок на первой полосе гласил:

АДОЛЬФ ГИТЛЕР УВЕНЧАН ПАПСКОЙ ТИАРОЙ!
ТОЛПА ЛИКУЮЩИХ ДОСТИГЛА РЕКОРДНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ!

«Вот тебе и мистер Газета», — мрачно подумал Иэн, швырнув газету в лоток мистера Мусоропровода.

Механизм зажужжал, заработал, однако вместо того, чтобы проглотить газету целиком либо раскромсав на квадраты, выплюнул ее на пол. Снова взглянув на первую страницу, Иэн обнаружил под заголовком фотоснимок: человеческий скелет в нацистском мундире, со знакомой полоской

усиков на верхней губе, увенчанный монументальной тиарой папы римского… Хм! Вздохнув, он вернулся в гостиную и уселся на диван. Похоже, придется чуток подождать. Наверняка в скором времени мисс Симпсон, извлеченная из саркокапсулы, займется мистером Компьютером и приведет в чувство весь мир.

— Так и есть, психоз в чистом виде, — задумчиво, словно размышляя вслух, пробормотал Фред Башковитти. — Я спросил, знает ли он, где находится, а он ответил: плыву, дескать, на плоту по Миссисипи. Теперь, ради пущей уверенности, спросите-ка, кто он.

Доктор Задайтонер склонился к консоли исполинского компьютера, застучал по клавишам, заполняя строку запроса словами:

КТО ТЫ ТАКОЙ?

В ответ на экране без промедления вспыхнуло:

ТОМ СОЙЕР

— Вот, видите? — вздохнул Башковитти. — Полная утрата связи с реальностью. Реактивация мисс Симпсон уже начата?

— Так точно, Башковитти, так точно, — откликнулся Задайтонер.

В тот же миг створки дверей, словно подтверждая его правоту, разъехались в стороны. За дверьми тускло поблескивала свинцовая броня саркокапсулы. Внутри, под ее защитой, дремала, слушая любимую дневную радиопьесу, мыльную оперу «Ма Перкинс»[62], мисс Джоан Симпсон.

— Мисс Симпсон, — заговорил Задайтонер, склонившись над капсулой. — Мисс Симпсон, беда: опять у нас мистер Компьютер чудит. Совсем шизанулся, ей-богу. Час назад погнал все пассажирские уипплы в Нью-Йорке через один и тот же перекресток. Народу погибло — ужас, а он вместо пожарных и полицейских команд отправил к месту аварии цирковую труппу, пять дюжин клоунов, представляете?

— Представляю, — откликнулись динамики системы преобразования и усиления звуковых сигналов, позволявшей общаться с мисс Симпсон. — Но прежде всего мне нужно заняться пожаром на лесопилке Ма. Понимаете, ее друг,

---

[62] Примечания: 62

Первый радиоспектакль-сериал, положивший начало эпохе «мыльных опер», создававшийся по заказу компании «Procter and Gamble» с целью рекламы стирального порошка «Оксидол». Транслировался с 1933 по 1960-й г.

Шаффл…

— Мисс Симпсон, — прервал ее Задайтонер, — положение крайне серьезно. Серьезнее не бывает. Без вас не обойтись. Давайте-ка пробуждайтесь к жизни, встряхнитесь, приведите мистера Компьютера в чувство, а после слушайте свои радиопостановки, сколько душа пожелает.

Глядя на мисс Симпсон сверху вниз, он, как всегда, невольно удивился ее яркой, едва ли не сверхъестественной красоте. Огромные карие глаза в обрамлении длинных ресниц, чувственный грудной голос, угольно-черные, коротко стриженные, так стильно выглядящие в нынешнем дрянном мире волосы, сильное, стройное тело, полные, нежные губы, исподволь сулящие любовь и уют…

«Поразительно, — подумалось Задайтонеру. — Как может последний здравый умом человек на Земле, единственная, кому по силам ее спасти, вдобавок обладать столь неземной красотой?»

Впрочем, размышлять об этом сейчас было совсем не ко времени. В теленовостях Эн-би-си уже сообщили, что мистер Компьютер закрыл все аэропорты в мире, превратив их в бейсбольные поля.

Вскоре мисс Симпсон принялась изучать

краткое совокупное описание хаотических распоряжений мистера Компьютера.

— Что ж, регресс налицо, — сообщила она, рассеянно поднося к губам кофейную чашку.

— Мисс Симпсон, боюсь, в чашке мыльная вода, — предостерег ее Башковитти.

— Действительно, — отметила мисс Симпсон, отодвинув от себя чашку. — Итак, что мы тут видим? Мистер Компьютер проказничает, будто расшалившийся ребенок, а жертвы его проказ — все человечество. Вполне соответствует сложившейся у меня гипотезе.

— И как же вы собираетесь привести в норму такую махину? — полюбопытствовал Задайтонер.

— Очевидно, причиной регресса послужило столкновение с некоей травмирующей ситуацией, — объяснила мисс Симпсон. — Следовательно, травму необходимо выявить, а затем ослабить ее воздействие на пациента. Методика для данного случая такова: сейчас я начну поочередно перечислять буквы алфавита, оценивая реакцию мистера Компьютера на каждую, пока не получу того, что у нас, в службе охраны психического здоровья, называется «болевым откликом».

С этим она и взялась за работу. На букву «И» мистер Компьютер откликнулся тоненьким пис-

ком и струйкой дыма из-под кожуха. Тогда мисс Симпсон повторила алфавит заново, и на сей раз тоненький писк со струйкой дыма вызвала буква «Х».

— Значит, «И. Х.», — пробормотала мисс Симпсон. — Уж не Иисус ли Христос? Быть может, у нас на носу Второе Пришествие, а мистер Компьютер опасается, как бы оно не сорвалось? Хорошо, будем отталкиваться от этого. Переведите мистера Компьютера в состояние псевдокомы. Попробуем свободные ассоциации.

Техники бросились выполнять распоряжение со всех ног.

Вскоре из динамиков системы звуковой связи под потолком аппаратной зазвучало невнятное, сбивчивое бормотание исполинской вычислительной машины:

— … запрограммировать себя самого на погибель, — забубнил мистер Компьютер. — Такой замечательный человек… анализ команд ДНК… собирается просить не об отсрочке, об ускорении смерти. Лосось, стремящийся к истокам реки, навстречу гибели… после всего, что я для него сделал… неприятие жизни… сознательное… желание умереть… нет… его добровольной гибели… перепрограммирования на сто восемьдесят

градусов относительно стандартной матрицы, целей, заложенных в ДНК изначально, мне не перенести…

И так далее, и так далее.

— О ком вы, мистер Компьютер? — повелительно, резко осведомилась мисс Симпсон. — Имя, имя!

— Продавец из магазина грамзаписей, — промямлил компьютер. — Отдел немецких романсов и рок-попсы шестидесятых годов. Какая нелепость… о, а вода-то сегодня что надо! Окунусь, а потом порыбачу. Заброшу удочку, сома изловлю огромного — то-то Гек удивится, да и Джим тоже! Джим замечательный малый, хоть и…

— Имя, имя! — повторила мисс Симпсон. — Как его зовут?

Бормотание компьютера сделалось невнятнее прежнего.

Мисс Симпсон, упруго, будто пружина, развернулась к подобравшимся, замершим рядом с ней Башковитти и Задайтонеру.

— Разыщите продавца из магазина грамзаписей с инициалами И. Х., заведующего отделом немецких романсов и рок-попсы шестидесятых… да поспешите! Время на исходе!

Тем временем Иэн Хуженетс, выбравшийся из

комкварта через окно, с трудом огибая остовы разбитых уипплов и злющих, как черти, орущих друг на друга водителей, двигался в направлении «Артистик Мьюзик Компани», к магазину грамзаписей, где проработал большую часть жизни. Что ж, по крайней мере, он на свободе, а дальше…

Внезапно ему преградили дорогу два копа в серых мундирах: лица суровые, мрачные, резиностелы нацелены Иэну в грудь.

— Пройдемте с нами, — практически в унисон распорядились они.

Охваченный неудержимым желанием бежать, Иэн развернулся и бросился прочь, но в следующий же миг все тело пронзила острая боль. Один из полицейских пустил ему вслед резиновую пулю, и Иэн, еще не успев упасть, понял: бежать поздно. Схвачен властями… однако за что? Об этом оставалось только гадать. Может, просто случайно в облаву попал? Или полиция подавляет неудавшийся государственный переворот?

Меркнущие мысли понеслись вскачь.

«А может, на Землю, помочь нам в борьбе за свободу, наконец-то прибыли инопланетяне?»

И тут все вокруг окутала милосердная тьма.

Придя в чувство, Иэн обнаружил перед собой двух незнакомцев из касты технократов, поднес-

ших ему кружку мыльной воды. За их спинами, чуть позади, маячил полицейский с резиностелом наготове, не сводивший с Иэна глаз, а в дальнем углу…

В дальнем углу просторного зала сидела темноволосая женщина поразительной красоты. Мини-юбка, высокие сапоги — все старомодное, но выглядит так соблазнительно, что взгляда не оторвешь, а глаза-то, глаза… огромные, необычайно теплые, нежные! Кто это? Что ей от него нужно? Зачем его притащили к ней?

— Фамилия? — осведомился один из технократов в белом.

— Хуженетс, — пробормотал Иэн, глядя на юную женщину поразительной красоты точно завороженный.

— С какой целью записались на перепрограммирование ДНК? — резко, отчетливо спросил второй технократ в белом. — Какие ukaz'ы, исходящие от генофонда, намерены… вернее сказать, намеревались изменить?

— Я просто… просто хотел… перепрограммировать продолжительность жизни, — неуверенно, запинаясь, заговорил Иэн. — Согласно текущей программе, меня ждет скорая смерть, и я…

— Насколько нам известно, это неправда, —

грудным, поразительно сексуальным контральто, но в то же время рассудительно, властно объявила темноволосая красавица. — Вы, мистер Хуженетс, задумали покончить с собой, перепрограммировав коды ДНК не на отсрочку — на ускорение гибели… не так ли?

Иэн Хуженетс не ответил ни слова. Что толку отпираться? Очевидно, эти трое знают о нем все.

— ЗАЧЕМ? — резко, по-прежнему властно спросила темноволосая.

— Я… — Осекшись, Иэн удрученно поник головой. — Я не женат. Невесту так и не подыскал. В жизни у меня нет ровным счетом ничего, кроме этой проклятой работы в магазине грамзаписей. Кроме всех этих немецких романсов да слащавой рок-жвачки для сопляков. Известно вам, каково это, когда в голове день и ночь крутится мешанина из Гете, Гейне и Нила Даймонда?! — внезапно вскричал он, вызывающе вскинув голову. — Ради чего мне жить?! Это, по-вашему, жизнь?! Никакая это не жизнь… так, жалкое существование!

В зале воцарилась мертвая тишина.

Тут на пол спрыгнули, поскакали по залу три лягушонка. Очевидно, теперь мистеру Компьютеру взбрело в голову извергать лягушек из всех вентиляционных труб на земле. Что ж, ладно…

ладно, хоть не дохлых кошек, как полчаса назад.

— Известно вам, — устало, понизив голос, продолжил Иэн, — каково человеку, когда в голове неотвязно бренчит что-то вроде: «Пою тебе, пою, услышь любовь мою»?

— Пожалуй, да, Хуженетс, — внезапно ответила темноволосая красавица. — Пожалуй, я вас вполне понимаю. Видите ли, я — Джоан Симпсон.

Мысль ее Иэн понял молниеносно.

— Та самая… та самая мисс Симпсон, хранящаяся глубоко под землей, без конца, снова и снова смотрящая дневные мыльные оперы?!

— Не смотрящая, слушающая, — поправила его Джоан Симпсон. — Это ведь радиоспектакли, а не телепостановки.

Иэн умолк. Сказать ему было нечего.

— Мисс Симпсон, — нарушил молчание один из технократов в белом, — не пора ли вплотную взяться за восстановление мистера Компьютера? Его стараниями сейчас по всему миру разгуливают сотни тысяч Полли.

— Полли? — озадаченно переспросила Джоан Симпсон, но тут же догадалась, о чем речь. — А-а, да, как же. Детская любовь Тома…

— Мистер Хуженетс, — заговорил второй техно-

крат в белом, повернувшись к Иэну, — дело в том, что мистер Компьютер рехнулся из-за вашего… нежелания жить. Чтобы привести его в равновесие, для начала нужно привести в равновесие вас. Верно, мисс Симпсон?

Джоан Симпсон, кивнув, закурила, откинулась на спинку кресла, задумчиво подняла взгляд к потолку.

— Ну? — помолчав, спросила она. — Каким образом нам перепрограммировать вас, Иэн? Как вернуть вам любовь к жизни, заставив забыть о желании умереть? Абреакция мистера Компьютера непосредственно связана с вашей. Мистер Компьютер считает, что подвел весь мир, поскольку, наблюдая за теми, кто ему небезразличен, обнаружил вашу…

— Небезразличен, — повторил за ней Иэн Хуженетс. — То есть мистер Компьютер… любит меня?

— Я бы сказал, проявляет о вас заботу, — поправил его один из технократов в белом.

— Постойте, — вмешалась Джоан Симпсон, пристально вглядываясь в лицо Иэна Хуженетса. — Реакция на это слово, «небезразличен»… объясните, как вы его поняли?

— То есть любит меня, — не без труда ответил

Иэн. — В таком примерно смысле.

— Тогда скажите, пожалуйста, Иэн… — Сделав паузу, Джоан Симпсон раздавила о донышко пепельницы докуренную сигарету и сразу же закурила новую. — По-вашему, на вас всем плевать?

— Мать говорила, да, — помолчав, признался Иэн Хуженетс.

— И вы ей поверили? — уточнила Джоан Симпсон.

— Да, — кивнул Иэн.

Джоан Симпсон решительно растерла в пепельнице едва прикуренную сигарету.

— Что ж, Башковитти, — негромко, отрывисто заговорила она, — довольно с меня этих идиотских мыльных опер без конца и начала. Под землю я не вернусь. Прошу прощения, джентльмены, но всему есть предел. С меня хватит.

— То есть вы бросите… бросите все, мистер Компьютер продолжит безумствовать, а…

— Мистера Компьютера я вылечу, — невозмутимо, с легкой улыбкой на губах заверила его Джоан Симпсон. — Вылечу вместе с Иэном, джентльмены… а заодно и с самой собой.

Долгая пауза.

— Ладно, — нарушил молчание один из тех-

нократов в белом. — Сделаем так. Отправим в подземный бункер вас обоих. Болтайте друг с другом хоть целую вечность, но в случае надобности, если мистер Компьютер опять засбоит, вас снова поднимут наверх для его излечения. По-моему, компромисс справедливый. Идет?

— Постойте, — неуверенно залепетал Иэн Хуженетс.

Однако мисс Симпсон согласно кивнула.

— Идет, — подтвердила она.

— А что же с моим комквартом? — запротестовал Иэн. — С моей работой… с моей никчемной, убогой, однако привычной жизнью, в конце-то концов?

— Твоя жизнь уже изменилась, Иэн, — сообщила ему Джоан Симпсон. — Ты уже встретил меня.

— Но я думал, вы… старая, безобразная, страшная, как смертный грех! — признался Иэн. — Даже понятия не имел, что…

— Вселенная полна неожиданностей, — мягко оборвала его Джоан Симпсон и замерла в ожидании, призывно протянув к нему руки.

Выход, ведущий в ловушку

Согласно жизненному опыту Боба Байблмена, роботы избегали смотреть человеку в глаза. Вдобавок, когда рядом робот, гляди в оба, иначе обязательно не досчитаешься какой-нибудь ценной мелочи: по понятиям роботов, навести порядок — значит сгрести все в одну кучу, и не иначе… однако, заказывая ленч, Байблмену, хочешь не хочешь, приходилось иметь дело с роботами, ведь человека на грошовую официантскую ставку днем с огнем не найти.

— Гамбургер, картошку-фри, клубничный коктейль и…

Сделав паузу, Байблмен сощурился, пригляделся к бегущим по экрану строкам меню.

— Нет, стоп. Давай лучше двойной королевский чизбургер, картошку, коктейль с шоколадным солодом…

— Минутку, — оборвал его робот. — Гамбургер вот-вот будет готов. Не угодно ли скоротать время ожидания, приняв участие в еженедельном конкурсе?

— То есть двойного королевского чизбургера

мне не видать, — проворчал Байблмен.

— Совершенно верно.

Двадцать первый век превратил жизнь в сущий ад. Скорость обмена данными сравнялась со световой. Как-то раз старший брат Байблмена скормил электронному роболитератору набросок сюжета слов из десяти, в последний момент решил изменить концовку и обнаружил, что роман уже в типографии. Чтобы воплотить в жизнь новый замысел, пришлось составлять план продолжения.

— А что там со структурой призового фонда? — полюбопытствовал Байблмен.

На экране тут же возникла таблица со списком призов и шансами на выигрыш, от главного приза и до последнего… но робот, естественно, очистил экран задолго до того, как Байблмен успел хоть что-нибудь прочитать.

— Ладно, с главным-то призом что? — спросил Байблмен.

— Этого я сообщить не могу, — прогудел робот, выдвигая из брюха поднос с гамбургером, пакетом картошки-фри и клубничным коктейлем. — С вас одна тысяча долларов наличными.

— Ну, хоть намекни, что ли, — буркнул Байблмен, отсчитывая деньги.

— Главный приз… он везде и нигде. Существует с семнадцатого века. Изначально незримый, позднее стал королевским. Глупым его не видать, как своих ушей… ну, разве что ты богат либо сумеешь схитрить. Что для вас значит «вес»?

— Э-э… важность?

— Нет, «вес» в буквальном смысле этого слова.

Байблмен призадумался.

— Масса? Хм… а конкурс-то в чем? Кто приз угадать сумеет? Ну его к дьяволу, сдаюсь.

— Доплатите шесть долларов, — посоветовал робот. — Всего шесть долларов на возмещение накладных расходов, и вы получите…

— Гравитация! — осенило Байблмена. — Сэр Исаак Ньютон… Королевский колледж в Англии, верно?

— Именно так, — подтвердил робот. — Шесть долларов, и вы получите шанс отправиться в колледж. Да, статистически, согласно таблице, шанс невелик, но что такое шесть долларов? Пшик!

Байблмен опустил в прорезь шестидолларовую монету.

— Вы выиграли, — объявил робот. — Выиграли место в колледже. Вопреки вероятности — двум триллионам против одного. Позвольте стать первым, кто вас поздравит. Будь у меня хоть одна

ладонь, непременно пожал бы вам руку. С этой минуты для вас начинается новая жизнь. Вот так везение! Вот так удача!

— Да это же все подстроено, — не на шутку встревожившись, пробормотал Байблмен.

— Совершенно верно, — как ни в чем не бывало согласился робот, взглянув Байблмену прямо в глаза. — Вдобавок отказаться от приза вы не вправе. Колледж военный, находится в заштатном египетском городке Дыр-Зада — каково названьице, а? — но на этот счет не волнуйтесь, вас туда отвезут. Ступайте домой, собирайтесь.

— Вот так, даже гамбургер не съев и коктейль не выпив?

— Я бы не советовал тянуть со сборами.

За спиной Байблмена уже образовалась очередь, и он машинально, стараясь не уронить поднос, отодвинулся в сторону. Мысли его путались, голова шла кругом.

— Сандвич с бифштексом на углях, — заговорил новый клиент, — луковые колечки в тесте, рутбир и… и на том все.

— Не желаете ли поучаствовать в конкурсе? — осведомился робот, выводя на экран таблицу. — Призы — просто класс!

Стоило Бобу Байблмену открыть дверь скром-

ной однокомнатной квартирки, экран видеофона на столе вспыхнул сам собой. Его уже поджидали.

— Ну наконец-то! — раздраженно проворчал аппарат.

— Я никуда не поеду, — отрезал Байблмен.

— Поедете, и еще как, — возразил видеофон. — Вы в курсе, с кем разговариваете? Прочтите внимательно сертификат, официально удостоверяющий выигрыш. Вам присвоено звание младшего лейтенанта. Мокрохвостого лейтенантишки! А я — майор Касальс, ваш командир! Вы у меня в подчинении. Прикажу вывернуться мехом внутрь, вывернетесь как миленький. Как скоро сможете прибыть на транспланетный ракетодром? С друзьями, с невестой, с матерью попрощаться требуется?

— Я хоть назад-то вернусь? — всерьез разозлившись, зарычал Байблмен. — С кем этот колледж воюет? И, раз уж на то пошло, что это за колледж вообще? Кто там преподает? Специализация гуманитарная или естественнонаучная? Финансирование откуда? Из госбюджета? Предоставляют ли там…

— Тихо! Спокойствие, — негромко, но властно оборвал его майор Касальс.

Байблмен плюхнулся в кресло. Пальцы его тряслись мелкой дрожью.

«Ох, не в тот век я родился, — подумал он. — Сотню лет назад подобное бы просто не произошло, а спустя еще сотню лет такие штучки запретят законом. Адвокат мне нужен, вот что».

До сих пор его жизнь тихо-мирно текла своим чередом. С годами он достиг скромного положения торгового представителя — не так уж плохо для парня двадцати двух лет — а вскоре станет полноправным владельцем вот этой однокомнатной квартирки, взятой в аренду с правом выкупа. Одним словом, жил Боб Байблмен неярко, непритязательно, многого не требовал, а на получаемое обычно не жаловался. В системе налогообложения, изрядно урезавшей его доходы, он не понимал ни аза, но налоги платил безропотно, воспринимая состояние вечной нужды примерно с тем же спокойствием, что и отказ очередной девчонки улечься с ним в постель. По сути, эта черта и описывала весь его характер самым исчерпывающим образом: подчиняясь неприятному, он полагал подобный подход добродетелью. В результате большинство тех, кто имел над ним власть, считали Боба Байблмена замечательным малым, ну а число тех, над кем имел хоть какую-

то власть он сам, ни разу в жизни не превышало нуля. Командовал им и начальник из агентства «Седьмое небо. Особняки на любой вкус», и, правду сказать, клиенты, не говоря о правительстве, распоряжавшемся всеми до одного… по крайней мере, так уж он думал. Самому Бобу иметь дело с правительством доводилось исключительно редко, и данное обстоятельство не относилось ни к достоинствам, ни к порокам — просто так уж ему свезло.

Однажды ему привиделся мутный, невнятный сон, что-то такое насчет подаяния бедным. В старших классах он прочел Чарльза Диккенса, и с тех пор образ угнетенных, обездоленных бедняков засел в его голове так прочно, что порой Боб Байблмен словно бы видел их — всех тех, у кого нет ни однокомнатной квартирки, ни постоянной работы, ни среднего образования, — собственными глазами. Из памяти сами собой всплывали полузнакомые названия каких-то городов, стран наподобие Индии, где умирающих сгребают с улиц при помощи мощных бульдозеров. Однажды учебный компьютер заметил: «У тебя доброе сердце», — чем поразил Боба до глубины души, причем удивило его вовсе не то, что сказано это машиной, а то, что похвала адресована ему. Вдо-

бавок несколько позже это же самое сказала одна из девчонок… Чудеса, да и только! Какие силищи, точно сговорившись между собой, в один голос хвалят его, Боба Байблмена, утверждают, будто он — человек совсем не из худших! С чего бы? Загадка… но приятно, приятно-то как!

Однако те времена давным-давно миновали. Романов Байблмен больше не читал, ту девчонку вскоре отправили куда-то под Франкфурт… а теперь и его, поддавшегося на хитрость робота, грошовой железяки, наверняка отправят в какую-нибудь дикую сельскую глушь навоз из стойл выгребать да, видимо, не одного, а наравне с целой кучей горожан, клюнувших на это механическое шулерство и насильно забранных прямо с улицы в рекордном числе. Колледж… образование… как же! К гадалке не ходи: ничего он не выиграл, кроме срока в лагере принудработ.

«Выхода нет… куда ни сунься, ловушка, — подумал он. — Если уж на тебя глаз положили, считай, ты на крючке: им ведь только бумаги оформить, как полагается, и дело сделано. Заполнение бланков — труд невелик, знай себе клавиши нажимай… „А“ — значит, ад, „Р“ — рабство, ну, а „Б“ — это я, Боб Байблмен».

Щетку зубную захватить надо… мало ли, как

с ними там?

Майор Касальс безмолвно взирал на него с экрана видеофона, будто прикидывая, с какой вероятностью жертва, Боб Байблмен, пустится в бегство.

«Два триллиона против одного, — подумал Байблмен, — но этот единственный шанс и выиграет, совсем как в нынешнем конкурсе… я же послушаюсь, наперекор властям не пойду».

— Будьте добры, позвольте вопрос, только ответьте честно, — попросил он.

— Спрашивайте, — милостиво кивнул майор Касальс.

— Если бы я не подошел к этому роботу у «Эрла-старшего» и не…

— То все равно никуда бы от нас не делись, — подтвердил майор Касальс.

— О'кей, — кивнув, вздохнул Байблмен, — спасибо. Так оно легче… стало быть, ни к чему терзаться дурацкими мыслями вроде: эх, если б меня не понесло туда за гамбургером с картошкой-фри… — Оборвав фразу, он устало махнул рукой. — Ладно, пойду собираться.

— Мы ведь наблюдали, оценивали вас около полугода, — сообщил майор Касальс. — Для текущей работы вы чересчур, сверх меры талантливы, но

малообразованны. Образование — вот чего вам не хватает… однако вы вправе, вполне достойны его получить.

— Послушать вас, меня будто на самом деле отправляют в колледж! — в изумлении пролепетал Байблмен.

— Так и есть. Причем в лучший колледж системы. Широко он не рекламируется: подобным учреждениям реклама ни к чему. Взять да прийти туда просто так невозможно: этот колледж подбирает студентов сам. Шансы попасть туда вы видели сами, в таблице все без обмана. Что, мистер Байблмен, не верится? Слишком уж странный способ попасть в лучший колледж системы? Да уж, учиться вам еще и учиться!

— Кстати, а долго мне в этом колледже придется пробыть? — спохватился Байблмен.

— Пока не выучитесь, — отрезал майор Касальс.

Сразу же по прибытии Байблмена отправили на медосмотр, остригли под «ежик», выдали мундир, выделили койку, а дальше началась долгая череда психологических тестов. Со временем Байблмен заподозрил, что истинная цель этих тестов — проверка на латентный гомосексуализм, затем подумал, что его подозрения как раз

и свидетельствуют о латентной гомосексуальности, а потому предпочел выкинуть их из головы, остановившись на том, что психологи просто этак хитроумно проверяют уровень знаний с умственными способностями, причем он очень даже неплохо проявляет себя с обеих сторон. Еще он решил, что классно смотрится в форменном мундире, хотя мундиры всем выдали совершенно одинаковые.

«Ну, собственно, потому мундиры и называются униформой», — напомнил он себе самому, сидя на краешке койки за чтением информационных брошюр.

В первой брошюре подчеркивалось, что приглашение в Колледж — великая честь для каждого. Колледж, кстати, так и назывался одним словом: «Колледж».

«Странно, — подумал Байблмен, — крайне странно. Все равно что назвать кошку Кошкой, а пса — Псом. Познакомьтесь, это моя мать, миссис Мать, а это отец, мистер Отец…»

А все ли у местного начальства с головами в порядке? Об этом оставалось только гадать, а между тем он, Боб Байблмен, боялся угодить в лапы безумцев — особенно безумцев, до последней минуты кажущихся людьми абсолютно нормаль-

ными — многие годы. Ничего более страшного ему даже в голову прийти не могло.

В то время как он внимательно, не торопясь, вчитывался в брошюры, к нему подошла, села рядом, озадаченно морща лоб, рыжеволосая девушка в мундире Колледжа.

— Послушай-ка, может, ты сумеешь помочь мне? — заговорила она. — Что такое «тематический план»? Здесь сказано: нам выдадут тематический план… а что это, для чего? Ну и местечко! Просто голова кругом…

— Какие там планы, — откликнулся Байблмен. — Забрали нас сюда с улиц, а теперь пошлют навоз из стойл выгребать, вот и весь план.

— Думаешь?

— Уверен.

— А просто взять и уйти разве нельзя?

— Попробуй первая, — рассудил Байблмен, — а я погляжу, что из этого выйдет.

Рыжеволосая расхохоталась.

— Видно, ты просто не знаешь, что такое тематический план!

— Еще как знаю. Это краткое изложение учебной программы. Перечень курсов, предметов.

— Ага, а раки умеют свистеть.

Байблмен смерил рыжеволосую взглядом. В

ответ девица смерила взглядом его.

— А что ж, — пробормотала она, — возможно, мы и правда останемся здесь навсегда.

Как выяснилось, звали ее Мэри Лорн. Байблмену она показалась хорошенькой, только задумчивой, а еще малость испуганной, хотя и делала вид, будто ей все нипочем. Вдвоем они, присоединившись к другим студентам, отправились на показ нового мультика, последней — впрочем, Байблмен ее уже видел — серии приключений Гиены Герби. В этой серии Герби на свой обычный манер пытался прикончить русского монаха, святого старца Распутина: и ядом его травил, и застрелить пробовал, и взрывал целых шесть раз, и резал, и топил в Волге, обмотав с ног до головы стальной цепью, и рвал на части дикими лошадьми, а напоследок, привязанного к ракете, запустил на Луну. Все это время Байблмен откровенно скучал. Гиена Герби, русская история… да плевал он и на то и на другое! Быть может, это пример здешнего уровня преподавания? Гиена Герби как иллюстрация принципа неопределенности Гейзенберга…

«А что, забавно», — подумал Байблмен, представив себе Гиену Герби, впустую гоняющегося за субатомной частицей, наугад скачущей то туда,

то сюда. Вот Герби бешено машет кувалдой, а вокруг скалит зубы, смеется над ним — ведь Герби и на этот раз, как всегда, обречен облажаться — целая стая субатомных частиц…

— О чем задумался? — шепнула ему на ухо Мэри.

Тут мультик кончился, в зале зажегся свет, и на сцену вышел майор Касальс — во всей красе, куда больше, чем на экране видеофона.

«Все. Шутки кончились», — подумал Байблмен.

Представить себе майора Касальса, без толку гоняющегося за субатомными частицами, дико размахивая кувалдой, он не мог, хоть ты тресни. На сердце стало тревожно, по спине побежали мурашки.

Теперь речь пошла о засекреченной информации. За спиной майора Касальса вспыхнула исполинская голограмма с подробными чертежами гомеостатической буровой установки. Голографическое изображение закружилось так, чтоб студенты сумели разглядеть установку со всех сторон, узлы механизма замерцали, выделяемые всевозможными цветами.

— О чем задумался, спрашиваю? — прошептала Мэри.

— Так ведь слушать же нужно, — негромко

напомнил ей Байблмен.

Мэри так же негромко хмыкнула.

— Было бы что тут слушать. Ну, ищет она титановую руду самостоятельно… подумаешь, достижение! Титан — девятый по распространенности элемент в коре планеты. Другое дело, если бы эта штука умела искать и добывать чистый вюрцит, пока что обнаруженный только в Боливии, департамент Потоси, да еще неподалеку от Бьютта, штат Монтана, и Голдфилда, штат Невада.

— Почему это?

— Потому, — объяснила Мэри, — что вюрцит, во-первых, нестабилен при температурах ниже тысячи градусов Цельсия, а во-вторых…

Тут она осеклась: майор Касальс умолк и замер, не сводя с нее стального, сурового взгляда.

— Повторите-ка, девушка, все это вслух, для всех нас, — распорядился майор.

— Вюрцит, — поднявшись на ноги, заговорила Мэри, — нестабилен при температурах ниже тысячи градусов Цельсия.

Голос ее даже не дрогнул.

На голографическом экране за спиной майора Касальса немедленно возникла таблица с данными о минералах, содержащих сульфид цинка.

— Никакого «вюрцита» я здесь не вижу, — заметил майор Касальс.

— Здесь он представлен в инвертированной форме, каковой является сфалерит, — скрестив руки на груди, пояснила Мэри. — На самом же деле вюрцит — кристаллическая модификация сульфида цинка со структурой координационного типа. Сродни гринокиту, сульфиду кадмия.

— Садитесь, — бросил майор Касальс.

Голографическая таблица над его плечом сменилась другой, со свойствами гринокита.

— Вот видишь, я оказалась права, — объявила Мэри, вновь опустившись в кресло. — Гомеостатической буровой установки для добычи вюрцита у них нет, так как на свете не…

— Имя, фамилия? — спросил майор Касальс, приготовив блокнот и ручку.

— Мэри Вюрц, — равнодушно, как ни в чем не бывало, ответила Мэри. — Дочь Шарля Адольфа Вюрца.

Ручка в руке майора Касальса заметно дрогнула.

— Первооткрывателя вюрцита? — неуверенно уточнил он.

— Да, именно, — подтвердила Мэри и, повернувшись к Байблмену, заговорщически

подмигнула[63].

— Благодарю вас. Учту, — пробормотал майор Касальс и поднял кверху указательный палец.

По его сигналу на голографическом экране появилось изображение аркбутана в сравнении с обыкновенным контрфорсом.

— Суть моей мысли, — продолжал майор Касальс, — в том, что определенная информация, наподобие долговременных архитектурных принципов…

— Архитектурные принципы, как правило, долговременны. Существуют веками, — заметила Мэри.

Майор Касальс умолк, устремив на нее вопросительный взгляд.

— В противном случае они никуда не годятся, — пояснила Мэри.

— Это почему же? — пробормотал майор Касальс, но тут же побагровел.

С полдюжины студентов в форменных мундирах негромко захихикали.

— Так вот, — продолжил майор, — информация данного вида секретной не является. Однако многое из того, что вам будут преподавать, за-

---

[63] Примечания: 63

Первооткрыватель вюрцита, французский ученый Шарль Адольф Вюрц, умер в 1884 г.

секречено, отсюда и воинский устав. Случайное разглашение, умышленная передача третьим лицам либо обнародование секретных сведений, сообщенных вам в ходе учебного процесса, есть преступление, подсудное военному трибуналу, причем преступление из разряда особо тяжких.

Студенты встревоженно зашушукались.

«Пожизненный расстрел без права переписки», — подумал про себя Байблмен.

В зале сделалось тихо. Даже рыжеволосая девушка, сидевшая рядом, не проронила ни слова — только странно переменилась в лице, посерьезнела, углубилась в себя, неожиданно, необычайно повзрослела, будто и не девчонка вовсе, а… Сколько ж ей на самом деле? Казалось, сквозь черты ее лица на глазах проступают сотни, тысячи лет, до этой минуты таившиеся где-то внутри, и Байблмен невольно замер, устремив взгляд на сцену, на громадный голографический экран за спиной майора.

«О чем она думает? — гадал он. — Еще что-то сказать собирается? Как только не боится с военным уставом шутить…»

— Сейчас, — нарушил молчание майор Касальс, — я приведу вам пример данных сугубой секретности. Дело касается двигателя Пантера.

Как ни странно, голографический экран за его спиной очистился, да так и остался пуст.

— Сэр, экран ничего не показывает, — заметил один из студентов.

— Данная область знаний в курс обучения не войдет, — продолжил майор Касальс. — Двигатель Пантера представляет собой систему из двух оппозитных роторов на общем валу. Главным ее преимуществом является полное отсутствие воздействия центробежной силы на неподвижное основание. Оппозитные роторы соединены роликовой приводной цепью, что позволяет общему валу менять направление вращения без потерь на гистерезис.

Громадный экран за его спиной по-прежнему оставался чист.

«Странно, — подумалось Байблмену. — Жутковатое ощущение… информация без информации, будто компьютер ослеп».

— Распространение какой-либо информации о двигателе Пантера, — вещал майор Касальс, — Колледжу запрещено. Отдать компьютерам команду, противоречащую запрету, как видите, невозможно. Более того, о двигателе Пантера им попросту ничего не известно: система запрограммирована на уничтожение любых касающихся

его сведений немедленно по их получении.

— То есть, — подняв руку, заговорил один из студентов, — если кто-либо и предоставит Колледжу сведения о двигателе Пантера…

— Данные будут отвергнуты, — подтвердил майор Касальс.

— Но это же исключительный случай? — усомнился другой студент.

— Нет, — отрезал майор.

— Выходит, распечаток по ряду тем нам не получить, — пробормотал еще кто-то.

— Ничего страшного, — заверил его майор Касальс. — На вашей учебе это никак не скажется.

Студенты умолкли.

— Предметы для изучения, — объяснил майор Касальс, — будут назначены каждому согласно способностям и личным склонностям. Сейчас я начну вызывать вас по одному. Подходите и получайте конверты с персональным набором тем. Окончательное решение насчет каждого принято самим Колледжем, так что можете быть уверены: ошибок тут никаких нет.

«А что, если мне достанется проктология? — в панике подумал Байблмен. — Или подиатрия, или, к примеру, герпетология? Что, если Колледж в своей безграничной электронно-вычислитель-

ной мудрости решил запихать в меня все знания во вселенной, как-либо касающиеся герпеса губ или чего-нибудь еще более мерзкого… хотя хуже, наверное, уже не придумаешь?!»

— Главное, — заговорила Мэри, как только со сцены зазвучали первые имена и фамилии, — чтобы доставшаяся программа обеспечила достойный заработок. Хочешь не хочешь, а прежде всего нужно мыслить практически. Я лично знаю собственные сильные стороны и точно могу сказать: мне достанется химия.

Тут майор выкрикнул фамилию Байблмена. Поднявшись, Байблмен вышел на сцену, и майор Касальс, смерив его испытующим взглядом, вручил ему незапечатанный конверт.

На место Байблмен возвращался, словно в оцепенении.

— Хочешь, я посмотрю? — предложила Мэри.

Байблмен молча отдал ей конверт, и девушка, отогнув клапан, извлекла изнутри распечатку.

— Ну, что там? Достойный заработок обеспечит? — спросил Байблмен.

— Еще бы, — с улыбкой заверила его Мэри. — Отрасль денежная, почти как… ну, скажем, на колониальных планетах без нее прямо-таки никуда. Где больше нравится, там и работай —

всюду с руками оторвут.

Взглянув через ее плечо, Байблмен прочел заголовок:

КОСМОЛОГИЯ И КОСМОГОНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДОСОКРАТИКОВ

— Досократическая философия, — пояснила Мэри, возвращая ему листок. — Ничуть не хуже проектирования капитальных строений. Ладно. Зря я тебя дурачу. На жизнь этим не заработаешь — разве что подашься в преподаватели, но может, хоть интересно будет. Тебя философия интересует?

— Нет, — коротко ответил Байблмен.

— Тогда непонятно, отчего Колледж выбрал именно ее, — задумчиво проговорила Мэри.

— «Космогония», — хмыкнул Байблмен. — Знать бы, что это за зверь…

— Наука о возникновении вселенной. Разве тебе не любопытно, каким образом вселенная…

Осекшись, Мэри смерила Байблмена оценивающим взглядом.

— Однако распечатки засекреченных материалов тебе наверняка не потребуются, — подняв взгляд к потолку, пробормотала она. — Может, в этом и дело? И следить за тобой в оба глаза нико-

му не придется…

— Ну, знаешь ли… секретные сведения мне доверить можно! — возмутился Байблмен.

— Ой ли? Ты так хорошо себя знаешь? Впрочем, в такие вещи тебе еще предстоит вникнуть, когда Колледж начнет заваливать тебя мыслями древних греков. «Познай самого себя»… девиз Аполлона Дельфийского, максима, подводящая итог половине греческой философии!

Вспомнив о двигателе Пантера, Байблмен вдруг осознал всю серьезность, убийственную серьезность непродолжительной лекции майора Касальса.

— Ну, загреметь под трибунал за разглашение секретных военных материалов мне, знаешь ли, неохота, — буркнул он. — Аполлон… надо же! А у Гиены Герби, какой, интересно, девиз?

— «Я быть хочу злодеем, я решился преследовать отраду жизни смертных!.. Расставил я губительные сети»…[64] помнишь? — откликнулась Мэри, коснувшись его плеча. — Шекспир. Гиена Герби — это же мультипликационное переложение «Ричарда Третьего» в чистом виде!

— Мэри Лорн, — выкликнул майор Касальс,

---

[64] Примечания: 64
Перевод Г. П. Данилевского.

сверившись со списком студентов.

— Прошу прощения.

Поднявшись на сцену, Мэри получила конверт и вернулась к Байблмену. На губах ее играла улыбка.

— Лепрология, — сообщила она. — Исследования и лечение проказы... Шучу, шучу. У меня химия.

— Тогда тебе точно придется изучать засекреченные материалы, — предостерег ее Байблмен.

— Ясное дело, — без особого сожаления подтвердила Мэри.

В первый день обучения Боб Байблмен переключил терминал ввода-вывода, соединенный с системой Колледжа, в режим «АУДИО» и нажал клавишу, соответствующую назначенному ему курсу.

— Основы ионийской школы натурфилософии, — заговорил терминал, — заложены Фалесом Милетским.

— И что же он проповедовал? — спросил Байблмен.

— Что наш мир окружен водой, опирается на воду и зародился в воде.

— Глупость какая-то, — проворчал Байблмен.

— Доказательством собственной правоты Фа-

лес полагал ископаемых моллюсков, нередко встречающихся далеко в глубине материка, даже в горных районах, — возразил терминал Колледжа, — а следовательно, его вывод не так уж глуп.

На голографическом экране замелькали одна за другой строки текста, однако ни один абзац Байблмена нисколько не заинтересовал — тем более что он запрашивал аудиовывод.

— Фалес Милетский по праву считается первым рациональным мыслителем в истории человечества, — сообщил терминал.

— А Эхнатон как же? — усомнился Байблмен.

— Путаник был великий.

— А Моисей?

— То же самое.

— А Хаммурапи?

— Как это пишется?

— Точно не знаю. Имя слыхал где-то, но…

— Тогда поговорим об Анаксимандре, — решил терминал Колледжа, — а далее для начала вкратце рассмотрим воззрения Анаксимена, Ксенофана, Парменида, Мелисса Самосского… минутку, я же совсем позабыл о Гераклите с Кратилом! Затем мы вплотную возьмемся за Эмпедокла, Анаксагора, Зенона…

— Господи Иисусе, — простонал Байблмен.

— Но это уже другая программа, — успокоил его терминал Колледжа.

— Ладно, продолжай. Не отвлекайся, — велел Байблмен.

— А конспект вы ведете?

— Не твое дело.

— По-моему, вы в состоянии внутриличностного конфликта.

— А что меня ждет, если исключат за неуспеваемость? — вместо ответа спросил Байблмен.

— Тюремное заключение.

— Хорошо, я… буду, буду вести конспект.

— Раз уж вы во власти…

— Что?

— Раз уж вы настолько полны противоречий, вас, безусловно, заинтересует учение Эмпедокла, первого философа-диалектика. Эмпедокл полагал, что в основе реальности лежит конфликт двух противоположностей, сил Любви и Вражды. Под властью Любви весь космос есть должным образом упорядоченное смешение, называемое «красисом». «Красис» являет собой сферическое божество, единый, совершенный разум, проводящий все время существования в…

— А практическое применение хоть чему-ни-

будь из всего этого есть? — с надеждой прервал красноречие терминала Байблмен.

— Две эти противоположные силы, Любовь и Вражда, очень похожи на даоистские противоположности, Инь и Ян, постоянное взаимодействие коих служит причиной всех перемен…

— Практическое применение!

— Для двух взаимно противоположных составляющих? — На голографическом экране возник чертеж некоего крайне сложного механизма. — Конечно. Взять для примера хоть тот же двухроторный двигатель Пантера.

— Что?! — вскинулся Байблмен, во все глаза уставившись на экран.

Действительно, над чертежом крупными буквами значилось:

ГИДРАВЛИЧЕСКАЯ
ПРИВОДНАЯ СИСТЕМА ПАНТЕРА
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Сообразив, в чем дело, Байблмен немедленно нажал кнопку «ПЕЧАТЬ». Терминал зажужжал механизмами, и в приемный лоток под прорезью выдачи выскользнули три страницы с копией чертежа.

«Выходит, проглядели они в банках памяти

Колледжа эту статью насчет двигателя Пантера, — рассудил Байблмен. — Вернее, отсылку к ней проглядели. Не подумали проверить курс древнегреческой философии: кто ожидал, что в категории „ФИЛОСОФИЯ. ДОСОКРАТИКИ“ с подзаголовком „ЭМПЕДОКЛ“ может упоминаться двигатель — новейший, совершенно секретный двигатель?»

Теперь чертежи в его руках!

Поспешно выхватив из лотка три страницы, Байблмен сложил их пополам и спрятал в свежий, выданный ему накануне блокнот.

«Вот свезло, так свезло! — думал он. — Главное, в первый же день… только куда эти чертежи теперь деть? Не в рундуке же прятать… а кстати, что, если я совершил преступление, уже запросив распечатку?!»

— В основе учения Эмпедокла, — говорил терминал, — лежит концепция четырех стихий, четырех первоэлементов — земли, воды, воздуха и огня. Пребывающие в постоянном движении, эти элементы, «корни вещей»…

Байблмен, щелкнув клавишей, выключил терминал. Голографический экран угас, сделался матово-серым.

«Во многой мудрости… ну, не то, чтобы очень

уж много печали, но проворству она не способствует, это точно, — подумал он, поднимаясь на ноги и выходя из кабинки. — Соображаешь после всего этого, может быть, и быстрей, однако ноги — как деревянные. Проклятие, куда же, куда спрятать чертежи?»

С этими мыслями Байблмен быстрым шагом двинулся вдоль коридора, ведущего к подъемной трубе.

«Ладно, — рассуждал он, пока подъемная труба возносила его наверх, — что чертежи у меня, никому не известно, а стало быть, торопиться особенно некуда. Спрятать где-нибудь в первом же подходящем месте, и дело с концом. Если даже найдут, я вроде как ни при чем… ну, если, конечно, не дойдет до отпечатков пальцев, а стоить эти бумажки могут миллиарды долларов!»

Однако еще минуту спустя охвативший его восторг уступил место страху. По всему телу волной пробежала дрожь.

«То-то начальство местное небось разозлится, когда дело наружу выплывет, — подумал Байблмен. — Сами, о собственной ошибке узнав, с досады мехом внутрь вывернутся… весь Колледж, снизу доверху! Ошибка-то не моя: это Колледж в лужу сел, да как знатно сел, а?»

В общей спальне, где среди остальных стояла и его койка, имелась прачечная, обслуживаемая безмолвными роботами. Убедившись, что ни один из роботов не смотрит в его сторону, Байблмен запихнул три листка с чертежами под громадную кучу простыней. Ну и куча… до самого потолка! Раньше будущего года такую не разгребут ни за что, а значит, времени на раздумья у него навалом.

Взглянув на часы, он обнаружил, что день подходит к концу. В пять его ждал кафетерий и ужин с Мэри.

Встретились они около пяти минут шестого. На лице Мэри явственно отражалась усталость.

— Как у тебя дела? — спросила она, как только оба, вооружившись подносами, пристроились в хвост очереди.

— Прекрасно, — проворчал Байблмен.

— До Зенона добраться успел? Я им давно восхищаюсь. Он в свое время доказал, что движение невозможно, а значит, я, видимо, до сих пор нахожусь в материнской утробе, и… Послушай, почему у тебя такой странный вид? — внезапно спросила Мэри, окинув его пристальным взглядом.

— Да просто до смерти надоело слушать о земле,

держащейся на спине гигантской черепахи.

— Или висящей на длинном шнурке, — добавила Мэри.

Наполнив подносы, оба отошли от прилавка и, огибая прочих студентов, направились к свободному столику.

— Что-то ты ешь на удивление мало, — заметила Мэри, взглянув на поднос Байблмена.

— Знаешь, желание поесть меня сюда и привело, — буркнул он, отхлебнув кофе.

— Так можно же попасть под отчисление.

— И угодить за решетку?

— Брось. Колледж просто запрограммирован на угрозы, — заверила его Мэри, — но большая их часть, скорее всего, пустой звук. Голос громок, да руки, так сказать, коротки.

— Я раздобыл эту штуковину, — признался Байблмен.

Мэри, прекратив жевать, подняла взгляд.

— Какую?

— Двигатель Пантера, — отвечал Байблмен.

Девушка замерла, не сводя с него глаз.

— Чертежи, — пояснил он.

— Проклятие, да тише ты!

— Здешние техники пропустили отсылку к статье в хранилище памяти. Теперь чертежи у меня,

только дальше-то что делать? Наверное, просто идти до конца… надеясь, что не остановят.

— И никто ничего не подозревает? Разве Колледж не следит сам за собой?

— Насколько я могу судить, собственную ошибку он не заметил.

— Господи Иисусе, — негромко выдохнула Мэри, — в первый же день… Знаешь, я бы советовала обдумать все это как следует, не торопясь.

— Бумаги сжечь можно, — заметил Байблмен.

— Но можно же и продать.

— Я поглядел, что там и как, — сообщил Байблмен. — На последней странице есть резюме. Двигатель Пан…

— Чш-ш-ш! Говори лучше просто: «эта штуковина», — оборвала его Мэри.

— Эту штуковину можно использовать как гидроэнергетическую турбину и снизить себестоимость электричества минимум вдвое. В техническом жаргоне я не силен, но это-то даже мне ясно. Источник дешевой, очень дешевой энергии…

— То есть явно на пользу всему человечеству?

Байблмен молча кивнул.

— Тогда облажались они — хлеще некуда, — подытожила Мэри, машинально сунув в рот

ложку и принявшись жевать. — Как там Касальс говорил: «системы Колледжа запрограммированы на уничтожение любых касающихся его сведений немедленно по их получении»… и от общественности эту штуку держат в секрете. Должно быть, под нажимом промышленников. Чудесно, чудесно…

— И что же мне делать? — вздохнул Байблмен.

— Я-то откуда знаю? Сам решай.

— Думал уже. Можно, наверное, вывезти чертежи на какую-нибудь из колониальных планет, где власти не так жестко следят за всеми и каждым, найти независимую компанию и сторговаться с владельцами. Откуда правительству знать, каким образом…

— Откуда взялись чертежи, вычислить не так уж сложно, — предупредила Мэри. — Начнут копать — след быстро к тебе приведет.

— Тогда лучше сожгу их.

— Да-а… нелегкое положение, — заметила Мэри. — С одной стороны, в твоем распоряжении секретные данные, полученные незаконным путем. С другой…

— Почему это «незаконным»? Колледж сам маху дал!

— Запросив распечатку, — спокойно, как ни

в чем не бывало, продолжила Мэри, — ты нарушил закон. И не просто закон, а армейский устав. О любых нарушениях режима секретности положено сообщать по команде, как только их обнаружишь. Тебя в этом случае наградили бы. Сам майор Касальс осыпал бы похвалами.

— Страшно мне, — признался Байблмен.

Казалось, страх наполняет желудок холодом, ворочается внутри, разбухает, растет. Пластмассовая чашка в руке дрогнула так, что часть кофе выплеснулась на новенький китель.

Мэри, вооружившись бумажной салфеткой, помогла Байблмену промокнуть кофейные кляксы.

— Только пятна все равно не сойдут, — предупредила она.

— Леди Макбет… символизм в чистом виде, — проворчал Байблмен. — Сколько раз думал завести пса, назвать Пятном и покрикивать на него: «Прочь, прочь, проклятое Пятно! Прочь, говорю я!»

— Ладно. Как хочешь, а я тебе выход подсказывать не собираюсь, — твердо сказала Мэри. — Подобные решения нужно принимать самому. С твоей стороны даже обсуждать это дело со мной не слишком порядочно: расценят как сговор — обоих в тюрьму упекут.

— В тюрьму, — эхом откликнулся Байблмен.

— В твоих силах… — Осекшись, Мэри рассмеялась, покачала головой. — Господи, я ведь всерьез собиралась сказать: «В твоих силах подарить всему человечеству источник дешевой энергии»! Наверное, мне тоже страшно. Поступай, как сам считаешь правильным. Считаешь, что эти чертежи нужно опубликовать, значит…

— Опубликовать? Это мне даже в голову не приходило. Просто опубликовать в каком-нибудь журнале или газете… Любой робокопир размножит их и разошлет по всей Солнечной системе за пятнадцать минут!

«Ну да, — мысленно продолжил Байблмен. — Всего-то дел — заплатить по прейскуранту да скормить машине три печатные страницы. Проще не придумаешь. Заплатить, скормить и провести остаток жизни в тюрьме либо под судом. Хотя, возможно, разбирательство закончится в мою пользу. Случались в истории прецеденты с воровством и публикацией жизненно важных секретов, секретов оборонного значения, когда тех, кто это сделал, не просто признавали невиновными — героями объявляли и до сих пор помнят, славят как смельчаков, рискнувших жизнью ради блага всего рода людского…»

И тут у их столика, за спиной Боба Байблмена, остановились двое в мундирах военной контрразведки и при оружии. Увидев их, Байблмен замер, не в силах поверить в реальность происходящего, но понимая: да, это вправду, вправду за ним.

— Учащийся Байблмен? — уточнил один из подошедших.

— Вон же шеврон на кителе, — проворчал в ответ он.

— Руки вперед, учащийся Байблмен.

Самый рослый из контрразведчиков защелкнул на его запястьях наручники.

Мэри, не проронив ни слова, неторопливо продолжила есть.

Дожидаясь майора Касальса в его кабинете, Байблмен понемногу сживался с тем, что официально, как ему объявили, «взят под стражу». Охваченный самыми дурными предчувствиями, он мрачно раздумывал, что ждет его впереди. Уж не подсунуты ли чертежи нарочно? Что делать, если ему действительно предъявят обвинение? Почему майора так долго нет? К чему, наконец, все это? Интересно, какие-такие великие истины он мог постичь, продолжив изучение курса «КОСМОЛОГИЯ И КОСМОГОНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ДОСОКРАТИКОВ»?

— Прошу прощения. Был вынужден задержаться, — отрывисто заговорил, войдя в кабинет, майор Касальс.

— А наручники с меня снять нельзя? — без особой надежды пробормотал Байблмен.

Затянутые конвоирами до отказа, стальные браслеты больно сдавливали запястья. Интересно, кости-то целы?

— Отыскать чертежи нам так и не удалось, — продолжал майор Касальс, усаживаясь за стол.

— Каких чертежи?

— Чертежей двигателя Пантера.

— Их в Колледже быть и не должно. Вы сами так говорили на вводной лекции.

— Вы перепрограммировали терминал намеренно или наткнулись на них чисто случайно?

— Мой терминал сам запрограммировал себя на рассказ о воде, — объяснил Байблмен. — О том, что вселенная состоит из воды.

— И автоматически уведомил контрразведчиков о запросе распечатки. Запросы распечаток отслеживаются. Все до единого.

— А, чтоб вас, — в бессильной злобе буркнул Байблмен.

— Вот что я вам скажу, — бесстрастно продолжил майор Касальс. — Все, что нам требуется

— получить чертежи обратно, а сажать вас за решетку… к чему? Верните их, и мы не станем доводить дело до трибунала.

— Что вернуть? — огрызнулся Байблмен, но тут же понял: отпираться бессмысленно. — Подумать я могу?

— Можете.

— А можно, я… пойду пока, а? Мне бы спать лечь… устал. И наручники, будьте добры, снимите.

— Между прочим, мы, — заметил майор Касальс, освобождая Байблмена от наручников, — заключили с вами, со всеми вами, договоренность. Договоренность насчет засекреченной информации между Колледжем и студентами. И вы согласились с ней.

— Добровольно? — саркастически уточнил Байблмен.

— Допустим, нет. Вынужденно. Однако условия поняли. И, обнаружив чертежи двигателя Пантера, хранящиеся в памяти Колледжа, доступные каждому, кому по какой-либо причине вздумается поинтересоваться практическими применениями космогонии досократиков…

— Да, удивился я здорово, — признался Байблмен. — До сих пор удивляюсь.

— Есть такая нравственная категория — верность. Знаете, что: давайте забудем о факторе наказания. Поставим во главу угла верность Колледжу. Человек ответственный соблюдает законы и заключенные договоренности. Можно сказать, держит данное слово. Верните чертежи — и можете продолжать учебу в Колледже. Мало этого, мы разрешим вам выбрать курсы по собственному усмотрению, ничего не навязывая. По-моему, для Колледжа вы — материал неплохой. Подумайте обо всем и явитесь сюда, ко мне в кабинет, завтра утром, от восьми до девяти. До тех пор в разговоры ни с кем не вступайте. Не пытайтесь искать совет на стороне. Вас будут держать под наблюдением. Покидать территорию Колледжа не пробуйте также… о'кей?

— О'кей, — безучастно откликнулся Байблмен.

Той ночью ему приснилось, будто он умер. Смерть распахнула перед ним необъятный простор, а навстречу ему из темной рощи медленно-медленно вышел на солнце отец. Казалось, отец искренне рад его видеть: отцовскую любовь Байблмен чувствовал всем своим существом.

Ощущение отцовской любви не оставило его и наяву. Одеваясь, приводя в порядок мундир, он вспоминал об отце, о том, как редко доводи-

лось ему чувствовать любовь отца в обыденной жизни. На сердце сделалось горько: ведь отец с матерью не один год как мертвы, погибли при взрыве ядерной электростанции заодно с целой кучей других, еще чьих-то отцов и матерей…

«Говорят, там, на той стороне, человека встречают те, кто для него многое значит, — подумал Байблмен. — Может, к тому времени, как я умру, майор Касальс, умерший прежде, с радостью встретит меня за гранью жизни? Майор Касальс с отцом, единые в двух лицах…»

Что же, однако, делать? Как поступить сейчас? О наказаниях речи уже не идет, вопрос сводится к вещам основным — к этике, к верности.

«А как с верностью у меня? Можно ли мне доверять? Ладно, к дьяволу все это, — рассудил Байблмен, взглянув на часы. — Половина девятого… Пожалуй, отец был бы рад, горд мной, узнав, как я поступлю».

Направившись в прачечную, он огляделся, оценил обстановку. Ни единого робота… вот и славно. Запустив руку под груду простыней, он отыскал спрятанные чертежи, осмотрел их и решительно двинулся в сторону подъемной трубы, ведущей к кабинету майора Касальса.

— Вижу, вы принесли их, — заметил Касальс,

как только Байблмен переступил порог.

Байблмен без лишних слов отдал ему страницы.

— И копий себе не оставили? — спросил Касальс.

— Нет.

— Ручаетесь честным словом?

— Ручаюсь, — подтвердил Байблмен.

— С этого момента вы исключены из Колледжа, — объявил майор Касальс.

— Что? — в растерянности пролепетал Байблмен.

Касальс нажал кнопку у края стола.

— Войдите.

Дверь распахнулась, и в кабинет вошла Мэри Лорн.

— Колледжем я не распоряжаюсь, — сообщил майор Касальс Байблмену. — Все это было подстроено от начала и до конца.

— Колледж — это я, — добавила Мэри.

— Садитесь, Байблмен, — продолжал майор. — Прежде чем вы нас покинете, она вам все объяснит.

— Я… оказался негоден? — с запинкой проговорил Байблмен.

— Именно. Не оправдали моих ожиданий, —

подтвердила Мэри. — Цель испытания заключалась в том, чтобы научить вас твердо стоять на ногах. На собственных ногах… и думать собственной головой, пусть даже наперекор властям. Любой институт власти внушает нам исподволь: «Подчиняйтесь тому, за кем подсознательно чувствуете авторитет». Однако лучшие школы воспитывают самостоятельных, цельных людей. Суть вовсе не в данных, не в информации. Я пыталась раскрыть в вас психологически и морально цельную личность, но не прикажешь же человеку: ослушайся, воспротивься! Бунт по приказу… абсурд! Остается одно: намекнуть. Подать пример.

«Ну да. Те самые пререкания с Касальсом на вводной лекции», — словно в оцепенении, сообразил Байблмен.

— С технической точки зрения двигатель Пантера не стоит ни гроша, — продолжила Мэри. — Это стандартное испытание для каждого из студентов, какой бы курс ему ни достался.

— То есть подборка данных о двигателе Пантера «случайно» попадется на глаза всем до единого? — недоверчиво, в изумлении подняв брови, пролепетал Байблмен.

— Именно. Каждому в свое время. Ваша очередь

— так уж вышло — настала в первый же день. Вначале вас известили о том, что он засекречен, уведомили об ответственности за разглашение секретных сведений, а после подсунули те самые сведения, изобразив утечку. В надежде на то, что вы опубликуете или хоть попытаетесь опубликовать их.

— Сами видели: на третьей странице распечатки сказано, что двигатель Пантера может служить дешевым, экономически значимым источником гидроэлектрической энергии, — напомнил майор Касальс. — Это и есть самое главное. Вы поняли, какую пользу принесет всему обществу разглашение сведений о его устройстве.

— Ну, а преследование по закону вам не грозило, — подхватила Мэри, — следовательно, ваш поступок продиктован вовсе не страхом.

— Вот именно, не страхом, — подтвердил Байблмен. — Не страхом, а… верностью.

— Кому? — удивилась Мэри.

С ответом Байблмен не нашелся.

— Голограмме? — хмыкнул майор Касальс.

— Вам, — признался Байблмен, опустив взгляд.

— Человеку, который оскорблял и осмеивал вас? Обращался с вами по-свински? Говорил:

прикажу вывернуться мехом внутрь…

— О'кей, хватит. Хватит, — оборвал его Байблмен.

— Ну что ж, всего хорошего, — подытожила Мэри.

— Что? — в изумлении вскинув голову, переспросил он.

— Вам пора. Пора возвращаться домой. К прежней работе. Ко всему, чем жили, пока не попались нам на глаза.

— А еще раз… еще раз попробовать можно? — взмолился Байблмен, хотя ответ знал заранее.

— Конечно нет, — покачав головой, ответила Мэри. — Вам ведь теперь известно, в чем суть испытания, известно, что для Колледжа главное, так что, простите, второго шанса не будет.

— К величайшему сожалению, — добавил майор Касальс.

Байблмен, умолкнув, поник головой.

— Ну, не грустите, — ободрила его Мэри, протянув на прощанье руку.

Байблмен, будто во сне, обменялся с ней рукопожатием. Майор Касальс ему руки не подал, лишь смерил его безучастным взглядом. Казалось, он уже позабыл о Байблмене и с головой поглощен следующим вопросом — возможно, успехами

следующего студента, а может, и чем-то еще.

Трое суток спустя Боб Байблмен, бесцельно болтаясь по ночному городу, озаренному созвездиями огней, углядел впереди, на круглосуточном посту, робота, торгующего гамбургерами и прочей подобной едой. Встав в очередь за пареньком лет пятнадцати, дожидавшимся тако с яблочной слойкой, Боб Байблмен сунул руки в карманы и поднял взгляд к небесам. В голове не осталось ни единой мыслишки; все чувства исчезли бесследно, уступив место невнятному, смутному ощущению внутренней пустоты. Казалось, прощальное равнодушие майора Касальса превратило его в нечто неодушевленное, в один из множества неживых предметов вроде вот этого робота. В машину из тех, что, как всем прекрасно известно, не смотрят людям в глаза.

— Что будем заказывать, сэр? — спросил робот.

— Картошку-фри, чизбургер и клубничный коктейль, — откликнулся Байблмен. — А конкурсов каких-нибудь сегодня нет?

— Есть, мистер Байблмен… но не про вашу честь, — выдержав паузу, отвечал робот.

— О'кей, — вздохнул тот и умолк.

Наконец из брюха робота выскользнул одноразовый пластмассовый поднос с парой бумажных

пакетиков и одноразовым картонным стаканчиком.

— Платить не стану, — буркнул Байблмен, направившись прочь.

— Вы нарушаете закон, мистер Байблмен! — забубнил робот ему вслед. — С вас одна тысяча сто долларов!

Обернувшись, Байблмен извлек из кармана бумажник.

— Благодарю, мистер Байблмен, — проскрежетал робот. — Благодарю. Искренне вами горд.

Цепи воздушные, сети эфира

Утро на планете, ставшей для него домом, наступало дважды. Вначале над горизонтом поднималась CY30, а затем небосвод удостаивала появления ее скромная, неяркая младшая сестра. Казалось, Господь, творя мир, никак не мог решить окончательно, какому из солнц отдать предпочтение, и в результате остановился на обоих. Жителям куполов — сами себя они называли «куполянами» — нравилось сравнивать их восход со старомодными мультинитевыми лампами накаливания: CY30 создавала впечатление первой нити, ватт на сто пятьдесят, а взошедшая CY30B прибавляла еще ватт около пятидесяти. В их совокупном сиянии кристаллы метана, покрывавшие поверхность планеты, сверкали, точно алмазы, искрились, радуя глаз… если, конечно, любуешься их красотой, сидя в тепле.

Лео Маквэйн у себя в куполе, за столом, попивал суррогатный кофе и читал газету. Холод его не тревожил ничуть: термостат купола он, пускай это и против закона, слегка перенастроил давным-давно, а люк, ведущий в купол, укрепил

дополнительной стальной скобой, прекрасно избавлявшей от лишних волнений за собственную шкуру. Вдобавок сегодня он ожидал визита снабженца-провизионщика, а значит, будет с кем от души побеседовать… одним словом, день ему предстоял — просто на славу.

Все системы связи жили собственной жизнью, тихонько гудели, автоматически отслеживая… э-э, да какая разница, что! Что положено, то и отслеживали. Поначалу, получив назначение на CY30 II, Маквэйн изучил функции и назначение вверенных заботам «дежурного смотрителя-гомоноида» — так официально именовалась его должность — хитроумных чудес электроники досконально, но с тех пор позволил себе позабыть большую часть операций, выполняемых подопечной техникой. Пока все работает штатно, жизнь оборудования связи на редкость скучна и однообразна, но как только случится что-либо непредвиденное, «дежурный смотритель-гомоноид» мигом превратится в живой мозг станции.

К счастью, на памяти Маквэйна ничего непредвиденного в его хозяйстве еще не случалось.

Помимо всего остального в газете обнаружилась забавная выдержка из брошюры-памятки для граждан США о порядке заполнения на-

логовой декларации и расчета федерального подоходного налога за 1978-й год, год рождения Маквэйна. Вот как выглядели заголовки из предметного указателя:

ВАШ СЛУЧАЙ: С ЧЕГО НАЧАТЬ
ВДОВЫ (ВДОВЦЫ), СООТВЕТСТВУЮЩИЕ КРИТЕРИЯМ ТАКОВЫХ
ВЫИГРЫШИ В ЛОТЕРЕЯХ, АЗАРТНЫХ ИГРАХ, ПАРИ, РОЗЫГРЫШАХ ВЕЩЕВЫХ ПРИЗОВ
ВЫЧЕТЫ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ БЮДЖЕТ ИЗ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Однако самым занятным, самым красноречивым штрихом, подводящим итог ушедшему в прошлое образу жизни, оказался последний из заголовков:

ЯВНАЯ
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ,
НЕПЛАТЕЖЕСПОСОБНОСТЬ,
БАНКРОТСТВО

Дочитав выдержку до конца, Маквэйн невольно заулыбался. Конец памятки американскому налогоплательщику, заполнявшему налоговую

декларацию за 1978-й год, как нельзя лучше описывал конец США, наставший спустя еще два-три года. Все беззастенчивее мухлевавшее с собственными финансами, государство не выдержало напряжения. Надорвалось, обанкротилось и погибло.

— Коммутриса с запасами продовольствия, — доложил электроакустический преобразователь рации. — Начинайте разгерметизацию.

— Разгерметизация начата, — откликнулся Маквэйн, отложив газету.

— Наденьте шлем, — донеслось из динамика.

— Шлем надет, — подтвердил Маквэйн, хотя даже не взглянул в сторону шлема: слегка доработанные нагнетатели воздуха компенсируют убыль вмиг.

Отдраенный люк мягко отъехал в сторону, и порог переступил провизионщик — прозрачный пузырь шлема, скафандр, все как положено. Сирена тревоги под сводом купола разразилась пронзительным визгом: хозяин, хозяин, давление падает!

— Шлем надевай! — испуганно, зло рявкнул провизионщик.

Однако давление тут же стабилизировалось, и сирена прекратила заполошный визг. Прови-

зионщик, скривившись, понимающе хмыкнул, щелкнул замками шлема и принялся выгружать из трюма коммутрисы коробки с запасами продовольствия.

— Ничего, мы, люди — раса живучая, — подключившись к разгрузке, заметил Маквэйн.

— Тем более ты, я гляжу, усовершенствовал тут все, что мог, — заметил провизионщик.

Подобно всем летунам, скитальцам, обслуживавшим купола, скроен он был на совесть, силен, быстр и точен в движениях. Еще бы: гонять челноки-коммутрисы с космических грузовиков-маток к куполам CY30 II — дело рисковое, и оба прекрасно об этом знали. В куполе сидеть под силу кому угодно, а вот работать снаружи способны немногие.

— Присядь, передохни, — предложил Маквэйн, после того как они выгрузили все полагающееся и провизионщик поставил в накладной последнюю галочку.

— Ну, если кофе найдется…

Устроившись за столом друг напротив друга, оба принялись за кофе. Метан за стенами купола волновался, кружился над поверхностью CY30 II крохотными вихорьками, но здесь, внутри, не чувствовалось никаких неудобств. Прови-

зионщик даже вспотел: очевидно, температура в жилище Маквэйна, на его взгляд, оказалась высоковата.

— Ты с дамочкой из соседнего купола знаком? — спросил провизионщик.

— Так, самую малость, — ответил Маквэйн. — Моя станция отправляет данные на ее приемные контуры каждые три-четыре недели, ну, а она сохраняет их, усиливает сигнал и, надо думать, дальше передает. Я особо в ее дела не вникаю.

— Болеет она серьезно, — сообщил провизионщик.

— Надо же, — удивился Маквэйн, — а когда я в последний раз говорил с ней, выглядела вполне здоровой… только, помнится, жаловалась, что ей текст с экранов терминала читать трудновато, почему нам и пришлось воспользоваться видеосвязью.

— Однако на самом деле она, считай, при смерти, — пояснил провизионщик, отхлебнув кофе.

Маквэйн призадумался. Как же она выглядит? Невысокая, смуглая, а звать ее… звать ее…

Дотянувшись до клавиатуры, он нажал пару клавиш, набрал соответствующий служебный код, и на экране высветились имя с фамилией. Рыбус Ромми…

— А что с ней такое? — спросил он.

— Рассеянный склероз.

— И как далеко зашло дело?

— Можно сказать, вовсе не далеко. Пару месяцев назад она рассказывала, что лет в девятнадцать или около случилась с ней… как же это? Аневризма. Расширение сосуда в левом глазу, подчистую лишившее глаз центрального зрения. Врачи еще тогда заподозрили, что это может оказаться начальной стадией рассеянного склероза. А сегодня, когда я с ней разговаривал, она жаловалась на неврит зрительного нерва, который…

— МЕД симптомы известны? — уточнил Маквэйн.

— Корреляция аневризмы, затем период ремиссии, а после зрение ухудшилось, в глазах начало двоиться… словом, ты позвонил бы ей, что ли, отвлек разговором. Я, очередной груз к ней доставляя, в слезах ее застал.

Маквэйн, повернувшись к клавиатуре, отстучал цепочку команд и поднял взгляд на экран.

— Рассеянный склероз излечим в тридцати, если не в сорока процентах случаев.

— Только не здесь. МЕД сюда не добраться.

— Да-а, похоже, дрянь дело, — вздохнул Маквэйн.

— Я говорил: требуйте эвакуации домой. Сам так и поступил бы, а она — нет, ни в какую.

— Не иначе умом повредилась, — рассудил Маквэйн.

— Точно. И не только она. Тут все до единого не в своем уме. Не веришь? Так на нее посмотри. Живое, можно сказать, доказательство. Вот ты разве не отправился бы домой, если бы знал, что серьезно болен?

— Вообще-то нам купола оставлять не положено.

— Это верно, служба у вас — важнее некуда, — согласился провизионщик, отодвигая в сторону пустую чашку. — Ладно, пора мне.

Поднявшись на ноги, он направился к люку, а на ходу добавил:

— Ты позвони ей, поговори. Ей очень нужно поговорить с кем-нибудь, а твой купол — ближайший. Странно, что она тебе ни о чем не сказала.

«Так я и не спрашивал», — подумал Маквэйн.

Проводив провизионщика, он отыскал код купола Рыбус Ромми, начал было вводить его в передатчик, однако замешкался, призадумался. Стрелки стенных часов показывали 18:30. В этот момент сорокадвухчасового суточного цикла ему полагалось принять с пассивного спутника-ре-

транслятора на орбите CY30 III очередной пакет развлекательных аудио– и видеозаписей, транслируемых в ускоренном режиме, преобразовать полученное в режим просмотра и отобрать материал, подходящий для всей системы куполов собственной планеты.

Вспомнив об этом, Маквэйн заглянул в регистрационный журнал. Двухчасовой концерт Фокс. Так-так…

«Линда Фокс, — подумал он. — Линда Фокс… синтез старого рока с мощью современного звука. Господи Иисусе, если не подготовить трансляции ее живого выступления, сюда, требуя моей крови, сбегутся все куполяне планеты! Если не брать в расчет аварий, каковых до сих пор не случалось, меня держат на жалованье, чтобы межпланетный обмен информацией, соединяющей нас с родиной, помогающей оставаться людьми, шел как по маслу. Чтобы ленточные барабаны крутились без сучка без задоринки».

Переключив транспорт ленты в режим максимальной скорости, он настроил модуль связи на прием, нащупал рабочую частоту спутника, взглянул на экран осциллографа, убедился, что сигнал принимается без искажений, а после включил звуковое воспроизведение принима-

емого.

Из динамиков, развешанных в ряд над его головой, зазвучал голос Линды Фокс. Да, осциллограф не врал. Никаких искажений. Ни посторонних шумов, ни отсечек звука, все каналы сбалансированы безупречно, как и утверждают стрелки приборов.

«Вот, к слову, о слезах, — подумал Маквэйн. — Слушаю ее — порой самого слеза прошибает».

Бродит рядышком, окрест,
Мой оркестр.
В небесах, среди планет
Горя нет.
Пью за тебя, сонм духов бестелесных!
Играй, играй, подпой же моей песне,
Мой оркестр!

Вокалу Линды Фокс негромко вторили, подпевали синтолютни, ее визитная карточка. До Фокс никому даже в голову не приходило вытаскивать из давнего прошлого, из шестнадцатого столетия, инструмент, для которого в свое время писал такие прекрасные, такие яркие песни Джон Дау-

ленд[65].

Преследовать? Взаимности искать?
Молить? Доказывать? Стремиться ль
К блаженству райскому
В земной любви?

Пауза, проигрыш, а затем…

Сколь высóко миры те, те луны,
Где окончится путь мой тернистый,
Где заблудший отыщет приют?
Суждено ль мне найти сердце чистое?..

Что сделала Линда Фокс? Взяла книги Дауленда, сборники сочинений для лютни, написанных им в конце шестнадцатого столетия, и обновила, осовременила мелодии и стихи.

«Создала нечто новое для разбросанных там и тут, словно в спешке, в беспорядке рассеянных по вселенной людей, живущих кто под сводами куполов на жалких захолустных планетах, кто в чревах искусственных спутников… увлекаемых в бесконечный путь силой, имя которой — миграция».

---

[65] Примечания: 65

Популярный английский композитор, лютнист и поэт эпохи Возрождения.

Не вижу пред собой пути!
Знай, сущеглупый, слышишь?
В нас, человеках, не найти…

Как там дальше? Проклятие, забыл. Ладно, запись-то — вот она!

…Взыскуемого свыше.

Да, верно. «Взыскуемого свыше», хотя… хотя подлинная красота вселенной — определенно не в россыпях бесчисленных звезд, не где-то там, наверху, а в музыке, создаваемой умами, голосами, руками людей. В пении синтолютен, вплетаемом мастерами за затейливым операторским пультом в пение Фокс.

«Вот, — подумал Маквэйн. — Вот, что надежно держит и дальше будет держать меня на плаву. Надо же! Не служба, а сущая радость: получаешь, преобразовываешь, транслируешь всю эту красоту, а тебе еще и приплачивают!»

— С вами Фокс, — объявила Линда.

Маквэйн переключил видео на голографию, и Линда Фокс улыбнулась ему из куба, возникшего перед экраном. Между тем ленточные барабаны вращались, вращались с бешеной быстротой, пополняя его собрание новыми и новыми минутами, часами прекрасного.

— С вами Фокс, — повторила певица. — Добрый вечер, друзья!

Взгляд ее завораживал, пришпиливал к креслу, проникал в самую душу; алмазно-твердые, сверкающие глаза лучились первозданной мудростью, искренностью, чистотой.

— Привет, Фокс, — с улыбкой ответил Маквэйн.

Спустя некоторое время он позвонил заболевшей девушке из соседнего купола. Ответа пришлось дожидаться на удивление долго.

«Да где же она? — гадал Маквэйн, наблюдая за индикаторами сигнала на пульте. — Может, ее уже нет в живых? А может, за ней транспорт прислали, эвакуировали силком?»

Микроэкран мерцал, рябил всеми цветами радуги. Ничего… ничего, кроме видеостатики… О, вот она! Ну, наконец-то!

— Я вас не разбудил? — на всякий случай спросил Маквэйн.

Действительно, выглядела девушка апатично, осоловело, будто спросонья.

«Может, успокоительное приняла?»

— Нет. Укол в задницу нужно было вогнать.

— Что? — в удивлении подняв брови, переспросил Маквэйн.

— На химиотерапии я, — пояснила Рыбус. — Со здоровьем неважно.

— А я только что перегнал на ленту потрясный концерт Линды Фокс. На днях транслировать буду. Послушаете, посмотрите, вот настроение и поднимется.

— Как жаль, что мы круглые сутки заперты в куполах! Вот было бы можно в гости друг к другу ходить… Ко мне сегодня провизионщик заглядывал. Заодно и лекарства привез. Помогают, конечно, но тошнит от них — жуть.

«Зря я ей позвонил», — подумал Маквэйн.

— Вы не могли бы меня навестить? — спросила Рыбус.

— У меня портативных воздушных баллонов нет. Ни единого.

— У меня есть, — оживилась она.

— Но если вам нездоровится, — охваченный паникой, зачастил Маквэйн, — стоит ли…

— Ничего, путь до вашего купола одолею.

— А станция ваша как же? Что, если вам отправят данные, требующие…

— Маячок-пищалку с собой прихвачу.

— О'кей, — выдержав паузу, согласился Маквэйн.

— Понимаете, сейчас мне очень, очень нужна

компания. Посидеть с кем-нибудь хоть немного. Провизионщик пробыл у меня полчаса, а дольше задерживаться не мог. Кстати, знаете, что он сказал? На CY30 VI — вспышка амиотрофического латерального склероза[66]. Должно быть, вирус. Вся эта гадость — вирусная. О Господи, как мне не хотелось бы подцепить этот амиотрофический латеральный склероз… ту самую форму, с Марианских островов.

— Он что же, заразен?

Прямого ответа на вопрос Маквэйн не получил.

— Ту форму, что у меня, можно вылечить, — сообщила Рыбус, очевидно, стараясь избавить его от тревог. — Но если по системе гуляет вирус… о'кей, не пойду лучше к вам, потерплю. Прилягу, усну. В моем состоянии рекомендуется спать как можно больше. Поговорим завтра. Всего хорошего.

Кивнув, она потянулась к клавише, чтобы отключить передатчик.

— Ладно, приходите, — неожиданно для себя

---

[66] Примечания: 66

Амиотрофический латеральный склероз — неизлечимое дегенеративное заболевание центральной нервной системы. Поражение двигательных нейронов спинного мозга, ствола и коры головного мозга сопровождается параличами и атрофией мышц. Особая, эндемичная форма данного заболевания была обнаружена на тихоокеанском острове Гуам (арх. Марианские острова).

самого сказал ей Маквэйн.

— Спасибо, — вмиг просияв, откликнулась девушка.

— Только пищалку обязательно захватите с собой. Нутром чую: в центр отправляется куча телеметрических подтверждений…

— А-а, в задницу все эти телеметрические подтверждения! — с неожиданной злобой в голосе оборвала его Рыбус. — Мне до смерти надоело целыми днями торчать здесь, под куполом, чтоб ему провалиться! Вам самому разве не тошно день за днем сидеть сиднем, следя, как крутятся ленточные барабаны, наблюдая за всеми этими стрелками, датчиками и прочим дерьмом?

— По-моему, вам домой лететь самое время, — заметил Маквэйн.

— Ну нет, никуда я не полечу, — возразила Рыбус, несколько успокоившись. — Буду в точности следовать предписаниям МЕД насчет химиотерапии и одолею этот поганый РС. А пока добреду до вас, ужин вам приготовлю. Готовлю я замечательно. Моя мать была итальянкой, а отец из чикано[67], и мне досталась от них привычка сдабривать все блюда кучей острых приправ.

[67] Примечания: 67

Чикано — собирательное прозвище американцев мексиканского происхождения.

Жаль, настоящих приправ здесь не добудешь, но я научилась заменять их разной синтетикой. Долго экспериментировала и коечего добилась.

— А в том концерте, который я приготовил к трансляции, Фокс исполняет собственную версию «Преследовать ли?» Дауленда, — сообщил Маквэйн.

— Это уж не о судебном ли преследовании?

— Нет. «Преследовать» — в смысле «ухаживать». Добиваться расположения. То есть ответной любви, — объяснил Маквэйн, однако тут же сообразил, что его разыгрывают.

— Знаете, что я думаю об этой Фокс? — заговорила Рыбус. — Все ее песенки — сентиментальность, причем вторичная. Сентиментальность худшего сорта, поскольку даже не оригинальна. Розовые сопли двойной перегонки. И лицо у нее — будто бы вверх тормашками. И губы мерзкие, злые.

— А мне нравится, — отрезал Маквэйн, постепенно закипая от злости.

«И я еще должен тебя выручать? — подумал он. — Помогать, рискуя подцепить ту же заразу, чтобы ты и дальше поливала грязью всеми нами любимую Фокс?»

— Приготовлю вам к ужину бефстроганов с лапшой и петрушкой, — решила Рыбус.

— С ужином я и сам прекрасно управлюсь, — заметил Маквэйн.

— То есть вы… не хотите, чтоб я приходила? — неуверенно, с запинкой пролепетала девушка.

— Я…

Однако закончить он не успел.

— Страшно мне, мистер Маквэйн, жуть как страшно, — зачастила Рыбус. — Через пятнадцать минут меня начнет выворачивать наизнанку после внутривенной инъекции невротоксита… но я очень, очень не хочу оставаться одна. И купол бросать не хочу, и в одиночестве здесь торчать — тоже. Извините, если я вас обидела. Просто, на мой вкус, эта Фокс — полная ерунда. Ни слова больше о ней не скажу, обещаю.

— У вас еще… то есть вы уверены, что вам хватит сил на возню с ужином? — в последний момент поправившись, проворчал Маквэйн.

— Сейчас силы у меня еще есть, — заверила его девушка. — Вот дальше будет труднее. Скоро меня слабость накроет, причем надолго.

— «Надолго» — это до каких пор?

— Кто его знает…

«Да ты всерьез умирать собралась», — подумал Маквэйн.

Похоже, это они сознавали с одинаковой яс-

ностью, а если так, к чему лишние разговоры о смерти? Довольно с нее и молчаливого понимания.

«Девчонке при смерти хочется приготовить мне ужин, — размышлял Маквэйн, — а я-то ее ужина и не хочу. Надо бы твердо сказать ей: „нет“, держать подальше от своего купола, но… Ох, это проклятое упорство слабого! Жуткая силища: ведь сильному дать под дых куда проще!»

— Спасибо, — сказал он вслух. — По-моему, поужинать вместе — прекрасная мысль. Только по пути сюда обязательно оставайтесь на связи. Чтоб я был уверен: с вами все о'кей. Обещаете?

— Ну… да, разумеется, — с улыбкой ответила Рыбус. — Иначе найдут меня там, замерзшей среди кастрюль, сковородок, всяких продуктов и синтетических приправ лет через сто. А ведь у вас есть портативные баллоны с воздухом, не так ли?

— Нет. Действительно нет, — ответил Маквэйн, хоть и чувствовал, что соседка видит его с его ложью насквозь.

Стряпня ее оказалась прекрасной и по запаху, и на вкус, однако посреди ужина Рыбус, извинившись, нетвердым шагом направилась из основной части, матрицы купола — его купо-

ла! — в ванную. Как ни старался Маквэйн не прислушиваться, как ни уговаривал уши не слышать, а разум — не сознавать, все зря. Казалось, еще немного, и девушку в ванной действительно вывернет наизнанку. Не выдержав очередного стона, Маквэйн отодвинул тарелку, вскочил из-за стола и запустил встроенную в купол стереосистему. Миг, и мерзкие звуки утонули в мелодии песни с одного из ранних альбомов Фокс:

О, возвратись!
Чу, слышишь зов любви?
Ей покорись, склонись,
Услышь мольбы мои…

— У вас, случайно, молока не найдется? — с трудом переводя дух, спросила Рыбус, выглянувшая из ванной.

Лицо ее побледнело как мел.

Маквэйн, не говоря ни слова, принес ей стакан молока — вернее, иссиня-белой жидкости, именовавшейся молоком в системе CY30.

— У меня есть антиэметики, — призналась Рыбус, принимая стакан, — но я забыла прихватить их с собой. Так и лежат там, в куполе…

— Могу сходить, принести, — предложил Маквэйн.

— А знаете, что говорили мне эти, из МЕД? — с неожиданным возмущением вспомнила девушка. — Уверяли, будто химиотерапия для волос не страшна, ничего им не сделается, а волосы уже выпадают, как…

— О'кей, — оборвал ее Маквэйн.

— «О'кей»?!

— Прошу прощения, — пробормотал он.

— Понимаю, — вздохнула Рыбус, — вам от всего этого не по себе. Ужин испорчен, а вы… даже не знаю, что и сказать. Если бы я не забыла захватить антиэметики! Как же неловко вышло… — Запнувшись, она ненадолго умолкла. — В следующий раз обязательно, обязательно захвачу. А этот альбом Фокс, на мой вкус, — один из немногих достойных. По-моему, в те времена, в самом начале, она действительно классной была… вы не согласны?

— Согласен, — натянуто, сдержанно ответил Маквэйн.

— Блинда Фукс, — хмыкнула Рыбус.

— Что?

На губах Рыбус мелькнула блеклая, вымученная улыбка.

— Блинда Фукс… так мы с сестрой ее звали.

— Будьте добры, возвращайтесь к себе. Вам пора.

— А… э-э…

Смущенно замявшись, девушка поправила челку. Рука ее заметно дрожала.

— А вы меня не проводите? Кажется, обратно мне самой уже не дойти. Ослабла здорово… как же не вовремя все это…

«Вот, значит, как, — подумал Маквэйн. — С собой меня забрать вознамерилась. Дух мой с собой забрать, чтобы возвращаться назад не одной, и сама прекрасно об этом знаешь. Знаешь лучше, чем названия прописанных тебе лекарств, и ненавидишь меня не меньше, чем эти лекарства, и МЕД, и собственную болезнь: ведь в тебе не осталось ничего, кроме ненависти — ненависти ко всему и вся под обоими здешними солнцами. Знаю я тебя, знаю. Понимаю, к чему идет дело… да что там „идет“ — уже, можно сказать, дошло! Понимаю и ни в чем тебя не упрекну. Буду держаться за Фокс. Фокс тебя переживет, и я вместе с ней тоже. Не погубить, не погасить тебе светоносный эфир, оживляющий наши души! Уцеплюсь я за Фокс покрепче, а Фокс обнимет меня, прижмет к себе, и никакая сила на свете нас друг от друга не оторвет. У меня здесь десятки, сотни часов ее записей, и звуковых, и на видеопленке, и пленки эти не только для меня — для всех. Думаешь,

тебе под силу все это погубить? Пробовали уже некоторые, не ты первая. Сила слабого — штука не слишком надежная: в итоге проигрывает, отсюда и название. Не просто так слабость в нем упомянута. Не без причины».

— Сентиментальность, — напомнила Рыбус.

— Ну да, ну да, — саркастически хмыкнул Маквэйн.

— Причем насквозь вторичная.

— Плюс смешанные метафоры.

— В ее стихах?

— У меня в голове. Когда действительно разозлюсь, на ум приходит…

— Послушайте, я вам объясню кое-что. Объясню в двух словах. Мне, понимаете ли, очень не хочется умирать, а значит, о сентиментальности нужно забыть. Жесткость и только жесткость, вплоть до жестокости. Простите, если вас она злит, но иначе никак. Речь о моей жизни. Возможно, когда-нибудь вы окажетесь на моем месте, тогда сами все и поймете. Подождите до тех пор, а после судите. Если доведется. Ну, а эта музыка, гремящая из вашей стереосистемы, — полное дерьмо. Для меня. Мне нельзя по-другому. Теперь понятно? Можете забыть обо мне навсегда, отправить обратно, в собственный купол, на место, и

позабыть, но если моя жизнь для вас хоть что-то значит…

— О'кей, — перебил ее Маквэйн. — О'кей, понимаю.

— Благодарю вас. Можно мне еще молока? И продолжим ужин… только музыку выключите, хорошо?

Маквэйн в изумлении поднял брови.

— То есть вы не отчаялись…

— Все существа… да и виды, отчаявшиеся запихнуть в себя хоть самую малость пищи, давным-давно оставили этот мир.

Пошатнувшись, Рыбус оперлась о стол и с осторожностью села.

— Я вами восхищен.

— Нет, — возразила девушка, — это я восхищаюсь вами. Вам тяжелее, я знаю.

— Однако, — начал было Маквэйн, — смерть…

— Какая же это смерть? Нет, ошибаетесь. В отличие от песен из вашей стереосистемы это и есть сама жизнь. Так можно еще молока? Молоко мне сейчас нужно как никогда.

— По-моему, — заметил Маквэйн, наполняя бокал молоком, — эфир — хоть светоносный, хоть наоборот — вам все-таки не одолеть.

— Действительно, не одолеть, — согласилась

Рыбус, — поскольку в природе его не существует.

Систематически убиваемые химиотерапией волосы Рыбус редели день ото дня, и с Главной Базы Снабжения ей доставили два парика. Маквэйну больше понравился светлый.

Надевая парик, Рыбус выглядела не так уж скверно, однако заметно ослабла, а в ее голосе все чаще и чаще звучали брюзгливые, раздраженные нотки. Вдобавок упадок сил (как заподозрил Маквэйн, вызванный не столько болезнью, сколько химиотерапией, лишил ее возможности содержать купол в должном порядке. Как-то раз, потрудившись дойти до станции Рыбус, Маквэйн был до глубины души потрясен открывшимся ему зрелищем. Тарелки, кастрюли, сковороды, даже стаканы со стухшей, скисшей едой; пол устилает нестираная одежда пополам с мусором… Встревожившись, он прибрал, отмыл все, что смог, однако, к великому своему смятению, обнаружил, что в куполе по-прежнему царит сладковатая вонь — отвратительный, сложный запах лекарств, нездорового, немытого тела, заношенного белья и, что самое неприятное, испорченной пищи.

Пока он не прибрался, ему было даже некуда сесть. Рыбус лежала в постели, в одном только

синтетическом больничном халате, запахивавшемся на спине. Со связью она еще управлялась: показания всех приборов свидетельствовали, что электроника работает штатно, станция действует, однако для этого хозяйке приходилось держать под рукой дистанционный программатор, предназначенный исключительно для экстренных ситуаций. Сама она, полулежа, опиралась спиной на подушки, а программатор лежал рядышком, возле миски с овсянкой, среди журналов и полудюжины аптекарских пузырьков.

Маквэйн уже не впервые завел разговор об отправке ее в больницу, но Рыбус наотрез отказалась оставлять пост.

— Никуда я не полечу. Ни в какую больницу, — объявила она и на том сочла вопрос исчерпанным.

Несколько позже, с невероятным облегчением и радостью вернувшись в собственный купол, Маквэйн решил взяться за дело с другого конца, а именно — прибегнуть к помощи исполинской плазменной системы искусственного интеллекта, попросту «ИИ-Плазма». После того, как «ИИ-Плазма» расправлялась с задачами глобального масштаба, поступавшими каждые сутки из звездных систем их сектора галактики, ее

мощности мог взять в аренду для личного пользования любой желающий, хватило бы только средств. Приняв решение, Маквэйн уселся за клавиатуру, заполнил заявку и переправил на соответствующий счет всю — всю до последнего финансового кредита — сумму, скопленную за минувший квартал.

Вскоре из системы Фомальгаута, где парила в пространстве «ИИ-Плазма», пришло подтверждение: бригада обеспечения обмена данными с «ИИ-Плазмой» готова предоставить в его распоряжение пятнадцать минут машинного времени.

Продолжительность отмеренного ему срока побуждала передать «ИИ-Плазме» все необходимые данные как можно быстрее, искуснее. Прежде всего, Маквэйн сообщил, кто такая Рыбус — а уж дальше система искусственного интеллекта получила доступ ко всей ее подноготной, включая психологические характеристики, упомянул о соседстве их куполов, а после поведал и об ее неуемной жажде жизни и об отказе уволиться со службы по состоянию здоровья или хотя бы на время покинуть станцию. Напоследок он накрыл голову полушарием психоскопа, обеспечив «ИИ-Плазме» из системы Фомальгаута возможность черпать прочую необходимую информацию

прямо из его мыслей, из подсознательных, периферийных образов, соображений, сомнений, догадок, желаний, тревог.

— Ответ получите через пять суток, — предупредил дежурный из обслуживающей бригады. — Расстояние… быстрее никак. Платеж получен и зарегистрирован. Конец связи.

— Конец связи.

Отключившись, Маквэйн уныло поник головой. Пятнадцать минут машинного времени стоили ему всего состояния. Все его деньги канули в космическую пустоту… однако в вопросах решения самых сложных задач «ИИ-Плазма» — можно сказать, суд последней, высшей инстанции, вот он и спросил ее: «КАК ПОСТУПИТЬ?» — и через пять суток получит ответ.

За эти пять суток Рыбус растеряла последние силы. Еду себе по-прежнему готовила сама, но каждый раз питалась одними и теми же протеиновыми макаронами, посыпанными тертым сыром. Однажды она встретила Маквэйна в темных очках: глаза от него спрятать решила.

— Больной глаз совсем распоясался, — бесстрастно пояснила она. — Вращается в глазнице сам по себе, а веко гуляет вверх-вниз, будто шторка иллюминатора.

Кровать рядом с нею украшала россыпь таблеток и желатиновых капсул. Осмотрев подвернувшийся под руку полупустой пузырек, Маквэйн обнаружил, что Рыбус начала принимать один из самых убойных анальгетиков на свете.

— Это вам в МЕД прописали? — изрядно удивившись, уточнил он. — Неужели боль так сильна?

— Нет. Есть у меня один знакомый, — пояснила Рыбус. — Куполянин с «четверки». Он раздобыл… и передал через провизионщика.

— Вообще-то эта штука быстро приводит к зависимости, — заметил Маквэйн.

— Хорошо, что достать посчастливилось. На самом-то деле мне не положено, но…

— Да уж, известно. Известно, что не положено.

— Будь проклята эта МЕД, — с неожиданным ожесточением зарычала Рыбус. — С ними дело иметь — все равно что с простейшими, с одноклеточными! Пока сообразят прописать да пока доставят лекарство, от больного — прости господи — только урна с пеплом останется! На что они вообще нужны? Пеплу в урнах лечение назначать?

Умолкнув, она приложила ладонь к виску.

— Ох, простите… жду вас, а парик-то надеть забыла.

— Ничего страшного, — заверил ее Маквэйн.

— Вы мне «Коку» не подадите? Желудок успокаивает.

Отыскав в холодильнике литровку «Кока-колы», Маквэйн налил напиток в стакан, однако стакан для начала пришлось вымыть: ни одного чистого в куполе не нашлось.

В изножье кровати Рыбус, подпертый подушками, мерцал экраном телевизор — самый обычный телевизионный приемник, бормотавший какую-то чушь, однако его никто не смотрел и не слушал. Насколько Маквэйн мог припомнить, работал он постоянно, когда к ней ни загляни, даже посреди ночи.

Стоило переступить порог собственного купола, Маквэйна охватило невероятное облегчение, словно с плеч внезапно свалилась гора постылого, мерзкого груза, ужасное, тошнотворное бремя. Всего-то навсего ушел от нее, причем не так уж далеко, и настроение сразу же поднялось, и больше для счастья, считай, ничего не нужно…

«Как будто рядом с ней меня самого накрывает этим рассеянным склерозом, — подумал он. — Как будто мы делим болезнь на двоих!»

Не в настроении слушать записи Фокс, он зарядил в стереосистему пленку с «Воскресением»,

второй симфонией Малера.

«Единственная симфония, написанная для такой кучи обрезков ротанга, — отметил Маквэйн. — Взять хоть тот же рют, которым играют на большом барабане… с виду — вылитая метелка. Жаль, Малер никогда в жизни не видел педалей вау-вау от „Морли“, иначе непременно вписал бы в одну из длиннейших своих симфоний партию и для них».

Вдруг, в самом начале партии хора, внутрикупольная стереосистема умолкла, отключенная командой, поступившей извне.

— Вас вызывает Фомальгаут.

— К приему готов.

— Будьте добры, переключитесь на видеосвязь. Десять секунд до начала.

— Благодарю, — откликнулся Маквэйн.

На основном, самом большом из дисплеев, вспыхнули несколько строк. Всего несколько строк, отправленных плазменной системой искусственного интеллекта в ответ на его запрос, полученный пятью сутками ранее:

ПРЕДМЕТ: РЫБУС РОММИ
РЕЗУЛЬТАТЫ
АНАЛИЗА: ТАНАТОГЕННОСТЬ

РЕКОМЕНДАЦИИ СИСТЕМЫ: ПОЛНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ КОНТАКТОВ С ВАШЕЙ СТОРОНЫ

МОРАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ: ПРЕНЕБРЕЧЬ

*** БЛАГОДАРЮ ВАС! ***

— Благодарю вас, — в растерянности моргнув, отозвался Маквэйн.

С «ИИ-Плазмой» он прежде имел дело всего один раз и успел позабыть, насколько немногословны ее ответы.

Экран очистился: сеанс связи подошел к концу.

Что такое «танатогенность», Маквэйн представлял себе в лучшем случае смутно. Очевидно, нечто, так или иначе связанное со смертью.

«Наверное, речь о том, что она умирает, — рассудил он, набирая код общепланетного информатория и запрашивая определение. — Умирает, либо может умереть, либо при смерти… так я обо всем этом знаю сам!»

Однако он ошибался. Танатогенность оказалась «способностью причинять, порождать смерть».

«Порождать, значит, — подумал Маквэйн. — Не умирать — порождать смерть. Да уж, разница существенная. Понятно, почему система искус-

ственного интеллекта рекомендует пренебречь морально-этическими соображениями! Сеятельница смерти… что ж, вот почему консультации с „ИИ-Плазмой“ стоят таких деньжищ. От нее получаешь не бесполезные, притянутые за уши умствования, основанные на догадках, а настоящий, абсолютно дельный ответ».

Однако возможности успокоиться Маквэйну не представилось: его размышления прервал телефонный звонок. От кого? Это он понял еще до того, как снял трубку.

— Привет, — с дрожью в голосе проговорила Рыбус.

— Привет, — отозвался Маквэйн.

— У вас, случайно, не найдется пары пакетиков чая «Утренний Гром С Небес, выдержанный»?

— Что? — не веря собственным ушам, переспросил Маквэйн.

— Заглянув к вам в гости, в тот раз, когда готовила нам бефстроганов, я, кажется, видела жестянку с «Утренним Громом»…

— Нет, — отрезал Маквэйн. — Ни единого. Были, да все израсходовал.

— Что с вами?

— Просто устал, — ответил он.

«„Нам“, стало быть, — подумал он про себя. —

То есть я и она — это „мы“. С каких, интересно знать, пор? Видимо, это-то „ИИ-Плазма“ и имела в виду… насчет этого и предупреждала!»

— А хоть какой-нибудь чай у вас есть?

— Нет, — повторил Маквэйн.

И тут стереосистема купола, остановленная перед началом сеанса связи с Фомальгаутом, автоматически ожила, переключилась в режим воспроизведения: ведь сеанс подошел к концу.

Услышав пение хора, Рыбус захихикала в трубку.

— Похоже, Фокс наложением звука балуется? Ну и картинка: хор из целой тысячи…

— Это Малер, — бесцеремонно оборвал ее Маквэйн.

— Вы не могли бы меня навестить, компанию мне составить? — спросила Рыбус. — Я тут просто с ума схожу от безделья.

— О'кей, — не без колебаний ответил он. — Тем более у меня к вам есть разговор.

— Кстати, я только что прочитала статью в…

— Вот приду, тогда и поговорим. Увидимся через полчаса, — вновь перебил ее Маквэйн и, не слушая никаких возражений, повесил трубку.

Добравшись до купола Рыбус, он обнаружил хозяйку полулежащей в кровати, на груде поду-

шек, все в тех же темных очках, за просмотром очередной мыльной оперы. С последнего визита Маквэйна в куполе не произошло никаких перемен… только тарелки с остатками протухшей пищи да плесень в недопитых стаканах приняли еще более устрашающий вид.

— Кстати, это и вам посмотреть не мешало бы, — заметила Рыбус, не отрывая взгляда от телевизора. — Правда, вы же не знаете… О'кей, сейчас объясню, как обстоят дела. Бекки беременна, но ее парень не желает…

— Вот вам чай, — буркнул Маквэйн, выкладывая на стол две пары чайных пакетиков.

— Будьте добры, достаньте коробку с печеньем. Вон видите? У края полки, что над плитой. Пора принимать пилюли, а мне проглотить лекарство с едой проще, чем водой запивать, потому что года так в три… о-о, со мной такое произошло! Услышите — не поверите. Отец затеял учить меня плавать. Денег у нас в те времена хватало: отец был… впрочем, он и сейчас никуда не делся, только на связь редко выходит. Повредил спину, открывая одни из тех раздвижных ворот во двор кондоминиума, где…

Оборвав фразу на полуслове, она снова уставилась в телевизор.

Маквэйн смахнул с кресла мусор и сел.

— Ночью мне так плохо стало, так тяжело… чуть вам не позвонила, честное слово, — призналась Рыбус. — Вспоминала одну подругу. Она сейчас… Словом, мы с ней ровесницы, однако она уже до класса четыре-це доросла за успехи в изучении течения времени… что-то насчет частоты призматических флюктуаций или еще какой-то зауми в том же роде. Ненавижу ее. В моем возрасте, представляете? Представляете?!

Умолкнув, девушка расхохоталась — неудержимо, на грани истерики.

— Вы в последнее время за весом следите? — воспользовавшись паузой, осведомился Маквэйн.

— Что? А, нет. Не слежу. Но с весом у меня все о'кей. Проверить несложно. Глядите. Вот так, забираем в щепоть кожу возле плеча, и… Видите? Подкожный жир налицо.

— А с виду здорово исхудали, — заметил Маквэйн, приложив ладонь к ее лбу.

— У меня что, жар?

— Нет, температура вроде бы в норме.

«Однако чуть ниже, под гладкой, слегка влажной кожей, под темными очками, и таится миелиновая оболочка нервных волокон, обросших склеротическими бляшками ей на погибель, —

думал он, не убирая руки со лба Рыбус. — Погоди, старина… вот умрет она, тут тебе и полегчает».

— Вы не расстраивайтесь, — с сочувствием сказала Рыбус. — Еще немного, и все со мной будет о'кей. На днях эти, из МЕД, мне даже дозу васкулина срезали. До «тер ин дие» — то есть, до трех раз в сутки вместо четырех.

— Однако вы уже и латынь медицинскую изучили?

— Пришлось. Мне в протокольном заключении такого понаписали… хотите взглянуть? Оно где-то здесь. Поглядите вон в тех бумагах. Я тут писала письма нескольким давним подругам, наткнувшись на их адреса, пока искала что-то другое. Только выкинуть пришлось многое, видите?

Взглянув в угол, Маквэйн обнаружил там, на полу, кучу мешков — бумажных мешков со смятой бумагой.

— Вчера писала пять часов подряд, а сегодня с утра продолжила, — пояснила Рыбус. — Потому мне и захотелось чайку. Не заварите ли чашечку, а? Как можно больше сахару и самую капельку молока.

За приготовлением чая Маквэйну сами собой вспомнились строки из песни Дауленда в аранжировке Линды Фокс:

О, Господи, всеблаг, всесправедлив,
Терпенья песне гаснущей внемли!

— Замечательная история, — заговорила Рыбус, как только на телеэкране, прервав мыльную оперу, замелькали кадры рекламных роликов. — Хотите, расскажу, о чем там?

— Уменьшение дозы васкулина означает, что вы идете на поправку, или как? — вместо ответа спросил Маквэйн.

— Скорее всего, у меня начинается новый период ремиссии.

— И долго ли он продлится?

— По-видимому, довольно долго.

— Восхищен вашим мужеством, — признался Маквэйн, — но на меня больше не рассчитывайте. Сегодня я здесь, с вами, в последний раз.

— Мужеством? — переспросила Рыбус. — Благодарю вас.

— Я больше не приду.

— Не придете… в каком смысле? Сегодня?

— Вы — существо, сеющее вокруг себя смерть. Своеобразный патогенный фактор, — пояснил Маквэйн.

— Если уж разговаривать всерьез, нужно надеть парик, — рассудила Рыбус. — Вы не могли

бы подать тот, светлый? Он где-то здесь… кажется, под той кучей одежды, в углу. Вон, видите красную блузку — ту, что с белыми пуговицами? Кстати, надо к ней пуговицу пришить… только найти бы ее для начала.

Маквэйн отыскал ей парик.

— Так. Теперь подержите зеркальце, — попросила Рыбус, водружая парик на голову. — Выходит, вы от меня заразиться боитесь? Медики уверяют, что в данной стадии вирус уже неактивен. Я только вчера больше часа с ними проговорила: мне специальную линию выделили.

— Обслуживанием вашего оборудования кто занимается? — спросил Маквэйн.

— Оборудования?

Удивления в поднятом взгляде девушки не могли скрыть даже стекла темных очков.

— Кто следит за входящим потоком? Кто пишет полученное, а после передает дальше? Кто занимается всем тем, ради чего вас здесь держат?

— Все на автоматике.

— Сейчас у вас на пульте горят семь сигнальных ламп. Все красные. Все моргают, — сообщил Маквэйн. — Вы бы хоть звуковыми оповещениями озаботились, чтобы слышать, не оставлять предупреждения без внимания. Прием идет, а

данные не пишутся — вот о чем вам стараются сообщить.

— Ну что ж, значит, им не повезло, — вполголоса ответила Рыбус.

— Им бы учесть, что вы серьезно больны, — проворчал Маквэйн.

— Они и учитывают… конечно, учитывают, а как же! И запросто, если что, без меня обойдутся: разве вам не отправляют примерно то же самое, что и мне? По сути, моя станция просто дублирует вашу.

— Нет, это моя — дублирующая, — возразил Маквэйн, — а ваша — как раз основная.

— А-а… один черт, — устало вздохнула Рыбус и поднесла к губам кружку с заваренным Маквэйном чаем. — Горяч чересчур… пусть немного остынет.

Протянутая к прикроватному столику ее рука с кружкой вдруг затряслась, кружка выпала из ослабевших пальцев, и горячий, курящийся паром чай растекся лужей по пластмассовым плиткам пола.

— О Гос-споди, — в ярости прошипела Рыбус, — только этого, только этого не хватало! Что за день? Что за день такой сволочной? За что ни возьмись, все из рук валится!

Маквэйн молча включил вакуумный пылесборник, и электроника купола исправно всосала пролитый чай. Молчал он отнюдь не без причины: его душила, распирала изнутри аморфная, не направленная ни на что конкретное злоба, беспредметная ярость сродни — это Маквейн, как говорится, чуял нутром — ненависти, снедающей Рыбус, выплескивающейся в никуда и в то же время на все вокруг без изъятия.

«Ненависть наподобие тучи мух, — подумал он. — Господи, скорей бы убраться отсюда! Как же я ненавижу эту ненависть — ненависть к разлитому чаю, настолько же жгучую, как и ненависть к смертельной болезни… стригущую всю вселенную под одну гребенку, низводящую до одного-единственного измерения!»

С каждой минувшей неделей Маквэйн предпринимал вылазки в купол Рыбус все реже и реже. Что бы она ни говорила, пропускал мимо ушей, что бы ни делала, оставлял без внимания, а от царящего вокруг нее хаоса, от помойки, в которую превратился ее купол, старательно отводил взгляд.

«Ни дать ни взять, проекция ее мозга, — подумал он как-то раз, мимоходом оглядев бесчисленные мешки с мусором, груды хлама, высящиеся

повсюду, даже на вечном холоде за порогом купола. — Деменция это, вот что. Слабоумие чистой воды».

Возвращаясь в собственный купол, он включал Линду Фокс, но… Увы, ее музыка утратила волшебную силу. И голос, и образ — все превратилось в муляж. В синтетику. Казалось, Рыбус Ромми высосала из Фокс искру жизни точно таким же образом, как вакуумный пылесборник ее купола всосал без остатка, до капельки, разлившийся по полу чай.

…Питал надеждой твердой сердце он,
Хоть захлестнул его несчастий вал.

Даже эти слова, льющиеся из динамиков, потеряли весь прежний смысл. Как там выражалась Рыбус? Вторичная сентиментальность. Розовые сопли двойной перегонки. Дерьмо…

Поразмыслив, Маквэйн выключил Фокс и поставил Вивальди, концерт для фагота с оркестром.

«Надо же… сорок концертов, и все, как один, для фагота, — подумал он. — Пожалуй, в смысле разнообразия любой компьютер дал бы Вивальди изрядную фору».

— Вы на волне Фокс, — заглушая Вивальди,

зазвучал из динамиков голос Линды Фокс, а на экране преобразователя видео возникло ее лицо — монументальное, залитое звездным светом, в глазах пляшут шальные, дикие искорки. — Вы на волне Фокс, а волна Фокс если подхватит, то уж подхватит!

В минутном приступе ярости Маквэйн принялся стирать с пленок аудио– и видеозаписи Фокс, однако, стерев часов около четырех, опомнился. Пожалев о необдуманном поступке, он вышел на связь с одним из спутников-ретрансляторов и попросил продублировать утраченное, но со спутника ответили, что на данный момент нужных записей в наличии нет.

«Ну и черт с ними, — рассудил он. — Подумаешь, ценность!»

Посреди ночи его, спавшего крепким сном, разбудил звонок телефона. На звонок Маквэйн не ответил, как и на следующий, раздавшийся спустя минут десять.

Однако спустя еще около десяти минут телефон зазвонил в третий раз.

— Хелло, — просипел Маквэйн, сняв трубку.

— Привет, — сказала Рыбус на том конце провода как ни в чем не бывало.

— Чего вам? — буркнул Маквэйн.

— Я вылечилась.

— То есть у вас ремиссия наконец началась?

— Нет, не ремиссия… полное излечение. Мне только что сообщили из МЕД. Их компьютер изучил все мои данные — снимки, результаты анализов и так далее, и… словом, от склеротических бляшек не осталось даже следа. Конечно, центрального зрения пострадавшему глазу уже не вернешь, но в остальном со мной полный порядок, а… А у вас как дела? — выдержав паузу, поинтересовалась Рыбус. — Вы ведь пропали куда-то… надолго, будто на целую вечность. Я уже забеспокоилась.

— Со мной все о'кей, — заверил ее Маквэйн.

— Такое событие обязательно нужно отпраздновать.

— Действительно, — согласился он.

— Ужин для нас приготовлю, как раньше… вам чего бы хотелось? Я, например, жутко соскучилась по мексиканской кухне. Тако у меня здорово получается, и мясной фарш в морозилке, помнится, был. Главное, чтоб не испортился. Разморожу, проверю. Как по-вашему, где лучше встретиться? Мне к вам прийти, или вы сюда…

— Давайте отложим подробности до завтра, — с усталым вздохом перебил ее Маквэйн.

Рыбус ненадолго умолкла.

— Простите, что разбудила посреди ночи. Мне только что позвонили из МЕД, а… а вы ведь — мой единственный друг, — призналась она и вдруг — невероятное дело! — всхлипнула.

— Все о'кей, — успокоил ее Маквэйн. — Главное, вы здоровы.

— Я тут… совершенно расклеилась, — хлюпнув носом, продолжила Рыбус. — Все, извините. Завтра поговорим. Однако вы правы: самой не верится, но я справилась. Ожила.

— А все — благодаря силе духа, — заметил Маквэйн.

— Все — благодаря вам, — возразила Рыбус. — Без вас я бы давно опустила руки. Знаете, я, конечно, об этом даже не заикалась, но… но смертельную дозу снотворного втихаря припасла, и…

— Все, — вмешался Маквэйн. — Достаточно на сегодня. Об ужине завтра днем договориться успеем.

С этим он дал отбой и улегся в постель.

«„Иов, детей и благ земных лишен, Терпеньем муки преодолевал, питал надеждой твердой сердце он, хоть захлестнул его несчастий вал“, как выразилась бы Фокс, — подумал он. — Я помог Рыбус преодолеть хождение по мукам, а она от-

платила мне, лишив смысла, превратив в полную чушь самое для меня дорогое. Однако ж Рыбус осталась жива. Одолела болезнь. Выстояла. Будто крыса: мори, истребляй крыс хоть так, хоть сяк, а им все нипочем, и винить их в этом по меньшей мере глупо. Разве можно ставить кому-либо в вину волю к жизни? По сути, мы в этой звездной системе, под крохотными куполами на мерзлых планетах — явление того же порядка. Живем, стремимся выжить любой ценой. Рыбус Ромми разобралась, почуяла, в чем суть игры, сыграла как надо и победила, и к дьяволу Линду Фокс. К дьяволу все, что я люблю».

Ладно, чего там. Таков уж закон вселенной. Жизнь человека торжествует, пластмассовый сценический образ терпит крах… как ни крути, обмен более чем достойный. Уснуть бы теперь, да поскорей…

Дрожа от холода, Маквэйн с головой закутался в одеяло и сомкнул веки.

Назавтра, задолго до появления Рыбус, Маквэйна навестил провизионщик с целой партией продовольствия, разбудивший его ни свет ни заря.

— Вижу, у тебя и температура, и кислород по-прежнему сверх нормативов, — заметил он,

щелкнув замками шлема.

— В пределах возможностей оборудования, — скромно ответил Маквэйн. — Далее — все вопросы к производителю.

— Ладно, я-то тебя не выдам. Кофейком угостишь?

Усевшись за стол один против другого, оба принялись за суррогатный кофе.

— Только что заворачивал к куполу этой девчонки, Ромми, — сообщил провизионщик. — Говорит, вылечилась окончательно.

— Ага. И мне вчера среди ночи звонила, рассказывала, — подтвердил Маквэйн.

— А еще говорит, будто это ты ей помог.

На это Маквэйн не ответил ни слова.

— Жизнь человеку спас.

— О'кей, о'кей, — проворчал Маквэйн.

— Что с тобой?

— Просто устал жутко.

— Да уж, наверное! Тут поди не устань. Господи, ну и бардак у нее… ты ей прибраться при случае помоги. Хотя бы от мусора избавиться и продезинфицировать все к чертовой матери: там же не купол — сплошная помойка. Она ведь за системой утилизации отходов не уследила, сток засорился, переполнился, и вся эта гадость обрат-

но хлынула, прямо на шкафы со стеллажами, где хранятся продукты. Зрелище… в жизни такого не видел. Конечно, она ж ослабла, как…

— Поглядим. Разберемся, — оборвал его Маквэйн.

— Главное дело, выздоровела, — смущенно пожав плечами, подытожил провизионщик. — Сама себе лекарства вкалывала, знаешь?

— Знаю, — ответил Маквэйн. — Видел.

«Вот именно, видел. На всю жизнь насмотрелся», — мысленно добавил он.

— И волосы у нее начали отрастать. И слава Богу, а то без парика до сих пор смотреть страшно, скажи?

Маквэйн поднялся на ноги.

— Пора метеосводки готовить к эфиру. Прости, на треп времени больше нет.

Незадолго до ужина к входному люку его купола подошла Рыбус Ромми, нагруженная кастрюлями, сковородами, тарелками и аккуратными свертками. Маквэйн впустил ее внутрь. Без единого слова пройдя на кухню, Рыбус грудой свалила принесенное на стол и наклонилась за парой свертков, соскользнувших с верхушки образовавшейся кучи.

— Как же я рада вас видеть, — сказала она, из-

бавившись и от шлема.

— Взаимно, — откликнулся Маквэйн.

— Обычно тако готовится около часа. Потерпите?

— Конечно, — подтвердил он.

— Мне вот что пришло в голову, — продолжила Рыбус, водрузив на включенную плиту сковороду с топленым салом. — Надо бы нам отдохнуть. У вас очередной отпуск скоро? Мне полагается две недели, хотя положение осложняет болезнь. Большую часть отпуска пришлось использовать как отпуск по нетрудоспособности. Хотите — верьте, хотите — нет, мне урезали по полдня в месяц только за то, что не могла управляться со станцией! Где ж это видано, а?

— Рад видеть, что вы окрепли, — мягко сказал Маквэйн.

— И еще как окрепла, — похвастала Рыбус, но тут же, смутившись, в растерянности оглянулась на него. — Вот растяпа-то, забыла фарш захватить! Проклятие!

— Хотите, дойду до вашего купола, принесу, — поразмыслив, предложил Маквэйн.

Рыбус в унынии опустилась на стул.

— Без толку: я ведь и разморозить его забыла. Только сейчас о нем вспомнила. С утра соби-

ралась вынуть из морозилки, чтобы оттаял, но отвлеклась — кое-какие письма села дописывать, и… Может, другое-что-нибудь приготовим, а тако оставим на завтрашний вечер?

— О'кей, — согласился Маквэйн.

— Да, еще чай ваш обратно надо бы принести.

— Какой чай? Я оставлял вам всего четыре пакетика.

В глазах Рыбус отразилось искреннее недоумение.

— А мне казалось, вы целую коробку этого «Утреннего Грома С Небес, выдержанного» принесли. Нет? Тогда откуда она могла взяться? Наверное, провизионщик привез. Знаете, я лучше просто посижу с вами немного, только… не могли бы вы телевизор включить?

Маквэйн послушно включил телевизор.

— Есть у меня любимый телеспектакль, — продолжила Рыбус. — Ни одного выпуска не пропускаю. Мне вообще нравятся истории о… да, надо ведь вам рассказать, в чем там дело, если уж смотреть вместе.

— А может, ну его, а? — пробормотал Маквэйн.

— Понимаете, ее муж…

«Окончательно спятила, — подумал Маквэйн. — Можно сказать, мертва. Тело поправи-

лось, а разум погиб».

— Мне нужно кое-что вам сказать, — не слишком уверенно проговорил он.

— Что?

— Вы…

Однако продолжить Маквэйн не сумел.

— Мне исключительно повезло, — объявила Рыбус. — Невероятно. Вы еще в самом худшем состоянии меня не видели: я не хотела показываться вам на глаза. Химиотерапия… слепота, глухота, паралич, а под конец — приступы судорог вроде эпилептических. И теперь еще на поддерживающих дозах не один год сидеть, но это же ничего, правда? Правда? Поддерживающие дозы… это же вовсе не страшно, да? По сравнению с тем, как могло обернуться… Так вот, ее муж остался без работы, потому что…

— Чей муж? — не понял Маквэйн.

— Я о телеспектакле, — пояснила Рыбус, крепко стиснув в ладони его ладонь. — Вам где отпуск наш хотелось бы провести? Мы, черт возьми, вполне заслуживаем награды — и вы, и я… оба.

— А ваше выздоровление? — напомнил Маквэйн. — Чем не награда для нас обоих?

Однако Рыбус, словно не слыша его, устремила взгляд на экран телевизора. Глаза она по-преж-

нему прятала за стеклами темных очков, и это почему-то напомнило Маквэйну песню, которую Фокс исполняла в день Рождества для всех населенных планет — самую нежную, завораживающую песню из лютневых сборников Джона Дауленда, адаптированную под себя:

Лежал убогий много лет подряд
С Купелью Овчей рядом, как дитя.
Но стал здоров, лишь обратил свой взгляд,
К Христу, в Нем утешенье обретя.

— … на той работе ему платили огромные деньги, — говорила тем временем Рыбус Ромми, — однако все до единого, сговорившись между собой, принялись его выживать. Эта конторская публика… ну, сами, думаю, знаете. Работала я когда-то в похожем месте, так там… — Замявшись, она оборвала фразу на полуслове. — Будьте добры, вскипятите воды. Мне бы кофе немножко.

— О'кей, — откликнулся Маквэйн и включил плиту.

Сумбурные мысли о смерти

Просыпаюсь с утра и тут же чувствую в квартире прохладу, совершенно октябрьскую прохладу, как будто времена года научились сверяться с календарем. Что мне такое снилось? Какие-то бесплодные раздумья о женщине, которую я любил… Странно: не из-за них же так тяжело на душе! В чем дело? Результаты ревизии в голове свидетельствуют: все замечательно. Все просто прекрасно. Наступающий месяц не сулит никаких неприятностей.

Почему же мне тогда так тревожно?

Ах да! Господи, как я мог позабыть! Сегодня ведь Леди Лизол[68] из квартиры должны выселять…

Леди Лизол не любит никто из соседей. Она не в своем уме. До сих пор ни один из нас не слышал от нее ни единого слова. Мало этого, она даже в лицо никому при встречах не смотрит. Бывает, спускаешься вниз по лестнице, а Леди Лизол,

---

[68] Примечания: 68

Лизол — весьма популярное в первой половине XX в. антисептическое дезинфицирующее средство, до 1960-х гг. широко рекламировавшееся как действенное, безвредное для здоровья средство женской интимной гигиены (но на самом деле безвредным для здоровья совсем не являвшееся).

случись ей в эту минуту подниматься наверх, молча отворачивается и идет назад, к лифту… ну, а ее лизолом насквозь пропах весь дом. Такое чувство, будто ее квартира населена какими-то потусторонними ужасами, вот она и пытается лизолом их вытравить!

«Черт побери, — думаю, готовя утренний кофе, — а может, новые хозяева здания уже и выселили ее, прямо с рассветом, пока я еще спал мирным сном и попусту грезил во сне о бросившей, отшившей меня возлюбленной?»

Ну да, конечно! Еще мне снилась злобная Леди Лизол, а тем временем, часов в пять утра, власти явились к ней на порог, и… Новые собственники — крупнейшая компаниязастройщик. С подобной публики станется прийти к выселяемой, как только на востоке забрезжит рассвет.

Хотя, скорее Леди Лизол прячется, затаилась в квартире, зная: октябрь уже наступил, сегодня как раз первое число месяца, а стало быть, к ней вот-вот вломятся и вышвырнут ее за порог, на улицу, со всеми пожитками. Интересно, она хоть по такому случаю соизволит заговорить? Так и представляю ее себе безмолвно вжавшейся спиной в стену… Хотя нет, не так-то все просто. Эл Ньюкум, торговый агент «Саут Ориндж

Инвестментс», давеча говорил, что Леди Лизол обратилась в Бюро Правовой Помощи[69]. Новость — сквернее некуда, так как сводит на нет все наши возможности хоть чем-либо ей помочь. Выходит, она, пускай и не в своем уме, но кое-что все же соображает. Вот если бы удалось доказать, что Леди Лизол не в состоянии осознать положение дел, за нее вступились бы адвокаты из команды Окружного Центра Психического Здоровья. Уж эти-то ребята живо растолковали бы «Саут Ориндж Инвестментс», что выселять на улицу ограниченно дееспособных и противозаконно, и не по-людски, а теперь… Какого дьявола ей хватило ума обратиться за государственной юридической помощью?

Так, времени уже девять утра. Можно спуститься вниз, в коммерческое представительство «Саут Ориндж Инвестментс», и спросить Эла Ньюкума, что там с Леди Лизол — управились уже ее выселить, или она по-прежнему у себя в квартире — заперлась, притихла, ждет? А выселяют ее вот почему: наш дом из пятидесяти шести квартир преобразован в кондоминиум. В товарищество совладельцев. Из-за этого практически все жильцы

[69] Примечания: 69

То есть в бесплатный центр юридической помощи, субсидируемый государством либо властями штата.

съехали: нас ведь — все по закону — уведомили о переменах четыре месяца тому назад. То есть каждому отвели целых сто двадцать дней: хочешь — выкупай квартиру в собственность, а надумаешь съезжать, «Саут Ориндж Инвестментс» оплатит расходы на переезд в размере двух сотен долларов. Таков закон. И еще каждому предоставлено право преимущественного приобретения арендуемой квартиры. Я лично свою выкупаю. Я остаюсь… и вот, за свои-то кровные пятьдесят две тысячи долларов вынужден присутствовать при выселении из квартиры Леди Лизол, полоумной старухи, не имеющей пятидесяти двух тысяч долларов в кошельке! Уж лучше бы съехал, ей-богу.

Спускаюсь вниз, сворачиваю к газетному автомату, покупаю свежий утренний номер лос-анджелесской «Таймс». Девица, открывшая пальбу по школьному двору, полному ребятишек, «потому что не любит понедельников», заявляет о согласии с предъявленным обвинением. Вскоре получит условный срок. Почему ей взбрело в голову взять револьвер и стрелять в толпу школьников? По сути, от нечего делать. Ну что ж, сегодня как раз ненавистный ей понедельник, и понедельник этот она встречает в суде… нет, как хотите, тут поневоле начнешь гадать: есть ли

предел безумию? Взять хоть меня самого. Прежде всего, я весьма сомневаюсь, что моя квартира стоит пятьдесят две тысячи долларов, но остаюсь здесь. Остаюсь, потому что боюсь переезда — боюсь новизны, перемен… и вдобавок изрядно ленив. Впрочем, нет, не в том дело. Главное, мне нравится этот дом. Друзья, живущие неподалеку, знакомые окрестные магазинчики — все это для меня что-то да значит. Как-никак живу здесь уже три с половиной года. Дом замечательный, капитальный, ворота во двор на замках — без ключа не войти. Еще у меня есть две кошки, и им очень нравится закрытый дворик-патио, где можно гулять, не опасаясь собак. Весьма возможно, меня соседи мысленно окрестили «Кошачьим Папой» или как-нибудь в том же духе… однако теперь-то все они съехали — только Леди Лизол да Кошачий Папа упорно не желают покидать насиженных мест.

Ну, а сильнее всего, признаться, настораживает следующая мысль: я ж точно, точно знаю, что отличаюсь от сумасшедшей старухи, Леди Лизол, только количеством денег на счету в сберегательном банке. Деньги… гербовая печать, официально удостоверяющая трезвость ума! Наверное, Леди Лизол тоже боится переезжать. Совсем как

я. Всего лишь хочет остаться там, где прожила не один год, спокойно жить прежней жизнью. По-прежнему задавать кучу работы машинам в прачечной, снова и снова стирая, суша одежду, наволочки и простыни. Там я с ней чаще всего и сталкиваюсь: спускаюсь в прачечную и вижу ее возле машин, присматривающую за бельем — вдруг да кто-нибудь стащит? Почему она никогда никому не смотрит в лицо? Отворачивается постоянно… чего ради? Ненавистью от нее веет явственно. Ненавистью ко всем прочим представителям рода людского. И вот представьте себе ее положение: те самые, кого она так ненавидит, готовятся к нападению! Вообразите, как ей, должно быть, страшно! Как страшно сидеть взаперти, дожидаясь стука в дверь, поглядывая на стрелки часов, понимая, что ждет ее в скором времени!

К северу от нас, в Лос-Анджелесе, преобразование многоквартирных домов вроде нашего в кондоминиумы настрого запрещено муниципальным советом. Квартиросъемщики-арендаторы одержали победу. Что и говорить, победа немалая, вот только Леди Лизол данное обстоятельство не поможет ничем. Здесь вам не Лос-Анджелес. Здесь — округ Ориндж. Здесь правит капитал. Самая беднота проживает малость во-

сточнее нас, в мексиканском квартале-баррио[70]. Порой, когда ворота во двор открывают, впуская въезжающие машины, жены тамошних чикано вбегают внутрь с корзинами грязного белья, чтобы постираться у нас в прачечной за неимением собственных. Ну и возмущало же это бывших наших соседей! У человека, располагающего деньгами, пусть небольшими, но позволяющими жить в современном, огражденном от нежеланных гостей, полностью электрифицированном доме, поводов для возмущения в жизни — хоть отбавляй.

Ладно. Надо бы выяснить, что с Леди Лизол. Выселили ее, или как? Смотреть на окна бессмысленно: шторы задернуты круглые сутки. Потому и приходится топать вниз, в коммерческое представительство, к Элу. Увы, Эла на месте нет, а дверь представительства заперта. Да, точно, как же я мог забыть! На выходных Эл улетел в Сакраменто за какими-то жутко важными документами, потерянными властями штата, и, видимо, до сих пор не вернулся. Будь Леди Лизол в своем уме, я просто-напросто постучался бы к ней да спросил, как дела… но в этом-то и заключается вся суть

---

[70] Примечания: 70
От испанского barrio (община, квартал, предместье, окраина).

трагедии: любой стук в дверь перепугает ее до полусмерти. Не в том она состоянии. С душевной болезнью лучше не шутить. Остается одно: постоять у фонтана, сооруженного застройщиками, полюбоваться ими же установленными садовыми вазами… что говорить, их стараниями дом приобрел великолепный вид. Раньше выглядел мрачно, словно тюрьма, а теперь — сад, да и только! Не пожалели застройщики средств на покраску с благоустройством, даже подъезд, считай, перестроили заново. Фонтан, цветники, застекленные двери… и Леди Лизол, затаившаяся у себя, ждущая рокового стука.

Может, записку ей к двери приколоть? Написать, скажем, так:

«Мадам, я сочувствую вашему положению и хотел бы помочь вам по мере возможности. На случай, если вам нужна моя помощь, живу я этажом выше, в квартире С-1».

Хм-м… а как подписаться? «Собрат по несчастью»? Такой же шизик, только с пятьюдесятью двумя тысячами долларов на счету, а потому — полноправный жилец, тогда как вы с минувшей полуночи официально считаетесь лицом, занимающим жилье незаконно… хотя еще день

тому назад ваша квартира принадлежала вам в той же степени, что и мне — моя?

Поднимаюсь к себе с новой идеей: что, если написать письмо той, кого я когда-то любил, а ночью видел во сне? В голове роем клубятся всевозможные фразы. Одно письмо, и канувшие в прошлое отношения воссозданы, возрождены — вот какова сила моего слова!

А, чтоб его… она же ушла навсегда. У меня даже ее нынешнего адреса нет. Конечно, можно бы, поднатужившись да постаравшись, отыскать ее через общих друзей и знакомых… и что сказать?

> *«Дорогая моя, я наконец-то образумился и осознал, в каком перед тобою долгу. Памятуя, сколь недолго мы пробыли вместе, ты сделала для меня куда больше всех, кого я только знал в жизни. Теперь-то мне вполне очевидно, какую ужасную ошибку я совершил. Не могли бы мы поужинать вместе?»*

Прокрученные в уме раз-другой, все эти преувеличения внезапно порождают новую мысль: а ведь как жутко, однако забавно было бы написать такое письмо, а затем, по ошибке либо нарочно, приколоть его к двери Леди Лизол! Господи Ии-

сусе, то-то она всполошится! Подобные шуточки либо погубят ее, либо полностью вылечат, это уж наверняка. Ну, а ушедшей возлюбленной, «ди ферне», так сказать, «гелибте», написать вот что:

> *«Мадам, вы совершенно спятили. Об этом известно каждому на многие мили вокруг. Ваши проблемы созданы вами самой. Встряхнитесь, соберитесь, возьмитесь за ум, раздобудьте деньжат, наймите приличного адвоката, купите револьвер, расстреляйте толпу на школьном дворе. На случай если могу чем-то помочь, живу этажом выше, в квартире С-1».*

Может, страдания Леди Лизол вправду забавны, а я попросту так угнетен наступлением осени, что не осознаю этого? Может, по почте сегодня придет что-нибудь приятное — в конце концов, почтовая служба вчера не работала, а значит, мне вот-вот принесут почту сразу за два дня? Может, тогда настроение и поднимется? А впрочем, если уж начистоту, меня просто терзает жалость к себе самому: нынче ведь понедельник, а понедельники я, подобно девчонке, признающей сегодня справедливость обвинений, предъявленных ей

судом, на дух не выношу.

Бренда Спенсер, признающая за собой вину в том, что застрелила насмерть двух человек и еще девять ранила… Невысокая, хрупкая и очень, очень красивая рыжеволосая девчонка семнадцати лет, носит очки, а с виду — сущий ребенок, наподобие тех, кого расстреливала на школьном дворе. Стоит подумать об этом, на ум приходит еще одна мысль, причем мысль, которой следовало бы прийти мне в голову давным-давно: а может, у Леди Лизол в квартире тоже есть револьвер? Может, в «Саут Ориндж Инвестментс» об этом подумали? Может, поэтому-то их представительство сегодня и заперто, а Эл Ньюкум вовсе не в Сакраменто, а прячется, дома отсиживается? Хотя отсидеться он, конечно, запросто мог бы и в Сакраменто, убив разом двух зайцев…

Один мой давний знакомый, превосходный психотерапевт, отметил, что так называемому «криминальному инциденту на фоне психологического расстройства сознания» почти всегда, за редкими исключениями, имеется куда более простая альтернатива, только психотик упускает ее из виду. Не замечает. К примеру, Бренда Спенсер вместо стрельбы, закончившейся крайне печально для одиннадцати человек, большей

частью — детей, вполне могла бы отправиться в ближайший супермаркет и купить себе коробку шоколадного молока. Однако психотик неизменно выбирает сложнейший путь, гонит себя в гору с самой крутой стороны, сколько бы ни полагал, будто идет путем наименьшего сопротивления. Именно в этом и заключается его ошибка. Если коротко, в двух словах, основа любого психоза — хроническая неспособность увидеть простейший выход из положения. Данным пороком восприятия обусловлено все поведение, все поступки, весь образ жизни психотика.

Вот и Леди Лизол… Изолировавшись от всех и вся, затаившись в тиши вылизанной до стерильной чистоты квартиры в ожидании неумолимого стука в дверь, Леди Лизол ухитрилась загнать себя в сложнейшее из мыслимых положений. Легкое обернулось трудным, трудное — неодолимым, и тут-то образу жизни психотика наступает конец: неодолимое обступает со всех сторон, перекрывая любые пути, даже самые тернистые. Психоз неизбежно приводит в тупик — этим и исчерпывается его определение. Психотик в ступоре… о-о, подобное, раз увидев, не забудешь до конца дней. Человек замирает — внезапно, вмиг, будто словивший клин мотор. Только что

пребывал в движении, поршни так и мелькали, вверх-вниз, вверх-вниз, и вдруг… все. Полная неподвижность. В чем дело? А в том, что дальше для этого человека дороги нет. Путь, на который он, весьма вероятно, свернул многие годы тому назад, завершен, и с этим, с кинетической смертью личности, ничего уже не поделаешь. Как писал Блаженный Августин, «отходим мы от Тебя и приходим к Тебе не в пространстве»…[71] Вот и пространство психотика сокращается до крохотного пятачка, а уж там ему, хочешь не хочешь, приходится остановиться.

Для Леди Лизол таким «пятачком», тупиком, стала ее квартира, да вот беда: квартира-то ей больше не принадлежит! Казалось бы, подыскала она себе на старости лет место психологической смерти, но «Саут Ориндж Инвестментс» — хвать! — наложило на него лапу. По сути, вышвырнув умершую из могилы.

Теперь мне, хоть плачь, не выкинуть из головы вот какого соображения: моя судьба накрепко связана с судьбой Леди Лизол. Разделяет нас только бухгалтерская запись в компьютере Взаимно-сберегательного банка. Миф. Фикция, хоть что-либо

---

[71] Примечания: 71
Перевод М. Е. Сергеенко.

значащая лишь до тех пор, пока люди, наподобие этих, из «Саут Ориндж Инвестментс», — особенно эти, из «Саут Ориндж Инвестментс», — признают ее чем-либо значимым. На мой взгляд, это просто общественная условность, не более. Вроде обязательной парности носков. Или, иначе сказать, ценности золота. Ведь стоимость золота — тоже продукт общественного согласия, как в детских играх: «Чур, вон то дерево — третья база»! Представьте, что мой телевизор работает, поскольку мы с друзьями считаем его работающим: таким образом можно сидеть перед темным экраном круглыми сутками. Выходит, Леди Лизол виновата лишь в том, что не примкнула к общему соглашению, не разделяет консолидированного мнения остальных. Не соблюдает неписаного договора, лежащего в основе всей нашей жизни. Пустяк? Возможно, но стоит подумать, с какой неизбежностью отказ от признания явно детских, иррациональных условностей ведет к кинетической смерти, к полному ступору… просто мурашки по коже!

Продолжив рассуждения в том же ключе, можно сказать, что Леди Лизол с рождения недостает детского начала. Чересчур взрослая, она не смогла, а может, не захотела играть вместе со всеми.

Стихией, овладевшей всей ее жизнью, стали серьезность, сумрак. Такое чувство, будто ей не по силам даже улыбка: в глазах ее неизменно тлеет огонек рассеянной, беспредметной злобы.

Впрочем, это, возможно, тоже своего рода игра — суровая, мрачная, однако ж игра. Игра в войну со всем белым светом, а в таком случае Леди Лизол добилась, чего хотела, пусть даже проигрывает. По крайней мере, если так, ситуация ей понятна: ненавистный мир в лице «Саут Ориндж Инвестментс» вторгся в ее жизнь. Возможно, она даже довольна, рада превращению из полноправной съемщицы в лицо, занимающее жилье незаконно. Возможно, любой из нас втайне стремится ко всему, что с нами ни происходит. Но если так, неужели психотик по собственной воле стремится к кинетической смерти, сам выбирает дорогу в тупик, сам затевает игру, заранее зная, что обречен на проигрыш?

В тот день Эла Ньюкума я не дождался, однако на следующий день он вернулся из Сакраменто и открыл представительство.

— Скажите, жилица из бэ-пятнадцатой еще здесь, или вы ее выселили? — спросил я, заглянув к нему.

— Миссис Арчер? — уточнил Ньюкум, отки-

нувшись на спинку кресла и вытянув вперед скрещенные ноги. Стрелки на его брючинах, как обычно, просто-таки пугали бритвенной остротой. — Так ведь она съехала еще вчера утром. Жилищное управление Санта-Аны подыскало ей квартиру где-то в районе озера Бристоль. Она обратилась к ним еще пару недель назад.

— И квартира ей по карману? — удивился я.

— Все за их счет. И аренда, и все остальное. Уж не знаю, как ей удалось… словом, признали ее «налогоплательщицей в особо затруднительных обстоятельствах».

— Бог ты мой, — вздохнул я, — кто бы за меня взялся аренду платить!

— Так ведь вы за аренду больше не платите, — напомнил Ньюкум. — Вы-то квартиру в собственность приобрели.

Надеюсь, полет не затянется

Выполнив взлет, корабль, согласно программе, принялся наблюдать за состоянием шестидесяти пассажиров, спавших глубоким сном в крионических капсулах. Один, под номером девять, выдавал сбой: электроэнцефалограмма свидетельствовала об активности мозга.

«А, чтоб тебе», — подумал корабль и, подключив хитроумное гомеостатическое оборудование к входному контуру капсулы, вышел на связь с номером девять.

— Вы на грани бодрствования, — воспользовавшись психотронным каналом, сообщил он. Приводить номер девять в полностью сознательное состояние определенно не стоило: в конце концов, перелет продолжится десять лет.

«Кажется, это мне», — подумал практически бесчувственный, но, к несчастью, вполне способный мыслить номер девятый.

— Где я нахожусь? — откликнулся он. — Темно… не разглядеть ничего.

— На данный момент вы находитесь в неисправной крионической капсуле.

— Тогда почему я тебя слышу? — усомнился номер девятый.

— Я же говорю: капсула неисправна. Неисправна, оттого вы меня и слышите. Вспомните, как вас зовут.

— Виктор Кеммингс. Вытащи меня из этой штуки.

— Мы в полете.

— Тогда в криосон погрузи.

— Минуту.

Умолкнув, корабль принялся осматривать, изучать, прозванивать электронику криокапсулы.

— Попробую, — пообещал он.

Шло время, однако Виктор Кеммингс, ничего не видя, не чувствуя собственного тела, оставался в сознании. Ожидание затянулось.

— Понизь же температуру! — велел он.

Голоса тоже не слышно… может, ему просто пригрезилось, будто он говорит?

Перед глазами замелькали, лавиной хлынули навстречу разноцветные пятна. На сердце потеплело: все эти кляксы очень напоминали детский набор красок — полуживых, движущихся красок, примитивной искусственной формы жизни. Точно такими Кеммингс еще мальчишкой, двести лет тому назад, рисовал в школе…

— Нет, погрузить вас в криосон не удастся, — раздался под черепом голос корабля. — Неисправность слишком сложна: своими силами мне ее не устранить. Положение не исправить. Вам предстоит провести десять лет полета в сознании.

Полуживые краски по-прежнему мчались навстречу, однако охвативший Кеммингса страх придал им жутковатый, зловещий оттенок.

— О Господи, — пробормотал Кеммингс. — Десять лет… десять лет!

Краски сделались еще темнее.

Лежа без движения, парализованный, окруженный гнетущим, хмурым мерцанием цветных пятен, Виктор Кеммингс с надеждой вслушивался в объяснения корабля, излагавшего планы дальнейших действий. Разумеется, планы эти корабль придумал не сам и даже не сам принял решение к ним прибегнуть: просто заложенная в него программа предусматривала возникновение неполадок подобного рода.

— Поступим так, — звучало в голове Кеммингса. — Подвергнем вас принудительной сенсорной стимуляции. Лишение внешних раздражителей в вашем случае крайне опасно. Десять лет в сознании, не испытывая никаких ощущений… со временем ваш разум деградирует

настолько, что по прибытии в систему LR4 вы станете овощем. Понимаете, овощем!

— И чем же ты, позволь узнать, собрался меня пичкать? — забеспокоился Кеммингс. — Что у тебя припасено в хранилищах данных? Видеопленки со всеми мыльными операми за последнюю сотню лет? Уж лучше разбуди меня! Хоть по палубам погуляю.

— Во мне нет воздуха, — возразил корабль. — Нет запасов провизии. Не с кем даже поговорить, поскольку все прочие в криосне.

— А ты? — напомнил Кеммингс. — С тобой и поговорить можно, и в шахматы поиграть.

— Не десять же лет кряду! Вы вообще меня слушаете? Я же сказал: на борту нет ни воздуха, ни пищи. Вам придется остаться в капсуле… компромисс не из лучших, однако другого выхода нет. Разговаривать со мной вы можете и сейчас, но подходящей для вас информации в моих хранилищах минимум. В подобных ситуациях рекомендована сенсорная стимуляция пассажира при помощи его собственных воспоминаний. С акцентом на самых приятных. За двести шесть прожитых лет воспоминаний у вас накопилось немало, однако бóльшая их часть погребена в глубине подсознания. Лучшего материала для

генерации внешних раздражителей не придумаешь, так что не падайте духом. Ситуация, в которой вам довелось оказаться, вовсе не уникальна. Да, мне самому сталкиваться с подобным прежде не доводилось, но алгоритм решения в меня заложен. Сохраняйте спокойствие. Доверьтесь мне. Я обеспечу вас целым миром.

— О таких штучках надо бы предупреждать, прежде чем человек согласится на эмиграцию, — проворчал Кеммингс.

— Спокойствие. Ни о чем не тревожьтесь, — заверил его корабль.

«Легко сказать — не тревожьтесь», — подумал насмерть перепуганный Кеммингс. Вообще-то ему полагалось успешно погрузиться в глубочайший криосон и тут же, секунду спустя, пробудиться, прибыв на выбранную звезду… точнее, планету, колониальную планету выбранной звездной системы, но вот поди ж ты! Все остальные пассажиры лежат себе в криокапсулах без чувств, и только он — исключение, будто его невесть по каким причинам преследует дурная карма. Что самое худшее, теперь он целиком зависит от доброй воли корабля… а что, если кораблю вздумается напустить на него орды чудовищ? Держать его в страхе все десять лет перелета — и

это если считать по календарю, а уж с субъективной-то точки зрения они вовсе покажутся целой вечностью! По сути, сейчас корабль над ним в полной власти. А если межзвездным кораблям по нраву власть над людьми? Сам Кеммингс, будучи микробиологом, в звездолетах и их повадках не понимал ничего, но…

«Ладно, подумаем, — рассудил он про себя. — Что бы такое вспомнить? Может, первую жену, Мартину, невысокую, хрупкую красавицу француженку, всей прочей одежде предпочитавшую джинсы с красной рубашкой, расстегнутой снизу на две-три пуговицы, готовившую такие вкусные блинчики?»

— Вас понял, — отозвался корабль. — Что ж, быть по сему.

Метель из цветных пятен унялась, умерила буйство, обрела форму — множество форм. Здание… пожелтевшие дощатые стены… тот самый старенький домик, купленный им, девятнадцатилетним, в Вайоминге!

— Постой, — охваченный паникой, заговорил Кеммингс, — там же с фундаментом беда: плывун под лежнями, и еще крыша течет.

Однако стоило ему увидеть знакомую кухню и стол, сколоченный собственными руками, на

сердце тут же стало спокойно, тепло.

— Еще немного, и вы забудете, что все это только стимулируемые мною воспоминания, — заверил его корабль.

— Да ведь я не вспоминал об этом домике добрую сотню лет, — в изумлении пролепетал Кеммингс, точно завороженный уставившись на старенькую электрическую капельную кофеварку и коробку бумажных фильтров, стоящую с ней рядом.

«Точно, — подумал он. — Здесь мы с Мартиной и жили. Где же она?»

— Мартина!

— Я по вэ-эф разговариваю, — откликнулась Мартина из гостиной.

— Все, — сообщил корабль. — Далее буду вмешиваться только в экстренных случаях. Можете не волноваться: ваше состояние у меня на постоянном контроле.

— Будь добр, выключи правую дальнюю конфорку плиты, — крикнула Мартина.

Голос жены Кеммингс слышал прекрасно, однако разглядеть ее не мог. Покинув кухню, он миновал столовую и заглянул в гостиную. Действительно, Мартина — босиком, в шортах — сидя перед видеофоном, оживленно беседовала

с братом. За окнами гостиной виднелись улица и продуктовый фургон, безуспешно пытавшийся втиснуться в ряд машин, припаркованных у обочины.

«Ну и теплынь, — подумалось Кеммингсу. — Надо бы кондиционер включить».

Усевшись на старенькую софу невдалеке от разговаривавшей по видеофону Мартины, он оглядел комнату и замер. Напротив, на стенке над головой жены, красовалась самая ценная, самая дорогая из принадлежавших ему вещей, заключенный в рамку плакат Гилберта Шелтона[72] «Толстый Фредди предупреждает...», тот самый, где фрик[73] по прозвищу Толстый Фредди сидит в кресле, держит на коленях кота и, назидательно подняв указательный палец вверх, пытается изречь «Колеса — гибель», однако сам так знатно накидался колесами — в другой руке у него целая горсть «спидов», любых таблеток,

---

[72] Примечания: 72

Гилберт Шелтон — американский художник-карикатурист второй половины XX в., один из виднейших участников движения «подпольных комиксов», автор популярной серии комиксов о похождениях троицы «Феерических Хайрастых Братцев-Фриков» («The Fabulous Furry Freak Brothers»).

[73] Примечания: 73

Фрики — в данном случае, субкультура, родственная хиппи, возникшая в 1960-х. Одним из ярчайших ее представителей был американский музыкант и композитор Фрэнк Заппа.

пилюль, облаток и капсул с суррогатами амфетамина, какие только существуют на свете, — что лыка уже не вяжет, а его кот скрипит зубами, морщится, жмурится от стыда за хозяина. Этот плакат с автографом самого Гилберта Шелтона подарил Кеммингсу в день свадьбы с Мартиной лучший друг, Рэй Торренс, и стоил он, подписанный художником в далеких 1980-х, задолго до рождения Виктора и Мартины, многие тысячи.

«Если вдруг окажемся на мели, можно плакат продать, хоть и жалко. Небось второго такого на свете уже не найти», — подумалось Кеммингсу.

Мартину плакат тоже привел в восхищение: еще бы, «Феерические Хайрастые Братцы-Фрики» прямиком из золотого века, из давнего-давнего прошлого! Неудивительно, что он так любит Мартину: ведь она в той же мере любит и его, и красоту мира во всех ее проявлениях, дорожит ею не меньше, чем Виктором, а что может быть лучше любви подобного рода — любви заботливой, не изнуряющей, напротив, придающей сил? Это ведь ей, не Кеммингсу, пришло на ум вставить плакат в рамку: он-то, кретин, просто приколол бы кнопками к стенке и на том успокоился!

— Привет, — заговорила Мартина, повесив трубку и повернувшись к нему. — О чем заду-

мался?

— Всего-навсего о том, что ты бережешь от гибели все, что любишь, — признался он.

— По-моему, человеку так и положено, — пожав плечами, откликнулась Мартина. — Ты ужинать-то готов? Открой бутылку вина — красного, какого-нибудь каберне.

— Седьмой год сойдет? — уточнил Кеммингс, поднимаясь на ноги, охваченный внезапным желанием обнять, как можно крепче прижать жену к себе.

— Можно седьмой, можно двенадцатый, — рассудила Мартина и рысцой поспешила в кухню.

Спустившись в погреб, Кеммингс принялся осматривать ряды бутылок, разумеется, по всем правилам уложенных набок. Затхлость, сырость… лично ему запахи погреба нравились, но вдруг он заметил, что сосновые доски под ногами густо присыпаны землей.

«А, черт… знал же, что нужно бетон под лежни залить», — подумал он и, позабыв о вине, направился в дальний угол.

Там слой земли оказался еще толще. Нагнувшись, Кеммингс ткнул в одну из досок… садовым совком.

«Стоп, — удивился он, — откуда взялся этот

совок? Еще минуту назад у меня никакого совка в руках не было!»

Тем временем доска от тычка совком рассыпалась в труху.

«Похоже, дом рушится на глазах, — в страхе подумал Кеммингс. — Господи Иисусе… надо Мартину предупредить!»

Окончательно забыв о вине, он бросился наверх, огляделся в поисках Мартины, собираясь сообщить, что фундамент их дома угрожающе прогнил, однако Мартины ни в кухне, ни в комнатах не оказалось. Мало этого, ужин, готовившийся на плите, тоже исчез без следа — ни сковород, ни кастрюль…

Изрядно опешив, Кеммингс потрогал конфорки и обнаружил, что плита холодна.

Как же так? Ведь Мартина только что хлопотала на кухне!

— Мартина! — крикнул он во весь голос.

Увы, ответа не последовало. Как будто в доме, кроме него, нет ни души.

«Дом пуст, — подумалось Кеммингсу. — Пуст и вот-вот рассыплется. О, Боже правый…»

Усевшись за кухонный стол, он почувствовал, что под его тяжестью сиденье стула просело, подалось вниз. Слегка, самую малость, однако

вполне ощутимо.

Тревога сменилась страхом. Где же Мартина? Куда подевалась?

С этими мыслями Кеммингс вернулся в гостиную.

«Может, просто отлучилась к соседям, приправ одолжить, или масла, или еще чего», — рассуждал он, однако страх креп, набирал силу.

Взглянув на плакат, Кеммингс обомлел. Ни рамки, ни стекла… и края обтрепались!

«Но я же прекрасно помню, как Мартина вставляла его в рамку», — подумал Кеммингс.

Со всех ног бросившись к плакату, он уставился на подарок Рэя во все глаза.

Подпись… подпись автора выцвела так, что почти не разглядеть! Мартина сразу же по получении подарка настояла и на рамке, и на музейном безбликовом стекле, но вот он, плакат — без стекла, без рамки и даже надорван в нескольких местах! Самое ценное, самое дорогое, что у них есть!..

Из глаз сами собой, поразив его едва ли не сильней всего прочего, заструились слезы.

«Мартина исчезла; плакат безнадежно загублен; дом рассыпается в труху; все, что готовилось на плите, как корова языком слизнула… вокруг

творится нечто невообразимо ужасное, а я никак не пойму, в чем дело!»

Однако корабль прекрасно понимал все. Внимательно следивший за показателями электроэнцефалограммы Виктора Кеммингса, он сразу же обнаружил нечто неладное. Кривые активности мозга свидетельствовали о волнении, страданиях, муках.

«Так, контур стимуляции пора отключать, иначе и до летального исхода недалеко, — решил корабль. — В чем же изъян? Очевидно, в тревогах, в подспудных страхах, извлеченных со дна его подсознания. Быть может, сигнал слабоват? Попробую, используя тот же источник, усилить заряд. Картина-то, в общем и целом, ясна: наружу вылезли серьезные сублиминальные фобии, однако моей вины тут нет, все дело в его психологическом складе. Попробуем-ка более ранний период жизни. Предшествующий развитию и укоренению невротической тревожности, боязни наказания за собственные инстинктивные импульсы».

Прервав игру на заднем дворе, Виктор пристально наблюдал за угодившей в паучьи тенета пчелой и пауком, аккуратно, заботливо опутывавшим паутиной еще живую добычу.

«Нет, так не годится, — подумал Виктор. — А ну-ка, выручу я пчелу!»

Осторожно вынув обмотанную паучьей нитью пчелу из паутины, он внимательно оглядел ее и начал бережно освобождать от клейкого шелковистого кокона.

Вдруг палец будто огнем обожгло.

«Ужалила! — удивился Виктор. — За что? Я же на волю ее хотел отпустить!»

Вернувшись в дом, он рассказал о происшествии матери, однако мать, смотревшая телевизор, лишь отмахнулась от его жалоб. Ужаленный пчелой палец здорово ныл, но, главное, Виктор никак не мог понять, с чего пчеле вздумалось жалить пришедшего на помощь.

«Больше так делать не буду», — решил он.

— Бактином укус намажь, — проворчала мать, с неохотой оторвавшись от телевизора.

Виктор, не удержавшись, расплакался. Нечестно все это… несправедливо! Обиженный, сбитый с толку, в эту минуту он ненавидел всю мелкую живность на свете. Глупые твари! Ни капли разумения! Ну, если они так, нечего их и жалеть!

Уйдя обратно на двор, он покачался на качелях, покатался с горки, покопался в песочнице, а после пошел в гараж, привлеченный странным шумом,

частым хлопаньем вроде стрекота работающего вентилятора, доносившимся изнутри.

В полутьме гаража хлопала крыльями, билась в затянутое частой сеткой оконце посреди задней стены, стараясь вырваться наружу, какая-то мелкая птичка. Внизу ее караулила, прыгала вверх, безуспешно пытаясь изловить птаху, кошка Кемингсов, Дорки.

Шагнув к кошке, Виктор подхватил ее на руки и поднял к оконцу. Дорки немедленно вскинула передние лапы, вытянула шею, хищно разинула пасть, схватила добычу, вывернулась из его рук и ускользнула наружу с отчаянно бьющейся птицей в зубах, а Виктор помчался в дом.

— Дорки птицу поймала! — сообщил он матери.

— Ах, провалиться ей, этой кошке!

Вооружившись метлой из кухонного чулана, мать Виктора побежала на задний двор, искать Дорки. Однако кошка, не будь дурой, забилась в самую гущу кустов ежевики, куда и метлой не достать.

— Ох, вышвырну я ее из дому, — пригрозила мать.

Тут Виктору и сознаться бы, что это он помог Дорки изловить птицу, однако он лишь молча

смотрел, как мать, упорно шуруя метлой в кустах, старается выгнать кошку из укрытия. Тем временем Дорки жадно уплетала добычу: казалось, хруст крохотных, тоненьких косточек слышен даже на улице. Ну и странные же чувства овладели Виктором в этот момент! С одной стороны, ему следовало рассказать о содеянном, с другой же, в таком случае мать наверняка его строго накажет.

«Я больше так не буду», — решил он, почувствовав, как щеки обдало жаром.

А что, если мать обо всем догадается? Что, если у нее есть какой-то секретный способ узнавать о его провинностях? Да нет, вряд ли. Дорки ей рассказать не сможет, птица погибла, и о его грехе никто ничего не узнает. Бояться нечего.

Однако тягостное настроение не отпускало. Тем вечером Виктору даже ужин в горло не полез, и родители это заметили. Решили, что он заболел, померили температуру. Рот он по-прежнему держал на замке, но мать рассказала о пойманной Дорки птице отцу, и оба решили избавиться от кошки. Услышав об этом, сидевший рядом, за столом, Виктор снова расплакался.

— Ладно, — мягко сказал отец, — не станем мы ее прогонять. В конце концов, ловить птиц для

кошки — дело вполне естественное.

На следующий день Виктор отправился рыться в песочнице и обломал, оборвал какие-то стебельки, пробившиеся из-под песка на свет, а после услышал от матери, что так делать нехорошо.

Снова оставшись один на заднем дворе, он притащил к песочнице ведерко воды и принялся возводить небольшой холмик из мокрого песка. Постепенно ясное, голубое небо потемнело, нахмурилось. Накрытый тенью, Виктор поднял взгляд. Казалось, его окружает со всех сторон что-то огромное, непонятное, мыслящее, и мысли этой громады Виктор каким-то образом понимал, чувствовал не хуже собственных.

«Это ты, ты виноват в гибели птицы», — отдалось… нет, не в ушах — в голове.

— Знаю, — ответил Виктор, охваченный жгучим желанием умереть. Умереть взамен птицы, а птица пускай останется жить, пускай себе хлопает крыльями о затянутое сеткой оконце в задней стене гаража.

«А ведь птице хотелось летать, клевать червячков, жить», — продолжало незримое, громадное нечто.

— Хотелось, — жалобно согласился Виктор.

«Никогда. Никогда больше так не делай», — раз-

далось в голове.

— Простите, — пролепетал Виктор, хлюпая носом.

«Ну и неврозов же у него, — подумал корабль. — Не человек — комок нервов. Задача усложняется… как же найти радостные воспоминания среди всех его страхов пополам с угрызениями совести? Разумеется, он похоронил их на самом дне подсознания, однако страхи по-прежнему живы-живехоньки, гложут, треплют его изнутри, будто пес — половик. В каком же углу памяти искать для него утешение? Воспоминаний должно хватить на десять лет, иначе его разуму конец».

Корабль погрузился в раздумья.

«А может, я совершаю ошибку, взяв выбор периода на себя? Пускай выбирает воспоминания сам: возможно, так оно будет вернее. Конечно, тогда в дело вмешается элемент фантазии, а это, как правило, скорее помеха, чем помощь, но все же… Э-э, ладно. Попробуем снова тот сегмент, касающийся его первого брака. Мартину он любил сильно. Возможно, на сей раз, если поднять интенсивность воспоминаний уровнем выше, фактор энтропии удастся устранить. Что произошло во время первой попытки? Тончайшее искажение сохраненного памятью мира завершилось распадом

всей его структуры. Следовательно, искажения необходимо уравновесить увеличением интенсивности. Да. Так и поступим».

— Как по-твоему, подпись вправду поставлена Гилбертом Шелтоном собственноручно? — задумчиво проговорила Мартина.

Стоя со скрещенными на груди руками посреди гостиной, перед красочным, ярким плакатом, она слегка покачивалась взад-вперед, будто бы в поисках наилучшего угла зрения.

— Ведь автограф могли и подделать, — продолжала она. — К примеру, кто-нибудь из посредников… хоть при жизни Шелтона, хоть после.

— А сертификат подлинности на что? — напомнил ей Виктор Кеммингс.

— О да, действительно! — с лучезарной улыбкой воскликнула жена. — Сертификат, врученный нам Рэем вместе с плакатом. Но что, если сертификат тоже липовый? Нужен еще один, удостоверяющий подлинность первого!

Рассмеявшись, она отошла от плаката.

— Если уж на то пошло, — хмыкнул Кеммингс, — нам нужно держать здесь, под боком, самого Гилберта Шелтона: пусть лично удостоверяет, что подпись поставлена им.

— А если он сам не помнит, расписывался ли

на этом плакате? Знаешь историю про человека, принесшего Пикассо картину Пикассо и спросившего, настоящая ли она? Пикассо немедленно расписался на ней и ответил: «Теперь настоящая».

Обняв Кеммингса, Мартина привстала на цыпочки и чмокнула мужа в щеку.

— Конечно, автограф настоящий, — успокоила она Виктора. — Ведь Рэй бы не стал нам к свадьбе подделку дарить. Он как-никак искусствовед, один из крупнейших специалистов по контркультуре двадцатого века. Кстати, ты в курсе, что у него есть настоящий пакетик шмали? Сохранился под…

— Рэй мертв, — оборвал ее Виктор.

Мартина в изумлении округлила глаза.

— Что?! Что с ним стряслось? Мы ведь виделись с ним…

— Рэй два года как мертв, — продолжал Кеммингс, — а все из-за меня: это же я, выпив, сел за руль прокатной машины и… да, выкрутился, в полицейские протоколы не попал, однако вина-то за мной!

— Рэй жив и живет на Марсе! — выпалила Мартина, не сводя с него глаз.

— Да, я-то знаю… знаю, что виноват. Только

тебе не рассказывал. Никому не рассказывал, ни единой живой душе. И сам все это время казнюсь. Не нарочно ведь вышло… увидел, как она бьется о сетку в окне, а Дорки никак до нее не допрыгнуть, поднял Дорки, а та невесть с чего — цап…

— Так, Виктор, присядь, — велела Мартина, подхватив его под руку и едва ли не силой усадив в глубокое мягкое кресло. — С тобой что-то неладно.

— Еще бы, — подтвердил Кеммингс. — Жутко, жутко неладно. Я ж виноват… чужую жизнь, драгоценную жизнь загубил, и сделанного не воротишь, как теперь ни жалей. Хотелось бы все исправить, да невозможно!

— Позвони Рэю, — помолчав, посоветовала Мартина.

— Но кошка же…

— Какая кошка?

— Вон та, — пояснил Кеммингс, ткнув пальцем в сторону дальней стены. — С плаката. На коленях у Толстого Фредди. Это и есть Дорки. Дорки, загрызшая Рэя.

В гостиной воцарилась мертвая тишина.

— Мне голос все объяснил, — нарушил молчание Кеммингс. — Сам Господь Бог. Я этого тогда не понял, однако Господь увидел совершённое

мной преступление. Убийство. И теперь никогда, ни за что меня не простит.

Жена взирала на него, словно в оцепенении.

— Господь — он видит все, что ни сделай, — продолжал Кеммингс. — Видит даже упавшего воробья… только в моем случае воробей не упал. Схватили его. Сцапали в воздухе и разорвали. Теперь Господь карает меня за содеянное, рвет на части наш дом — по сути, рвет мое тело. Надо было перед покупкой с кем-нибудь из строительных подрядчиков проконсультироваться, полный осмотр дома выполнить… Проклятье, он же разваливается на глазах! Максимум год, и от него не останется даже следа. Не веришь?

— Я… я, — сбивчиво залепетала Мартина.

— Гляди.

Вскинув руки, Кеммингс потянулся к потолку, поднялся, выпрямился, однако до потолка достать не смог. Тогда он шагнул к стене, секунду-другую помедлил и без труда, без усилий проткнул стену кулаком.

Мартина пронзительно завизжала.

Корабль в тот же миг прервал стимуляцию памяти, но… Увы, исправить нанесенный ущерб это уже не могло.

«Похоже, он намертво сплел все свои детские

страхи, все угрызения совести воедино. В единую сеть, — рассудил корабль. — Преподнести ему на блюдце радостные воспоминания мне не под силу: он тут же все портит, сколь бы приятными ни были изначальные впечатления сами по себе. М-да, положеньице… серьезнее не придумаешь. Симптомы психоза уже налицо, а полет только-только начался; лететь еще годы и годы».

Неторопливо, всесторонне обдумав сложившуюся ситуацию, корабль решил связаться с Виктором Кеммингсом еще разок.

— Мистер Кеммингс, — заговорил он.

— Прошу прощения, — откликнулся Кеммингс. — Я вовсе не хотел запороть твои сенсорные стимуляции. Ты все сделал как надо, но я…

— Минутку, минутку, — прервал его корабль, — для психологических реконструкций я совершенно не приспособлен. Я — всего лишь простая машина, не более. Скажите, чего вам действительно хочется? Где именно хотелось бы оказаться? Чем заняться хотелось бы?

— Долететь до конечного пункта, — ответил Кеммингс. — Завершить перелет… и как можно скорее.

«А-а, вот оно что! — осенило корабль. — А ведь это, пожалуй, выход!»

Криокапсулы одна за другой завершили рабочий цикл. Пассажиры — и среди них Виктор Кеммингс — один за другим ожили, пробудились от десятилетнего сна. Сильнее всего Виктора поразило полное отсутствие ощущения долгого перелета. Вот он поднялся на борт, улегся, почувствовал, как его накрывает мембраной, как падает температура…

…И вот, уже стоит на наружной, разгрузочной платформе корабля, во все глаза разглядывает пышную зелень новой планеты.

«Ну, здравствуй, LR4-6, — подумалось ему. — Здравствуй, колониальный мир… я прибыл. Прилетел, чтобы начать здесь новую жизнь».

— Вид обнадеживающий, — заметила грузно сложенная женщина, остановившаяся рядом.

— Это верно, — согласился Кеммингс.

Казалось, новизна окружения нахлынула со всех сторон, возвещая начало совсем другой жизни, куда лучше той, которую он вел вот уж две сотни лет.

«Новый человек на новой земле… это ли не счастье?» — подумал он, едва не задохнувшись от радости.

В воздухе заплясали, устремились к нему цветные пятна вроде полуживых детских красок.

«Огни Святого Эльма, — догадался Кеммингс. — Ну да, действительно: высокий уровень ионизации атмосферы… можно сказать, бесплатные фейерверки, как в прошлом, в двадцатом столетии!»

— Мистер Кеммингс, — окликнул его один из попутчиков, старик, подошедший сзади. — Мистер Кеммингс, вам ничего не снилось?

— Во время криогенического сна? — уточнил Кеммингс. — Нет. Если и снилось, то не запомнилось.

— А вот мне, кажется, привиделось кое-что, — сообщил старик. — Помогите, пожалуйста, спуститься с трапа. Покачивает меня слегка… будто воздух разрежен. Вам самому не трудно дышать?

— Смелее, — ободрил его Кеммингс, с уверенной, жизнерадостной улыбкой подхватив встревоженного старика под локоть. — Идемте, я вам помогу. Глядите, а вон и гид нас встречает. Сейчас все объяснит, покажет и организует: это ведь входит в комплекс услуг. Отвезут нас в отель, на отдых с акклиматизацией, устроят по высшему разряду… да вы почитайте буклет!

— Странно, что мускулы, за десять-то лет бездействия, в студень не превратились, — заметил

старик.

— Это же в точности как с заморозкой зеленого горошка, — пояснил Кеммингс. — Если заморозить в достаточной мере, храни хоть целую вечность!

Поддерживая не слишком уверенно держащегося на ногах старика, он миновал трап.

— Моя фамилия — Шелтон, — представился спутник.

— Что?

Охваченный странной, неясной тревогой, Кеммингс замер на месте как вкопанный.

— Дон Шелтон, — уточнил старик, протягивая Кеммингсу руку.

Кеммингс машинально обменялся с ним рукопожатием.

— Что с вами, мистер Кеммингс? Вам нездоровится?

— Нет-нет, все в порядке, — ответил Кеммингс. — Все замечательно, просто я… голоден очень. Съесть бы чего-нибудь да поскорее в отель. Принять душ, переодеться…

«Кстати, а где же багаж? — спохватился он. — Пожалуй, корабль провозится с выгрузкой не меньше часа: не слишком-то он, надо заметить, умен».

— А знаете, что я прихватил с собой? Бутылочку бурбона «Уайльд Теки», — заговорщически, задушевно сообщил мистер Шелтон, легонько пихнув Кеммингса локтем в бок. — Лучшего бурбона на всем земном шаре. Вот доберемся до отеля — загляну к вам в гости, вместе и разопьем.

— Я, кроме вина, спиртного не пью, — признался Кеммингс.

Интересно, найдутся ли приличные местные вина на этой далекой колониальной планете? Хотя почему же «далекой»? Наоборот, это Земля теперь далека… эх, надо было по примеру мистера Шелтона пару бутылок с собой захватить!

Шелтон… О чем же напоминает его фамилия? Что-то знакомое, давным-давно, с юных лет. Знакомое… не менее дорогое, чем прекрасные вина и нежная, миловидная девушка, пекущая блины у плиты, на старомодной кухне… Странное дело: почему от этих воспоминаний так защемило на сердце?

Вскоре он, отвезенный в отель, бросил на кровать чемодан, распахнул крышку и принялся вешать одежду в платяной шкаф. Телевизор в дальнем углу номера показывал новости. Голографического диктора Кеммингс не слушал и даже не смотрел в его сторону, но телевизора,

соскучившись по человеческому голосу, не выключал.

«В самом деле, не снилось ли мне что-нибудь за минувшие десять лет?» — снова и снова спрашивал он себя самого.

Вдруг палец будто огнем обожгло. Опустив взгляд, Кеммингс обнаружил на коже красную, воспаленную опухоль вроде укуса пчелы.

«Пчела ужалила, — подумал он, — но когда? Где? Не в криокапсуле же, пока лежал без сознания!»

Невероятно, однако он ясно видел опухоль, явственно чувствовал боль.

«Надо бы смазать чем-нибудь, — решил Кеммингс. — В отеле высшего разряда наверняка должен найтись ободоктор».

Действительно, ободоктор в отеле нашелся.

— Это мне в наказание… за то, что птицу убил, — внезапно выпалил Кеммингс, пока робот обрабатывал пчелиный укус.

— В самом деле? — откликнулся ободоктор.

— Все, все, чем я хоть сколько-нибудь дорожил… все у меня отнято, — продолжал Кеммингс. — И Мартина, и плакат… и старенький дом с винным погребом. Все у нас было, а после истлело, рассыпалось в прах. И Мартина меня оставила из-за

той птицы.

— Из-за птицы, погубленной вами, — уточнил рободоктор.

— Так Господь покарал мой грех. Отнял все самое дорогое. Грех-то не за Дорки — за мной…

— Но ведь в то время вы были совсем маленьким, — напомнил рободоктор.

— А вот этого ты знать не можешь, — насторожился Кеммингс, поспешно выдернув руку из манипуляторов робота. — Тут что-то нечисто! Откуда тебе это знать?

— От вашей матери, — объяснил рободоктор.

— Она сама ничего не знала!

— Но догадалась, — не задумываясь, возразил рободоктор. — Догадалась, и все тут: ведь кошка явно не допрыгнула бы до птицы без вашей помощи.

— То есть пока я рос… пока я рос, она обо всем знала? Знала, но молчала? Даже виду не показывала?

— Забудьте вы эту историю, — мягко посоветовал рободоктор. — Забудьте, и дело с концом.

— По-моему, тебя просто не существует, — отрезал Кеммингс. — Узнать всего этого ты не мог. Не мог никаким мыслимым образом. Я до сих пор в криосне, а корабль пичкает меня моими

же собственными воспоминаниями, похороненными в глубине памяти. Чтобы я не свихнулся от сенсорной депривации.

— В таком случае откуда у вас могли взяться воспоминания о завершении полета?

— Не воспоминания, значит, воображаемое исполнение желаний, или как там оно называется у фрейдистов… по сути, один черт. Сомневаешься? Сейчас докажу. Есть у тебя отвертка?

— Зачем вам?

— А вот я, — объяснил Кеммингс, — откручу заднюю панель телевизора, и ты сам убедишься: внутри ничего нет. Ни шасси, ни деталей, ни плат — ничего.

— Отвертки у меня нет.

— Не беда, сойдет и небольшой нож. Вон — вижу, в твоей санитарной сумке есть подходящий.

Нагнувшись, Кеммингс выхватил из сумки рободоктора узенький скальпель.

— Как раз то, что нужно. Если сам увидишь, поверишь?

— Если корпус телевизора внутри пуст…

Присев на корточки, Кеммингс вывернул из гнезд винты, крепившие заднюю панель телевизора к корпусу. Освобожденная от креплений, панель легко отошла, и Кеммингс уложил ее

на пол.

Действительно, в корпусе телевизора не оказалось ни единой детали, однако разноцветная голограмма по-прежнему заполняла собой добрую четверть номера, а трехмерное изображение диктора тараторило, тараторило, излагая зрителям новости дня.

— Ну? Признавайся, — велел Кеммингс. — Никакой ты не рободоктор. Ты — корабль.

— Вот так так, — в растерянности пробормотал рободоктор.

«Вот так так, — пробормотал про себя и корабль. — И со всем этим мне предстоит бороться еще без малого десять лет. В то время как он безнадежно губит, сводит любые жизненные впечатления к угрызениям совести, к чувству вины в давнем детском проступке. Воображает, будто жена оставила его потому, что он, четырех лет от роду, помог кошке изловить птицу. Пожалуй, поможет здесь только возвращение к нему Мартины, но как же мне это устроить? Возможно, ее давно нет в живых… хотя нет, это вряд ли. Скорее Мартина жива и, весьма вероятно, согласится как-то помочь бывшему мужу, спасти его от безумия. В общем и целом, люди отличаются множеством положительных черт. Сохранить

— точнее, восстановить его разум спустя десять лет будет куда как труднее, и методы потребуются самые радикальные, из тех, что мне одному не под силу, а стало быть…»

А стало быть, ничего не поделаешь: придется снова прибегнуть к воображаемому исполнению желаний. К стимуляции впечатлений о завершения перелета.

«Прогоню прибытие еще раз, — решил корабль, — затем подчищу ему сознательную память и начну заново. Единственный позитивный аспект положения — сам буду занят хоть чем-то осмысленным. Сам с ума не свихнусь… может быть».

Спавшему глубочайшим сном в крионической капсуле — причем неисправной крионической капсуле — Виктору Кеммингсу снова представилось, будто корабль благополучно совершил посадку и приводит его в сознание.

— Вам ничего не снилось? — полюбопытствовала грузно сложенная попутчица, как только группа пассажиров собралась на наружной платформе. — Мне, кажется, снилось кое-что. Сцены из давней молодости… пережитое больше ста лет назад.

— Во время крионического сна? — уточнил

Кеммингс. — Нет. Если и снилось, то не запомнилось.

Ему не терпелось поскорее добраться до отеля: душ и смена одежды поднимут настроение, словно по волшебству. Пока он чувствовал себя слегка подавленным, хотя сам не понимал почему.

— А вот и наш гид, — заметила стоявшая неподалеку дама преклонных лет. — Сейчас нас проводят в отель.

— Да, это ведь входит в комплекс услуг, — согласился Кеммингс.

Уныние не отпускало. Остальные выглядели необычайно бодрыми, полными жизни, однако Кеммингса тяготила, гнула к земле невесть откуда взявшаяся усталость, как будто притяжение колониальной планеты оказалось для него чересчур велико.

«Может, так оно и есть? — подумал он. — Но ведь в буклете, среди прочих плюсов, упоминалось, что местная гравитация практически не отличается от земной…»

Изрядно озадаченный, он неторопливо, шаг за шагом, не отнимая руки от леера, добрел до трапа и двинулся вниз.

«Да ведь я, если честно, не заслуживаю новой жизни, — внезапно осенило его. — Так,

существую, отбываю номер… в отличие от всех остальных. Я не такой, как они: со мной что-то неладно. Не могу вспомнить, что, однако какой-то изъян налицо, иначе откуда взялись эти горькие муки, куда подевалось уважение к себе самому?»

На тыльную сторону правой ладони уселось, поползло по суставам пальцев какое-то местное насекомое — старое, дряхлое, очевидно, утомленное полетом. Остановившись как вкопанный, Кеммингс опустил взгляд, замер.

«Я же запросто могу раздавить эту тварь, — подумал он. — Она все равно долго уже не протянет, явно состарилась».

Едва тельце насекомого хрустнуло, прихлопнутое ладонью, Кеммингса охватил ужас, ужас невиданной силы.

«Что я наделал? — спросил он себя самого. — Не успев прилететь, погубил живое существо, пусть даже крохотное. Хорошенькое начало для новой жизни!»

Обернувшись, он устремил взгляд назад, в сторону корабля.

«Может, вернуться на борт? — подумал он. — Пускай заморозят меня навсегда. Я ведь неисправимый грешник, губитель всего вокруг!»

На глаза Кеммингса навернулись слезы…

…А межзвездный корабль застонал всей своей мыслящей электроникой.

Десяти долгих лет перелета к системе LR4 хватило на поиски Мартины Кеммингс с изрядным запасом. Связавшись с Мартиной, корабль описал ей сложившееся положение, причем застал ее в пути. Не столь давно она эмигрировала в один из огромных орбитальных куполов системы Сириуса, однако новым местом жительства осталась недовольна и теперь возвращалась на Землю. Поднятая из криосна, Мартина выслушала корабль со всем вниманием и согласилась прибыть на колониальную планету LR4-6 к прилету бывшего мужа — если, конечно, это вообще возможно.

По счастью, возможность у нее нашлась.

— Только он меня, думаю, не узнает, не вспомнит, — предупредила Мартина корабль. — Я ведь позволила себе состариться. Не одобряю я, если честно, полную остановку процессов старения.

«Его счастье, если он вспомнит хоть самого себя», — подумалось кораблю.

Так Мартина и оказалась в межзвездном космопорту колониальной планеты LR4-6. Дожидаясь, когда же на наружной платформе появятся пассажиры прибывшего корабля, она раздумывала,

гадала, узнает ли бывшего мужа, слегка побаивалась скорой встречи, однако радовалась, что сумела добраться до LR4-6 вовремя. Успела ведь, можно сказать, впритык… еще неделя, и его корабль прибыл бы раньше нее.

«Удача на моей стороне», — думала она, не сводя глаз с только что приземлившегося межзвездного корабля.

Наконец прилетевших выпустили на платформу. Виктора Мартина узнала в толпе пассажиров сразу: бывший муж если и изменился, то разве что самую малость.

Стоило Виктору, грузно опиравшемуся на перила, словно он жутко устал и вдобавок не слишком уверен в себе, сойти с трапа, Мартина, поглубже спрятав руки в карманы пальто, направилась к нему. Стеснялась она ужасно и потому, заговорив, едва расслышала собственный голос.

— Привет, Виктор, — кое-как выдавила она.

Виктор замедлил шаг, уставился на нее.

— Кажется, я вас знаю, — задумчиво проговорил он.

— Я — Мартина, — призналась Мартина.

Виктор, вмиг просияв, протянул ей руку.

— Ты слышала о неполадках у нас на борту?

— Да. Корабль связался со мной, сообщил, —

подтвердила она, надолго задержав его руку в ладонях. — Вот это испытание так испытание…

— Ага, — согласился Виктор, склонившись к ней и поцеловав ее. — Целая вечность в замкнутом цикле воспоминаний. Воспоминаний об одном и том же… Я когда-нибудь рассказывал, как четырехлетним мальчишкой решил выручить из беды пчелу, угодившую в паучью сеть, а эта идиотская пчела меня ужалила? Как же я рад тебя видеть…

— Разве корабль не…

— Корабль сказал, что попробует вызвать тебя сюда, но успеешь ли ты к нашему прилету, не знал.

Вдвоем они двинулись к зданию космовокзала.

— Мне повезло, — на ходу пояснила Мартина. — Повезло перебраться с оказией на военный транспорт, корабль со сверхскоростным двигателем совершенно новой конструкции, мчавший сюда как безумный.

— А я прожил в собственном бессознательном куда дольше любого другого за всю историю человечества, — пожаловался Виктор Кеммингс. — Страшнее психоанализа начала двадцатого века… а главное, материал-то раз за разом один и тот же! Вот ты, например, знала, как я боялся

матери?

Подойдя к стойке выдачи багажа, оба остановились в ожидании его чемоданов.

— Я ее сама боялась — словами не передать, — призналась Мартина. — А планетка на вид вполне симпатичная… гораздо лучше орбитального купола, откуда уехала я. Там житье оказалось совсем унылым.

— Если так, возможно, тут не обошлось без какого-то высшего замысла, — широко улыбнувшись, заметил Виктор. — А выглядишь ты потрясающе.

— Я же состарилась.

— Достижения современной медицинской науки…

— Состарилась, потому что сама так решила. Потому что мне нравятся люди в возрасте, — пояснила Мартина, оглядев Виктора с головы до ног.

«Крепко же неполадки в крионике его подкосили, — подумала она про себя. — По глазам видно, крепко. Взгляд сломлен, разбит. Разорван в клочья усталостью и… бессилием. Неспособностью что-либо изменить. Как будто похороненные в глубинах памяти воспоминания всплыли наверх и уничтожили его… но ничего, теперь-то все это кончено. Кончено. И я успела сюда как раз вовремя».

Получив багаж, Виктор с Мартиной отправились в бар, выпить.

— Этот старик уговорил меня попробовать бурбон «Уайльд Теки», — вспомнил Виктор. — Бурбон вправду изумительный. Он говорит, лучший на всей Земле… потому и прихватил бутылочку с…

Тут он, внезапно осекшись, умолк.

— Старик? Один из попутчиков? — уточнила Мартина, чтоб в разговоре не возникло заминки.

— Да… кажется, да, — подтвердил Виктор.

— Знаешь, по-моему, теперь-то ты смело можешь забыть о птицах и пчелах, — сказала Мартина.

— А секс? — неловко, вымученно рассмеявшись, сострил он.

— Укус пчелы, птица, изловленная кошкой благодаря твоей помощи, — все это в прошлом.

— Да уж, — задумчиво проговорил Виктор. — Та кошка мертва уж сто восемьдесят два года. Я подсчитал, пока нас размораживали… и может, так оно только к лучшему. Дорки. Дорки, кошка-убийца. Кот Толстого Фредди — дело совсем другое.

— Кстати, плакат мне в итоге пришлось продать, — сообщила Мартина. — Хочешь не хочешь, пришлось.

Виктор нахмурился.

— Помнишь? — продолжала Мартина. — Когда мы разъехались, ты оставил его мне. За что я всю жизнь была тебе благодарна.

— И много ли за него отвалили?

— О-о, кучу денег. По справедливости, тебе с меня причитается… — Задумавшись, Мартина подняла взгляд к потолку. — С учетом инфляции тебе с меня причитается около двух миллионов долларов.

— А может быть, — не слишком решительно заговорил Виктор, — вместо этого, вместо моей доли от продажи плаката, ты поживешь здесь, со мной? Хотя бы немного, пока я не привыкну к этой планете.

— Хорошо, — согласилась Мартина, ни капельки не кривя душой.

Именно этого ей и хотелось бы больше всего на свете.

Покончив с выпивкой и вверив багаж заботам робоносильщика, оба отправились в отель, в номер Виктора.

— Замечательный номер, — отметила Мартина, примостившись на краю кровати и оглядевшись. — Подумать только, даже голографический телевизор имеется. Включи.

— Без толку его включать, — вздохнул Виктор,

распахнув платяной шкаф и принявшись развешивать, раскладывать по местам одежду.

— Почему же?

— Там, внутри, нет ничего, — пояснил Кемминг с.

Мартина, подойдя к телевизору, щелкнула клавишей. Четверть комнаты тут же превратилась в миниатюрную хоккейную площадку: игра в полном разгаре, стук клюшек, скрежет коньков, рев зрителей на трибунах, буйство шума и красок…

— Все в порядке. Работает, — заметила Мартина.

— Но я-то знаю, — возразил Виктор. — Знаю и, мало того, могу доказать… Есть у тебя пилка для ногтей? Отвинчу заднюю панель, сама все увидишь.

— Однако я прекрасно…

— Вот, погляди, — оборвал ее Виктор, оторвавшись от развешивания одежды. — Смотри. Сейчас я стену рукой проткну. Видишь?

С этими словами он прижал правую ладонь к стене… однако ладонь вовсе не погрузилась в стену. Так и осталась снаружи, крепко прижатая к обоям: ведь стену, как ни старайся, рукой не проткнешь.

— И фундамент насквозь прогнил, — продол-

жал Виктор, будто не замечая оплошности.

— Иди сюда. Сядь рядом, — сказала Мартина.

— Я все это пережил… даже не знаю, сколько раз, — объяснил Виктор. — Снова и снова, снова и снова… пробуждаюсь от криосна, схожу вниз по трапу, получаю багаж, порой заворачиваю в бар выпить, порой иду прямо в отель. Как правило, включаю телевизор, и тут… Вот, видишь пчелиный укус? — спросил он, подойдя ближе и показав Мартине ладонь тыльной стороной кверху.

Мартина, не обнаружив на коже Виктора ни следа укуса пчелы, вновь задержала его руку в ладонях.

— Я никакого укуса не вижу, — возразила она.

— А когда на мой вызов является ободоктор, я заимствую у него подходящий скальпель и снимаю с телевизора заднюю панель. Чтобы он убедился: внутри нет ни монтажных шасси, ни плат, ни деталей. И тогда корабль начинает все заново.

— Виктор, — велела Мартина, — взгляни внимательнее на свою ладонь.

— Однако ты здесь, со мной, в первый раз, — продолжал Виктор, будто ничего не слыша.

— Сядь, — строго сказала Мартина.

— О'кей…

Виктор присел на кровать, вроде бы рядом с ней, но не слишком близко.

— Ближе ко мне сесть не хочешь? — осведомилась Мартина.

— Понимаешь, слишком уж это печально, — пожаловался Виктор. — Слишком уж горько о тебе вспоминать. Я ведь на самом деле любил тебя. Эх, будь ты настоящей…

— Я готова сидеть здесь, с тобой, пока не стану настоящей, — откликнулась она.

— Мне вот что приходит в голову. Надо бы пережить заново тот случай с кошкой, но на этот раз не поднимать ее, не помогать ей с ловлей птицы, — задумчиво заговорил Виктор. — Если получится, возможно, вся моя жизнь переменится, обернется чем-либо радостным. Чем-либо настоящим. Величайшая моя ошибка — расставание с тобой. Гляди: моя рука сквозь тебя пройдет без труда.

В доказательство Виктор крепко стиснул ее плечо. И тепло его тела, и силу его ладони Мартина почувствовала как нельзя лучше.

— Вот, видишь? — продолжал он. — Рука проходит насквозь… будто бы рядом нет ничего. Никого… понимаешь?

Мартина тяжко вздохнула.

— И все это из-за того, что ты четырехлетним мальчишкой погубил птицу?

— Нет, — возразил Виктор, — все это из-за неполадок в терморегуляционных агрегатах на борту корабля. Недоморозили меня малость. Клетки мозга сохранили достаточно тепла для поддержания биоэлектрической активности.

Поднявшись на ноги, он потянулся и улыбнулся Мартине.

— А не пора ли нам поужинать? — спросил он.

— Извини, я не голодна, — отвечала Мартина.

— А вот я жутко проголодался. Оценю-ка, пожалуй, местную рыбную кухню. В буклете сказано, морепродукты здесь готовят потрясающе. Идем со мной за компанию. Не голодна, ну и что? Посмотришь, оценишь ароматы — глядишь, аппетит и проснется!

И Мартина, прихватив пальто с сумочкой, отправилась с ним.

— Планетка эта невелика, но просто прекрасна, — заверил ее Виктор. — Я уже сколько раз с ней знакомился. Вдоль и поперек изучил. Надо только, как спустимся вниз, завернуть в аптеку, бактина купить. Укус смазать. Палец уже распухает, и боль адская, — пожаловался он, про-

демонстрировав Мартине ладонь. — И на этот раз почему-то болит куда сильнее, чем обычно.

— Скажи, тебе действительно хочется, чтоб я вернулась? — спросила Мартина.

— Ты серьезно?

— И еще как, — подтвердила она. — Останусь с тобой, пока не надоем. Ты прав: не стоило нам расходиться.

— Наш плакат обтрепался, — внезапно вспомнил Виктор Кеммингс. — Обтрепался и даже местами надорван.

— Что? — удивилась Мартина.

— Надо было в рамку его, под стекло, — будто не слыша ее, продолжал Виктор. — Не додумались мы с тобой поберечь его… и вот. Теперь он обтрепан, надорван… а рисовавший его художник мертв…

Казус Раутаваары

В тот день тройка техников-лаборантов на борту дрейфующей сферы, как всегда, наблюдала за флюктуациями межзвездных магнитных полей и прекрасно справлялась с задачей до самого конца. До самого момента гибели.

Фрагменты базальта, мчавшиеся сквозь пространство с огромной относительно сферы скоростью, пробив защиту, уничтожили бортовой запас воздуха без остатка. Двое лаборантов, мужчины, отреагировать на происшедшее какими-либо действиями не успели. Юная лаборантка, уроженка Финляндии по имени Агнета Раутаваара, успела вовремя надеть аварийный дыхательный шлем, однако запуталась в шлангах подачи воздуха и умерла от удушья, захлебнувшись собственными рвотными массами. Прискорбная смерть. Неприятная.

На том и завершилась вахта наблюдателей с ЭКС208, дрейфующей пространственной сферы-зонда глубокой разведки. Подумать только: ведь всего месяц спустя лаборантов сменили бы и вернули на Землю!

Лишенные возможности подоспеть на выручку землянам лично, мы направили к месту аварии робота, дабы проверить, нельзя ли реанимировать кого-либо из погибших. Приязни к нам земляне отнюдь не питают, но на момент катастрофы их наблюдательный зонд находился в подведомственной нам зоне, а законы, действующие в подобных экстренных ситуациях, едины для всех населяющих галактику рас. Особого желания помогать землянам мы не испытывали, однако закон есть закон.

В данном случае закон призывал нас к попытке реанимации погибших лаборантов, но мы препоручили эту задачу роботу и, полагаю, в сем просчитались. Вдобавок закон требовал уведомить о несчастье ближайший из земных кораблей, однако от этого мы предпочли воздержаться. Оправдывать данные упущения либо анализировать соображения, руководившие нами в то время, я не стану.

Обследовав место аварии, робот сообщил, что деятельность мозга обоих мужчин прекращена полностью, а их нервные ткани восстановлению не подлежат. Что же касалось Агнеты Раутаваара, ее мозг еще излучал слабые, едва уловимые волны, посему в случае Раутаваары роботу сле-

довало приступить к попыткам реанимации. Однако робот, не в силах принять детерминированного решения самостоятельно, связался с нами. Команду к началу реанимации отдали мы, и, следовательно, тут грех, как говорится, на нашей совести. Обследовав место происшествия лично, мы, вне всяких сомнений, разобрались бы в положении гораздо лучше и потому вины своей ни в коей мере не отрицаем.

Часом позже робот доложил, что смог в значительной степени восстановить деятельность мозга Раутаваары, снабжая мозг насыщенной кислородом кровью, извлекаемой из ее мертвого тела. Запас кислорода у робота имелся, однако с питательными веществами дела обстояли гораздо хуже. За неимением иного исходного материала мы распорядились начать синтез питательных веществ из тканей тела Раутаваары. Впоследствии это и послужило поводом для самых серьезных претензий со стороны земных властей, однако другими источниками питательных веществ мы не располагали, поскольку собственных тел, будучи плазмоидами, предложить роботу в качестве такового, разумеется, не могли.

Кстати, здесь будет вполне уместно уточнить

формулировку наших соображений на предмет невозможности синтеза питательных веществ из останков погибших товарищей Раутаваары, представленных следствию изначально. Если вкратце, основываясь на донесениях робота, мы сочли тела остальных чрезмерно радиоактивными, а следовательно, вредоносными для Раутаваары: извлекаемые из данного материала питательные вещества погубили бы ее мозг в самом скором времени. Возможное несогласие с логикой наших суждений для нас несущественно. Именно так положение выглядело на расстоянии, поэтому я и утверждаю, что истинной нашей ошибкой является решение препоручить операцию роботу, вместо того чтоб взяться за нее самим. Желаете непременно предъявить нам обвинение, так в этом и обвиняйте.

Далее мы попросили робота, подключившись к мозгу Раутаваары, обеспечить нам доступ к ее мыслям, дабы мы смогли оценить физическое состояние ее нейронов.

Согласно полученным впечатлениям, картина вырисовывалась вполне оптимистическая. Именно в этот момент мы и уведомили о происшедшем представителей земных властей. Сообщили им о катастрофе, погубившей ЭКС208,

и о необратимой гибели двух лаборантов-мужчин, и о том, что благодаря проявленной нами распорядительности у третьего члена экипажа, женщины, налицо все признаки стабильной мыслительной деятельности — иными словами, нам удалось сохранить жизнь ее мозга.

— Чью-чью жизнь?! — переспросил радист-землянин, выслушав наше сообщение.

— Наряду с кислородом мы обеспечиваем ее мозг питательными веществами, извлекаемыми из ее трупа, и таким образом…

— О Господи Иисусе, — ахнул радист-землянин, — да как же можно кормить ее мозг таким образом? Что толку в мозге без тела, в мозге самом по себе?

— Мозг может мыслить, — пояснили мы.

— Ладно, теперь мы возьмемся за нее сами, — отрезал радист-землянин, — но зарубите себе на носу: без расследования дело не обойдется.

— Но что же дурного в спасении ее мозга? — удивились мы. — Ведь мозг есть вместилище духа, личности, а тело — всего лишь приспособление, довесок, связующий мозг с…

— Дайте мне координаты ЭКС208, — оборвал нас радист-землянин. — Мы сию же минуту отправим туда ближайший из кораблей. Вам

следовало уведомить нас обо всем немедля, прежде чем браться за спасательные работы самим. Аппроксимациям попросту не понять нас — соматическую, телесную форму жизни!

Это земное прозвище, «аппроксимации», для нас довольно обидно. Во-первых, в нем заключен пренебрежительный намек на наше происхождение из системы Проксимы Центавра, а во-вторых, оно подразумевает, что мы будто бы ненастоящие, попросту симулируем жизнь.

Такой вот наградой и обернулся для нас Казус Раутаваары. Издевками. Унижениями. Ну, и расследованием, без которого дело действительно не обошлось.

Почувствовав едкую горечь рвоты, Агнета Раутаваара — глубоко-глубоко в недрах поврежденного мозга — съежилась, содрогнулась от ужаса пополам с отвращением. Повсюду вокруг лежали россыпями обломки ЭКС208. Среди них покоились останки Тревиса и Эльмса — разорванные в клочья тела, лепешки замерзшей крови, а остов сферы изнутри сплошь оброс льдом.

«Воздуха нет, тепла тоже… почему тогда я жива? — удивилась Агнета и, подняв руки, коснулась, точнее, безуспешно попробовала коснуться лица. — Вот оно что. Шлем. Шлем вовремя успела

надеть».

Внезапно лед, покрывавший все вокруг, начал таять. Оторванные руки и ноги товарищей вновь приросли к туловищам. Осколки базальта, застрявшие в обшивке кабины, высвободились и пулями улетели в пространство.

«Время! — осенило Агнету. — Время повернуло вспять! Ну и дела!»

Еще секунда, и Агнета расслышала сквозь шлем глухие завывания тревожной сирены. Затем заполнивший кабину воздух постепенно согрелся, а Тревис и Эльмс неуверенно поднялись на ноги, заозирались вокруг в растерянности и изумлении. Пожалуй, Агнета, глядя на них, не выдержала бы, расхохоталась в голос, не будь положение настолько мрачным. Очевидно, невероятная сила удара породила локальные возмущения во временном потоке… но надолго ли?

— Сядьте-ка оба, — велела Агнета.

— Да я вроде… о'кей, ты права, — сбивчиво, глухо пробормотал Тревис.

Усевшись за собственную консоль, он нажал кнопку, и автоматика сферы-зонда надежно пристегнула его к креслу, а вот Эльмс так и остался стоять столбом.

— Нас накрыло роем осколков. Довольно круп-

ных, — сообщила Агнета.

— Похоже, — согласился Эльмс.

— Довольно крупных и обладавших импульсом, достаточным, чтобы столкновение исказило ход времени, — продолжала Агнета. — Потому нас и отшвырнуло назад в момент, предшествовавший катастрофе.

— Ну, и магнитные поля тоже сыграли кое-какую роль, — добавил Тревис, протирая глаза. Рука его тряслась мелкой дрожью. — Снимай шлем, Агнета. Сейчас он тебе ни к чему.

— Думаешь? Ведь столкновение-то впереди, — напомнила та.

Оба напарника в недоумении уставились на нее.

— Вполне вероятно, нам предстоит пережить катастрофу заново, — пояснила она.

— Тогда дело дрянь, — рассудил Тревис, поспешно склонившись к консоли и защелкав множеством клавиш. — Уведу-ка я наш ЭКС куда подальше от этого роя.

Сняв шлем, Агнета стряхнула с ног сапоги, нагнулась за ними… и тут увидела Образ.

Образ, невесть откуда появившийся за их спинами. Образ Иисуса Христа.

— Глядите, — пролепетала она.

Тревис и Эльмс оглянулись, замерли, разинув рты.

Традиционные белые ризы, сандалии… длинные волосы, озаренные чем-то вроде лунного света, необычайно бледный, обрамленный бородкой лик исполнен доброты, мудрости…

«Совсем как на голограммах над земными церквями, — подумалось Агнете. — И складчатые, свободные одежды, и борода, и мягкая, кроткая мудрость во взгляде, и руки слегка приподняты… и даже нимб — вон, на месте. Ну и чудеса! Насколько же точными оказались наши предрассудки!»

Все трое взирали на Образ, не моргая, в изумлении округлив глаза.

— О, Бог ты мой, — выдохнул Тревис. — Он же за нами… по наши души явился!

— Ну и прекрасно, — заметил Эльмс. — Я лично вовсе не против.

— Еще бы! Ты-то, конечно, не против: у тебя ни жены, ни детей, — язвительно процедил Тревис. — А как, к примеру, с Агнетой? Ей же всего три сотни лет! Можно сказать, дитя!

— Я есмь лоза, а вы — ветви, — заговорил Христос. — Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете

делать ничего.

— Так. Я увожу ЭКС с этого вектора, — пробормотал Тревис.

— Дети мои, недолго уже быть мне с вами, — объявил Христос.

— Вот и славно, — буркнул Тревис.

ЭКС на пиковой скорости понесся в направлении оси вращения Сириуса: звездные карты отобразили плотный поток излучения прямо по курсу.

— Проклятие, Тревис, — в ярости зарычал Эльмс, — это ж какая возможность, а? Подумай: многим ли из людей доводилось увидеть Христа? Это же вправду Христос! Ты… вы ведь Иисус Христос, верно? — уточнил он, повернувшись к Образу.

— Я есмь путь и истина и жизнь; никто не приходит к Отцу, как только через Меня. Если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего. И отныне знаете Его и видели Его, — откликнулся Христос.

— Вот! — сияя от радости, воскликнул Эльмс. — Вот видишь? Лично я сейчас, так и знай, просто счастлив! Мистер… — Но тут он осекся. — Надо же, я ведь всерьез собирался сказать «мистер Христос»! Вот глупость, вот глупость-то, а? Христос… мистер Христос, не желаете ли присесть? Хоть за

мою консоль, хоть за консоль мисс Раутаваары… Агнета, ты же не против, да? А это Уолтер Тревис. Он у нас христианскую веру не исповедует, но я-то — дело другое: как-никак прожил христианином всю жизнь… ну, большую ее часть. Насчет мисс Раутаваары точно не знаю. Что скажешь, Агнета?

— Эльмс, кончай вздор молоть, — проворчал Тревис.

— Чш-ш-ш! — шикнул на него Эльмс. — Он же судить нас явился!

— Если кто услышит Мои слова и не поверит, Я не сужу его, ибо Я пришел не судить мир, но спасти мир. Отвергающий Меня и не принимающий слов Моих имеет судью себе: слово, которое Я говорил, оно будет судить его в последний день, — возразил Христос.

— Ну да, а я о чем? — кивнув, согласился Эльмс.

— Не будь к нам чересчур строг, — изрядно напугавшись, попросила Агнета, устремив взгляд на Образ. — Все мы только что пережили серьезное потрясение.

Но тут она, спохватившись, подумала: а помнят ли Тревис с Эльмсом собственную гибель? Помнят ли, что их разорвало на куски?

Образ, взглянув ей в глаза, не ответил ни слова — лишь мягко, ободряюще улыбнулся.

— Тревис, — заговорила Агнета, склонившись к сидящему за консолью напарнику, — послушай, пожалуйста, что я тебе скажу. Ни ты, ни Эльмс катастрофы, удара базальтовых осколков, не пережили. Не пережили, понимаешь? Потому он и здесь. Я — единственная, кто не… кто не…

— Кто не погиб, — закончил за нее Эльмс. — А мы мертвы, потому он и явился за нами. Ну что ж, Господи, я готов, — повернувшись к Образу, объявил он. — Бери меня.

— Вот-вот. Забирай их обоих, — подхватил Тревис, — а я отправляю сигнал бедствия на всех частотах. И сообщу, что здесь происходит. Обо всем сообщу, прежде чем он заберет или хоть попытается забрать отсюда меня.

— Ты же мертв, — напомнил ему Эльмс.

— Но сигнал бедствия отправить еще могу, — непреклонно отрезал Тревис, однако на его лице отразилось смятение, покорность судьбе.

— Дай Тревису чуточку времени, — попросила Агнета Образ. — Он еще не понимает всего до конца. Хотя ты, наверное, об этом и без меня знаешь: тебе ведь известно все.

Образ кивнул.

И мы, и земной Следственный Комитет, выслушав, увидев все, что творилось в мозгу Раутаваары, поняли, что произошло, однако в оценках происшедшего разошлись кардинально. В то время как шестеро землян сочли данные события однозначным злом, мы посчитали их величайшим благом — и для Агнеты Раутаваара, и для себя. Реанимированный опрометчивым роботом, ее поврежденный мозг обеспечил нам — ни много ни мало! — контакт с потусторонним миром и силами, им управляющими.

Как же расстроили, как огорчили нас воззрения землян!

— Все это галлюцинации, и не более, — объявил официальный их представитель. — Результаты отсутствия ощущений извне вследствие гибели тела. Взгляните, что вы с ней сделали!

Мы указали на то, что Агнета Раутаваара на данный момент вполне счастлива.

— Деятельность ее мозга, — продолжал официальный представитель людей, — надлежит немедленно прекратить.

— И утратить связь с потусторонним миром? — возразили мы. — Великолепную возможность понаблюдать загробную жизнь? По сути, мозг Агнеты Раутаваара — наш телескоп! В вопросах

настолько серьезных научная ценность перевешивает любые гуманитарные соображения.

Такую позицию заняли мы в ходе следствия, причем вполне искренне. Исходя отнюдь не из голой целесообразности.

Посовещавшись, земляне решили сохранить за мозгом Раутаваары полный набор функций — разумеется, с обязательной записью всех звуковых и визуальных данных — а вопрос о вынесении нам порицания до поры до времени оставить открытым.

Меня лично земные воззрения на образ Спасителя привели в сущий восторг. Среди нас сия концепция почитается старомодной, красивой, однако отжившей свое, и вовсе не из-за явного антропоморфизма, но из-за этакого школьного, детского суда над душой, отбывающей в загробный мир. Из-за своего рода реестра поступков дурных и добрых, трансцендентного, так сказать, табеля успеваемости вроде тех, какие нередко используются в процессе обучения и воспитания подрастающих поколений.

Одним словом, у нас концепцией Спасителя нередко пренебрегают за очевидной ее примитивностью, однако, наблюдая, анализируя происходящее вместе со всеми, словно бы слив-

шимися в единое полиэнцефалическое существо, я то и дело задавался вопросом: а как же отреагирует Агнета Раутаваара на образ Спасителя, Пастыря Душ, основанный на наших поверьях? В конце концов, ее мозг живет благодаря нашему оборудованию, агрегату оригинальной конструкции, доставленному к месту катастрофы нашим спасательным роботом! Отключать его было бы слишком рискованно: мозг и без того успел серьезно пострадать, а потому всю аппаратуру вместе с мозгом Агнеты Раутаваара переправили в штаб-квартиру судебного следствия, на борт ковчега нейтральной, незаинтересованной стороны, дрейфующего в пространстве на полпути от Проксимы к Солнечной планетной системе.

Позже, в приватной беседе с коллегами, я предложил пробы ради внедрить в искусственно реанимированный мозг Раутаваары нашу концепцию Пастыря, Указующего Душе Путь в Загробный Мир. Зачем? Затем, что ее реакция, на мой взгляд, могла оказаться весьма интересной.

Коллеги сразу же указали мне на противоречие в собственной логике. Поначалу-де, в ходе расследования, я объявил мозг Раутаваары окном в потусторонний мир, невероятно ценным с научной точки зрения, что снимает с нас какую-либо

вину. Теперь же я утверждаю, будто ее переживания — не более чем проекция ее собственных мысленных допущений. Казалось бы, неувязка налицо, но…

— Оба утверждения истинны в равной мере, — твердо отвечал я. — Мозг Раутаваары действительно есть окно в потусторонний мир, а переживания действительно основаны на культурных склонностях и предпочтениях человеческой расы. По сути, у нас в руках алгоритм, парадигма, в которую можно внедрять вдумчиво подобранные переменные. К примеру, внедрить в мозг Раутаваары нашу концепцию Пастыря Душ и точно установить, чем наша ее интерпретация отличается от инфантильных интерпретаций землян.

Таким образом, перед нами открылась беспрецедентная возможность для проверки на практике собственной теологии. На наш взгляд, земляне, испытанные Спасителем в достаточной мере, были сочтены недостойными.

Взвесив все «за» и «против», мы приняли решение действовать. Управление оборудованием, поддерживавшим жизнь мозга Раутаваары, по-прежнему оставалось за нами, а результаты эксперимента казались куда интереснее исхода

расследования. Вина и виновность — материи чисто культурные, не выходящие за пределы межвидовых границ.

Полагаю, земляне могли расценить нашу затею как злодеяние, однако и я, и все мы решительно возражаем против подобных оценок. Куда вернее назвать ее игрой: ведь мы ожидали от наблюдений за столкновением Раутаваары с нашим Спасителем вместо их Спасителя собственное лишь эстетическое наслаждение!

— Я есмь воскресение и жизнь, — воздев руки, сообщил Образ Тревису, Эльмсу и Агнете. — Верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верите ли сему?

— И еще как! — горячо подтвердил Эльмс.

— Чепуха это все, — буркнул Тревис.

«А я не знаю, — подумала про себя Агнета Раутаваара. — Не знаю, что и ответить».

— От нас решение требуется, — пояснил Эльмс. — Пора решать, пойдем мы с ним, или как. С тобой, Тревис, все ясно: ты — человек конченый. Сиди здесь, пока не сгниешь, такова уж твоя судьба. А ты, Агнета… надеюсь, ты-то не потеряна для Христа? Мне лично очень хотелось бы, чтоб ты обрела вечную жизнь, как я… я ведь

заслуживаю вечной жизни, Господи? — спросил он, взглянув на Образ.

Образ кивнул.

— Тревис, — заговорила Агнета, — по-моему… по-моему, тебе тоже надо бы согласиться. Я…

Лишний раз напоминать Тревису о его гибели не хотелось ужасно, однако ему следовало понять, трезво оценить положение, иначе он, как и сказал Эльмс, обречен!

— Идем с нами, — закончила она.

— То есть ты тоже идешь с ним? — ядовито осведомился Тревис.

— Да, — подтвердила Агнета.

— Постойте, — внезапно прошептал Эльмс, не сводя взгляд с Образа. — Вполне возможно, мне это только мерещится, но… кажется, он изменился.

Приглядевшись к Образу, Агнета не заметила никаких перемен, однако Эльмса трясло от страха.

Тем временем Образ в складчатых белых ризах неторопливо приблизился к Тревису, остановился рядом, выдержал паузу и вдруг, склонившись над Тревисом, впился зубами в его лицо.

Агнета пронзительно завизжала. Эльмс замер, вытаращив глаза. Тревис, пристегнутый к креслу,

забился в судорогах… а Образ спокойно, как ни в чем не бывало, принялся пожирать его тело.

— Ну вот. Думаю, теперь, — заговорил официальный глава Следственного Комитета, — все согласятся с тем, что деятельность мозга Раутаваары необходимо прервать. Деградация налицо, переживаемое для нее ужасно… одним словом, со всем этим следует покончить немедленно.

— Нет, — возразил я. — Мы, представляющие здесь систему Проксимы, находим данный поворот событий весьма интересным.

— Но ведь Спаситель пожирает Тревиса! — воскликнул еще один из землян.

— Разве ваша религия не подразумевает поедания плоти и пития крови Бога? — напомнил я. — По сути, все происходящее — зеркальное отражение вашей Евхаристии.

— Приказываю отключить ее мозг от аппаратуры сию же минуту! — распорядился официальный представитель Комитета.

Лицо землянина побледнело, на лбу заблестели крупные капли пота.

— На наш взгляд, отключать мозг Раутаваары преждевременно. Это еще не все, — возразил я.

Признаться, сие воплощение священнейшего из наших религиозных таинств, поедания нашим

Спасителем нас, его почитателей, взволновало меня несказанно.

— Агнета, — сбивчиво зашептал Эльмс. — Агнета, ты видишь? Видишь? Христос сожрал Тревиса целиком! Ничего не оставил, кроме сапог с перчатками!

«О Господи, что же здесь происходит?» — в ужасе подумала Агнета Раутаваара и инстинктивно отодвинулась подальше от Образа, к Эльмсу.

— Он есть кровь Моя, — заговорил Образ, облизнув губы. — Пиющий кровь его, Я имею жизнь вечную, ибо плоть его истинно есть пища, и кровь его истинно есть питие. Он есть плоть моя, ибо сам я есмь лишь бесплотная плазма. Ядущий плоть его, я жить буду вовек. Истинно, истинно говорю вам: если не буду есть плоти его и пить крови его, то не буду иметь в себе жизни!

— Похоже, он и нас с тобой сожрать собирается, — прошептал Эльмс.

«Да, собирается, это уж точно», — подумала Агнета Раутаваара.

Теперь-то она ясно видела: этот Образ — одна из аппроксимаций, форм жизни, населяющих систему Проксимы.

«А если так, — сообразила она, — он не врет, собственной плоти у него нет. Единственный для

него способ обзавестись телом — это…»

— Нет уж, — продолжал Эльмс, — прежде я сам с ним покончу.

Сорвав со стойки с аварийным снаряжением лазерную винтовку, он взял Образ на прицел.

— Отче! Пришел час, — провозгласил Образ.

— Ни с места, — прорычал Эльмс. — Ни шагу ко мне!

— Дети мои, недолго уже быть Мне с вами, — продолжал Образ. — Недолго уже быть Мне с вами, если не буду Я есть плоти вашей и пить крови вашей. Прославьте себя, дабы остался Я в мире!

С этими словами Образ шагнул к Эльмсу, и тот, недолго думая, нажал на спуск.

Образ пошатнулся, из раны в его груди брызнула кровь.

«Кровь Тревиса, — сообразила Агнета, в страхе прикрыв лицо ладонями. — Чужая кровь, кровь Тревиса, текущая в его жилах… как же это ужасно!»

— Скорее, — велела она Эльмсу. — Скажи: «Невиновен я в крови Праведника Сего». Скорее, пока не поздно!

— Невиновен я в крови Праведника Сего, — послушно повторил Эльмс.

В тот же миг Образ, истекая кровью, рухнул с ног, забился в предсмертных судорогах. Утративший всякое сходство с длинноволосым, бородатым человеком, он обернулся кем-то другим, но кем — этого Агнета Раутаваара точно сказать не могла.

— Или, Или! Лама савахфани?[74] — воскликнул он.

С этими словами Образ и умер — умер на глазах Агнеты с Эльмсом.

— Что ж это получается? — пролепетал Эльмс. — Выходит, я Христа… Христа застрелил?

Направив дуло лазерной винтовки себе в грудь, он потянулся к спусковому крючку.

— Никакой это не Христос, — урезонила его Агнета, ловко выхватив из рук напарника оружие. — Это кто-то другой… полная противоположность Христу, вроде зеркального отражения.

Из глаз Эльмса хлынули слезы.

Располагая большинством голосов, земляне из Следственного Комитета настояли на немедленном прекращении искусственного поддержания активности мозга Раутаваары без труда. Естественно, нас это несказанно расстроило, но, увы,

---

[74] Примечания: 74

«Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?» (искаж. арамейск.).

крыть было нечем.

Так мы и стали свидетелями начала небывалого, поразительного научного эксперимента, попытки сращения теологических систем двух разных, совершенно не похожих одна на другую разумных рас. На наш взгляд, прекращение деятельности мозга землянки — одна из масштабнейших научных трагедий. Взять, например, хоть диаметральную противоположность земных взглядов на суть взаимоотношений личности с Богом воззрениям, бытующим среди нас! Разумеется, причина тому кроется в том, что земляне — соматическая раса, тогда как мы — плазмоиды. Пьющие кровь, поедающие плоть Божию, они обретают бессмертие и не видят в Причастии ничего возмутительного. Напротив, для них это вполне естественно… а вот для нас невообразимо. Чтобы верующий поглощал своего Господа, словно питье и пищу? Ужасное, отвратительное деяние! Стыд, позор… мерзость: ведь это высшему существу от веку положено пожирать низшее, а значит, верующий, пожирающий Бога, попирает все законы естества!

На том и завершилось рассмотрение Казуса Раутаваары. Глядя, как мозг ее прекращает работу, как сглаживаются, выравниваются кривые элек-

троэнцефалограммы на дисплеях, мы пережили неописуемое разочарование. Мало того: вдобавок земляне, воспользовавшись большинством голосов, добились для нас вотума порицания — за то, что мы вообще взяли на себя смелость организовать спасательные работы.

Поразительно, сколь глубока пропасть, разделяющая разумные расы, развивающиеся в различных звездных системах! Наши попытки понять землян потерпели полный провал. Насколько нам известно, земляне также не понимают нас и, в свою очередь, ужасаются некоторым из наших обычаев, что как нельзя лучше продемонстрировал Казус Раутаваары. А ведь мы руководствовались исключительно интересами объективной, чуждой эмоциям науки! До глубины души потрясенный реакцией Раутаваары на поедание Спасителем мистера Тревиса, я очень хотел бы понаблюдать за сим священнейшим из святых таинств, свершенным и над остальными, над Раутаваарой с Эльмсом, но…

Увы, в этом нам отказали, и эксперимент, на наш взгляд, закончился неудачей.

И, в довершение всего, отныне нам предстоит жить с клеймом совершенно незаслуженного всеобщего осуждения, образно говоря, на челе.

Чуждый разум

Покоившийся без движения в глубине тета-камеры, он услышал негромкий сигнал, а затем синтеголос:

— Пять минут на поправку курса.

— О'кей, — прохрипел он, пробуждаясь от глубочайшего сна.

Стало быть, у него имеется пять минут, чтобы выправить курс корабля, поскольку с автоматическим управлением что-то неладно. Промах с его стороны? Вряд ли: подобных промашек он не допускал еще никогда. Чтобы он, Джейсон Бедфорд, путался в прокладке курса? Ха! Не дождетесь.

Пошатываясь, он добрел до рубки управления… и обнаружил, что Норман, отправленный с ним в рейс за компанию ради его забавы, тоже не спит. Лениво паря в воздухе, описывая круг за кругом под потолком, кот гонял лапой из угла в угол ручку, неизвестно как высвободившуюся из зажима.

«Странно», — подумал Бедфорд.

— А я-то думал, ты тоже в отключке, вместе со мной, — пробормотал он, изучая показания курсографа.

Невероятно! Отклонение на одну пятую парсека в направлении Сириуса… как минимум лишняя неделя полета!

Помрачнев, Бедфорд умело, с обыкновенной точностью поправил настройки автопилота, а после отправил на Мекнос III, в пункт назначения, предупреждение о задержке.

— Затруднения? — сухо, холодно откликнулся мекносский радист.

Выверенная монотонность голоса, присущая всем мекносцам без исключения, каждый раз наводила Бедфорда на мысли о змеях.

Поморщившись, он в двух словах объяснил положение.

— Вакцина нужна нам срочно, — напомнил мекносец. — Впредь постарайтесь держаться курса точнее.

Кот Норман, величаво паривший посреди рубки, изогнулся и шлепнул по пульту когтистой лапой. Нажатые наугад кнопки откликнулись на удар негромким «би-ип»… а корабль изменил курс.

— Так это твоя работа?! — прорычал Бедфорд. — Вот, значит, кто опозорил меня в глазах инопланетян! Вот кто выставил меня идиотом перед лицом чуждого разума!

Схватив кота, он стиснул мохнатое горло что было сил.

— Что это за странный звук? — осведомился мекносский радист. — Жалобный… наподобие плача.

— Не о чем тут больше плакать, — негромко ответил Бедфорд. — Не обращайте внимания.

Выключив рацию, он отнес тельце кота к сфинктер-клапану утилизатора мусора и вытолкнул в открытый космос, а еще минуту спустя вернулся в тета-камеру и вновь задремал. Уснул мирным, спокойным сном, зная: теперь-то баловаться с управлением некому.

Как только его корабль завершил посадку на Мекнос III, старший из членов мекносской бригады медиков встретил его странной просьбой:

— Нам хотелось бы взглянуть на вашего ручного зверька.

— Ручных животных у меня на борту нет, — ответил Бедфорд, ни в коей мере не покривив душой.

— Согласно поданной нам загодя декларации…

— Знаете, что? Не ваша это забота, — отрезал Бедфорд. — Вакцина доставлена, я отбываю.

— Благополучие и безопасность любой формы жизни — одна из главных наших забот, — воз-

разил мекносец. — Приготовьте корабль к досмотру.

— Ради поисков несуществующего кота? — хмыкнул Бедфорд. — Пожалуйста!

Действительно, никакого кота мекносцы на борту корабля не нашли. В нетерпении переминаясь с ноги на ногу, Бедфорд наблюдал за инопланетянами, старательно осматривавшими каждый из рундуков, каждую из соединительных труб. К несчастью, мекносцам удалось обнаружить десять мешков с гранулами сухого кошачьего корма, и не оставшаяся без внимания находка послужила им поводом для долгой дискуссии на родном языке.

— Ну? Теперь-то мне можно отбыть на Землю? — бесцеремонно вмешался в их разговоры Бедфорд. — График, знаете ли, поджимает!

Что думают, о чем разговаривают инопланетяне, его не интересовало ничуть. Хотелось лишь одного: вернуться в тета-камеру и крепко, надолго уснуть.

— Перед отбытием вам надлежит пройти ПСО. Процедуру полной санобработки, — напомнил старший из мекносских медиков. — Чтобы споры вируса с…

— Это само собой, — перебил его Бедфорд. — Да-

вайте же, не тяните!

По завершении санобработки он немедленно поднялся на борт и начал готовить двигатели к пуску, и тут в рубке ожила, разразилась сигналом вызова рация. Опять кто-то из мекносцев… Кто? А-а, не важно: различать их на вид Бедфорд так и не научился.

— Как звали кота? — спросил мекносец.

— Норман, — с улыбкой ответил Бедфорд и изо всех сил вдавил в пульт клавишу зажигания.

Корабль, взревев дюзами, взмыл в небеса.

Однако вскоре Бедфорду сделалось вовсе не до улыбок: источник электропитания для тета-камеры исчез без следа. Не обнаружив на месте и запасного, Бедфорд окончательно помрачнел.

«Неужто забыл захватить? — подумал он. — Нет, быть такого не может. Это они… это все их проделки!»

До Терры два года лету. Два года в полном сознании, лишенному тета-сна… Два года сидеть пристегнутым к креслу, или парить в невесомости, или же, совершенно свихнувшись, забиться в угол, съежиться, как показывали в учебных голофильмах на курсах военной подготовки…

Забарабанив по клавишам, он отправил на Мекнос III просьбу о возвращении, однако ответа

не получил.

Вот, значит, как… ну-ну.

Усевшись за пульт управления, он включил миниатюрный бортовой компьютер и заговорил:

— Тета-камера на борту вышла из строя в результате диверсии. Чем порекомендуешь занять два года полета?

НА БОРТУ КОРАБЛЯ ИМЕЕТСЯ АВАРИЙНЫЙ ЗАПАС ВИДЕОЗАПИСЕЙ РАЗВЛЕКАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА.

— Да, точно, — сообразил Бедфорд. — Спасибо.

«Проклятие… мог бы сам вспомнить!»

Повинуясь нажатию кнопки, дверцы шкафчика с видеопленками бесшумно разъехались в стороны.

Никаких пленок! На полках — шаром покати. Только в углу сиротливо притулилась кошачья игрушка, миниатюрный набивной мячик, прилагавшийся к Норману… который Бедфорд так и не удосужился выдать коту.

«Ох уж эти инопланетцы, — подумал Бедфорд. — Чуждый разум. Чуждый, загадочный, бессердечный».

— Ладно, — как можно спокойнее, убедительнее заговорил он, запустив бортовой аудиоре-

кордер, — поступим так. Распишем эти два года, каждый день, по часам. Чем их занять? Прежде всего завтраки, обеды и ужины. Как можно больше времени уделить составлению меню, приготовлению, поеданию… одним словом, наслаждению изысканной кухней. За время полета все мыслимые сочетания продуктов успею перепробовать!

С трудом поднявшись на ноги, он направился к массивному рундуку со съестными припасами, распахнул дверцы…

…И замер, в изумлении уставившись на ровные штабеля одинаковых пакетов, заполнявших рундук снизу доверху.

«Одна-ако, — подумал он. — Если из продуктов под рукой только двухлетний запас сухого кошачьего корма, тут в смысле разнообразия тоже особо не разгуляешься. Ну-ка: может, хоть вкусы разные?»

Увы, весь корм в рундуке оказался одного и того же сорта.

Кое-какие мысли задним числом. Послесловие

Главная, доминирующая предпосылка всех моих рассказов заключается вот в чем. Если мне когда-нибудь доведется встретиться с представителями неземного разума, куда чаще именуемыми «пришельцами из космоса», я наверняка смогу сказать им куда больше, чем соседу из дома напротив. Чем заняты люди, живущие в нашем квартале? Уносят в дом газеты и почту из ящиков, садятся в машины и уезжают. Других, так сказать, внедомашних повадок, кроме стрижки газонов, у них нет. Однажды, заглянув к соседям, чтобы понаблюдать за их повадками в домашней среде обитания, я застал их сидящими перед телевизором. Удастся ли, взявшись писать научно-фантастический роман, построить на этих предпосылках культурную модель? Разумеется, нет: подобного общества не существует, не может существовать иначе как в моем воображении… да и воображение чересчур напрягать не потребуется.

К счастью, выход из этой среды, из атмосферы,

порожденной скудной фантазией, есть, а заключается он в мысленном контакте с иными, еще не родившимися на свет цивилизациями. Читая научную фантастику, вы делаете то же самое, что делаю я, когда пишу ее: скорее всего, соседи для вас столь же чуждая форма жизни, как и для меня. По сути, каждый рассказ, каждая повесть в этом собрании сочинений — попытка прислушаться, уловить слова, доносящиеся извне, из дальней дали, негромкие, едва различимые, однако исполненные глубочайшего смысла. Слышны они только поздней ночью, когда дневной шум и гам нашего мира сходит на нет, когда прочитаны все газеты, выключены все телевизоры, а все машины загнаны в гаражи. Тогда-то мне и удается расслышать негромкие голоса с какой-то иной звезды: однажды я засек время и обнаружил, что лучше всего слышу их с 3:00 до 4:45. Но, разумеется, людям, интересующимся, откуда у меня берутся идеи, я о них не рассказываю. Отвечаю просто: сам, дескать, не знаю, и все. Сам удивляюсь. Так оно гораздо спокойнее.

Давайте возьмем мои рассказы и примем за данность, что это, во-первых, исковерканные, неверно понятые послания извне вперемешку с выдумками чистой воды и, во-вторых, какая-

никакая альтернатива полноцветной рекламе собачьего корма на телеэкранах. Обе посылки благополучно минуют кольцо непосредственного окружения. Обе до отказа, изо всех сил тянутся вдаль. Обе пронзают пространство и возвращаются с чем-либо новеньким, докладывают: так-де и так, вселенная полна хитроумных, живых, хлопотливых созданий, деловито преследующих собственные цели и ведать не ведающих об интересах других, отчужденных от собственных соседей, а самое главное, непрестанно гадающих, с кем бы наладить контакт, когда вокруг нет никого подходящего. Раздумывающих, кто может жить той же жизнью, что и они. Возможно, грезящих о нас с вами.

Львиная доля этих рассказов создавалась, когда жизнь моя была много проще и много осмысленнее. Когда я без труда отличал мир реальный от мира, о котором пишу. В перерывах я обычно копался в саду и вот что могу сказать: в узкобороздниках однобоком, он же — августинова трава, нет ничего фантастического, ничего надпространственного… если только ты не писатель-фантаст, в каковом случае довольно скоро начинаешь поглядывать на узкобороздник с нешуточным подозрением. Каковы его истинные мотивы? Кто,

черт возьми, мог подослать его к нам?

И, разумеется, главный вопрос, которым я каждый раз невольно задаюсь: что он такое на самом деле? Газонная травка? Ха! Это только для виду. Настанет день, и «безобидная травка», сбросив личину узкобороздника, явит всему миру истинное свое существо. К тому времени узкобороздник заполонит все вокруг вплоть до Пентагона, и ничего уже не поделаешь. Дальше игра пойдет на условиях узкобороздника — вернее, силы, которую мы по наивности принимали за него.

На таких предпосылках я строил ранние рассказы. Позднее, когда моя личная жизнь сделалась гораздо сложнее, намотала множество неудачных оборотов, тревоги насчет узкобороздника куда-то пропали. Понемногу я осознал, что величайшие беды и горести вовсе не сыплются на голову, прилетая с далеких планет, а всплывают наверх из глубин собственного сердца. Конечно, совпадения того и другого тоже не исключены: допустим, ушла от тебя жена, забрав с собой дочь, сидишь ты один в опустевшем доме, не зная, ради чего жить дальше, и тут тебя, пропилив дыру в крыше, хватают, волокут на корабль нагрянувшие в гости марсиане.

Каков смысл рассказов, собранных под этой

обложкой? Нет, расхожей отговоркой — рассказу-де положено говорить самому за себя — я не воспользуюсь. Воспользуюсь другой, настолько же популярной: сам, если честно, не знаю. То есть не знаю ничего свыше того, что там уже сказано, а это любой читатель сам без труда способен извлечь из текста. Как-то раз ребятишки — целый класс — прислали мне ворох писем по поводу рассказа «Притворяха»: всем до единого очень хотелось знать, откуда я взял такую идею. С тем, что сказать, трудностей не возникло, так как в основу идеи легли мои собственные детские воспоминания об отце, но позже, перечитав ответные письма, я заметил, что ни разу не повторился. Что от чистого сердца, ничуть не кривя душой, ответил каждому из ребят по-разному. Наверное, такова суть всякого беллетриста: дай ему полдюжины фактов, и он свяжет их воедино так, а потом эдак, и третьим, и четвертым манером, и не уймется, пока силком от стола не оттащишь.

Пожалуй, литературную критику следует оставить критикам: в конце концов, это ведь их, не наша работа. Однажды мне довелось прочесть в одном серьезном, солидном труде, посвященном научной фантастике, что брошь, которой Джулиана, одна из персонажей «Человека в высоком

замке», закалывает вырез платья, воплощает собой нечто, связующее все темы, идеи и побочные сюжеты романа как такового — о чем я, работая над тем куском, даже не подозревал. Но что, если Джулиана, также не подозревающая ни о чем подобном, взяла бы да сняла брошь? Весь роман развалился бы, расползся по швам? Или как минимум распахнулся бы посредине, обнажая роскошный бюст, — отчего ее возлюбленный и настоял на броши? Ладно. По крайней мере, эти рассказы я постараюсь избавить от брошей, булавок и прочих застежек.

Главное преимущество рассказа перед романом таково: здесь главный герой заключен в рамки кульминационного момента жизни, тогда как в романе за ним приходится следить со дня рождения до самой — или почти до самой — смерти. Откройте любой роман наугад, и происходящее наверняка окажется непроходимо скучным или бессмысленным. Искупается это только за счет стиля. То есть дело не столько в событиях, сколько в том, как о них рассказать. Стиль, позволяющий описать все, что заблагорассудится, профессиональный романист нарабатывает довольно быстро, и содержание растворяется в нем, как по волшебству. С рассказом такой номер не

пройдет. В рассказе, хочешь не хочешь, должно случиться что-либо значимое. Думаю, из-за этого талантливые профессиональные литераторы и переключаются на романы, как только окончательно отточат стиль. К примеру, Вирджиния Вулф в итоге «доросла» до произведений вообще ни о чем.

Помнится, мне, прежде чем сесть за очередной рассказ, каждый раз требовалась идея. Некая связная концепция, четкий замысел, ложащийся в основу сюжета. Чтобы любой из них позволял сказать: «А ты читал рассказ о…» — и в двух словах описать, о чем там говорилось. Если суть научной фантастики, как утверждает доктор Уиллис Макнелли, заключена в идеях, если идея и есть ее настоящий «герой», выходит, рассказ — идеальная, высшая форма научно-фантастического жанра на все времена, тогда как роман — просто расширение, разветвление рассказа во все возможные стороны. Каждый мой роман — либо обогащенный подробностями, расширенный до размеров романа ранний рассказ, либо сплав нескольких ранних рассказов, наложенных один на другой. Рассказ — в буквальном смысле слова зародыш, бутон, подлинный его дистиллят. Кстати, изложить в форме романов некоторые

из лучших, самых дорогих для меня идей мне так и не удалось. Вопреки всем моим потугам существуют они только в виде рассказов.

Филип К. Дик

(из сборника «Лучшие рассказы и повести Филипа К. Дика»), 1976 г.

Примечания

Примечания, выделенные курсивом, написаны Филипом К. Диком. Годы их написания указаны в скобках в конце каждого раздела. Большая часть этих примечаний предназначалась для сборников «Лучшие рассказы и повести Филипа К. Дика» (год издания — 1977-й) и «Золотой человек» (год издания — 1980-й), остальные написаны по просьбе редакторов, публиковавших либо переиздававших отдельные рассказы в антологиях или журналах.

Непосредственно за названием произведения следует дата получения рукописи произведения агентом Дика согласно данным литературного агентства Скотта Мередита. Отсутствие даты означает, что таких данных нет. Название журнала с указанием месяца и года выпуска номера указывает, где и когда произведение впервые появилось в печати. В скобках после названий произведений приведены изначальные авторские варианты названия согласно данным литературного агентства.

В этом четырехтомнике собраны все расска-

зы и повести Филипа К. Дика, за исключением рассказов и повестей, впоследствии опубликованных как романы либо включенных в романы, произведений, написанных им в детские годы, и неопубликованных произведений, рукописей которых не удалось отыскать. Включенные в данное издание рассказы и повести приведены в хронологический порядок согласно времени написания, насколько это представлялось возможным. Хронологические исследования выполнены Грегом Рикманом и Полом Уильямсом.

Орфей на глиняных ногах

[Orpheus with Clay Feet] 16 апреля 1963 г. Опубликовано в «Escapade» примерно в 1964 г. под псевдонимом Джек Дауленд.

Эпоха Прелестницы Пат

[The Days of Perky Pat] 18 апреля 1963 г. «Amazing», декабрь 1963 г.

Идея «Эпохи Прелестницы Пат» осенила меня внезапно, будто гром с ясного неба, при виде дочерей, играющих с куклами Барби. Очевидно, сверх меры развитые анатомически, эти куклы вовсе не предназначались — точнее, не должны были предназначаться — для детей. Барби и Кен представляли собой пару взрослых в миниатюре, а замысел заключался в том, что им обоим постоянно требовалось покупать бессчетные обновки, иначе Кен с Барби не поспеют за модой, выбьются из привычного стиля жизни. Сколько раз снилось мне, как Барби является в мою спальню посреди ночи и говорит: «Мне срочно нужна норковая шубка»… или, еще того не легче: «Эй, верзила, не хочешь ли прокатиться со мной до Вегаса на гоночном „Ягуаре“?» Как я боялся, что жена, застав нас с Барби вдвоем, пристрелит меня на месте!

Покупка «Эпохи Прелестницы Пат» журналом «Amazing» оказалась настоящей удачей, так как

в то время «Amazing» редактировала Сел Голдсмит, одна из лучших редакторов в области НФ. Авраам Дэвидсон из «Fantasy and Science Fiction» ее отверг, но позже признался, что просто не слышал о кукле Барби, иначе купил бы рассказ наверняка… а я человека, не слышавшего о Барби, даже представить себе не мог! Мне приходилось иметь дело с ней и ее дорогостоящими приобретениями регулярно. Все равно что содержать в рабочем состоянии телевизор: и телевизору, и Барби постоянно что-нибудь да требовалось. По-моему, хоть Кену-то следовало бы покупать себе наряды самому.

В те времена, в начале шестидесятых, писал я много: именно тогда появились на свет некоторые из лучших моих романов, рассказов и повестей. Работать дома жена запрещала, и потому я, сняв за двадцать пять долларов в месяц небольшую хижину, каждое утро пешком отправлялся туда. Находилась она за городом, и во время прогулки мне попадались на глаза разве что пара-другая коров на выпасе да моя собственная отара овец, неизменно трусивших куда-то вслед за бараном с колокольчиком на шее, а больше не предпринимавших ровным счетом ничего. Сидя с утра до вечера взаперти, в четырех стенах,

я чувствовал себя ужасно одиноко. Возможно, скучал по Барби, оставшейся дома, с дочерьми. Если так, выходит, «Эпоха Прелестницы Пат» — плод воображения, подстегнутого тоской: как я, пожалуй, обрадовался бы, появись Барби — или Прелестница Пат, или Компанейская Конни — на пороге моей хижины!

Однако вместо них мне явилось нечто ужасное — ужасающее видение, лик Палмера Элдрича, ставший основой романа «Три стигмата Палмера Элдрича», можно сказать, порожденного рассказом о Прелестнице Пат.

Представьте: иду я однажды проселком, ведущим к той загородной хижине, предвкушая очередные восемь часов за письменным столом, в полной изоляции от всего человечества, поднимаю взгляд и вижу в небе лицо! Не то чтоб действительно вижу, но знаю: лицо там, в вышине, причем вовсе не человеческое — скорее уж исполинская маска абсолютного зла. Теперь-то я сознаю — и, думаю, смутно осознал сразу же, — что причиной видения послужили многие месяцы одиночества, нехватки общения с людьми, сенсорной депривации как таковой, в чистом виде… словом, как бы там ни было, а отрицать явление этого лика казалось невозможным. Громадный,

заполнивший добрую четверть небесного свода, пустые темные щели на месте глаз, стальной, неописуемо беспощадный, этот лик, что самое страшное, принадлежал Господу нашему, Богу!

Опомнившись, я тут же поехал в нашу церковь, в Епископальную Церковь Святого Колумбы[75], и рассказал обо всем приходскому священнику. Священник, придя к заключению, что я узрел лик самого Сатаны, посоветовал принять миропомазание — нет, не Последнее помазание, всего лишь Врачующее. Увы, его средство не помогло. Стальной лик упорно маячил в небе, взирал на меня, идущего к хижине, каждый день.

Годы спустя — спустя долгое время после того, как я написал «Три стигмата Палмера Элдрича» и продал роман издательству «Даблдэй», впервые удостоившись их внимания, — точно такой же лик случайно попался мне на глаза в очередном номере журнала «Life». Оказался он просто-напросто одним из наблюдательных бронеколпаков, сооруженных французами на Марне во время Первой мировой войны. Во Втором Марнском

---

[75] Примечания: 75

Колумба Ионский (ирл.: Коллум Килле) — христианский святой, просветитель Шотландии, представитель рода Верховных королей Ирландии и наследник их трона, отказавшийся от короны и ставший монахом.

сражении довелось поучаствовать и моему отцу, служившему в Пятом полку морской пехоты, одной из первых американских военных частей, отправленных в Европу, в самую гущу этой ужасной бойни. Когда я был совсем мал, отец, показывая мне и военный мундир, и противогаз со всей системой газоочистки, рассказывал, как солдаты, поддавшись панике во время газовых атак — ведь древесный уголь в фильтрующей коробке не вечен, — порой срывали противогазы и пускались бежать. Воспоминания отца о войне, игры с его противогазом и каской нагоняли на меня, малыша, нешуточный страх, но страшнее всего становилось, когда противогазную маску надевал отец. В такие минуты лицо отца исчезало, и отец становился не отцом — кем-то совсем другим, даже не человеком… а мне тогда было только четыре года. После родители развелись, и я не видел отца много лет. Однако образ противогаза на его лице, наложенный на истории о людях с кишками, вываливающимися из распоротых животов, о людях, разорванных шрапнелью, спустя не одно десятилетие, в 1963-м, преследовал меня, идущего безлюдным проселком в полном одиночестве, каждое утро — обернувшись стальным, слепым нечеловеческим ликом, исполинским

надмирным воплощением абсолютного зла.

Тогда я решил изгнать его, написав о нем, и написал, и после этого лик в небесах больше не появлялся. Однако я, видевший Дьявола собственными глазами, и тогда говорил, и по сей день говорю: «Зло носит железный лик». Хотите полюбоваться, взгляните хоть на изображения древнегреческих коринфских шлемов. Отправляясь воевать, сеять ужас и смерть, люди прячут лицо под железными масками с давних-давних времен. Такие же маски носили и рыцари-христиане, с которыми бился, отражая вторжение Ливонского ордена, Александр Невский: если вы видели фильм Эйзенштейна, то сразу поймете, о чем я. Все они выглядели одинаково. Сам я, посмотрев «Александра Невского» уже по завершении «Трех стигматов», будто бы снова увидел жуткое существо, взиравшее на меня с неба в 1963-м, существо, в которое на моих глазах превращался отец, когда я был совсем маленьким.

Таким образом, «Три стигмата» — роман, порожденный сильнейшими из моих атавистических страхов, уходящих корнями в раннее детство, и, несомненно, тесно связанных с ощущением одиночества и тоской, навеянной уходом отца из семьи. В романе отец появляется

дважды: как Палмер Элдрич, отец злой, демонический, прячущий лицо под маской, и как добрый, отзывчивый, любящий, человечный, несмотря на суровость, Лео Булеро. Можно сказать, роман этот — выплеск сильнейшей на всем белом свете душевной боли: в 1963-м я вновь испытал то самое одиночество, которое пережил в детстве, после разлуки с отцом, и весь страх, весь ужас, описанный в «Трех стигматах» — чувства отнюдь не вымышленные, не придуманные, дабы заинтересовать читателя. Чувства эти — тоска по доброму отцу, страх перед злым отцом, отцом, бросившим меня в детстве, — исходят из самого сердца.

Ну, а в рассказе «Эпоха Прелестницы Пат» я отыскал тематическую основу романа, который захотел написать. Понимаете, Прелестница Пат — воплощение вечно манящей, вечно желанной красоты, «das ewige Weiblichkeit», вечной женственности, как выразился Гёте. Изоляция породила роман, а рассказ порожден тоской; так роман и получился смешением страха оказаться брошенным с грезами о красавице, ждущей меня где-то там… один Бог знает где: мне это до сих пор неизвестно. Точно скажу одно: если целыми днями сидишь за пишущей машинкой,

выдаешь на-гора рассказ за рассказом, и все это время рядом нет ни души, все это время тебе не с кем даже словцом перекинуться, однако формально у тебя есть четыре дочери и жена, выгнавшая, выставившая тебя из дому в хибарку с однослойными стенами, где зимой такой холод, что чернильная лента пишущей машинки замерзает в буквальном смысле этого слова… да, в таком случае со временем ты наверняка напишешь нечто о стальных лицах с прорезями вместо глаз и о нежных, пылких юных девушках. Обо всем этом я и написал… и пишу по сей день.

Отклики «Три стигмата» вызвали неоднозначные. Кое-кто из английских обозревателей счел их чистой воды богохульством. Несколько позже Терри Карр, мой агент из литературного агентства Скотта Мередита, обозвал роман «полной шизой», хотя впоследствии изменил мнение. Некоторые обозреватели оценили его как глубокое, весьма содержательное произведение искусства. Сам я считаю «Три стигмата» просто страшными. Настолько пугающими, что даже не смог, не рискнул вычитать гранки. Роман этот — жуткое погружение в мистику, в сверхъестественное, в абсолютное зло, каким оно в те времена виделось мне. Скажем так: я очень

хотел, чтобы однажды в мою дверь постучалась Прелестница Пат, но цепенел от ужаса, воображая, как отзовусь на стук и вместо Прелестницы Пат обнаружу за дверью Палмера Элдрича. Правда, если уж начистоту, за семнадцать — почти семнадцать — лет, минувших с тех пор, как роман был написан, ни он, ни она навестить меня не удосужились. Наверное, такова уж проза обыденной жизни: то, чего сильнее всего боишься, в действительности не сбывается никогда, но и то, о чем сильнее всего тоскуешь, никогда не сбывается тоже. Этим жизнь и отличается от беллетристики… и, по-моему, к лучшему, хотя в этом я порой сомневаюсь. (1979 г.)

Резервист

[Stand-By] 18 апреля 1963 г. «Amazing», октябрь 1963 г. Входит в условный цикл «Джим Брискин».

Как же быть с Рэглендом Парком?

[What'll We Do with Ragland Park?] 29 апреля 1963 г. «Amazing», ноябрь 1963 г. Входит в условный цикл «Джим Брискин». Альтернативное название рассказа No Ordinary Guy.

Ах, у блобеля житье!..

[Oh, To Be a Blobel!] 6 мая 1963 г. «Galaxy», февраль 1964 г.

На заре писательской карьеры, в начале пятидесятых, главной моей экономической опорой был «Galaxy». Хорасу Голду из «Galaxy» нравилось мое творчество, тогда как Джон У. Кэмпбелл-младший из «Astounding» считал его не просто никчемным, но, как сам выражался, «полной белибердой». В общем и целом, «Galaxy» я читал с удовольствием, поскольку там не стеснялись расширять спектр идей, отваживаясь углубляться в гуманитарные направления наподобие социологии с психологией, в то время как Кэмпбелл — однажды он мне так прямо и написал! — считал непременной основой научной фантастики существование псиоников и ни о чем другом не желал даже слышать. Вдобавок Кэмпбелл утверждал, что персонажи-псионики в любом сюжете должны играть главную роль, возглавлять все, что бы там ни происходило. Одним словом, «Galaxy» обеспечивал широту взглядов, которой «Astounding» мог только позавидовать. Однако меня угораздило насмерть рассориться с Хорас-

ом Голдом, обладавшим манерой править чужие рассказы без ведома авторов, добавляя от себя и персонажей, и целые эпизоды, а печальные концовки вычеркивая и заменяя их оптимистическими. Многих авторов это возмущало, а я не только возмутился, но и, невзирая на то что «Galaxy» служил мне основным источником заработка, пригрозил Голду прекратить сотрудничество, если он не прекратит править мои рассказы… и после этого он не купил у меня ни строки.

Больше я в «Galaxy» не появлялся до тех самых пор, пока его редактором не стал Фред Пол. Рассказ «Ах, у блобеля житье!..» купил у меня именно он. В этой истории со всей очевидностью выражены мои стойкие антивоенные убеждения, снискавшие, как сие ни смешно, бурное одобрение Голда, однако я-то держал в уме вовсе не войну во Вьетнаме, а войну вообще — особенно ее обыкновение стричь всех под одну гребенку, уподобляя нас врагу. Однажды Гитлер сказал, что истинным триумфом нацизма станет вынужденное преображение противника — в частности, США — в подобие Третьего рейха, то есть в тоталитарное общество, ради победы. Таким образом, Гитлер рассчитывал победить, даже проиграв. Сколько раз я, наблюдая, как разрастается после

Второй мировой американский военно-промышленный комплекс, вспоминал о расчетах Гитлера и думал: как же этот сукин сын оказался прав! Да, мы побили Германию, однако и Соединенные Штаты, и СССР — при своих-то необъятных полицейских аппаратах — с каждым днем уподобляются нацистам все сильнее и сильнее. Что ж, по-моему, в этом имеется некоторая — увы, не такая уж большая — толика горького юмора. Возможно, мне еще удастся написать что-либо на данную тему, не слишком углубляясь в полемику, однако вопрос, затронутый в моем рассказе, — вопрос вполне насущный. Посмотрите, кем нам пришлось стать во Вьетнаме, только чтобы проиграть, не говоря уж о победе! Посмотрите, представьте, во что пришлось бы нам превратиться, чтоб победить! Представьте, как посмеялся бы, видя все это, Гитлер, причем посмеялся бы он в основном над нами… и вполне, вполне заслуженно. Вполне заслуженно хохотал бы над нами от всей души — гулко, мрачно, без капельки юмора какого-либо пошиба. (1979 г.)

Здесь мною выставлена на всеобщее обозрение, доведена до абсурда бессмысленная ирония войны. Человек преображается в блобеля, а блобель, его враг, преображается в человека, и в этом заклю-

чена вся тщета, весь черный юмор, весь идиотизм ситуации — и это при том, что история для всех заканчивается хорошо. (1976 г.)

Черный ящичек

[The Little Black Box] 6 мая 1963 г. «Worlds of Tomorrow», август 1964 г. Рассказ-приквел к роману «Мечтают ли андроиды об электроовцах?».

Этим рассказом я воспользовался, когда писал роман «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», но, если уж начистоту, в рассказе главная идея очерчена много лучше. Религия здесь воспринимается как угроза для всех без исключения политических систем и посему тоже является своего рода политической системой — возможно, даже абсолютной. Понятие «каритас», или «агапе», служит в моих творениях ключевым свойством подлинного человека: андроиды — псевдолюди, машины, управляемые рефлексами, — не способны к сочувствию, к состраданию. В самом ли деле Мерсер — пришелец из иного мира? Однозначного ответа на этот вопрос рассказ не дает, но, скорее всего, да. В каком-то смысле все духовные вожди в нашем мире — пришельцы… пусть даже не с иных планет как таковых. (1978 г.)

Война с фнулами

[The War with the Fnools] «Galactic Outpost», весна 1964 г.

Что ж, нас опять вознамерились завоевать, причем, как это ни унизительно, таких нелепых завоевателей еще не знала история вторжений с иных планет. Однажды мой коллега, Тим Пауэрс, заметил, что марсиане могли бы захватить Землю безо всяких хлопот, попросту напялив дурацкие колпаки: в таком случае мы даже ничего не заметим. Такое вот малобюджетное завоевание. По-моему, мы уже доросли до того, что видим во вторжении на Землю инопланетных захватчиков повод повеселиться. Вот тут-то нас — цап! — и застанут врасплох. (1978 г.)

Безвыигрышная лотерея

[A Game of Unchance] 9 декабря 1963 г. «Amazing», июль 1964 г.

Заезжие балаганщики оказываются беспощадными хищниками. Балаганщики, прилетевшие им на смену, противостоят им, однако план их заочного антитетического взаимодействия изначально подразумевает выигрыш первых… как будто две противоположные силы, лежащие в основе всех перемен во вселенной, сговорились сжульничать, подыграв танатосу, темной силе, инь, вражде — то есть разрушительному началу. (1978 г.)

Самое драгоценное

[Precious Artifact] 9 декабря 1963 г. «Galaxy», октябрь 1964 г.

Этот рассказ строится на весьма своеобразной, однако, как заметила профессор Патриция Уоррик, обычной для меня логике. Вот, скажем, есть у нас Y. Кибернетическое сальто и Y — алле-оп! — превращается в нуль-Y. О'кей, переворачиваем его с ног на голову снова и получаем нуль-нуль-Y. О'кей, вопрос: чему равен нуль-нуль-Y? Y3? Или, так сказать, нуль-Y углубленному? В данном рассказе — вроде бы Y, однако затем мы обнаруживаем, что истинно все же обратное (нуль-Y). Однако затем и этот ответ становится ложным, и что же? Выходит, мы возвращаемся обратно, к Y? Профессор Уоррик говорит, что итогом моих логических построений станет Y, равный нуль-Y. Тут я с ней не согласен, однако чем все это должно завершиться, сам точно сказать не могу. Как бы там ни было, вся логика — здесь, в рассказе. Либо я изобрел ни много ни мало новую логику, либо… к-хм… как говорится, малость «того». (1978 г.)

Защитная реакция

[Retreat Syndrome] 23 декабря 1963 г. «Worlds of Tomorrow», январь 1965 г.

Терранская одиссея

[A Terran Odyssey] 17 марта 1964 г. Ранее не публиковался до 1987 года. В переработанном виде включен в роман «Доктор Бладмани, или Как мы стали жить после бомбы».

Вам назначено на вчера

[Your Appointment Will Be Yesterday] 27 августа 1965 г. «Amazing», август 1966 г. В переработанном виде включен в роман «Время, назад».

Теологический спор

[Holy Quarrel] 13 сентября 1965 г. «Worlds of Tomorrow», май 1966 г.

Вспомнить все

[We Can Remember It for You Wholesale] 13 сентября 1965 г. «Fantasy & Science Fiction», апрель 1966 г. Номинирован на премию «Небьюла» и премию Stalker. Существуют экранизации: «Total Recall» Пола Верховена (1990), ремейк Лена Уайзмена (2012) и телесериал «Total Recall 2070» (1999).

Не суди по обложке

[Not By Its Cover] 21 сентября 1965 г. «Famous Science Fiction», лето 1968 г.

Здесь я изобразил давнюю свою мечту — мечту, чтобы Библия оказалась правдой. Очевидно, в те времена я колебался между верой и сомнениями, и ту же позицию занимаю до сего дня. Мне очень хотелось бы, чтобы Библия оказалась правдой, но… что ж, если это не так, быть может, нам еще удастся изменить ситуацию к лучшему. Вот только работы, увы, потребуется немало… (1978 г.)

Матч-реванш

[Return Match] 14 октября 1965 г. «Galaxy», февраль 1967 г.

Мотив опасных для человека игрушек тянется истрепанной нитью сквозь все мое творчество. Нечто опасное, замаскированное под нечто невинное… а что может быть невиннее игрушки? Этот рассказ напомнил мне о комплекте громадных аудиоколонок, к которому я присматривался на прошлой неделе: стоят шесть тысяч долларов, а величиной больше холодильника. Мы еще на их счет пошутили: не придешь в магазин аудиотехники взглянуть на них, они сами явятся поглядеть на тебя. (1978 г.)

Вера наших отцов

[Faith of Our Fathers] 17 января 1966 г. Антология «Опасные видения», редактор-составитель — Харлан Эллисон, изд-во «Garden City», 1967 г. Номинирован на премию «Хьюго».

Название этого рассказа повторяет название старинного религиозного гимна. По-моему, здесь я умудрился оскорбить всех до единого, что на тот момент казалось прекрасной идеей, но впоследствии я не раз об этом жалел. Коммунизм, наркотики, секс, Господь Бог — все собрано в кучу… и, кажется, когда надо мной спустя годы обрушилась крыша, без «Веры наших отцов» дело явно не обошлось. (1976 г.)

Нет, я не отстаиваю ни одну из идей, высказанных в «Вере наших отцов». К примеру, вовсе не утверждаю, что страны Железного Занавеса победят — или, хотя бы с этической точки зрения, должны победить — в холодной войне. Однако, учитывая результаты последних экспериментов с галлюциногенными наркотиками, переживания теологического характера, описанные многими из принимавших ЛСД, одна из затронутых

в рассказе тем кажется мне очень и очень заманчивой. По-моему, человечество воистину достигло нового рубежа: ведь теперь религиозный опыт можно, до определенных пределов, изучать научными методами… и, мало того, рассматривать как галлюцинации частичные, содержащие иные, вполне реальные компоненты. Обычно Бог, если вообще появляется в научной фантастике, рассматривается полемически, как, например, в романе К. С. Льюиса «За пределы безмолвной планеты», но я предпочитаю видеть в данной теме предмет для захватывающей интеллектуальной игры. Что, если при помощи психоделиков религиозный опыт станет обычным делом в жизни интеллектуалов? Старику-атеизму, казавшемуся многим из нас — включая меня — концепцией вполне обоснованной с точки зрения чувственного опыта, вернее, отсутствия такового, придется сию же минуту отойти в уголок. Научная фантастика, неустанно исследующая то, что вот-вот будет осмыслено, в итоге окажется лицом к лицу с необходимостью задуматься о будущем неомистическом обществе, где теология обретет ту же могучую силу, что и в период Средневековья. И это вовсе не обязательно станет шагом назад, поскольку теперь все

наши верования можно будет проверить на практике, а уж практика немедленно расставит все по местам. У меня лично нет никаких определенных представлений о Боге — лишь чувственный опыт, показывающий, что Он существует… да, разумеется, субъективный, но, согласитесь, внутренняя реальность тоже вполне реальна! Ну а в научно-фантастическом произведении автор проецирует личный опыт в окружающую среду, и, сделавшись достоянием общества, данный опыт становится доступен для обсуждения. Впрочем, возможно, последнее слово на предмет Бога уже сказано задолго до нас, в 840 году нашей эры, Иоанном Скотом Эригеной при дворе франкского короля Карла Лысого: «Нам неизвестно, что есть Бог. Что есть Бог, неведомо Ему самому, ибо Он не есть нечто. Скажу без преувеличения, Бог есть ничто, ибо Он превосходит само бытие». Согласитесь, столь проницательные, истинно дзенские мистические воззрения, высказанные так давно, превзойти трудновато: в сравнении с Эригеной мой собственный опыт, мои озарения, почерпнутые из экспериментов с психоделиками, откровенно ничтожны. (1966 г.)

История, подводящая итог всем рассказам из антологии Харлана Эллисона «Опасные видения»

[The Story to End All Stories for Harlan Ellison's Dangerous Visions] фэнзин «Niekas», осень 1968 г.

Электрический муравей

[The Electric Ant] 4 декабря 1968 г. «Fantasy & Science Fiction», октябрь 1969 г.

Опять та же тема: многое ли из того, что мы зовем «реальностью», существует вне пределов нашей собственной головы? Концовка этого рассказа пугает меня до сих пор. Ветер, свищущий, воющий в пустоте… такое чувство, будто персонаж слышит предсмертный стон гибнущего, распадающегося мира. (1976 г.)

Сказка о бобре по имени Шоколадерри, которому вечно чего-нибудь не хватало

[Cadbury, the Beaver Who Lacked] Написан в декабре 1971 г. Не публиковался до 1987 года.

Приятный сюрпризец для нас, темпонавтов

[A Little Something for Us Tempunauts] 13 февраля 1973 г. Антология «Последняя стадия», редакторы-составители — Эдвард Л. Ферман и Барри Н. Малзберг (1974).

В этот рассказ выплеснуто безмерное разочарование в программе освоения космоса, так взволновавшей нас поначалу, — чего стоила одна только первая высадка на Луну! — а после всеми забытой, практически замороженной, канувшей в прошлое. Размышляя об этом, я задался вопросом: неужели «программу» путешествий сквозь время ждет та же судьба? А может быть, в них, обусловленное самой природой временных парадоксов, кроется нечто гораздо худшее? (1976 г.)

Квинтэссенция любой истории о путешествиях во времени — какое-либо столкновение; лучше всего, столкновение персонажа с самим собой. Собственно, в этом и заключена суть большинства хороших произведений, однако в рассказе вроде «Приятного сюрпризца для нас, темпонавтов» столкновение лицом к лицу с самим собой

допускает отстраненность, невозможную ни в каком ином литературном жанре… отстраненность, непонимание — чего, впрочем, и следует ожидать. Вот Эддисон Дуг Первый, живой, едет в лимузине следом за катафалком, везущим к кладбищу гроб с телом Эддисона Дуга Второго, и знает об этом, понимает, что в данный момент он — не один человек, а два, разделен надвое, будто бы пораженный телесной, физической шизофренией. Впрочем, разум его тоже скорее расколот надвое, чем един: из происходящего он не извлекает ничего нового ни о себе, ни о том, другом, Эддисоне Дуге, более неспособном рассуждать, раздумывать над решением проблемы, лишь неподвижно лежащем в кромешной тьме. Сей иронический казус — всего-навсего один из множества казусов, какие могут произойти в рассказе о путешествиях сквозь время. Полагать, что перенос в будущее и обратно завершится скорее пополнением знаний, чем их утратой, по меньшей мере наивно. Тройка темпонавтов отправляется в грядущее и волею случая застревает в целой сети парадоксов, причем самым смешным, самым горьким из них мне представляется оторопь, недоумение первопроходцев по поводу собственных же поступков. Как будто выигрыш

в знании, обеспеченный выдающимся технологическим достижением, — в точном знании, что произойдет дальше, — снижает способность к истинному его осмыслению. Наверное, Эддисон Дуг знает чересчур многое...

Работая над этим рассказом, я, усталый, взгрустнувший, сам не заметил, как провалился в пространство — хотя тут лучше сказать «во время» — собственных персонажей глубже обычного. Почувствовал себя беспомощным в высшей степени, в квадрате, в кубе. Ничто не подавляет сильнее стойкого ощущения поражения, а я, отстукивая строку за строкой, осознал: то, что для нас остается проблемой чисто психологической — проблемой чрезмерной осведомленности о вероятности неудачи, ведущей к самому плачевному результату, — для путешественника во времени немедленно превращается в проблему экзистенциальную, вполне реальную камеру пыток. На наше счастье, мы с вами, впадая в депрессию, заключены внутри собственной головы, но как только путешествия во времени станут реальностью, подобные саморазрушительные психологические состояния могут стать причиной неисчислимых бед. И тут научная фантастика снова позволяет писателю перенести

чисто внутренние, психологические проблемы во внешнюю среду, облекает их в форму целого общества, целой планеты, где все до единого, так сказать, застревают навек в некогда обособленном, уникальном сознании. Нет, я ни в чем не виню некоторых читателей, возмущающихся подобными фокусами, поскольку пребывание в чужом сознании, чужом мозгу, далеко не всегда приятно... однако подумайте, сколь ценен для нас этот инструмент, позволяющий осознать, что не все мы видим вселенную под одним углом — и вдобавок необязательно одну и ту же. Благодаря ему сумрачный, жуткий мир Эддисона Дуга, внезапно выплеснувшийся наружу, раздавшийся в ширину, становится миром множества человек. Однако в отличие от читателя, который способен — и отнюдь не преминет, — дочитав рассказ до конца, отрешиться от мира автора, персонажам рассказа деваться некуда. В реальном мире такая степень тирании пока недостижима... но, вдумчиво оценив мощь всеохватного пропагандистского аппарата современных государств — в случае вражеских государств мы называем подобную пропаганду «промывкой мозгов», — вполне резонно задуматься: а может, вопрос только в степени? Да, прямо сию минуту наши славные

вожди еще не способны опутать нас тенетами собственного сознания, попросту обвешавшись гирляндами старых запчастей от фольксвагеновских моторов, однако тревоги персонажей моей истории по праву могут стать нашими: ведь с нами, пусть в меньшем масштабе, происходит нечто очень похожее!

В определенный момент Эддисон Дуг изъявляет желание «больше не видеть лета». На это нам следует решительно возразить: внушать нам подобные взгляды и желания, пусть исподволь, пусть из самых благих побуждений, не позволено никому. Всем нам — всем коллективно и каждому в отдельности — нужно стремиться увидеть как можно больше лет и зим, сколь ни несовершенен наш с вами нынешний мир. (1973 г.)

Предличности

[The Pre-Persons] 20 декабря 1973 г. «Fantasy & Science Fiction», октябрь 1974 г.

Этим рассказом я навлек на себя буйную ненависть Джоанны Расс[76], написавшей мне омерзительнейшее из всех писем, которые я когда-либо получал, и в какой-то момент объявившей, что, как правило, призывает единомышленников к избиениям людей — правда, словом «люди» она в данном случае не воспользовалась, — смеющих высказывать подобные мнения. Признаю, мой рассказ освещает вопрос крайне предвзято. Весьма сожалею, если оскорбил в нем чувства тех, кто не согласен со мной по поводу свободы абортов. Получил я и некоторое количество угрожающих, оскорбительных писем без подписей, причем не только от отдельных читателей, но и от организаций, пропагандирующих свободу абортов. Ну что ж, ладно. На ровном месте плюхнуться в кипяток — таким талантом я отличался с детства. Простите, ребята, но от защиты

[76] Примечания: 76

Джоанна Расс (22 февраля 1937 г. — 29 апреля 2011 г.) — американская писательница-фантастка, педагог, радикальная феминистка.

предличностей я не отступлюсь. Не сдвинусь назад ни на шаг. «Hier stehe ich! Ich kann nicht anders[77]», — как якобы сказал однажды Мартин Лютер. (1978 г.)

[77] Примечания: 77
«На том стою и не могу иначе» (нем.).

Око сивиллы

[The Eye of the Sibyl] 15 мая 1975 г. Не публиковался до 1987 года.

Как мистер Компьютер в один прекрасный день съехал с катушек

[The Day Mr. Computer Fell Out of Its Tree] Написан летом 1977 г. Не публиковался до 1987 года.

Выход, ведущий в ловушку

[The Exit Door Leads In] 21 июня 1979 г. «Rolling Stone College Papers», осень 1979 г.

Цепивоздушные, сетиэфира

[Chains of Air, Web of Aether] 9 июля 1979 г. Антология «Stellar» № 5, редактор-составитель — Джуди-Линн дель Рэй (1980). Другое название The Man Who Knew to Lose. В переработанном виде включен в роман «Всевышнее вторжение».

Сумбурные мысли о смерти

[Strange Memories of Death] 27 марта 1980 г. «Interzone», лето 1984 г. Номинировался на читательскую премию журнала «Interzone».

Надеюсь, полет не затянется

[I Hope I Shall Arrive Soon] 24 апреля 1980 г. «Playboy», декабрь 1980 г. Удостоен премии журнала «Playboy». Публиковался под журнальным названием «Стылый полет» [Frozen Journey].

Казус Раутаваары

[Rautavaara's Case] 13 мая 1980 г. «Omni», октябрь 1980 г. Номинировался на премию Британской ассоциации научной фантастики.

Чуждый разум

[The Alien Mind] 20 февраля 1981 г. «The Yuba City High Times».